Б.Ф. ПОРШНЕВ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ВСТУПЛЕНИЕ В НЕЕ ШВЕЦИИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Б. Ф. ПОРШНЕВ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ВСТУПЛЕНИЕ В НЕЕ ШВЕЦИИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1976

В этой книге рассматриваются сложные проблемы социальной, политической, дипломатической, военной истории европейских государств накануне и на первых этапах Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) — первой всеевропейской войны, разразившейся на рубеже средних веков и нового времени и проходившей на фоне широких народных движений этой переходной от феодализма к капитализму эпохи. По-новому используя широкий круг источников, в том числе богатые материалы русских архивов, Б. Ф. Поршнев показывает место России в системе европейских государств того времени, ее роль в истории Тридцатилетней войны.

Ответственный редактор
Б. Г. ВЕБЕР

П $\frac{10603\text{-}238}{042\ (02)\text{-}76}$ 75-76

© Издательство «Наука», 1976 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Еще в 1940 г. Борис Федорович Поршнев защитил докторскую диссертацию «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)». Опубликованный в 1948 г., труд этот удостоен был в 1950 г. Государственной премии, переведен в 1954 г. на немецкий, а в 1963 г. — на французский язык и вызвал широкий отклик у нас и за рубежом, прежде всего во Франции, где Б. Ф. Поршнев был избран в 1957 г. почетным доктором Клермон-Ферранского университета.

Опираясь на результаты и достижения этого своего исследования, открывавшего, по общему признанию, как бы новую страницу истории французского народа, его социальных движений второй четверти XVII столетия, Б. Ф. Поршнев приступил в годы Великой Отечественной войны к осуществлению смелой попытки выйти за пределы одной изучавшейся им до того страны — Франции, сделать как бы «горизонтальный срез», произвести синхронный анализ процесса развития социальных, политических, международных противоречий в Европе, всей сложной системы европейских государств за тот же период, совпадавший по времени с первой по существу общеевропейской — Тридцатилетней — войной, разразившейся на грани средних веков и нового времени, в годы необычайно широкого размаха по всей Европе массовых народных движений и начавшейся к исходу этого периода Английской буржуазной революции.

Систематически публиковавшиеся Б. Ф. Поршневым на протяжении трех десятилетий многочисленные специальные статьи и обобщающие очерки, его неоднократные доклады и выступления на научных конференциях в СССР и за рубежом по истории международных отношений периода Тридцатилетней войны представляли собой, по широко задуманному и в основном завершенному творческому замыслу автора, отдельные разделы большой исследовательской трилогии, в которой широко сопоставлены две плоскости той переломной эпохи: борьба государств и борьба классов, международные отношения и внутренние социальные движения.

При жизни Б. Ф. Поршнева, в 1970 г., вышла лишь заключительная часть его трилогии — «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.». В этом большом, сложном, богатом по содержанию, интересном и важ-

ном в методологическом отношении труде главное место среди разделов с изложением конкретного материала занимает глава «Английская революция и внешняя политика Франции в условиях Фронды». Основное значение Б. Ф. Поршнев придавал тому, что здесь ему удалось показать «ложность почти общепринятого мнения о взаимном безразличии и пропасти» между французской Фрондой, которая на первом этапе имела характер серьезного революционного движения, и Английской революцией. Выходящая ныне в свет монография «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» была в основном подготовлена к печати еще самим Б. Ф. Поршневым в качестве первой части трилогии. В исследовательских главах нового труда и его непосредственного продолжения — второй, средней, по замыслу автора, но в целом еще не опубликованной части трилогии, — особенно детально освещены и проанализированы международные отношения «шведского» периода Тридцатилетней войны (1630—1635 гг.) на основе прежде всего богатого и фактически почти еще не привлекавшегося историками материала архивных фондов Посольского приказа под рубрикой «Дела шведские» (ЦГАДА). Особенное внимание уделяется при этом роли русской дипломатии, русским субсидиям Швеции, русско-польской Смоленской войне 1632—1634 гг. в истории Тридцатилетней войны. Главная задача заключалась здесь в том, чтобы «вмонтировать, вписать Московское государство в европейскую систему государств, ибо прежняя историография традиционно ампутировала его». В результате, подчеркивал Б. Ф. Поршнев, подводя итоги данному циклу своих исследований, удалось показать, что «именно с этого времени внешняя политика России начинает вступать как неотъемлемый и существенный фактор в общеевропейскую политическую констеляцию... Многое становится впервые понятным в дипломатической и военной истории Тридцатилетней войны, когда мы вводим в поле зрения эту восточноевропейскую сферу. . .»

Рукопись труда «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» подготовлена к печати Сектором истории развития общественной мысли Института всеобщей истории АН СССР в тесном сотрудничестве и при постоянном содействии И. М. Лукомской, жены и друга Б. Ф. Поршнева, непосредственной участницы его научных начинаний. Работа по уточнению библиографических данных выполнена научными сотрудниками Сектора Е. Д. Романовой и Э. И. Валлич.

Мы сочли целесообразным поместить в качестве приложения к настоящей монографии текст доклада Б. Ф. Поршнева на XI Международном конгрессе исторических наук (Стокгольм, 1960 г.), подводящего своего рода итог всей трилогии.

Бор. Вебер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга входит в состав трилогии. По замыслу автора, три монографии должны составить единое исследование системы европейских государств в эпоху Тридцатилетней войны[1]. Случилось так, что раньше других, в 1970 г., вышла в свет третья, т. е. хронологически заключительная, часть — монография «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.». Теперь в руках читателей первая книга.

Темой второй по своему месту в трилогии (и в основном подготовленной) монографии является кризис и перелом в отношениях между Западной и Восточной Европой и вместе с тем в судьбах общеевропейской войны. Ее главные разделы: I. Крестьянско-казацкое восстание в Московском государстве, именовавшееся «балашовщиной» (1633—1634 гг.)[2]; II. Поляновский мир 1634 г.[3], кризис русско-шведских отношений и Штумсдорфский мир 1635 г.[4], открытое вступление Франции в войну с Габсбургами; III. Эпопея Жака Русселя[5], католицизм, протестантизм,

---

[1] Резюме исследования было мною доложено еще на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г. См.: XI-e Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 août 1960, Rapports, IV: Histoire moderne. Uppsala, 1960, p. 136—163; рус. пер.: Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. — «Вопросы истории», 1960, № 10. Однако завершение труда затянулось на многие годы.

[2] Опубликованные отрывки: 1. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. — «История СССР», 1957, № 5; 2. Развитие «балашовского» движения в феврале—марте 1634 г. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963.

[3] Опубликованный отрывок: На путях к Поляновскому миру 1634. — «Международные отношения, политика, дипломатия XVI—XX вв.» Сб. статей к 80-летию акад. И. М. Майского. М., 1964.

[4] Опубликованы тезисы прочитанных докладов: 1) Шведское посольство в Москву в 1634 г. — «Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии». М., 1965; 2) Стумсдорфский мир 1635 г.: его историография и историческое значение. — «Тезисы докладов 4-й Всесоюзной конференции по истории Скандинавских стран». Петрозаводск, 1968, ч. 1.

[5] Опубликован отрывок: Из истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны. — «Французский ежегодник, 1958». М., 1959; см. также специальный § 4 — «В масштабе индивидуальной жизни» в заключительной части книги «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.»

православие и ислам, борьба за объединение против католицизма остальных христианских церквей в 30-х годах XVII в.; IV. Место и роль Турции в восточноевропейской и западноевропейской политике в 30-х годах XVII в.

Это резюме второго звена трилогии совершенно здесь необходимо как мысленный мост между предлагаемой книгой и той, которая вышла в 1970 г. и которая касается уже 40-х годов XVII в.

В возникновении и в судьбе всего труда в целом особую роль играла тема о роли России, т. е. русской дипломатии и так называемой Смоленской войны 1632—1634 гг., в истории Тридцатилетней войны. Автор принял на свои плечи все незавидное бремя первооткрывателя... Мое заявление об обоснованности такой исследовательской темы встречало скептическое отношение. Я же со своей стороны видел не только перспективность темы, что вполне подтвердилось последующими разысканиями по архивным и опубликованным источникам, но меня в научной деятельности всегда манила и та сторона, которая называется первооткрытием. Да, историографическая традиция исключала и делала как бы невероятным соединение этих двух сюжетов. Максимум, что допускал шаблон для XVI—XVII вв., — это изучение торговых связей русских купцов с западными.

О существенном воздействии военно-политической силы Московского государства на Западную Европу не могло быть и речи. Нетрудно видеть, что покуситься на эту традицию и солидно обосновать свое покушение значило действительно сделать открытие. Оно рождалось в моем сознании в процессе сопоставления и выявления новых и новых документальных данных, но нельзя упустить и того, что оно было зачато в годы великого исторического столкновения нашей страны с нацистской Германией — преемницей всего реакционного, что накапливалось в многовековой прошлой германской истории [6]. Именно переосмысление в грозовые годы войны «русско-германской» исторической темы поощрило, в частности, и пересмотр проблемы «Россия и Тридцатилетняя война» (как, впрочем, и ряда других вопросов о месте России в историческом прошлом среди европейских политических сил).

Если бы надо было дать общее заглавие моей трилогии, я позаимствовал бы для такой цели название одного из разделов вступительной части третьей книги, а именно: «Мыслима ли история одной страны?» Эпоха Тридцатилетней войны — всего лишь некоторый исторический факт, служащий своего рода экспериментальным материалом для рассмотрения этой темы. Следова-

---

[6] См.: *Поршнев Б. Ф.* Завоевательные авантюры в истории Германии и гитлеровщина. — «Большевик», 1943, № 14; *Porschnev B. F.* Über die gewissen Tendenzen in der deutschen Geschichte. — «Sowjetliteratur», 1947, N 1.

тельно, в плане сложившейся к тому времени системы европейских государств вслед за заглавием мог бы стоять подзаголовок: «На примере эпохи Тридцатилетней войны».

Чтобы сама идея «системы государств» была соотносима с конкретной исторической действительностью, надо было со всей возможной полнотой показать неистинность традиционных, привычных, незамечаемых рассечений и противопоставлений. Так, в третьей книге была продемонстрирована ложность почти общепринятого мнения о взаимном безразличии и пропасти между французской Фрондой и Английской революцией. Однако сложнее и перспективнее оказалась задача засыпать пропасть между политической историей России и остальной Европы, словом, «воссоединить Европу» применительно к избранному времени — ко второй четверти XVII в. Слово «воссоединить» употреблено здесь отнюдь не в том смысле, который исключал бы рассмотрение антагонизмов и конфликтов, но в смысле научного охвата всего этого объекта в целом. История исторической науки в силу разных причин привела к значительному отщеплению истории России от «всеобщей истории». Особенно остро это видно применительно к такому относительно раннему времени, как XV—XVII вв. ... Преодоление традиционного обособления России от Европы необходимо означало бы пересмотр и обогащение самих методов историка, особенно историка международных отношений. Таким образом, теоретический поиск и конкретно-исторический очень отчетливо взаимодействуют как раз в данной ситуации — при преодолении искусственного раздела исторической науки на «всеобщую» и «отечественную».

Есть и некоторые специальные методические трудности, с которыми я встретился, обратившись к занятиям «русистикой». В частности, вот одна из них, довольно характерная. Западные историки отнюдь не считают ненаучным, цитируя тексты XVI—XVII вв., несколько модернизировать их язык, как и орфографию. Такое цитирование источников в общем является общепринятым, в том числе даже в самых академических сочинениях историков. К тому есть веские причины. То, что было нормой на прошедших этапах истории того или иного языка, не исчезает вовсе, уступая место новым нормам, но очень долго сохраняется в малообразованных и периферийных общественных кругах. Поэтому устаревшие тексты невольно воспринимаются нами несколько свысока: они ассоциируются с современными архаизмами и провинциализмами. Образ автора текста помимо нашего сознания из «старого» превращается в «старомодный», мы снисходительно прощаем ему какую-то недостаточную образованность, неумелость и провинциальность, либо, напротив, смешноватую манерность. Ничего этого на самом деле не было в рамках языковой культуры своего времени. Западные историки не хотят, чтобы читатель ощущал своих предков как «наивных» — они переводят его речь на язык современного передового человека. Никто не усматривает в этом нару-

шения интересов исторической науки, и только филологическая наука заинтересована в интактных древних текстах. Упорство «русистов», оправдываемое академизмом, делает историю России прошлых веков несколько дикой. Иные специалисты замечали этот психологический крен и пробовали перешибить традицию цитирования, противопоставляющую в восприятии читателя умному автору курьезного предка. Так, М. Н. Тихомиров пришел к выводу о назревшей необходимости цитировать древнерусские тексты в исторических сочинениях (разумеется, речь не идет об археографических изданиях) в переводе на современный русский язык, но не встретил понимания... Разумеется, перевод старых текстов на современный русский требует не максимализма, а минимализма и величайшей осмотрительности, но сказанное объясняет, почему я присоединился к М. Н. Тихомирову (с которым мы обсуждали этот вопрос) и предлагаю читателю все цитаты из русских документов XVII в. в минимально модернизированной редакции или с приведением в скобках параллельных оборотов.

Этот текстологический вопрос — только малая иллюстрация к обильным трудностям, возникающим перед историком, восстанавливающим место России в системе европейских государств.

Для такой задачи мною не случайно выбрано время Тридцатилетней войны. Она была первой всеевропейской войной. По крайней мере, начавшись как одна из «религиозных войн», она к началу «шведского периода» выявила лежавшие в глубине общеевропейские политические противоречия и вовлекла участников, все менее олицетворявших те или иные церковные тенденции. Тем самым Тридцатилетняя война очень важна для исторического уяснения понятия «Европа».

Следует в то же время напомнить, что Тридцатилетняя война не была обособленным или вновь возникшим историческим явлением. Она входит в комплекс других предшествующих вооруженных конфликтов, служивших отражением в политической международной сфере глубинных и коренных процессов генезиса капитализма в недрах феодальной Европы. Несколько глубоко различных войн предшествовали Тридцатилетней и исторически подготовили ее или влились в нее. Это прежде и более всего война Нидерландов за независимость против Испании. Война, начавшаяся с Нидерландской революции и закончившаяся с Вестфальским миром. Другой корень — средиземноморские военные конфликты конца XVI—начала XVII в., где ключевым был вопрос борьбы за Средиземноморье между Турцией и Испанией, а также Австрией, итальянскими торговыми республиками, Францией. Далее, это военный комплекс борьбы за Балтийское побережье. И наконец, это русско-польские военные столкновения, в основном на почве борьбы за украинские, белорусские и западнорусские земли.

I

ЕВРОПА

Тридцатилетняя война была первой собственно европейской войной, т. е. войной не двух-трех держав, а почти всех стран Европы, объединенных в две мощные коалиции.

Главным стержнем, вокруг которого группировалась совокупность европейских политических проблем XVII в., стал вопрос о Габсбургской империи, или, по терминологии современников, об Австрийском доме. Именно этот центральный вопрос решался в первую очередь на полях Тридцатилетней войны[1]. Габсбургская проблема имела в свою очередь две стороны: западноевропейскую и восточноевропейскую.

В Западной Европе в течение почти полутораста лет до Вестфальского мира, т. е. с начала XVI в., международная жизнь наполнена борьбой двух политических концепций, двух государственных систем.

Одна из них неразрывно связана с именем Габсбургов. Это — концепция единой империи, объединяющей ряд европейских стран, в перспективе же — всю Западную Европу, да еще и с ее только что возникшими заокеанскими колониями. Во главе всемирной империи стоит поддерживаемый папством католический германо-римский император, а все государства — члены империи — являются его вассалами. Такая система политической организации Европы далеко не была абстракцией, пустым отголоском средневековых традиций и схоластических учений о всехристианском государстве. Империя Габсбургов, охватившая с 1519 г. (со времени восшествия на императорский престол Карла V) огромную часть Западной Европы — Германию, Нидерланды, Франш-Конте, Испанию, Южную Италию, а несколько позже захватившая или поставившая под свой контроль почти всю Италию, на короткий срок[2] втянувшая в свою орбиту также Англию, — была

[1] Указания на новейшую литературу и обзор источников по истории Европы в период Тридцатилетней войны см. в кн.: Documenta bohemica bellum tricennale illustrantia. Hauptredaktion: J. Koči, J. Polišenský, G. Čechová, t. I. J. Polišenský, Der Krieg und die Gesellschaft in Europa 1618—1648. Praha, 1971.

[2] Во время царствования Марии Тюдор (1553—1558 гг.) (*Ред.*).

на протяжении нескольких десятилетий грозной политической реальностью, хотя обосновывавшая ее средневековая теория об «универсальной монархии» и являлась реакционной утопией. После же распадения в 1556 г. этой «наднациональной» габсбургской державы политической реальностью в течение еще ряда десятилетий оставались упорные и довольно мощные усилия, направленные к ее возрождению.

В ожесточенной борьбе с этой концепцией формировалась и крепла вторая: концепция национального абсолютизма. Исторической предпосылкой ее был многовековый процесс складывания европейских национальных государств и возвышения королевской власти, в особенности во Франции и в Англии. Франции, в первой половине XVI в. со всех сторон окруженной владениями Карла V, лишь в результате сорокалетних войн удалось к 1559 г. отбиться от смертельных объятий Империи[3]. В борьбе сохранила она свою национально-политическую независимость, а вместе с тем и свой абсолютистский порядок. Около того же времени, с воцарением (в 1558 г.) Елизаветы, вырвалась из-под габсбургского влияния и Англия. На многие десятилетия важнейшей внешнеполитической задачей этих абсолютистских держав становится ликвидация наследия Империи Карла V и противодействие ее возрождению.

Обе эти концепции уходили своими корнями глубоко в почву средневековья. Но в то же время обе являлись детищем новой эпохи. Обе системы были построены из материалов, выработанных прошлыми веками. Но и та и другая представляли два разных ответа на один и тот же вопрос, вставший перед феодальной Европой только к началу XVI в.

Речь идет об основном факте внутреннего, социально-экономического развития европейских стран в это время: о буре, внесенной в их прежнюю жизнь зарождением капитализма. XVI и первая половина XVII в. были для Европы временем генезиса капитализма, или, словами Маркса, началом капиталистической эры. Подспудно, в глубине, постепенно совершались важные экономические процессы. Недра царившей многие века системы хозяйственной жизни обрели завязь того нового, что будет отныне все настойчивее проявлять себя, колебать экономическую рутину, продалбливать старую оболочку. Этим новым была мануфактура — первое проявление перехода от мелкого производства к крупному, от феодальной формы эксплуатации труда — к капиталистической. Как ни был поначалу незначителен этот эмбрион, его наличие явилось потрясением всего материнского организма. Не только в экономике происходили скрытые от широких взглядов изменения, но и вся социальная и политическая жизнь, а вместе

---

[3] Имеются в виду окончание Итальянских войн, заключение мира в Като-Камбрези, укрепление восточной границы Франции (приобретение трех важнейших крепостей в Восточной Лотарингии — Меца, Туля и Вердена) (*Ред.*).

с тем религиозное и светское общественное сознание в XVI—первой половине XVII в. бурно отражали это затаенное зачатие. То была лишь самая заря буржуазной эры, но в свете ее особенно резки были контрасты старого и нового, особенно поразительны светотени. Гигантские революционные силы скопились к этому времени в недрах феодального общества. Появление класса буржуазии тотчас придало новый смысл и новую мощь традиционным антифеодальным крестьянско-плебейским движениям. Последние полтора десятилетия XV в. в Европе уже настолько полны раскатами революционного грома — от бунта Савонаролы во Флоренции до демократических восстаний во фландрских городах, от крестьянской жакерии в Каталонии до выступлений союза «Башмака» в Эльзасе, — что очистительная гроза казалась не за горами. Идеологи гуманизма и проповедники Реформации повсюду «очищали умы» от груза прошлого. Словом, если историк знает, что феодальный мир нашел в себе силы еще два-три столетия маневрировать и отступать с боями, то современники в начале XVI в. могли ощущать лишь отдаленное приближение бури.

Вот на эту-то угрозу политические руководители класса, господствовавшего при феодализме и еще не собиравшегося сдаваться, нашли два разных ответа. На атаку можно было отвечать или контратакой, или обороной.

Стратегия контрнаступления означала, прежде всего, как можно более широкое сплочение всех наличных сил.

Французский политический деятель и дипломат времен Франциска I, президент Жан де Сельв уже выдвинул — впервые в истории — проект «священного союза» государей против народов для предохранения Европы от всеобщего потрясения. Однако в тех исторических условиях это средство было и неосуществимо и недостаточно.

Общеевропейская революционная угроза требовала подлинно общеевропейского единого фронта феодальной реакции, т. е. не только устранения межгосударственных противоречий, но и такого нового политического порядка в Европе, который давал бы возможность централизованно маневрировать военно-полицейскими силами, перебрасывать их туда, где они в данный момент нужнее. Эта затея феодальной реакции и облеклась в привычную средневековому мышлению форму всекатолической «империи», благо на исторической сцене еще фигурировал оставшийся от седой старины титул римского императора, в то время традиционно присваивавшийся австрийским князьям Габсбургам. Правда, для осуществления «наднациональной» империи в XVI в. надо было пожертвовать плодами предшествовавшего исторического процесса — успехами национального развития европейских народов. Но реакция и намеревалась повернуть вспять колесо истории.

Естественно, что Карлу V Габсбургу удалось соединить под своей властью те страны Европы, в которых национальное един-

ство еще не было по той или иной причине достигнуто в полной мере, — Германию, Испанию, Нидерланды, Италию. Мало того, легкость, с которой Максимилиан I и Карл V — почти без войн, одними династическими браками — добыли короны нескольких стран, свидетельствует о том, что правящие круги этих стран в общем сами горячо хотели осуществления «империи». В самом деле, в этих странах уже зрели, уже стояли в порядке дня самые ранние в Европе попытки буржуазно-демократических революционных движений: в Германии накапливались предпосылки Великой крестьянской войны 1525 г.[4], в Испании в 1520—1522 гг. разразилось восстание комунерос, в Нидерландах с конца XV в. то и дело вспыхивали зарницы той революции, которая разразилась во второй половине XVI в.[5]

Поучительна история завоевания Карлом V Северной Италии. Слепые бунты плебейства в городах, массовые действия партизан, которых именовали «бандитами», настоящее половодье различных ересей и сект — все это рисует Северную Италию в начале XVI в. как пороховой погреб. Тщетно мечтали политики вроде Макиавелли о создании общеитальянского абсолютизма, о беспощадной и мощной диктатуре, которая предотвратила бы катастрофу: ни один из мелких государей, ни одна из правящих клик в раздробленной Италии не желали поступиться своим самовластием, хотя и видели опасность. Они в большинстве нашли выход в том, что предали национальные интересы Италии и сами открыли двери для интервенции Карла V, выговорив неприкосновенность своих прав и предоставив кровавую расправу с итальянским народом немецко-испанской армии.

Так сложилась реакционная Империя Габсбургов. Любопытно, что армия Карла V составилась в основном из специфических войск, имевших первоначально чисто карательно-полицейские функции и воспитанных в соответствующем духе: из милиции испанской эрмандады и из немецкой «местной стражи» (ландскнехтов). Самого Карла V Маркс назвал «испано-габсбургским псом», появлявшимся всюду, где надо было кого-нибудь усмирять[6]. Действительно, мы видим его то ведущим из Германии 4 тыс. ландскнехтов в Испанию для наказания мятежных городов, то марширующим с войском из Италии в Нидерланды для расправы с восставшим Гентом, то собирающим в Испании солдат для карательной экспедиции в Германию, охваченную пожаром

---

[4] *Смирин М. М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969; *он же.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

[5] *Чистозвонов А. Н.* Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964; *он же.* Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957; *он же.* Характер анабаптистских выступлений в Голландии в 1534—1536 гг. и состав их участников. — В сб. «Средние века», 1962, вып. XXII.

[6] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII. М., 1940, с. IV—V.

Крестьянской войны и Реформации. Осуществлению последнего предприятия помешали только неожиданные перипетии войны с Францией, — так же как, с другой стороны, революционные события в Германии помешали осуществить тщательно подготовленный сокрушительный удар по Франции и не дали возможности даже как следует использовать результат случайной победы над французами при Павии в 1525 г.

Стратегия феодального контрнаступления против новых исторических сил, породившая Империю, была последовательно реакционной. Напротив, стратегия обороны, воплощенная в абсолютистских Франции и Англии, имела относительно прогрессивную сторону.

Стратегия обороны подразумевает создание крепости, способной выдержать осаду. Такой крепостью и явилось дворянское абсолютистское государство, максимально централизованное, опиравшееся на мощный аппарат власти, обильные финансы и сильную армию. Исторические предпосылки во Франции и Англии были благоприятны для такого варианта. Это не значит, что Англия и Франция не были тоже чреваты революцией. Нет, именно для подавления буржуазно-демократических революционных сил, грозивших феодализму, и предназначалась дворянская абсолютистская крепость. Вся история французского и английского абсолютизма наполнена ожесточенными поединками правительства с народом, стихийными восстаниями и кровавыми расправами. Наличие национально-политического единства и многочисленной городской буржуазии открывало возможность не только держать всю страну под обстрелом крепости, но и привлечь, так сказать, часть осаждавших в состав ее гарнизона: предоставлением монополий и откупов, покровительства и привилегий абсолютистское правительство временно привлекало на свою сторону значительную часть капиталовладельцев и тем самым исключало их участие в революционной оппозиции. Это было выгодно в финансовом отношении, но еще выгоднее в политическом, ибо надолго предотвращало возможность руководящей роли буржуазии, как целого класса, в демократическом движении. А для части буржуазии это тоже было пока выгодно и экономически, и политически. Под сенью абсолютизма она продолжала первоначальное накопление. Иными словами, абсолютистский вариант защиты обреченного историей феодального строя, во-первых, более надежно, чем имперско-габсбургский, отсрочивал до поры до времени неизбежную катастрофу, во-вторых, не стремился повернуть социально-экономическое развитие вспять, а оставлял возможность для его поступательного движения вперед.

Соперничество и столкновение этих двух феодальных политических систем, несмотря на их общую конечную цель, было неизбежно. Империя не могла не претендовать на «универсальность» и на обладание сплошной территорией в Европе. Держава Карла V обречена была оставаться неустойчивым конгломератом

разъединенных членов, пока между его владениями оставалась вклиненной территория независимой Франции. Карл V на основании «дара» папы Бонифация VIII[7] объявил Францию императорской собственностью. Абсолютистская Франция Франциска I приняла вызов, и отныне логика борьбы в свою очередь требовала от нее (при поддержке Англии) не только полного сокрушения Империи Габсбургов, но и удаления в конце концов даже корней этой Империи из политической почвы Европы.

Борьба неминуемо должна была рано или поздно закончиться победой системы более прогрессивной и более жизнеспособной, т. е. национально-абсолютистской, и искоренением габсбургского «империализма». Если она затянулась на многие десятилетия, то именно потому, что у обеих соперничавших систем был все же общий враг — революционная угроза. Как ни жаждал, например, Франциск I ослабления Карла V, но, когда тому понадобилось ринуться из Италии на восставший город Гент[8] в Нидерландах, он любезно предоставил ему для прохода войск кратчайший путь через территорию Франции. Как ни выгодно было бы Франции вступить в гибельный для Габсбургов союз с бушевавшей в Германии Реформацией, которая и разбушевалась-то так потому, что военные силы Карла V были скованы войной с Францией, — Франциск I и не пытался установить подобного союза. Разумеется, ему мешали не религиозные соображения, ибо он не брезговал даже союзом с «неверным» турецким султаном. Лишь после того, как немецким князьям удалось вполне оседлать Реформацию и вырвать у нее революционное жало, французская монархия в лице Генриха II решилась наконец пойти на союз с внутренними германскими противниками Карла V, с протестантами, и тем нанести ему свой победный удар. Военные, финансовые и политические ресурсы Карла V были уже истощены длившейся свыше 30 лет схваткой с французским соперником, и этот последний удар его нокаутировал.

В 1556 г. Карл V отрекся от престола, и его Империя рассыпалась. Испания с нидерландскими и итальянскими владениями досталась сыну Карла Филиппу II, а наследственные австрийские владения Габсбургов вместе с традиционным правом на германский императорский титул — брату Карла V — Фердинанду I. С этого времени дом Габсбургов существовал в виде двух самостоятельных ветвей — испанской и австрийской.

Однако распадение державы Карла V объясняется не только соотношением сил в Западной Европе. Глубочайшим образом оно

---

[7] Папа Бонифаций VIII (1294—1303 гг.) в борьбе с французским королем Филиппом IV Красивым объявил французский престол вакантным и «предложил» его Альбрехту I Австрийскому (Габсбургу). «Дар» не был принят, но впоследствии послужил предлогом для габсбургских притязаний на французские земли (*Ред.*).

[8] Во время Гентского восстания 1539—1540 гг.

связано и с положением восточноевропейских дел, что на первый взгляд менее заметно.

Конец XV в. отмечен вступлением в международную жизнь Европы двух новых мощных факторов: в Юго-Восточной Европе на развалинах Византии оформилась гигантская и воинственная Османская империя, в Северо-Восточной Европе обрисовались контуры Московского государства, сбросившего с себя наконец покрывало монгольской зависимости; по словам Маркса, «изумленная Европа, в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах» [9].

К середине XVI в. обе эти империи достигли уже едва вообразимой весомости в системе европейского равновесия — с той разницей, что Турция к этому времени в основном завершила процесс своего продвижения на европейскую арену, Россия же только начинала его.

Силы Османской империи, при султане Селиме I отвлеченные на Малую Азию, Персию и Египет, с 20-х годов XVI в. снова были обращены на запад, в особенности против придунайских государств, угрожая с юго-востока Германской империи, и в первую очередь наследственным владениям самого дома Габсбургов, расположенным как раз в юго-восточной части Империи. Из этих наследственных австрийских владений, а также Венгрии и Чехии к 1527 г. для отпора турецкой опасности окончательно сложилось обширное, многонациональное и насыщенное внутренними противоречиями государство — габсбургская монархия как составная часть Германской империи. Интересы его собственной монархии, из которой можно было черпать, как и из Испании, деньги и солдат, были очень дороги Карлу V, поручившему управление ею своему брату Фердинанду. Ведь, сломив Австрию, турки угрожали бы и всей Империи. Поэтому австро-турецкая борьба чем дальше, тем заметнее отвлекала внимание Карла V от нужд не только европейской, но и внутренней германской реакции. В частности, чтобы получить от немецких князей субсидии на борьбу с турками, он принужден был проявлять терпимость к Реформации, а в 1532 г. пошел даже на заключение с князьями-протестантами так называемого Нюрнбергского религиозного мира. Но отказ от непримиримого проведения феодально-католической реакции дал возможность князьям-протестантам Германии образовать Шмалькальденский союз и подготовиться к открытой войне против императора. С ними-то позже французский король и вступил в блок, гибельный для Карла V. Таким образом, турецкие удары на юго-восточной окраине Европы дали трещину, очень глубоко проникшую в недра Империи Габсбургов и подготовив-

---

[9] Цит. по: История дипломатии, т. I, изд. 1-е. М., 1941, с. 197.

шую ее неудачи[10]. Удары же турок не слабели. На образование австро-чешско-венгерской монархии султан Сулейман I[11] ответил сближением с французским королем Франциском I, на поход Карла V в Тунис — формальным турецко-французским союзным договором 1536 г. В 40-х годах турки овладели почти всей Венгрией; новые турецкие удары с 1551 г. были уже погребальным колоколом, возвещавшим распадение державы Карла V. И как раз вскоре после того, как она распалась, в особенности после 1568 г., турецкая агрессия снова надолго отвернулась от Центральной Европы и устремилась главным образом на Восток и Север — на борьбу с Персией, с Московским государством.

Совсем иным образом отразилось на судьбе Империи Карла V вступление на международную арену Московского государства[12]. Еще Максимилиан I Габсбург в конце XV в. оценил потенциальную мощь этой восходящей державы и пытался заключить с ней союз против силы, казавшейся тогда особенно опасной для Габсбургов в Восточной Европе, — против Ягеллонов, королей Польских и великих князей Литовских, претендовавших, как и Габсбурги, на обладание Венгрией и Чехией. Римский папа, со своей стороны, искал союза с Московским государством против Турции. Однако ничего серьезного из этих поисков не могло получиться, ибо первоочередной и центральной задачей внешней политики Московского государства, поскольку оно поворачивалось лицом на Запад, была борьба с немецким Ливонским орденом в Прибалтике, захватившим здесь в свое время исконные русские земли, отгородившим Русь от Балтийского моря и перерезавшим для нее всякую возможность торговых и культурных сношений с Европой. Орден был вассалом германского императора и подчинялся верховной власти римского папы. На этот-то форпост Империи в Северо-Восточной Европе и обрушились удары Московского государства при Иване III в начале XVI в. Что это было косвенно войной с Империей, видно из почти одновременных закрытия ганзейской конторы в Новгороде (в 1494 г.) и заключения союза Ивана III с Данией, «владелицей Балтийского моря», находившейся тогда в ожесточенной борьбе с княжествами и городами Северной Германии (а также с едва еще поднимавшей голову Швецией). Эта стычка Московского государства с немецкой Империей в лице ее форпоста Ливонии была бурной, но короткой. В течение первой половины XVI в. руки Василия III и

---

[10] Любопытно освещение этих процессов у К. Лампрехта в «Истории германского народа» (т. III, ч. 5. М., 1896, с. 270—272, 284—289).

[11] Он же — Сулейман II (*Ред.*).

[12] Материалы о международных связях Московского государства в преддверии XVII в. см.: Международные связи России до XVII века. Сб. статей. М., 1961; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963; *Бурдей Г. Д.* Восточная Европа и Запад в XVI в. — В кн.: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968.

Ивана IV были в основном связаны борьбой с осколками Золотой Орды, а на западе одно время Василию III пришлось даже пойти на союз с императором Максимилианом I и гроссмейстером Тевтонского ордена Альбрехтом против польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда I.

По мере того, как на Востоке снова очерчивался опасный образ Московского государства, тревога Империи, в первую очередь восточногерманских князей-протестантов, и их давление на общеимперскую политику усиливались. В 50-х годах XVI в. Иван IV расправился с Казанским и Астраханским ханствами — обломками Золотой Орды — и тем развязал себе руки для возобновления борьбы на Западе. Уже в 1551—1553 гг. он встревожил Германию нескрываемыми приготовлениями к возобновлению войны с Ливонией, или, вернее — за Ливонию, за выход к Балтийскому морю. Турецкие силы, как мы знаем, в 1551 г. тоже возобновили свое наступление на Европу. На германском горизонте возникла угроза одновременного русско-турецкого давления. В этой предгрозовой атмосфере князья-протестанты и произвели с французской помощью свой последний решительный нажим на Карла V, завершившийся его отречением и распадом Империи.

Иными словами, одной из причин крушения габсбургской всеевропейской державы явилась необходимость для «Центральной Европы», составлявшей существенную часть этой державы, перенести акцент своей внешней политики с запада на восток. Крушение державы Карла V, собственно, и состояло в том, что «Германия» (в широком и условном смысле слова) вышла из ее состава. В свою очередь, Германия имела эту возможность выделиться из всеевропейской полицейской державы по той простой причине, что именно в Германии революционная опасность была на известный срок устранена кровавыми оргиями 1525 г. Держава же после 1556 г. продолжала существовать и нести свои прежние реакционные социально-политические функции, но только размеры ее сильно сократились: это была монархия Филиппа II Габсбурга, государя Испании, Италии, Нидерландов и обширных заокеанских колоний, претендента на английскую и французскую короны, «демона всех западных стран», как его называли, не обладавшего императорским титулом, но игравшего роль «универсального» главы и вождя всеевропейской католической реакции. А обособившаяся Германия (с прилегающими землями), т. е. «Империя» в узком смысле слова, доставшаяся Фердинанду I Габсбургу, почти так же полно погрузилась на ближайшие десятилетия в восточную политику, как прежде, при Карле V, она была поглощена политикой западной.

То, что принято называть «веротерпимостью» первых императоров после Аугсбургского религиозного мира 1555 г. — Фердинанда I и Максимилиана II, — точнее было бы назвать гегемонией лютеранских княжеств Северной и Северо-Восточной Германии в политической жизни Империи и преобладающим влиянием

этих князей на императоров, хотя последние и оставались по вероисповеданию католиками. Императорская власть в значительной степени ориентируется теперь на интересы лютеранских князей, а признанный глава лютеранской партии саксонский курфюрст Август, со своей стороны, систематически поддерживает политические мероприятия императоров. Этот блок, несомненно, связан с тем, что в центре внимания Империи как целого стоят восточноевропейские дела, наиболее непосредственным образом касающиеся восточногерманских князей-протестантов.

Сущность же восточноевропейской политики Империи в 1556—1582 гг. сводится, во-первых, к ожесточенной борьбе с «московской опасностью», во-вторых, к затухающей борьбе с «турецкой опасностью», в-третьих, к постепенной замене традиционного соперничества с Польшей — тесным и устойчивым сближением с ней. Главным стержнем, вокруг которого развертывалась эта политика, была так называемая Ливонская война, начатая в 1558 г. вторжением Ивана IV в Ливонию[13]. Эта война была мощной попыткой России прорвать своеобразную блокаду, которая накрепко изолировала ее от европейской цивилизации и обрекала на всестороннюю отсталость, в том числе и военную. Этот режим блокады, понемногу складывавшийся на протяжении столетий, достиг полной зрелости в ту самую эпоху, когда на западе существовала держава Карла V: этот режим блокады был необходимым скрытым условием ее существования, прикрытием ее восточного тыла, крепким засовом, лишавшим Московское государство возможности бросить свою потенциальную мощь на весы европейской политики. Современники приписывали именно Карлу V установление торговой блокады Московии. Несколько десятилетий спустя (в 1584 г.) Рудольф II писал Ивану Грозному, что не может отменить запрещение вывозить в Московию какое-либо военное снаряжение, так как «сие запрещение установлено еще при Карле V и Фердинанде I с общего согласия всех Римской империи чинов»[14]. Что барьер опирался именно на Империю, видно и из того, что главным его звеном была Ливония — имперский лен. Ливония особенно жестоко и осуществляла блокаду. Естественно, что именно на Ливонию и обрушился в 1558 г. хорошо подготовленный удар Ивана Грозного. Ливония буквально рассыпалась на куски, и русские войска очень скоро уже владели выходом в Балтийское море через порт Нарву и угрожали Ревелю.

Теперь германский император Фердинанд I принужден был официально санкционировать то, что фактически делалось при его предшественниках: объявить полную торговую блокаду Москов-

---

[13] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893; *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954.

[14] *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России, т. I. М., 1894, с. 12.

ского государства. В сущности это было почти равносильно объявлению Империей войны Московскому государству.

На рейхстаге в Аугсбурге в 1559 г. восточногерманские князья настаивали на том, чтобы оказать Ливонии открытую вооруженную помощь, но противоречия интересов отдельных групп германских княжеств и городов сорвали эти предложения.

Однако если не военными действиями, то своей политикой Империя во время Ливонской войны выполняла роль главного противника Московского государства[15]. Она совместно с папской курией энергично содействовала в 1569 г. объединению Польши, Литвы, а затем и большей части Ливонии в единое государство.

В 1568 г. император Максимилиан II сумел заключить с султаном Селимом II (начавшим в 1566 г. новую войну против Австрии) мир, признав себя данником султана. Этот мир направил агрессию Турции и Крымского ханства на Московское государство[16]. Одновременно имперская дипломатия добилась прекращения Северной семилетней (датско-шведской) войны 1563—1570 гг.), что дало возможность Швеции активно вмешаться в борьбу за Ливонию.

Таким образом, в 1569—1570 гг. «восточный барьер» был радикально реконструирован: три прежних его звена были слиты в мощный центр — Польско-Литовское государство, подкрепленный двумя сильными и воинственными флангами в лице Швеции и Турции. Но все же и в таком виде «барьер» не выдержал бы натиска русских войск, если бы за его спиной не стояли военно-политические ресурсы Германской империи.

В 1570 г. очередной рейхстаг в Шпейере принял хитроумное решение, имевшее большое значение для исхода Ливонской войны, разрешавшее иностранным государствам вербовать себе на службу солдат на территориях немецких княжеств. Но, не доверяя вполне державам «барьера», некоторые княжества, в частности Пруссия, снова настаивали на том же рейхстаге 1570 г. на необходимости прямого вмешательства всей Империи в Ливонскую войну и на создании сильного имперского флота против «московской опасности». Другие депутаты не советовали «на столь могущественного государя нападать». Привлеченные к обсуждению юристы установили, что царь не принадлежит к категории «врагов Империи» (Reichsfeind), так как дипломатические отношения с ним формально никогда не были разорваны. Поэтому было решено сначала попробовать послать в Москву посольство, а если оно не

---

[15] Особенно после заключения австро-турецкого мира 1568 г. До этого времени сложная международная обстановка, в первую очередь наличие «турецкой опасности», обусловила существование в Империи не только «антимосковских», но и «промосковских» настроений (см. *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв.; *Доннерт Э.* Россия и балтийский вопрос в политике Германии 1558—1583 гг. — «Исторические записки», т. 76. М., 1965, и др.) (*Ред.*).

[16] Крымско-турецкий поход на Астрахань 1569 г. (*Ред.*).

добьется от царя уступок, тогда уже прибегнуть к силе оружия, как говорилось в рецессе рейхстага [17].

В 1572 г. умер Сигизмунд II Август. Началась хитрая дипломатическая игра Империи с Московским государством. Скрываясь за державами «барьера» и поддерживая их, Империя предлагала Москве раздел Речи Посполитой и союз против Турции с тем, что царю достанется после победы «Греческая империя», т. е. бывшая Византия. Несомненно, что второе предложение имело единственной целью покрепче втравить Московское государство в войну с Турцией; но московское правительство изъявило согласие на оба предложения и настаивало на присылке «большого посольства» в составе послов от римского папы, испанского короля, императора и немецких князей для прочного и серьезного соглашения с габсбургско-католическим лагерем в Европе. «Большое посольство» обещали вот-вот прислать, однако предварительные переговоры уперлись в наиболее существенный вопрос: немецкие послы утверждали, что Ливония издревле принадлежит Империи, и настаивали, чтобы русские войска оттуда были выведены в качестве предварительного условия соглашения, а в Москве им отвечали, что Ливония — исстари русское владение, и настоятельно просили императора не вмешиваться дальше в ливонские дела. Понятно, что оживленные и многолетние дипломатические переговоры в конце концов окончились ничем, ибо спор о Ливонии означал попросту, что Московское государство и Империя находились в скрытой войне между собой. Имперская дипломатия все же отчасти добилась своего: в известной степени дезориентировала и ослабила Московское государство.

Германия в течение многих лет дышала атмосферой войны с «московитом». На протяжении Ливонской войны с повестки дня германских рейхстагов не сходил вопрос о мерах пресечения «нарвского плавания» и осуществления объявленной блокады, нарушавшейся, с одной стороны, самими немцами — ганзейскими купцами, с другой стороны, англичанами, голландцами, французами. И через Нарву и через Белое море иностранцы, в особенности англичане, везли в Россию недостававшие ей товары, в частности боеприпасы и образцы новейшего оружия вместе с мастерами для его производства, а вывозили из России продукты, необходимые прежде всего для их собственных сухопутных и морских военных сил. Англия и Голландия (а вскоре за тем и Франция) вели в то время ожесточенную борьбу с Филиппом II Габсбургским. Московская компания английских купцов хвалилась в 1588 г., что «Непобедимая армада» Филиппа II была разгромлена благодаря ей, ибо почти весь английский военный флот был построен из русского леса, а оснастка его выделана из русской пеньки.

---

[17] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. I, с. 565.

Итак, Ливонская война, как бы она ни выглядела на поверхности, в основе своей была войной Московского государства с Империей. Финал ее отчасти также свидетельствует об этом. Польский король Стефан Баторий, несмотря на сильную поддержку шведов, ничего не мог поделать с войском Ивана Грозного, пока не заменил польско-литовские войска наемными «немецкими» полками, широчайшим образом использовав упомянутое решение рейхстага 1570 г. Эта-то армия, лишь весьма относительно принадлежавшая Польско-Литовскому государству, и нанесла Ивану IV ряд тяжелых ударов, принудивших его к миру. Впрочем, к миру его принудило в еще большей мере возрождение в новом виде «татарской опасности» на восточных и южных границах Московского государства. Так или иначе, мирные договоры 1582—1583 гг. с Польско-Литовским государством и Швецией зафиксировали полную неудачу 24-летних усилий Русского государства вырваться из долгого заточения. Оно оказалось все еще не готовым к решению этой задачи.

Едва лишь забрезжил благоприятный для Империи исход Ливонской войны, как наметилось и начало нового поворота Империи лицом к западу: в 1576 г. католическая партия одержала первую победу в общеимперском масштабе, добившись избрания императором Рудольфа II Габсбурга, ревностного католика, воспитанного иезуитами в Испании при дворе Филиппа II. Задачей его жизни стало новое сближение австрийской и испанской ветвей Габсбургского дома[18]. Пожалуй, происшедшее в 1556 г. раздвоение державы Карла V не следовало бы вообще называть ее распадением, ибо скорее тут имело место своего рода временное «разделение труда»: в то время как западная часть державы должна была под руководством испанских Габсбургов продолжать прежнее дело, центральноевропейской части — Германии под руководством австрийских Габсбургов — надлежало выполнить роль прикрытия против «третьей силы», наподобие вспомогательной армии, имеющей особое задание. После выполнения этого задания обе части, естественно, должны были снова соединиться. И руслом, в котором могло произойти их слияние, являлась католическая реакция.

Пока немецкие Габсбурги переживали горькое похмелье после величия и крушения Карла V и были поглощены злобой дня восточноевропейской политики, Филипп II принял на свои плечи всю тяжесть борьбы с силами прогресса и революции в Европе. Карл V как-никак справлялся со своей главной задачей: ни одна попытка буржуазно-демократических движений в Европе не увенчалась победой в первой половине XVI в. Но Филипп II располагал ресурсами лишь половины рухнувшей Империи — европей-

---

[18] О мировой политике испанских и австрийских Габсбургов в XVI—XVII вв. см.: *Randa A. von.* Die Pax austriaca. — «Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht». Wien, 1964, Bd. 14, Hf. 1—2.

ского жандарма, — а силы его противников чудодейственно возрастали, ибо капиталистическое развитие Европы шло вперед. Бой был неравным. Уже через десять лет после отречения Карла V началось восстание в Нидерландах, которому суждено было стать первой победившей буржуазной революцией в истории: у Филиппа II не хватило сил его подавить.

А ведь поле битвы далеко не ограничивалось одними Нидерландами. Множество фактов свидетельствует о новом накоплении во второй половине XVI в. в различных странах Западной Европы подавленной было революционной энергии. Народные массы Германии после трагического 1525 года были в наибольшей степени выведены из строя, и революционная оппозиция в Германии была парализована на более долгий срок, чем где бы то ни было в Европе, — да и то, как мы увидим ниже, новый серьезный подъем народной активности наблюдается в Германии уже в конце XVI и особенно в начале XVII в. В других же странах Западной Европы новый шквал налетел раньше. Характерной формой борьбы с феодализмом был теперь кальвинизм, так же как анабаптизм и другие виды радикальной Реформации. Соответственно, и феодальная контрреволюция облеклась в форму контрреформации, или католической реакции. Да иное облачение для международной реакции было невозможно и потому, что выступать под видом «Империи» она в тот момент не могла: как мы знаем, «Священная Римская империя» временно находилась вне этого фронта. Оставался второй, по понятиям феодального средневековья, сверхнациональный и всеевропейский авторитет — церковь, «духовный меч». Папство и возглавило, по крайней мере формально, общеевропейский фронт католической реакции. Но действительный штаб этого фронта находился не в Риме, а в Испании, в мрачном полусклепе-полудворце Эскориале, в темном кабинете фанатичного, злого и упрямого Филиппа II Габсбурга.

Американское серебро и испанские войска, интриги иезуитов и костры инквизиции — все было использовано для подавления Реформации, иначе — «еретического духа», иначе — революционной угрозы в Европе. Правда, далеко не все проявления реформационного движения были по существу революционны. Но, безусловно, все проявления революционного движения носили тогда форму Реформации. Да и такие нереволюционные по природе своей акты, как княжеская Реформация в Германии или королевская Реформация в Англии, все же нанесли тяжелые удары по кровным интересам Габсбургов, а следовательно, — косвенно — по интересам общеевропейской контрреволюции. Таким образом, естественно, что последняя выступила именно как фронт воинствующего католицизма или контрреформации.

Естественно также, что, поскольку этот фронт был все-таки только переодетой и урезанной прежней Империей Карла V, прежнее соперничество двух политических систем должно было про-

должаться: борьба с национально-абсолютистскими государствами Европы — Францией и Англией — в конце концов заняла центральное место во внешней политике Филиппа II, который сам тоже только номинально был национальным абсолютным монархом Испании, на деле же, по своей политике, — наднациональным «императором». И снова из схватки победителем вышла более прогрессивная система. Тщетны были яростные усилия Филиппа II подчинить Англию и Францию тому новому полицейско-католическому порядку, который он уготовил для Европы и которому суждено было оставаться более чем шатким до тех пор, пока вся Европа не была бы унифицирована и превращена в единый застенок. Его притязания на английскую и французскую короны оказались не подкрепленными достаточными ресурсами. «Непобедимая армада» была разбита у берегов Англии, экспедиционный испанский корпус изгнан из пределов Франции. И Англия, и Франция продолжали следовать вперед своим абсолютистским путем.

Правда, применительно к концу XVI в. уже не совсем верно говорить о соперничестве двух государственных систем, двух политических концепций. Результатом Нидерландской революции, хотя и половинчатой, но победоносной, явилось появление нового типа государства — буржуазной республики. В сущности это было зарождением третьей — и самой передовой по тому времени — системы, третьей концепции политического устройства Европы, которой и принадлежало будущее. Но Голландская республика, государство, «возникшее из мятежа», — в ту эпоху, когда не было более бранного слова у политиков, чем «мятеж», — оставалась пока как бы незаконнорожденной в семье государств, долго не могла добиться юридического признания. Общественное мнение допускало сопоставление ее только с Швейцарским союзом, который считали, хотя и не вполне основательно, возникшим тем же путем и который тоже, вот уже многие десятки лет, не мог добиться юридического признания своего фактического суверенитета.

Как в первой половине XVI в. германо-испанскую «ось», на которой держалась Империя Карла V, подвела внутренняя слабость Германии, так теперь подвела внутренняя слабость Испании. Борьба с мятежными Нидерландами, с Англией и Францией истощила Испанию. Ветер над Европой крепчал, а силы испанско-католического фронта неумолимо иссякали. Филипп II, при всей своей слепой самонадеянности, в последний период царствования стал искать выхода из положения в сближении с австрийскими Габсбургами, т. е. в подготовке восстановления рухнувшего здания державы Карла V. Он даже женился на дочери императора Максимилиана II. Казалось, слабая Испания и слабая Германия, соединившись вместе, снова станут сильны. Филипп III, преемник умершего в 1598 г. Филиппа II, чем отчаяннее становилось внешнее и внутреннее положение испанской державы, тем настойчи-

вее продолжал добиваться этого габсбургского единства, казавшегося спасительным[19].

Наряду с этими общими причинами была и одна более специальная, заставлявшая испанское правительство искать близости с Германией. Волею судеб в состав испанской монархии входили Нидерланды — область, территориально отдаленная от Испании и связанная с ней только морским путем. Задача удержания испанского господства над Нидерландами, чрезвычайно важная для Испании в финансовом и политическом отношении, лежала поэтому в основном на испанском атлантическом флоте, который справлялся с нею все хуже по мере того, как на его пути поднимался грозный соперник — английский флот. Слабое место испанской державы Филиппа II — ее растянутые морские коммуникации — стало одним из источников возвышения елизаветинской Англии. Известно, что и революция в Северных Нидерландах удалась в значительной степени благодаря тому, что подвоз войск и снабжения для них из Испании в Нидерланды был затруднен и в известные моменты совершенно пресечен английским флотом. Война с голландскими мятежниками необходимым образом срослась для Филиппа II с англо-испанским морским соперничеством. Превосходство англичан в этом соперничестве было ясно еще задолго до гибели «Непобедимой армады», а после того стало окончательно бесспорным. Следовательно, для удержания господства над Южными Нидерландами и для продолжения войны с мятежными Северными Нидерландами Испания все более настоятельно нуждалась в какой-то более надежной дороге туда на смену прежнему атлантическому морскому пути. Такой дорогой мог быть только Рейн. Его устье находилось в Нидерландах, а верховья весьма близко прилегали к испанским владениям в Северной Италии.

Правда, Италия, как и Нидерланды, была отделена от Испании морем, и испанскому флоту и для удержания господства над Италией приходилось преодолевать в Средиземном море немалые трудности, хотя неизмеримо меньшие, чем в Атлантическом океане. Правда, два итальянских государства, оставшихся неподвластными Испании, Савойя и Венеция, почти смыкались в Северной Италии, оставляя испанцам лишь сравнительно узкий проход на север через Миланское герцогство. Дальше на пути в Южную Германию к верховьям Рейна лежали еще препятствия в виде Швейцарских Альп (и швейцарской независимости!), обогнуть которые можно было только узкой Вальтелинской долиной (по верхнему течению реки Адды), представлявшей самостоятельную (и потому зависимую от всех соседей) область. И все же, несмотря на все эти трудности, Испания с надеждой взирала на судоходный Рейн — по нему можно было быстро перевозить испан-

---

[19] См. *Carter Ch. H.* The Secret Diplomacy of the Habsburgs. 1598—1625. New York, 1964.

ские войска и грузы и связать воедино разрозненные части державы Филиппа II. Но Рейн протекал по землям Империи. Поэтому тесное сближение (а скорее слияние) с Империей было жизненно необходимо испанской монархии.

Немецкие Габсбурги относились сначала равнодушно к испанским заискиваниям и к судьбам католической реакции. Впрочем, в душе уже Максимилиан II, женатый на сестре Филиппа II и выдавший за него свою дочь, предавался габсбургско-католическим мечтам. После смерти (в 1568 г.) дон Карлоса (сына Филиппа от первого брака) ему рисовалась возможность соединить в одних руках владения обеих габсбургских ветвей и тем восстановить универсализм Карла V[20]. Однако реальная историческая обстановка требовала совершенно иной политики.

Даже при Рудольфе II, на первых порах поглощенном вопросами политического равновесия в Германии и окончания восточноевропейской войны, идея восстановления габсбургского господства над Европой, т. е. реванша за проигранную партию Карла V, не сразу имела успех. Сдвиг происходил понемногу, по мере того, как отмирали восточные заботы Империи. В 1582—1583 гг. окончилась Ливонская война, и в 1584 г. мы видим первый серьезный акт габсбургско-католической политики в Германии: насильственное возвращение в лоно католицизма кельнского архиепископа, перешедшего было в протестантский лагерь.

Событие это заслуживает краткого комментария. Оно показывает, что не только внешние, но и внутренние обстоятельства затрудняли поворот Империи лицом на Запад.

Когда имперская политика погрузилась в восточноевропейские заботы, князья Западной Германии стали испытывать нечто вроде обиды, как прежде — князья Восточной Германии во времена западнической политики Карла V. Отчасти выражением этого недовольства явилось распространение и в Западной Германии протестантизма, но уже в форме не лютеранства, а кальвинизма. Кальвинистская вера облегчала и закрепляла политические связи западногерманских князей с Францией и Нидерландами. Оплотом этого западногерманского кальвинизма стал Пфальц (Палатинат). Если до крайности упростить и схематизировать пеструю религиозно-политическую карту Германии конца XVI в., то ее можно представить в виде трех секторов: на юге и юго-востоке преобладает католицизм, на севере и северо-востоке — лютеранский протестантизм, на западе — кальвинистский протестантизм. Причем обе протестантские партии долгое время отнюдь не тяготели к взаимопомощи и единству, напротив, восточногерманская лютеранская партия во главе с курфюрстом Саксонским и западногерманская кальвинистская партия во главе

---

[20] Этот период истории Габсбургов был впервые критически освещен «прусской школой» немецких историков (см. *Droysen G.* Das Zeitalter des Dreissigjährigen Krieges. Berlin, 1888, S. 36).

с курфюрстом Пфальцским находились в открытом антагонизме друг к другу. Этот антагонизм и помог возвышению католической партии, во главе которой, помимо императора, стоял герцог Баварский.

Императору Рудольфу II, чтобы вернуться к «западнической» ориентации, необходимо было опереться на князей Западной Германии. Но, разумеется, ни о каком компромиссе с князьями-кальвинистами не могло быть и речи, ибо его сближение с испанскими Габсбургами было мыслимо только в русле непримиримого и воинствующего католицизма. Следовательно, кальвинизм западногерманских князей был внутренней помехой для осуществления нового внешнеполитического курса Империи. Помеху эту надлежало устранить или, по крайней мере, ослабить. В 1582 г. архиепископ Кёльнский принял кальвинистскую Реформацию. Повод для столкновения был тем более естественным, что с присоединением голоса Кёльнского архиепископа протестанты получили бы большинство против католиков в коллегии курфюрстов, а благодаря господствующему положению Кёльна на Рейне предрешался бы вопрос о германской поддержке молодой кальвинистской республики в Северных Нидерландах против Испании. Император, папа и католические князья объявили архиепископа низложенным, и, что особенно многозначительно, одновременно в его владения вторглись испанские войска из Южных Нидерландов. Лютеранские княжества во главе с Саксонией не оказали ему поддержки, а выступивший было на помощь курфюрст Пфальцский вынужден был уступить превосходящим по силе противникам. Кёльнское архиепископство осталось за католиками. Этот эпизод наглядно показывает, каким путем, преодолевая какие трудности, понемногу совершалось сближение германской Габсбургской империи с испанской габсбургской монархией.

После «кёльнской победы» 1584 г. контрреформация пошла ускоренными темпами: многие протестантские города, епископства и территории, особенно в Северо-Западной Германии, были более или менее насильственно возвращены в лоно католической церкви. Одновременно все глубже укоренялся в Германии самый страшный и ядовитый цветок католической реакции — орден иезуитов. Ловко монополизировав школьное образование (даже для детей некатоликов), иезуиты безраздельно подчинили себе сознание подрастающих поколений образованных людей в Германии, вернее, сумели опустошить и убить у них всякое живое сознание под видом приобщения их к самой передовой науке. Для необразованных же масс они выработали особый крикливо-пышный и примитивно-магический стиль католического богослужения. Германию готовили к безжалостным и кровопролитным войнам. Потрепанные знамена Карла V, его провалившиеся планы господства над всем западноевропейским миром снова появились на сцене, лишь слегка подновленные иезуитами. Тесная взаимопо-

мощь с испанским правительством стала доминирующим стремлением в политике Рудольфа II и торжествующей католической партии. Габсбургская Германия готова была ринуться теперь в раскрытые объятия габсбургской Испании, с тем чтобы раздавить в этих объятиях всю передовую Европу. Замогильная тень Карла V простерлась над Европой. Но еще в течение 30 лет различные обстоятельства мешали Габсбургам сделать последние шаги и оттягивали момент начала европейской катастрофы.

Гибель испанской «Непобедимой армады» у берегов Англии изменила стратегическую обстановку в Европе. Габсбургский лагерь уже не мог больше рассчитывать на преобладание на море, не мог непосредственно грозить островной Англии, нуждался в перегруппировке своих сухопутных сил. Правда, как мы знаем, Испания вследствие этого еще настойчивее стала стремиться к сближению с Империей, но зато Империя, естественно, должна была проявлять тем больше осторожности.

Вскоре внимание Империи снова было привлечено на восток. Московское государство оказалось далеко не сломленным. Правительство Федора Ивановича, руководимое Годуновым, деятельно устраняло причины неудач Ливонской войны: в конце 80-х годов на восточных и южных границах Московского государства с необычайной быстротой была воздвигнута цепь городов — серьезных крепостей по оборонительной технике того времени. И уже в начале 1590 г. Московское государство смогло возобновить на западе войну со Швецией за широкий выход к Балтийскому морю. Годунов, прямой продолжатель внешней политики Ивана IV, спешил с этой войной особенно потому, что на политическом горизонте возникала опасность унии Швеции и Польско-Литовского государства, да еще под знаменами воинствующего католицизма. После смерти Стефана Батория главой Польско-Литовского государства в 1587 г. был избран сын шведского короля Иоганна (Юхана) III — Сигизмунд III Ваза. Это был воспитанник иезуитов, фанатичный и деятельный католик. Немецкие Габсбурги, тщетно домогавшиеся в 70—80-х годах XVI в. польской короны, добились хотя бы того, что Сигизмунд III женился на представительнице Габсбургского дома — эрцгерцогине Марии. Ни для кого не было тайной, что Сигизмунд Ваза намеревался, как только унаследует и шведскую корону, отменить в Швеции Реформацию и восстановить католицизм. Иными словами, перед Московским государством стоял бы тогда сплошной польско-шведский католический барьер, опирающийся в тылу на Габсбургов и папство. Пробиться через него к Балтийскому морю было бы много труднее. Но пока был жив в Швеции старый король Юхан III Ваза, о союзе между сыном и отцом (т. е. Сигизмундом и Юханом), между католическим Польско-Литовским государством и протестантской Швецией, не могло быть и речи. Московское правительство спешило нанести удар Швеции, так как знало, что Польша пока что не придет ей на помощь. Швед-

ское же правительство как раз находилось в очень затруднительном финансовом и внутриполитическом положении. В 1590 г. русские войска одержали серьезные победы над шведами, отвоевали у них значительную часть побережья Финского залива. Казалось, старая Ливонская война возобновилась с новой силой. Германия была встревожена. Мгновенно снова наметилось политическое сближение императора с восточнонемецкими князьями-протестантами, правда мимолетное, но все же успевшее расстроить чуть было не возникший в 1590 г. союз ряда лютеранских и кальвинистских князей Германии для общего отпора католической реакции. Империи, казалось, неминуемо придется снова надолго обернуться лицом на восток.

Вдобавок в 1593 г. турецкий султан Мурад III, успешно закончивший войну с Персией, начал новую войну на Дунае — третью в течение второй половины XVI в.[21] Императору Рудольфу II пришлось созвать в 1594 г. рейхстаг после 12-летнего перерыва для вотирования очередной субсидии против «неверных», — а за это надо было снова «нянчиться» с князьями-протестантами, сочувственно выслушивая их жалобы.

Русские в Ливонии и турки в Венгрии — эта двойная угроза приковала к себе все внимание императорского двора. В 1593 и 1594 гг. в Москву направлен был посол Николай Варкоч с двойным предложением: императорского посредничества для примирения России со Швецией и союза Империи с Россией против турок[22]. По первому пункту главной задачей Варкоча было прощупать почву относительно русских притязаний на ливонское побережье. Он осторожно «заверил» правительство Федора, что император не намерен уступить Ливонию ни Швеции, ни Польше. Царские советники вежливо ответили, что Московское государство никогда не откажется от своего права на Нарву и Дерпт с округами. Иначе говоря, разведка оказалась весьма неблагоприятной для Империи. Столь же неудачно закончилась и попытка разжечь «христианские» чувства московского правительства и втянуть его в войну с «неверными». Характерно, что было извлечено на свет старое обещание прислать в Москву «большое посольство» с участием послов от папы, испанского короля и императора для заключения антитурецкого союза. Пока же у Москвы просили срочной военной помощи против турок. Но московское правительство нашло тонкий ответ: от военного союза отказалось, ссылаясь на войну со шведами, а для борьбы с «неверными» послало императору крупное денежное вспоможение, принуждая его тем самым продолжать войну.

К некоторому успокоению Империи русско-шведская война все же неожиданно закончилась по инициативе самого москов-

---

[21] *Matoušek J.* Turecká válka v evropské politice v letech 1592—1594. Praha, 1935.

[22] *Бантыш-Каменский Н.* Указ. соч., т. I, с. 13—14.

ского правительства. Дело в том, что в 1592 г. в Швеции умер король Юхан III. Сигизмунд III унаследовал шведскую корону. Правда, его католические планы натолкнулись на очень сильную оппозицию, которую возглавил брат Юхана III, будущий король Карл IX. Но Борис Годунов отнюдь не собирался ждать, чья партия в Швеции возьмет верх, и поспешил, чтобы не рисковать, закрепить результаты военных успехов мирным договором. Компромиссный Тявзинский мир 1595 г. признал права Швеции на Эстляндию, но вернул Московскому государству приморские города Ям, Копорье, Ивангород и Кексгольм (Корела). Однако Нарву (захваченную шведами в 1581 г.) Московское государство не получило, и право русских на свободную торговлю с иностранцами через Балтийское море фактически было отвергнуто провозглашением шведской монополии. Словом, Тявзинский мир выглядит своего рода дипломатическим поражением, лишившим Московское государство части успеха, достигнутого оружием. Впрочем, московское правительство так никогда и не ратифицировало этого договора: оно, несомненно, готово было возобновить войну за полное отвоевание русской Прибалтики, если только Сигизмунду III не удастся осуществить польско-шведской унии [23].

Вся Европа напряженно следила за поединком в доме Ваза, между племянником и дядей, католиком Сигизмундом и протестантом Карлом, иначе говоря, между Польско-Литовским государством, стремившимся к унии со Швецией, и Швецией, отстаивавшей свою независимость и вместе с тем — свое преобладающее положение на Балтийском море. Этот поединок имел значение, далеко выходившее за рамки собственно балтийского соперничества. Победа Сигизмунда была бы огромной победой всего габсбургско-католического лагеря в Европе. Позже современники прозвали Сигизмунда «северным Филиппом». Филипп II Габсбург с колоссальной настойчивостью осуществлял агрессию и контрреформацию в Западной и Южной Европе, а Сигизмунд III Ваза — в Северной и Восточной Европе; его политика тоже была не национальной, а универсалистско-«наднациональной», он тоже пытался соединить короны нескольких государств на своей голове или, вернее, сложить их к подножию папского престола. В сущности, его северная держава была третьим звеном готовой возникнуть всеевропейской габсбургско-католической империи — наряду с испанской монархией и «Священной Римской империей». С Габсбургами Сигизмунд III был связан родственными узами, с Римом — еще более тесными иезуитскими узами. Его вдохновлял тот же дух не только религиозной, но и политической реакции. Один характерный документ его царствования начинается с обобщающего осуждения всяких народных движений

---

[23] К предыдущему см.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. II. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894, с. 44—56.

против законных государей; в этом плане борьба в Швеции сторонников Карла IX против «законного государя» Сигизмунда III отождествляется с восстанием Нидерландов против «законного государя» Филиппа II [24]. Впрочем, именно в этом-то плане Сигизмунд III менее всего может быть назван «северным Филиппом». На его державу в общей габсбургско-католической системе объективно возлагалась иная функция, нежели на Испанию или Германию. В Северной и Восточной Европе капитализм далеко еще не сделал таких успехов к концу XVI в., как на Западе, классовая борьба не достигла такой остроты, феодальная контрреволюция не стояла так остро в порядке дня. Но опыт XVI в. показал, что Габсбургам не добиться решающего успеха на Западе, пока часть их сил отвлекают восточные заботы, и что все прежние формы восточного заслона мало-помалу оказываются недостаточными — главным образом из-за стремительного усиления Московского государства. «Барьер», состоявший во времена Ливонской войны из Швеции и Польско-Литовского государства, дал угрожающую трещину. Задача католической агрессии здесь, в Северо-Восточной Европе, и сводилась всего лишь к обеспечению надежного тыла для Габсбургской империи в Западной Европе.

Тем более понятен напряженный интерес, с которым Европа следила за усилиями Сигизмунда III по осуществлению своих прав на шведский престол и распространению католической реакции на Швецию: чуть ли не вся будущность католическо-габсбургского универсализма была связана с вопросом, кто из двух представителей рода Ваза (Сигизмунд или Карл) одержит верх в Швеции. И в те же самые годы далеко, во Франции, развертывалась другая драматическая страница той же борьбы: Филипп II Испанский готовился посадить на французский престол свою дочь и вел на французской территории войну против Генриха IV Бурбона, вчерашнего «еретика», гугенота, перешедшего в католицизм.

Генрих IV нашел прямую поддержку других антигабсбургских держав. В 1596 г. был заключен тройственный союз Франции, Англии и Голландии против Испании, впервые поставивший молодую буржуазную Республику Соединенных провинций в число первостепенных европейских держав. Этот союз был одной из предпосылок поражения Филиппа II в поединке с Генрихом IV, приведшего к Верденскому миру.

Оба поединка закончились почти одновременно в 1598 г.: Генрих IV окончательно изгнал войска Филиппа II из Франции, Карл IX разбил Сигизмунда III в битве при Стонгебру и изгнал его из Швеции. Это было колоссальное двойное поражение контрреформации и дела Габсбургов. Сорвалось маячившее уже тор-

---

[24] Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, изданные Г. Форстеном, вып. I. СПб., 1889, с. 204.

жество над самыми серьезными европейскими противниками. Вдобавок немецкие протестанты приобрели в лице французского и шведского королей могущественных союзников, отныне неуклонно поддерживавших их в борьбе с католической нетерпимостью Габсбургов. И, наконец, как и следовало ожидать, положение в Восточной Европе снова стало угрожающим для Империи. Турки успешно продолжали наступление, начатое в 1593 г., а международное положение Московского государства казалось как нельзя более выгодным для нового наступления. Польско-шведская распря после провала притязаний Сигизмунда III на шведскую корону приобрела, можно сказать, перманентный характер на многие годы и десятилетия — в виде периодических войн за Ливонию. И, воспользовавшись этой распрей, Борис Годунов уже в 1600—1603 гг. обнаружил грозные намерения продолжать войну со Швецией за свободный выход в Балтийское море, возобновив старые притязания России на Нарву и Ливонию. Это значило, что Московское государство могло в любой момент оказаться непосредственным соседом Империи, — а тогда Габсбургам надолго пришлось бы распроститься со своими планами в отношении Западной Европы.

Однако в этой обстановке Габсбурги не помышляли об отступлении, об отказе от агрессивной политики, которая уже накопила определенную инерцию и внутренняя логика которой роковым образом влекла их ко все более рискованным авантюрам. Тщетно Борис Годунов посылал в Вену посла Власьева прощупать возможность заключить союз с императором против Польско-Литовского государства, обещая выступить одновременно в союзе с персидским шахом против Турции. Результат был отрицательный, ибо Империя возлагала теперь на Польско-Литовское государство свои последние надежды, «московская опасность» едва ли не заслоняла в ее глазах турецкую.

Россию надо во что бы то ни стало остановить. И если не удалось остановить ее с помощью несостоявшейся польско-шведской унии, оставался еще последний шанс — попытаться подчинить ее контролю и влиянию католическо-габсбургского лагеря. Но как достичь этого? В 1600 г. «северный Филипп», Сигизмунд III, посылает в Москву канцлера Льва Сапегу с предложением унии Польско-Литовского государства с Московским государством. Предложение было, разумеется, отклонено правительством Годунова. Объявить войну? Но руки Польско-Литовского государства связаны войной со Швецией, да и без этого исход русско-польской войны был бы сомнителен. Возникает последний головокружительный план: воспользоваться перенапряжением сил Московского государства в результате долгих изнурительных войн, поджечь накопившийся в нем гигантский запас социальных противоречий и в огне междоусобной войны осуществить легкую интервенцию. Правда, нельзя вообразить себе что-либо более противоестественное, чем габсбургско-католическая политика, ищу-

щая союза с народно-революционными силами. Но ведь мы уже знаем, что, по существу, здесь, в Северо-Восточной Европе, проблема антифеодальной революции не стояла на первом плане перед силами европейской реакции. По форме же, чтобы не ввести в соблазн европейское общественное мнение, достаточно было изобразить все предприятие как пресловутую борьбу за права «законных государей». Таким-то образом слепая «царистская» традиция русских крестьянских мятежей и хитрый расчет католических политиков скрестились на фигуре «истинного русского царевича» Димитрия.

Как оба самозванца были марионетками в руках поляков, так и их руководители — поляки — были в конечном счете лишь исполнителями воли испанского, австрийского и папского дворов. Что польская комбинация с самозванцами была делом рук всеевропейского габсбургско-католического фронта — в этом не сомневался никто из европейских политиков. Сам Сигизмунд III неоднократно признавал, что цель его вмешательства в московские дела — доставить победу католицизму в Восточной Европе, а это, как всякий понимал, открыло бы возможность Габсбургам наложить наконец руку на Балтийское море. Естественно, что в первую очередь Карл IX Шведский должен был интересоваться скрытыми нитями всей постановки. Его показания особенно ценны для историка. Узнав об убийстве Лжедмитрия I, он спешит сообщить в 1606 г. новому царю Василию Шуйскому все, что ему известно: за спиною Польши против России ратуют германский император, Рим и Испания, эти державы даже готовят многочисленный флот для вторжения в Московское государство через Белое море. В 1607 г. Карл IX снова поручает открыть русским замыслы Испании: чтобы помочь полякам, испанский король решился отправить свой флот к порту св. Николая (Архангельск) и тем воспрепятствовать торговым сношениям России с остальной Европой, а затем двинуть с севера вооруженную силу внутрь Московского государства; Швеция со своей стороны предлагает выставить против Испании свой флот на берегах Ледовитого океана и не допустить утверждения испанцев на Белом море. В письме к своему уполномоченному в том же, 1607 г. Карл IX снова пишет: «Мы не раз уже предостерегали русских от папских интриг и практик, но русские, к сожалению, не внемлют нашим словам: еще время не совсем ушло, и они должны были бы подумать о защите от папских, императорских и польско-испанских замыслов». В начале 1608 г. Карл IX пишет Шуйскому, что все затеи Польши совершаются с ведома и при содействии германского императора, испанского короля и римского папы. «Берегись этих интриг и замыслов», — предупреждает он и, в частности, советует Шуйскому не выпускать из плена нескольких знатных поляков, так как известно, что именно они (в письме приводятся и имена их) находились в сношениях с Римом, Веной и Мадридом и взывали к ним о помощи, утверждая, что доста-

точно будет 10 тыс. человек, чтобы овладеть Русской землей. «Если ты и теперь отвергнешь предлагаемую тебе с нашей стороны помощь, то на тебе одном будет вина в гибели твоего государства. Все стремления императора, испанского короля и Польши сводятся к введению в России католицизма и к искоренению в ней древней греческой религии». В ряде открытых воззваний ко всем сословиям Московского государства Карл IX говорит о той же угрозе независимости русской земли и русской церкви со стороны папско-габсбургской политики[25].

Разумеется, как ни ценны эти свидетельства, мы совершили бы ошибку, если б не заметили в них и дипломатической хитрости. Испанский флот в Белом море — это, конечно, только предлог для снаряжения туда шведской экспедиции с заветной целью взять под свой контроль и беломорскую русскую торговлю. Вообще, так настойчиво навязываемая шведская помощь против поляков — далеко не бескорыстна. Когда в 1609 г., после начала открытой польской интервенции, Шуйский принужден был принять эту «помощь», она выразилась в беззастенчивых захватах и грабежах, в настоящей шведской интервенции, дополнившей разорения от польско-литовской интервенции и внутренней междоусобицы в Московском государстве. Позже Карл IX пытался переманить на свою сторону второго Лжедмитрия, затем посадить на московский престол своего сына.

Раздираемое интервентами, безвластием, стихийными народными движениями, Московское государство, казалось, было повержено в прах. В 1610 г. московские бояре уже присягнули сыну Сигизмунда III, королевичу Владиславу. Еще немного успехов — и «московская опасность» навсегда перестала бы быть помехой габсбургско-католическому торжеству над Западной Европой.

Что касается «турецкой опасности», то она, как бывало и прежде, устранилась сама собой: с 1602 г. турки вели тяжелую войну с Персией; в 1605 г. они пытались закрепить свои успехи в Венгрии поддержкой антигабсбургского движения Иштвана Бочкаи, но брату императора Матвею Габсбургу удалось стать венгерским королем; в 1606 г. по Житваторокскому договору Турция согласилась на 20-летнее перемирие с Габсбургами и отказалась от взимания с них дани (получив лишь денежное возмещение своих военных издержек).

В удивительно точном соответствии с изменением обстановки в Восточной Европе стоит активизация католической партии внутри Германии. Переломным годом был 1606: первый Лжедмитрий сидел на московском престоле, закончилась война с турками — и силы контрреформации в Германии тотчас подняли голову. Целый ряд акций со стороны князей-католиков, прежде всего Максимилиана Баварского, неопровержимо свидетельство-

---

[25] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т II, с. 68—87.

вал и перед князьями-протестантами, и перед политическими деятелями всей Европы о том, что католическая реакция в Германии уже нетерпеливо рвется в бой.

Наиболее наглядным последствием этого нарастания католической угрозы явилось совершившееся наконец объединение перед лицом общей опасности обоих протестантских лагерей: лютеранского и кальвинистского. Последним толчком к объединению явилась небывалая по своей бесцеремонности расправа Максимилиана Баварского с протестантским городом Донаувертом: под предлогом защиты тамошних католиков, уличная процессия которых была разогнана весной 1607 г., Максимилиан Баварский двинул свои войска на Донауверт и, отменив в нем Реформацию, присоединил к своим владениям. Такой участи теперь могли ожидать любые протестантские города или территории Германии. Вот почему старое соперничество курфюрста Пфальцского (главы кальвинистов) и курфюрста Саксонского (главы лютеран) было забыто, и на рейхстаге 1608 г. они уже выступили вместе с протестом против насилий католиков. Император Рудольф II отклонил протест и распустил рейхстаг. В том же 1608 г. была основана Протестантская (или Евангелическая) уния, понемногу объединившая в целях военно-политической взаимопомощи большинство протестантских князей и городов Германии, как лютеран, так и кальвинистов. Но во главе унии, естественно, оказалась не лютеранская Саксония, еще недавно представлявшая собирательные интересы немецкого протестантизма, а западный кальвинистский Пфальц в лице курфюрста Фридриха IV. В ответ на создание Протестантской унии князья-католики объединились в 1609 г. в Католическую лигу во главе с Максимилианом Баварским. Спеша опередить противников, Католическая лига в 1610 г. уже набирала свою армию, но и Протестантская уния готовилась к военным действиям. Междоусобная война под религиозным знаменем в 1610 г. становилась все более неизбежной. Считали, что поводом к войне послужит разыгравшееся в это время столкновение между двумя претендентами на наследство умершего в 1609 г. герцога Юлих-Клеве. Католическая лига категорически не хотела допустить, чтобы «наследство» попало в руки протестантов, потому что земли Юлих, Клеве, Берг и Марк, расположенные на Нижнем Рейне и граничившие с Голландией, окончательно перерезали бы в таком случае дорогу по Рейну в Нидерланды для габсбургско-католических сил, в частности для испанцев, которые чем дальше, тем больше нуждались в этой рейнской дороге, уже и без того перерезанной кальвинистским Пфальцем. Естественно, что Испания поддержала бы Католическую лигу; она уже щедро субсидировала ее вооружения. Столь же естественно, что Голландия и Франция, отчасти также и Англия, оказывали финансовую и политическую поддержку Протестантской унии. Иначе говоря, междоусобная война немецких князей неминуемо превратилась бы в европейскую войну.

В самом деле, как мы уже знаем, политическая задача немецких Габсбургов складывалась из трех последовательных звеньев: сначала обеспечить себе надежный восточноевропейский тыл; затем осуществить контрреформацию в Германии, устранив тем самым внутреннюю помеху в лице протестантизма; наконец, вновь объединиться с испанскими Габсбургами или, вернее, вместе с ними завоевать господство над Европой, создать под своей эгидой «всехристианскую империю». Как только разрешалась одна задача, можно было переходить к следующей. Поэтому можно сказать, что успех польско-литовской интервенции в России уже таил в себе контрреформацию в Германии, а успех контрреформации в Германии уже таил бы в себе агрессию Габсбургов против остальной Европы.

И европейские политики в общем видели и сознавали эту связь и перспективу событий — кто более смутно, кто более отчетливо. Разве не характерно, например, что Карл IX сулил Шуйскому помощь не только шведских, но также немецких (протестантских), французских и английских войск? Если он не упоминает о голландцах, то только потому, что голландцы уже были с головой погружены в антигабсбургскую войну — в свою освободительную войну с Испанией, тянувшуюся с 1572 г. И именно интересы этой войны понемногу приводили их ко все более тесному сближению со Швецией, к активной дипломатической поддержке шведской политики в Восточной Европе. Государственные деятели Англии были менее других обеспокоены габсбургскими успехами, ибо ее неуязвимость с моря снова подтвердилась в 1601 г.: Филипп III Испанский попробовал повторить неудачный опыт Филиппа II, направив к ирландским берегам сильный испанский флот, но его постигла та же участь, что и «Непобедимую армаду» в 1588 г. Однако, как мы еще увидим, английская дипломатия считала все же совершенно необходимым всеми средствами расстраивать и пресекать политику Габсбургов в Северо-Восточной Европе.

Более всего габсбургская агрессия грозила Франции. Как только началось сближение двух ветвей Габсбургского дома, Франция оказалась во враждебном политическом окружении. Дальнейшее сплочение и усиление Габсбургов неминуемо должно было повлечь за собой их новую попытку слить свои владения в сплошную территорию, т. е. покорить Францию. Эту угрозу прекрасно видели Генрих IV и его советники. Они старались парировать ее не только активным дипломатическим вмешательством в дела Западной, Центральной и Восточной Европы. Укрепление государственной власти и энергичное восстановление народного хозяйства дали возможность правительству Генриха IV значительно увеличить государственные доходы Франции, а тем самым произвести реорганизацию и усилить французскую армию. Абсолютистская Франция готовилась к неминуемой вооруженной схватке с Габсбургами. Эти приготовления, проходящие красной

питью через всю внешнюю, а в немалой мере и внутреннюю политику Генриха IV, достигли кульминационного напряжения в 1609—1610 гг.

Европа стояла на пороге войны. Два лагеря вполне определились. В 1609 г. Испания, ввиду приближения большой европейской войны, пошла на шаг, имевший далеко идущие политические последствия: заключила перемирие с Голландской республикой. Это не был мир, это не было отказом Испании от притязаний на Нидерланды, но это было признание де-факто голландских «мятежников» воюющей стороной, субъектом международного права. Этот вынужденный акт Испании сразу же открыл возможности для более смелых политических комбинаций в антигабсбургском лагере. Международный престиж буржуазной Голландской республики гигантски возрос. Вскоре после заключения испано-голландского перемирия, означавшего огромную политическую победу Голландии, в феврале 1610 г. оформился франко-англо-голландский союз для поддержки немецких протестантов, к которому готова была присоединиться и Швеция, получавшая в свою очередь франко-англо-голландскую поддержку в своей борьбе с габсбургским вассалом — Польшей. Приготовления к большой антигабсбургской войне быстро заканчивались. К весне 1610 г. 100-тысячная модернизированная французская армия была уже стянута к Рейну и подготовлена для вторжения в Германию. Но в мае 1610 г. душа и руководитель антигабсбургской коалиции Генрих IV был убит на улице Парижа ворвавшимся в его карету Равальяком, по-видимому, подосланным иезуитами с целью предотвратить угрозу, нависшую над лагерем католической реакции.

И в самом деле европейская война после этого события расстроилась и не состоялась. Однако ошибочно было бы, как делают многие историки, видеть в кинжале Равальяка главную причину срыва этой как будто бы вполне назревшей войны. Были причины и более глубокие. Со стороны антигабсбургской коалиции война должна была носить превентивный характер, т. е. имела целью предотвратить и предупредить габсбургскую агрессию. Но действительно ли угроза габсбургской агрессии уже непосредственно нависла над Европой? Не рассосется ли опасность? Этот вопрос задавали себе многие участники коалиции, по ряду причин предпочитавшие войне политику умиротворения. Убедить их в необходимости превентивной войны могли только наглядные факты, которые свидетельствовали бы о непосредственной угрозе миру. А таких фактов в 1610 г. еще не могли привести наиболее дальновидные и радикальные политики антигабсбургской коалиции, хотя и правильно оценивавшие перспективу событий. Сам Генрих IV, пламенный поборник антигабсбургской войны, если б он и остался жив, навряд ли сумел бы добиться в решающую минуту достаточно полной поддержки. Факты скорее говорили о том, что габсбургско-католическая агрессия увязла в непрео-

долимых затруднениях. Люди, искушенные в политике, судили не по привычному уже для всех бряцанию оружием испанского двора, не по шумихе и насилиям Католической лиги в Германии, а по решающему симптому: поведению австрийских Габсбургов. Если бы австрийские Габсбурги, не ограничиваясь попустительством католической реакции в Германии, сами перешли бы к насильственному искоренению протестантизма в своих собственных наследственных владениях, это было бы бесспорным признаком начала агрессии. Проведение контрреформации в наследственных габсбургских землях означало бы решительное крушение религиозного статус-кво в Империи, а значит и начало крушения политического статус-кво в Европе. Но именно в австрийских землях в начале XVII в. наблюдались даже факты отступления католиков, окончательно дезориентировавшие наблюдателей.

В 1606 г. венгерское дворянство добилось свободы вероисповедания. Борьба за престол между Рудольфом II Габсбургом и его братом Матвеем дала возможность протестантам и других габсбургских владений, вдохновленным венгерской удачей, выторговывать у обоих соперников серьезные уступки. В Австрии, Моравии и других землях, уступленных Рудольфом II Матвею, последний издал в 1609 г. «резолюцию» о восстановлении свободы вероисповедания. Со своей стороны и Рудольф II, чтобы укрепиться в оставшейся за ним Чехии, в том же 1609 г. гарантировал чехам «грамотой величества» свободу вероисповедания и неприкосновенность протестантской церкви, поставленной отныне, вместе с другими национальными и сословными вольностями Чехии, под защиту особого выборного органа — коллегии дефензоров.

Раз так, раз немецкие Габсбурги в своем собственном доме демонстративно отказывались от какой бы то ни было религиозной агрессии, — военная тревога в Европе должна была в конце концов спасть. И в самом деле, Юлих-Клевский спор, в связи с осторожной позицией Габсбургов, вскоре кое-как рассосался. Военные приготовления антигабсбургской коалиции на Рейне были отменены тотчас после смерти Генриха IV. Европейская война в 1610 г. оказалась отсроченной еще на несколько лет.

Но на самом-то деле Габсбурги и не думали отказываться от агрессии. Кажущиеся неудачи католической политики Габсбургов в их собственной монархии в действительности были следствием не слабости, а расчетливой и дальновидной осторожности. Преждевременный вызов всеевропейскому фронту противников мог бы погубить все дело. В глубокой тайне выжидал и подготавливал австрийский двор ту минуту, когда можно будет сделать решительный шаг к установлению универсальной Империи Габсбургов. Проницательнейшие умы иезуитов, всецело руководивших слабоумным Рудольфом II, к старости совсем погрязшим в астрологии и алхимии, разрабатывали эту проблему в тиши императорских покоев. Видное место среди подготови-

телей и организаторов немецко-габсбургского «похищения Европы» занимал венский епископ Мельхиор Клезль (с 1616 г. — кардинал), ставший после смерти Рудольфа II при занявшем в 1612 г. императорский престол Матвее Габсбурге главою тайного совета и вдохновителем всей политики императорского двора.

Почему же с точки зрения этих людей, глубоко скрытых от взоров европейского общественного мнения, но фактически решавших вопрос, быть ли войне или миру в Европе, момент представлялся еще не созревшим для смертельного прыжка и в 1610 г., и в ближайшие годы?

Мы знаем, что только в 1606 г. закончилась война с турками. Если вся цепь отступлений католической реакции в габсбургских владениях тянется от вольностей, дарованных венгерским дворянам по Венскому миру 1606 г., то эти венгерские вольности, в свою очередь, были результатом успешного восстания Иштвана Бочкаи в 1604—1606 гг., получившего военную помощь турок. Таким образом, естественно возникает предположение, что осторожная политика императорского двора может быть объяснена просто боязнью нового турецкого вмешательства в случае, если бы в габсбургской австро-чешско-венгерской монархии возникли новые религиозно-политические осложнения. Однако два соображения говорят о недостаточности такого объяснения. Во-первых, в Вене, куда при Матвее была возвращена из Праги императорская резиденция, прекрасно знали, что турки снова надолго и накрепко поглощены борьбой с Персией и сами заинтересованы в соблюдении 20-летнего перемирия с Австрией. Во-вторых, если бы политика Вены мотивировалась в первую очередь турецкой опасностью, крутой перелом этой политики в 1617 г., т. е. переход к открытой агрессии, был бы совершенно необъясним, ибо в это время не произошло решительно ничего, что уменьшило или видоизменило бы характер турецкой опасности.

Более глубокую, хотя и более скрытую подоплеку венской политики мы снова найдем в положении русских дел. Хотя к 1610 г. успех польской интервенции в России казался уже почти окончательно обеспеченным, хотя фактическое вступление сына Сигизмунда III, Владислава, на московский престол представлялось вопросом нескольких месяцев, если не недель, — в Вене ни под каким видом не согласились бы рискнуть началом решительной контрреформации в Германии, пока это предварительное католическое наступление в Северо-Восточной Европе не доведено до полного конца. Руководители немецко-габсбургского лагеря притаились именно в ожидании победной реляции от Польско-Литовского государства, которую можно было ждать со дня на день. Но она все не прибывала. Дело в Московии как-то не завершалось. Вот уже свергнут и Шуйский, вот уже польские отряды хозяйничают в Москве, но Сигизмунд III, «северный Филипп», застрявший под Смоленском с главным войском,

ощущает непреодолимое противодействие своим домогательствам. Противник, хотя и разбитый, почему-то еще не на коленях. Посторонним наблюдателям, в том числе и габсбургско-католическим политикам, приходило в голову только одно возможное объяснение этого странного явления: русские опираются на шведскую помощь. И в самом деле, заключенный в 1609 г. союз со Швецией против Польши, хотя и дорого обошелся России, все же оказал ей совершенно реальную помощь в борьбе с польской интервенцией; шведские войска в России отвлекли на себя часть сил поляков и их сторонников. Из этого наблюдения вытекал простой вывод: если как-нибудь отвлечь Швецию от борьбы в России, победа Сигизмунда III над упорными русскими будет наконец обеспечена. За эту-то задачу — отвлечение Швеции — и принялась со всей энергией габсбургская дипломатия, как только стало ясно, что дальнейшее выжидание бесплодно.

Искомая международная комбинация вскоре была найдена и искусно осуществлена. Это было неожиданное нападение Дании на Швецию, поглощенную борьбой с Польско-Литовским государством. Подтолкнуть Данию на такое нападение не представляло особых трудностей. Уже в течение десятилетий с тревогой наблюдали правящие круги Дании за тем, как неотвратимо переходило в руки шведов то господство над Балтикой — «dominium maris Balthici», — которое прежде почти безраздельно принадлежало датчанам. Но основа этого былого датского господства, казалось бы, еще не была утеряна: ведь финансовое и политическое могущество Дании держалось на полном обладании выходом из Балтийского моря, а оба берега Зунда по-прежнему, несмотря на стремительное территориальное расширение Швеции, еще оставались в датских руках. Поэтому датский король Христиан IV в течение всего своего долгого царствования был погружен во внешнюю политику, убежденный в возможности найти там путь к восстановлению колебнувшегося могущества Дании и к посрамлению ее соперников. Габсбургские дипломаты обещали ему помощь и поддержку, если он нападет с тыла на престарелого Карла IX, занятого и утомленного борьбой с Сигизмундом III. В расчете на эту обещанную помощь Христиан IV, объявляя в 1611 г. войну Швеции, ставил перед собой грандиозную задачу: низложение шведского короля, восстановление Кальмарской унии, т. е. датского владычества над всеми Скандинавскими странами, и установление таким путем абсолютного господства Дании на Балтийском море.

Датско-шведская война 1611—1613 гг., получившая название Кальмарской, началась чрезвычайно успешно для Дании. Карл IX среди неудач и волнений вскоре умер, и шведский престол перешел в 1611 г. к его сыну, Густаву II Адольфу, одному из самых замечательных полководцев и политиков эпохи Тридцатилетней войны. Так как война на два фронта была бы гибельна для Швеции, первоочередной задачей Густава-Адольфа было заклю-

чение перемирия с Польско-Литовским государством. Для Сигизмунда III предложение о перемирии было приемлемо, так как открывало надежду справиться наконец с Россией. Само собой разумеется, что габсбургская дипломатия со своей стороны всячески способствовала заключению этого шведско-польского перемирия 1611 г.: оно полностью устраняло шведскую помеху на пути Сигизмунда III к московскому престолу, а вместе с тем предупреждало и возможность преждевременного разрастания датско-шведского конфликта во всеевропейскую войну. В самом деле, уже борьба Карла IX с Сигизмундом III определила отношение Швеции к лагерю католической реакции и заставляла ее, следовательно, искать сближения с антигабсбургскими государствами — Францией, Англией, Голландией. После 1611 г. эту внешнюю политику Карла IX вполне унаследовал и Густав-Адольф. В двух случаях он неминуемо обратился бы с прямым призывом о помощи к антигабсбургским державам: если бы Габсбурги действительно оказали военную поддержку Христиану IV Датскому или если бы Сигизмунд III, отказавшись от перемирия, захотел воспользоваться трудным положением Швеции для возобновления претензий на шведский престол. Венский двор постарался, чтобы не оказалось ни того, ни другого повода, способного сделать неизбежной европейскую войну, — ведь русские дела еще не были доведены до конца.

Таким образом, Кальмарская война была локализована. Она имела для Дании, несмотря на ее крупные военные успехи, сравнительно скромные результаты. Христиану IV пришлось отказаться от своих грандиозных планов восстановления Кальмарской унии и от широких балтийских притязаний. Окончанию Кальмарской войны весьма способствовали усилия дипломатии антигабсбургского лагеря, ибо для нее не осталась, разумеется, скрытой та огромная польза, которую извлекала католическая реакция из этой войны, отвлекавшей шведов от борьбы с Польско-Литовским государством. Если Франция после смерти Генриха IV погрузилась в беспечное бездействие, то Голландия и, в особенности, Англия энергично содействовали заключению в 1613 г. датско-шведского мира, который дал возможность Швеции снова обернуться к России.

Там за эти два года (1611—1613) произошли важные события. Перемирие 1611 г. со Швецией дало возможность Сигизмунду III направить все силы на Москву. Казалось бы, теперь уже ничто не могло помешать польско-католическим интервентам покорить охваченную междоусобием Россию и овладеть пустующим русским престолом. Победу, долгожданную победу над опасной Московией, уже справляли втайне и в императорском дворце, и в папской курии, и при далеком мадридском дворе. Гетман Ходкевич с сильным войском победоносно двигался к Москве — на помощь засевшим в Кремле польским отрядам. И тут-то на историческую сцену выступили силы, которых не могли учесть

даже наиболее проницательные габсбургско-католические политики. Из самых глубин русского народа поднялась освободительная отечественная война против польских захватчиков. Словно могучий ураган отбросил в 1612 г. интервентов из России на запад, опрокинув их планы.

Но и это не отрезвило Габсбургов, неудержимо скользивших в пропасть головокружительной авантюры — при всей хитрой расчетливости и осторожности их политики. Свидетельством головокружения может служить отчаянное предложение, сделанное в том же 1612 г. от имени императора Матвея князю Пожарскому, «не согласится ли он обще со всеми боярами принять в российские государи цесарева брата Максимилиана, могущего восстановить спокойствие в России и в вечном жить с цесарем союзе» [26].

В 1613 г. на вакантный московский престол Земским собором был избран царь Михаил Федорович Романов. Характерно, что первыми поспешили признать его антигабсбургские государства — Англия, Голландия. Император, напротив, отказывался признать его и демонстративно писал, минуя его, русским боярам. На этой почве в 1614—1615 гг. между Московским государством и Империей разыгрался острый дипломатический конфликт, сопровождавшийся оскорблениями с обеих сторон. Но по существу-то в Вене скоро поняли, что провалившуюся идею — придавить Московское государство могильной плитой польско-католического ига — остается только снова заменить прежней идеей — отгородиться от него, по возможности, сильным «барьером».

Сигизмунд III, со своей стороны, вовсе не считал себя разбитым после 1612 г. Он лелеял прежние завоевательные планы, готовил новую армию и продолжал войну. Возобновил военные действия в России и Густав-Адольф. Однако тут же обнаружилось, что теперь шведская интервенция не только не служит помехой для польской интервенции, но, напротив, спасает эту последнюю, оказавшуюся на краю пропасти. Эволюция характера шведской интервенции в России совершалась постепенно. В сущности, уже заключение Швецией перемирия с поляками в 1611 г. знаменовало разрыв ее союза с Россией, а, оставив за собой в качестве своего рода «залога» Новгородскую область, Густав-Адольф открыто поставил себя во враждебное отношение к русскому «союзнику». В 1613 г. он уже прямо действовал против русских в молчаливом контакте с поляками. Англия и Голландия, только что рассчитывавшие расстроить габсбургские планы, содействуя возвращению Швеции на поля русско-польской войны, убедившись теперь в происшедшей эволюции, столь же энергично принялись хлопотать об удалении шведов из России, т. е. о русско-шведском примирении. Эти дипломатические усилия увенчались успехом только к 1617 г. В противовес им Империя стала

---

[26] *Бантыш-Каменский Н.* Указ. соч., т. I, с. 17.

разыгрывать роль беспристрастного посредника в переговорах между Россией и Польшей. Что действительно скрывалось за этой маской, видно из специального посольства от царя Михаила Федоровича к императору Матвею в 1616 г. «с прошением не помогать польскому королю ни деньгами, ни войском»[27]. Тщетные просьбы!

Истомленная напряжением предшествовавших лет, Россия из последних сил отбивалась от одновременно наседавших на нее двух врагов — Швеции и Польско-Литовского государства. Финансовые и военные ее ресурсы были совершенно исчерпаны. На ее счастье, о полном единстве этих двух врагов не могло быть и речи. Сигизмунд III продолжал воображать себя не только хозяином русского престола (на что претендовал и Густав-Адольф), но и законным государем Швеции. Воюя с Россией, он одновременно энергично готовился к завершающему удару по Швеции, строил флот, набирал армию. Было ясно, что, как только война с Россией завершится хотя бы минимальным успехом, польско-шведская война неминуемо вспыхнет с новой силой. Московскому правительству в конце концов оставалось рассчитывать только на эту перспективу. И примириться, следовательно, с необходимостью уступок противникам, признав частично свое поражение. Иначе говоря, освободительная война русского народа 1611—1612 гг. спасла национальную, политическую и церковную независимость России, но не смогла предотвратить тяжелых жертв, которые были возмещены только десятилетиями дальнейшей русской внешней политики, окончательно — лишь при Петре I.

В 1617 г. правительство царя Михаила принуждено было после долгих переговоров согласиться на Столбовский мир со Швецией: Густав-Адольф отказался от всяких притязаний на Новгород и московский престол, зато Московское государство должно было отказаться от бесценного сокровища, добытого с таким трудом, — выхода к Балтийскому морю. Побережье Финского залива с городами Ям, Копорье, Корела, Ивангород, Орешек отошло к шведам[28]. Отныне у русских «отнято море», торжествовал Густав-Адольф; «без нашей воли русские купцы не могут показаться на Балтийском море ни с одною лодкою». Одновременно, как только определился успех переговоров с Россией, он поспешил сам начать в 1617 г. превентивную войну с Сигизмундом III, вырвав инициативу у «северного Филиппа». Вот как объяснял голландцам необходимость этой войны шведский посол в Голландии Иоганн Шютте: «Только близорукие люди могут считать войну Швеции с Польшей чисто домашней распрей. Всем должны быть известны стремления Испании создать в Европе универсальную монархию, и она легко достигнет этого, как скоро Сигизмунд

---

[27] *Бантыш-Каменский Н.* Указ. соч., т. I, с. 19.
[28] *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

водворится в Швеции. Все прибалтийские земли окажутся тогда под его властью. Испанский король создаст себе флот на Балтийском море, в его распоряжении будут все лучшие балтийские гавани; голландцам придется проститься с мыслью свободно торговать на Балтийском море»[29]. В этих любопытных словах опять-таки легко отличить долю дипломатического лукавства от верного в основном понимания всеевропейского значения восточноевропейских дел: ход борьбы в Восточной Европе предрешал судьбу всего универсализма Габсбургов, которых в данном случае отождествляют с испанским королем, так как он по традиции все еще считался старшим и сильнейшим в доме.

Шведско-польской войне не суждено было разгореться в 1617 г. Сигизмунд III вскоре добился продления перемирия еще на два года. Дело в том, что все его попытки в 1613—1616 гг. заключить с Россией достаточно выгодный мир пока не увенчались успехом, несмотря на чрезвычайные усилия венской дипломатии помочь ему в этом, и после выхода Швеции из игры он захотел еще раз проверить возможность один на один одолеть Россию.

Проникнутый габсбургско-католическими идеями, он был уверен, что преследует в этой войне не только частные интересы Польши, но защищает всю «христианскую Европу». Позже в одном послании он так именно и хвалился перед Европой, что шведский король напал на него в тот момент, «когда мы были заняты священной войной (с Московией. — *Б. П.*) для поддержания славы и обеспечения неприкосновенности всего христианского мира»[30]. Пока не были подведены окончательные итоги борьбы с Московским государством, война со Швецией была бы для Сигизмунда III слишком рискованной, и он приложил все дипломатические усилия, чтобы отсрочить ее. Пришлось заплатить дорогую цену: Бранденбургскому курфюрсту за поддержку была обещана Пруссия, являвшаяся леном польской короны. Бранденбург оказал давление на Швецию. Сыграло свою роль и то, что венский двор заигрывал с Густавом-Адольфом и подталкивал его к примирению с Сигизмундом. Таким образом, польско-шведская война была отсрочена и возобновилась с полной силой только в 1621 г. А в 1617 г. Сигизмунд III в последний раз бросил свои войска, во главе с королевичем Владиславом, на Москву. Свыше года продолжалась смертельная схватка. Москва была обессилена, истекала кровью, но сопротивлялась отчаянно.

1615—1617 гг. напомнили московским боярам и дьякам все дипломатические уроки XVI в. Опыт показывал, что борьба Московского государства за независимость и за русские земли — смоленские, черниговские и новгород-северские — вовсе не является только русско-польским делом. Сама жизнь понуждала их к известному уразумению общеевропейского баланса между-

---

[29] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. II, с. 157.
[30] Там же, с. 163.

народных сил и к поискам в Западной Европе кого-либо, кто послужил бы противовесом слишком пристрастному арбитру в борьбе с Речью Посполитой — Империи. В самом деле, император Матвей, взявшийся за посредничество в 1615—1616 гг., даже не признал де-юре нового русского царя Михаила Федоровича Романова и, следовательно, признавал права на русский престол польского наследника Владислава — ибо только так, альтернативно, стоял тогда вопрос об этом признании перед европейской дипломатией. Иначе говоря, «посредник» был союзником одной из сторон: ведь спор о правах Владислава был одним из важнейших вопросов русско-польских переговоров. Правда, Матвей вступил де-факто в сношения с новым московским царем, но только для того, чтобы удобнее было поддерживать требования Сигизмунда III. Мало того, московскому правительству стало известно, что император оказывает прямую военную помощь полякам войсками и деньгами[31]. Следовательно, продолжение войны с Польшей даже при самых героических усилиях было безнадежным, раз невидимая рука все равно поддержит противника всякий раз, когда тот начнет слабеть.

Исходя из этого, Московское государство усиленно ищет новых связей в Европе и, естественно, направляет свои поиски именно в сторону антигабсбургских держав, хотя просит помощи против Польско-Литовского государства, а, разумеется, не против Империи. В 1615 г. русский посол во Франции Кондырев предлагает Людовику XIII франко-московский союз и просит помощи против поляков и шведов. В 1617 г. русское посольство в Англии благодарит Якова I за посредничество при заключении мира со шведами, просит его склонить королей шведского и датского и голландские Генеральные штаты к военному союзу с Москвой против Польши и дать денег на борьбу с поляками. Однако французское правительство в тот момент не сочло даже нужным ответить на московский демарш, английское — ограничилось запоздалой присылкой небольшой суммы денег тогда, когда они уже не были нужны. Иначе говоря, антигабсбургские державы не воспользовались представившейся возможностью сорвать габсбургские замыслы в Восточной Европе. Московскому государству после этой неудачи ничего не оставалось, как согласиться на перемирие с наседавшим противником, приняв хотя бы часть тех требований, которые поддерживал до того германский «посредник». Перемирие было подписано в деревне Деулино только 1 декабря 1618 г., но предопределившая его международная и военная ситуация была ясна уже в конце 1617 г. Все, чего удалось добиться Московскому государству ценой величайшего напряжения сил, — это ограничить аппетиты

---

[31] *Бантыш-Каменский Н.* (сост.). Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, ч. III. — «Чтения Московского общества истории и древностей российских», кн. 4. М., 1862, с. 22.

Речи Посполитой, остановив наступление польско-литовских войск у самой Москвы, у Троице-Сергиева монастыря, и у Можайска; положение Речи Посполитой в конце 1618 г. было, таким образом, хуже, чем в конце 1617 г. По условиям Деулинского перемирия, заключенного на 14 с половиной лет, т. е. до 1633 г., главный вопрос — о претензиях Владислава на московский престол — был дипломатически обойден, но западные земли Московского государства — смоленские, черниговские и новгород-северские — остались во владении Польско-Литовского государства.

В 1617 г., когда вопрос в основном был решен, московское правительство отбросило дипломатическую маску: дипломатические сношения с Империей, ведшей себя в его глазах попросту бесчестно, были надолго прерваны[32]. Несмотря на попытку императора Фердинанда II возобновить отношения с Москвой в 1632 г.[33], Москва в течение 37 лет, т. е. в течение всей Тридцатилетней войны, как бы не замечала существования Империи при одновременных очень оживленных сношениях с другими европейскими державами. Только когда основные итоги Тридцатилетней войны в Европе были уже подведены, в 1654 г., новый царь, Алексей Михайлович, спустя девять лет после смерти своего родителя, «рассудил возвестить» об этом событии и о своем восшествии на престол императору Фердинанду III[34].

В том же, 1617 г., как мы увидим, фактически началась Тридцатилетняя война. Это отнюдь не случайное совпадение дат. Мы уже знаем, с каким настороженным вниманием следили при дворе австрийских Габсбургов за событиями на востоке и как настойчиво рука Вены пыталась направлять по-своему ход этих событий. Правда, положение, сложившееся к 1617—1618 гг., далеко не отвечало идеалу, и, будь габсбургско-католический лагерь еще способен к вполне трезвому прогнозу, это положение, пожалуй, должно было предостеречь его против агрессии. Но во всяком случае в 1617—1618 гг. тут был достигнут максимум практически возможных успехов — а благоприятную обстановку в Германии и остальной Европе ведь легко было упустить. Столбовский мир и Деулинское перемирие, серьезно оттеснившие Московское государство на восток, знаменовали его тяжкое поражение и свидетельствовали об его глубоком истощении смутами и войнами. Габсбурги как будто могли наконец с облегчением повернуться спиной к востоку и лицом к западу. К тому же они снова были прикрыты от значительно ослабевшей «московской

---

[32] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. II. СПб., 1852, с. 1213—1253.

[33] Материалы об имперском посольстве в Россию 1632 г. см. в кн.: *Leitsch W.* Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII Jahrhundert, Bd. 1. 1604—1654. Graz—Köln, 1960.

[34] Памятники дипломатических сношений..., т. III. СПб., 1854, с. 1—84; *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России, т. I, с. 20.

опасности» относительно сильным шведско-польским «барьером»: борьба между Швецией и Речью Посполитой выглядела притушенной благодаря неоднократной пролонгации перемирия, да если бы борьба и разгорелась — она была не опасна, скорее даже желательна, ибо отвлекала бы Швецию от вмешательства в западноевропейскую политику. Что же касается Москвы, то даже и выступи она, вопреки ожиданиям, в качестве мощной третьей силы, — такое выступление, по-видимому, только заставило бы Швецию и Речь Посполитую поскорее возобновить перемирие между собой, так как и та и другая прежде всего побоялись бы потерять свои важные территориальные приобретения, сделанные по Столбовскому миру и Деулинскому перемирию; иначе говоря, можно было надеяться, что в критическую минуту «барьер» автоматически еще плотнее закрылся бы перед Московским государством. Таким-то образом 1617—1618 гг. оказались тем наиболее благоприятным временем, когда руководители габсбургско-католического лагеря сочли возможным открыто приступить к осуществлению контрреформации в Германии, которая сама была лишь прелюдией к конечной задаче — покорению Европы.

Время это было наиболее благоприятным и в том отношении, что угрожаемые государства Западной Европы были увлечены иллюзией умиротворения и совсем не были готовы к отпору агрессору.

Опыт несостоявшейся войны 1610 г. показывает, как мало были склонны правящие круги национально-абсолютистских государств — Англии и, в особенности, Франции — к превентивным действиям против Габсбургов. Они охотно дали венскому двору усыпить себя видимостью миролюбия. Почему? У власти в абсолютистских государствах стояли отнюдь не самые прогрессивные элементы европейского общества. Между тем всякая война против Габсбургов и католической реакции неминуемо должна была активизировать и развязать самые прогрессивные элементы, т. е. революционные антифеодальные силы, которыми была насыщена Европа. И абсолютистские государства роковым образом оказались бы между двух огней. Более того, для борьбы с Габсбургами они должны были бы вступить на международной арене в тесный союз с воплощением всяческой крамолы — «мятежной» Голландской республикой. Голландско-испанская война, тянувшаяся с 1572 г., хотя и прерванная в 1609 г. временным перемирием, продолжала оставаться естественным зародышем и стержнем всякой будущей европейской войны, тем уже данным реальным началом, вокруг которого необходимо должны были бы группироваться силы антигабсбургской и габсбургской коалиций. Но именно это придавало антигабсбургской коалиции привкус, которого другие ее члены всячески хотели избежать. Ведь война голландцев с габсбургской Испанией за независимость была не чем иным, как буржуазной революцией. Абсолютистским госу-

дарствам, таким образом, для победы над Габсбургами волей-неволей пришлось бы во внешней политике поддержать буржуазную революцию, подавление которой составляло главную задачу их внутренней политики. Понятно, что правящие круги и Франции, и Англии жаждали избежать войны и поспешили расстроить антигабсбургскую коалицию, как только забрезжила обманчивая возможность обойтись без военных действий против Габсбургов.

Противоречивость международной позиции французского правительства любопытным образом отразилась в так называемом «великом замысле», возникшем еще при дворе Генриха IV, но обработанном и записанном после его смерти в мемуарах его ближайшего помощника герцога Сюлли. Этот план политического переустройства Европы исходит из необходимости лишить Габсбургов их могущества и противопоставить их стремлению к всеевропейской империи какую-то иную концепцию общеевропейского порядка. Поскольку абсолютистская Франция, естественно, при этом искала контакта с родственной по политической системе абсолютистской Англией, — вполне правдоподобно утверждение Сюлли, хотя оно и оспаривается многими историками, что о «великом замысле» французские послы консультировались сначала с Елизаветой Английской, а затем (1603 г.) с Яковом I. Основные элементы «великого замысла», по Сюлли: сохранение за Габсбургами только испанской короны; превращение Европы в умиротворенную федерацию 15 государств во главе с «общим советом» и региональными советами, разрешающими все международные конфликты; признание равноправия трех вероисповеданий (католицизма, лютеранства и кальвинизма); установление таким путем «вечного мира» в христианской Европе. В этом плане наряду с прогрессивной задачей — предотвратить на будущее время самую возможность габсбургской агрессии — сквозит и тенденция передать в руки Франции некое наследство Габсбургов, вместе с европейской гегемонией, которая естественно досталась бы ей, как создательнице нового порядка.

Чрезвычайно характерно, что пацифистский «великий замысел» рисует в будущем перспективу неустранимых войн всей Европы, объединенной под руководством Франции, против двух противников: Турции и Московии. Если необходимость войн с «неверной» Турцией аргументируется в традиционном крестоносном стиле, то исключение Московии из содружества христианских государств Европы Сюлли приходится мотивировать очень искусственно: ее необозримые пространства раскинуты более в Азии, чем в Европе; своим территориальным положением она слишком связана с Татарией, Турцией и Персией, чтобы бороться против них вместе с европейцами; обитающие в ней народы — дикари и варвары, что затруднит их сотрудничество с европейцами; многие из них пребывают в язычестве и идолопоклонстве; христианство русских слишком непохоже на европейское и, напротив, слишком похоже на азиатское, т. е. на хри-

стианство греков и армян, пребывающих «под турком». Из всей этой перспективы выводится и необходимость для будущей европейской конфедерации поддерживать сильную Польшу, как оплот «против турка, московита и татарина» [35].

Эти интересные черты из области международных проектов начала XVII в. хорошо иллюстрируют раздвоенность французской относительно прогрессивной политики: чем более решительно предполагалось осуществить ниспровержение Габсбургов, тем более энергично приходилось все же открещиваться от какого-либо «ниспровержения основ» существующего международного и социального порядка в Европе, а следовательно, волей-неволей санкционировать немалую долю габсбургской реакционной политики.

Если так обстояло дело в области теории, то в политической практике промежуточное положение национально-абсолютистских государств между двумя полюсами — габсбургско-католической феодальной реакцией и зародышами нового буржуазного строя — выражалось в их упорном стремлении избежать окончательного разрыва и войны с Габсбургами. Конечно, это была политика страуса, ибо обе феодальные государственные системы были несовместимы по причине агрессивного универсализма, «империализма» габсбургской политической концепции, таившей угрозу всякой национально-государственной независимости. Но раз гром не грянул в 1609—1610 гг., по видимости довольно благоприятных для габсбургской агрессии, во Франции и Англии возобладала надежда на возможность устранить угрозу путем мирных дипломатических комбинаций и частичных уступок Габсбургам.

Активность французской и английской дипломатии была теперь направлена главным образом на то, чтобы оторвать от союза с австрийскими Габсбургами Испанию, а также Речь Посполитую, т. е. изолировать венский двор и, поддерживая одновременно немецких протестантов, принудить его к сговорчивости и умиротворению. Английский и французский дворы наперебой искали дружбы с испанским и даже ссорились между собой на этой почве. Яков I Английский в 1614 г. чуть не сосватал своего сына Карла и дочь испанского короля Филиппа III Анну, но регентша Мария Медичи, правившая Францией после Генриха IV, перебила эту сделку, организовав в 1615 г. сразу два «испанских брака»: Анна Габсбургская (ее называли Анной Австрийской) была выдана за несовершеннолетнего французского короля Людовика XIII, а его сестра Елизавета Бурбонская — за испанского инфанта, будущего короля Филиппа IV. Яков I открыто восхищался Сигизмундом III, французский двор тоже спешил делать

---

[35] *Sully*. Mémoires des sages et royales économies d'Estat. Collection des mémoires, ed. Michaud et Poujoulat, t. XVII. Paris, 1854, p. 149—154, 262—321, 323—355, 423—436.

ему дипломатические авансы. С другой стороны, в целях давления на венский двор английская дипломатия, как мы знаем, старалась расстраивать все комбинации императора в Северо-Восточной Европе. Более того, в 1613 г. Яков I сделал очень ответственный шаг, выдав свою дочь Елизавету за главу Протестантской унии в Германии курфюрста Фридриха V Пфальцского и сделавшись тем самым официальным покровителем немецких протестантов. Несколько позже и католический французский двор начал тайные переговоры с немецкими протестантами, обещая им свою дружбу и покровительство [36].

Не только в годы, предшествовавшие Тридцатилетней войне, но еще и несколько лет после ее начала этот наивный план оставался, в сущности, путеводной звездой и английской, и французской дипломатии, несмотря на все частные колебания, неудачи и отклонения; план сблизиться с оплотом католической реакции — Испанией и одновременно с Протестантской унией в Германии, сблизить их между собой и тем самым удержать под шахом германского императора и Католическую лигу, — отнюдь не нанося им смертельных ударов и не вступая с ними в войну. Испанское правительство Филиппа III, руководимое герцогом Лермой, хотя ни на одну минуту не помышляло в действительности об измене австрийским Габсбургам, долгое время, вплоть до открытого вступления в Тридцатилетнюю войну, очень ловко принимало английские и французские ухаживания и даже как будто отвечало взаимностью. Его задача состояла в максимальном затягивании дружественных переговоров. Дипломаты абсолютистских государств были ослеплены кажущейся близостью успеха. На самом деле англо-французский план «умиротворения» Европы был утопией, не только пустой, но и вредной, так как он расстроил антигабсбургскую коалицию, а Габсбургам дал время подготовиться и безо всякого противодействия осуществить первые шаги своей агрессии. Характерно, что периоду этой прогабсбургской внешней политики во внутренней жизни и Англии, и Франции соответствовал период всевластия здесь наиболее реакционных элементов феодального класса. Абсолютизм Якова I Стюарта, сравнительно с предшествовавшим абсолютизмом Тюдоров, отмечен непрогрессивными, феодальными чертами; политику двора целиком определяет феодально-дворянская знать. Во Франции регентство Марии Медичи — это торжество принцев и вельмож, попытка ликвидировать абсолютизм в том виде, каким он сложился при Генрихе IV [37]. И там и тут в эти годы происходит неслыханное расхищение государственной казны придворной феодальной знатью, получавшей баснословные пенсии и

---

[36] *Tapié V.-L.* La politique étrangèze de la France et le début de la guerre de trente ans (1616—1621). Paris, 1934.

[37] *Люблинская А. Д.* Франция в начале XVII века (1610—1620 гг.). Л., 1959; *она же.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965.

подачки. И это опустошение казны наиболее наглядно иллюстрирует процесс «разоружения» национально-абсолютистских государств, ибо именно их казна была в ту эпоху наемных армий их военным потенциалом, их скрытым войском, их обороноспособностью, их способностью к активной внешней политике.

Вот в какой международной обстановке началась Тридцатилетняя война. В Восточной Европе «турецкая опасность» и «московская опасность» были наконец устранены и, по-видимому, надолго; от «московской опасности» Центральная Европа была к тому же прикрыта шведско-польским «барьером». Габсбурги получили возможность попытаться осуществить в Западной Европе заветную мечту — восстановить державу Карла V в расширенном и исправленном издании. И как раз те западные государства, которым это намерение угрожало более всего, были погружены в сладкие миротворческие сновидения. Это обстоятельство давало императору время для необходимого подготовительного акта — для устранения с его пути немецких протестантов, для контрреформации в Германии.

Итак, вглядываясь в перспективу событий, мы ясно видим в этой перспективе габсбургскую агрессию на Западе. Но можно ли утверждать, что странам Восточной Европы агрессия не грозила вовсе? Напротив. Если мысленно проникнуть в еще более отдаленную перспективу, если представить себе совершившейся победу Габсбургов на Западе, — мы увидим, что агрессия тогда с роковой необходимостью должна была бы обрушиться на народы и государства, прилегавшие к Балтийскому морю. Этот анализ стоит проделать тут же, чтобы сразу представить себе начало Тридцатилетней войны как угрозу, нависшую одновременно над значительной частью человечества и исходившую от Империи.

На другой день после воссоединения двух основных частей габсбургской универсальной державы возникла бы борьба за гегемонию между Германией и Испанией. Речь идет не о персональных династических вопросах, а об интересах правящих групп и целых господствующих классов, стоявших за спиной и испанского короля, и германского императора.

Само общественное мнение Европы затруднялось решить, кому следует приписать главную роль в габсбургском католическом движении. Испании эта роль естественно приписывалась по ее более тесной связи с папством, по ее открытой завоевательной политике, укоренившейся с Филиппа II, по ее кажущемуся могуществу; историки до сих пор традиционно называют столетие 1559—1659 «веком испанского преобладания в Европе»; даже империя Карла V многим казалась более испанской в своей основе, чем германской. Но, с другой стороны, современники в начале XVII в. не могли не видеть, что судьба габсбургско-католического универсализма целиком находится в руках Империи. Испанский король мог сколько угодно мечтать, но он решительно

ничего не мог сделать до тех пор, пока император предпочитал выжидать. Не мадридский, а венский двор решал вопрос о том, быть или не быть европейской войне и когда ей быть. К тому же если испанский король в оправдание своей агрессивности имел право ссылаться только на религиозные аргументы, выставлять себя только как орудие папско-католического универсализма, то император мог прямо опираться на собственные права, на учение об универсальном характере императорской власти, еще очень привычное для сознания современников. Преобладание Испании над всей Европой всегда выглядело бы поэтому чем-то не вполне законным, тогда как в Вене считали себя вправе открыто провозглашать еще до войны: Austriae est imperatura orbi universo.

Итак, до поры до времени хозяином положения был все-таки император. Но затем роковым образом должно было обнаружиться его бессилие: самая отсталая, самая феодальная политическая форма в Европе, каковой была Империя, давала, разумеется, и низкий коэффициент централизованных государственных доходов, т. е. имела низкий военный потенциал. Надо помнить, что армия в те времена целиком и полностью могла быть приобретена на деньги — независимо от каких-либо прочих национальных ресурсов. Мировой рынок предоставляет нанимателю почти неограниченное количество солдат — главного элемента войны при тогдашнем уровне военной техники. Капитал уже давно умел распоряжаться человеком как наемным солдатом, прежде чем вполне научился распоряжаться им как наемным рабочим. Поэтому все политики XVI—XVII вв. были согласны в том, что «деньги — нерв войны». А император почти не имел доступа к деньгам, обращавшимся внутри его Империи, к тому же и обращавшимся в довольно скромных размерах. Иными словами, император затевал, в сущности, грандиозную агрессию без мало-мальски значительных военных ресурсов. Он клал на чашу весов главным образом груз укоренившихся средневековых представлений о природе империи и императорской власти, свой «священный», «римский» титул, который один мог санкционировать «похищение Европы» кем бы то ни было. Без него никакая агрессия была невозможна, значит, агрессию должны были произвести для него. Дело императора — политика, а не война. Все остальное, чего он не клал на чашу весов, — деньги и войска — должны были положить за него отчасти немецкая Католическая лига, преимущественно же Испания. Испания из своих соображений шла на это, но не для того, конечно, чтобы создать Германии всемирную власть. Испанские гранды, идальго и купцы желали в конце концов поставить Европу и омывающие ее моря под монопольный испанский контроль.

Соперничество внутри габсбургского лагеря неминуемо должно было разгореться. Император был чужд национальным интересам, его немецкие советники и союзники хотели удержать

за собой господство после победы, им надлежало уже в ходе войны обеспечить Германии финансовое могущество, не меньшее, чем у испанского короля. Для этого Германия должна была овладеть балтийской торговлей, которая стала бы неиссякаемым источником ее обогащения. Более того, это могло способствовать падению испанского могущества.

Во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. из американских колоний в Испанию притекал поток все новых и новых богатств, в частности серебра, как ни расхищались поставлявшие его испанские галеоны смелевшими с каждым годом английскими и голландскими пиратами. На эти-то заморские богатства испанские Габсбурги и покупали те армии и армады, которыми они с таким ожесточенным упорством старались поставить Европу на колени перед Испанией. Притом лишь небольшая часть этих богатств непосредственно доставалась казне. Львиная же доля попадала в руки испанской светской и духовной знати, удовлетворявшей свои прихоти со сказочной расточительностью. Накачивание несметных колониальных сокровищ в экономический организм Испании вызывало в нем рыночную лихорадку: цены на товары непрерывно росли. Благодаря высоким ценам Испания стала обетованным раем для купцов-посредников, которые через любые таможенные преграды привозили товары из соседних стран, где цены стояли более низкие, и таким образом наживали огромные барыши. Эти привозные дешевые товары душили испанское производство, неконкурентоспособное из-за тяжких налогов, а, в свою очередь, испанские золото и серебро, выкачиваемые за границу в обмен на товары, широкой рекой разливались по Европе и оплодотворяли, подстегивали производство других стран — особенно Англии, Франции, Нидерландов. Но купцы-посредники, соперничая между собой, мало-помалу и там вздули цены на закупаемые товары, хотя и не до испанского уровня, и «революция цен» довольно быстро распространилась по всей Западной Европе. В особенности возросли цены на продукты сельского хозяйства в связи с ускоренным ростом промышленности.

Теперь на огромные барыши мог рассчитывать тот, кто вез хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию в страны, прилегавшие к Атлантическому побережью, из более отдаленных стран, из Восточной Европы, куда «революция цен» проникла лишь в очень ослабленной форме. Хотя исследователями установлены как бы отдельные волны «революции цен», докатывавшиеся до Польши и до Московского государства, в общем цены на восточноевропейском рынке были в XVI—XVII вв. значительно более устойчивыми и низкими, чем на западе. Причину этого, может быть, следует видеть в том, что на пути этих волн стояла своего рода плотина в лице Германии — раздробленной на множество княжеств, каждое из которых имело свои таможенные заставы, свои пошлины, свою монетную систему, так что сухо-

путная торговая связь между Западной и Восточной Европой практически была почти невозможной. Но оставался морской путь — через Балтийское и Северное моря. Экспорт восточноевропейской продукции этим путем в порты Западной Европы сулил верную прибыль благодаря устойчивому расхождению цен. И действительно, датская статистика показывает неуклонное возрастание числа торговых судов, проходивших под разными флагами через Зунд во второй половине XVI в. и в течение всего XVII в.[38]

Одно обстоятельство в огромной степени снижало эффективность всей этой оживленной коммерческой деятельности — торговая конкуренция экспортеров. Она настолько сбивала в западных портах продажную цену на груз, уже оплаченный по дороге высокой зундской пошлиной датчанам, что выручка купцов, пожалуй, скоро перестала бы превышать их издержки, если бы сами прибалтийские страны, тоже соперничавшие между собой, дополнительно не снижали себестоимость своего хлеба и других товаров путем введения у себя бесплатного принудительного труда, т. е. жесточайшего крепостничества. Впрочем, какую-нибудь часть этой выгоды каждая из них хотела бы удержать в свою пользу, и на этой почве в балтийских портах опять-таки разыгрывалась конкуренция между купцами-посредниками. Понятно, что ключ к сказочному обогащению получил бы тот, кто захватил бы монополию в балтийской торговле и пресек самую возможность конкуренции: он диктовал бы свою покупную цену странам — поставщикам в Восточной Европе и продажную цену покупателям на Западе, кладя в карман всю разницу и не давая возможности даже отголоскам «революции цен» проникнуть на восточноевропейские рынки. Вся история балтийского вопроса в XVI—XVII вв. сводится к попыткам установить эту торговую монополию.

Но как достичь ее? Ганзейцы тщетно пытались добиться этого с помощью своих старинных факторий и привилегий, датчане — душа соперников, зундской пошлиной, но их принудили быть сговорчивее голландцы — опираясь на свое мореходное искусство и торговый флот[39]. Опыт всех этих неудач показывал, что к мо-

---

[38] *A. E. Christensen.* Der handelsgeschichtliche Wert der Sundzollregister. — «Hansische Geschichtsblätter», 1934; *idem.* Sundzollregister und Ostseehandel. Resultate und Probleme. — «Conventus primus historicorum Balticorum Rigae. 1937». Riga, 1938; *idem.* Dutch Trade on the Baltic about 1600. Studies in the Saund Register and Dutch Shipping Records. Copenhagen, 1941.
Общее освещение балтийского вопроса в XVI—XVII вв. содержится также в докладах на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме: *Czaplinski Wl.* Le problème Baltique aux XVI e et XVII siècles. — XIe Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm. Rapports IV. Uppsala, 1960.

[39] *Konopczunski L.* Le problème baltique dans l'histoire moderne. — «Revue Historique», t. 162, sept. — dec. 1929.

нополии может привести единственное средство — завоевание всего Балтийского побережья одним из соперничавших государств.

В начале XVII в. к этой цели быстро продвигалась Швеция: она владела всей Северной и Восточной Прибалтикой; оттеснив в 1617 г. от моря Московское государство, Густав-Адольф уже готовился к успешной борьбе с Польско-Литовским государством за польское побережье Балтийского моря. Оставался еще один соперник — Германия, которой принадлежала восточная часть южного побережья. В Германии с завистью следили за экспансией шведов в Прибалтике и усваивали их наглядные уроки.

Интерес к Балтике стал развиваться в Германии не раньше того времени, как надвинулась угроза полной закупорки северного конца рейнской торговой артерии, питавшей некогда экономическую жизнь Германии. Южный конец этой артерии закупорился еще раньше: как отвалившаяся от горы скала запруживает реку, так отпавшая от Империи Швейцария запрудила альпийские проходы, связывавшие Германию со средиземноморским торговым бассейном. Запруженная река разливается, и южнонемецкий капитал в начале XVI в. вышел из своего старого русла и ринулся в новых направлениях. Поскольку сама средиземноморская торговля в это время отходила на второй план перед атлантической колониальной торговлей, спасение для немецкого торгового капитала состояло в приобщении к этой новой торговой сфере, благо северный конец старого пути, водный выход к Атлантическому океану через Нидерланды, оставался открытым. Но атлантическая торговая сфера составляла монополию Испании и Португалии, немецкие купцы, подобно Фуггерам, стали вкладывать свои капиталы в испанские и португальские коммерческие предприятия. Купцы Вельзеры добились даже от испанского правительства разрешения торговать прямо с испанскими колониями, «как если бы они были испанцами». «Фуггерство» было в первой половине XVI в. одной из главных основ «габсбургства»: немецко-испанская экономическая связь поддерживала испанско-немецкую империю Карла V. Фуггеры своими кредитами возвели на престол Карла V, до последней минуты помогали ему в борьбе с врагами, так же как и Филиппу II в попытках подавления Нидерландской революции. Но когда Северные Нидерланды все же запрудили, как еще одна отвалившаяся скала, и устье Рейна, — с атлантическими источниками богатства для немецких купцов было кончено. Вернее, теперь осталась последняя возможность — торговать уже не с колониями, а попробовать захватить посредничество между Восточной и Западной Европой, иными словами, богатеть не вместе с испанцами, а вместо испанцев.

Общественная мысль теперь все чаще обращалась к идее установления германской монополии на Балтийском море, которая сулила несметные барыши немецким купцам и помещикам.

А немецким правителям она сулила головокружительную перспективу, — монопольно снабжая Испанию и другие западные страны дешевым хлебом и всевозможным сырьем, понемногу перекачивать таким способом в Германию огромную долю тех несметных колониальных богатств, которые целиком застревали на Западе. Это был путь к могуществу Германии, это было средство парировать всякие притязания Испании на гегемонию в габсбургском мире.

Разумеется, никто в Германии не мог бы сформулировать эту перспективу с такой ясностью. Но любопытно, что все-таки именно в те периоды, когда на политическом горизонте обрисовывалась возможность сближения или соединения обеих габсбургских ветвей, в Германии возникала балтийская горячка. Например, уже после смерти дон Карлоса в 1568 г., когда казалось, что благодаря заключенным бракам владения австрийских и испанских Габсбургов вскоре снова соединятся в одних руках, в правящих кругах Германии тотчас родилась потребность перестраховать себя против грозящего испанского засилья: под их давлением сам император Максимилиан II выступил с подробным планом превращения Германии в морскую балтийскую державу. Предполагалось прежде всего для демонстрации прав Империи и изыскания практических мер назначить имперского «адмирала Балтийского моря», а затем, проведя вопрос через рейхстаг, открыто «поддержать» право императора в Южной и Восточной Прибалтике с помощью сильного вооруженного флота. Успех этого плана должен был привести к огромному обогащению Империи и самого императора путем захвата всех богатств балтийской торговли и особенно прибыльной — «нарвской», т. е. русской. Однако для осуществления такого замысла Максимилиану II надлежало действовать совместно с антииспанской или, по не совсем верному выражению Форстена, «национальной немецкой партией в Германии» [40], в то время как для победы габсбургского универсализма надо было еще сначала тесно соединиться с Испанией, да и эта задача, как мы знаем, оказалась в конце концов несвоевременной при Максимилиане II. Таким образом, весь балтийский проект остался тогда на бумаге. Но и позже, по мере того как осторожно, медленно, с оглядкой на восток раскрывали австрийские Габсбурги свои объятия Габсбургам испанским, в тиши немецких канцелярий, втайне, чтоб не спугнуть испанского партнера, который тоже зарился на Балтику, разрабатывались прежние маритимные планы: учреждение балтийского адмиралтейства, строительство сильного имперского флота и укрепленных гаваней в Балтийском море. И, наконец, уже в разгар Тридцатилетней войны партия Валленштейна вынесла на поверхность все эти проекты и попыталась их осуществить [41].

---

[40] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. I, с. 565.

[41] *Reichardt K.* Die maritime Politik der Habsburger im 17. Jahrhundert. Berlin, 1867. См. ниже, гл. II и др.

Таким образом, скрытые в габсбургском лагере испано-германские противоречия неминуемо должны были привести рано или поздно к борьбе за Балтийское море, к попытке установления на нем неограниченного германского господства. Разумеется, ни шведы не отдали бы своей добычи без сопротивления, ни прибалтийские народы не подчинились бы добровольно германскому игу. Следовательно, габсбургско-католическая лавина, медленно двинувшаяся в 1617 г., уже неотвратимо несла в себе ужасы войны и насильственного покорения народам не только Западной, но и Восточной Европы.

Этой лавине не суждено было совершить своего страшного дела. Она была остановлена и отброшена. Но, чтобы правильно оценить историческое значение Тридцатилетней войны в целом, чтобы иметь верную путеводную нить при ее анализе, историк должен исходить не просто из ее результатов, а помнить, что Тридцатилетняя война началась как угроза всеобщему миру и прогрессу, как неумолимая агрессия, главные рычаги которой находились в руках германского императора.

II

ГЕРМАНИЯ

Немецкие историки некогда создали концепцию Тридцатилетней войны, ставшую надолго, можно сказать, школьным догматом в Германии, а оттуда проникшую и в мировую историческую литературу. Эта концепция кладет в основу понимания Тридцатилетней войны два тезиса. Во-первых, Тридцатилетняя война была по своим внутригерманским истокам не чем иным, как последней в истории попыткой императора объединить Германию, последней попыткой превратить императорскую власть в национальную монархическую власть. Во-вторых, чтобы не допустить этого объединения и неизбежно вытекающего из него политического усиления Германии, «вековой враг» немцев, Франция, боявшаяся иметь сильного соседа, воспользовалась борьбой императора с князьями и организовала в эту трудную минуту вторжение внешних сил в Германию, поставила ее на колени, еще больше раздробила ее и ослабила.

Эта историческая концепция сыграла большую роль в деле политического воспитания нескольких поколений немцев в духе национализма и шовинизма. Она полностью и без остатка взваливала вину за все отрицательные явления последующей истории Германии — надолго сохранявшуюся экономическую отсталость, политическое бессилие, упадок нравственности и т. д. — на «векового врага» и вообще на внешние силы, насильственно сорвавшие германский прогресс. Она помогала тем самым переключать недовольство, рождавшееся в германском обществе, с внутриполитических рельсов на внешнеполитические, т. е. обращать его в ненависть к мнимым виновникам всех бедствий немцев, в частности к французам. Наконец, эта историческая концепция порождала иллюзию, будто в отдаленном германском прошлом имели место серьезные попытки сплочения нации сверху, причем доброй воле немецких правителей помешала лишь злая воля других европейских государств.

Не будем останавливаться подробно на вопросе, интересам каких именно классов и политических сил в Германии в эпоху капитализма и империализма отвечала эта тенденция, — устремить

национальное чувство немцев, не удовлетворенное как до, так и после бисмарковского объединения Германии, вовне, в русло воинствующего шовинизма. Во всяком случае нетрудно проследить связь ученых изысканий некоторых немецких профессоров с практическими потребностями германской империалистической агрессии в новое время. Нам здесь важнее показать, насколько эта традиционная концепция Тридцатилетней войны противоположна объективной исторической действительности.

Двум указанным тезисам следует противопоставить два контртезиса. Во-первых, агрессором в Тридцатилетней войне, по существу, были габсбургские державы, в частности Империя, а антигабсбургские державы занимали оборонительные позиции и к тому же недостаточно решительные. Во-вторых, внутри Германии императорская власть вовсе не ставила перед собой каких-либо национально-объединительных задач, а стремилась всего лишь устранить воплощенное в протестантизме и протестантских князьях препятствие к осуществлению всеевропейской агрессии, поскольку последняя была необходимо связана с католической реакцией.

Эти два контртезиса расчистят нам путь для понимания действительного характера Тридцатилетней войны.

Если основной ареной Тридцатилетней войны в конце концов оказалась сама Германия, а не остальная Европа, куда устремлялась габсбургская агрессия, то причины этого надо прежде всего искать внутри Германии. Надо выяснить, во-первых, какие внутриимперские препятствия вызвали затяжку пролога габсбургской агрессии, затяжку, давшую возможность антигабсбургским державам все же перехватить военную инициативу; во-вторых, какие силы, так сказать, всасывали внутрь Германии европейскую войну, раскрыли двери для иностранной интервенции, ибо опыт истории говорит, что всякая длительная интервенция опирается на те или иные силы внутри страны. Иначе говоря, Тридцатилетняя война имела наряду с общеевропейским еще и особое внутригерманское (точнее — внутриимперское) содержание. Его нам и надлежит также уяснить, если мы хотим охватить Тридцатилетнюю войну в целом [1].

---

[1] Освещение внутренней истории монархии Габсбургов этого периода см. в ряде общих работ: *Zöllner E.* Geschichte Österreichs. Wien, 1961 (4 Aufl. 1970); *Sturmberger H.* Kaiser Ferdinand II und das Problem des Absolutismus. Wien, 1957; *Haan H.* Kaiser Ferdinand II und das Problem des Reichsabsolutismus. — «Historische Zeitschrift». München, 1968, Bd. 207; *Mecenseffy G.* Geschichte des Protestantismus in Österreich. Wien, 1956; *Wandruszka A.* Das Haus Habsburg. Die Geschichte einer europäischen Dynastie. Wien, 1956; *Schilfert G.* Zur Problematik von Staat, Bürgertum und Nation in Deutschland in der Periode des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. — «Zeitschrift für Geschichtwissenschaft». Berlin, 1963, Jg. 11, Hf. 3. Не устаревшие до сих пор сведения по политической истории содержатся также в монографии: *Novák J. B.* Rudolf II a jeho pád. Praha, 1935.

Мы находим внутри Империи, по крайней мере, четыре группы противоречий: государственные — между императором и князьями; конфессиональные — между религиозными группировками; национальные — между немцами, славянами, венграми; социальные — между общественными классами. Последняя группа является самой важной, первая — наименее значительной. Но на поверхности истории, как и исторических сочинений, они всплывают именно в обратном порядке.

Римско-германский император, глава «Священной Римской империи германской нации», сочетал два разных качества в одном лице: короля немцев и потенциального владыку всего западного христианского мира [2]. Первое качество развивалось в течение первых веков средневековья из племенного начала, второе было как бы отзвуком древней Римской империи, игнорировавшей всякие национально-племенные границы. И у истоков негерманской, например французской, государственности мы видим в раннем средневековье такое же сочетание двух различных начал — варварского и античного. Но в дальнейшем политическое развитие Франции и Германии шло, грубо говоря, в противоположных направлениях. Во Франции неуклонно возвышалась и крепла королевская власть. Германский же государь по характеру своей власти становился с веками все менее немецким королем и все более «вселенским» императором.

Правда, практически после XIII в. его власть уже почти не выходила за пределы немецких и смежных с ними земель; но фактическая независимость Франции, Англии и т. д. от императора все же, несмотря на попытки многих публицистов, начиная с XIV в., теоретически доказывать право отдельных европейских государств на суверенитет, рисовалась в глазах большинства исключением из общего правила или чем-то временным — не только в трактатах сторонников Империи (например, «О монархии» Данте), но и в повседневных поучениях католической церкви, в традиционной школьной науке, в ходячем мнении. Именно укоренившееся всеобщее представление о вечности Римской империи, продолжающей жить в виде западного христианского мира во главе с папой и императором, и было использовано в начале XVI в. для примирения общественного сознания с возникшей было космополитической державой Карла V.

Сейчас для нас важнее, что и, ограниченный властью над одной Германией, император оставался носителем совершенно иного политического принципа, чем французский король. Он был не столько «императором Германии», сколько «императором в Германии» и являлся как бы временным резидентом в одном из своих владений, проявившим больше послушания, чем другие. Историки ошибочно приписали германским императорам стремление в разные эпохи к объединению Германии и превращению

[2] О характере императорской власти см.: *Брайс Д.* Священная Римская империя. М., 1891.

в подлинных германских монархов. На самом деле такая мысль всегда была оскорбительна в глазах императора и идеологов Империи и отвергалась с негодованием: император — это сверхмонарх и должен почти так же возвышаться над любым монархом, как бог над королем в глазах идеологов абсолютной монархии; он судья между монархами, он защитник основ мирового порядка. Мысль о превращении его в германского короля чаще всего исходила от критиков и противников Империи — или от зарубежных, призывавших еще в XIV—XV вв. пресечь таким способом существование Римской империи, или от внутренних немецких, например протестантских, юристов, в XVI—XVII вв. впервые осмелившихся высмеивать притязания императоров на господство над миром и заявлять, что их Империя не более как немецкая монархия; юрист Борислав Филипп Хемниц[3] в обличительном антигабсбургском трактате «О разумном устроении нашей Римско-германской империи», вышедшем под псевдонимом Hippolitus a Lapide (1640 г.), историческими аргументами доказывал чисто немецкое, а не римское происхождение имперской конституции. Это звучало прежде всего как насмешка над Империей. Или же, наконец, идея превращения императора в германского монарха, как положительная программа, исходила подчас от тех слоев германского общества, которые стремились к политическому объединению Германии. Однако, если в различные моменты германской истории XVI—XVII вв. те или иные классы — не только принадлежавшее прошлому рыцарство, но и бюргерство, а может быть, и часть крестьян — связывали свои политические надежды и требования с усилением власти императора, с присвоением ему функций монарха-централизатора, объединителя, это всякий раз была только утопия, вредная, как программа рыцарского восстания 1522—1523 гг., или, по крайней мере, бесполезная, как бюргерская «Гейльбронпская программа» 1525 г. В действительности национальное объединение Германии и превращение ее из архаического феодального сооружения в передовое централизованное государство могло бы произойти не с помощью императора, а только вопреки императору, ибо император был, по существу, не менее антинациональной фигурой, чем князья: их интересы были всегда мельче национальных, а его — всегда шире национальных. Однако боязнь революционного пути все снова и снова вызывала к жизни эту утопию. Когда же доходило до дела, то даже самые энергичные попытки толкнуть того или иного императора на путь абсолютизма даже в самые затруднительные для него моменты, когда отказ от этого пути грозил ему катастрофой, все равно терпели фиаско в решительную минуту из-за панического ужаса императора перед «позором» превращения в простого короля немцев. Бюргерству оставалось приписывать различным императорам централизаторские стремления хотя бы в легендах; в обращении

[3] Впоследствии официальный шведский историограф (*Ред.*).

время от времени появлялись характерные документы, вроде «Реформации Фридриха III» — проекта политических реформ в национально-объединительном духе, составленного будто бы в конце XV в. императором Фридрихом III[4].

Поводом для этой утопии служило то обстоятельство, что императоры неизменно ссорились с немецкими князьями, а князья олицетворяли раздробленность Германии. На этом же основании многие историки охотно сравнивают борьбу германских императоров против князей с борьбой французских или английских королей против сепаратизма крупных феодалов. Разница представляется в основном лишь количественной: Германия отстала от Франции и Англии, германские императоры были слабее французских или английских королей. Нет ничего ошибочнее такого сравнения. Германские императоры вовсе не стремились и не могли стремиться к тому сокрушению нижестоящих властей, которого добились французские короли. Как ни напряженны были подчас отношения между императорами и князьями в Германии, то были противоречия совсем иного рода, ничего общего не имевшие с непримиримым антагонизмом. Доведись императору совсем раздавить князей — он в тот же момент перестал бы быть «сверхгосударем»; такая «победа» только унизила бы природу его власти, ибо он тем и отличался от простого государя, что под ним необходимо мыслилось существование не подданных и даже не вассалов, а именно самостоятельных государей.

Само понятие «римско-германский император», таким образом, уже включало и подразумевало существование тех самых территориальных князей, борьба с которыми, на первый взгляд, заполняла помыслы и стремления императоров на протяжении веков. Со своей стороны и князья, как будто бы только и занятые отстаиванием своей независимости от императора, вовсе не были заинтересованы в его полном устранении. Только санкцией Империи, только как члены Империи они и жили, эти мелкие и мельчайшие государства Центральной Европы, — точно так же как только здесь, над хаотической массой маленьких центральноевропейских государств, и могла задержаться, зацепиться архаическая «Священная Римская империя».

Иначе говоря, неправильно противопоставлять Империю и раздробленность Германии, силу императора и независимость князей. В истории Германии мы видим на протяжении столетий эти два явления в неразрывной связи: раз есть территориальные князья — есть император, и обратно. Одно без другого просто немыслимо, как две стороны единого целого.

Более того, политическая эволюция германской Империи необходимо совершалась в сторону все большей раздробленности, или территориализации, т. е. все большего полновластия князей.

---

[4] См. *Смирин М. М.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, с. 299—303.

Император, теряя мало-помалу свойства немецкого короля, вместе с тем приобретал свойства все более совершенного императора. Каждое его поражение в Германии как государя все выше возносило его как «сверхгосударя»: он стоит выше даже полновластных монархов! Учитывая эту неуклонную историческую тенденцию к номинальному возвышению императора за счет уменьшения его реальной власти, можно сказать, что, даже если какой-нибудь политической группировке в тот или иной благоприятный момент истории и удавалось добиться усиления императорской власти в Германии, это оказывалось шагом не вперед, а назад: это только восстанавливало уже пройденную стадию процесса и неизбежно порождало на следующем этапе еще более успешную борьбу князей против императора, т. е. еще более сильный размах маятника в противоположном направлении. В общем же императорская власть в Германии продолжала с неумолимой логикой эволюционировать к этой идеальной предельной точке — к абсолютному бессилию.

Однако императорская власть не могла ведь существовать как политическое понятие без материального субстрата, как душа без плоти. По мере того как ускользал материальный субстрат в виде реальной власти немецкого короля, он подменялся суррогатом в виде личных ресурсов императоров; императоры Люксембургской династии (XIV—1-я половина XV в.) извлекали средства из принадлежавшей им Чехии, Виттельсбахи — из Баварии, Габсбурги — из Австрии. Развитие королевской власти во Франции шло обратным путем: Капетинги сначала извлекали государственные доходы из принадлежавшего им лично Иль-де-Франса, а затем мало-помалу присоединили к этому своему домену всю остальную Францию и стали брать с нее налоги уже в качестве французских королей. Напротив, император как таковой, как глава Империи, не получал ко времени Габсбургов (закрепивших фактически с 1438 г. за собой императорскую корону) с Германии решительно никаких доходов. Государственные доходы имели только князья. Правда, на общегерманские нужды, например на борьбу с турками, они должны были кое-что из своих доходов время от времени отдавать императору. Но поэтому-то они охотно и выбирали каждый раз именно Габсбургов на императорский престол, который не был наследственным и теоретически мог достаться любому свободному христианину, хотя бы бедняку: ведь Габсбурги владели (с 20-х годов XVI в.) самым богатым из государств Империи — австро-чешско-венгерским, и остальные князья таким способом перекладывали на земли Габсбургов значительную долю общеимперских расходов; к тому же и борьба с турками оказывалась при этом почти частным делом Габсбургов, владения которых подвергались опасности в первую очередь. Таким образом, благодаря тому, что Габсбурги обладали Австрией, императорская власть в их руках могла одновременно и эволюционировать понемногу к полному бессилию и все же не

превращаться при этом в нечто невещественное, в одну символическую церемонию выборов римского императора, который затем погружался бы в безвестную жизнь частного человека, даже не окруженного приличной его сану пышностью.

Итак, политическая децентрализация Империи в XVI—XVII вв. — это не негативное понятие, означающее только слаборазвитую централизацию. Процесс германской децентрализации по природе своей противоположен процессу, скажем, французской централизации. Политическая раздробленность развивалась на протяжении всей истории «Священной Римской империи». Юридически оформиться ей было суждено в Вестфальском мире 1648 г. Но и накануне Тридцатилетней войны Империя представляла собой совокупность уже почти совершенно самостоятельных государств.

Империя как таковая не имела ни столицы, ни правительства, ни постоянных доходов, ни постоянного войска. То, что называлось имперской конституцией, — это не закон Империи, а скорее сумма вольностей, которыми пользовались князья так же, как имперские рыцари и имперские города.

Основа этой конституции такова: все члены Империи делились на три коллегии, или чина, — курфюрсты, прочие князья и имперские города; собрание всех трех коллегий составляло рейхстаг, или имперский сейм. Коллегия курфюрстов, т. е. крупнейших князей, имевших привилегию участвовать в выборах императора и заключать с ним при этом особый ограничивавший его власть договор, состояла из семи человек: трое духовных — архиепископы Майнцский, Трирский и Кёльнский, и четверо светских — король Чешский, курфюрсты Пфальцский (пфальцграф Рейнский, князь Пфальца), Саксонский и Бранденбургский; последние трое после Реформации были протестантами, остальные — католиками; курфюрсты Саксонский и Бранденбургский владели обширнейшими, но не сплошными территориями в Восточной Германии, три архиепископа и курфюрст Пфальцский представляли западную прирейнскую Германию, а король Чешский являлся одновременно не кем иным, как наследственным государем Австрии — Габсбургом. Коллегия имперских князей имела свыше 300 членов — архиепископов, епископов, аббатов, герцогов, маркграфов, графов и прочих светских магнатов и прелатов церкви; многочисленное имперское рыцарство не имело права голоса в имперском сейме. Наконец, коллегия имперских городов состояла также из множества членов, имевших разнообразные и трудно совместимые интересы. Если воля всех трех чинов, собравшихся на рейхстаг, совпадала — она становилась законом Империи. Понятно, что этот результат достигался с большим трудом. Между тем только рейхстагу принадлежало право устанавливать имперские налоги, объявлять войну и мир, набирать имперскую армию, ратифицировать договоры. Иначе говоря, рейхстаг служил прежде всего для того, чтобы связывать императора в основных

вопросах политики интересами отдельных чинов и членов Империи, он представлял вовсе не имперские интересы, а только имперские вольности. Как бы в противовес этому органу, призванному ограничивать и стеснять общеимперские нужды, существовал другой, где, напротив, последние номинально преобладали: рейхскаммергерихт, т. е. имперский палатный суд. Однако на деле он был бессилен. Таким образом, имперская конституция оставляла императора совершенно безоружным и безвластным перед лицом князей.

Каждое большое или маленькое княжество, напротив, было настоящим государством внутри Империи. Оно имело свои законы, свое правительство, т. е. двор (более или менее пышный), а в ряде случаев и орган сословного представительства (ландтаг), свою столицу, свое (большое или маленькое) местное войско, свою (всегда непомерно большую) толпу чиновников, чеканило свою собственную монету, взимало свои особые налоги и таможенные пошлины. В сущности, хотя и не имея еще на это формального права, почти каждое мало-мальски значительное княжество вело и свою собственную внешнюю политику или же парализовало в той или иной мере неугодную внешнюю политику Империи; Империя была центральноевропейским образованием, обращенным и к Восточной, и к Западной, и к Южной Европе, и именно князья тянули ее одновременно в разные стороны, вследствие чего окончательно лопались и рвались внутренние связи, еще остававшиеся от ее единства. Габсбургам для того, чтобы все же вести свой корабль по этой мертвой зыби к заветной гавани мирового господства, приходилось проявлять много терпения, а на международной арене пользоваться главным образом тайной дипломатией и невидимыми услугами иезуитов.

Политическая децентрализация Германии была неразрывно связана с ее экономической децентрализацией. Хотя ростки капитализма были налицо в Германии еще к началу XVI в., важнейшее условие для его развития — национальный рынок — отсутствовало здесь в большей мере, чем, пожалуй, где бы то ни было в феодальной Европе (исключая, может быть, раздробленную Италию). Мало того, что южные области и города Германии экономически ориентировались на Италию и средиземноморский торговый бассейн, тогда как северные области и города целиком тянули к рынкам, прилегавшим к Северному и Балтийскому морям. Гораздо важнее, что в противовес этому никакие прочные внутренние торговые связи не могли возникнуть между отдельными германскими областями, или, вернее, государствами, никакой город, подобно, например, Лондону в Англии, Лиону и Парижу во Франции, не мог стать внутренним фокусом экономических сношений всей Германии. Немецкий купец, едущий с севера на юг или с запада на восток, должен был пересечь множество государственных границ, уплачивая на каждой из них пошлины, наталкиваясь на всевозможные рогатки, наконец, принужденный, чтобы

торговать в каждом встречном городе, почти всякий раз переводить свои средства из одной монетной системы в другую и становиться при этом добычей местных фальшивомонетчиков и менял, как на безлюдных сельских дорогах он частенько становился добычей благородных рыцарей или простых разбойников.

Политический строй Империи, таким образом, душил экономическое развитие Германии. Он спасал феодализм уже тем, что не давал сложиться капитализму в недрах феодального общества. Децентрализация стояла непреодолимой преградой на пути развития немецкой буржуазии, на пути необходимого превращения ее из локализованного городского бюргерства в национальный класс.

В 1525 г. в Германии разразилась революционная попытка, чуть было не осуществившая этого превращения одним махом, — Великая крестьянская война. Правда, на первый взгляд, движение вовсе и не было направлено против Империи. Но ведь государственное здание Империи не висело в воздухе, а крепко опиралось на тех самых сельских дворян и городских патрициев, против которых восстали крестьяне и плебейские элементы городов. Лишившись этой опоры, оно должно было рухнуть. По существу своему Великая Крестьянская война 1525 г. была самым национальным движением во всей истории Германии, а значит и антиимперским движением. Пусть крестьяне и плебеи не имели ясного национального сознания, но это было восстание подавляющей массы нации против сил, угнетавших национальное развитие. Сама простота, с которой крестьяне одного княжества, при всей местной ограниченности их кругозора, находили общий язык с крестьянами соседнего княжества, сама легкость, с которой перекидывалось пламя восстания через «государственные» границы внутри Германии, были грозным напоминанием этим антинациональным силам о существовании нации. Словом, только победа этого движения могла бы дать наконец Германии долгожданное национально-политическое единство, к тому же в форме более прогрессивной, чем абсолютизм. Победи это движение — и Империя, подразумевая под ней и императора, и князей, рухнула бы, и под ее развалинами обнаружилась бы, вернее возникла бы, Германия. До тех же пор, пока существовала «Священная Римская империя», понятие «Германия» обозначало только географическую территорию, да какой-то смутный исторический образ без определенного содержания.

Революция сорвалась из-за неразвитости и трусости того самого бюргерства, которое должно было бы получить наибольшую выгоду от ее успеха и стать в юной Германии не только зрелым, но и господствующим классом. Это была страшная катастрофа, наложившая отпечаток на всю будущность немцев. В 1525 г. был упущен самый благоприятный шанс, какой предоставляла им история, чтобы сразу войти в первые ряды политически нормально развивающихся народов Европы. Уродство, каким являлась

Империя, не было рассечено и ампутировано, поэтому оно, напротив, развилось в чудовищные формы и уже окончательно заглушило те живые силы, которые могли с ним бороться.

Знамя Реформации, выпавшее из рук бюргерства, было подхвачено князьями. Они принимали Реформацию для того, чтобы пограбить земли католических епископов и монастырей, но еще более принятие или непринятие ими Реформации послужило поводом для дальнейшей децентрализации Империи. Князья-протестанты под тем предлогом, что император был католиком, ставили ему при избрании условия, все более ограничивающие его реальную власть, а князья-католики в этом единственном пункте готовы были не оказывать им противодействия. Поскольку князья формально разбились на религиозные партии, никакая единая власть над ними, административная или судебная, оказывалась вообще невозможной. Нельзя было назначить ни одного имперского судью, чтобы это не вызвало протестов и отводов со стороны либо той, либо другой партии. На рейхстагах утвердился принцип, что в делах религии решение большинства не обязательно для меньшинства, — на практике же почти все политические и юридические вопросы были связаны с религиозными, поэтому никакое общеобязательное решение стало вообще невозможным. Словом, княжеская Реформация помогла ликвидировать последние следы общеимперской власти.

К XVII в. религиозный вопрос в Германии все более переставал быть вопросом мировоззрения отдельных общественных групп и вопросом совести отдельных индивидов. О какой совести и о каком мировоззрении могла идти речь после того, как Аугсбургский религиозный мир 1555 г. утвердил правило: «cuius regio eius religio» (чья страна, того и вера): каждый немецкий государь имеет право выбирать и изменять свое вероисповедание, а его подданные обязаны молиться так же, как молится их государь; хотя бы он переменил веру несколько раз за свою жизнь, они обязаны каждый раз следовать за ним. Разумеется, государи руководствовались при этом отнюдь не духовными побуждениями, а политическим расчетом. Принятие той или иной веры означало для них всего лишь вступление в тот или иной княжеский блок. Мы уже знаем, что этих блоков было три: католический во главе с герцогом Баварским, охватывавший преимущественно Южную Германию, более близкую к Италии и Риму; кальвинистский во главе с курфюрстом Пфальцским, имевший основную базу в Северо-Западной Германии, по соседству с кальвинистской Голландией; лютеранский во главе с курфюрстом Саксонским, опиравшийся главным образом на Северо-Восточную Германию, связанную с лютеранскими скандинавскими государствами. Впрочем, детальная карта распределения немецких княжеств по вероисповеданиям рисует при этом повсюду чрезвычайную пестроту и чересполосицу. Мы знаем также, что в конце первого десятилетия XVII в. два последних блока, кальвинистский и лютеранский,

образовали в свою очередь блок против католиков — Протестантскую унию. На почве спора о Юлих-клевском наследстве Протестантская уния и Католическая лига вооружились и отныне воинственно противостояли друг другу вплоть до начала Тридцатилетней войны.

Насколько образование этих религиозных союзов было оборотной стороной политической эволюции Империи, видно из того, что с их оформлением прекратил фактически свое существование и тот бледный символ имперского единства, каким был рейхстаг. Уже в конце XVI в. рейхстаги созывались весьма нерегулярно. Но император еще осуществлял право их созыва и роспуска. Однако в 1608 г., почти одновременно с образованием Протестантской унии, протестанты, не добившись удовлетворения своих требований, впервые «сорвали» рейхстаг, т. е. разъехались, и тем принудили остальные имперские чины кончить заседания без императорского отпуска. В последний раз перед Тридцатилетней войной рейхстаг собрался в 1613 г., а с тех пор и император не созывал его, и князья не настаивали на этом. Разделение их на два враждующих религиозных союза как бы заменило имперскую конституцию. И в выигрыше от этого был прежде всего император: когда он перешел в наступление на протестантов, те ввиду отсутствия рейхстагов были лишены какой бы то ни было возможности хоть эпизодически столковываться против него с католиками. Руки у него для первого — внутригерманского — акта агрессии были развязаны.

Не вполне верно утверждение, будто Вестфальский мир 1648 г. создал систему европейского равновесия, а вместе с нею и те весы, на которых взвешивалось равновесие, — раздробленную Германию, где каждая из великих держав Европы имела пропорциональное своей силе число клевретов. В известной мере Германия была весами европейского равновесия еще и до Тридцатилетней войны. Во всяком случае до тех пор, пока Протестантская уния и Католическая лига уравновешивали друг друга внутри Германии, это рисовалось как бы изнанкой всеевропейского мира, знаком того, что габсбургско-католическая агрессия еще не грозит соседям.

Но равновесие религиозных партий внутри Германии было все же связано и с тем стихийным фактором, которому дипломатия антигабсбургских держав не могла непосредственно ни подбавить, ни убавить силы, — с религиозными чувствами немецких подданных. Если бы правило «cuius regio eius religio» выполнялось строго, религиозный индифферентизм должен был бы скоро овладеть всем населением Германии. Но в том-то и дело, что князья-протестанты, стремясь подорвать изнутри силу князей-католиков, все снова и снова атаковывали это правило, добиваясь разных частных изъятий из него, т. е. предоставления подданным католических князей права исповедовать веру по-протестантски. По существу, вера того или иного немца и принадлежность того

или иного князя к вероисповедной партии — это две совершенно различные категории явлений. Но совесть подданных оказывалась не безразличной государям, если она могла послужить разменной монетой в их счетах между собой. Поэтому они и не давали угаснуть религиозному жару в населении. Правило «cuius regio eius religio» тут и там давало трещины. Главная из этих трещин оказалась в наследственных владениях самих Габсбургов. Там, в юго-восточной части Империи, в землях многонациональной габсбургской монархии, несмотря на всю преданность государей католицизму, никак не удавалось осуществить этот краеугольный принцип Аугсбургского религиозного мира: чья страна, того и вера. Поэтому равновесие религиозных партий в Германии в свою очередь зависело от соотношения сил протестантского и католического населения в этой монархии, и естественно, что обе партии интриговали там изо всех сил, а также поддерживали постоянный раздор в семье австрийских Габсбургов.

Почему же именно в габсбургских наследственных владениях не удавалось заставить всех подданных молиться так, как предпочитали молиться государи? Почему именно здесь оказалось слабое звено всей цепи?

Две причины объясняют этот факт.

Во-первых, общественные противоречия, общие для всей Германии, были здесь, как нигде, осложнены национальным вопросом. Конечно, борьба славянского и немецкого населения была характерной чертой для всей вообще Восточной Германии. Но в габсбургских владениях национальная борьба носила концентрированный и отчетливо политический характер. Главным очагом борьбы против Габсбургов была (наряду с Венгрией) Чехия (Богемия).

После гуситского революционного движения XV в. Чехия добилась фактической независимости внутри Империи. Только войдя в XVI в. в состав габсбургских владений, Чехия стала испытывать национально-политическое унижение, чем дальше, тем все более сильное. Но она по-прежнему оставалась большой политической силой. Достаточно характерно, что Габсбурги были членами коллегии курфюрстов не в качестве австрийских эрцгерцогов, а в качестве чешских королей. Чехи сознавали свое значение и тем мучительнее переживали бремя австрийско-габсбургского господства. Вот эта-то национальная борьба славян и венгров, надстраивавшаяся в габсбургских владениях над классовой борьбой, общей и для остальных частей Империи, питала здесь, в свою очередь, религиозную борьбу. Сохранение свободы выбора вероисповедания представлялось, в частности, чешскому и венгерскому дворянству символом сохранения национальной независимости.

Во-вторых, если коэффициент сопротивления подданных в габсбургских владениях был выше, чем в остальных частях Империи, то одновременно коэффициент принудительной силы государственной власти был здесь ниже. Ведь прочие территориаль-

ные князья могли употреблять все доходы со своего государства на укрепление военно-политического аппарата власти в своем государстве, а Габсбурги немалую часть доходов со своих владений тратили на нужды имперской политики и, следовательно, как территориальные государи были относительно слабее других.

Правда, австро-чешско-венгерская монархия Габсбургов была самым крупным государством внутри Империи, она давала самые большие доходы, но от них оставалось слишком мало, чтобы она могла уподобиться абсолютистскому государству. Абсолютизм имеет общенациональную финансовую базу и создает с ее помощью общенациональный мощный аппарат принуждения, в то время как оппозиция в полуфеодальном обществе еще раздроблена, локальна, — абсолютизм обладает поэтому перевесом над оппозицией, может маневрировать централизованными силами против децентрализованного противника. Этих-то возможностей и была лишена габсбургская монархия, в то же время слишком обширная, чтобы управляться методами мелкодержавного княжеского абсолютизма.

Габсбургские земли были сплочены в одно государство преимущественно внешнеполитической функцией — общей борьбой с турками; да и в этой общности не было равенства: немцы прикрылись от турок славянами и венграми, возложив на них основную тяжесть борьбы. Правда, в течение всего XVI в. идет и внутриполитический процесс некоторой унификации и централизации разнородных владений Габсбургов, но он далеко не достигает полноты. Центральная власть в габсбургской монархии остается относительно очень слабой.

В силу этих двух причин габсбургские земли представляли собой ахиллесову пяту политического равновесия внутри Империи, а вместе с тем и во всей Европе. Это был огнедышащий кратер, в недрах которого клокотали неостывающие крестьянские войны, взрывались национальные противоречия, а на поверхности кипела жаркая религиозная борьба. Естественно, что именно здесь с попытки закрыть, закупорить этот кратер началась всеевропейская катастрофа.

Мы обрисовали в общих контурах противоречия, заложенные в государственном строе Империи, противоречия и борьбу между религиозными партиями, отчасти национальные противоречия. Но противоречия классовые, в частности движения народных масс, были пока нами только упомянуты. Между тем они-то и служат действительным базисом всей общественно-политической борьбы внутри Германии. А борьба эта сыграла большую роль в развитии Тридцатилетней войны: значительная часть войны, зажженной Габсбургами, так и была локализована на территории самой Германии и не только волею антигабсбургских держав, но и волею немецких князей и дворян, способствовавших засасыванию этой всеевропейской войны внутрь Германии. Поэтому надо охарактеризовать классовую борьбу в Германии и ее влияние на

судьбу Тридцатилетней войны в целом. Нам придется для этого и вернуться назад, и заглянуть вперед.

В работах Ф. Энгельса мы находим цельную, глубокую концепцию исторического развития Германии[5], относящую начало почти 300-летнего ее упадка к моменту поражения революционной попытки 1525 г.; опустошения и хозяйственная разруха, причиненные 100 лет спустя Тридцатилетней войной, были только закономерным финалом предшествовавшего процесса социально-экономического упадка Германии, а не какой-то случайно обрушившейся на нее катастрофой. К. Лампрехт первый ввел в научный оборот представление о натуральнохозяйственной реакции в Германии к концу XVI в. и накануне Тридцатилетней войны[6]. Это представление он проиллюстрировал рядом примеров замены денежных платежей уплатой продуктами или трудом в рыночной, поместной и государственной жизни. Вслед за ним это представление развили исследователи отдельных сторон экономической жизни Германии и в особенности локальные исследователи отдельных германских территорий. В итоге они показали, что регрессивные и отрицательные явления, с полной силой обнаружившиеся в социально-экономическом строе Германии после Тридцатилетней войны, были в той или иной мере налицо еще до ее начала. Согласно удачному резюме, данному этим исследованиям А. К. Дживелеговым, «30-летняя война не внесла ничего принципиально нового в процесс упадка Германии. Она только ускорила его. Ее значение не столько качественное, сколько количественное»[7].

Но не этой точке зрения принадлежит преобладание в немецкой буржуазной историографии. Подавляющее большинство общих сочинений по истории Германии всегда рассматривало Тридцатилетнюю войну, как неожиданно обрушившееся на Германию несчастье, переломившее надвое всю ее судьбу. Все бедствия и отрицательные стороны последующей истории Германии традиционно выводились именно из Тридцатилетней войны, а не из предшествовавшего ей состояния Германии. Эта точка зрения была обновлена и таким авторитетом, как А. Допш, в связи с общими проблемами экономической истории человечества. Он говорит о «мнимых» возвратах от денежного хозяйства к натуральному, установленных историками: в эпоху упадка Рима, в эпоху Каролингов, накануне Тридцатилетней войны в Германии. Лампрехт, по словам Допша, не учел, вводя свое понятие «натуральнохозяй-

---

[5] Элементы этой концепции рассеяны во многих его произведениях и письмах. Энгельс предполагал систематически изложить ее в переработанном варианте своей книги о Великой крестьянской войне, но, как известно, не успел осуществить свой замысел.

[6] *Лампрехт К.* История германского народа, т. III, ч. 5, М., 1896, с. 329—385.

[7] *Дживелегов А.* Германия после Тридцатилетней войны. — «Книга для чтения по истории нового времени», т. II. М., 1911, с. 314.

ственной реакции», что натуральнохозяйственный строй искони существовал в деревне, наряду и не смешиваясь с денежно-хозяйственным строем в городах. Поскольку германское территориальное княжество было в известном смысле крупной сеньерией, экономический строй деревни мог временами накладывать свой отпечаток на стиль жизни двора и резиденции территориального князя. Факты же натурального обмена горожан с крестьянами объясняются не наступлением «действительного и полного натурального хозяйства», а только денежным кризисом, порчей монеты, которую крестьяне, естественно, отказывались брать. Всем этим фактам Допш противопоставляет продолжавшую будто бы прогрессировать роль немецких городов в крупной мировой торговле: «60-летие перед началом Тридцатилетней войны предстает не как время застоя и начинающегося упадка, — утверждает Допш, — но как период успешного дальнейшего развития на основах, заложенных в первой половине XVI в.» «Идущая вверх сила верхненемецкого капитала» была разрушена не какими-либо экономическими причинами, — «но только и исключительно бурей тридцатилетней битвы» [8]. При этом Допш приписывает своим противникам представление о «полном натуральном хозяйстве» в Германии начала XVII в. Разумеется, речь идет лишь о тенденции в сторону натурального хозяйства, тенденции, одним из проявлений которой явился и денежный кризис, особенно острый в 1618—1624 гг., противопоставляемый Допшем натуральнохозяйственной реакции без всяких оснований. К тому же надо помнить, что эта тенденция сочеталась с ростом сельскохозяйственного экспорта на внешние рынки и в этом смысле сочеталась с денежным хозяйством, но только однобоким.

Кто же прав: Энгельс, отводящий Тридцатилетней войне роль последнего толчка в упадке Германии, или Допш, видящий в ней причину этого упадка?

Мысль Энгельса ведет нас к пониманию глубочайшей сущности исторических явлений. Энгельс не сводит упадок Германии к перемещению мировых торговых путей, к конкуренции иностранцев или к другим причинам, независимым от немцев. Он говорит прежде всего о воздействии политики и классовой борьбы на экономику: раз революционная попытка 1525 г. не взорвала сковывавшую экономическое развитие социально-политическую оболочку — последняя затем мстит. Главное внимание Энгельса привлекает вопрос о возрождении в Германии крепостничества. Поражение крестьян дало перевес чаши классовых весов в пользу помещиков, которые, утилизируя победу, спешат повысить норму эксплуатации путем восстановления крепостничества. Энгельс писал, что после 1525 г. крепостничество развилось прежде всего именно в тех областях Германии, где разыгралась Великая кресть-

---

[8] *Dopsch A.* Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930, S. 250.

янская война. Впрочем, если бы даже такая территориальная связь этих двух явлений и не имела места, это отнюдь не говорило бы против их логической связи: извлечь политические выгоды из подавления этой революционной бури могли ведь и помещики, наблюдавшие ее со стороны и чувствовавшие среди своих крестьян только ее отдаленное дыхание. «Всеобщее распространение» крепостничества в Германии Энгельс относит только ко времени после Тридцатилетней войны, когда, по его словам, «свободный крестьянин стал... такой же редкостью, как белая ворона» [9]. «Снова, — говорит Энгельс, — наступило время неограниченных повинностей; господин помещик мог выгонять на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно» [10].

Действительно, и в смысле территориального распространения, и в смысле полноты и зрелости новое крепостничество в Германии вполне развилось только к середине XVII в. До Тридцатилетней войны оно наступало медленно и находилось еще в полуразвитом состоянии. Но и в этом состоянии оно успело оказать глубокое отрицательное воздействие на хозяйственную жизнь Германии — рука об руку с княжеской децентрализацией. Крепостничество не только экономический факт. Оно отдает крестьянина под юрисдикцию дворянина, делает его «подданным» помещика, который осуществляет теперь в отношении него беспощадный и почти бесконтрольный террор с помощью кнута и палки. Таким образом в форме крепостничества возникает, если можно так выразиться, политическая микроцентрализация внутри княжеской децентрализации, ее логическое продолжение. «...Для того, чтобы господин помещик был в состоянии подавить в зародыше всякое, даже малейшее сопротивление крестьян, он получил от территориального князя право вотчинной юрисдикции, т. е. он был назначен единственным судьей по всем мелким проступкам и тяжбам крестьян...» [11], — писал Энгельс о периоде, наступившем после Тридцатилетней войны. Но несомненно, что это — стихийный политический итог 1525 г. Раз в Империи закрыт путь вперед, к созданию централизованного абсолютизма для подавления революционной угрозы, господствующему классу остается только искать оплот для предотвращения революционной угрозы в диаметрально противоположной политической системе — в абсолютизме местном, который в идеальном случае выступает как полновластие каждого помещика над небольшим числом совершенно терроризированных подданных (рабов), дающее ему возможность неусыпно бдить за каждым их шагом и помыслом. Там, где, как в Западной Германии, не было экономических условий для барщинного крепостнического хозяйства, эта политическая система могла выразиться просто-напросто в неограниченном деспотизме

---

[9] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 342.
[10] Там же.
[11] Там же.

мельчайших князей и рыцарей в своих владениях. Так или иначе, но господствующий класс Германии ищет гарантии от новых революционных потрясений в том, что исследователи раннего средневековья называют распылением, или рассеянием, суверенитета. Это значит пятиться назад, к отсталости, к пройденной стадии феодализма. Но иного пути у немецкого дворянства не остается, раз существует Империя.

В области экономической крепостничество влекло за собой восстановление натуральных крестьянских повинностей. А поскольку натуральное хозяйство углублялось в деревне, промышленность теряла понемногу возможность сбыта, торговые обороты мало-помалу сокращались, капиталы не давали прежней прибыли и поэтому обращались владельцами на покупку земли, дававшей феодальную ренту, — экономика, следовательно, двигалась в попятном направлении. В течение второй половины XVI в. и в начале XVII в. в немецких городах отмечается свертывание различных отраслей ремесленной и мануфактурной промышленности. С 60—70-х годов XVI в. начинают одна за другой терпеть банкротство или сходить на нет десятки создавшихся прежде немецких торговых и банкирских фирм. Экономический застой не мог быть подлечен или возмещен и путем связи с внешними рынками, ибо, во-первых, торговля, которую вели некоторые города на севере, как Гамбург, или на юге, как Аугсбург, из-за раздробленности Германии никак не отражалась на ее внутренней жизни, во-вторых, Германия в целом оказалась, как мы знаем, отгороженной от мировых торговых путей отвалившимися от нее самой обломками: союзом швейцарских кантонов, отделившим ее от альпийских перевалов в Италии, и Соединенными провинциями Нидерландов, отрезавшими у нее устье Рейна, а тем самым и связь с атлантической торговлей. Экономическое развитие Германии, в котором проявились в это время черты застоя и упадка, совершалось, следовательно, в спертой, непроветриваемой атмосфере, которая опять-таки была в немалой степени результатом политического строя Империи.

В этой атмосфере и наблюдались в конце XVI—начале XVII в. поражавшие современников и историков уродливые явления натуральнохозяйственной реакции: вместо того чтобы крестьяне везли продукты в город, горожане ехали в деревню и выменивали там продукты на ремесленные и промышленные изделия; сами князья для удовлетворения потребностей своего двора прибегали к меновой торговле; государственные повинности вносились и даже жалованье чиновникам уплачивалось в значительной степени натурой, т. е. продуктами. С другой стороны, на рынке совершались оживленнейшие махинации и спекуляции с единственным товаром — деньгами, лишившимися своего законного места в распадающемся товарном обращении. В Германии в 1606 г. обращалось около 5000 видов немецких и иностранных монет. Все они либо чеканились неполновесными, либо, обладая совер-

шенно неправильной формой, систематически обрезались всеми, кто только не ленился этим заниматься. Время перед Тридцатилетней войной и в начале ее прозвано современниками «Kipper- und Wipperzeit» (от kippen — обрезать и wippen — взвешивать). Эта всеобщая порча монеты, с одной стороны, была нагляднейшим симптомом экономического развала, с другой — сама подстегивала и усугубляла его [12].

Ясно, что в описанных условиях формирование немецкой буржуазии как национального класса стало еще менее возможным, чем до 1525 г. Скорее в ходе XVI в. совершалось ее регрессивное развитие. Вянут и ростки новой, буржуазной культуры, замирает взбаламученное Реформацией общественное сознание; при княжеских дворах и в дворянских замках торжествуют победу грубейшие нравы, невежество, безвкусная роскошь, мишурное искусство, дух сервилизма.

Но ясно также, что дело не могло обойтись без еще одной попытки самой нации, воплощенной в народных массах, сорвать ход реакции, опрокинуть социально-политические порядки Империи. Попытка эта была еще возможна, так как за время между Великой крестьянской войной и Тридцатилетней войной княжеско-крепостническая реакция наступала еще неуверенно, с опаской перед новым взрывом, еще не могла вполне развернуться и придушить все народные силы, способные к сопротивлению.

Довольно распространено ошибочное мнение, будто немецкое крестьянство после трагического 1525 г., обескровленное и подавленное, чуть ли не столетия оставалось в оцепенении. На самом деле паралич продолжался всего несколько десятилетий. Его нарушило то самое нараставшее давление княжеско-крепостнической реакции, которое имело как раз целью создать надежный оплот против возрождения Крестьянской войны. Такова была диалектика классовой борьбы: немецкие дворяне стремились завершить указанную нами выше реконструкцию политического строя Германии, ставшую возможной благодаря разгрому Крестьянской войны, но именно эти попытки завершить ее провоциро-

---

[12] Преобладавшее ранее представление о 2-й половине XVI—начале XVII в. как о периоде общего регресса и застоя в экономике Германии в новейшей литературе, в частности в работах историков ГДР, не разделяется. В этих работах приводятся данные об относительном характере экономического отставания Германии в этот период, уточнена характеристика аграрных отношений (см. *Mottek H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands, Bd. I. Berlin, 1960; Deutsche Geschichte. Hrsg. von H.-J. Bartmus, Bd. I. Berlin, 1965; *Steinmetz M.* Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1965). См также характеристику экономических отношений в Германии, данную в «Германской истории» (т. I. М., 1970, с. 59—64). «Бесспорным, однако, остаются поворотный характер данного периода хозяйственной истории Германии, потеря ею прежнего места и прежней роли в мировых экономических связях, снижение темпов хозяйственного развития, ухудшение условий развития элементов капиталистического производства и их ослабление», — подчеркивается там («Германская история», т. I, с. 61) (*Ред.*).

вали новую крестьянскую войну, ибо немецкие крестьяне все-таки не соглашались добровольно принять ярмо нового крепостничества. Народное сопротивление вновь вставало, как стена, на пути к полному торжеству феодальной реакции в Германии, и, как увидим, только внешняя сила устранила в конце концов эту стену в ходе Тридцатилетней войны.

Первое пробуждение немецкой деревни относится еще к середине XVI в. С 50—60 годов XVI в. крестьяне то тут, то там начинают поднимать голову, а в конце XVI—начале XVII в. идет уже нарастание крестьянских восстаний в разных частях Империи. Новый революционный взрыв, которым оно должно было завершиться, отличался бы от 1525 г. в двух отношениях: во-первых, этот второй взрыв был бы сильнее, ибо более отчаянным было положение всего германского общества, в частности и крестьян; во-вторых, он был бы одновременно и беспомощнее, стихийнее, не носил бы тех черт общенационального кризиса, как в эпоху Реформации, ибо теперь не могло быть даже и той степени идейного обобщения и руководства народным движением со стороны передовых элементов бюргерства, какая имелась в 1525 г. Трагедией всего этого нового цикла крестьянских движений было то, что они носили только оборонительный, но не наступательный характер.

Тридцатилетняя война предотвратила взрыв. Но подъем крестьянских восстаний, их нарастающая кривая хронологически тянется еще и через ее первую половину, вплоть до 1635 г. Нам надо вкратце ознакомиться с этой идущей все вверх волной народных революционных движений, чтобы представить себе ту социальную и политическую атмосферу внутри Германии, в которой подготовлялась, начиналась и развертывалась Тридцатилетняя война.

В общих чертах некоторые немецкие историки уже давно отмечали назревание грозных революционных событий в Германии накануне Тридцатилетней войны. Так, Лампрехт писал о состоянии народа, близком к отчаянию: «Даже рассудительные люди предлагали, как единственное средство спасения, восстание против властей, общность имуществ и ожидание тысячелетнего царства божия» [13]; со стороны крестьян «можно было ожидать новых возмущений, и во всяком случае общее недовольство выражалось уже в отдельных случаях убийства и мучительства угнетателей дворян» [14]. Отдельные публикации документов и архивные разыскания раскрыли понемногу картину ряда значительных восстаний в разных районах, особенно в Австрии. Общий обзор крестьянских движений этого времени впервые попробовал дать И. Янсен в своей «Истории германского народа», а затем в специальной статье О. Шифф, суммировавший данные многочислен-

---

[13] *Лампрехт К.* История германского народа, т. III, ч. 5, с. 351.
[14] Там же, с. 355.

ных краеведческих публикаций [15]. Возрастающий интерес к этой теме заметен среди советских историков [16] и историков ГДР [17]. На основе этих данных можно кратко обрисовать контуры развития крестьянских движений в целом.

Территориально крестьянские восстания последних десятилетий XVI в. и первых десятилетий XVII в. могут быть разделены на два основных очага. Первый охватывает западные и отчасти южные и юго-западные территории Германии: области по Верхнему Рейну, а именно большую часть Пфальца, швабские области Альгау и Шварцвальд, т. е. большую часть Вюртемберга, отчасти Баварию и Верхнюю Австрию. Аграрный строй этих областей носил отчетливо выраженный сеньориальный характер (Grundherrschaft). Крестьянство здесь по национальному составу было чисто немецким. Второй очаг охватывает восточные и юго-восточные области Империи: Чехию и Нижнюю Австрию, Штирию, Крайну. В этом районе господствовало барское хозяйство (Gutsherrschaft). Крестьянство в большинстве этих областей преобладало славянское, находившееся к тому же в более тяжелом положении, чем немецкое, и поэтому к классовым мотивам движений здесь, естественно, присоединились национальные. Оба эти очага не обособлены друг от друга: они взаимодействуют и сливаются в Южной Германии, в австрийских владениях Габсбургов. Что касается северных границ каждого из этих двух очагов, то их затруднительно определить: исчезают крупные восстания, но значительно дальше можно проследить накаленную социальную атмосферу. На западе и северо-западе Германии главным горючим материалом была угрожающе возраставшая масса «земледельческой челяди», т. е. неимущих крестьян, лишившихся земли и защиты распадавшейся марки и в то же время, ввиду упадка денежных отношений, лишенных возможности найти постоянную работу по найму. Они бродили группами, подчас жгли деревни, но чаще обрушивались на дворянство; с ними вели упорную, но тщетную борьбу. На востоке и северо-востоке Германии, за Эльбой и на Одере, главным горючим материалом были славянские крестьяне, рассеянные среди немецких. Крупных концентрированных выступлений здесь не наблюдалось, но бесчисленные факты разрозненных мелких расправ и партизан-

---

[15] *O. Schiff.* Die deutschen Bauernaufstände von 1525 bis 1789. — «Historische Zeitschrift», 1924, Bd. 130, N 2.

[16] См., например, *Самохина П. Н.* Крестьянские восстания в Верхней Австрии в конце XVI—середине XVII в. М., 1952 (автореферат канд. дисс.).

[17] *Schmiedt R. F.* Der Bauernkrieg in Oberösterreich vom Jahre 1626 als Teilerscheinung des Dreißigjährigen Krieges (Ein Beitrag zur Klärung des Charakters dieses desamteuropäischen Konfliktes und der Rolle der Volksmassen). Halle, 1963 (Diss.). Обзоры крестьянских движений этой эпохи даны (тем же автором) в обобщающих работах по германской истории, вышедших в ГДР: «Deutsche Geschichte», Bd. I; *Steinmetz M.* Deutschland von 1476 bis 1648.

ских стычек свидетельствуют о том, что и здесь почва горела под ногами помещиков. Такого рода повседневная борьба характеризует не только окраины основных районов крестьянских движений, но и тот социальный фон, на котором вспыхивали также и крупные крестьянские восстания в этих очагах.

Хронологически крестьянские восстания, нараставшие ко времени Тридцатилетней войны, могут быть разбиты на три этапа.

Первый этап охватывает 50—70-е годы XVI в.[18] Так, в Штирии самые ранние волнения после Великой Крестьянской войны разразились уже в 1557 г., но были легко подавлены местными войсками. В 1561—1562 гг. Тироль был ареной движения во главе с Бартоломеем Доссером, выдвинувшим далеко идущую программу: отмена всех рент, налогов и повинностей с крестьян, уничтожение всего дворянства и духовенства, но сохранение императора, если он допустит такой переворот[19]. В 1564—1565 гг. происходили крестьянские выступления на землях Зальцбургского архиепископства под лозунгом свободы вероисповедания. Ряд вспышек крестьянской борьбы против закрепощения и роста поборов отмечается в разные годы в Чехии, в Нижней Австрии, Силезии, Лаузице. В 1573 г. разразилось мощное восстание хорватских и словенских крестьян, охватившее Крайну, Южную Штирию, Хорватию. Оно началось с борьбы против феодальных притеснений и дошло до целой программы создания самостоятельного «крестьянского государства» (в пределах Империи, но со своими финансами, войском и администрацией). Это большое восстание было жестоко подавлено[20].

Второй этап охватывает конец XVI в. и самые первые годы XVII в. Толчок исходил из Швейцарии, где в округе Базеля в 1591 г. вспыхнула так называемая «пфенниговая война», вызванная установлением базельским советом нового косвенного налога на вино для выкупа сеньориальных прав у епископа, в ответ на что крестьяне потребовали у своих господ полной ликвидации — раз уж с них берут «выкупные деньги» — разнообразных остатков крепостной зависимости. Начавшись с этого спора, крестьянская война разгорелась и была подавлена только к 1594 г. В это время уже начиналось более грозное движение в Верхней Австрии, направленное одновременно против разгула контрреформации и против феодального гнета. Радикальные группы, представлявшие интересы безземельной бедноты, требовали отмены всяких крестьянских служб и повинностей дворянству и

---

[18] В это время преимущественно имеют место лишь низшие формы крестьянского сопротивления (см. «Deutsche Geschichte», Bd. I (*Ред.*).

[19] *Ladurner J.* Barhlmä Dosser von Lüsen oder der projektjierte Bauernrebell im Jahre 1561—1562. — «Archiv für Geschichte und Altertumskunde Tirols». Jahrg. 3. 1866.

[20] *Бромлей Ю. В.* Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959; *Чулинович Ф.* Крестьянские восстания в Хорватии. Пер. с сербо-хорв. М., 1959.

духовенству и даже просто истребления всех господ. Большинство восставших готово было ограничиться борьбой против отдельных тягот, которые основаны только «на человеческой памяти», а имено против Freigelder, т. е. побора с купли-продажи крестьянского имущества, Roboten, т. е. барщины, против элементов крепостничества, например принуждения крестьянских детей к дворовой службе, и, наконец, против высоких военных налогов. Расширяясь, восстание к 1596 г. перекинулось, с одной стороны, в Баварию, где крестьянские отряды, требовавшие отмены удвоенных податей, новых барщин и т. д., достигали 1500 человек и имели четкую организацию; баварское правительство все же сумело довольно быстро подавить их. С другой стороны, восстание распространилось на Нижнюю Австрию, где, в отличие от Верхней Австрии, не было выдвинуто религиозных требований. По выражению историка Хасельбаха, здесь исходным пунктом движения был замок, а не поповский двор. Крестьяне выступали против непосильных военных поборов для борьбы с турками и переобременения их повинностями, которые взимали господа «сверх должного по закону». Верхне- и нижнеавстрийские крестьяне в декабре 1596 г. соединенными силами осаждали верхнеавстрийский город Штейр и попытались распространить восстание на соседнюю Штирию. В 1597 г. восстание в Нижней Австрии было подавлено вооруженной силой. В Верхней Австрии, где правительству удалось внести раскол в ряды восставших путем обещания удовлетворить часть их требований, были несколько уменьшены ненавистные Freigelder и Roboten [21]. Но в 1601—1602 гг. вспыхнуло новое восстание крестьян и рабочих на солеварнях на Юге Верхней Австрии, подавленное с помощью войск Зальцбургского архиепископства.

Третий этап охватывает первую треть XVII в., т. е. непосредственно вводит нас в эпоху Тридцатилетней войны. Он характеризуется еще большим числом и напряжением восстаний. В 1605—1608 гг. происходило восстание в области Реттенберг в Альгау. Непосредственным его поводом было введение косвенных налогов (Ungeld), но одновременно крестьяне выдвинули целую антифеодальную программу: ликвидация крепостного права, отмена посмертного побора (Todfall) и т. д.; к этому присоединялись конфессиональные требования, связанные с натиском контрреформации. После трехлетней борьбы восставшие под угрозой расправы со стороны Максимилиана Баварского (как раз готовившего знаменитый поход на Донауверт) принуждены были

---

[21] См. *Czerny A.* Der zweite Bauernaufstand in Oberösterreich 1595—1597. Linz, 1890; *Friess G. E.* Der Aufstand der Bauern in Niederösterreich am Schlusse des 16. Jahrhunderts. Wien, 1897; *Haselbach K.* Der niederösterreichische Bauernkrieg am Ende des 16 Jahrhunderts. Wien, 1867; *Самохина Н. Н.* Феодальная реакция в Австрии во второй половине XVI в. и крестьянское восстание 1595—1597 гг. — Сб. «Средние века», вып. 5. М., 1954.

сложить оружие и пообещать впредь полную покорность в мирских и духовных делах. В 1612 г. волнения, начавшиеся в Передней Австрии, распространились на район южного Шварцвальда и часть территории Вюртемберга и Пфальца, иначе говоря, охватили те самые области, которые послужили исходной ареной Великой крестьянской войны в 1525 г. Поводом восстания был тот же «пфенниг» на вино, как и в Базеле в 1591 г., но, раз начав сопротивление, крестьяне выдвинули требования сокращения других налогов, взимаемой помещиками ренты, барщины и т. д. Крестьяне вели военные действия против близлежащих городов, в особенности против Вальдсхута, пытались заставить отдельные города, и даже сен-блазиенского аббата, присоединиться к ним. На особом собрании крестьянские депутаты приняли постановление, в котором сопоставляли тяжелую участь бедняков с праздностью монахов и дворян, объявляли об отказе впредь выплачивать какие-либо новые поборы и повинности и указывали правительству в качестве источника дополнительных доходов на монастырское имущество. Несмотря на прямо звучавшие в этих требованиях отголоски Реформации, соседние протестантские общины не поддержали этого движения, а Базель даже разрешил пройти через свои земли австрийским карательным войскам. После двухлетнего сопротивления крестьян в сентябре 1614 г. движение было подавлено. Наказание оказалось неожиданно мягким: конфискация всего огнестрельного оружия, денежные штрафы, заключение вожаков в тюрьму на короткие сроки; очевидно, здесь уже действовала боязнь спровоцировать нечто худшее. В ближайшие за тем годы происходили крестьянские волнения в Чехии, непосредственно связанные с началом Тридцатилетней войны[22].

Первые успехи габсбургской контрреформации сначала, разумеется, не столько подавили, сколько спровоцировали дальнейший подъем народных восстаний. Переход реакции в открытую и экзальтированную контратаку на первых порах только разжег оппозицию, подлил масла в огонь, вызвал новый взрыв социальных противоречий. Особенно крупное крестьянское восстание было спровоцировано в 1626 г. насильственным внедрением католицизма в Верхней Австрии[23]. Оно характерно для иллюстрации продолжавшегося еще нарастания народной борьбы: по силе и размаху оно превзошло даже крупнейшее из предыдущих восстаний, происходившее там же в 1595—1597 гг.

Верхняя Австрия находилась тогда под управлением баварского наместника Герберсдорфа; повсюду хозяйничали баварские солдаты. В одной деревне у них произошла стычка с крестьянами

---

[22] См. гл. III. VII.

[23] *Stieve F.* Der oberösterreichische Bauernaufstand des Jahres 1626. Bd. 1—2. München, 1891.

См. также указанные выше диссертации Шмидта и Самохиной.

ударил набат, передавая сигнал сбора из деревни в деревню, и вся область вспыхнула, как сухой костер. Герберсдорф двинулся для усмирения мятежа с тысячей солдат, ведя с собой палача, но ему навстречу выступили 16 тыс. крестьян, и, потеряв в бою половину солдат и три пушки, он принужден был укрыться в главном городе Верхней Австрии Линце и предложить крестьянам мирные переговоры. Они отказались, выдвинули талантливого вождя Стефана Фадингера, сорганизовались в настоящую армию, на знамени которой были начертаны слова: «Дело идет о спасении и о жизни; дай нам, боже, смелость героев!» Особым манифестом Фадингер объявил войну всем дворянам и чиновникам, которые не подчиняются восставшим крестьянам. Были разгромлены многие замки и монастыри; армия восставших, скоро достигшая 60 тыс. человек, захватила почти все верхнеавстрийские города. В Чехию, Нижнюю Австрию, Штирию были посланы революционные эмиссары поднимать там восстание против князей и императора. Фердинанд II в конце концов послал к крестьянам посредников. Но, арестовав их в качестве заложников, восставшие сами направили депутатов в Вену для мирных переговоров и изложения своих требований. Они потребовали отмены новых налогов и барщин, удаления баварцев из Австрии, свободы вероисповедания, введения сословного представительства от крестьян и полной амнистии. Однако, узнав, что император отказался лично принять депутатов, поручив это канцлеру, Фадингер отозвал их и возобновил военные действия. Герберсдорф был осажден и отрезан крестьянской армией в Линце, где уже царили голод и эпидемии, а часть жителей готова была открыть ворота осаждавшим, когда обстановка несколько изменилась благодаря, с одной стороны, гибели Фадингера и замене его менее способным руководителем из дворян, с другой — прибытию войск с артиллерией из Нижней Австрии и от Максимилиана Баварского.

Дважды штурмовали крестьяне Линц и дважды были отбиты от городских стен, потеряв несчетное множество убитыми, обваренными кипящей смолой, обгоревшими от подожженных Герберсдорфом фашин, которыми они завалили рвы. После этого почти трехмесячная блокада Линца была снята и обессиленные крестьяне согласились на перемирие.

Движение уже шло на убыль и затухало, когда осенью того же, 1626 г. в Верхней Австрии появилось войско герцога Голштинского, двигавшееся в действующую армию на помощь Тилли, но остановившееся тут, может быть по просьбе баварского наместника, для наказания крестьян. Но войско герцога Голштинского, захваченное врасплох, было разбито крестьянами, сам он едва спасся бегством. Восстание запылало с новой силой. Крестьяне, уже в большинстве сдавшие оружие по условию перемирия, обзавелись новым, для борьбы с конницей были, в частности, изготовлены особые длинные шесты с косой и множеством шипов на конце,

которыми крестьяне орудовали группами по шесть—восемь человек. Максимилиан Баварский поспешил прислать новый отряд, но и он был разгромлен крестьянами. И только одному из видных немецких полководцев эпохи Тридцатилетней войны, Паппенхейму, объединившему имперские и баварские военные силы (общей численностью более 8,5 тыс. человек), удалось наконец в ожесточенных сражениях разбить главные крестьянские силы. Остатки их бежали в соседние области, разнося с собою дух мятежа. Для наказания захваченных вождей в следующем, 1627 г. в Линце был устроен торжественный суд, на котором разыгралась любопытная ссора между судьями, назначенными императором Фердинандом II, и курфюрстом Максимилианом Баварским: баварцы требовали, чтобы имущество восставших было конфисковано в пользу Максимилиана Баварского, а имперские судьи возражали, что конфискация имущества полагается по закону только за оскорбление величества и, следовательно, вообще не может иметь места, если считать, что восстание было направлено не против императора, а против курфюрста. Многочисленные кровавые казни последовали в Линце только в марте—апреле 1627 г.

В непосредственной связи с этим движением и деятельностью бродячих агитаторов стоят новые вспышки крестьянской борьбы в Чехии в 1627, 1628, 1630 гг.[24] В конце 1626 г. началось движение в Гарце[25], в 1627 г. — во Франконии между Фульдой и Вюрцбургом. В 1628 г. имела также место довольно значительная новая попытка восстания в Шварцвальде (область Хауенштейн), однако она была удушена одним из самых страшных спутников Тридцатилетней войны — эпидемией чумы.

С развертыванием войны к прежним мотивам крестьянских движений все более примешиваются новые проводирующие факторы, проистекающие из методов самой войны. В 1631 г. крестьяне выступают в Крайне против налогового гнета и бесчинств солдатни; в 1632 г. — в Верхней Австрии, в связи с известиями о приближении шведских войск[26]; в 1633—1634 гг. — в Южной Баварии, от Изара до Ипна, по поводу новых военных налогов и бесчинств расквартированных у крестьян наемных солдат. Но эти новые мотивы — лишь дополнительный оттенок. Основная почва крестьянского сопротивления остается прежней. Доказательство этому дают как баварское восстание 1633—1634 гг. (одно из крупнейших крестьянских восстаний периода Тридцатилетней войны с отчетливой антифеодальной программой), так и большое восстание, разразившееся в Штирии и Крайне в 1635 г., т. е.

---

[24] См. гл. VII, с. 364 и далее.

[25] Об этом крупном движении крестьян — «защитников Гарца» (Harzschützer») см. Deutsche Geschichte». Там же — о ряде других не упоминаемых здесь крестьянских (а также городских) выступлений — в Брауншвейге, Северном Шлезвиге, Силезии и др. (*Ред.*)

[26] См. гл. VII, с. 371.

в самый разгар Тридцатилетней войны. Это крестьянское славянское восстание, от которого сохранились ценные программные материалы, было направлено в первую очередь против феодального гнета, а также против непосильных государственных тягот. Крестьяне расправились со множеством замков и монастырей — примерно так же, как они расправлялись с ними во время Великой крестьянской войны 1525 г.[27] Но это восстание осталось изолированным: соседние территории успели уже подвергнуться жестокому кровопусканию, испытать опустошения и ужасы Тридцатилетней войны.

Восстания 1626—1635 гг. иллюстрируют лишь ту тенденцию, которая была заложена в общем развитии крестьянских движений в Империи до Тридцатилетней войны и которой война не дала полностью проявиться. Другой иллюстрацией того же может послужить весьма зрелая крестьянская война с разнообразными социальными, политическими и религиозными требованиями, охватившая в 1653 г. ряд кантонов Швейцарии[28]; она косвенно свидетельствует о тех тенденциях, которые проявились бы и в Германии, ибо Швейцария в отношении аграрного строя очень напоминает районы Юго-Западной Германии, но не подверглась опустошениям Тридцатилетней войны.

Иначе говоря, входившие в состав Империи земли ко времени Тридцатилетней войны созрели для нового большого революционного взрыва. Если сравнить перечисленные выше движения с «репетициями», предшествовавшими Великой крестьянской войне 1525 г., то станет ясно, что в первые десятилетия XVII в. Империя стояла у порога такой крестьянской войны, по сравнению с которой сами события 1525 г., может быть, показались бы только «генеральной репетицией». Но все-таки инициатива всех этих движений находилась не в руках крестьян: в конечном счете они были только ответом на все новые и новые попытки дворян увеличить зависимость и повинности своих «подданных».

К сожалению, источники почти не дают возможности заглянуть во внутренний мир крестьянина. Из официальных реляций, административной переписки, судебных актов, даже из программных документов крестьянских восстаний не видно, что таилось в сознании крестьянина, был ли он совсем слеп в своей борьбе, т. е. ограничен насущнейшими нуждами и интересами, или же он рисовал перед собой какой-то общественный идеал и отваживался на критический разбор существующих общественных порядков? Этот интимный и затаенный мир почти не мог запечатлеться на страницах письменных документов, разве что

---

[27] *Mell A.* Der windische Bauernaufstand des Jahres 1635. — «Mitteilungen des historischen Vereins für Steiermark», Heft 44, 1896.

[28] Der Bauernkrieg im Jahre 1653, 2 Aufl. Aarau, 1831; *Mühlstein H.* Der grosse schweizerische Bauernkrieg 1653. Celerina, 1942; *Wahlen H., Jaggi E.* Der schweizerische Bauernkrieg 1653. Bern, 1952.

в «Песне Фадингера»[29], его следы скорее могли бы сохраниться в фольклоре, но и там они стерты 300-летней реакцией. Из-за отсутствия источников историки часто склонны упрощать, опустошать и, так сказать, схематизировать духовную жизнь крестьян прошедших эпох. Однако в нашем распоряжении есть первоклассный источник, позволяющий все же приподнять краешек завесы над внутренним миром крестьянства как раз того времени, когда кривая его классовой борьбы достигла наивысшего подъема. Это — знаменитый простонародный роман Гриммельсгаузена «Симплициссимус» («Приключения немецкого простофили»).

Гриммельсгаузен — уроженец Гессена, еще подростком вовлеченный в водоворот Тридцатилетней войны, вырвавший его из родного дома, воспроизвел позже родную крестьянскую среду именно такой, какой он ее знал при расставании, т. е. в середине 30-х годов XVII в. «Симплициссимус» написан около 1669 г. Гриммельсгаузен тщетно добивался литературной славы, написав и несколько произведений в господствовавшем вычурно-напыщенном стиле; слава пришла к нему только в XX в. за произведения совсем иного, простонародного жанра и прежде всего за роман «Симплициссимус». Впрочем, и этот роман приспособлен к вкусам образованного читателя XVII в.: это образец авантюрного «плутовского романа», герой которого к тому же в конце концов оказывается по рождению вовсе не крестьянским сыном, каковым он себя считал, а знатным дворянином. «Симплициссимус» писался 20 лет спустя после окончания Тридцатилетней войны, когда социальные и политические бури давно отшумели, крестьянские мечты и надежды остались в далеком прошлом, реакция надолго воцарилась в германском обществе. Но под литературной оболочкой «Симплициссимуса» скрывается более глубокое ядро. Это подлинно народное произведение, автобиографическое по материалу, социально-сатирическое по направленности, дающее в руки историка неоценимый обильный реалистический материал для изучения эпохи и, в частности, настроений немецкого крестьянства в период подъема его борьбы.

Характерны многие детали и психологические черты, по-видимому, совсем непреднамеренно сообщаемые Гриммельсгаузеном. Он хочет, например, показать полную наивность и даже туповатость крестьянского мальчика, бежавшего из разоренного солдатами отцовского дома и попавшего в лесу к отшельнику. Но вот что мы узнаем между прочим из ответов этого Симплиция (простака), карикатурно ограниченных скудным запасом слов и впечатлений, вынесенных из домашнего мирка, т. е. из внутреннего мирка крестьянского двора. Отшельник спрашивает, знает ли он по крайней мере «Отче наш»? «Знаю», — отвечает

---

[29] Ее текст приведен в кн.: *Hartmann A.* Historische Volkslieder und Zeitgedichte, Bd. I. München, 1907.

мальчик и произносит такую галиматью: «Отче наш любезный, иже еси небеси, святися имя, царство твое прииде, воля твоя будет небеси, яко земли, отпусти нам долги, како мы отпущаем должникам, не вводи нас во зло, но избави нас от царства, силы и славы. Во веки аминь!» [30] Так, по-видимому, молились обычно у него дома; из набора слов молитвы выпрастываются вполне ясные крестьянские помыслы. Гриммельсгаузен запечатлел и фольклорный памятник. Тот же мальчик, гоня скот, напевает под волынку песенку — любимую песенку своей матери:

Презрен от всех мужичий род,
Однако ж кормит весь народ [31], —

и так далее, целый манифест сознания крестьянином своего общественного значения.

Опираясь на это твердое сознание, немецкий крестьянин и критикует социально-политический строй Германии. С чисто мужицкой хитрецой Гриммельсгаузен—Симплициссимус прикрывает критику защитной маской придурковатости. Но по содержанию она носит у него очень смелый и далеко идущий характер. Например, в присутственном месте Симплицию довелось полистать дворянские родословные книги. «Я сказал секретарю: „То ведь все адамовы чада и одного между собою рода, а по правде от праха и пепла! Откуда же повелось столь великое различие? Святейший, Непобедимейший, Светлейший! Не суть ли то свойства божии? Здесь Ваша милость, там Ваша строгость, и к чему еще тут Урожденный? Ведь довольно известно, что никто с неба не падает, из воды не возникает и на земле, подобно капусте, не растет...“ Секретарь... взял на себя труд пояснить, что означает тот или иной титул...; я же упрямо стоял на том, что титулы даются не по праву; куда похвальнее титуловать кого-либо Ваше Благорасположение, нежели Ваша Строгость...» [32] Такая, если можно так выразиться, юродствующая социальная критика рассеяна по всему роману. На вилы попадают купцы, ростовщики, чиновники, знать, солдаты; не тронутыми остаются только «крестьяне и прочие работящие люди», про которых автор говорит, что они «не столь остры умом, что в поте лица добывают себе пропитание» [33], вместо того чтобы жить обманом и насилием, как другие.

Разумеется, в приведенном отрывке о дворянах под критикой кроется и некий социальный идеал, например идея равенства всех людей. По-видимому, мышление широких масс немецкого крестьянства ко времени Тридцатилетней войны достаточно далеко ушло и в этом направлении. Но, чтобы не обиняком, а прямо

---

[30] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Симплициссимус. Л., 1967, с. 25.
[31] Там же, с. 16.
[32] Там же, с. 65.
[33] Там же.

высказать крестьянские социально-политические чаяния, Гриммельсгаузену уже недостаточно маски придурковатого, годной для критики, и он надевает еще более безопасную маску — сумасшедшего. Симплиций встречает помешанного бродягу, воображающего себя Юпитером, который и делится с ним своими безумными бреднями об обновлении дряхлого мира[34]. Поразительна прежде всего чисто национальная почва планов утописта: это единственный персонаж романа, который думает о Германии, как целом, любит ее, как свое отечество, надеется на ее возрождение и верит в будущность своего народа. После обновления, которое он проектирует, Германия станет столь благословенной страной, что сами боги будут жить в ней вместе с людьми. В чем же будет состоять это обновление? Должна быть упразднена «крепостная неволя», уничтожены все привилегии (т. е. разделение людей на сословия), барщины и оброки, все налоги и платежи в пользу князей и дворян. Сами князья и короли подлежат низложению, и новая конституция единой Империи будет выработана на основе союза свободных общин. Все враждующие религии будут объединены. Войны прекратятся.

Гриммельсгаузен не мыслитель, а повествователь. Не он создал эту дерзкую утопию. Он придумал только литературный сюжет и форму для того, чтобы пересказать то, о чем думали и разговаривали между собой тысячи немецких «симплициев», — разумеется, с разной степенью ясности. Мы ведь уже знаем, что еще в самом начале всего цикла крестьянских восстаний, в 1561—1562 гг., некий Бартоломей Доссер проповедовал нечто довольно похожее среди тирольских крестьян. Чрезвычайно примечательно в утопии гриммельсгаузенского бродяги, что проектируемое обновление Германии отнюдь не связывается с волей и инициативой императора. Будет созван парламент, рассказывает бродяга, из умнейших и ученейших мужей Германии. Но кто созовет этот парламент? И кто заставит слушаться его? Тут крестьянское политическое мышление пасует. Крестьяне могли мечтать, они могли восставать, но они не могли совершить революцию, которая осуществила бы их мечты. И безумный бедняга бормочет, что он, Юпитер, создаст и пришлет на землю такого «немецкого Героя», в котором соединится сила Геркулеса, привлекательность Венеры и ум Меркурия и который установит этот новый порядок.

Чтобы крестьянская мечта перестала быть утопией, надо было найти реальные пути к ее осуществлению. Это было бы возможно при условии активной и руководящей роли горожан в антифеодальном революционном движении. Участие бюргерства и плебейского элемента городов сразу превратило бы вполне уже зрелые, но все-таки разрозненные и бессильные крестьянские восстания во всеобщий взрыв в Германии, в новую попытку бур-

---

[34] Там же, с. 166—171.

жуазно-демократической революции, может быть, более мощную, чем попытка 1525 г.

Однако теперь город сильно отставал от деревни. Городская оппозиция далеко не отличалась таким упорством и размахом, как сельская. За прошедшие 100 лет немецкое бюргерство развивалось в сторону превращения не в национальный класс — буржуазию, а в ограниченное местное мещанство. Оно теперь еще меньше годилось для революции, чем в 1525 г.

Впрочем, в городах был все же сконцентрирован немалый горючий материал. Тяготы, связанные с упадком торговли, промышленности, денежной системы, имели результатом в начале XVII в. понемногу нараставшую активизацию не только плебейской, но и бюргерской оппозиции. Последней недоставало, однако, каких-либо обобщающих общественных идей и лозунгов, а в связи с этим — и мужества. Общественное мнение было возбуждено преимущественно против денежных спекулянтов, мастеров-монетчиков, ростовщиков, виновников порчи монеты. Именно против них, как ближайших виновников бедствий, было направлено множество циркулировавших злых памфлетов. Впрочем, в силу логики вещей задевались в известной мере и государи, и дворяне. Психологически же массы горожан были, по-видимому, близки к отчаянию. Приведенные выше слова Лампрехта, что даже «рассудительные люди» предлагали как единственное средство спасения восстание против властей, характеризуют как раз настроения горожан.

Наконец наступил момент, когда городская оппозиция была выведена из своего латентного состояния. Плебейские и бюргерские массы вдруг пришли в бурное движение. И тогда сразу перед правящими кругами со всей наглядностью открылась бездна, в которую неминуемо низвергнется Империя, если не принять самых крайних мер для обуздания бунтовщиков — и сельских, и городских. Это произошло в 1618 г., когда разразилась финансовая паника, род денежного кризиса, подготовленного всем предшествовавшим экономическим развитием: капиталовладельцы, испугавшись первых проявлений габсбургско-католической агрессии, изъяли из обращения все, какие могли, деньги; наличность почти вовсе исчезла; городская беднота и ремесленники, не имея возможности что бы то ни было покупать, так как им самим не платили, оказались обреченными на голод. В ряде городов вспыхнули бунты и восстания, начинались они обычно с погрома монетных дворов. Особенно бурным было, особенно устрашающее впечатление произвело на современников восстание в городе Магдебурге. В том же 1618 г. произошло и возмущение в Чехии, имевшее корни далеко не в одних лишь конфессиональных и политических интересах дворянства, но прежде всего в движении горожан и крестьян. В этой-то докрасна накаленной общественной атмосфере 1618 г. и развертывалась Тридцатилетняя война.

Внутригерманское содержание Тридцатилетней войны сводится в конечном счете именно к этому основному факту — наличию нового революционного подъема, который к 1618 г. достиг в известном смысле критической точки (хотя еще и не достиг кульминации). Теперь для немецких правителей и господ речь шла уже не только о том, как завершить становление нового внутреннего строя Германии, начавшего складываться после 1525 г., но и как ответить на этот спровоцированный ими революционный подъем, как удержать существующий социальный порядок.

Для решения задачи в ходе войны наметилось три различных политических плана. Назовем их условно: габсбургский, валленштейновский и княжеский. Переплетение и борьба этих трех планов и составляют историю Тридцатилетней войны, если рассматривать ее, так сказать, изнутри Германии.

Первый план, габсбургский, не содержал чего-либо нового, это был все тот же план восстановления Империи Карла V, или, скорее, доведения до логического конца начатого им дела, как и дела католической реакции[35]. Это был самый безумный, но и самый последовательный план: он подразумевал в конечном счете попятное развитие всего европейского общества, устранение национальных государств, буржуазии, ростков капитализма, новой культуры, нового общественного сознания, духа протестантизма, словом, радикальную чистку Европы от всякого горючего материала. Более непосредственным образом он означал передачу всей «новой Европы» в руки иезуитов, настоящей международной тайной полиции, к услугам которой были также не только застенки и костры католической инквизиции, но и вся система среднего образования. Этого плана более или менее последовательно придерживались и император Фердинанд II, и император Фердинанд III, руководимые иезуитами.

Внутреннюю германскую проблему этот план решал как бы отраженно от общеевропейской: Европа, идущая на дно феодального омертвения и окостенения, увлекла бы с собой и Германию. Если в Германии назревал революционный кризис, это значило только, что надо спешить с удушением Европы в габсбургских объятиях. Однако порочность габсбургского плана состояла в том, что начинать-то его осуществление приходилось именно внутри Германии. Императору и иезуитам пришлось еще немало повозиться с немецкими протестантами, прежде чем приняться за удушение Европы. Проведение контрреформации в Германии потребовало очень много времени, а это оттягивало осуществление всего габсбургского плана, — следовательно, и по отношению к Германии, — тогда как социальная обстановка в Германии не позволяла ждать слишком долго.

---

[35] Ср. *Repgen K.* Die römische Kurie und der Westfälische Frieden, Bd. I, Papst, Kaiser und Reich 1521—1644. Tübingen, 1962.

Основную массу немецких дворян габсбургский план, по существу, вполне удовлетворял: он сулил им в перспективе полное всемогущество, полное торжество и над бюргерством, и над крестьянством. Он отвечал их самым тайным мечтам — и они довольно дружно поддерживали его в начале Тридцатилетней войны, что выражалось, между прочим, в нескрываемых симпатиях к Католической лиге со стороны не только католического рыцарства протестантских княжеств. Но именно вопрос о темпах и сроках вызвал у многих из них понемногу разочарование в габсбургском плане. Никто не мог лучше, чем сельский рыцарь в своем поместье, чувствовать и наблюдать грозовую насыщенность социальной атмосферы — даже когда она выражалась в открытых крестьянских восстаниях. Чем дольше затягивался пролог Тридцатилетней войны — контрреформация в Германии, тем отчетливее проступало беспокойство значительной части немецкого дворянства по поводу бесперспективной отсрочки конкретных последствий габсбургской всеевропейской политики на немецкой почве, что их только и интересовало.

Из этого беспокойства и разочарования мало-помалу, почти неосознанно и развивался в ходе войны второй план, противоположный первому. Он начал смутно складываться в умах, по-видимому, еще в первой половине 20-х годов и достиг зрелости в 1626—1628 гг., в то самое время, когда было более всего причин для беспокойства, когда бушевала крестьянская война в Австрии, в Чехии, в Гарце. Правда, император в это время приближался к запоздалому триумфу, и лишь скептическое меньшинство среди немецких дворян не увлеклось снова хоть на миг головокружительной перспективой мировой империи; но тем горше было вскоре полное разочарование. С этим зигзагом естественно ассоциируется отставка и новое возвышение Валленштейна.

Суть этого второго плана, который мы условно назвали валленштейновским, можно кратко выразить так. Раз не удается победа реакции во всеевропейском масштабе — надо пока что отказаться от этой мечты и хотя бы обеспечить незыблемость существующего порядка в Германии. Правда, при этом и полноту реакции придется урезать: отказаться от католической нетерпимости, чтобы не увязнуть во второстепенных религиозных раздорах, отказаться и от полного торжества феодальной реакции, чтобы не увязнуть во второстепенной борьбе с городами и их привилегиями. Но надо обеспечить главное — создание реальной власти в Германии, которая имела бы подавляющее и бесспорное превосходство над антифеодальными народными революционными силами. Поскольку слабой стороной крестьянских восстаний всегда была их раздробленность, это должна быть централизованная власть, подобная абсолютистской. Такова суть и внутренняя логика второго плана. Эта логика никем не была ясно осознана в массе немецкого дворянства, лишь инстинктивно сдвигавшейся понемногу в данном направлении. Но все же наибо-

лее отчетливым фокусом этих тенденций стала фигура Валленштейна, вернее — сплотившаяся вокруг него дворянская группировка [36].

Валленштейн был из тех крупных землевладельцев, для которых вопрос о крестьянском восстании отнюдь не был абстракцией. В его собственных богемских поместьях бушевали восстания, и заботы об охране личной собственности подчас символически перемежались в его деятельности с заботами государственными. Так, например, в начале 1630 г. он покинул армию на несколько месяцев по той причине, что восставшие крестьяне в его землях оказались чуть ли не хозяевами положения и принудили его жену бежать в Прагу; только наведя там порядок, Валленштейн вернулся к армии. Биографы Валленштейна отмечают такого рода факты, но не ставят их в какую-либо связь с его политикой. Разумеется, речь и может идти только о бессознательной, чисто импульсивной связи.

Валленштейн отнюдь не был идейным, т. е. в чем-либо убежденным, вождем движения. Это был беспринципный авантюрист, субъективно стремившийся только к личному возвышению. Но обостренным чутьем он угадал среди веявших вокруг настроений тот ветер, который будет все крепчать, который может надуть его паруса и понести его на гребне волны к величию. В этом смысле возможна аналогия между Валленштейном и Вильгельмом Оранским, сыгравшим всемирно-историческую роль вождя Нидерландской буржуазной революции XVI в. тоже отнюдь не по влечению, а по верному расчету и политическому инстинкту. Но Вильгельм Оранский оседлал исторически прогрессивную стихию и поэтому заслужил все же славу национального героя Голландии, тогда как попытки ряда немецко-фашистских историков представить богемского помещика Валленштейна в роли носи-

---

[36] Литература о Валленштейне огромна. См., например, некоторые работы, посвященные как «вопросу Валленштейна» в целом, так и отдельным сторонам его жизни и деятельности: *Polišenský Z.* Zur Problematik des Dreißigjährigen Krieges und d. Wallensteinfrage. — In: «Aus 500 Jahren deutsch-tschechoslowakischer Geschichte». Berlin, 1958; *Rieder H.* Wallenstein. General. Herzog. Verräter. Graz, 1967; *Mann G.* Wallenstein mit Vierzig. — In: «Neue Rundschau». Frankfurt a/M., 1968, Jg. 79, Hf. 4; *Ehler S.* Albrecht von Wallenstein. — «History Today». London, 1965, Vol. 15, N 11; *Schubert F. H.* Wallenstein und der Staat des 17. Jh. — «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1965, Jg. 16; *Wagner G.* Wallenstein der böhemische Condottiere. Wien, 1958; *Hroch M.* Valdštejnova politika v sewernim Německu v letech 1629—1630. — In: «Sbornik historicky, V. Praha, 1957; *idem.* Wallensteins Beziehungen zu den wendischen Hansesstäadten. — In: «Hansische Studien». Berlin, 1961; Рец. на эту статью см.; *Кан А. С., Поршнев Б. Ф.* Новая точка зрения на политику Валленштейна в городах Северной Германии. — «Вопросы истории», 1962, № 4. Общий обзор литературы и источников о Валленштейне можно найти в специальной главе издания: Documenta bohemica bellum tricennale illustrantia. Hauptredaktion: J. Kočí, J. Polišenský, G. Čechová, t. I. Praha, 1971, S. 152—162: Die Wallensteinfrage, ihr Stand und ihre Probleme.

теля «немецкой идеи» и трагического поборника подлинно национальных интересов Германии по меньшей мере нелепы: ничего национального или националистического не было в этом кратковременном движении немецких дворян, и существование-то Германии осознавших лишь по принципу «хотя бы и так» и впервые заметивших, что Германия может представлять нечто политически единое лишь постольку, поскольку национальное начало смутно проглядывало в легко перебрасывавшихся с территории на территорию крестьянских восстаниях, которые они хотели задушить.

В процессе возвышения центральной власти в Англии, во Франции, в Испании всюду был момент, хотя бы мимолетный, когда эта центральная власть в лице короля для сокрушения феодального сепаратизма поневоле вступала в рискованный союз с теми самыми народными антифеодальными силами, подавление которых затем, едва лишь она достигала могущества, оказывалось ее главной задачей. Однако этот мимолетный союз надолго накладывал там на королевскую власть трудно изгладимый оттенок прогрессивности: она оставалась национальной властью, получив это качество от народа, она сохраняла финансовую и политическую связь с богатой верхушкой народа и т. д. Ничего этого не могло бы быть у центральной власти в Германии, которую хотела создать партия Валленштейна: эта власть должна была сразу выступить как антинародная сила, национальная только по форме, а не по содержанию, т. е. как сила реакционная. Ничто, кроме обманчивого внешнего сходства, не сближало бы ее с национально-абсолютистскими государствами Западной Европы.

Что касается главного условия существования всякой сильной власти в ту эпоху — финансов, то партия Валленштейна для ответа на этот вопрос извлекла на свет старые балтийские планы Габсбургов. Раз уже все равно дело идет о разрыве всеевропейского общегабсбургского и католического фронта, в частности о разрыве с Римом и Испанией, — а в этом негативном смысле, как некий остаток, и появлялась на сцене «Германия», — можно, не стесняясь, наступить на ногу испанцам в торговых делах. Установив свое господство на Балтийском море и опираясь на балтийский комплекс, германская монархия имела бы недурные финансы.

Гораздо менее ясной была собственно политическая сторона этого второго плана решения внутренней проблемы Германии. Кто должен взять в свои руки реальную власть над Германией? Как выяснилось после ряда попыток, на этот вопрос вообще не существовало тогда ни одного возможного ответа, — в чем и состояла трагедия Валленштейна, его партии и всего валленштейновского плана.

Поскольку этот план рождался стихийно, не как отрицание, а как ограничение и исправление первого, габсбургского, плана, прежде всего естественно всплывала старая утопия о превраще-

нии Габсбургов из «императоров в Германии» в «императоров Германии». Поскольку габсбургский план все равно подразумевал известное насилие императора над князьями, он был немыслим без контрреформации в Германии. Правда, это насилие было направлено не против существа княжеского территориализма, а только против его специфической религиозной формы, несовместимой с габсбургско-католическим универсализмом. Но раз уж какое бы то ни было насилие императора над князьями налицо — легко было перетолковать этот религиозный факт в государственном смысле: почему бы не сделать более полным торжество императора над князьями и не создать вместо европейской империи германскую абсолютную монархию? Валленштейн в качестве могущественного имперского генералиссимуса в конце 20-х годов открыто толкал Империю и лично императора Фердинанда II в этом направлении. Источники свидетельствуют, что он прямо говорил в 1629 г. о ненужности и курфюрстов и князей, а император, по его словам, должен быть в Германии таким же хозяином, как король во Франции или Испании. Чтобы одним махом уничтожить имперскую конституцию и обязательства императора по избирательной капитуляции, Валленштейн предлагал объявить сына Фердинанда II наследником императорского престола без всяких выборов. Интересы католической реакции Валленштейн совершенно игнорировал. Но характерно, что при этом он не отказывался от габсбургского «империализма» и охотно потакал грезам о будущей западной империи, относя только ее осуществление на вторую очередь.

Однако, как ни сильно было влияние Валленштейна на Фердинанда II, связи последнего с габсбургской Испанией, иезуитско-католические узы, традиции Империи оказались сильнее. В решительную минуту Фердинанд II не только не произвел ниспровержения имперской конституции, но, ниспровергнув самого Валленштейна, устремился очертя голову по пути, предначертанному первым планом, — по пути католической реакции и габсбургской агрессии. Утопия рухнула, под ее руинами обнаружилась неприкрытая и неисправимая природа императорской власти — и еще большее разочарование и беспокойство овладели теперь душами немецких дворян. Но если не император, то кто же другой мог бы стать самодержавным монархом Германии? Ни один из князей не имел для этого достаточного перевеса над другими. Выдвижение кого-либо из восточных курфюрстов сразу вызвало бы сопротивление всех западных курфюрстов, которым принадлежало большинство в избирательной коллегии и которым поворот Германии лицом к Балтийскому морю грозил бы превращением их владений в глубокий тыл, в глухую провинцию германской монархии. Валленштейн до последних дней своей жизни не оставлял попыток стать чешским королем и таким образом, вытеснив Габсбургов из коллегии курфюрстов, стать первым кандидатом в императоры. Но все это при ближайшем рассмотрении

оказывалось тоже нереальной и противоречивой химерой: ниспровержение имперской конституции не могло совершиться с помощью самой имперской конституции! Однако и неконституционный путь — военный государственный переворот — был исключен: в стране, не имевшей ни столицы, ни правительства, ни казны, ни общего законодательства, попытка военного переворота могла бы только подлить масла в огонь междоусобной войны, но не могла увенчаться успехом.

Оставалась последняя возможность: призвать извне завоевателя, который внешним и насильственным образом объединил бы Германию и воцарился бы в ней. Взоры, естественно, обращались к шведскому королю. Он имел сильную армию. Устойчивое внутреннее положение в Швеции позволило бы ему заняться наведением порядка в Германии. К тому же путем слияния, или унии, со Швецией Германия легко могла бы завершить «окружение» Балтийского моря, подавив последнего соперника — Польско-Литовское государство и отняв у Дании проливы. Поэтому многие немецкие дворяне (об отношении других классов речь будет в другом месте) с симпатией отнеслись к шведскому вторжению в Германию. Валленштейн, как верный барометр дворянских настроений, во второй период своей деятельности, по-видимому, все более склонялся к этому шведскому варианту решения политической проблемы Германии и, как это документально доказано, вступил в тайные переговоры со шведским правительством. Однако опыт в дальнейшем показал, как мы убедимся в соответствующих главах настоящей книги, что и этот проект оказался в конце концов химерой.

Впрочем, нереальность, утопичность всего второго, валленштейновского, плана (в любых его видоизменениях) состояла прежде всего в том, что Валленштейн пытался решать политическую судьбу Германии без хозяев: и без народных масс, и без всемогущих князей. Конечно, те или иные князья в отдельные моменты могли по своим соображениям поддерживать притязания императоров, кого-либо из курфюрстов, Валленштейна или шведского короля. Однако в конечном счете князей не устраивала вообще идея единой германской монархии, кто бы ее ни возглавлял — австрийские Габсбурги или бранденбургские Гогенцоллерны, Валленштейн или Ваза. Монархия означала бы устранение князей, она лишила бы их всевластия. Но внутренняя обстановка в Германии все же требовала от них каких-то мер, если они не хотели быть сметенными снизу или сверху. И они понемногу нашли свой план действий — третий план, который мы и назвали княжеским. Если валленштейновский план был в известной мере протестом против политической нелепости — Империи, то оборотная сторона этой же самой политической нелепости, ее княжеская изнанка, взяла реванш, опрокинув все утопические затеи и водворив на их место действительность, более страшную и чудовищную, чем могла создать любая фантазия.

Строго говоря, княжеский план не был «планом» в смысле чьей-либо осознанной программы действий. Уже и второй план, обобщая настроения некоторой части немецкого дворянства, мы лишь весьма условно отнесли к индивидуальной фигуре Валленштейна. Третий план не имеет и такого фокуса. Это была практика многих князей, каждый из них в отдельности и ощупью находил свой путь в дебрях запутанных политических взаимоотношений Тридцатилетней войны. Однако объективная логика, логика вещей приводила их к одинаковому результату — к княжескому плану. Он состоял в том, чтобы временно призвать, для разрешения внутренних социальных проблем, вооруженную интервенцию — как иностранных держав, так и одних княжеских группировок против других. При этом каждый князь старался либо направить интервенцию не на свою, а на чужую территорию, либо наперед выговорить у интервентов неприкосновенность, если не увеличение, своих владетельных прав и своей политической независимости. В сумме же получалось решение проблемы в общегерманском объеме: князья сохраняли и укрепляли свое господствующее положение, т. е. сохраняли основу политического строя Империи, а в то же время все не только немецкие, но и европейские военные ресурсы оказывались мобилизованными для выполнения единой концентрированной задачи — небывалой в истории ожесточенной расправы с народными массами Германии. Это было поистине изнанкой габсбургского космополитизма: императоры-Габсбурги хотели распространить свою власть из Германии на всю Европу, а князья предпочли навлечь всю Европу на Германию.

Если габсбургский план предусматривал уничтожение самой почвы, из которой вырастало народное революционное движение, если валленштейновский план стремился противопоставить этому движению несокрушимый отпор, то княжеский план подразумевал попросту истребление наиболее «неспокойной» части немецкого народа и такое ошеломляющее устрашение остальных, чтобы затем их можно было навсегда зажать в кулак. Ведь мы уже знаем, что за время между Великой крестьянской войной 1525 г. и Тридцатилетней войной княжеско-крепостническая реакция в Империи еще далеко не достигла такой полноты, при которой децентрализованное принуждение предохраняло бы общество от революционных взрывов, хотя бы столь же надежно, как в абсолютистских монархиях — централизованное принуждение. Этой реакции пришлось остановиться на полпути, так как перед ней возникло препятствие в виде сохранившейся и после 1525 г. способности немецкого народа к сопротивлению; новые усилия со стороны реакции вызывали, как мы видели, дальнейшее нарастание восстаний. Надо было устранить это препятствие с пути любыми способами, хотя бы руками интервентов, — и тогда можно будет среди крови и опустошений довести реакцию до конца, после чего народ если и очнется, то уже связан-

ным: помещик-крепостник, как и мелкодержавный князек будут в состоянии «бдить» за каждым шагом своих «подданных» и душить в них всякую искру непокорности даже до того, как она дойдет до их собственного сознания.

Княжеский план нащупывался еще более стихийно, чем валленштейновский, и более или менее созрел только во второй половине Тридцатилетней войны, когда и были широко распахнуты двери для шведской и французской интервенции. Правда, на шведскую интервенцию, как мы знаем, ориентировался уже и валленштейновский план в его последнем варианте. Но князья, унаследовав эту идею (от противников), придали ей совершенно иной смысл. Стоит сравнить, как под незаметным влиянием политического «заказа» коренным образом изменился характер шведской оккупационной армии в Германии: сначала — это дисциплинированнейшая и сдержаннейшая армия в мире, пользовавшаяся симпатиями населения, вполне подходящая для роли опоры общегерманского абсолютизма; в конце Тридцатилетней войны — это армия-опустошительница. «И шведские войска, — писал историк Тридцатилетней войны Г. Винтер, — вместе со своим весьма дельным, но недоступным для каких-либо высших побуждений предводителем Банером, из солдат, вполне дисциплинированных и организованных, приносивших пользу и боровшихся за высокую цель, какими они были при Густаве-Адольфе, тоже опустились до состояния того разбойничьего сброда, каковым из года в год все более становились армии этого печального времени» [37].

Иногда историки объясняют эту метаморфозу тем, что изменился самый состав шведской армии: место крестьян-шведов, отбывающих воинскую повинность, заняли профессионалы наемники разных национальностей. Но и изменение способа пополнения армии следует поставить в связь с изменением функции армии внутри Германии.

Интервенция как способ решения внутренних проблем Германии обнаружилась путем, так сказать, естественного отбора: сначала этого рода факты были только крупицами среди других явлений войны, позже стали доминирующими и типичными. Например, в истории подавления верхнеавстрийских крестьян в 1626 г., изложенной выше, уже проступает принцип взаимной интервенции князей, но пока лишь в виде помощи со стороны герцога Баварского австрийскому государю. Пожалуй, можно сказать, что начало всей практике интервенций положил сам император Фердинанд II, не только приглашавший, как мы видели, баварские войска против своих мятежных австрийских подданных, но и призвавший на неспокойный протестантский Пфальц испанские орды из Южных Нидерландов под командованием

---

[37] *Winter G.* Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Berlin, 1893, S. 524—525.

итальянца Спинолы, предоставив им неограниченные возможности по части захвата «военной добычи». Эта практика вполне отвечала природе космополитизма Габсбургов. Но это еще не была интервенция, возведенная в систему. Таковой ее сделали князья, и тогда она, кстати сказать, особенно больно ударила именно по Габсбургам.

Пример настоящей интервенции в духе княжеского плана — это, скажем, когда восточногерманские князья из Гейльбронского союза[38] добровольно пропускают через свои земли шведские войска в сторону наиболее накаленных, наиболее революционных областей Империи, к числу которых, как мы знаем, в первую очередь принадлежали Австрия и другие габсбургские владения в Юго-Восточной Европе. Дело, по-видимому, именно в социальном состоянии этих областей — очага заразы для всех земель Империи, а не в том, что тут была резиденция и вотчина императора. На эту пылающую почву особенно охотно подталкивали князья различных интервентов, когда сговор с интервентами сделался основой их политики и Германия стала ареной кровавых оргий солдат-наемников всех национальностей Европы.

Таковы три плана, которыми ответили господствующие и правящие слои Германии на новое нарастание революционной угрозы. Такова внутригерманская сторона Тридцатилетней войны. История этой войны выглядит крайне сложной, запутанной именно потому, что эти три плана — габсбургский, валленштейновский и княжеский — не просто сменяли друг друга, а сосуществовали, переплетались, взаимодействовали друг с другом. Происходила переориентация общественных сил, в частности значительных масс дворянства, отдельных светских и духовных князей, княжеских группировок, в пользу то одного, то другого плана. Разобраться в этой пестрой картине действительно нелегко. Но все же видно, как понемногу доминирующая роль достается княжескому плану. И первый и второй планы после многих усилий и опытов оказались неосуществимыми; третий стал в конце концов действительностью.

Отсюда, из победы третьего плана, вытекают две кардинальные особенности Тридцатилетней войны. Во-первых, она, будучи по существу всеевропейской войной, превратилась как бы во внутреннюю германскую войну — военные силы обеих европейских коалиций всасывались внутрь Германии волею немецких князей и уже там вели борьбу между собой. Во-вторых, она приобрела тот специфический стиль не только войны, но одновременно и чудовищной карательной экспедиции, жестокой расправы с мирным населением, физического и психического террора, который так ошеломил сознание современников.

---

[38] Антигабсбургский союз Швеции с рядом германских протестантских князей и городов (1633—1634 гг.); распался после поражения шведов при Нёрдлингене (*Ред.*).

Здесь, в связи с внутренними проблемами Германии, для нас представляет главный интерес эта вторая особенность Тридцатилетней войны. Поэтому, хотя бы хронологически и забегая вперед, мы остановимся на ней несколько подробнее.

В первой книге «Симплициссимуса» Гриммельсгаузена есть знаменитая четвертая глава. На глазах мальчика разыгрывается сцена погрома дома его отца вторгшимися солдатами-кроатами и расправы с захваченными крестьянами. Этот рассказ, ведущийся в обычной «чудаковатой» манере, по праву цитируется постоянно в учебниках и хрестоматиях, ибо он дает запечатленный во всей конкретности единичный пример того, что составляло массовое явление, будни Тридцатилетней войны. Вот его наиболее характерная часть: «Первое, что учинили и предприняли те всадники... было то, что они поставили там лошадей; после чего всяк приступил к особливым трудам, кои все означали сущую погибель и разорение. Ибо в то время как некоторые из них принялись бить скотину, варить и жарить, так что казалось, будто готовится здесь веселая пирушка, другие свирепствовали во всем доме и перепарили его сверху донизу, так что не пощадили даже укромный покой, как если бы там было сокрыто само золотое руно Колхиды. Другие увязывали в большие узлы сукна, платья и всяческую рухлядь, как если бы они сбирались открыть ветошный ряд, а что они не положили взять с собою, то разламывали и разоряли до основания; иные кололи шпагами стога соломы и сена, как будто мало им было переколоть овец и свиней; иные вытряхивали пух из перин и совали туда сало, сушеное мясо, а также утварь, как будто оттого будет мягче спать. Другие сокрушали окна и печи, как если бы их приход возвещал нескончаемое лето; сминали медную и оловянную посуду, после чего укладывали ее погнутой и покореженной; кровати, столы, стулья и скамьи они все пожгли, хотя на дворе лежало сухих дров довольно. Напоследок побили все горшки и миски, либо оттого, что с большей охотой ели они жаркое, либо намеревались тут всего один раз отстрапезовать.

Со служанкой нашей в хлеву поступили таким родом, что она не могла уже оттуда выйти, о чем, по правде, и объявлять зазорно. А работника они связали и положили на землю, всунули ему в рот деревянную пялю, да влили ему в глотку полный подойник гнусной навозной жижи, кою называли они шведский напиток...

Тут стали они отвинчивать кремни от пистолетов и на их место ввертывать пальцы мужиков и так пытали бедняг, как если бы они хотели сжечь ведьму, понеже одного из тех пойманных мужиков уже засовали в печь и развели под ним огонь, хотя он им еще ни в чем не признался. Другому обвязали они голову веревкой и так зачали крутить палкой ту веревку, что у него из рта, носа и ушей кровь захлестала. Одним словом, у каждого из них была своя хитрость, как мучить крестьян, и

каждый мужик имел свою отличную от других муку... О захваченных женах, дочерях и служанках не могу особливо ничего сообщить, ибо воины не допускали меня смотреть, как они с ними поступали. Однако ж я довольно знаю, как инде в различных уголках были слышны ужасающие вопли, почитай, что и моя матка и наша Урселе не избежали той общей участи»[39]. Убежав в лес, мальчик видит издали, что родной дом уже пылает в огне.

В этом описании поразительны не столько черты грабежа и разбоя, сколько как будто бессмысленного погрома и уничтожения, ожесточенного мучительства без утилитарной цели. Описанное событие относится, по ходу действия, к 1635 г. Солдаты Тридцатилетней войны к этому времени прошли уже немалую школу «воспитания», вернее — развращения, поощрения в них самых кровожадных и бесчеловечных желаний, — хотя, разумеется, они могли при этом вовсе не отдавать себе отчета в социально-политическом смысле своих действий. Разрушение превосходит грабеж, утонченное мучительство превосходит пытку, которая служила бы целям вымогательства.

У другого писателя XVII в., Г. Мошероша, в «Видениях Филандера из Зиттевальда» находится аналогичное описание истязаний крестьян солдатами во время Тридцатилетней войны. Здесь изобрели другие приемы. «Одному из крестьян, — рассказывает Филандер, — связали руки за спиною, продернули ему при помощи шила с ушком сквозь язык конский волос, который, если его слегка дергали взад и вперед, причинял несчастному такие муки, что он кричал, как безумный. Но за каждый крик он получал по ногам четыре удара плетью, проводившие красные борозды»[40].

Эти описания Гриммельсгаузена и Мошероша особенно выразительны и наглядны, но в сущности они не отличаются от сотен других, хотя и менее подробных, свидетельств современников. Таким образом, речь идет именно не об единичных фактах, а о повсеместной и повседневной изнанке Тридцатилетней войны в Германии. Нагляднее всего в этом можно убедиться с помощью изданной в 1890 г. историком Ламмертом сводки из бесчисленных местных хроник и других памятников эпохи Тридцатилетней войны, рисующих причиненные ею бедствия. Ламмерт расположил по годам выборки из источников об эпидемиях, голодовках и т. д. Но особенно нарастают начиная с 1632 г. свидетельства о погромах и истязаниях мирного населения солдатами. Вот, например, в самом начале этой кривой, в 1632 г., сцены из «Кемптенской хроники», рассказывающей о пребывании в Кемптене шведских войск: валяющиеся на улицах трупы людей, выброшенных из окон, с выколотыми глазами; женщины, с младенцами на

---

[39] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Указ. соч., с. 19—20.
[40] Цит. по: *Дживелегов А.* Указ. соч., с. 316.

руках, загнанные штыками в реку и утонувшие; женщины с отрезанными грудями, детские трупы, сваленные в подвал, и т. д.[41] Дальше, с каждым годом — все больше ужасов, настоящая лавина изнасилований, истязаний, мучительных казней. Здесь жертвам вливают в рот расплавленный свинец, там привязывают их к хвостам лошадей. Причем имперцы и испанцы, шведы и французы, баварцы и кроаты (хорваты), гессенцы и саксонцы — все в равной мере совершают необъяснимо кровожадные жестокости, жгут дома и целые деревни, бессмысленно опустошают поля и уничтожают все, чего не могут унести. А по их следам тянутся чума, тиф, разруха, одичание, голод.

Правда, в немецкой историографии существует целое течение, ограничивающее или даже отрицающее разорение и обезлюдение Германии в результате Тридцатилетней войны, а вместе с тем — и значимость свидетельств о бесчинствах солдатни. В лице своих более умеренных и стоящих на научной почве представителей — Эрдмансдёрфера, Белова, Шмоллера, Штейнгаузена и др. — это течение сделало полезную работу: был уничтожен ряд легенд, пущенных в широкий оборот сторонниками одного из двух основных, уже известных нам, взглядов на значение Тридцатилетней войны в истории Германии, а именно взгляда, что все несчастья Германии и весь ее последующий упадок начались только в результате Тридцатилетней войны. Не желая признать началом национальной катастрофы Германии неудачу революционной попытки 1525 г., сторонники этого взгляда, естественно, сгустили разрушительные итоги Тридцатилетней войны. Законной реакцией против такого нарушения исторической истины и явились исследования указанных авторов, показавших, что опустошения, произведенные войной, не были уж настолько велики, чтобы ими можно было механически объяснить весь последующий упадок германской экономики и культуры, — было, например, показано, что исчезновение многих деревень, приписываемое Тридцатилетней войне, относится к более ранним временам, а деревни, опустевшие или разрушенные во время войны, подчас вскоре возрождались, что убыль населения за время войны составила не 75%, т. е. не 12—13 млн. человек, как думали прежде (Менцель, Шерр, Инама-Штернегг), а значительно меньшую величину, не более 30—35%, т. е. 5—7 млн. человек[42].

Разумеется, такое устранение преувеличений и вымыслов еще ничуть не затрагивало представления о специфическом бесчеловечном стиле Тридцатилетней войны. Но раз уж начавшись, критика традиционных представлений в руках части авторов превратилась в излишество, в гиперкритику источников, в отрица-

---

[41] *Lammert G.* Geschichte der Seuchen-Hungers- und Kriegsnoth zur Zeit des Dreissigjährigen Krieges. Wiesbaden, 1890, S. 127.

[42] *Урланис Б. Ц.* Рост населения Европы (опыт исчисления). М., 1941, с. 126—127, 130.

ние и объявление «легендой» всего, что прежде писалось о бедствиях Тридцатилетней войны.

Зачатки такой тенденции можно видеть в работе Хендтке «Немецкая культура во времена Тридцатилетней войны», где автор пытается доказать наличие в этот период чуть ли не культурного прогресса вопреки обычному мнению о культурном упадке и одичании нравов[43], и книге Эрдмансдёрфера «История Германии в 1648—1740 гг.», где сделана попытка опорочить объективность всех вообще описаний ужасов и бедствий, оставленных современниками Тридцатилетней войны, на том основании, что все они подвержены особому литературному стилю эпохи. «Во всех рукописях, говорящих о войне и военных бедствиях, замечается, — по словам Эрдмансдёрфера, — некая, ставшая устойчивой манерой, чрезмерность почти скулящего, жалобного тона, постоянным и общеупотребительным становится, так сказать, ломающий руки способ выражаться. В то время как нищета, как ни была она велика, имела свою меняющуюся степень, язык того времени не знает почти никаких нюансов для ее описания. Преобладает почти исключительно превосходная степень ужасов, и с удивительно плодовитой изобретательностью все снова воспроизводится, во все новых кровавых вариантах, одна и та же тема крови и пожаров, страданий и голода». Распространение этого стиля Эрдмансдёрфер объясняет, во-первых, желанием разных лиц, корпораций и общин доказать невозможность платить новые поборы или необходимость облегчить существующее бремя, в связи с чем, между прочим, сомнительными оказываются и все современные войне статистические данные; во-вторых, богословско-пропагандистскими нуждами: протестантские проповедники достигали потрясающего или поучительного эффекта, прибегая к таким сильнодействующим средствам. «Кто может знать, — замечает Эрдмансдёрфер, — как часто патетическое изображение бедствий превосходило действительное бедствие»[44]. Впрочем, Эрдмансдёрфер при всем том вовсе не отрицает, что бедствия действительно были и что они были очень велики.

Но критическое направление развивалось дальше, и в лице Р. Хёнигера и нескольких его учеников достигло своего абсурдного апогея.

Хёнигер в нашумевшей статье «Тридцатилетняя война и немецкая культура», появившейся в 1909 г., провозгласил, что «догма о разрушительном воздействии Тридцатилетней войны» на Германию вообще является не чем иным, как легендой. Свидетельства современников о разрушениях и бедствиях кажутся ему не заслуживающими никакого доверия все из-за того же «жа-

---

[43] *Haendtcke B.* Deutsche Kultur im Zeitalter des Dreissigjährigen Krieges. Leipzig, 1909.

[44] *Erdmannsdörfer B.* Deutsche Geschichte vom Westfälischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedrichs des Grossen. 1648—1740. Bd. I. Berlin, 1892. S. 102.

лобного» литературно-публицистического стиля эпохи. Сословия использовали преувеличения своих бедствий для борьбы против финансовых домогательств княжеского абсолютизма, обе религиозные партии в пропагандистских целях широчайшим образом практиковали в печати преувеличения учиненных противником бедствий, наконец, народная молва раздувала происшествия, как она всегда это делает. Сцена погрома, описанная Гриммельсгаузеном, как будто бы беспристрастным свидетелем, опровергается путем сопоставления с гравюрой Калло, содержащей очень сходную сцену погрома солдатами крестьянского дома во время Тридцатилетней войны: в обоих случаях, рассуждает Хёнигер, слишком много лиц и событий сосредоточено в одном месте и в одно время, следовательно, это только художественный прием, «композиция», а не слепок с действительности. Еще один аргумент, по мнению Хёнигера, должен окончательно подорвать доверие к «надуманному» рассказу Гриммельсгаузена: «Необоснованным является всеобъемлющее бессмысленное уничтожение полезных предметов и заключительное сожжение дома, которое также не могло представлять ни малейшей привлекательности для солдат»; неправдоподобно и применение ими к каждому крестьянину особой пытки, когда можно было обойтись одной. Такими же легковесными аргументами или натянутыми придирками опровергает Хёнигер и ряд других свидетельств современников — о каннибализме, об исчезновении целых деревень и т. д. Убыль населения Германии является, по мнению Хёнигера, выдумкой все тех же «скулящих» современников, а на самом деле по косвенным данным можно установить даже его возрастание за время войны, например по тому факту, что в университетах Германии после войны числилось больше студентов, чем до нее [45].

Об этой довольно пустой статье Хёнигера можно было бы и не упоминать, если бы она не послужила толчком к оживленной научной полемике, продолжающейся до наших дней и принесшей, между прочим, ту пользу, что она привлекла внимание исследователей к изучению экономики Германии по отдельным областям и городам в эпоху Тридцатилетней войны. Подавляющее большинство новых, как и старых, локальных исследований говорит против Хёнигера [46]. Его точку зрения пытаются поддерживать только две-три работы, вышедшие из его же семинара в Берлинском университете. Общим признаком всей этой школы, ведущим начало от вышеприведенных рассуждений Эрдмансдёрфера, является подмена вопроса о специфическом стиле самой Тридцатилетней войны вопросом о специфическом литературном стиле той эпохи, будто бы исказившем всю действительность.

---

[45] *Hoeniger R.* Der Dreissigjährige Krieg und die deutsche Kultur. — «Preussische Jahrbücher», Bd. 138, Hf. III, Dez., 1909.

[46] См. *Beller E. A.* Recent Studies on the Thirty Years War. — «The Journal of Modern History», vol. III, N 1. March, 1931, p. 72—83; *Wedgwood C. V.* The Thirty Years War. New Haven, 1939, p. 510—516.

Особенно характерна работа ученика Хёнигера Вальтера Гюнтера «Основные черты социального и хозяйственного развития Германии в эпоху Тридцатилетней войны» (1913 г.), прибавляющая к прежним критическим аргументам еще один, чрезвычайно любопытный.

Значительная часть книги Гюнтера представляет собой довольно бессистемный ворох примеров из авторов — современников Тридцатилетней войны и из сочинений историков, на которых доказывается неосновательность традиции; с ними производится короткая расправа — они уличаются в противоречиях или в неосведомленности. Даже непонятна та ретивость, предвзятая и предубежденная, с которой Гюнтер подыскивает самые нелепые придирки, лишь бы найти что-нибудь сомнительное в каждом свидетельстве и таким путем рассеять общепринятые представления о бедствиях Тридцатилетней войны и ее разрушительных последствиях. Если один из авторов говорит, что после войны во всем Бранденбурге видно было больше дичи, чем крестьян, то Гюнтер объявляет это утверждение не заслуживающим доверия уже по одному тому, что ведь не сказано, какая именно имеется в виду дичь. Историки, по мнению Гюнтера, просто доверчиво поддались «плаксивому и причитающему» тону современников и их вере в реальность любых невероятных вымыслов. Далее Гюнтер подвергает придирчивому разбору понятие «запустения» (Wüstungen), как решающее для определения последствий Тридцатилетней войны, и находит, что окончательное запустение и разрушение целых деревень вообще почти не имело места и принадлежит к категории легенд, а в худшем случае происходил только временный отлив сельского населения в города, откуда оно возвращалось к своим домам или пепелищам, как только миновала опасность военных поборов или постоев. Вообще же, полагает Гюнтер, хотя многим отдельным лицам, деревням, городам война и причинила, разумеется, ущерб, в хозяйственной жизни Германии, в том числе и в деревне, продолжали в целом и во время и после войны развиваться процессы гораздо более длительного и неслучайного характера. Крестьяне сеяли и жали, отбывали повинности и вносили поборы, продавали и покупали, как всегда, хотя никакие «плаксивые» источники того времени об этом прямо и не говорят. Об этом свидетельствует, по мнению Гюнтера, сама природа вещей, природа всякой войны и всякой армии.

В этом пункте — центр тяжести всей аргументации Гюнтера, это — его главная идея. На основании опыта всех войн, в том числе и войны 1914—1918 гг., в которой автор сам участвовал, он утверждает, что армия просто не могла бы воевать, перестала бы быть армией, если бы в самом деле вела себя в Тридцатилетней войне так, как ей приписывает «традиция».

Во-первых, «традиция» рисует армию совершенно разложившейся и лишенной дисциплины, — но воинские части, не имеющие дисциплины, не могут давать и выигрывать сражений, — а мы

знаем из истории Тридцатилетней войны, что обе стороны активно воевали между собой, вели крупные военные операции. Значит, заключает Гюнтер, факты разнузданного мародерства, погромов, бесчинств должны быть приписаны не основной части армии, а той небольшой прослойке дезертировавших из ее рядов и разложившихся элементов, которую можно наблюдать во всякой войне и поведение которой не типично для общей картины. Вопросу о дисциплине в армиях Тридцатилетней войны Гюнтер отвел специальную большую главу, где собрал много доказательств (даже из того же «Симплициссимуса») наличия достаточно суровых условий походной жизни и достаточно жесткой дисциплины. «Будь то Банер или Торстенсон, Кенигсмарк или Врангель, Бернгард Веймарский или французы, будь то гессенцы, брауншвейгцы или имперцы, — все они зависели в своих военных и политических решениях от наличия дисциплинированных войск и делали для поддержания дисциплины все, что только могли».

Во-вторых, «традиция» рисует армию Тридцатилетней войны как разрушительницу хозяйства и населенных мест, тогда как всякая крупная армия для постоя и снабжения нуждается в хозяйственной базе. «Все грабежи и опустошения, следовательно, в том числе и так называемые внеслужебные, происходили в противоречии с собственными интересами армии, как потребительской группы, и значит не могли быть источником такого чудовищного разрушения, как то утверждают». Характеристике войска в эпоху Тридцатилетней войны, как потребительской и хозяйственной организации, Гюнтер также посвятил специальную главу.

Но основным доводом Гюнтера против «традиции» на протяжении всей книги остается именно апелляция к вечным законам всякой армии и всякой войны. «По-видимому, — пишет он, — оставалось незамеченным, что перед отдельным солдатом всегда стояли одинаковые военные задачи — нападение, защита, поход, бивак, необходимость претерпевать непогоду, голод, жажду, лишения, нужду, требовавшие одинаковых духовных и физических предпосылок и вызывавшие одинаковые физические и духовные проявления, в наши дни, как и за 300 или 2000 лет. Только войска с внутренней спаянностью, шагающие или едущие верхом днями и неделями вперед или назад, только вышколенные войска, мирно живущие по шесть и больше месяцев на гражданских квартирах совместно с горожанами и крестьянами, и только войска с высочайшей дисциплиной после долгих дней похода победоносно выдерживают битвы и сражения...

При таком взгляде, который подтверждается и прошедшими военными событиями нового времени, мнение о солдате Тридцатилетней войны должно быть коренным образом изменено. Подлинный военнослужащий, фронтовой солдат, это уже тогда не тот мародер, разбойник, душегуб, детоубийца, всеразрушитель, какого в нем, как правило, следует видеть, если считать верным старый

взгляд. А вместе с суждением о солдатах меняется взгляд и на процессы интересующего нас времени, в которых принимали участие солдаты, в том числе и процессы хозяйственные».

Что же означают сцены, записанные Гриммельсгаузеном и Мошерошем? Во-первых, Гюнтер без всякого основания объявляет их «позднейшими вставками», во-вторых, он снова и снова повторяет, что тут изображены не настоящие фронтовые солдаты «в строю и в части», а дезертиры, шкурники, люмпен-солдаты, которых можно наблюдать во всякой войне, но которые, как бы они ни были многочисленны, остаются, по существу, «единицами», ничего общего не имеющими с «духом и дисциплиной целого», т. е. армии [47].

Мы уже сказали, что попытка Хёнигера, так сказать, «обелить» Тридцатилетнюю войну совершенно не выдерживает критики исторических фактов и серьезных исторических исследований. Рассуждения Гюнтера о вечных свойствах всякой армии, в частности немецкой, выглядят просто нелепыми в свете новейшего исторического опыта — ужасающей расправы гитлеровской армии, именно как «целого», с населением оккупированных областей Советского Союза, неизмеримо превосходящей все кошмары Тридцатилетней войны. Но при всем том школа Хёнигера приносит косвенную пользу историку: кое-что она все же доказала, а исправление ее ложных обобщений дает возможность лучше оттенить особенности внутригерманской стороны и духа Тридцатилетней войны.

Прежде всего, надо считать доказанным, что всеобщего падения дисциплины в армиях Тридцатилетней войны в самом деле не наблюдалось. Дисциплина действительно в среднем стояла на довольно высоком уровне. Но это значит только, что солдатские насилия над населением чинились не вопреки начальству, а, скорее, с соизволения начальства, отражавшего в конечном счете волю политических руководителей. Однако Гюнтер прав и в том, что всеобщее превращение солдат в мародеров грозило бы армиям полной потерей боеспособности. Разрешение этого противоречия стихийным путем было найдено в том, что армии как бы разделились на две части — воевавшую и расправлявшуюся с населением, — соответственно с двумя функциями, или сторонами, самой Тридцатилетней войны. От собственно войсковых соединений у каждой из воюющих сторон отслаивались весьма многочисленные банды разнузданных и озверелых солдат, специализировавшихся на «войне» с мирными крестьянами и горожанами. Наличие у военного командования достаточной дисциплинарной власти, чтобы пресечь это отслоение, обнаруживается в том, что при случае, особенно когда военно-стратегическая обстановка складывалась неблагоприятно для данной армии, командование

---

[47] *Günther W.* Grundzüge der sozialen und wirtschaftlichen Entwicklung in Deutschland im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Berlin, 1931 (Diss.).

довольно легко вылавливало мародерские шайки и жестоко водворяло их в общие ряды солдат. Но в другие моменты оно не принимало против них никаких мер. Чрезвычайно характерно, что почти все примеры, приводимые Гюнтером для доказательства наличия дисциплины в войсках, когда, скажем, тот или иной командир без особых усилий запрещал вымогательства у населения, погромы и т. д., — относятся к католическим войскам Тилли и имперским войскам Валленштейна во второй половине Тридцатилетней войны. Эти войска тогда уже находились в положении преимущественно оборонявшихся и отступавших, и поэтому естественно, что военно-стратегические мотивы, требовавшие повышения дисциплины, вытесняли тут мотивы социально-карательные, связанные с освобождением части солдат от воинской дисциплины.

Впрочем, все сказанное является только схемой: на деле и крупные регулярные войсковые соединения учиняли страшные погромы и опустошения, но преимущественно в городах и больших населенных пунктах, через которые они проходили. Рассеяться же по бесчисленным деревням, где жила основная масса населения Германии, регулярная армия действительно не могла, и эта функция целиком ложилась на децентрализованные шайки.

Чтобы представить себе все это нагляднее, обратимся снова к «Симплициссимусу». Мы находим там главу, посвященную описанию того, как злополучный герой попал в число «братьев-мародеров» [48]. Это название он производит от имени некоего Мерода, полк которого был настолько истощен, что в конце концов все солдаты оказались в числе отставших; впоследствии, говорит он, всех отбившихся от своей части стали звать братьями-мародерами. Достаточно было малейшего предлога — нездоровья, потери лошади, чтобы перейти в эту своеобразную сферу, окружавшую собственно армию. «Они рыщут повсюду, тащат все, что подвернется впереди, вокруг и позади войска; а чем не могут попользоваться, то портят. Так что солдаты, следующие с полком... частенько не найдут и глотка воды» [49]. Но при этом «братья-мародеры» отнюдь не теряли некоторых черт военной организации: они действовали обычно отрядами, подчас не маленькими; они не распылялись полностью, а все же двигались обычно около крупных военных частей. Иными словами, «братья-мародеры» были совсем не тем, чем являются обычные мародеры в других войнах. Это была качественно особая часть армии, та сторона, которой всякая армия в эпоху Тридцатилетней войны была обращена к своей второй задаче — войне с непокорными крестьянами. Так сама жизнь подсказала решение проблемы, кажущейся Гюнтеру неразрешимой. В ироническом наименовании мародеров «братьями» и «орденом» заключен намек на то, что эти воины

---

[48] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Указ. соч.
[49] Там же, с. 258.

уже не имели противников среди людей войны: к какому бы из двух воюющих лагерей они ни принадлежали, имперскому или антиимперскому, встретившись, они уже, пожалуй, не враги друг другу, а «братья» по оружию против общего врага — мужика.

В целом ряде мест «Симплициссимуса» мы находим разительные свидетельства того, что Тридцатилетняя война в своих глубоких недрах была действительно не чем иным, как войной мужиков и солдат. Огромная потенциальная сила, накопившаяся в крестьянстве, разрядилась в этой необозримой децентрализованной битве, в которой, однако, наступающей стороной было уже не оно, а солдаты. Но крестьяне вовсе не оставались пассивной, страдающей стороной. При чтении «Симплициссимуса» вырисовывается картина именно двусторонней войны, в которой только в конечном счете перевес оказывается на стороне лучше вооруженных и обученных солдат.

Например: «...направился я к нему (знакомому священнику. — *Б. П.*) в деревню, и когда я пришел туда, то увидел, что она охвачена пламенем... крестьян же частью порубили, многих прогнали, а некоторых забрали в плен... Всадники ... уезжали и уводили священника на веревке... Прочим из оставшихся пленных крестьян было нимало не лучше. Когда же казалось, что всадники в своей тиранической свирепости вовсе лишились рассудка, поднялась из лесу такая туча ополчившихся крестьян, как если бы кто разорил осиное гнездо. Тут зачали они столь гнусно вопить, столь люто разить и палить, что все власы мои ощетинились...

Оттого-то всадники и дали тягу... побросав все мешки и узлы, и пустили таким образом по ветру свою добычу, чтоб самим не стать добычею мужиков; однако часть их попала к ним в лапы, и с ними обошлись весьма худо». На другой день 40—50 солдат заставляют Симплиция вывести их из лесу: «Когда вышли мы на опушку, то завидели с десяток крестьян, часть коих была вооружена пищалями, а остальные трудились, что-то закапывая. Мушкетеры напустились на них... Те же ответствовали им из пищалей. И когда приметили, что солдаты берут верх, то разбежались кто куда... В яме оказался живой солдат. Как только он немного отудобел... то поведал, что во вчерашний день, когда несколько солдат из его полка добывали фураж, мужики захватили в полон шестерых из них и не далее, как час тому назад, поставив их в затылок, пятерых застрелили, а так как он стоял шестым и последним, то пуля его не достигла, ибо раньше прошла пять туловищ, а посему они отрезали ему уши и нос ... запихали... в бочку и так похоронили заживо...»[50]. Этот эпизод, ярко передающий взаимную жестокость и ожесточение борьбы,

---

[50] Там же, с. 35—37.

лишь один из бесчисленного, по-видимому, множества подобных актов запоздалого и отчаянного сопротивления крестьян.

В другом месте, например, рассказывается, как Симплиций с отрядом кроатов совершает набеги на деревни за «фуражом». «Фуражировать же означало не что иное, как... рыскать по деревням, молотить, молоть, печь, красть и брать все, что сыщешь, пытать и разорять мужиков... А когда бедные мужики показывали свое неудовольствие или же набирались такой дерзости, что тому или иному фуражиру... возьмут да и пообломают лапы, что в те времена в Гессене с такими гостями случалось нередко, то зарубали тех мужиков насмерть... или же по крайности пускали на дым их хижины» [51]. Еще ценнее, как всегда, то, что Гриммельсгаузен говорит невзначай, рассказывая о совсем других предметах; в житейских перипетиях и бытовых сценках тут и там проскальзывает исторический фон. Так, один из персонажей рассказывает о своей сестре, взятой в плен имперскими всадниками: «Я... выслал к противнику трубача, чтобы справиться о сестре и предложить выкуп, однако ж... узнал, что сказанный отряд всадников был рассеян в Шпессерте крестьянами и в том сражении сестра моя была ими потеряна» [52]. Тут на заднем плане — целое сражение между крестьянами и кавалерией, воспринимаемое, видимо, как событие обыденное.

Впрочем, ведь из сделанного выше обзора крестьянских восстаний уже известно, что солдатские бесчинства провоцировали и очень крупные выступления крестьян в 20—30-х годах: в Гарце, Австрии, Баварии. В другом месте «Симплициссимуса» автор порицает нравы солдат, не стыдящихся своих поступков и даже хвастающихся друг перед другом: «Тьфу! Кровь из носу! Как мы вчера нализались!»; «Тьфу! Провал возьми! Как мы этих плутов мужиков помучали!» [53]. Как видим, столкновение с мужиками — это быт, а не событие в жизни солдатни Тридцатилетней войны. Поэт-сатирик XVII в. Фридрих фон Логау резюмировал дух Тридцатилетней войны в эпиграмме «Символ веры солдата — грабь мужика». А в другом стихотворении, обращаясь к солдатам Тридцатилетней войны, в виде иронического восхваления их побед, он выразил эту же мысль в таких словах: «Веселитесь, солдаты, веселитесь! Портупеи, которыми опоясаны ваши чресла, выделаны из кожи крестьян...» [54].

Итак, в то время, как одна часть армий, наполнявших Германию, по-военному организованная и дисциплинированная, вела войну в узком смысле слова, другая часть занималась войной иного рода — расправой с населением. Каждая часть была соответствующим образом приспособлена к своим функциям. Но ни-

---

[51] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Указ. соч., с. 110.
[52] Там же, с. 56.
[53] Там же, с. 61.
[54] *Logau F.* von. Sämtliche Sinngedichte. Stuttgart, 1872, S. 8, 46.

какой строгой грани при этом между обеими частями установить нельзя. Описания Гриммельсгаузена показывают, что, например, отряды фуражиров, рыскавшие по окрестностям на пути следования армии, хотя формально и принадлежали к регулярной части, фактически мало чем отличались от «братьев-мародеров». Да и само ядро части было совсем не чуждо тем же настроениям и, если военная обстановка позволяла, подчас целиком обращалось в кровожадную и разнузданную банду. Симплиций рассказывал о своем посещении города Гельнгаузена: он нашел «врата его открытыми, частью погоревшими и, однако, еще наполовину ощанцованными навозом. Я прошел их, но нигде не приметил ни единой живой души; напротив того, улочки повсюду были усеяны мертвыми телами, причем некоторые были догола раздеты» [55]. Разумеется, это — уже дело рук не «братьев-мародеров» или фуражиров, тут похозяйничало целое проходившее войсковое соединение.

Как мы уже сказали, равновесие между двумя частями армии было вообще подвижным и менялось в зависимости от общей военно-политической конъюнктуры. То командование смотрит на мародеров сквозь пальцы и даже поощряет их, то, говорит Гриммельсгаузен, когда они чересчур разбушуются, полковой палач вешает кое-кого из них на суку по дороге или заковывает в колодки в назидание другим [56]. Пребывание Симплиция в «братьях-мародерах» закончилось следующим весьма характерным образом: «Подобным честным молодцем был я тогда и оставался таким до самой битвы под Виттенвейером... когда я вместе с несколькими камрадами отправился в Герольдек, намереваясь угнать коров или быков, как то было у нас в обычае, то меня самого захватили веймарцы... они взвалили нам на плечи мушкеты и рассовали по полкам» [57].

Достаточно прибавить, что этот эпизод относится к моменту перелома военного счастья в пользу французов (битва под Виттенвейером и осада Брейзаха в 1638 г.), потребовавшего мобилизации имперской армией всех своих ресурсов. Иначе говоря, в зависимости от обстоятельств, то армия как таковая служила резервом, из которого пополнялись ряды децентрализованной армии «братьев-мародеров», то, наоборот, если ей срочно нужны были подкрепления, она использовала массы военнообученных мародеров как свой собственный резерв. Так аргументы Гюнтера, направленные против «традиционной» картины Тридцатилетней войны, оказываются на деле в ограниченном объеме полезными для лучшего уяснения этой картины.

Другой косвенно полезный результат «критического» течения относится к вопросу об исчислении убыли населения в Германии

---

[55] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Указ, соч., с. 46.
[56] Там же, с. 258—259.
[57] Там же, с. 259.

в результате Тридцатилетней войны. Старые подсчеты строились таким образом, что документально засвидетельствованные данные о сокращении населения в какой-либо области, например в Пфальце или Вюртемберге, умножались и механически распространялись на всю Германию. Получалась неправдоподобно большая цифра. Хёнигер, в свою очередь, берет данные по Саксонскому курфюршеству, где население даже несколько возросло за время войны, и так же механически распространяет их на всю Германию; засвидетельствованную убыль населения в некоторых областях он объясняет просто тем, что население временно бежало (эвакуировалось) оттуда в более безопасные районы Германии, а позже понемногу возвращалось обратно. Этот вывод еще более неправдоподобен. Но решение контроверзы теперь совершенно ясно: опустошение Германии было крайне неравномерным по областям; в некоторых областях был уничтожен огромный процент населения, другие — почти не пострадали [58]. Но раз так, возникает вопрос: почему же именно такие, а не другие области пострадали больше всего? Военно-стратегическая картина Тридцатилетней войны, как оказывается, лишь отчасти и недостаточно разъясняет этот вопрос. Территории, бесспорно более всего опустошенные, не полностью совпадают с основными стратегическими направлениями военных действий, да и сам выбор стратегического направления, как хорошо известно историкам Тридцатилетней войны, нередко определялся политическими внутригерманскими соображениями и влияниями. Области, где население за время войны бесспорно сократилось больше всего, т. е. на 50—80%, — это Вюртемберг, Гессен, Пфальц и другие княжества Юго-Западной Германии, затем ряд районов Чехии и, наконец, земли по Эльбе и Одеру. Здесь наглядно выявляется, что в числе наиболее обезлюдевших территорий были районы активного крестьянского сопротивления. Иначе говоря, в ходе Тридцатилетней войны было вырезано преимущественно в самых «неспокойных» частях Германии не менее 5 млн. человек, представлявших, несомненно, наиболее активную часть населения, наиболее опасную для существовавшего порядка.

Разумеется, речь идет не о каких-либо плановых экзекуциях и «проскрипционных списках». Не подлежит сомнению, что среди уничтоженных во время войны мирных жителей многие не имели ни малейшего касательства к «крамоле», много было совершенно случайных жертв. Напомним одно цитированное уже выше место из Гриммельсгаузена. Оно необычайно важно для понимания всего духа Тридцатилетней войны. Солдаты, прибыв в деревню, начинали с того, рассказывает он, что мучили и грабили крестьян. «А когда бедные мужики показывали свое неудовольствие или же набирались такой дерзости, что тому или иному фуражиру... возьмут да и пообломают лапы... то зарубали тех мужиков на-

---

[58] *Урланис Б. Ц.* Указ. соч., с. 128.

смерть... или же по крайности пускали на дым их хижины»[59]. Поразительно яркий свет проливают эти слова на социальную функцию бессмысленных с первого взгляда мучительств, издевательств, истребления имущества и т. д. Это была почти безошибочная лакмусовая бумага. Не ясно ли, что тот крестьянин, который был внутренне более подготовлен к сопротивлению, сознание и чувство которого наиболее созрели для протеста, ходил ли он уже с вилами в крестьянские мятежные отряды или еще только напевал и молился у себя дома в том духе, как слышал в детстве Симплиций у своих родителей, хватался за оружие, проявлял волю, бил в набат; а тот, кто был менее зрел, в безропотном отчаянии молчал или бессильно плакал, когда звери-солдаты изобретательно терзали его, членов его семьи, его скотину и хозяйство. Первого убивали, нередко вместе с семьей; второго — оставляли жить. Теперь понятно, почему именно в тех областях, где крестьянство было наиболее революционизировано и имело опыт борьбы, к исходу Тридцатилетней войны оказались такие чудовищные цифры истребленного населения. Понятна также судьба населения земель между Эльбой и Одером, принадлежавших тоже к наиболее обезлюдевшим территориям, хотя там прежде и не наблюдалось крупных восстаний: истребленным оказалось славянское население, еще очень обильное здесь до войны и совершенно исчезнувшее после нее. Опустевшие земли вскоре расхватали немецкие и прочие колонисты.

Если это решето повсюду почти автоматически очищало Германию от наиболее непокорных элементов общества, это не значит, что и сознательная воля руководителей и политиков не подталкивала войска на особенно скомпрометированные мятежами земли и пункты, иногда прямо в целях возмездия[60].

Необходимо отметить еще один момент, косвенно связанный с критическими изысканиями Эрдмансдёрфера, Хёнигера и др. Кропотливые поиски «легенд» дали все же некоторый улов, но только ставящий перед историком новый серьезный вопрос: почему же именно эпоха Тридцатилетней войны благоприятствовала распространению «жалобного тона», того особого литературно-психологического стиля, который порождал преувеличения и легенды? Объяснять его хитростью прибеднявшихся налогоплательщиков и взаимными наветами враждовавших партий нелепо, ибо ведь обе эти причины действовали во многие другие эпохи. Несомненно, что этот стиль сам был порождением ужасов Тридцатилетней войны, плодом того впечатления, которое они произвели на сознание современников.

Не сами по себе ужасы вызвали это потрясающее впечатление. Чего только не видело мрачное средневековье! Но было в ужасах Тридцатилетней войны нечто, отличавшее их каче-

---

[59] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Указ, соч., с. 110.
[60] См. об этом гл. VII.

ственно и принципиально от всего виденного прежде и поэтому не укладывавшееся в нормы мыслимого, — их бессмысленность. Никакого религиозного фанатизма нет и следа в кровавых оргиях Тридцатилетней войны; современники в очень слабой степени чувствовали и сознавали ее как войну религиозную, да она таковой и не была уже с 30-х годов. Не было в ней и национального ожесточения.

Не могло мышление современников истолковать ее ни как иноземное завоевание, ни даже просто как вооруженный грабеж и разбой, ибо в поведении солдат, как мы знаем, разрушение и истязание преобладали над захватом имущества. Наконец, не могли внести ясности и аналогии с самыми жуткими расправами и карами, какие знало прошлое, — с подавлением мятежей, наказанием оборонявшихся или непокорных городов, вплоть до их полного уничтожения. Во всем этом была своя логика. Говоря широко, прежде люди думали, что если они пострадали, то обязательно за что-то: за правду или за грех — свой или своих руководителей (государей, магистратов и т. д.). Любое мучение укладывалось в общественное сознание как прямой или косвенный результат предшествовавшего поведения — неразумного, неблагочестивого или, напротив, разумного, благочестивого. Всякое страдание человека подходило или под категорию наказания или под категорию мученичества. Вот этот-то крепкий костяк социальной психологии, созданной средневековьем, и был переломлен Тридцатилетней войной: тут невозможно было нащупать ни мученичества, ни человеческого наказания за что бы то ни было, ни даже божьей кары, поскольку обе религиозные партии призывали ее на голову врагов, а доставалось в равной мере и тем и другим.

Объективно Тридцатилетнюю войну можно рассматривать в известной мере как карательную экспедицию против немецких крестьян. Но ведь никакой прямой и формальной связи при этом не было между предшествовавшим поведением крестьянина или деревни и солдатской расправой. Одни оказывались наказанными за других. Как и всякий террор, Тридцатилетняя война была призвана не столько уничтожить часть населения, сколько устрашить оставшихся. Однако устрашить их наказанием лиц или общин, виновных в мятежах, как показывает предыдущая история восстаний и их подавлений, оказалось невозможным; по-видимому, уж слишком глубоко угнездилась в умах мысль о правоте восстания, о том, что оно само осуществляет наказание сильных мира сего за их злодеяния. Репрессии не запугивали, ибо воспринимались не как наказание, а скорее как мученичество за правое дело. И вот, Тридцатилетняя война привела к цели окружным путем: она сломила человеку гордую голову, пронесенную им даже через средневековье, несмотря на все изуверства и на все угнетение. Она отняла у него сознание, что его бьют и мучают за что-то. Она приучила его к сознанию, что другой человек может

бить и мучить его просто так, т. е. к сознанию подавленности, права сильного и бесправия слабого, обреченности последнего на страдания ни за что.

Надо оговориться: Тридцатилетняя война в Германии в этом отношении не представляла абсолютной исторической новизны. Можно вывести широкое историческое наблюдение, что всякий раз, когда какая-либо война несла в себе не только международное содержание, но и междуклассовое, социальное, она приобретала в той или иной мере этот оттенок бессмысленного мучительства и кровожадности по отношению к мирному населению, этот дух террора. В XVI в. такова была, например, атмосфера Итальянских войн, особенно со стороны Карла V. Но все это только неразвитая тенденция сравнительно с Тридцатилетней войной — и по масштабам, и по глубине морально-психологического надлома для целого народа. Пожалуй, никогда за всю предшествовавшую историю средних веков человек не был так унижен, как в эти 30 лет, в течение которых было истреблено или успело вымереть старое поколение немцев и его место заняло новое, с совершенно новой социальной психологией. От этого-то нового поколения и ведут начало некоторые национально-психологические черты, долго сопутствовавшие дальнейшей истории немцев. В XVIII в. немецкий юрист Карл Фридрих фон Мозер писал: «У всякой нации есть свои движущие пружины: в Германии — это покорность, в Англии — свобода, в Голландии — торговля, во Франции — честь короля» [61].

В этих словах превосходно подытожено самое глубокое из последствий Тридцатилетней войны для Германии. Если, с одной стороны, характерной чертой массовой психологии стала жестокость, то с другой, оборотной, стороны — нерассуждающая покорность. Ужасы войны не столько своей суровостью, сколько своей полной неоправданностью, иррациональностью сокрушили все нормы прежнего морального и общественного мышления рядового немца. Теперь он научился бояться — не наказания за что-либо, не загробного суда, а бояться вообще, бояться силы и унижаться перед ней. В конце XIX в. Энгельс писал, что только революционное насилие, к которому рано или поздно вынужден будет прибегнуть немецкий народ, «вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения Тридцатилетней войны» [62].

Эта гигантская психологическая катастрофа, надолго наложившая печать на последующую судьбу германского народа и германской культуры, может быть ясно прослежена по письменным и литературным памятникам эпохи. Ведь «скулящие» хроники и документы времен Тридцатилетней войны могут послу-

---

[61] Цит. по: *Перцев В.* Умственные течения в Германии в XVIII веке. — «Книга для чтения по истории нового времени», т. II. М., 1911, с. 390.
[62] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 189.

жить не только для изучения отраженных в них внешних факторов, но и для изучения фактов общественного сознания. Несущиеся с их страниц вопли, даже их преувеличения в описании насилий и мучений, сами суть исторические факты: это последние крики протеста, не сознательного революционного протеста, а протеста традиционного общественного сознания перед лицом фактов, которые они не в силах освоить. Тот же оттенок носит и знаменитая серия гравюр Калло «Бедствия войны». Понемногу эти крики умолкают: к концу Тридцатилетней войны старое сознание уступает поле битвы новому сознанию — тупой и беспринципной покорности (духовный мир масс, особенно молодого поколения). Но среди интеллигенции старшего поколения протест и ужас от совершившейся моральной катастрофы живут еще 15—20 лет после войны. Немецкая литература 50—60-х годов XVII в. еще как зеркало отражает муки духовного надлома, совершенного в немецком народе Тридцатилетней войной, еще пытается протестовать. Самый громкий вопль — это «Симплициссимус» Гриммельсгаузена. В конечном счете это — моралистическая книга. Но свой моральный протест против духа Тридцатилетней войны, против унижения человека насилием Гриммельсгаузен завершает не призывом к борьбе, а признанием безнадежного поражения человека; еще мальчиком Симплиций, выйдя из лесу от отшельника и натолкнувшись на кровавую сцену погрома в деревне, решил, что когда в мире все так ведется, то в пустыне лучше[63], а проделав длинный жизненный путь, полный приключений и поисков правды, он, разочаровавшись, заканчивает его тем, что удаляется от людей на необитаемый остров. Однако голос Гриммельсгаузена не совсем одинок в послевоенной Германии. Мы уже упоминали его современников — Ганса Мошероша, выражавшего свой протест леденящим кровь реализмом в сценах «Солдатской жизни», и Фридриха фон Логау, аристократа, потрясенного нравственным крушением Германии и бичующего ее острыми эпиграммами. Но в особенности заслуживает упоминания замечательный поэт и драматург той эпохи, вышедший из буржуазных слоев, Андреас Грифиус. Его считают неудавшимся немецким Шекспиром — драматическое творчество Грифиуса было сломлено и сознание потрясено Тридцатилетней войной. И в ней не столько сами ужасы, сколько моральная, духовная сторона этих ужасов, не то, что происходило в мире, а то, что произошло «в душах», казалось ему самым страшным. Его замечательный сонет 1636 г., рисующий опустошение Германии «пьяным кровью сбродом», заканчивается такими строками:

Завален трупами лугов прибрежных цвет,
И воды наших рек уж дважды девять лет
Кровавой льнут волной к окровавленной суше.

---

[63] *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Указ. соч., с. 36.

Но я молчу о том, что горше смертной тьмы,
Что гибельней огня и пагубней чумы, —
О том, как в эти дни ожесточились души [64].

В годы, когда Тридцатилетняя война заканчивалась, Грифиус в одном из своих драматических произведений дал сильную реалистическую картину военщины. Основой его творчества становится теперь стремление к нездешнему покою, к смерти, ибо в основе всего земного лежат горе и ужас. В одном из сонетов он говорит: «Я не прожил без боязливого чувства ни одного дня». Эти слова лучше всего резюмируют идейное и психологическое наследие Тридцатилетней войны для Германии. В них еще звучит протест, хотя и бессильный. Но в 60-х годах последние отголоски протеста стихают в духовной жизни Германии, в ней безраздельно воцаряются трусость и угодничество перед сильными.

Что же касается массовой народной психики, то в ней с чертами старого, строптивого немецкого крестьянина, поскольку они еще сохранились после 1525 г., было навсегда покончено к исходу Тридцатилетней войны. Новое поколение, «не прожившее и дня без боязливого чувства», представляло наконец тот человеческий материал, который можно было подвести под ярмо порабощения, не опасаясь протеста.

Во время и после Тридцатилетней войны социально-политический строй Германии быстро завершил свою эволюцию: препятствовавшая ему плотина была устранена. Мелкий княжеский деспотизм и его двойник — деспотизм крепостника-помещика — сковали «подданного» неусыпным надзором, обрушивавшим на него кнут и палку за малейший зачаток неповиновения. В Восточной Германии экономические условия благоприятствовали крепостничеству, в Западной — дело ограничилось мелкокняжеским самодержавием, но политическая сторона в обоих случаях тождественна. Крупное княжество не могло бы осуществлять этого персонального и мелочного террора, поэтому такие относительно большие государства, как Австрийское и Бранденбургско-Прусское, уцелели только в Восточной Германии — именно потому, что там основная часть полицейских забот была снята с государственного аппарата помещиками-крепостниками. Оплот против революции, оплот даже более надежный, чем централизованный национальный абсолютизм, был в конце концов создан, вернее — завершен, ибо этот нижний этаж политического строя развивался вместе с эволюцией Империи.

Но если таким образом реальная государственная власть окончательно распылилась и опустилась вниз, на самое дно, то естест-

---

[64] Перевод М. Люмкиса, студента филологического факультета Московского Института истории, философии и литературы, погибшего на фронте Великой Отечественной войны в 1944 г. См. также: Слово скорби и утешения [Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618—1648 годов]. Пер. Л. Гинзбурга. М., 1963, с. 47.

венно, что в этом втором издании средневековья не осталось места и для буржуазии как национального класса, как общественной силы. На эту судьбу немецкие бюргеры сами обрекли себя своей капитуляцией 1525 г. Если в самом начале Тридцатилетней войны они еще как-то пришли в движение в ряде городов Германии, то затем уже окончательно замерли, словно парализованные. Они безропотно, с немым ужасом, давали себя истязать, убивать, грабить кураживщейся в городах военщине, не оказав даже подобия того сопротивления, на какое оказались во многих местах способны крестьяне. Тем более не могло сыграть бюргерство роли объединителя, идейного и политического вождя этого разрозненного и стихийного народного сопротивления интервентам и карателям. Оно вообще не сыграло никакой роли в классовой борьбе эпохи Тридцатилетней войны, или, вернее, оно в этом последнем акте национальной трагедии Германии вполне выдержало ту роль, которую избрало к концу первого акта, т. е. в 1525 г. По словам Энгельса, «в Германии мещанство — это плод потерпевшей поражение революции, результат прерванного и обращенного вспять развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свои особые, резко выраженные характерные черты: трусость, ограниченность, беспомощность и неспособность к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы переживали как раз в это время быстрый подъем» [65]. Иначе говоря, Тридцатилетняя война довершила превращение немецкого бюргерства в провинциальное, обывательское мещанство, так же как она довершила превращение немецких крестьян в крепостных холопов. Вместе с тем она довершила и экономический регресс Германии: «повсеместное восстановление крепостного права явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности Германии в XVII и XVIII веках» [66].

Сказанным мы уже в сущности предвосхитили финал 30-летней всеевропейской войны, как борьбы разных политических систем. Империя, как политическая система, не была разгромлена и уничтожена. Напротив, она обрела на территории Германии наиболее адекватную для себя социальную и политическую базу, как бы завершила свою внутреннюю эволюцию, реализовав полностью здесь, в Германии, то, что ждало бы и всю Европу в случае торжества габсбургско-католического универсализма.

Итак, мы уже знаем, что Тридцатилетняя война завершится половинчатым результатом. Но нам еще предстоит узнать, каким образом ход международной борьбы приведет в конце концов к такому финалу.

---

[65] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 351—352.
[66] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 105.

III

ПРОЛОГ ВСЕЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ— КОНТРРЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ (1617—1629 гг.)

Как говорилось выше, немецкая шовинистическая историография попыталась создать и закрепить миф, будто не габсбургская феодально-католическая реакция стремилась «затопить» Европу, а Европа, испугавшись возможного внутреннего укрепления императорской власти, «затопила» Германию. Разумеется, указанные догмы не обладали никогда монопольным положением в исторической литературе. Шила в мешке не утаишь — габсбургские устремления к мировой империи были слишком явственно выражены. Но в распоряжении историка есть тысячи нюансов, чтобы показать то или иное явление на переднем или, напротив, на заднем плане. Большинство немецких историков старались затушевать эти габсбургские стремления, но и среди немецких историков одно течение в XIX в. сочло полезным показать их в полном свете. Это — прусская историческая школа, видевшая одну из своих главных задач в восхвалении политики прусских Гогенцоллернов и посрамлении политики австрийских Габсбургов. Так, историки этой школы в своих общих трудах[1] и в сочинениях, относящихся специально к истории Тридцатилетней войны[2], на большом материале показали, что именно безрассудный империализм Габсбургов навлек на Германию бедствия Тридцатилетней войны и обрек ее на два столетия упадка. Мы можем смело отбросить извлекаемую отсюда мораль, будто подлинные национальные интересы Германии олицетворялись враждебной Габсбургам политикой бранденбургских курфюрстов, но опереться на неоспоримые факты, характеризующие габсбургскую агрессию, собранные авторами этой школы. Что касается ненемецких историков, писавших о Тридцатилетней войне, то некоторые из них поддались немецкой концепции, в особенности во Франции, — по причинам, которые нам станут ясны, если мы познакомимся

---

[1] См., например, *Droysen J. G.* Geschichte der preussischen Politik, Bd. 1—5. Berlin, 1855—1886.

[2] *Droysen G.* Das Zeitalter des Dreissigjährigen Krieges. Berlin, 1888. Другие его сочинения см. ниже.

с французской политикой в отношении Империи во время вестфальских мирных переговоров[3]. Однако большинство историков, особенно представители тех национальностей, историческая судьба которых не связана столь тесно с Тридцатилетней войной, в частности английские историки, непредвзятым взглядом легко обнаруживали правду и видели в Тридцатилетней войне не незаслуженное наказание немцев за естественное желание национально-политического единства, а отпор, данный передовыми европейскими государствами реакционнейшей габсбургско-католической экспансии[4]. Рассмотрим только один пример — превосходное резюме смысла Тридцатилетней войны, которое мы находим у английского историка Брайса. Император Фердинанд II, пишет он, по своим личным качествам вполне подходил для выпавшей на него исторической роли. «Габсбургский дом не мог выставить более неспособного и более непопулярного вождя в своей второй попытке превратить Германскую империю в австрийскую военную монархию. Одно время казалось, что он так же близок к осуществлению этого проекта, как был близок к этому Карл Пятый. Заключив союз с Испанией, имея на своей стороне католиков Германии... Фердинанд предполагал не больше и не меньше, как ввести Империю в ее старые границы и возвратить своей короне полную прерогативу по отношению ко всем ее вассалам. На Данию и Голландию предполагалось напасть с моря и с суши; Италия должна была быть отвоевана с помощью Испании... Валленштейн был уже почти господином Северной Германии, когда успешное сопротивление Штральзунда решительно повернуло колеблющееся счастье войны. Вскоре после этого (1630 г.) Густав-Адольф переплыл через Балтийское море и спас Европу от грозившего ей царства иезуитов»[5].

Эти слова Брайса дают нам, кстати, верное основание для периодизации всей истории Тридцатилетней войны. Она, действительно, распадается на две половины: до высадки войск Густава-Адольфа в Померании, т. е. до 1630 г., и после этого события. Первая половина — это окончательная подготовка габсбургско-католической агрессии, устранение препятствий внутри Империи, внутриимперская контрреформация. Словом, первая половина — это еще, собственно, не сама всеевропейская война, а ее пролог. Вторая половина, т. е. после 1630 г., — это война двух европейских коалиций, габсбургской и антигабсбургской. Затяжка первого этапа, пролога, дала возможность угрожаемым европейским государствам не только занять оборону, но и перехватить инициативу, перенести войну в значительной мере на территорию

---

[3] См. *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 76—105.

[4] *Wedgwood C. V.* The Thirty Years War. New Haven, 1939; *Steinberg S. H.* The Thirty Years War and the Conflict for European Hegemony. 1600—1660. London, 1966.

[5] *Брайс Дж.* Священная Римская империя. М., 1891, с. 268—269.

Германии. Вторая половина заканчивается Вестфальским миром 1648 г.

Такая периодизация не противоречит распространенному делению истории Тридцатилетней войны на четыре периода: 1) чешско-пфальцский 1618—1623 гг.; 2) датский 1625—1629 гг.; 3) шведский 1630—1635 гг.; 4) шведско-французский 1635—1648 гг. Наше деление на две половины только подчеркивает решающее значение перехода от второго к третьему периоду, как кульминации европейской драмы. Правда, вмешательство Дании в 1625 г. во внутригерманскую борьбу было уже пробным шаром европейской дипломатии и возвещало уже возможность превращения этой борьбы в европейскую войну. Но все же слабое и безрезультатное датское вмешательство следует отнести к прологу войны, разделив пролог на два этапа: первый, протекавший целиком в недрах Империи при невмешательстве Европы, и второй, отмеченный оживлением европейской антигабсбургской дипломатии по мере приближения габсбургско-католической партии к полной победе внутри Империи.

Еще до смерти Фердинанда I (1564 г.) габсбургские наследственные владения были поделены между тремя его сыновьями: старший, будущий император Максимилиан II, получил Австрию (Верхнюю и Нижнюю), Чехию и Венгрию; другой сын, Карл, — Штирию, Каринтию и Крайну; третий, Фердинанд, — Тироль, Швабию и Эльзас. От Максимилиана II первая, главная, часть наследства перешла к двум его сыновьям — Рудольфу и Матвею, поделившим ее после ожесточенной борьбы таким образом, что старшему, императору Рудольфу II, осталась только Чехия, а Матвей получил обе Австрии, Моравию и часть Венгрии (Трансильвания и некоторые прилегающие районы вышли из-под власти Габсбургов: с 1613 г. здесь правил Бетлен Габор). В этой борьбе за раздел наследства и Матвей, и Рудольф принуждены были в поисках поддержки пойти на компромисс с местными оппозиционными движениями, даровать религиозные и политические вольности сословиям и в Венгрии, и в Австрии, и в Чехии. После смерти бездетного Рудольфа II (1612 г.) и Австрия, и Чехия, и Венгрия соединились в руках Матвея, к нему же перешла и императорская корона. Матвей тоже был бездетен. Его наследником должен был стать двоюродный брат, другой внук императора Фердинанда I, сын получившего Штирию, Каринтию и Крайну Карла, умершего в 1590 г., — Фердинанд Штирийский. Вступление в наследство Фердинанда Штирийского (будущего императора Фердинанда II) и было началом Тридцатилетней войны.

Этот как будто бы узкодинастический факт на самом деле означал не только смену лиц, но и политики Габсбургского дома: Фердинанд Штирийский фактически вступил в наследство за два года до смерти Матвея, в конце 1617 г., ибо пришло время круто изменить ту политику, которую до этого времени проводил от

имени Матвея всемогущий епископ венский Мельхиор Клезль. Клезль был деятелем католической реакции, но он принадлежал той эпохе, когда надо было маневрировать и выжидать, проявлять лицемерную уступчивость в церковных делах, пока габсбургско-иезуитская дипломатия лихорадочно трудилась над созданием благоприятной международной ситуации. Клезль сроднился с этой тактикой и олицетворял ее. Но вот благоприятная ситуация, наконец, наступила. Русско-шведский Столбовский мир подписан, армии польского королевича Владислава и гетмана Сагайдачного быстро и победоносно приближаются к Москве. И в этот самый момент на смену Клезлю за спиной безвольного императора Матвея появляется другой полновластный руководитель — Фердинанд Штирийский. Он уже издавна сроднился с совсем иной тактикой и олицетворял ее в глазах всего мира. Вместе с другим своим двоюродным братом, Максимилианом Баварским, Фердинанд Штирийский был воспитан в Ингольштадте иезуитами, прошел полный цикл «духовных упражнений» по методу Игнатия Лойолы и всю жизнь поддерживал себя в состоянии экзальтированной набожности и целеустремленного напряжения воли. В молодые годы этот законченный иезуит дал обет уничтожить у себя еретиков. В своих наследственных владениях — Штирии, Каринтии, Крайне — он в самом деле уже в начале XVII в. начисто уничтожил протестантизм, применив при этом подлинно иезуитскую тактику: чтобы расколоть общенациональный фронт оппозиции, протестантское вероисповедание было сначала запрещено только крестьянам и горожанам, но разрешено дворянам, а затем уже и дворяне, лишенные общественной поддержки, были одним окриком возвращены в лоно католической церкви. Жесточайший католический террор свирепствовал во владениях Фердинанда Штирийского до самого 1617 г. Его-то и призвали срочно в Вену. Клезль, хотя и способствовавший этому призванию, был вскоре оттеснен от управления, а позже и отправлен в тюрьму. Фердинанд Штирийский был официально провозглашен наследником Матвея, коронован чешским королем и взял в свои руки все дела Австрийского дома.

Что это было действительно началом войны, видно по двум характерным актам, ознаменовавшим приход Фердинанда к власти в 1617 г.

Во-первых, в порядке урегулирования внутригабсбургских династических проблем, ландграфство Эльзас было передано из рук австрийских Габсбургов в руки испанских Габсбургов, т. е. отошло под власть Испании. Испанские войска вступили также в Швабию и Тироль. Передача Эльзаса испанцам была первым шагом той политики, в результате которой Франция через какие-нибудь пять лет окажется буквально «внутри» Испании: почти вся ее западная граница будет охвачена испанскими плацдармами. Иными словами, это был важнейший военно-стратегический шаг, который сам по себе был достаточен для того, чтобы

вызвать европейскую войну, — если бы Франция была способна тогда к активной защите своих национальных интересов. Но она целиком была в руках «умиротворителей».

Второй акт, ознаменовавший приход Фердинанда Штирийского к власти, — приказ о закрытии протестантских церквей и запрещении проповедей в двух небольших городах Чехии: Броумове (Браунау) и Гробе (Клостергграб). Вопрос был не нов, спор между аббатством в Броумове и протестантской общиной тянулся уже с 1611 г., но Клезль и император Матвей медлили с окончательным решением, остерегаясь задеть чешские вольности. Новый чешский король Фердинанд использовал этот повод, чтобы бросить вызов чешскому протестантизму, вернее — последним остаткам независимости чешского государства и чешского народа: 11—13 декабря 1617 г. протестантская церковь в Броумове была закрыта, в Гробе — разрушена.

Таким образом, представление, что Тридцатилетняя война началась в 1618 г. с пражской «дефенстрации», надо признать неточным. Она началась в конце 1617 г. актами агрессии Фердинанда Штирийского, без пяти минут императора, в отношении Франции — вовне Империи, а в отношении Чехии — внутри Империи.

Если в отношении Франции расчет, что дело пройдет безнаказанно, оказался правильным, то в отношении Чехии Фердинанд жестоко ошибся. Он получил тут неожиданно мощный отпор. Это был роковой просчет, в известной мере предопределивший судьбу Тридцатилетней войны. Чешский народ проявил такую колоссальную силу сопротивления, которая совершенно смешала габсбургско-католические карты. Из-за этого непредвиденного сопротивления пролог войны, который по планам должен был быть, повидимому, молниеносным, затянулся надолго, принял характер длительной междоусобной войны внутри Империи, — а это дало угрожаемым европейским державам время, чтобы выйти из летаргии и организовать отпор агрессору. Иными словами, в чешском восстании уже отдаленным образом таится проигрыш Габсбургами всей войны, неудача всего плана «похищения Европы».

Сначала события в Броумове и Гробе могли казаться местными инцидентами и даже недоразумением. Но когда депутаты Броумова, обратившиеся с жалобой в Прагу к наместнику короля Фердинанда, были посажены в тюрьму, когда коллегия дефензоров и собрание протестантских депутатов в Праге, заявив наместникам протест против нарушения императором дарованных чехам вольностей, получили холодный отрицательный ответ, когда, наконец, на обращение в Вену к самому Фердинанду последовал еще более резкий отказ, — тогда стало ясно, что то была перчатка, брошенная Фердинандом чехам и всему миру. Фердинанд со своими иезуитами был уверен, что чехам придется склонить голову перед католическим натиском, так как европейские державы в настоящий момент не придут им на помощь и пожертвуют ими во

имя «умиротворения» [6]. Но протестантские дворяне Чехии во главе с графом Турном наивно верили, что помощь придет и из Англии, и из Франции, и из Савойи, и из Трансильвании, и, прежде всего, от Протестантской унии. В этой вере они и почерпнули мужество для сопротивления. В мае 1618 г., несмотря на запрещение от имени императора, в Праге снова было созвано собрание протестантских депутатов сословий. Это значило, что вызов принят [7].

Волнения и беспорядки, направленные против католиков, уже начинались по городам и деревням Чехии. Это была вторая причина, вселявшая смелость в чешскую знать: уверенность в широкой поддержке. Впрочем, эта же причина — угроза активных самостоятельных выступлений народных масс — как раз привела часть из них, подобно Альбрехту Валленштейну, к поддержке немцев, к предательству чешских национальных интересов. В самой Праге, где заседало собрание сословий, было особенно бурно. 23 мая вооруженные горожане вышли на улицы, началось открытое восстание. Вместе с вооруженной толпой чешские протестанты-аристократы силой проникли внутрь старинного пражского дворца — резиденции десяти наместников, которые правили Чехией во время отсутствия императора. Среди этих наместников было два давних и махровых деятеля католической реакции — Мартиниц и Славата. С ними расправились «по старинному чешскому обычаю», тем способом, каким некогда началась гуситская война: их выбросили из окна (дефенстрация).

Волнение охватило всю Чехию, только три города остались верны императору. Началось повсеместное изгнание иезуитов. В Праге на другой день после «дефенстрации» открылось заседание сословного чешского сейма, передавшего власть 30 избранным директорам. В сущности, это было превращение Чехии в независимую республику. Она деятельно готовилась к отстаиванию себя от Габсбургов: не имея сначала ни финансов, ни войска, правительство быстро организовало сбор военного налога и создало чешскую армию, общее командование которой было поручено Турну и Гогенлоэ.

В Вене тоже действовали быстро. Именно теперь Клезль, ставший прямой помехой, был арестован, и под давлением Фердинанда, требовавшего немедленного наказания чехов, дряхлеющий император Матвей приказал собрать наемную армию под командованием Букуа и Дампьера. Но инициатива уже была вырвана из рук Фердинанда, ему приходилось воевать с непредвиденным и неведомым противником. Дух чешской армии был той

---

[6] *Tapié V.-L.* La politique étrangère de la France et le début de la guerre de trente ans (1616—1621). Paris, 1934.

[7] О чешском периоде Тридцатилетней войны см. новую публикацию документов: Der Beginn des Dreissigjährigen Krieges. Der Kampt um Böhmen. Quellen zur Geschichte des Böhmischen Krieges (1618—1621). Hrsg. von M. Toegel [u. a.]. Praha, 1972.

неизвестной величиной, которая не поддавалась исчислению. А дух этот был необычайно боевым и наступательным. Букуа и Дампьер попробовали вторгнуться на территорию Чехии, где сразу же принялись за чудовищные жестокости и бесчинства, которые с этого времени становятся характерным стилем всей Тридцатилетней войны, но потерпели осенью 1618 г. ряд поражений при Чаславе, Ломнице и Будвейсе и были отброшены в Австрию. Чехи преследовали их по пятам, нанося им удар за ударом. Обескураженный венский двор уже в конце 1618 г. — именно в тот момент, когда победоносное движение поляков на Москву было вдруг остановлено у самых Арбатских ворот, — и в начале 1619 г. ищет через польское и саксонское посредничество мирных переговоров, чтобы взять чехов не силой, так хитростью. Но чешское правительство, вдохновляемое Турном, отвечает отказом. 20 марта 1619 г. умер император Матвей, и Фердинанд, принимая наследство, делает знаменательную попытку прикинуться овечкой: он направляет в Чехию акт, в котором обязуется первым сложить оружие, отозвать войска, соблюдать впредь все политические и религиозные вольности Чехии, более того, примириться с изгнанием иезуитов и предоставить чехам право выбрать себе другого короля. Но чехи ответили ему, что, судя по прошлому опыту, государи, управляемые иезуитами, считают себя вправе не исполнять обещаний, данных еретикам. Фердинанд возобновил наступление. Императорские войска снова принялись за разорение чешских городов и деревень. Чешская армия, руководимая Турном, в свою очередь ринулась вперед, вторглась на территорию Австрии и осадила в июне 1619 г. императорскую резиденцию — Вену. Фердинанд вступил в мирные переговоры, соглашаясь принять все требования чехов. Так неблагоприятно для него обернулось самое начало долго и тщательно подготавливавшейся агрессии.

Однако это было только серьезным преткновением на пути габсбургской агрессии, неожиданной помехой и, пожалуй, предостережением, но не поражением. Исход борьбы решался не поединком Праги и Вены, а всеевропейским соотношением политических сил. В самом деле, в эту классическую эпоху наемных армий любая локальная на первый взгляд война была своей невидимой стороной всеобщей войной: деньги были международной силой, как и покупавшийся на них товар — наемные солдаты. Перед началом войны государь, если у него были деньги, раздавал поручения полковникам и капитанам, которые входили в сношения с людьми любых национальностей, знавшими, где можно найти наемников. Это были своего рода маклеры на международной бирже солдатни. Нанятый пестрый сброд даже не одевали в униформу, так что в день сражения солдаты, чтобы отличить своих от врагов, привязывали платок к руке, листья к каске или другой условный знак. Им платили деньги, и они проливали свою и чужую кровь. Не все ли равно, откуда брались эти деньги. Любое

из европейских государств могло незримо участвовать в любой местной войне не собственными военными действиями, а тем материальным субстратом, в котором кристаллизовался военный потенциал всякого государства — «золотыми солдатами». Его внешняя политика воплощалась или в предоставлении денег воюющему где-то государству, или, напротив, в отказе предоставить деньги. Практически было уже не столь важно и зависело от конкретных обстоятельств, пересылались ли эти деньги в виде мешков с дублонами и талерами или сразу в товарной форме — в виде полков марширующих пехотинцев и скачущих рейтаров. «Золотые солдаты» могли в любой день и час осуществить «десант» в любом уголке Европы. К тому же никто не отказывался от денежной помощи, чужие деньги стреляли ничуть не хуже своих, а собственно военная помощь могла таить в себе и скрытую политическую опасность.

Советник при одном из немецких князей Борниц перед Тридцатилетней войной писал: «В общественных интересах важно не только то, чтобы в государстве были деньги, но для упрочения могущества государства в высшей степени необходимо, чтобы их было много... Должно признать неспособным к войне то государство, у которого излишество всего, но недостаток в деньгах... государство может богатеть.. двояким путем: посредством приготовления денег и посредством ввоза чужих денег» [8]. Но изготовление денег наталкивалось на жестокий экономический предел, так же как и привлечение чужих денег коммерческими методами (меркантилизм). Тридцатилетняя война поэтому была «войной резервов», денежных резервов, которые могли мобилизовать воюющие стороны, обращаясь к своим друзьям и к тем политическим силам, которые делали ставку на их победу.

Тем самым война между Чехией и Фердинандом уже содержала в себе в сущности скрытую войну антигабсбургского и габсбургского лагерей в Европе. Но мы знаем, что антигабсбургский лагерь в это время, во-первых, как раз находился в состоянии распада, во-вторых, испытывал сильнейший денежный голод — из-за гигантского расхищения казны придворной феодальной аристократией во Франции и в Англии. Напротив, габсбургский лагерь, при всей слабости своего потенциала, был весь в состоянии мобилизации и напряжения, как хищники перед прыжком.

Рассмотрим международные ресурсы, которые в конце концов удалось привлечь, с одной стороны, императору и чехам — с другой.

Фердинанд не располагал собственными свободными средствами, но не зря в качестве советников и подстрекателей при нем, кроме иезуитов, неотлучно были испанский посол граф Оньяте и папский нунций. Филипп III Испанский в самом же начале

---

[8] *Лампрехт К.* История германского народа, т. III, ч. 5. М., 1869, с. 383—384.

конфликта прислал 300 тыс. крон, на которые и была нанята 14-тысячная императорская армия. Кроме того, Филипп III сразу привел в боевую готовность одну армию в Италии, другую — в Испанских Нидерландах, и вскоре значительные подкрепления из этих армий, итальянские и валлонские отряды пополнили императорскую армию, — не говоря о том, что из Нидерландов армия под командованием испанского генерала Спинолы вступила затем в Германию. Римский папа Павел V также дал Фердинанду крупную денежную помощь: ежемесячную субсидию по 200 тыс. флоринов. Герцог Тосканский Козимо II Медичи прислал ему за свой счет полк кавалерии. Польский король Сигизмунд III, едва кончив войну с Москвой и не успев возобновить войну со Швецией, прислал Фердинанду несколько тысяч своих войск и запорожских казаков.

Но самой важной была помощь, полученная Фердинандом от Католической лиги, вернее от Максимилиана Баварского, в руках которого находилась и собственная значительная казна, и касса Лиги, систематически пополнявшаяся взносами всех немецких князей-католиков, и готовая регулярная армия. Максимилиан приходился Фердинанду сразу кузеном, шурином и зятем, мало того, был связан с ним теснейшими узами совместного воспитания в иезуитском университете в Ингольштадте. Однако он воздержался от помощи до тех пор, пока Фердинанд не заключил с ним договор на довольно тяжелых для себя условиях: во-первых, в возмещение военных расходов вся Верхняя Австрия отдается Максимилиану под залог, во-вторых, после победы над протестантами курфюршество Пфальцское будет отнято у главы Протестантской унии Фридриха V и передано Максимилиану. Отметим мимоходом, что последний пункт коренным образом противоречил имперской конституции: никто не давал императору права распоряжаться курфюршествами. Но Фердинандом II руководили уже не внутригерманские мотивы, а логика борьбы за всемирную монархию.

Наконец, часть князей-протестантов была, по крайней мере, нейтрализована тем же единственным реальным оружием, которое было в руках Фердинанда: не властью нарушать существующие порядки в Империи — такой власти у него не было, — но фактической возможностью это делать. Курфюрсту Саксонскому Иоганну-Георгу I, антагонисту Фридриха V Пфальцского, обещали приобретения в Лаузице и Силезии — и он не только не поддержал Протестантской унии, но послал свои войска хватать обещанную добычу. Жадный курфюрст Бранденбургский Иоганн-Сигизмунд, получивший в 1618 г. от Польши Пруссию, теперь рассчитывал за поддержку императора получить Магдебург и господство над Эльбой — он тоже отвернулся от Протестантской унии. Голоса этих двух восточных курфюрстов, Саксонского и Бранденбургского, обеспечили и избрание Фердинанда императором в коллегии курфюрстов во Франкфурте в августе 1619 г., несмотря

на сопротивление Пфальца и на заявление Чехии, что Фердинанд не имеет права голоса в коллегии курфюрстов, так как перестал быть чешским королем.

Таков был военно-политический актив Фердинанда II в борьбе с Чехией. Актив Чехии оказался неизмеримо меньшим.

Собственная финансовая база, которую постаралось создать правительство 30 директоров в Чехии, была очень незначительна. Угроза внешнеполитической изоляции буквально с первых же дней нависла над Чехией: дух невмешательства царил в Европе, и Чехию намеревались бросить в пасть агрессору как искупительную жертву, надеясь насытить и умиротворить его. Чтобы парировать эту угрозу и втянуть в свою борьбу европейские державы, чехи нашли как будто удачный политический ход. В августе 1619 г. они избрали чешским королем вместо низложенного Фердинанда Фридриха V, курфюрста Пфальцского: как глава Протестантской унии, новый король вовлек бы в войну протестантских князей Германии и Голландию, как зять Якова I Английского — Англию, как племянник Христиана IV Датского — Данию. Фридрих V и его советники после долгих колебаний тоже сочли шансы на успех этого плана достаточными, и чешское предложение было принято. Коронация состоялась в Праге в ноябре 1619 г. с чрезвычайной пышностью.

Однако очень скоро все иллюзии рухнули.

Что касается Республики Соединенных провинций (которую мы для краткости, хотя и неточно, называем просто Голландией), то вначале, еще до того, как Фридрих V стал чешским королем, Генеральные штаты вотировали денежную субсидию чехам. Освободительная борьба Нидерландов и Чехии, естественно, рисовалась родственной — по революционному духу, по религиозным и политическим задачам. Однако как раз в 1619 г. в Голландии разыгрался трагический эпилог давно нараставшей борьбы между великим пенсионарием Олденбарневелтом и штатгальтером Морицем Оранским. Олденбарневелт, опиравшийся на партию «арминиан» и «провинциалистов», в международных отношениях добивался широкой антигабсбургской политики. Продолжение борьбы с Испанией даже отходило на второй план в его глазах перед неизбежной борьбой с Империей, тем более, что Нидерланды по-прежнему числились еще составной частью Империи. Он полагал, что Голландия должна опираться в особенности на Францию и Швецию и находиться в центре антигабсбургской коалиции в том примерно виде, как последняя выглядела в 1609—1610 гг. Естественно, что он радостно приветствовал первые известия о чешском восстании и поспешил оказать ему денежную помощь. Но политике Олденбарневелта противостояла партия Морица Оранского. В 1621 г. должен был истечь срок 12-летнего перемирия с Испанией, Мориц Оранский олицетворял осторожную внешнеполитическую программу: не претендуя на всеевропейское политическое значение, молодая Республика Соединен-

ных провинций должна ограничиться своей частной национальной задачей, т. е. добиться от Испании окончательного признания своей независимости. Имея в близкой перспективе войну с Испанией, Республика должна избегать малейшего повода, который мог бы втянуть ее в одновременную войну с Империей. Партия Оранского во внутриполитической борьбе одержала верх, в мае 1619 г. Олденбарневелт, обвиненный в сношениях с Испанией, сложил голову на плахе, и соответственно во внешней политике Голландии утвердился, лишь с небольшим отклонением, строгий нейтралитет в германских делах. Таким образом, надежды чехов на получение дальнейшей денежной помощи от Голландии непоправимо рухнули.

Поворот в голландской политике оказал неблагоприятное для чехов влияние также и на абсолютистские державы, причем сразу в двух отношениях. Во-первых, выступать против Империи стало теперь рискованнее. Во-вторых, в победе Морица Оранского приняли участие народные массы, видевшие в Олденбарневелте душителя своей революции, остановившего ее развитие жестоким террором еще в 80-х годах XVI в., — хотя фактически программа оранжистов, в том числе и внешняя, только по форме была борьбой за чистоту идейных традиций, завещанных революцией (кальвинизма, «унитаризма»), а по существу означала скорее следующий шаг в развитии реакции. Европейское общественное мнение сразу поняло это обстоятельство. В первое время показалось, что страшный дух революции, зажатый в кулаке мудрым Олденбарневелтом, снова вырвался на волю из-за неосторожности Морица Оранского. Естественно, испуг перед этим призраком усилил консервативные мотивы в политике абсолютистской Англии и абсолютистской Франции, а следовательно, и мотивы «умиротворения» вместо активной борьбы с габсбургско-католической реакцией.

Датский король Христиан IV готов был помочь чехам и Фридриху V, но только при условии союза с английским королем. Однако Яков I Английский как раз и разрушил все иллюзии. Он наотрез отказался вступиться за своего тестя. Объясняется это не только приверженностью к раз избранной дипломатической концепции: сблизить немецкую Протестантскую унию с Испанией и тем без войны принудить императора к покорности. Финансовая или военная поддержка Фридриха V до заключения союза с Испанией означала бы не только срыв этого плана, но вместе с тем превратила бы Якова I, поборника идей божественного происхождения и абсолютной полноты королевской власти, в защитника права подданных свергать и сменять своих государей. Ведь чехи своим переворотом поставили себя в глазах европейских политиков в один ряд с голландцами и швейцарцами — мятежниками, отказавшимися от повиновения законным государям. Поэтому Яков I называл Фридриха V в качестве чешского короля узурпатором, отвергая право подданных низлагать своего госу-

даря и даже угрожая войной Голландии, если та поможет узурпатору и мятежным чехам. Народ и общественное мнение в Англии единодушно требовали войны в защиту Фридриха V: во-первых, это было бы защитой протестантизма против католической реакции, во-вторых, прекратило бы ненавистную английским купцам, судовладельцам, мануфактуристам, овцеводам, словом английской буржуазии, дружбу с Испанией, наконец, заставило бы короля испрашивать военные субсидии у парламента и поэтому ограничило бы его абсолютизм. Однако Яков I, руководимый фаворитом Бекингемом, не собирался уступать. Он самоуверенно считал, что соединенные усилия английского и испанского дворов восстановят в Империи прежнее положение вещей и никому не будет повадно впредь нарушать равновесие. На самом деле он (совместно с французским правительством) как раз подрезал основу прежнего равновесия: Протестантская уния, лишившись международной поддержки, перестала быть прежней силой, в ее рядах начались колебания и измены общему делу, и очень скоро она перестала вообще существовать. Что касается Испании, то она жестоко посмеялась над утопиями Якова I: пока он погрязал в политике невмешательства, предоставив чехов на произвол судьбы, испанский генерал в Южных Нидерландах А. Спинола получил приказ двинуться с испанскими войсками на помощь императору — в Германию, в Пфальц. Запоздалой уступкой взбешенному английскому общественному мнению и смешной игрой в принципиальность было решение Якова I отправить 4 тыс. английских волонтеров под командованием Горация Вера в помощь Фридриху V, однако ни в коем случае не для защиты его узурпированного чешского королевства, а исключительно для защиты его законного пфальцского курфюршества. Разумеется, эта политика, погубив Чехию, не спасла и Пфальц.

С еще меньшим основанием, чем на Англию, чехи и немецкие протестанты могли рассчитывать на Францию. Фаворит Людовика XIII Люин, правивший Францией, совсем не помышлял о борьбе с Габсбургами, об угрозе самому существованию национального французского государства. Война помешала бы тому сплошному пиру французской знати, прерываемому только потасовками из-за дележа слишком быстро кончающегося казенного пирога, который стал привычкой за время регентства Марии Медичи. Гарантией против войны, гарантией франко-испанской дружбы представлялось уже то обстоятельство, что Людовик XIII женат на дочери испанского короля. Достаточно будет не раздражать ревниво-католическое испанское правительство и папскую курию каким-либо попустительством протестантам внутри Франции или за ее пределами, в Империи. Чтобы не втянуться в войну в Германии, нужно локализовать чешский инцидент, не дать ему разгореться в большую войну. Такова была логика политики Люина, политики умиротворения и невмешательства, чуть не погубившей саму Францию. Когда Протестантская уния обратилась

к французскому правительству за помощью и посредничеством, Люин, очень гордый ролью международного арбитра, послал пышную делегацию во главе с герцогом Ангулемским в Германию на собравшийся в Ульме съезд Унии. Там герцог Ангулемский и нанес Унии смертельный удар: князьям-протестантам было дано понять, что Франция, как и Англия, не окажет им никакой поддержки, если они вступятся за Чехию, и, напротив, если они оставят Чехию на произвол судьбы, Католическая лига готова подписать с ними на будущее договор о ненападении, по крайней мере — «без законных оснований». Этот договор, так называемый Ульмский мир, и был подписан между Лигой и Унией при французском посредничестве 3 июля 1620 г. Судьба Чехии была им предрешена: не боясь отныне нападения со стороны Унии, Максимилиан Баварский мог сосредоточить все военные силы Лиги против Чехии, ибо руки у него были полностью развязаны Ульмским миром. Но и судьба самой Унии таилась в этом акте. Вскоре Пфальц подвергся нападению «без законных оснований», и Уния после незначительной попытки сопротивления, не получив почти ниоткуда поддержки, скомпрометированная и как политическая сила, перестала существовать.

Итак, великие державы обманули расчеты чехов и Фридриха V. Чехия была ими покинута. Кто же пришел ей все-таки на помощь? Во-первых, решил рискнуть один из хитрейших политиков и дипломатов той эпохи, герцог Савойский Карл-Эммануил I, всю жизнь лавировавший между Францией и Габсбургами. Он отправил за свой счет — впрочем, формально не чехам, а Фридриху V как главе Унии, но для использования в Чехии, — 1 тыс. рейтаров во главе с одним из характернейших героев Тридцатилетней войны — отважным и беспринципным кондотьером графом Эрнстом Мансфельдом. Однако очень скоро Карл-Эммануил, убедившись, что дело чехов не поддержано другими державами, начал уже заискивать перед императором, и Мансфельду пришлось искать способов самому содержать свое войско. Во-вторых, внутри Империи чехи нашли союзников в лице: Силезии, которая прислала им в помощь немного войск; Лаузица, объявившего себя их союзником; Моравии, которая выступила на их защиту с весны 1619 г.; наконец, австрийских протестантов, которые произвели в Австрии нечто, довольно близко напоминавшее чешское восстание, и показали чехам весьма реальную помощь, препятствуя проходу императорских войск к чешской границе, подвозу им боеприпасов, продовольствия и т. д. В-третьих, наиболее значительную помощь чехам оказал князь Трансильвании Бетлен Габор. Поддерживаемый в известной мере Турцией, Бетлен Габор из Трансильвании вступил осенью 1619 г. со своими войсками на территорию Словакии, где его появление послужило сигналом к всеобщему национальному восстанию против Габсбургов. Под властью Бетлена Габора (провозглашенного в августе 1620 г. венгерским королем) образовалось независимое венгерское

королевство. Из Венгрии Бетлен Габор вторгся в Австрию и, соединившись с чешским войском, приступил к осаде Вены.

Таков был военно-политический актив Чехии в войне с императором, актив более чем скромный, особенно в решающем отношении — финансовом.

Граф Турн, первый раз осадивший Вену еще в июне 1619 г., не смог произвести решительного приступа и вынужден был отступить на время в Чехию, что дало возможность Фердинанду, оставив своим наместником эрцгерцога Леопольда, отправиться во Франкфурт, где он был избран императором, а оттуда в Мюнхен, где он заключил договор с Максимилианом Баварским. Но к осени 1619 г. под стенами Вены снова стояла чешская армия Турна, к которой присоединилась венгерская армия Бетлена Габора. Численность обеих армий значительно превосходила число имперского войска под командованием Букуа. Но тут-то и сказалось, что вопрос решался в конечном счете деньгами. Чешские ополченцы во множестве гибли от плохого питания и ранних морозов, наемники бунтовали из-за неуплаты жалованья и грозили, вместо того чтобы идти на приступ, разойтись по домам. Бетлен Габор тоже не имел чем кормить и оплачивать свои войска. Не желая ничего, кроме признания независимого венгерского королевства между Турцией и Австрией, он обнаруживал колебания и готовность к переговорам с Фердинандом II. Тщетно чехи пытались поддержать его дух обещанием денежных субсидий, — у них у самих ничего не было за душой. В конце концов Бетлен Габор отступил от стен Вены. Чехи принуждены были тоже отступить и снять осаду. В сущности это было уже началом конца.

Зимой 1619—1620 гг. Фридрих V занимался в Праге придворными празднествами, разжиганием вредных споров между чешскими лютеранами, утраквистами и кальвинистами, бесполезными перемещениями в командовании чешской армии (замена Турна Христианом Анхальтским и Гогенлоэ) и тщетными попытками через свою жену добиться сочувствия и помощи при английском дворе Якова I, которые ловко парировались испанской дипломатией, обещавшей, что испанцы не нападут на Пфальц, если английский король не поможет чехам. Тем временем движение австрийских протестантов, изолированное от чехов с тех пор, как последние ушли из-под Вены, было подавлено императорскими войсками Букуа и Дампьера. Максимилиан Баварский ввел затем баварское войско под командованием Тилли в Верхнюю Австрию, отданную ему Фердинандом II как залог до уплаты военных издержек; другой союзник императора, Саксонский курфюрст Иоганн-Георг, занял своими войсками неспокойный Лаузиц.

Готовясь в ближайшее время форсировать торжество католицизма в Германии путем примерной расправы с чехами, император Фердинанд II и глава Католической лиги Максимилиан Баварский активизировали вместе с тем агрессивные силы габсбургско-католического блока в Европе. Особенно успешно в Риме и

Мадриде действовали послы Максимилиана. В Мадриде его посол Лейкер уговорил Филиппа III немедленно приказать командовавшему испанской армией в Южных Нидерландах генералу Спиноле вторгнуться в Рейнский Пфальц: волновавшееся протестантское население Пфальца готово было выступить на помощь чехам и Фридриху V. Приказание это, с благословения папы, было дано. Спинола получил еще в марте 1620 г. гарантии от ряда немецких князей, съехавшихся в Мюльхаузене, в том числе от курфюрстов Майнцского, Кельнского и Саксонского, что они не помешают испанскому вторжению. В июле 1620 г., как мы знаем, французская дипломатия организовала Ульмский мир между Унией и Лигой, косвенно также весьма поощрявший испанское вторжение в Пфальц. В начале сентября 1620 г. отборнейшая 24-тысячная армия испанских и валлонских солдат-наемников, руководимая Спинолой, ворвалась в Рейнский Пфальц. В начале ноября они, как гунны, опустошают богатые земли по Рейну и Мозелю, сопровождая грабежи страшными насилиями и издевательствами над мирным населением.

И именно в это самое время на Чехию обрушился смертельный удар. Полное совпадение дат не оставляет сомнения в том, что испанское наступление на Пфальц и имперско-католическое наступление на Чехию представляли собой две части единого согласованного плана. Пфальц не должен был послужить резервом для чешских протестантов. Война уже на этой стадии, на стадии пролога, необходимо выступала из берегов Германии.

Командовавший войсками Католической лиги генерал Тилли в начале сентября соединился на территории Чехии с войсками генерала Букуа. Чешская армия выдвинулась было им навстречу, но понемногу была оттеснена к самой Праге. Здесь, близ Праги, на возвышенности, носящей название Белой Горы, 8 ноября 1620 г. состоялась короткая завершающая битва. Имперско-католические войска, возбужденные перед боем, как наркотиком, иезуитскими проповедями, яростно ринулись на противника и смяли его. Дальнейшее было уже военной агонией Чехии. Через недолгое время после сражения при Белой Горе сдались последние чешские крепости. Силезия и Моравия еще раньше объявили о своей покорности Фердинанду II. Что касается Фридриха V, чешского «зимнего короля» (или «короля одной зимы») (как его насмешливо называли в публицистике того времени), то он не мог бежать ни к себе в Пфальц, ибо там хозяйничал Спинола, ни к кому-либо из немецких князей-протестантов, ибо они, боясь последствий, отказали ему в приюте; в конце концов он скрылся в Голландию.

Военные действия в Пфальце затянулись несколько дольше, чем в Чехии. Правда, Протестантская уния, которая располагала готовыми к действию немецкими войсками, а также английскими и голландскими отрядами и которая по смыслу всех предшествовавших соглашений обязана была, даже отвернувшись от Чехии,

оказать помощь Пфальцу в случае неспровоцированного нападения на него, так, в сущности, и не выступила. Дело ограничилось передвижениями войск и бесконечной перепиской членов Унии о пфальцских делах. В конце концов 12 апреля 1621 г. члены Унии подписали в Майнце договор со Спинолой, обязавшись не вмешиваться в судьбу Пфальца, т. е. предоставив ее на усмотрение испанского короля и германского императора. Этим актом Уния окончательно подписала себе смертный приговор. Спинола, заключив Майнцский договор, уехал в Нидерланды, ибо истек срок голландско-испанского перемирия и там надо было начинать военные действия против голландцев. Своим заместителем в Пфальце он оставил Гонсало де Кордову. Последнему пришлось с уменьшенными силами выдержать еще долгую борьбу против двух князей, оставшихся верными Фридриху V, — Баденского и Брауншвейгского, — и в особенности против упорного и, как угорь, изворотливого Мансфельда.

Мансфельд со своим отрядом оказал в свое время чехам существенную помощь, особенно взятием Пльзеня. После битвы у Белой Горы его пребывание в Чехии стало вскоре невозможно, и он перебрался в Верхний Пфальц. Его войско, в соединении с пфальцским войском и английскими отрядами, оборонявшимися против испанцев в двух-трех крепостях на Рейне, превосходило силы Гонсало де Кордовы. Однако на помощь последнему через некоторое время в Рейнский Пфальц прибыл командующий войсками Католической лиги Тилли. Военные действия в Пфальце приобрели затяжной характер. Мансфельд ловко маневрировал, отступал перед превосходящими силами, вступал в стычки то тут, то там. При этом он грабил и терзал кальвинистское население Пфальца ничуть не меньше, чем Гонсало и Тилли. Незначительные английские денежные подачки, полученные им от колебавшегося и неуверенного Якова I, были недостаточны для содержания его солдат. Но Мансфельд еще в Чехии нашел решение проблемы: воюя с имперскими войсками, он в то же время опустошал «союзную» Чехию. Его шайки в Чехии, в Пфальце и всюду, куда затем приводил их предприимчивый предводитель, захватывали и для себя и для него несчетную военную добычу. Наемная армия, таким образом, не только окупала себя, но еще и приносила прибыль, т. е. возможность дополнительного найма солдат, — по крайней мере в течение того срока, пока было что грабить. А разоренное население поставляло в свою очередь новые кадры наемников — людей, лишившихся прежних средств существования и готовых продать самих себя. Все это не было абсолютным новшеством в военном деле: оно восходило отчасти к опыту Итальянских войн 1494—1559 гг. и в особенности испанской войны против Нидерландской революции XVI в. Однако новым у Мансфельда было разорение не только вражеских, но и дружественных территорий (эту черту, как увидим, у него вскоре позаимствовал и развил Валленштейн). Разумеется, перед историком возникает

серьезный вопрос: как это было возможно? Почему на многих землях Германии такая практика не встретила достаточного противодействия со стороны местных властей и местного дворянства, а со стороны политиков встречала подчас даже несомненное поощрение? Но так или иначе, Мансфельд открыл способ продолжать войну и мог маневрировать в Пфальце довольно значительным войском. Однако ввиду бесперспективности борьбы он в начале 1621 г. стал склоняться к переходу на сторону императора и испанцев, манивших его предложениями, весьма заманчивыми даже для его неумеренного честолюбия и корыстолюбия.

Однако оживленная дипломатическая деятельность датского короля Христиана IV, Голландии и эмигрировавшего «зимнего короля» Фридриха V еще несколько отсрочила финал пфальцской войны. В начале 1621 г. по инициативе Христиана IV в Зегеберге (в Гольштейне) состоялся конгресс с участием депутатов Голландии и ряда немецких князей, в том числе Фридриха V, встревоженных успехами Католической лиги и императора в Германии[9]. Главным материальным результатом происходивших в Зегеберге переговоров явился тот факт, что Фридрих V вскоре смог вернуться в Пфальц с английскими, датскими и голландскими денежными субсидиями. Тотчас два оставшихся ему верными князя приступили к вербовке для него многочисленных войск: князь Христиан Брауншвейгский — в Вестфалии (при поддержке занявших некоторые немецкие земли по Нижнему Рейну голландцев), а маркграф Георг Фридрих Баден-Дурлахский — к востоку от Пфальца. При этом уроки Мансфельда были усвоены и тем, и другим — их наемные шайки тоже грабили и заливали кровью мирного населения те земли, где им случалось оказаться по воле трудно объяснимой с собственно военной стороны игры политических сил. Эти новые события устранили колебания Мансфельда. Он снова стал верен Фридриху V. Первым делом он пошел на соединение с маркграфом Баден-Дурлахским, и их объединенное войско нанесло 27 апреля 1622 г. при Вислохе серьезное поражение католической армии Тилли, который совершил ошибку, выступив отдельно от испанской армии Гонсало де Кордовы. Затем в кадрили наступила следующая фигура: Мансфельд не поладил с маркграфом Баден-Дурлахским и оставил его одного, а Тилли, напротив, соединился с Гонсало де Кордовой. В результате маркграф Баден-Дурлахский был 6 мая 1622 г. жестоко разбит при Вимпфене. Теперь циничный авантюрист Мансфельд и романтически-рыцарственный разбойник Христиан Брауншвейгский делают несколько энергичных попыток прорваться навстречу друг другу через разделявшие их нейтральные и вражеские земли, которым шайки и того и другого наносят при этом дикие опустошения. 20 июля 1622 г. Христиан Брауншвейгский, так еще и не успев соединиться с Мансфельдом, один принял бой

[9] *Goll J.* Der Convent in Segeberg 1621. Prag, 1875.

с объединенными войсками Тилли и Гонсало де Кордовы при Хехсте и был жестоко разбит. Во главе жалких остатков своей армии он соединился после того с армией Мансфельда, при которой находился сам Фридрих V. Однако и в таком виде, после того как были потеряны значительные подкрепления, эта армия Фридриха V являлась еще внушительной силой — хотя бы потому, что армия противника — Тилли и Гонсало де Кордовы — тоже была потрепана и малочисленна. Но, не вступая в прямой бой с противником, Мансфельд и Христиан Брауншвейгский направили свои шайки на «подножный корм»: они принялись свирепствовать в северном Эльзасе.

Чтобы покончить наконец с этой затянувшейся пфальцской войной, Габсбурги разыграли хитрый дипломатический трюк: испанцы уверили Якова I Английского, что если он уговорит своего зятя Фридриха V сложить оружие, то император обещает простить опального курфюрста и вернуть ему права на Пфальц (разумеется, не на чешскую корону). Яков I охотно взялся за вожделенную роль умиротворителя Европы. При английском посредничестве началась комедия мирных переговоров. Фридриха V уговорили пойти на сделку, и он формально отказался от всякой дальнейшей военной помощи со стороны Мансфельда и Христиана Брауншвейгского, посоветовав тому и другому перебраться со своими наемниками куда-нибудь за пределы Пфальца. Тем ничего не оставалось, как подчиниться. Распустив часть войск, они выступили в поход. Тогда Гонсало де Кордова устремился в преследование и, догнав их, разбил наголову. Христиан Брауншвейгский, лишившийся в битве руки, бежал в Голландию, Мансфельд — в Фрисландию. Фридрих V слишком поздно понял, что обманут: пока наивные английские дипломаты, подученные хитрыми испанцами, мирили его с императором, тот преспокойно отдал пфальцское курфюршество Максимилиану Баварскому, невзирая ни на какие протесты по поводу нарушения имперской конституции. Лишившийся всего, совершенно одинокий, «зимний король» снова перебрался за границу. В Пфальце последние три крепости — Гейдельберг, Мангейм и Франкенталь — еще некоторое время сопротивлялись, причем Мангейм — силами английского гарнизона. Однако на помощь Тилли в Пфальц пришло вспомогательное войско эрцгерцога Леопольда Тирольского, и благодаря решительному перевесу сил к 1623 г. две из этих крепостей пали, лишь гарнизон Франкенталя продолжал отсиживаться, но и он был сломлен в апреле 1623 г. выдающимся помощником Тилли — генералом Паппенхеймом. Однорукий рыцарь-разбойник Христиан Брауншвейгский появился было еще раз в Вестфалии и Нижней Саксонии, где снова навербовал войско, по-видимому, на голландские и датские деньги, но по дороге на север он был опять настигнут Тилли и 6 августа 1623 г. при Штадтлоне потерпел новое поражение. Это был последний всплеск утихшего уже шторма. Чешско-пфальцская война иссякла.

Что касается Бетлена Габора, то он после отступления от Вены сначала сопротивлялся императорским войскам в Венгрии, нанеся имперцам ряд внушительных поражений. В конце декабря 1621 г. он заключил с императором компромиссный Никольсбургский (Микуловский) мир: под его властью остались Трансильвания и семь так называемых верхневенгерских комитатов, но он отказался от притязаний на венгерский престол. Затем, обнадеженный было ходом событий в Пфальце, Бетлен Габор нарушил мир и возобновил военные действия. Но пфальцская война затихла, и Бетлен Габор в 1624 г. подписал новый мирный договор на условиях, близких к условиям Никольсбургского мира. Впрочем, и на этот раз он не отказался от борьбы.

Итак, сопротивление на пути контрреформации в Империи, казалось, было сломлено. Никто не имел больше возможности силой воспрепятствовать превращению Империи в «царство иезуитов», в цитадель воинствующего католицизма, в раскаленное жаром католической реакции ядро будущей всемирной державы. В 1622—1623 гг. армия католических попов, монахов, иезуитов по следам армий солдат-наемников рьяно принялась за религиозную унификацию Империи.

Политический террор в Чехии начался спустя несколько месяцев после битвы у Белой Горы с казни в Праге 21 июня 1621 г. 27 руководителей чешского восстания. Затем последовали самые разнообразные и жестокие массовые репрессии [10]. В мае 1622 г. по всей Чехии был объявлен императорский указ, предписывавший всем, принимавшим прямое или скрытое участие в антигабсбургском движении, явиться к наместнику и повиниться в своих проступках под угрозой более тяжких наказаний для уклонившихся. Множество чешских дворян спасли себе жизнь этой явкой с повинной, но их имущества были конфискованы, и старое чешское дворянство, обращенное в нищих, сошло таким образом с исторической сцены. До трех четвертей всей земли в Чехии, на гигантскую сумму около 100 млн. флоринов, было отнято у прежних владельцев и перешло к новым. При этом императорская казна ничуть не обогатилась — все досталось немецким, испанским и прочим чиновным и военным должностным лицам, земельным спекулянтам, католическому духовенству и монастырям. Новые господа спешили выжать из своей собственности максимум доходов, и поэтому чешское крестьянство испытало теперь небывалое утяжеление феодального гнета. Естественно, что оно защищалось. Неверно думать, будто Чехия была совершенно нокаутирована в 1620 г. поражением у Белой Горы. В течение 20-х годов чешское крестьянство неоднократно восставало [11], но, лишенное военной и политической организованности,

---

[10] *Denis E.* La Bohême depuis la Montagne-Blanche, v. I. Paris, 1903; *Gindely A.* Geschichte der Gegenreformation in Böhem. Leipzig, 1894.

[11] См. гл. VII.

оно каждый раз получало все новые жестокие удары, валившие его с ног. Как велика была сила сопротивления Чехии, видно из того, что только в 1627 г. император Фердинанд решился объявить недействительной хартию государственной независимости Чехии — «Грамоту величества» 1609 г. и приступить к превращению Чехии в простую провинцию австрийской монархии (введение в 1627 г. так называемого «Обновленного земского устройства»). Во многих районах Чехии (особенно центральных) население к концу Тридцатилетней войны сократилось на 50%; этот процесс обезлюдения в основном совершился именно в первое десятилетие войны. Усмирители сочетали террор и опустошение Чехии с онемечиванием оставшегося населения, лишением его права даже на национальные обычаи и обряды, на славянскую письменность. Ставились всевозможные препятствия изданию книг на чешском языке, уничтожались памятники национальной чешской культуры, вся «недозволенная» (антигабсбургская, антикатолическая) литература сжигалась. Чешский язык вытеснялся немецким. Протестантское богослужение уничтожалось методически в течение 1622 и 1623 гг. — сначала утраквистское, затем кальвинистское, наконец, лютеранское. В 1624 г. в Чехии было окончательно запрещено всякое богослужение, кроме католического. Непокорные эмигрировали из Чехии, оставшихся «обращала» в католицизм торжествующая разнузданная солдатчина. Несметные толпы монахов всех мастей — иезуиты, августинцы, доминиканцы, францисканцы, кармелиты, капуцины, варнавиты — рыскали по стране, проникали в каждый дом, вынюхивали дух Реформации и чешского патриотизма. Иезуиты шли во главе всех монахов, но солдаты шли впереди иезуитов. Один капуцин сказал позже папе Урбану VIII, когда иезуиты стали хвастать обращением всей Чехии в католицизм, что с такими солдатами, какие были у иезуитов в Чехии, он взялся бы обратить весь мир. Однако и для хода контрреформации в Чехии характерна заминка между 1624 и 1627 гг.: только в июле 1627 г., вместе с отменой «Грамоты величества», было издано окончательное предписание некатоликам панского, шляхетского и городского сословий покинуть пределы страны.

Чехия, осмелившаяся своими слабыми силами прикрыть мир от напора габсбургско-католической агрессии, испытала контрреформацию в наиболее тяжелых формах, но не была исключением. Примерно то же происходило и в других областях в 1622—1623 гг. и позже. Пфальц стал ареной ужасных оргий католической реакции в испанском стиле. В Моравии контрреформация была безжалостно и методично проведена немецким кардиналом Дитрихштейном. В Силезии, захваченной курфюрстом Саксонским, он выговорил было за свою поддержку императора сохранение остатков прав протестантов, но затем не сумел охранить эти права, и силезские протестанты подверглись жестоким религиозным гонениям. В Австрии Фердинанд II, опираясь на баварского на-

местника Герберсдорфа, осуществил «обращение» населения в католицизм в обратном порядке, чем некогда в Штирии: в первую очередь было предписано обратиться или выехать из пределов страны дворянам и горожанам, а крестьянам-протестантам была предоставлена отсрочка, ибо австрийское крестьянство было настроено грозно и его надо было изолировать от других классов; первый этап затянулся благодаря взяткам и вымогательствам чиновников, когда же дошло до второго этапа — в Австрии разразилась крестьянская война 1626 г.; контрреформация в Австрии завершилась только в 1628 г.

Мы видим, что главным очагом контрреформации оказались габсбургские земли. Но, как было сказано выше, уничтожение неустойчивого равновесия между протестантизмом и католицизмом внутри габсбургской монархии означало для всей Германии крушение сравнительно прочного равновесия между княжескими партиями, которое установилось еще после Аугсбургского религиозного мира 1555 г. И в самом деле, в Северной Германии, по преимуществу протестантской, ломка с таким искусством возведенной с тех пор системы началась одновременно с контрреформацией в Чехии и Австрии. Например, известный нам Христиан Брауншвейгский, владевший бывшим католическим епископством Хальберштадт в качестве протестантского «администратора», был низложен и заменен католическим епископом — сыном императора Леопольдом Вильгельмом. Это княжество тем самым было перенесено с протестантской чаши весов на католическую. То же самое должно было произойти и со всеми другими духовными владениями, присвоенными князьями-протестантами. А ликвидация секуляризации логически означала ликвидацию всей немецкой княжеской реформации. Северогерманские князья-протестанты спохватились и всполошились, да было уже поздно. Ведь в апреле 1621 г. Протестантская уния фактически самораспустилась, и только после этого контрреформация подняла голову. В 1622—1623 гг., когда она шла полным ходом, протестанты в Германии уже ничего не могли ей противопоставить.

Если, как мы заметили, триумфальное шествие контрреформации было все же задержано в период 1624—1627 гг. (и в этом смысле темп развертывания габсбургско-католической агрессии снова, вторично, оказался сорванным), то причиной тому были отнюдь не князья-протестанты. Они только беспомощно метались. С одной стороны, причиной этого перерыва в ходе контрреформации явилось последнее отчаянное, хотя и безнадежное, сопротивление народных масс, в особенности чешского и австрийского крестьянства. С другой стороны, католическая реакция, как набатный колокол, первыми своими ударами пробудила Европу. Парижский и лондонский дворы попробовали наконец вмешаться в ход событий, развертывавшихся в Империи, ибо они больше не могли обманывать себя по поводу международного смысла этих событий.

В самом деле, никому из современников не пришло бы и в голову толковать торжество католицизма в Германии в 1622—1623 гг. как «усиление императора», как начало объединения Германии под властью императора. Такой смысл придали этим событиям только тенденциозные немецкие историки. Реальная политическая власть воплощалась в деньгах. Фердинанд II по-прежнему не имел никаких прав получать с Германии государственные доходы. Не имел он и войска, которое в материальном и политическом отношении зависело бы исключительно от него: такое войско только с 1625 г. изобретет для него Валленштейн. Если Фердинанд II насилует имперскую конституцию и незаконно передает княжества и даже курфюршества из рук протестантов в руки католиков, он олицетворяет не государственное насилие, а то насилие, возведенное в принцип иезуитами, которое не нуждается ни в каком основании, кроме пользы, извлекаемой из него матерью-церковью. Иначе говоря, в глазах всего мира торжество католицизма в Германии означало вовсе не ее консолидацию и усиление как государства, а всего лишь устранение препятствий к слиянию Империи и Испании в едином политическом русле. Победа контрреформации в Германии значила только одно: шаг к восстановлению Империи Карла V.

Вот почему в 1623 г. национально-абсолютистские государства — Франция и Англия — должны были или пробудиться, или погибнуть. Пробудиться им было нелегко. За предшествовавшие годы развилась известная политическая инерция. Руководящее положение и при парижском, и при лондонском дворах за это время заняли определенного рода люди и определенные социальные группы, они влекли государственный корабль и той и другой страны соответственно своему духу, хотя теперь это и означало уже движение, противоречившее какому бы то ни было здравому смыслу. В конце концов история разметала их и там и тут, но очень по-разному: во Франции — руками Ришелье, возродившего абсолютистский порядок, в Англии — буржуазной революцией, уничтожившей этот порядок. Однако это произошло позже, а в 1623 г. имело место только первое пробуждение: закрытые, даже зажмуренные глаза обоих правительств должны были открыться, дремлющее общественное сознание было вспугнуто смертельной опасностью.

Надо отметить еще одно обстоятельство, облегчившее это пробуждение. Чешское восстание 1618—1620 гг., венгерское восстание 1619—1620 гг., подъем в 1619 г. демократического движения в Голландии, развязанного оранжистской партией для победы над Олденбарневелтом и арминианами, — все это оживило тогда в правительственных сферах Англии и Франции страх перед революцией. А страх этот способствовал национальному усыплению, т. е. миролюбию в отношении Габсбургов и католицизма — оплота феодальной реакции. Но теперь обстановка изменилась. Чешское восстание было уже подавлено и принадлежало прошлому. Венгер-

ское восстание вовсе не оказалось грозным, осталось под руководством дворянства, а влияние Бетлена Габора в Венгрии вскоре было уравновешено влиянием католической партии Пазмани и Эстерхази. Наконец, в Голландии Мориц Оранский в начале 20-х годов сильной рукой остановил то кальвинистско-демократическое движение, которое только что помогло ему овладеть властью. Европейские политики с облегчением вздохнули, убедившись, что игра штатгальтера с неостывшим революционным нидерландским вулканом кончена, что Мориц, одолев Олденбарневелта, поспешил вернуться к той же политике обуздания радикальных элементов, которую он проводил совместно с Олденбарневелтом начиная с 80-х годов XVI в. Иначе говоря, угрожающие призраки перед взорами национально-абсолютистских правительств Франции и Англии если не исчезли, то потускнели. Поворот внешней политики стал возможным.

В то же время непосредственный контакт Англии и Франции с Голландией стал легче, чем когда-либо: с 1621 г. начались военные действия последней против испанцев, что облегчало создание антигабсбургской коалиции.

Во Франции в последние годы правления Люина, а затем, после его смерти в декабре 1621 г., в правление Брюларов [12], политика умиротворения достигла своего апогея. Все принципы Генриха IV, принципы антигабсбургской политики, были вывернуты наизнанку: к заискиванию перед Испанией прибавилось заискивание перед германским императором и Католической лигой, вплоть до обещаний принять участие на их стороне в военных действиях в Германии. Традиционные политические связи французского двора — хотя и неизменно католического — с немецкими протестантскими князьями были совершенно утеряны после ульмского «посредничества» Франции. Мало того, само наступление на гугенотов внутри Франции, начатое Люином в нарушение Нантского эдикта в 1620 г., стимулировалось не столько внутригосударственными соображениями (напротив, это наступление как раз оживило гугенотскую конфедерацию как политическую организацию), сколько стремлением засвидетельствовать перед Габсбургами полную лояльность французского двора присоединением к фронту католической реакции. Кульминационной точкой всей этой политики, неуклонно и слепо ухудшавшей международное положение Франции во имя «мира», явилась капитуляция в «вальтелинском вопросе».

Вальтелина — небольшая область в Ломбардии, в Северной Италии, долина верхнего течения реки Адды, пролегающая между Ретийскими и Бергамскими Альпами. Чтобы представить себе стратегическое значение, которое приобрела эта долина с XVI в.,

---

[12] После смерти Люина фактически правили (при Людовике XIII) отец и сын Брюлары (канцлер Силери и государственный секретарь Пюизье) (*Ред.*).

надо вспомнить, что она могла явиться единственным коридором, соединявшим владения испанских Габсбургов в Северной Италии, а именно Миланское герцогство, с владениями австрийских Габсбургов, а именно Тиролем, и (что было еще важнее для испанцев) — с верховьями Рейна, с великой рейнской дорогой через Германию к Нидерландам. Испанцы не могли проникнуть из Северной Италии в Европу иначе, как через Милан, ибо и Венеция и Савойя были им неподвластны и по большей части враждебны, так же как и Швейцария, загораживавшая им путь. Вальтелинский коридор до 1620 г. тоже был недоступен Габсбургам, ибо Вальтелина находилась под властью Граубюндена, союза трех «серых лиг» в Юго-Восточной Швейцарии. По вероисповеданию население в Граубюндене и Вальтелине было смешанное, причем протестанты ориентировались на Францию, католики — на Габсбургов. Протестанты в Граубюндене составляли подавляющее большинство, и поэтому Франция осуществляла через Граубюнден фактический контроль над вальтелинским коридором, т. е. держала меч между владениями испанских и австрийских Габсбургов. В 1620 г. этот меч был вырван, вернее — выпал из ее рук.

В то время, когда французская делегация в Ульме уговаривала членов Протестантской унии предать Чехию и тем «локализовать» чешско-габсбургскую войну, в Вальтелину ворвалась волна католической реакции: католики под предводительством одного местного рыцаря устроили избиение протестантов. Французское правительство не шевельнуло и пальцем. Затем в Вальтелину и прилегавшее к ней графство Бормио вступили испано-миланские войска под предлогом защиты католиков от протестантов-граубюнденцев, одновременно немецкие войска под руководством эрцгерцога Леопольда Тирольского отвлекли силы Граубюндена, угрожая вступить в его горный район Энгадин. Франция не помогла Граубюндену.

Это происходило в то самое время, когда Спинола вторгся в Пфальц. Испанские войска, таким образом, сразу проникли и на Нижний и на Верхний Рейн. Гигантские военные клещи возникли на границе Франции с Империей — Империя душила Францию руками испанцев, обвивавшими ее, как щупальцы спрута. В 1622 г. был заключен так называемый Миланский договор: Граубюнден, покинутый союзником — Францией, отказался от своих прав на Вальтелину, т. е. Вальтелина была отдана в руки испанских и австрийских Габсбургов как мост, связывавший их владения и военные силы. Это и стало кульминационной точкой французского миротворчества. В свете событий, происходивших в Германии, капитуляция в вальтелинском вопросе выглядела столь убийственно, что вызвала взрыв негодования и в самой Франции, и за ее пределами. Правда, в феврале 1623 г. с Венецией и Савойей, возмущенными Миланским договором, был подписан договор о наступательном и оборонительном союзе, имев-

ший целью возвращение Вальтелины и Бормио под власть Граубюндена. В Вальтелину в качестве посредника на год ввел свои войска римский папа (с 1623 г.) Урбан VIII, который в отличие от своих предшественников, был настроен недружелюбно к Испании. Но он был связан с императором и сам по себе олицетворял интересы католической реакции. В феврале 1624 г. Ришелье, не будучи членом Королевского совета и действуя на Людовика XIII через королеву-мать Марию Медичи, добился отстранения от власти Брюларов за гибельный внешнеполитический курс. Руководство всеми делами Королевского совета перешло к Шарлю Лавьевилю, сюринтенданту финансов. Лавьевиль покончил с прогабсбургской политикой. Он ищет сближения с Голландией, воевавшей против Испании (в июне 1624 г. был подписан франко-голландский договор о наступательном и оборонительном союзе), и с Англией, переживавшей такое же, как и Франция, похмелье после опьянения испанской дружбой. В частности, для скрепления франко-английского союза он начинает переговоры о браке сестры Людовика XIII Генриетты-Марии с наследником английского престола будущим королем Карлом I. Эти переговоры были доведены до благополучного конца несколько позже, в 1625 г., когда во главе французского правительства стоял уже не Лавьевиль, а Ришелье. Впрочем, стоит отметить, что на первых порах Ришелье выступил не в роли продолжателя, а в роли антагониста политики Лавьевиля. Если Брюлара он свалил за прогабсбургскую политику, то, чтобы достичь поста первого министра, он не побрезговал теперь винить Лавьевиля как раз за антигабсбургскую политику, нанесившую, дескать, ущерб католической церкви, мало того, не побрезговал опереться против него на ту самую придворную знать, занятую только вымогательством казенных подачек и пенсией, с которой сам будет потом воевать всю жизнь и которую Лавьевиль осмелился ущемить. Но после того, как ему удалось свалить и Лавьевиля, Ришелье оставил с носом эту знать, традиционно ориентировавшуюся на Испанию, и пошел по генеральному пути французского национального абсолютизма, по антигабсбургскому пути, — делая еще изрядные зигзаги.

Так или иначе, Ришелье перешел к активным действиям в Граубюндене и Северной Италии. В ноябре 1624 г. Граубюнден был занят французскими войсками, посланными также в Вальтелину и в другие районы Северной Италии. Связь между габсбургскими землями в Южной Европе была снова разорвана. Но это значило отнять кость у хищника. И Испания, естественно, ответила военными действиями. Франция сама почти не участвовала в этой войне, переложив ее тяжесть на своих союзников. Она и не была готова к большой антигабсбургской войне. Но трудно переоценить историческое значение первого шага того нового курса, который позже сделает Францию главою победоносной антигабсбургской коалиции в Европе.

Представление, еще незадолго до того распространенное среди европейских дипломатов, что можно разделить Испанию и Империю и вести с ними разную политику, быстро отходило в прошлое. Ришелье прекрасно понимал, что, находясь в войне с Испанией, он тем самым потенциально находится в войне с Империей. Его мысль была направлена на поиски союзников, руками которых Франция могла бы воевать и против этого противника, не ввязываясь по возможности сама в военные действия, а опираясь преимущественно на свои финансовые ресурсы. Он искал союзников в любой части Европы. Это характерная черта Ришелье как дипломата. Если в политических планах Габсбургов Европа всегда являлась чем-то единым, ибо они предвосхищали в ней свое будущее безраздельное владение, то и Ришелье, естественно, противопоставил им дипломатию, исходившую из идеи Европы как целого. Его замыслы и комбинации всегда являлись всеевропейскими, и в этом их сила. Уже в самом начале своего правления Ришелье высказал гениальную мысль, к которой вполне присоединилось затем и правительство Голландской республики: гибельной для Империи война явится только в том случае, если это будет война на два фронта (в 1625 г. Христиан IV Датский цитировал эти слова Ришелье в переговорах с Густавом-Адольфом). Кто должен открыть два фронта в Германии? По замыслу Ришелье, это должны были быть датчане на западе и шведы на востоке. В 1624—1625 гг. он энергично, в тесном контакте с Англией и Голландией, старался осуществить этот свой план. В Данию он послал барона Деэ де Курменена склонить Христиана IV к войне с императором — предложением ежегодной субсидии в 600 тыс. ливров и обещанием одновременного французского вторжения в Западную Германию из Франции. В Швецию тоже был направлен посол, начавший с Густавом-Адольфом аналогичные переговоры; затем через бранденбургского дипломата Беллина Ришелье предложил Густаву-Адольфу, при условии, что Швеция вступит в войну с Империей, субсидию в 1 млн. ливров на ближайшие два года, т. е. по 500 тыс. ливров в год, и военную помощь в виде вторжения в Германию Мансфельда с новой 20-тысячной армией.

В своем грандиозном замысле Ришелье исходил из желаний самих этих двух государей. Христиан IV еще на съезде в Зегеберге в 1621 г. изъявил намерение встать во главе евангелического союза всех протестантских государств Европы для борьбы с обеими ветвями Габсбургского дома и Католической лигой и двинуть датское войско в Германию против императора на помощь Фридриху V. Голландия вполне поддержала эти намерения, и только «прозаическая» сторона — отказ Якова I Английского субсидировать все предприятие — заставила все же тогда Христиана IV сохранить нейтралитет. Именно субсидиями Ришелье и предполагал теперь вывести его из этого состояния.

Что касается Густава-Адольфа, то он до 1624 г. не обнаруживал намерения вступить в борьбу с Империей. Он был занят войной с Речью Посполитой, возобновившейся, как мы помним, в 1617 г., сменившейся перемирием в 1618—1620 гг. и снова вспыхнувшей в 1621 г. Голландия еще в 1617 г., как и раньше, субсидировала его, снабжала вооружением, солдатами, — поскольку за спиной Речи Посполитой действовали Габсбурги, в том числе и испанский король, и поскольку к тому же Дания, служившая и голландцам и шведам помехой в балтийской торговле, держалась тогда еще прогабсбургской ориентации. В 1618 г. долг Густава-Адольфа Голландии равнялся 757 тыс. гульденов. Но тщетно с началом Тридцатилетней войны голландцы, а также послы Фридриха V пытались понудить Густава-Адольфа оказать помощь единоверцам-протестантам в Германии. Он упорно отвечал одно и то же: его борьба с Сигизмундом III не частная распря, а самая лучшая помощь, какую он может оказать врагам католицизма и Габсбургского дома в Европе, ибо Испания, Империя, папство и Польша представляют собой единый фронт; каждое поражение поляков является вместе с тем и поражением Империи, получающей из Польши помощь; если бы Голландия и другие державы помогли ему новыми субсидиями, его большое вторжение в Польшу отвлекло бы от Германии внимание императора и лигистские войска и тем благоприятствовало бы восстаниям протестантов в габсбургских землях, а также вторжению тех или иных армий в Германию с запада. Этой концепции, которой нельзя отказать в основательности, Густав-Адольф последовательно придерживался в своих внешних сношениях еще и в 1623 г.; так, например, он писал Якову I, что «общим делом» (causa communis) являются и защита протестантизма (от католической реакции в Европе), и свобода Голландии (от испанского ига), и восстановление прав Чехии и Пфальца, т. е. Фридриха V, в Империи, и его собственная борьба с Польшей; выступить против императора, имея в тылу враждебную Польшу, он считал бы для себя рискованным и опрометчивым [13]. Однако уже в 1622 г. он заключил с обессилевшей Речью Посполитой новое перемирие, которое тянулось вплоть до 1625 г.

К 1624 г. в позиции Густава-Адольфа наметился перелом. К тому было немало причин: во-первых, он тоже был встревожен победами католической реакции в Германии, ибо она предвещала в его глазах габсбургскую агрессию на Балтийском море; во-вторых, Швеция испытывала нараставшую международную изоляцию и даже военную тревогу в связи с быстро развивавшимся после 1621 г. голландско-датским сближением; в-третьих, утеряв дружбу Голландии, Густав-Адольф утерял вместе с тем и источник иностранных субсидий; в-четвертых, в 1624 г. возникла было

---

[13] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. II. СПб., 1893, с. 174—183.

перспектива более длительного и более прочного, чем прежде, перемирия с Польшей. Вот почему Густав-Адольф неожиданно изъявил желание, через бранденбургского дипломата Беллина, не только присоединиться к союзу всех протестантских государей Европы, но даже взять на себя верховное командование военными действиями союза против императора и Католической лиги.

Мы знаем, что аналогичное желание уже за три года до того выразил датский король. Правда, претензии Густава-Адольфа и Христиана IV на руководящую роль в евангелическом союзе в конце концов едва ли удалось бы совместить, но пока что, в 1624 г., именно на определенно выраженных желаниях этих двух государей и построил свою антигабсбургскую концепцию кардинал Ришелье. Как глава католического государства он внушал им естественное недоверие, да и сам, разумеется, не мог слишком связать Францию с проектировавшимся евангелическим союзом протестантских государей. Он должен был действовать в основном денежными субсидиями. Но он имел к тому же оформленный союз с Голландией, и именно голландское правительство и взяло на себя непосредственную разработку стратегического проекта одновременного вторжения в Германию двух армий — одной под начальством Христиана IV, другой под начальством Густава-Адольфа. Окончательное утверждение деталей плана было намечено осуществить весной 1625 г. на особом конгрессе в Гааге между представителями обоих королей при голландском посредничестве. Франция, как видим, оставалась в тени.

Впрочем, все эти величественные очертания антигабсбургской политики, возникшие в кабинете Ришелье и отброшенные на европейский экран, были скорее предвосхищением будущей роли Франции, чем реальностью. Франция еще не была вполне готова для этой роли. Если поддерживать войну своих союзников против Испании ей было под силу, то все, что она смогла сделать реально против Империи, — это принять на свою службу однорукого Христиана Брауншвейгского, дать ему денег, на которые он навербовал во Франции войска для вторжения в Германию. Остальное оказалось пока что дипломатическими грезами.

Вообще Франция в этот период пролога Тридцатилетней войны еще не вышла на первое место среди сил антигабсбургского фронта. Первое место, по крайней мере во всеобщем представлении, безусловно, принадлежало абсолютистско-протестантской Англии. На нее были и раньше с надеждой устремлены взоры всех врагов императора и Католической лиги в Германии. Теперь, после 1623 г., она сама заявляет устами Якова I, а затем Карла I о намерении возглавить большую антигабсбургскую коалицию.

Мы уже видели, с какими колебаниями и зигзагами приближалась к этому решению политика Якова I. Кульминационной точкой английского «миротворчества», аналогичной французской вальтелинской капитуляции, явилась капитуляция перед испанским вторжением в Пфальц и поездка наследника Карла Стюарта

в Мадрид. В 1620 г., когда испанцы, беззастенчиво надув Якова I, дали приказ Спиноле вторгнуться в Пфальц, английским правительством в Пфальц на помощь Фридриху V был отправлен 4-тысячный отряд и, что гораздо важнее, английский флот получил приказ курсировать близ испанских берегов. Однако все это делалось неуверенно. И уже очень скоро испанскому послу в Англии графу Гондомару снова удалось совершенно усыпить Якова I предложениями тесного союза Мадрид—Лондон и заверениями, что в Германии status quo ante bellum будет восстановлен немедленно, как только Фридрих V откажется от притязаний на чешскую корону и прекратит вооруженное сопротивление императору. Испания с необыкновенным цинизмом длительно дурачила Якова I, используя его колебания и страхи в интересах общегабсбургского дела. Задача габсбургской дипломатии состояла в том, чтобы как можно дольше оттягивать пробуждение антигабсбургских сил в Европе, пока в Германии завершится контрреформация. Испанцы достигали этой цели, нагло уверяя, что они готовы послужить противовесом императору, хотя всякий зрячий легко мог увидеть, что они действуют с ним вместе и по единому плану. Но абсолютистская Англия до 1624 г. сама хотела быть обманутой (как и Франция до Ришелье). Филипп III и его фаворит Лерма еще в 1614 г. манили Якова I проектом женитьбы его сына Карла на испанской инфанте. Этот брак, как мотылек, ускользал с тех пор из рук гонявшегося за ним английского короля. Ему казалось, что именно заключение этого брака послужит последним камнем возводимого им международного здания: ведь сестра Карла, Елизавета, уже выдана за Фридриха V Пфальцского, и испанский король, породнившись через нее с Фридрихом V, тем самым должен будет выступить против императора, т. е. в защиту немецких протестантов. Новый фаворит Филиппа III герцог Уседа, сменивший Лерму в 1618 г., продолжал тешить его той же надеждой даже в тот момент, когда по просьбе императора Фердинанда II посылал войска испанского генерала Спинолы в Пфальц. Оливарес, фаворит вступившего в 1621 г. на престол Филиппа IV, уже совершенно открыто направил корабль испанской монархии в фарватер габсбургской агрессии. Казалось, Испания вернулась ко временам Карла V и Филиппа II. Запылала война в Нидерландах и Италии. А Якова I Английского и его любимца Бекингема именно в это время испанский посол в Лондоне снова водил за нос разговорами о браке и о союзе. Яков I отозвал английский флот от берегов Испании, отставил министров, которые противились происпанской политике, наконец, со скандалом распустил парламент, осмелившийся возражать против испанского брака. Но мотылек становился тем неуловимее, чем нетерпеливее он к нему стремился. Испанцы, разумеется, и не думали всерьез ни о союзе, ни о династическом браке. Верхом унижения явилась затея Бекингема везти самого жениха Карла в Испанию, чтобы сделать для испан-

цев дальнейшую проволочку невозможной. В марте 1623 г. Карл и Бекингем прибыли в Мадрид, где они подверглись едва скрытому издевательству: Оливарес выдвигал все новые и новые условия брака, оскорблявшие английскую монархию и английскую церковь, а Бекингем все принимал и принимал их, с согласия самого Якова I. Тем временем в Германии пфальцская война быстро шла к концу. Наконец, Оливарес сбросил маску: «У нас существует политическое правило, что король Испании не должен никогда воевать с императором», — признался Оливарес... «Мы не можем посылать против императора наши войска...» «Если вы стоите на этом, — возразил принц, — тогда всему конец» [14], и поспешил уехать в Лондон.

Это было холодным душем, протрезвившим наконец английский абсолютизм. А в Лондоне Карла и Бекингема ждало бурное ликование народа по поводу долгожданного разрыва с Испанией. Парламент в феврале 1624 г. высказался за войну с Испанией и вотировал субсидии. Вообще правление Карла I началось (фактически еще до смерти Якова I) в атмосфере чрезвычайной его популярности — именно из-за нового внешнеполитического курса. Поддержка Фридриха V и протестантов в Германии, хотя и запоздалая, и происшедший разрыв с Испанией, естественно, слились в одно антигабсбургское целое. Вокруг Англии начинает сплачиваться широкая коалиция против испанских и австрийских Габсбургов, и Карл I даже с некоторой экзальтацией претендует теперь на первенствующее место в этой коалиции. Вскоре после разрыва с Испанией Англия заключает в 1624 г. союзный договор с Голландией, обещав ей денежную и военную поддержку против испанцев. Затем быстро завершаются переговоры о браке Карла с сестрой французского короля Генриеттой-Марией — в то время, когда Франция находилась уже в состоянии войны с Испанией. Правда, полного военного союза между Францией и Англией не возникло — не из-за различия вероисповеданий, а из-за нежелания Ришелье быть втянутым в войну в Германии, пока он не увидит там достаточно мощной коалиции против императора. Однако вся важность этого расхождения между лондонской и парижской оценкой германского фронта обнаружится лишь позднее. Пока оно не мешало единству действий. Имея в лице Голландии и Франции (с ее итальянскими союзниками) сильную коалицию против Испании, Карл и Бекингем полагали, что в Германии можно будет управиться значительно меньшими силами. Как Христиан Брауншвейгский во Франции, так в Англии Мансфельд получил в 1624 г. деньги на продолжение войны с императором и Католической лигой, на которые он тут же навербовал новое значительное войско. Но замысел Ришелье — принудить Империю к войне на два фронта — не нашел отголоска и понимания в Лондоне. Значение Швеции здесь недооценили. Условия, по-

---

[14] *Грин Д. Р.* Краткая история английского народа. Вып. 2. М., 1898, с. 298.

ставленные Густавом-Адольфом, показались чрезмерными. Вместо того, чтобы способствовать сближению шведского и датского королей и постараться примирить претензии того и другого на верховное командование союзными силами в Германии, словом, вместо дальнейшей разработки плана вторжения двух армий, английская дипломатия, едва лишь встретившись с первыми трудностями, решила, что надо выбирать между двумя претендентами. Выбор пал на короля Христиана IV Датского — его материальные и политические условия были признаны более легкими. Английский посол в Копенгагене Анструтер действовал очень энергично. Правительство Голландской республики, не отказываясь от идеи двух фронтов, все же поддержало английский выбор. Результатом всей этой деятельности явился военный союз между Данией, Англией и Голландией, ставивший своей формальной целью восстановление в правах Фридриха V Пфальцского. Окончательно договор был подписан только в декабре 1625 г., но фактически соглашение было достигнуто еще в декабре 1624 г. Франция со своей стороны тогда же предоставила тайные субсидии Христиану IV. Англия и Голландия свои союзные обязательства также свели к денежным субсидиям (причем Голландия субсидировала датского короля как бы для борьбы с испанским флотом). Мансфельд и Христиан Брауншвейгский были направлены со своими войсками под верховное командование датского короля.

Таким образом, Дания явилась как бы тараном против Империи и католической реакции, приведенным в движение европейскими державами. Именно начавшийся после 1623 г. перелом во внешней политике Франции и Англии и их первая попытка активного вмешательства в германские дела объясняет нам причину того перерыва в развитии контрреформации в Германии, который мы отметили в 1624—1627 гг. Сама по себе Дания была слаба, и ее изолированное вмешательство не вызвало бы никакой заминки. Но, как это было и в чешский период, дело зависело не от собственных сил двух борющихся сторон, а от всеевропейского соотношения сил, кристаллизованных в интернациональных «золотых солдатах».

Сравнительно с чешским периодом чаша весов императора к концу 1624 г. упала очень низко, в то время как противоположная — взлетела вверх. В самом деле, от огромного актива, которым недавно располагал Фердинанд II, не осталось почти ничего. Испания уже не могла оказать ему прежней материальной помощи, ибо сама вела теперь войну на двух театрах — в Нидерландах и в Италии (Вальтелина), не говоря о тяжелой морской войне с голландским флотом и надвигавшейся войне с английским флотом. Польский король Сигизмунд III не мог предложить прежней помощи, так как силы его были теперь скованы Швецией. Тосканский герцог тоже был связан итальянской войной. Только новый папа Урбан VIII удвоил размер субсидии, установленный его предшественником, но это была капля в море. Войска императора

едва могло хватить для отпора вновь выступившему Бетлену Габору. Против Дании оставалась одна лишь армия Католической лиги под командованием Тилли, но она была уже весьма ослаблена чешско-пфальцской войной и численно уменьшилась. Как видим, авантюристический характер всего габсбургско-католического предприятия в этот период обнаружился с полной наглядностью. Казалось, дело католической реакции в Германии сорвалось.

Все долгое царствование Христиана IV Датского было фанатически посвящено одной мечте: вернуть Дании dominium maris Balthici. Он попеременно пробовал добиться решения этой задачи — то в союзе с Габсбургами против захватившей этот dominium Швеции, то, наоборот, в борьбе с Габсбургами, поскольку именно угрозы с континента принуждали Данию снижать зундскую пошлину и тем упускать потенциальное господство над балтийской торговлей, проистекавшее из обладания проливами. После Кальмарской войны со Швецией Христиан IV постепенно поворачивался ко второму пути. Его увлекают планы создания широкого датского предполья в Империю в виде ряда северонемецких духовных княжеств (архиепископство Бременское, епископства Верденское, Оснабрюкское, Хальберштадтское), которые он старался закрепить за своими сыновьями. Как обладатель герцогства Гольштейн он уже был членом Империи. Натиск католической реакции в Германии тревожил этого протестантского государя по чисто политическим причинам: он грозил утерей датских владений в Империи и крушением планов датской экспансии. Со своей стороны протестантские князья Германии были напуганы ходом католической реакции и, будучи сами бессильны, искали в датском короле покровителя, тем более что он был связан родственными узами с наиболее крупными из их числа: пфальцским, бранденбургским, саксонским, брауншвейгским, мекленбургским.

Мелкие протестантские князья Северо-Западной Германии, так называемого «нижнесаксонского военного округа», где бесчинствовали расквартированные в 1623—1624 гг. католические войска Тилли, сами выбрали весной 1625 г. окружным военным начальником Христиана IV Датского, т. е. отдались под его защиту. После некоторых колебаний Христиан IV принял избрание и встал на путь войны, ибо, как прежде Фридрих V Пфальцский, счел шансы на успех достаточно большими. Он рассчитывал более всего на английские субсидии, а также на поддержку голландцев и французов, на вспомогательное войско Мансфельда и Христиана Брауншвейгского, на выступление ряда немецких князей-протестантов, наконец, на вторжение в Германию с северо-востока шведской армии Густава-Адольфа, с которым вел на эту тему переговоры — и непосредственные, и через голландцев. Впрочем, и без шведов Христиан IV имел решающий перевес сил над баварско-католической армией Тилли, находившейся в Нижней Саксонии. Тщетно Католическая лига просила императора о финан-

совой помощи для найма дополнительных контингентов солдат — император ничего не мог дать. В мае 1625 г. Христиан IV направил Фердинанду II что-то вроде ультиматума: сообщение, что он как начальник «нижнесаксонского военного округа» решил прекратить разорительный постой войск Тилли в своем округе, а также требование, чтобы обещания, данные английскому королю относительно восстановления Фридриха V Пфальцского, были наконец выполнены. Фердинанд II ответил уклончиво, но одновременно от его имени Тилли потребовал, чтобы Христиан IV немедленно оставил, как иностранец, пост начальника «нижнесаксонского военного округа». В июне начались военные действия, вернее затихшие было действия разгорелись вновь. Христиан Брауншвейгский и Мансфельд с наемными войсками вторглись в кёльнскую область и Клеве. Одновременно сам Христиан IV с большой армией вступил в Гамельн. Известный нам маркграф Баден-Дурлахский тоже появился в Германии с войском, навербованным на английские деньги.

Некоторое изменение в баланс военных сил внесло то обстоятельство, что как раз в этот момент испанцы одержали крупную победу в Нидерландах. Мориц Оранский, неудачно ведший войну в Брабанте начиная с 1621 г. и с трудом сдерживавший натиск Спинолы, потерял важнейшую крепость — Бреду. Испанцы расценили это как решающую свою победу над голландцами (сам Мориц считал себя наголову разбитым и ненадолго пережил эту катастрофу) и поспешили прислать небольшое подкрепление войскам Тилли в Северо-Западную Германию. Однако и при этом положение имперско-католической армии, все-таки значительно уступавшей силам противника, оставалось в сущности безнадежным.

Спасение императору явилось как deux ex machina. Императорский камергер и член имперского военного совета Альбрехт Валленштейн — чех и протестант по происхождению, сделавший, однако, карьеру и обогатившийся на службе императору, немцам и католикам, — взялся не более не менее как безо всякой казны выставить армию в 40—50 тыс. человек. Этот фантастический проект выглядел бы просто нелепостью, если бы автором его не был военный, уже прославившийся как полководец во время операций в Моравии против чехов и венгров и затем разбивший Бетлена Габора. В самом деле, Валленштейн исходил из двух совершенно трезвых наблюдений над политической действительностью. Во-первых, как мы отметили, он был из тех, кто угадал революционные перспективы, таившиеся в чешском восстании, и поэтому-то, испугавшись этих перспектив, предпочел служить любым силам, направленным против восстания; война дворян против народа была в его глазах неизмеримо важнее всякой национальной или религиозной войны, — и в этом пункте он легко нашел общий язык со многими немецкими дворянами. Во-вторых, он учел и обобщил опыт Мансфельда и других полководцев, показывав-

ший, что армия может функционировать как перпетуум-мобиле, т. е. сама добывать деньги на свою оплату, да еще обогащать добычей и полководца и солдат, если она воюет одновременно и с вражеской армией, и с мирным населением, экспроприируя его имущество. Из этих двух предпосылок и родился проект Валленштейна: некоторые округа — прежде всего в мятежной Чехии, а затем и в других частях Империи, хотя бы и католических, всюду, где это окажется целесообразным с чисто полицейской точки зрения, — будут в назидание другим отданы под формирование войск. Опустошение и ограбление этих территорий заменит налоги, которых император не имеет права собирать с Германии. Солдаты получат жалованье (необычайно высокое, 2 флорина в неделю, не считая квартиры) из тех сумм, которые они же выколотят в виде контрибуций из населения в отведенном им для формирования округе. Таков был проект Валленштейна.

Другим членам имперского военного совета он показался чудовищным и абсурдным. Превратить саму Германию или часть ее в завоеванную разнузданными наемниками страну — для войны их же руками с внешним врагом! Однако Валленштейн нашел сочувствие у императора Фердинанда II. Посредником между ними выступил тесть Валленштейна императорский камергер Гаррах. Императорским приказом от 7 апреля 1625 г. Валленштейну было поручено приступить к формированию за свой счет армии, находящейся в непосредственном распоряжении императора, для начала численностью в 20—30 тыс. человек. При этом император и Валленштейн исходили из совершенно разных посылок, хотя выводы их и сошлись. Для Валленштейна и примкнувших к нему немецких дворян, не говоря о жажде личной военной наживы и славы, главные соображения или хотя бы психологические импульсы в пользу кровопускания населению Империи лежали в сфере внутриполитической. Для императора же все сводилось к внешней политике. Никакие исторические документы не подтверждают часто повторяемого мнения, будто император принял проект Валленштейна потому, что зависимость от Католической лиги его стесняла и он хотел «усилить» императорскую власть, создав армию, не зависимую ни от кого, кроме императора. Все это — патриотические бредни немецких историков. Фердинанд II принял проект Валленштейна именно потому, что он последовательно рассуждал и действовал не как германский король, а как император. Германия — это только трамплин ко всемирной державе и только временное (хотя бы и многовековое) убежище императора; теперь, когда настал решительный час, что из того, если часть Германии или даже всю ее придется высосать и умертвить для торжества над миром? Что из того, если посреди грядущей всекатолической европейской империи окажется в первое время зона пустыни — цена достигнутой победы? Совершенно безразличный к Германии, Фердинанд II побеспокоился только о наследственных габсбургских владениях: после того как формирующиеся

войска как саранча основательно обглодали Чехию, императорским указом было объявлено, что наследственные земли, «до настоящего времени постоянно и исключительно несшие на себе тяжесть содержания этой армады для защиты Империи, верных сословий и всего любезного христианства», слишком уже истощены, и поэтому впредь для формирования войск отводятся такие-то и такие-то округа Франконии и Швабии.

Страшно опустошив эти области Германии, армия Валленштейна двинулась к театру военных действий, продолжая все разорять на своем пути, через Гессен, Ганновер и Брауншвейг. Тем временем и приободрившийся Тилли действовал успешно в Вестфалии и Нижней Саксонии и занял все герцогство Брауншвейгское. Впрочем, между баварско-католической армией Тилли и имперской армией Валленштейна сразу возникло соперничество. Валленштейн уже вел себя заносчиво, как хозяин в Империи; оба предводителя проводили операции без общего плана, независимо друг от друга. Однако и их противникам недоставало единства. Христиан Брауншвейгский, Мансфельд и маркграф Баден-Дурлахский формально входили в «датское войско» и находились под командованием Христиана IV. Но в то время, как Христиан IV бился с Тилли в Нижней Саксонии, они вели, в сущности, самостоятельные действия в других местах. Впрочем, может быть, в этом сказалось смутное сознание той же идеи, что Империя может быть поражена только в войне на двух или нескольких фронтах. Христиан Брауншвейгский действовал в Вестфалии; он умер там весной 1626 г., оставив командование своему ученику, в дальнейшем сыгравшему большую роль, Бернгарду Саксен-Веймарскому. Маркграф Баден-Дурлахский оперировал в Мекленбурге и Померании. Мансфельд ринулся через Мекленбург дальше в Восточную Германию, на Эльбу, рассчитывая прорваться к прежним очагам борьбы — в Силезию, Чехию, Венгрию, тем более что Бетлен Габор, ободренный обстановкой, снова выступил против императора. Таким образом, война запылала по широкой периферии Германии, и имперско-католическим силам нелегко было угнаться за ее распространением. Валленштейн, считая наиболее опасным восточный фронт, устремился вслед за Мансфельдом, обогнал его и разбил его войско на Эльбе у Дессауского моста 25 апреля 1626 г. Однако Мансфельд быстро пополнил свою поредевшую армию новыми наемниками и обходным путем, преследуемый Валленштейном, все-таки прошел через Лаузиц и Силезию, оставив там часть войска во главе с младшим графом Турном, в Венгрию на соединение с Бетленом Габором. Но последний, несмотря на турецкую поддержку, уже затеял к этому времени новые мирные переговоры с императором и не был склонен к крупным операциям. Его отряды только разоряли территорию Словакии вместе с жадными до любой добычи солдатами Мансфельда, так же как и подоспевшего Валленштейна. Нечто подобное происходило и в Силезии, где осталась основная часть войск

Мансфельда. Ни одна сторона не имела долгое время решающего перевеса над другой. То же было и в Северо-Западной Германии. Христиан IV в течение 1625—1626 гг. вел упорную войну с Тилли. Ему приходилось действовать в очень трудной политической обстановке, среди бесконечных предательств мелких немецких князей и городов, хитривших, переходивших от одной воюющей стороны к другой, следуя своему подчас обманчивому политическому нюху. Так, герцог Брауншвейгский переметнулся на сторону Католической лиги, но выиграл только то, что его территорию вместо датчан стали грабить солдаты Тилли. Война шла с переменным успехом. До поражения при Луттере Христиан IV воевал не без успеха.

Как видим, на этом этапе обнаружилось, что и создание армии Валленштейна еще отнюдь не гарантировало императора от конечного поражения. Напротив, поражение все-таки неминуемо наступило бы, если бы ресурсы «датского войска» продолжали нарастать. Однако они как раз непоправимо убывали.

Уже колебания Бетлена Габора и протестантских князей в Германии, на которых, казалось бы, Христиан IV и его союзники могли твердо рассчитывать, хотя они и не были сами по себе решающим фактором, как барометр, отразили изменение международной погоды. Действительно, воинственный порыв антигабсбургских держав оказался исторически незрелым. Еще не было налицо всех предпосылок для всеевропейской антигабсбургской коалиции. Силы, толкнувшие Данию в войну, очень скоро отвернулись от нее и бросили ее на произвол судьбы.

Голландия, где с 1625 г. власть сосредоточилась в руках нового штатгальтера и главнокомандующего Фридриха-Генриха Оранского, ведя тяжелую войну с Испанией, не могла и думать о субсидиях датчанам. Ее военное положение в 1626—1629 гг. было настолько тяжело, что она сама нуждалась в помощи; ее артиллерия, составлявшая ее главную силу на море и на суше, принуждена была частично умолкнуть из-за недостаточного импорта селитры, которая раньше, до того как в 1625—1626 гг. вновь разгорелась затихшая было шведско-польская война, доставлялась преимущественно из Польши. Финансы были напряжены до крайности. В борьбе с поднявшими голову арминианами Фридрих-Генрих снова подчеркивал исключительно антииспанскую направленность своей внешней политики и должен был еще строже воздерживаться от вмешательства в германские дела.

Карл I Английский смог доставить датчанам лишь часть тех субсидий, которые им обещали он и его отец. Задуманная грандиозная внешняя политика, в целом весьма прогрессивная, оказалась не по плечу английскому абсолютизму, средства, отпускаемые парламентом, расходовались плохо, военно-морские экспедиции против Испании, предпринимавшиеся Бекингемом, неизменно завершались провалом. Пуританско-парламентская оппозиция нарастала. Конечно, она тем самым и мешала осуществлению

этой прогрессивной внешней политики, ибо парламент превратился в каменную стену, отделявшую короля от богатства Англии, от денег, без которых никакая внешняя политика вообще не была возможна, — но, с другой стороны, ясно, что главной помехой к осуществлению этой внешней политики был все же сам абсолютистский строй, неотвратимо порождавший оппозицию внутри страны; победи оппозиция — и буржуазно-республиканская Англия, разумеется, неизмеримо легче, чем феодально-абсолютистская, нашла бы внутри средства для разрешения внешних национальных задач. Парламент, созванный Карлом I в 1625 г., вместо требовавшегося 1 млн. ф. ст. вотировал всего 140 тыс.; в августе того же года, собравшись в Оксфорде, парламент выдвинул со своей стороны такие политические требования, что король поспешил его распустить; но в 1626 г. нужда в деньгах принудила его снова созвать парламент, однако вместо субсидий последний вотировал предание суду Бекингема и снова был распущен королем. Попытки Карла I получить деньги, минуя парламент, — путем «добровольных дарений» и принудительных займов — дали очень много дискредитировавших королевскую власть конфликтов, но очень мало доходов. Понятно, что в этих условиях Карл I не мог выполнять своих финансовых обязательств перед Христианом IV Датским. Впрочем, с невероятным упорством он и Бекингем старались и без средств провести в жизнь свои антигабсбургские замыслы. До 1626 г. безденежье английского короля еще не означало крушения всего плана, поскольку деньгами располагал французский король, — не зря Карл и Бекингем согласились на всяческую помощь французскому двору против его внутренних и внешних врагов по секретным статьям брачного договора между Карлом и Генриеттой-Марией: Франция казалась выгодным и надежным партнером по антигабсбургской политике.

Но именно Франция изменила в это время антигабсбургскому делу и сорвала его. Нет ничего ошибочнее представления, будто политика Ришелье, и внутренняя и внешняя, была всегда устремлена к единой цели. Напротив, она сначала полна метаний между диаметрально противоположными курсами, и даже приобретая понемногу определенную направленность, она до конца сохранит какую-то двуликость, тяготение к двойной игре. Через два года после начала своего правления Ришелье совершает неожиданный вольт и в глубочайшей тайне, предав своих союзников по войне с Испанией, перелетает вдруг из антигабсбургского лагеря в габсбургско-католический. История не находит оправдания этому зигзагу, только поссорившему Францию с теми друзьями, которым глубочайшие национально-государственные интересы все равно принудят ее снова протягивать руку всего через какие-нибудь два года. Но, не оправдывая его, можно попытаться объяснить этот зигзаг.

Несомненно, что прозорливый холодный ум Ришелье в 1626 г. недосчитывал уже всех шансов для окончательной и гарантиро-

ванной победы антигабсбургской коалиции, на которые он рассчитывал в 1624 г.; иначе Ришелье не покинул бы общий корабль. Но что же могло так изменить его оценку перспектив этого дальнего плавания? Разумеется, он учел и поражения голландцев, и ссору между английским парламентом и Карлом I, и рождение имперско-валленштейновской армии в Германии. Однако все это могло ухудшить прогноз, но не сделать его безнадежным: все эти беды можно было поправить с помощью денег; хотя бы и ценой величайшего напряжения финансовой системы, французское казначейство могло поддержать субсидиями и голландцев, и Карла I, и Христиана IV. Но был еще один пункт, в котором Франция ничем не могла помочь. Он, по-видимому, и сыграл решающую роль в трезвых расчетах Ришелье. Это — позиция Швеции.

Мы уже знаем гениальный тезис Ришелье, что разбить Империю удастся только в том случае, если она принуждена будет воевать сразу с двумя противниками — на западе и на востоке. Вся последующая политика Ришелье показывает, как незыблемо верил он в этот тезис. Напасть на Империю с востока могла только Швеция. Было слишком ясно, что попытка, подобная Мансфельдовой, организовать фронт в Восточной Германии путем, так сказать, «воздушного десанта» стратегически безнадежна: не имея тыла, не имея надежных коммуникаций для подвоза боеприпасов и продовольствия, такая армия, прорвавшись в Восточную Германию, могла бы некоторое время партизанить, но не могла стать большой наступательной силой. Судьба Мансфельда вскоре продемонстрировала это.

Иное дело, если бы шведы создали плацдарм на Балтийском побережье в Северо-Восточной Германии и, опираясь на морские коммуникации, повели наступление в глубь Империи. В сочетании с наступлением с запада это стало бы молотом и наковальней. Но Ришелье не имел возможности вовлечь Швецию в войну. В 1624—1625 гг. он еще надеялся, что это сделают англичане. Однако английская дипломатия довольно грубо и недальновидно сама оттолкнула Густава-Адольфа, отдав предпочтение датскому королю. Впрочем, есть много оснований полагать, что, предлагая в 1624 г. свои услуги в качестве главнокомандующего силами евангелического союза для вторжения в Германию, Густав-Адольф все равно не имел серьезных намерений, а преследовал преимущественно дипломатическую цель: подставить ножку своему сопернику — датскому королю. Дело в том, что он не мог отдаться войне с Империей, — Польша была свободна. Ее силы не были связаны в то время ни Турцией, поглощенной борьбой с Персией, ни Московским государством, залечивавшим свои раны. Сигизмунду III, по-прежнему считавшему себя законным королем Швеции, ничто не мешало бы ударить в спину Густаву-Адольфу, как только тот схватился бы с императором. И Густав-Адольф прекрасно понимал, что это неминуемо произойдет, если он первоначально не расправится с Польшей. Здесь лежала конечная при-

чина того, что он снова отвернулся от общеевропейской политики; английское увлечение Христианом IV дало ему только повод.

Формально Густав-Адольф не отверг голландского плана одновременного наступления двух армий — и датской, и шведской, но сообщил голландцам, что единственный путь, которым он может идти, это путь через Пруссию в Польшу и лишь после победы над Польшей — в Силезию. Если протестантские государи Европы не поддержат этого плана до июня 1625 г., сказал дополнительно Густав-Адольф бранденбургскому послу, и, в частности, не помогут ему овладеть Данцигом, он откажется от всякого участия в немецких делах и будет самостоятельно воевать с Польшей[15]. Тщетны были все усилия европейских дипломатов отклонить его от Польши к Германии — усилия, за которыми Ришелье, разумеется, зорко следил. В июле 1625 г. Густав-Адольф начал военные действия в Ливонии против поляков. В протестантском конгрессе в Гааге, созванном в ноябре 1625 г. Англией и Голландией, он не принял участия, — после чего и состоялось формальное подписание известного нам англо-голландско-датского соглашения. В начале 1625 г. Густав-Адольф перенес военные действия в Пруссию, и шведско-польская война теперь разгорелась с полной силой. Густав-Адольф не только не пошел из Пруссии, как еще надеялись, на соединение с Мансфельдом, хотя вполне мог это сделать, но даже пытался отвлечь Мансфельда и Бетлена Габора от войны в Германии и привлечь их к войне против Польши. В одном из писем Бетлену Габору, перехваченном поляками, он объяснял, что ослабить Польшу значит ослабить и габсбургский лагерь, ибо Польша не только преследует те же цели, что Испания и Австрия, но и получает от этих двух держав прямую поддержку; поэтому выступление Бетлена Габора против Польши не было бы изменой его союзникам в Германии, но, напротив, принесло бы им косвенную пользу, а расправившись с Польшей, Густав-Адольф и Бетлен Габор вместе вторглись бы в наследственные земли габсбургской монархии[16]. Несомненно, что Густав-Адольф верил в возможность быстрого разгрома Польши. Но не только Ришелье понимал, какое кардинальное значение для всего хода войны в Германии имело бы вступление в войну Швеции. Это понял и Валленштейн. Лучше, полагал он, оказать сейчас военную помощь Сигизмунду III, чтобы Густав-Адольф надолго увяз в Польше, чем в недалеком будущем встретиться с ним в Германии. И вот, несмотря на напряженную борьбу с врагами императора, Валленштейн приказывает одному из своих военачальников, Пехману, и герцогу Гол-

---

[15] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. II, с. 196.

[16] Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, изданные Г. Форстеном, вып. I, СПб., 1889, с. 260 и след.; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. II, с. 202—205.

нтейнскому выделить войска для направления в Польшу и Пруссию в помощь Сигизмунду III. Позже командование имперскими войсками в Польше было поручено полковнику Арниму. И при испанском дворе поняли потенциальное значение Швеции для исхода войны в Империи — Филипп IV направил к Сигизмунду III особую миссию с обещанием прислать корабли и другую помощь, если Польша будет продолжать воевать с Швецией. И в самом деле Сигизмунд III, едва ли уже не считавший себя погибшим, воспрянул от этой поддержки и теперь гордо отвергал все попытки примирения его с Густавом-Адольфом, предпринимавшиеся голландскими и другими посредниками. Наконец, габсбургской дипломатии удалось принудить к выступлению на стороне Польши курфюрста Бранденбургского, — но он, впрочем, был очень скоро разбит Густавом-Адольфом. Во всяком случае Густав-Адольф надолго и всерьез увяз в войне с Польшей.

Все это было еще в значительной мере впереди, когда Ришелье угадал, что шведский козырь выпал на этот раз из рук и уже не сыграет решающей роли в ближайшей западноевропейской игре. Вот что должно было изменить в его глазах весь прогноз. Раз нет шансов на победу над императором, значит бесперспективна и борьба с Испанией, с габсбургско-католическим фронтом в целом.

Забыв о национальных интересах Франции, Ришелье устремляется, очертя голову, в старое, казалось бы, уже совсем опороченное, русло — в русло примирения с габсбургско-католическим фронтом. В марте 1626 г. он заключил в Монсоне договор с Испанией, ошеломивший всю Европу и более всего союзников Франции — правительство Венецианской республики и савойского герцога Карла-Эммануила, которые, не подозревая о мирных переговорах, вели военные действия против испанских войск. Это было предательство, о котором Ришелье скоро пожалел, ибо уже в 1628 г. ему пришлось возобновить войну с Габсбургами в Италии, — но обманутые друзья к нему уже не вернулись. Не довольствуясь дипломатическим примирением, Ришелье захотел дать доказательства своей приверженности делу католической реакции: он начал наступление на гугенотов внутри Франции. Если до 1626 г., как и позже, начиная с «Эдикта милости» 1629 г., гугенотство интересовало Ришелье исключительно с политической стороны, как организационная форма феодальной оппозиции абсолютизму, и совершенно не трогало его как вероисповедание части французского населения, то в 1626—1628 гг. нельзя не заметить аффектированной религиозной нетерпимости в его отношении к гугенотам. Это была цена взаимопонимания и контакта с католическими державами.

Измена Франции поставила Карла I Английского и Бекингема не только в отчаянное, но и в смешное положение. Ведь они обязались по тайной статье брачного договора не более не менее как помочь Людовику XIII в борьбе с Ла-Рошелью и другими гу-

генотскими крепостями, — они имели в виду укрепить положение союзной антигабсбургской монархии, а оказались теперь соучастниками католической реакции! Отказ же от выполнения этой статьи означал бы войну с Францией. Карл I и Бекингем, имея на руках войну с Испанией, все же решились с 1627 г. начать военные действия против Франции. Несомненно, что они еще наивно надеялись силой оружия вернуть Францию на прежнюю стезю и тем восстановить антигабсбургскую коалицию. Но пока что они сами принуждены были забыть о поддержке Дании, о фронте в Империи, о несостоявшемся евангелическом союзе. Все силы, какими еще располагала английская монархия, были сконцентрированы на войне с испанцами и французами.

Итак, военный союз Англии, Франции, Голландии, Дании, Савойи и Венеции против Габсбургов отцвел, не успев расцвести. Открытый англо-французский разрыв еще был далеко впереди, когда факт развала коалиции стал очевиден и дал конкретные плоды на германском театре военных действий. Можно сказать, что Христиан IV проиграл войну в тот момент, когда Ришелье решился начать тайные переговоры о мире с Испанией. Контрреформация в Германии была, таким образом, в 1624—1626 гг. только задержана, но не предотвращена. Габсбургско-католическая агрессия могла теперь развиваться дальше по своей внутренней логике.

Еще до того, как «датское войско», лишившееся денежной поддержки европейских держав, было раздавлено и изгнано из Германии, габсбургско-католический лагерь воспрянул духом. Это выразилось в созыве в Брюсселе знаменательного испано-германского конгресса, своего рода ответа на конгресс протестантских государств, состоявшийся в Гааге в ноябре-декабре 1625 г. Брюссельский католический конгресс происходил с мая по октябрь 1626 г., но делегаты начали съезжаться еще в январе, т. е. когда едва забрезжил успех франко-испанских мирных переговоров. Главная задача этого конгресса состояла в том, чтобы открыто и окончательно слить в единое целое политику Испании и императора. До этого испано-голландская война формально была совершенно не связана с германскими делами, и вообще оба хищника, нуждавшиеся друг в друге и орудовавшие совместно, еще по внешности все-таки соблюдали независимость. Но вот основные препятствия, по-видимому, рухнули перед ними — пришло время сбросить маски, продемонстрировать перед всем миром свое неразрывное единство и тем сделать первый открытый шаг к установлению всемирной католической державы. После отступничества Франции Габсбурги могли не опасаться сопротивления в Южной Европе и имели противников только в лице четырех северных протестантских государств: Англии, Голландии, Дании и Швеции. Какая великая польза ожидает все христианство, воскликнул на конгрессе один из советников инфанты Изабеллы, если бы удалось обратить все проекты и замыслы Англии и Гол-

ландии «в дым и в ничто». Практически главная задача заключалась в войне с Голландией и с Данией.

Французский наблюдатель доносил в Париж с Брюссельского конгресса, что намерением габсбургских держав является захват голландских и ганзейских портов и создание там своего мощного флота с целью не только захватить монополию в морской торговле, «но также завоевать то, чего они не имеют, и отвоевать то, что они потеряли». Поэтому, продолжает донесение, они так воодушевлены желанием атаковать всеми своими силами датского короля и изгнать его из Нижней Саксонии: в случае успеха «вся побежденная Германия послужит им подножием, чтоб подняться, или вернее крепким и надежным фундаментом, на котором они возведут свое монархическое здание и восторжествуют наконец над всем христианским миром» [17].

Уполномоченный императора на конгрессе Шварценберг настаивал на помощи Испании Фердинанду II, который не сможет справиться один с Данией и с враждебными движениями внутри Германии, втайне поддерживаемыми протестантскими государствами. Инфанта и представители Филиппа IV, со своей стороны, сообщили, что Испания готова заключить союз с императором и Католической лигой (вернее, с Максимилианом Баварским) против Дании и всех врагов Империи и для начала доставить Тилли 6000 пехоты, 1200 конницы и некоторое число пушек, а в дальнейшем и деньги, — но за это в свою очередь просит Империю помочь против голландцев, а именно предоставить испанскому флоту какой-нибудь порт на Балтийском побережье, предпочтительно Любек, откуда Испания могла бы пресечь балтийскую торговлю голландцев и тем обескровить их, лишить источника доходов.

В самом деле, хотя Филипп IV усиленно готовился к дальнейшей сухопутной и морской войне с голландцами, хотя он и грозил, что вооружается для последнего возмездия, дабы «нагнать ужас на тех, кто надеялся внушить ему страх», — он и Оливарес понимали, что фронтальной атакой им Голландию не сломить: финансовый, а значит и военный потенциал Голландии был в конце концов слишком велик. Надо было сначала подрезать голландское богатство, надо было действовать обходным путем. А главное богатство Голландии в XVII в. заключалось в ее балтийской торговле, которую тогда называли «матерью всех коммерций». Мы уже указывали причину этого факта: огромную разницу между ценами на товары в Западной Европе, взвинченными «революцией цен», и в Восточной Европе; посредник — а Голландия была главным посредником — забирал в виде торговой прибыли огромную массу денег, которые испанцы, португальцы, французы выколачивали из колоний. Пока в руках голландцев был этот источник богатства, они оставались непобедимыми. Кто

[17] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. II, с. 228 (примеч.).

мог бы перехватить у них роль посредника? Еще в 1625 г. Оливарес выдвинул проект возродить для этой цели захиревший Ганзейский союз северогерманских городов, поставив, однако, его под полный контроль императора, или, точнее, имперско-испанской «торговой компании». Империя не имела флота, Испания же могла немедленно провести в ганзейские порты свои корабли, пресечь голландскую торговлю и обратить на нужды габсбургско-католического универсализма неисчислимые барыши от балтийской торговли. Став с помощью ганзейских городов экономическими хозяевами Балтики, Габсбурги одолели бы всех своих северных противников: Голландия обеднела бы и пала; Дания лишилась бы господства над Зундом; Швеция принуждена была бы принять своего «законного» короля Сигизмунда, а вместе с ним и католицизм; наконец, и Англия лишилась бы своих торговых доходов и тоже должна была бы смириться. Собственно говоря, именно для обсуждения этого проекта Оливареса[18] Испания первоначально и предложила созыв Брюссельского конгресса, ибо для его осуществления, в частности для получения согласия ганзейских городов, требовалось давление со стороны императора. Момент казался подходящим: никто не придет на помощь ганзейцам, если они станут противиться, ибо Англия не справляется даже с обещанной помощью датчанам, Дания уже с головой увязла в войне, что же касается Швеции, то, чтобы сковать ее силы и внимание, достаточно будет всеми мерами поддерживать Сигизмунда III в Польше и тем затягивать его войну с Густавом-Адольфом.

Император Фердинанд II охотно принял испанские предложения. И все же Брюссельский конгресс, конгресс сплочения и консолидации габсбургско-католического фронта, конгресс, поднявший знамя агрессии, открыто обсуждавший множество воинственных проектов покорения всего мира, вплоть до проекта посылки эскадры в Белое море и Архангельск для пресечения голландской торговли с московитами[19], обнаружил и глубокие противоречия в стане агрессоров. Иначе и не могло быть. Выше уже было сказано, что именно балтийский вопрос должен был поссорить обе габсбургские державы и именно в тот момент, когда они приблизятся к торжеству и перед ними раскроются вожделенные просторы мирового господства. Правда, прежде всего на Брюссельском конгрессе бросается в глаза соперничество Испании и Баварии — из-за дележа Пфальца, а еще более из-за дележа влияния на императора. Но если Максимилиан Баварский выступает антагонистом мадридского двора, то не потому, что он чужд габсбургскому универсализму и католической реакции, а потому, что он рискует в противном случае потерять свое влия-

---

[18] *Mareš F.* Die maritime Politik der Habsburger in den Jahren 1625 bis 1629. — In: «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», Bd. 1—2. Wien, 1880—1881.

[19] Акты и письма к истории Балтийского вопроса..., вып. I, № 126 (с. 302—307).

ние в Германии, где среди дворянства зарождается недружелюбие к Испании и растет популярность его соперника — Валленштейна. «Торговая компания» Оливареса удовлетворяла интересы Габсбургов, но обнажала вопрос о том, какая из двух сторон, испанцы или немцы, пожнет материальные плоды балтийской монополии, — ведь среди тех и других было достаточно людей, которым собственные экономические или национальные политические интересы представлялись гораздо важнее нужд «всекатолической монархии». На Брюссельском конгрессе стало очевидно, что испанцы хотели бы только использовать императора для того, чтобы утвердиться на Северном побережье Европы и, сломив Голландию, захватить ее торговлю. Но в том, что намечал Оливарес в своем проекте, уже таилась и возможность другого результата: пора лишить Голландию и Зеландию, писал он, их богатства и значения; если бы удалось забрать в свои руки их торговлю, сокровища Индий наполнили бы собой не только Испанию, но и всю Европу[20]. Да, сокровища Индий могли бы оказаться вообще перекачанными из Испании, скажем, в Германию. Для этого достаточно было осуществить проект Оливареса с одной поправкой: не приглашать в северогерманские порты испанский флот, а соорудить там немецкий флот. Именно так вскоре и попробовал обернуть результаты Брюссельского конгресса Валленштейн. Таким образом, испанцы и немцы, шествуя под одним знаменем, весьма косо посматривали друг на друга. Это и было глубокой основой тех столкновений, которые разыгрались на дипломатической поверхности во время Брюссельского конгресса.

Конгресс закончился далеко не так эффектно, как хотели бы его устроители. Три главных участника — Испания, император и Бавария — не достигли полного согласия, напротив, Испания с Баварией изрядно перегрызлись, и конгресс в конце концов затух среди лабиринта проблем и проектов, несмотря на все старания Шварценберга продлить его существование. И все же не следует недооценивать значение этого конгресса. Он символизировал перелом в ходе Тридцатилетней войны: плотины на пути контрреформации в Германии прорваны, поток устремляется вперед, и уже вырисовывается на горизонте то безбрежное море, в которое устремляется этот поток — всемирная империя. Пролог Тридцатилетней войны приближается к концу.

Осенью 1626 г. Тилли и Валленштейн действовали в Германии согласованно. Напротив, «датское войско», лишившись питательных соков в виде иностранных субсидий, распадалось буквально на глазах. 27 августа 1626 г. Тилли при поддержке отряда, присланного ему в помощь Валленштейном, разбил в битве при Луттере Христиана IV, после чего последний лишился всей Северо-Западной Германии. Армия Мансфельда, зашедшая в ту-

---

[20] *Mareš F.* Op. cit., S. 544—545.

пик в Юго-Восточной Германии, перестала существовать к весне 1627 г. Бетлен Габор отказал ему во всякой дальнейшей поддержке, заключив в декабре 1626 г. новый мир с императором. Сам Мансфельд умер в одиночестве где-то в Боснии, пытаясь пробраться кружным путем к Христиану IV. Сборные войска его частью разбрелись, остатки же некоторое время держались в Силезии и в конце концов, теснимые Валленштейном, кое-как отступили в Мекленбург и затем соединились с Христианом IV. По их следам Валленштейн ворвался в Мекленбург и разбил там армию маркграфа Баден-Дурлахского. Таким образом, и Северо-Восточная Германия была очищена, угроза войны на нескольких фронтах отпала, перед имперско-католическими войсками остался один фронт: армия Христиана IV на севере. Положение его было безнадежно. Он оказался зажатым в клещи: на левом фланге — Тилли, опиравшийся на оккупированные Брауншвейг, Бремен и Люнебург, на правом фланге — Валленштейн, опиравшийся на оккупированные Мекленбург, Померанию и Бранденбург, который он, кстати, занял и опустошил без малейшего повода, ибо курфюрст Бранденбургский Георг-Вильгельм оставался верен императору. Теснимый этими клещами, под угрозой полного разгрома Христиан IV в 1627 г. отступал туда, откуда пришел, — сначала в Гольштейн и Шлезвиг, а затем и в глубь Дании. В сущности уже в 1627 г. датская война закончилась. Только ее финал еще немного затянулся.

Долгожданный час габсбургских вожделений наступил. Никакая сила не стояла больше на пути к мировой всекатолической империи. Правда, подготовительный этап угрожающе затянулся, прошло целых десять лет с тех пор, как сокрушительная лавина контрреформации в Империи сдвинулась с места, но сначала натолкнулась на сопротивление Чехии, затем была задержана датским вмешательством. Однако, хотя темп был потерян, казалось, что теперь все-таки все затруднения позади. Осталось довершить лишь разгром беспомощного протестантизма в Германии и придушить обессилевшую, но все еще сопротивлявшуюся Голландию.

С 1627 г. контрреформация в Германии пошла, как мы видели, стремительно. Уже осенью 1627 г. на съезде курфюрстов в Мюльхаузене католическая партия, вдохновляемая папским нунцием Карафой, сформулировала программу-минимум, которая позже была декларирована императорским Реституционным эдиктом 1629 г.: для начала все духовные княжества и владения, секуляризованные после 1552 г., должны быть возвращены католикам. Фактически это должно было повлечь за собой полную отмену Реформации в Германии. Тогда же, с осени 1627 г., эта программа стала проводиться в жизнь императором; он немедленно приказал Вюртембергу, Страсбургу, Ансбаху, Нюрнбергу и ряду других княжеств и городов возвратить секуляризованные духовные владения; протестантские «администраторы» изгонялись из

духовных княжеств и т. д. Надежды саксонского курфюрста, что его за активную поддержку императора католическая реакция оставит в покое, были, конечно, построены на песке. Иезуиты, Карафа, Католическая лига и Фердинанд II в 1628 г. быстро и беспрепятственно восстанавливали в Германии тот единообразный католический церковный порядок, который существовал более 100 лет назад, в начале царствования Карла V.

В этот момент особенно ясно обнаружилось, что Фердинанд II был только «вселенским императором» и не собирался сделаться германским монархом. Союз императора с Валленштейном был чисто временным и чисто внешним. Конечно, они делали взаимные уступки. Валленштейн тешил императора уверениями, будто после покорения Германии он всерьез собирается заняться установлением универсальной империи в Европе и даже организовать крестовый поход на Константинополь, а император потакал не только алчности и честолюбию Валленштейна, но и нарушениям имперской конституции именем и властью императора. Однако император нуждался в Валленштейне только в минуты своей слабости, а теперь, приблизившись к торжеству, он лишь тяготился той низменной военно-материальной силой, которую Валленштейн ему доставил, той слишком «обыкновенной» государственной властью, которая унижала его сверхгосударственную природу. Теперь он был силен именно как император и сам отказался от какого-либо умаления прав князей, хотя именно теперь никто не мог ему в этом воспрепятствовать.

В то время, когда в окружении Валленштейна уже открыто говорили, что бедствия Германии не прекратятся, пока хоть одному из курфюрстов не будет отрублена голова, что Валленштейн научит курфюрстов почтению и вежливости, Фердинанд II торжественно гарантировал мюльхаузенскому съезду курфюрстов осенью 1627 г., что он не имел и не имеет никаких намерений, направленных против князей и политического строя Германии, а ограничится исключительно борьбой за католицизм. Со своей стороны масса немецких дворян и отчасти мелких князей, шарахнувшихся было в сторону Валленштейна в тот момент, когда император увяз в затруднениях, а поведение народных масс в Германии стало угрожающим, теперь, с забрезжившей победой, стала понемногу снова отходить от него, — ибо именно дальнейшее «вознесение» императорской власти, тем более в случае расширения пределов Империи, сулило им увеличение их собственной реальной власти над своими «подданными». Князья с осени 1627 г. подают императору жалобы на страшные грабежи и притеснения, чинимые в разных частях Германии войсками Валленштейна, которые росли как снежный ком, превысив к 1628 г. 100 тыс. человек, причем многие из них, уже пролив немало крови мирного населения в Германии, еще ни разу не участвовали в войне. Курфюрсты настойчиво просили о роспуске армии Валленштейна.

Если Фердинанд II не дал им тогда же этого последнего доказательства своей лояльности, затянув это до 1630 г., то не потому, что он колебался, и не потому, что армия Валленштейна была нужна, по его мнению, для Германии, а потому, что она нужна была для Испании, точнее — для всеевропейской контрреформации. Ведь он обещал Филиппу IV способствовать осуществлению проекта Оливареса, дабы общими силами задушить Голландию, оплот кальвинистской ереси. Если Христиан IV Датский все еще не просил мира, то исключительно потому, что он еще держался за продолжавшую бороться Голландию. Осуществление проекта Оливареса покончило бы сразу и с Голландией, и с Данией. Попытки чисто политического давления на ганзейские города не дали результатов. Правда, сначала Шварценберг, посланный императором в Любек уговорить ганзейцев открыть свои порты (будто бы в целях возрождения величия Ганзы) имперско-испанскому флоту и закрыть их для всех врагов Габсбургов, посылал очень оптимистические донесения. Однако понемногу выяснилось, что ганзейские города, оттягивая ответ под предлогом созыва ганзетага, уже втайне решились ни в коем случае не подчиняться императору и ориентировались на помощь Голландии, Дании, Швеции и Англии в случае нарушения их нейтралитета. Значит, требовалось сломить их силой, тем более что возникло опасение, как бы они не оказались «новой Голландией». Эта миссия и возлагалась на армию Валленштейна. Сам же Валленштейн опять-таки вложил в эту миссию совсем иное содержание, чем император.

Ссылаясь на то, что требование допустить испанский флот в немецкие воды было бы очень непопулярно и затруднило бы задачу, Валленштейн добился у императора хитроумного постановления: в Балтийском море будет построен новый флот, формально находящийся исключительно под командованием императора и Валленштейна, как его адмирала; Испания приглашается дать деньги и инструкторов для строительства этого флота и в силу этого будет чувствовать себя в дальнейшем в известной мере его хозяином. Испанское правительство принуждено было принять этот проект. Оно согласилось ежегодно доставлять императору значительную сумму на постройку флота и другие военные расходы при условии, что голландцы будут преданы императорской опале, окончательный мир будет заключен только со включением в него Испании, после войны императорский и испанский флоты в Балтийском море будут разделены. Валленштейн, мало помышляя об этом будущем, с огромной энергией принялся за строительство и собирание кораблей, укрепляя гавани, проектировал прорытие Кильского канала, намечал уничтожение ганзейского и всякого иного флота, который мог претендовать на балтийскую торговлю, в том числе и шведского. Перед «генералом Океанического (т. е. Северного) и Балтийского морей», как титуловали Валленштейна с апреля 1628 г., рисовалась захваты-

вающая перспектива: вскоре имперский флот станет единственным хозяином «матери всех коммерций», и гигантская сумма «зундской пошлины», а также вся торговая прибыль, извлекаемая из балтийской торговли голландцами, шведами и ганзейцами, плюс та надбавка к ней, которую можно будет взять благодаря полной монополии с испанских и других европейских потребителей, — все это несметное богатство потечет в германскую казну и превратится в военно-политическое могущество.

Некоторые приморские города в Северной Германии уже покорно предоставили Валленштейну свои гавани и корабли. Однако ему нужен был для начала хотя бы один первоклассный порт, и он нацелился на Штральзунд в Померании. Штральзунд оказал сопротивление. Тогда в мае 1628 г. Валленштейн дал приказ своим основным силам, опустошавшим в это время Померанию, начать осаду Штральзунда. Этой осаде суждено было сыграть роль поворотного пункта в истории Тридцатилетней войны — она явилась финалом датской войны и в то же время всей второй половины Тридцатилетней войны.

Жители Штральзунда рассчитывали, разумеется, на помощь извне. Валленштейн учитывал такую опасность. Кто мог вмешаться? Конечно, Дания, которая еще находилась в войне с Империей, — Валленштейн сам искал возможность нанести ей последний удар. Англия не могла воевать, Голландия изнемогала в войне с Испанией, ганзейские города были бессильны и прислали штральзундцам только небольшую денежную помощь. Оставалась еще Швеция. Валленштейн все время понимал, что вмешательство Густава-Адольфа в германские дела продолжает оставаться смертельной стратегической угрозой, против которой у него нет верного средства и которая способна сорвать и разрушить все его планы. Мысль о шведском короле преследовала его, он гадал с астрологами по звездам о судьбе Густава-Адольфа, обещал тому, кто убьет его, 35 тыс. талеров. В 1627 г. Валленштейн пытался предотвратить опасность, предложив Густаву-Адольфу союзный договор, но сам же нетерпеливо сорвал переговоры своими приказами сжигать шведские корабли у померанских берегов. Он писал полковнику Арниму: «Со шведами у нас нет никаких договоров; Густав-Адольф любит всех водить за нос, полагаться на этого государя нельзя: раз он удовольствуется своим собственным государством, ему нечего высылать свой флот в море; если же у него какие-нибудь виды на нас, очень важно вредить ему; не теряйте времени, ничего не жалейте» [21].

Собственно говоря, полковник Арним для того и находился в Померании, чтобы предотвращать угрозу шведского вмешательства, оказывая оттуда непрерывную помощь вспомогательными отрядами Сигизмунду III. Послы осажденного Штральзунда молили Густава-Адольфа о помощи, говоря, что имперские полко-

---

[21] Цит. по: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос...», т. II, с. 284.

водцы намереваются использовать их гавань для строительства армады, дабы господствовать на Балтийском море, подчинить все северные государства и всюду ввести католицизм. Густав-Адольф и сам понимал это, он не мог больше воздерживаться от противодействия габсбургской агрессии на Балтийском море. Но он был по-прежнему связан войной с Польшей. Правда, на дипломатическом горизонте появился благоприятный проблеск: имелись достоверные данные, что Московское государство, уже оправлявшееся после пережитых потрясений, склонно возобновить войну с Польшей до истечения срока Деулинского перемирия. В таком случае силы Сигизмунда III были бы отвлечены от Швеции. Может быть, именно в связи с этой надеждой Густав-Адольф решился внять голосу штральзундцев и направить все же против Валленштейна в Померанию некоторую часть своих войск, хотя и не объявляя формально войну императору и не прекращая, а только несколько ограничив военные действия против Сигизмунда III в Пруссии. Предварительно он вступил в переговоры со своим конкурентом датским королем Христианом IV и договорился, что тот также пришлет помощь Штральзунду.

Христиан IV прибыл с флотом в померанский город Вольгаст, занял его и направил в Штральзунд свой гарнизон. Густав-Адольф также прислал войско и артиллерию, гарантировав городу неприкосновенность всех его прав. Осада Штральзунда затянулась на несколько месяцев. Валленштейн, хотя ему и удалось выбить Христиана IV из Вольгаста, был вне себя и метался в поисках выхода. Он то соблазнял штральзундцев обещаниями амнистии и неприкосновенности протестантизма, то пытался сломить их, обрушив на город всю силу своей артиллерии. В один прекрасный день он даже послал Густаву-Адольфу подложную депешу от имени Христиана IV, в которой тот будто бы извещал Густава-Адольфа, что, дескать, дела датчан против Империи идут хорошо, шведская помощь больше не требуется и Швеция может спокойно обратить все свои силы против Польши. Густав-Адольф разгадал подлог и с тем же гонцом в запечатанном конверте на имя Христиана IV ответил Валленштейну бранью, приведшей того в неистовство[22]. В конце концов осаду Штральзунда пришлось прекратить. Шведский гарнизон остался в городе. Валленштейн должен был согласиться на мирные переговоры с Данией, завершившиеся 12(22) мая 1629 г. подписанием Любекского мира, по которому Христиан IV отказывался впредь от вмешательства в дела Империи, но сохранял все свои прежние владения. Курфюрсты торжествовали, ибо окончание датской войны лишало существование валленштейновской армии последнего формального основания.

---

[22] Акты и письма к истории Балтийского вопроса..., вып. II, с. 95—96; *Hoppe J.* Geschichte des ersten schwedisch-polnischen Krieges in Preussen. Herausgegeben von M. Toeppen, Bd. 1, Leipzig, 1887, S. 621—623.

Неудача осады Штральзунда доказала императору неосуществимость в настоящий момент проекта Оливареса. Замыслы же Валленштейна сами по себе были ему абсолютно чужды и теперь только мешали его дружбе с Католической лигой и всему делу католического универсализма. Тщетно Валленштейн мобилизовал все свое влияние при дворе и всех давно купленных им министров, чтоб заставить императора приняться за насильственную реорганизацию политического строя Германии вместо того, чтобы отдаваться в руки католических князей, папства и Испании в погоне за церковной контрреформацией. Император остался императором. Теперь его пути с Валленштейном разошлись. Духовник Фердинанда II иезуит Ламормэн пересилил всех министров. 6 марта 1629 г. был опубликован Эдикт о реституции, т. е. восстановлении прав католиков над множеством секуляризированных протестантами после 1552 г. аббатств, приорств, епископств, архиепископств; протестантские области Германии были обречены на ту же судьбу, которая постигла Чехию. В мае 1629 г. значительная часть валленштейновской армии, так дорого обошедшейся Германии — около 30 тыс. человек, — была отправлена на помощь испанскому королю Филиппу IV в Италию (в то время как 10 тыс. уже оказывали помощь Сигизмунду III в Польше). А еще через год и сам Валленштейн был формально уволен в отставку.

Борьба за мировую габсбургскую империю вступала в последнюю фазу. Международная атмосфера сулила победу. Только несколько облаков виднелось на горизонте, — но кто в лагере агрессии мог бы угадать, что очень скоро они сгустятся в черную грозовую тучу над головами Габсбургов?

Два человека верно оценили в 1628 г. значение вмешательства Густава-Адольфа в осаду Штральзунда. Это были Валленштейн и Ришелье. Валленштейн, и уходя в отставку, знал, что именно шведские дела призовут его обратно. Что касается Ришелье, то новое поведение шведов тотчас отразилось на колебаниях стрелки его политики. Раз есть симптомы, что обернуть Густава-Адольфа против Империи не безнадежно, — почему не вернуться к старым планам? Он сразу понял, что слишком поспешил со своим отступничеством. Оно успело причинить национальным интересам серьезный ущерб: воспользовавшись моментом, Оливарес укрепил влияние Габсбургов в Италии и настолько ослабил там позиции Франции, что восстановление вальтелинского моста для габсбургских войск стало уже вопросом ближайшего времени. В 1627 г. умер герцог Мантуанский из дома Гонзага, и его наследство должно было перейти к французу — герцогу Шарлю де Неверу. Чтобы не допустить французского влияния в Италии, Испания поддержала оружием претензии другого наследника, а также ставшего врагом Франции Савойского герцога Карла-Эммануила, оторвавшего от наследства в свою пользу значительную часть маркизата Монферрато; император тоже присоеди-

нился к этому захвату «мантуанского наследства». Габсбурги были уверены, что Франция молча проглотит обиду. Однако Ришелье уже был вдохновлен новыми перспективами. Борьба с Габсбургами возможна! Эта мысль, несомненно, руководила им, когда он, едва покончив с осадой гугенотской Ла-Рошели, вопреки всем ожиданиям и снова ошеломив Европу крутым поворотом своей политики, ринулся вдруг весной 1629 г. во главе французской армии через Альпы в Италию. Мир с Испанией был нарушен так же неожиданно, как и заключен. Прорвавшись через Сузское ущелье, Ришелье нанес ряд поражений испанским и савойским войскам и овладел крепостью Касале. Там же, в Италии, он поспешно подписал в апреле 1629 г. мир с Англией. Император Фердинанд II направил в Италию свои войска, оккупировавшие по дороге Вальтелину.

Итак, война абсолютистской Франции против Габсбургов, война, которая завершится только Вестфальским и Пиренейским мирами, началась, — хотя полный размах она приобретет лишь с 1635 г. Пока Ришелье не мог, да и не хотел полностью отдаться ей. Всеевропейская антигабсбургская коалиция существовала еще только в его сознании. Из Италии ему пришлось на время вернуться во Францию, чтобы развязаться с неоконченной гугенотской войной — тем более что Испания, оплот католической реакции, не погнушалась заключить теперь тайный союз с французскими еретиками-гугенотами. Но это дело заняло его недолго: сама логика вещей подсказала ему быстрейший способ умиротворить и обезвредить гугенотов, даровав их основной массе веротерпимый «Эдикт милости». Затем он смог вернуться в Италию.

Ришелье был осторожен и, начав новую политику, продолжал одновременно и старую. Его посланники в Германии попрежнему заверяли отнюдь не протестантских, а католических князей, в первую очередь Максимилиана Баварского, в дружбе Франции и ее преданности интересам Империи и католической реакции. Ссора французского короля с Габсбургами, в особенности с императором Фердинандом II, рисовалась перед общественным мнением чем-то настолько случайным и преходящим, что папа Урбан VIII наивно взял на себя роль мирного посредника, чтобы рассеять это маленькое облачко. На самом деле Италия с 1628 г. стала одним из важных театров Тридцатилетней войны, и некоторые историки даже предлагают выделять особый «итальянский период» в истории Тридцатилетней войны[23]. А из вмешательства Ришелье в спор о «мантуанском наследстве» выросла руководящая роль Франции во всей великой антигабсбургской войне.

Что касается Англии, то она, хотя и заключила весной 1629 г. мир с Францией, именно с этого времени, по существу, исчезла

---

[23] *Quazza R.* Il periodo italiano della guerra dei trent'anni. — In: «Rivista storica Italiana», 1933, t. 1.

с горизонта европейской политики. Сначала после заключения мира Карл I хотел было продолжать войну с Испанией и выступить против Империи в союзе с Голландией, Францией и Швецией; он даже послал флот в устье Эльбы. Однако очень скоро пришлось не только отказаться от этих начинаний, но и заключить (в 1630 г.) мир с Испанией, бросив на произвол судьбы злополучного курфюрста Пфальцского и всех своих союзников. Дело в том, что последняя попытка Карла I получить деньги от парламента, созванного в 1628—1629 гг., дала вместо денег «Петицию о праве». Революция стала неизбежной. Карл I купил десятилетнюю отсрочку внутренней катастрофы ценой отказа от какой бы то ни было внешней политики: только это дало ему возможность не созывать парламента и продлить дни английского абсолютизма, поставив Англию в своеобразное искусственное положение государства, не ведущего никакой внешней политики. Это оказалось возможным только благодаря тому, что и Англия в течение этого десятилетия не являлась объектом ничьей внешней политики, ибо вся остальная Европа была скована войной двух коалиций. В конце концов «внешняя политика» все-таки ворвалась, откуда ее меньше всего ждали: возникла война с Шотландией, Карлу I понадобились деньги, пришлось созвать парламент — и началась революция. Итак, в том же 1629 г., с которого во Франции, руководимой Ришелье, началось торжество абсолютизма, в Англии, в сущности, уже началась буржуазная революция, лишь искусственно отсроченная на 10—12 лет. С этого времени пути Англии и Франции, до того чрезвычайно близких друг другу по государственным порядкам и по историческим связям, разошлись. Впрочем, их противоположная судьба полностью определилась только еще после ряда лет внутренней борьбы и там и тут, имеющей черты сходства. В Англии революция торжествовала победу над абсолютизмом в 1649 г. и закрепила победу к 1653 г. Во Франции абсолютизм восторжествовал над буржуазно-парламентской Фрондой в 1649 г. и закрепил победу к 1653 г.

Третьим облаком на габсбургском горизонте, кроме шведского и французского, было в 1629 г. голландское. Правда Спинола рассчитывал, что как только габсбургские войска освободятся в Италии, можно будет соединенными силами Испании, императора и Католической лиги добить упрямых голландцев, военные ресурсы которых, по-видимому, иссякали. Их артиллерия все более немела. Но вот в 1628 г. в поисках селитры они попробовали обратиться к Московскому государству, обещая даже в обмен разрешить вывоз из Нидерландов в Московию других военных припасов и вооружения, и неожиданно получили щедрую помощь: царь не только разрешил им закупить просимые 14—15 тыс. пудов, но бесплатно прислал в подарок Генеральным штатам 3 тыс. пудов селитры. Вскоре в ходе военных действий наступил перелом в пользу голландцев. Одной из причин поворота воен-

ного счастья, несомненно, послужило это «благодеяние», как позже выражались в Москве голландские послы Бурх и Фелтдриль. Хотя дипломатическая ситуация была, как увидим, неблагоприятна, послы отметили именно политическое значение царской помощи: Генеральные штаты и Фридрих-Генрих Оранский рады не только коммерческим связям с Московией, но в особенности тому, что «предупредительное внимание вашего царского величества простерлось до забот о благосостоянии нашего государства в то время, когда король испанский при содействии своих папистских приверженцев достиг того, что вывоз селитры из Польши в наше государство был запрещен, надеясь тем лишить их высочества (Штаты) возможности продолжать войну, которую они ведут уже более 60 лет победоносно и с большим успехом, к удивлению всего мира, против тиранства короля и его идей всемирной монархии»; селитра из Москвы явилась как раз в то время, говорили послы, «когда штаты во время войны весьма в том нуждались» ввиду нового «неожиданного нападения на наше государство врага, подкрепленного силами папистской лиги в Германии; после московского «благодеяния», но, разумеется, «по милости божией и благодаря умному и храброму предводительству принца Оранского, враги опять были разбиты и грозные города Везель и Гертогенбуш (Хертогенбос) со всеми их крепостями и владениями взяты и покорены высокомощными Генеральными штатами» [24].

Весь этот эпизод еще раз служит напоминанием, что страны Западной Европы, непосредственный объект габсбургского универсализма, на самом деле входили как составная часть в более обширное целое, в более широкую систему государств, и с востока могли явиться коррективы к безумным планам, почти торжествовавшим на западе.

Итак, пролог Тридцатилетней войны оканчивается в 1628—1629 гг., когда габсбургско-католическая агрессия достигла своего зенита. Контрреформация в Германии торжествует, остается как будто последнее усилие, последний шаг на пути к мировой империи. Но в то же время военные действия между Швецией и имперцами в Померании, между Францией и Габсбургами в Италии, между Голландией и испанцами в Нидерландах и на море — являются тремя пока еще разрозненными фрагментами будущей всеевропейской войны.

---

[24] Отчет А. Бурха и И. фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 годах. Под ред. В. А. Кордта. — В кн.: «Сборник Русского исторического общества», т. 116. СПб., 1902, с. 44—45, 73. CCIX.

IV

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ВСТУПЛЕНИЕ ШВЕЦИИ В ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

1. Дипломатическая подготовка

1628—1629 гг. — рубеж в развитии Тридцатилетней войны. Первый этап ее закончился почти полной победой императора и католической реакции внутри Германии. Теперь вся Европа стоит перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов. К габсбургско-католическому блоку тесно примыкает также Польско-Литовское государство. Остальные государства встревожены развертывающейся агрессией, и в 30-х годах мы увидим их уже сплотившимися в широкую антигабсбургскую коалицию, которая и изменит ход Тридцатилетней войны. Смутные контуры этой будущей коалиции были заметны, как мы видели, уже в «датский период» (1625—1629 гг.) войны, но два ее главных участника — Франция и Швеция — в то время еще находились на заднем плане.

Однако именно этим двум государствам грозила непосредственная опасность: Франции — удушение в кольце габсбургских владений [1], которое она при Ришелье дважды пыталась разорвать в Италии — в 1624 г. и в 1628 гг. (войны за Вальтелину и за Мантуанское наследство); Швеции — утеря балтийского господства и восстановление на шведском престоле католика Сигизмунда III руками его родственников и союзников — Габсбургов.

В роли организатора всеевропейской антигабсбургской коалиции выступил Ришелье. Как мы помним, он еще в 1624—1625 гг. выдвинул мысль, что гибельной для Империи была бы только война на два фронта, тиски между двумя армиями, и при посредстве голландцев пытался осуществить эту идею, двинув на Германию с северо-запада Данию, с северо-востока —

[1] Большинство исследователей ныне отвергают традиционный тезис немецких историков об агрессивности политики Ришелье в Тридцатилетней войне (см. *Beller E.* Recent Studies on the Thirty Years War. — «The Journal of Modern History», Vol. III, N 1 March 1931).

Швецию. Но тогда этот план сорвался из-за отказа Густава-Адольфа начать войну в Империи, прежде чем он закончит войну с Польско-Литовским государством за балтийское побережье — за Ливонию и Пруссию. Эта война, давняя, затихшая было в 1622—1624 гг., снова разгорелась с 1625 г.[2] Несмотря на все уговоры, Густав-Адольф оставался непреклонным в своем отказе. Это между прочим на время расхолодило и Ришелье и способствовало тому, что он даже стал было искать сближения с Габсбургами, но вскоре должен был убедиться в гибельности такого пути для Франции.

В начале 30-х годов ключевая роль в развитии Тридцатилетней войны выпала на долю Швеции. Не столько благодаря своей силе, сколько из-за своего стратегического положения Швеция оказалась вершителем судеб Европы. Англия и Дания в конце 20-х годов вышли из игры, Франция против Испании имела превосходного союзника — Голландию, но против Империи союзника не имела, несмотря на напряженные дипломатические усилия. Османская империя была слишком связана персидскими делами, и повернуть ее против Империи французской дипломатии так и не удалось до конца Тридцатилетней войны.

Иное дело Швеция — она сама мечтала ринуться на Империю, так как с нараставшей тревогой следила за габсбургско-католическими приготовлениями к «похищению Европы». Густав-Адольф, уже «отнявший море», по его собственным словам, у Московского государства (по Столбовскому миру 1617 г.) и приближавшийся к тому же результату в ожесточенной войне с Речью Посполитой, не только зарился теперь на принадлежавшее Империи померанское побережье Балтики, но беспокойно оглядывался на Габсбургов, готовых лишить его всех приобретений и даже короны. Император, по словам Густава-Адольфа, «метил в самое сердце Шведского государства»[3].

Но повернуть оружие против Империи, не окончив войны с Речью Посполитой, было бы, по мнению Густава-Адольфа, безумием, о чем он сообщил еще в 1626 г. английским, голландским и бранденбургским дипломатам. Густав-Адольф был убежден в возможности быстро достигнуть окончательного разгрома поляков.

Однако в габсбургском лагере тоже видели эту перспективу. Валленштейн смертельно боялся вмешательства Густава-Адольфа в войну в Германии. Еще на Брюссельском конгрессе габсбургской коалиции в 1626 г. было решено оказывать Польше тайную военную помощь, чтобы связать силы Швеции. С 1627 г. значи-

---

[2] Основным источником по истории этой войны является сочинение современника, бургграфа города Эльбинга И. Хоше (*Hoppe I.* Geschichte des ersten schwedisch-polnischen Krieges in Preussen. Herausgegeben von M. Toeppen. Leipzig, 1887).

[3] *Форстен Г.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях, т. II. СПб., 1894, с. 304.

тельная часть армии Валленштейна находилась в Померании, чтобы оттуда помогать полякам; в портах Померании сжигались шведские корабли. В 1629 г. 10-тысячный корпус под командованием Арнима действовал в Пруссии совместно с войсками Сигизмунда III против шведов. Таким образом, план Густава-Адольфа быстро окончить войну с Польшей был сорван. Но уже в 1628 г. и Густав-Адольф втянулся частично в войну с императором, оказав в союзе с датчанами посильную помощь осажденному померанскому порту Штральзунду против армии Валленштейна.

Это событие окрылило Ришелье новыми надеждами и придало новую энергию его дипломатии. Правда, сохранить в антигабсбургской коалиции Данию, непоправимо разбитую, он в конце концов не смог. Но он всячески стремился поддержать ее дух и одновременно принялся за основную задачу — вовлечь в войну с Империей Швецию.

Эта задача была по-прежнему исключительно трудна. Во-первых, Швеции недоставало средств для найма и содержания войск, ее казна была пуста. Этому Ришелье мог помочь, предоставив ей крупные субсидии из французской казны. Во-вторых, надо было во что бы то ни стало примирить Швецию с Польшей — положение в Европе не позволяло уже дольше ждать. Но как их примирить? Голландские и бранденбургские посредники пытались этого добиться в 1627 и 1628 гг., но безрезультатно. Следовательно, Ришелье надлежало обратить свой дипломатический талант на распутывание весьма сложных противоречий в далекой Восточной Европе. Не погрузившись в восточноевропейскую политику, он не разрешил бы и общеевропейской проблемы организации антигабсбургской коалиции.

Сам Ришелье так изложил это в своих мемуарах: Густав-Адольф был «новым восходящим солнцем» в Северо-Восточной Европе. Французский король «обратил свой взор на этого юного государя, дабы попытаться использовать его для отвлечения со временем большей части сил императора и тем помешать императору вести несправедливую войну в Италии и Франции и отвратить его тем ужасом и злом, которые тот ему причинит, от намерения подавить общественную свободу... Многие князья Империи, несправедливо лишенные своих государств оружием императора, смотрели на шведского короля, как моряки смотрят на север. Однако он был занят войной с Польшей. И хотя он имел довольно смелости и честолюбия, он должен был быть избавлен от этого врага, прежде чем приобрести другого, да еще такого, как Австрийский дом» [4]. Ришелье удалось выполнить эту задачу. В сентябре 1629 г. при французском посредничестве в Альтмарке между Швецией и Польско-Литовским государством

---

[4] *Richelieu.* Mémoires (Collection Michaud et Poujoulat, t. XXII. Paris, 1854), p. 67—69.

было заключено перемирие на шесть лет. Густав-Адольф мог обратиться против Габсбурга.

Многие историки считают это перемирие самым блестящим дипломатическим достижением Ришелье. «Какая это была, — восклицает Лампрехт, — несравненная фигура, этот шведский король, на шахматной доске французской политики, столь враждебной Габсбургам! Он мог, если только у него будут развязаны руки, из своего уголка громко и решительно провозгласить: шах императору! Поэтому французская политика сделала образцовый, мастерский ход, когда в 1629 г. при ее посредстве между Швецией и Польшей было заключено благоприятное для Швеции шестилетнее перемирие» [5]. Можно было бы привести множество таких восторженных оценок историками дипломатического мастерства Ришелье в связи с Альтмаркским перемирием [6].

К сожалению, на этом западноевропейские историки и останавливаются. Между тем тут-то и возникает вопрос: а в чем же состоял этот мастерский ход, какими же средствами удалось Ришелье разрешить ключевую задачу общеевропейской политики — прекратить польско-шведскую войну? Нельзя ограничиваться, как они это делают, указаниями на «ловкость» Ришелье или на какие-то его «обширные связи» в Польше. Постараемся осветить эту проблему.

Донесения барона Шарнасе, которого Ришелье послал в начале 1629 г. в Восточную Европу с посреднической миссией, показывают, что он встретился со значительными трудностями. Когда голландцы еще в 1627 г. пытались склонить Сигизмунда III Польского к миру со Швецией, тот и слышать не хотел о мире по причине, как сообщает одно донесение, «больших обещаний папы, императора и испанского короля, предложивших польскому королю могущественную помощь» [7]. И в самом деле, император прислал Сигизмунду III для борьбы со шведами вспомогательный корпус, испанцы — военные корабли и пр. Правда, Ришелье уже в 1627 г. знал от своих осведомителей из Польши, что вельможи и сейм настаивают на скорейшем мире со Швецией именно из-за этой военной помощи, боясь, как бы Сигизмунд III, опираясь на нее, не объявил себя наследственным и абсолютным монархом [8]. Открытые приготовления Империи к борьбе за господство на Балтике настраивали также и часть польского купечества и шляхты против прогабсбургской политики Сигизмунда III в пользу сближения со Швецией. На эти-то оппозиционные настроения

---

[5] *Лампрехт К.* История германского народа, т. III, ч. 5. СПб., 1896, с. 516.

[6] Основное исследование об этом: *Cichocki M.* Medjacia Francji w rozejmie Altmarkskim. — In: Polska Akademja umiejetności. Wydral hist.-filozof. Rozprawy. Kraków, 1928, t. 67, N 1.

[7] Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, изданные Г. Форстеном, вып. II. СПб., 1893, с. 91.

[8] Там же.

в Польше Шарнасе, естественно, и должен был прежде всего опереться, о чем прямо свидетельствует одно из донесений о его миссии [9]. Но королевская партия имела все же в Польше безусловное преобладание, и вмешательство французского дипломата не могло бы изменить этого соотношения сил. Сигизмунд III, одержавший в июне 1626 г. победу над Густавом-Адольфом в Пруссии с помощью имперского вспомогательного войска, по-прежнему не хотел мира.

Что касается Густава-Адольфа, то он тоже отнюдь не чувствовал себя слабым и в июле взял небольшой реванш под Мариенбургом. Главный аргумент шведского правительства против мира с Польшей был совершенно откровенно изложен канцлером Оксеншерной в ответ на посреднические предложения Шарнасе: Швеция не видит никаких гарантий того, что поляки не используют перемирие для военных приготовлений и не ударят ей в спину, как только она начнет войну с Империей [10].

Таковы были почти непреодолимые трудности, с которыми встретился Шарнасе в Восточной Европе. Но Ришелье имел ключ к решению задачи.

Чтобы понять, чем же Шарнасе все-таки принудил Сигизмунда III сменить непримиримую воинственность на податливое миролюбие, достаточно прочесть краткую инструкцию, которой он был снабжен 25 января 1629 г., отправляясь в путь. Главное ее содержание как раз и сводится к пункту, указывающему, чем надо побуждать к миру польского короля: предлагая свое посредничество для заключения мира, — должен говорить Шарнасе Сигизмунду III, — «его величество [король французский] руководствуется главным образом интересами польского короля, ибо если шведский король объединит с собою московита (unist avec luy le moscouitte), как он собирается, о чем стало известно его величеству [французскому королю], то этот союз может причинить ему [польскому королю] значительный вред» [11]. Вот в чем состояла идея Ришелье: пугать Польшу шведско-русским военным союзом, войной сразу с двумя противниками, в то время как война и с одной Швецией давалась ей с трудом. По свидетельству мемуаров Ришелье, Шарнасе уверял поляков, что Людовику XIII доподлинно известно о решении московского царя «этой зимой нарушить перемирие с Польшей и вторгнуться в ее пределы с огромной армией», вследствие чего у Польши «окажется на руках одновременно два столь сильных врага» [12].

---

[9] Relation de ce qu'a faict le S. Charnacé en Brandenbourg et en la trève entre les rois de Pologne et de Suède. Octobre 1629. — Акты и письма..., вып. II, № 40, с. 101—103.

[10] Акты и письма..., вып. II, № 56, с. 135; *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 279.

[11] «Instruction et dépêsche baillée à Mons. de Charnassé allant en Allemagne. Du 25 januier 1629»; *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 278.

[12] *Richelieu.* Mémoires, p. 70.

Известие о решении московского правительства не было выдумкой Ришелье, а соответствовало, как увидим, действительности. Ришелье лишь энергично использовал информацию, доставленную ему его виртуозными международными осведомителями. Но он не остановился на этом, а решил активно способствовать укреплению решения Московского государства воевать с Польшей. Вслед за бароном Шарнасе, направившимся в Пруссию к Сигизмунду III, из Франции в Москву к царю Михаилу Федоровичу выехал окруженный не меньшей дворянской свитой барон Деэ де Курменен.

Таким образом, «мастерский ход» Ришелье состоял из двух частей, связанных в одно целое: 1) информации польского правительства о решении Москвы нарушить Деулинское перемирие; 2) отправки особого посольства в Москву.

Проанализируем, что могло толкнуть Ришелье на такой как будто неожиданный ход. Можно указать три источника:

1. Еще в 1625 г. Ришелье замышлял посольство в Москву, о чем сообщает голландец Исаак Масса, собиравшийся тогда пристроиться к этому несостоявшемуся посольству [13]. Формально оно должно было явиться ответом на русское посольство Кондырева и Неверова во Францию в 1615 г. Почему же именно в 1625 г. Ришелье вспомнил о Москве? Несомненно потому, что именно в это время, как мы говорили, у него была реальная надежда вовлечь Швецию в войну с Империей. Логика вещей требовала позаботиться, чтобы Восточная Европа ничем не мешала Швеции заниматься западноевропейскими делами. Но в 1625 г. планы Ришелье в отношении Швеции не осуществились. Естественно, что в 1629 г., когда эти планы возродились, вместе с ними возродилась и идея о посольстве в Москву.

2. В 1628 г. группа французских купцов, желавших образовать компанию для торговли с Московией, подала Ришелье докладную записку с изложением основных проблем франко-русской торговли. Они предлагали между прочим ответить наконец на посольство Кондырева 1615 г., т. е. организовать посольство в Москву. Важно подчеркнуть, что один пункт этой докладной записки не мог не подтолкнуть мысль Ришелье непосредственно к идее, что сближение Франции с Москвой может послужить рычагом политического давления на Польшу. Этот пункт гласил: «Кроме тех выгод, которые Франция может извлечь из этих сношений с Московией посредством торговли, король станет еще намного значительнее среди северных государей и особенно перед королем польским, который, не имея врага более могущественного, чем московиты, воздержится впредь способствовать интересам Австрийского дома, ибо его величество [король французский] сможет и повредить ему и оказать услуги перед великим

---

[13] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Дела голландские, 1625 г., стб. 2.

князем Московским»[14]. Несомненно, что эта докладная записка являлась одной из предпосылок посольства Деэ де Курменена в Москву в 1629 г., хотя не она послужила ближайшей причиной этого посольства.

3. Не подлежит сомнению, что непосредственной причиной посольства Шарнасе и Деэ явилось какое-то полученное в Париже известие о важнейшем политическом решении, действительно принятом в Москве: не ждать, когда окончится срок перемирия с Польско-Литовским государством, а начать воевать с ним, помогая тем самым шведам. Это известие прибыло в Париж, несомненно, не из Швеции, ибо указанное решение было впервые под секретом сообщено в Москве боярами шведским послам Мониеру и Бенгарту в марте 1629 г.[15], а Ришелье уже знал о нем за два месяца до того, в январе 1629 г., когда была составлена инструкция для Шарнасе, гласящая: «...о чем стало известно его величеству».

Нам удалось обнаружить другой источник информации Ришелье — турецкий. Дело в том, что первым, кому сообщили в Москве о решении нарушить перемирие с Польшей, был турецкий посол грек Фома Кантакузин, который тотчас и повез это известие в Турцию (1628 г.). А в Константинополе при дворе султана Мурада IV не было тайн от тех, кто умел платить. Таковым прежде всего являлся постоянный французский посол в Турции Сези. Выдержки из донесений Сези в Париж за 1620—1627 гг., извлеченные из архива французского министерства иностранных дел[16], показывают отличную осведомленность этого французского агента в политике Москвы, а следовательно, и осведомленность в ней парижского правительства. К сожалению, именно интересующее нас донесение Сези за 1628 г. не опубликовано и, по-видимому, вообще отсутствует в архиве. Мы можем только догадываться о нем.

Шарнасе, выполнивший по пути ряд дипломатических поручений в Германии, прибыл в лагерь Сигизмунда III под Мариенбургом в середине июля 1629 г. В это же время туда пришли сведения из Дании о миссии Деэ де Курменена, который отплыл из Дьепа 6 июня и 29 июня высадился в Дании, где его пребывание было отмечено с большой торжественностью[17].

Таким образом, обе составные части «мастерского хода» Ришелье одновременно оказали воздействие на политику Сигизмунда III.

---

[14] Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, Russie, publié par Rambaud, t. VIII, 1890, p. 23; см. также *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. М., 1892, с. 5—6.

[15] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 275, 319, 353—354.

[16] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. II. СПб., 1842.

[17] Les voyages de M. Des Hayes baron de Courmesnin en Dannemarc, anrichis d'annotations par le sieur P. M. L. Paris, 1664.

Шарнасе был сначала принят поляками недружелюбно; под предлогом спора о титулах и полномочиях его не допускали к королю. На него посыпались упреки в том, что его государь, т. е. король французский, выставляя себя другом Польши, одновременно послал Деэ в Москву подпимать на Польшу московского царя. Шарнасе парировал этот упрек заготовленным ответом: миссия Деэ в Москву преследует чисто торговые цели [18]. Правдоподобие этого тезиса было, по-видимому, предметом особенных забот в Париже: Деэ де Курменену были в самом деле даны, кроме политических, весьма обширные торговые поручения. Более того, в глазах общественного мнения его поездка в Москву была вообще всего лишь ответом правительства на упомянутую докладную записку о затруднениях в торговле с Московией, врученную Ришелье группой французских купцов в предшествовавшем 1628 г.[19] Все это лишало поляков формального права на какие-либо упреки. Но, разумеется, ничто и не препятствовало им все же догадываться о политическом содержании миссии Деэ.

И эта миссия, и информация, доставленная Шарнасе, крайне взволновали польское правительство. Но оно не сразу сдалось. Пока Шарнасе задерживали бесконечными препирательствами, в Москву был стремительно пущен пробный дипломатический шар. Об этом мы узнаем из грамоты Михаила Федоровича Густаву-Адольфу: в июле 1629 г. на русскую границу под Вязьмой вдруг явились два польских посланника для восстановления польско-русских дипломатических отношений, прерванных еще с 1622 г. Посланники заявили, что за ними следует «великое посольство» польского короля. Несомненно, это было попыткой Сигизмунда III парировать удар или, по крайней мере, окончательно выяснить положение. Вторая цель, безусловно, была достигнута: не только «великое посольство» не было принято, но с посланниками не стали и разговаривать, им отказали в аудиенции в Москве и приказали немедленно покинуть территорию Московского государства [20].

Тем временем Шарнасе, потеряв терпение, в конце июля уехал в шведский лагерь, почти отчаявшись в успехе. Но 1 августа, по-видимому, тотчас по возвращении посланников из-под Вязьмы, он вдруг был срочно вызван письмом обратно в польский лагерь и милостиво принят Сигизмундом III — все дипломатические препятствия сразу рухнули. 6 августа начались мирные переговоры [21].

В самом деле, Сигизмунду III ничего не оставалось, как довериться Шарнасе и согласиться на перемирие со Швецией. Бо-

---

[18] *Richelieu.* Mémoires, p. 71.
[19] Les voyages de M. Des Hayes..., p. 1—2.
[20] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, л. 246.
[21] *Hoppe I.* Op. cit., S. 434—459; *Richelieu.* Mémoires, p. 72—75.

лее того, он теперь проявляет нетерпение, все большую поспешность и уступчивость при переговорах. Он согласился оставить Швеции на время перемирия почти все Балтийское побережье, принадлежавшее Речи Посполитой. Переговоры происходили весь август, прерываемые еще военными действиями, и в сентябре 1629 г. увенчались заключением Альтмаркского перемирия[22]. Следует упомянуть, что английский посредник Томас Ро, подоспевший в конце августа, старался очернить перед поляками своего конкурента Шарнасе именно тем, что было тому на пользу, — разоблачениями о миссии Деэ в Москву.

Согласие Густава-Адольфа на перемирие было достигнуто отчасти с помощью той же миссии Деэ в Москву. Это посольство укрепляло надежду, что русско-польская вражда будет активизирована и Швеция сможет без оглядки, никого уже не опасаясь, ринуться в великую битву с Империей. Именно с такой перспективой Густав-Адольф пошел на Альтмаркское перемирие. Впрочем, он и без французской помощи уже имел к этому времени обещание Московского государства начать войну против Польши.

Для дипломатической школы Ришелье чрезвычайно характерно, что в то самое время, когда Шарнасе должен был отрекаться от Деэ, изображая его чуть ли не простым торговым агентом, Деэ должен был в Москве отрекаться от Шарнасе и его миссии в Польше. Поскольку прекращение польско-шведской войны, по мнению Ришелье, не отвечало интересам московской политики, Деэ уверял бояр, что французская дипломатия не причастна ни к каким попыткам примирения, исходящим-де от английского посла в Польше Томаса Ро и голландцев; Франция же, напротив, помогает в войне шведам[23]. Может быть, именно для того чтобы придать больше естественности взаимному дезавуированию двух своих послов, Ришелье назначил на эти роли двух непримиримых врагов. Шарнасе и Деэ продолжали ожесточенную политическую борьбу в течение ближайших лет после своей миссии в Восточную Европу, пока Шарнасе не одержал победу: Деэ, уличенный в связях с враждебной Ришелье придворной партией Гастона Орлеанского, в 1632 г. окончил жизнь на эшафоте[24]. Этот биографический момент следует упомянуть потому, что он, видимо, объясняет чрезвычайную сдержанность французских мемуаристов и историографов XVII в., в том числе самого Ришелье, в оценке миссии Деэ в Москву в 1629 г. А оттуда и позднейшие историки почерпнули пренебрежение к этому важнейшему факту дипломатической истории Тридцатилетней войны, тем более что во французских архивах не сохранилось

---

[22] Текст договора см.: *Hoppe J.* Op. cit., S. 666—676.
[23] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 115, 181, 227—229.
[24] *Richelieu.* Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'état, publ. par M. Avenel, t. VIII. Paris, 1877, p. 82; *Richelieu.* Mémoires, p. 414.

ни инструкции, составленной для Деэ, ни каких-либо отчетов о его миссии[25].

Характерно, что грамота Людовика XIII Михаилу Федоровичу, с которой поехал Деэ, подписана в Сузе (Северная Италия) 22 апреля 1629 г.[26], т. е. через несколько дней после подписания там савойско-французского договора[27] и за два дня до подписания там же англо-французского мирного договора[28]. Это был момент лихорадочной, поистине титанической деятельности Ришелье. Переговоры между Данией и победительницей — Империей — подходили к концу. Ришелье уже не удавалось их больше задерживать. В мае был заключен Любекский мир. Нельзя было терять ни минуты, ибо черная туча габсбургско-католической агрессии нависла над Европой. Внутри Франции Ришелье поспешно заканчивал борьбу с гугенотами («Эдикт милости» был издан в июне 1629 г.). В сентябре 1629 г. было заключено Альтмаркское перемирие. И уже в июне 1630 г. Густав-Адольф, освободившийся от войны с Польско-Литовским государством, высадил десант на одном из островов Балтийского побережья Империи. Начался «шведский период» Тридцатилетней войны.

Но не будем преувеличивать роль Ришелье. Он сам отмечает, что Франция не могла повлиять на политику Москвы[29]. Позиция Москвы в размежевании Европы на две коалиции — габсбургскую и антигабсбургскую — определялась не интригой Ришелье, а всей предшествовавшей историей сношений Московского государства с Европой.

Историк Тридцатилетней войны, ограничивающий свое внимание Западной Европой, мог бы представить себе роль, сыгранную Москвой в истории Альтмаркского перемирия, как роль невольную, как простое совпадение во времени двух рядов событий, как счастливую случайность, использованную Ришелье. Кажется даже вероятнее, что московское правительство, принимая свое решение о прекращении состояния перемирия с Польшей, и не помышляло о тех последствиях, какие оно будет иметь для Европы.

Но, с другой стороны, здравый смысл противится такому представлению: несомненно, что даже самая близорукая внешняя политика какого-либо государства учитывает не только силу своего соседа, но и силу его возможных союзников и противников. И Москва на практике уже давно постигла элементарную политическую истину, что всякое изменение в ее отношениях, скажем, с Польско-Литовским государством затрагивает так или иначе не только ее и Речь Посполитую, но целую систему го-

---

[25] Recueil des instructions..., p. 24.
[26] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., лл. 11—12.
[27] В ходе войны за Мантуанское наследство, во время которой Савойский герцог первоначально выступал на стороне противников Франции (*Ред.*).
[28] Окончившего войну 1627—1629 гг. между ними (*Ред.*).
[29] *Richelieu*. Mémoires, p. 70.

сударств, сочувствующих этому изменению или, напротив, оказывающих ему противодействие. Несомненно также, что Московское государство в XVII в. стремилось знать состояние всей системы европейских государств и действительно имело о нем представление. Оно знало не только друзей и врагов Польско-Литовского государства, но даже и врагов его друзей и друзей его врагов.

Известно, что в эпоху Тридцатилетней войны Посольский приказ в Москве располагал штатом квалифицированных толмачей (переводчиков) для всех европейских языков. Менее известно, что в недрах Посольского приказа уже тогда производилась большая, кропотливая работа по собиранию информации от резидентов и всякого рода осведомителей со всех концов Европы. С отписками новгородских воевод в Москву систематически присылались обширные сводки из европейской прессы и информации [30]. Русские послы тоже слали из-за границы, например из Швеции, подборки из газет и других источников. Все это, по-видимому, суммировалось в Посольском приказе, как видно по сохранившемуся столбцу за 1632 г. («Переводы из европейских ведомостей и всяких других вестей, в Москву писанных»). Но даже и не заглядывая в архив Посольского приказа, первый историк, занимавшийся вопросом о роли России в истории Тридцатилетней войны, Г. В. Форстен справедливо констатировал: «Напрасно думают, что в Москве ничего не знали о событиях западноевропейских; напротив, там внимательно следили за великой религиозно-политической борьбой, занимавшей Европу целых 30 лет» [31].

Знали в Москве и о тесных союзных отношениях между Польско-Литовским государством и Империей, принявших с начала Тридцатилетней войны характер открытой ссуды друг другу войск в критические моменты. Все европейские политики знали, что Сигизмунд III опирается на могущественную помощь Австрийского (Габсбургского) дома.

Изучение внешних сношений Московского государства в 20-х годах XVII в. убеждает в том, что буквально все иностранные послы, касавшиеся в Москве польской проблемы, — послы Турции, Швеции, Франции, Голландии — сходились в одном: Польско-Литовское государство сильно помощью, которую ему оказывает Империя; если международная обстановка в Европе сложится так, что Империя не сможет помогать Польско-Литовскому государству, то оно будет слабо и может быть побеждено. Ниже будет показано, что собственная точка зрения Московского государства на польско-имперские отношения также соответствовала этим рассуждениям иностранцев. Но сначала приведем некоторые иллюстрации к сказанному.

Уже через три года после Деулинского перемирия, в 1621 г., отношения между Московским государством и Речью Посполитой

[30] ЦГАДА, Дела шведские за 20—40-е годы XVII в.
[31] *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 497.

настолько обострились, что дело чуть не дошло до войны, причем союз Москве против поляков предлагали, с одной стороны, шведский король Густав-Адольф, с другой — турецкий султан Осман II. Характерно, какими аргументами от имени султана склонял турецкий посол Кантакузин московского царя к совместной войне с Польско-Литовским государством: «Тебе, великому государю, ведомо, что в немецкой земле, у императора розпь великая с лютеранами, ему теперь не до помощи полякам, а султан со своей стороны велел правителям Семиградья, Валахии и Молдавии выступить против императора, чтобы императору не дать помогать польскому королю»[32]. Однако в 1621 г. проектируемая коалиция не состоялась.

Густав-Адольф не переставал мечтать о вовлечении Московского государства в войну с Польшей. В 1625 г. шведское правительство получило донесение из Москвы, в котором сообщалось, что некоторые бояре требовали у царя не медлить с войной против поляков[33]. По-видимому, в связи с этим сообщением Густав-Адольф в начале 1626 г. поручил своим ревельским штатгальтерам Бремену и Унгерну отправиться в Москву для переговоров. Чрезвычайно интересна составленная для них инструкция, опубликованная Форстеном. Она исходит из правильного наблюдения, что в шведско-польской борьбе как таковой московский царь не поддержит ни ту, ни другую сторону. Поэтому на послов возлагалась задача объяснить, что, воюя с Польшей, Швеция, в сущности, воюет с Империей, стоящей за спиной Польши. В том случае, если послы увидят, что это выслушано с пониманием и сочувствием, они должны ознакомить царя с грандиозными планами Империи и ее союзницы — Польши — об универсальной монархии. Этому посвящен шестой параграф инструкции: имеется в виду раздел Европы с таким расчетом, чтобы Империя получила Германию, Италию, Францию, Испанию, Англию, Нидерланды и Венгрию, а Польша — Россию, Швецию и Данию; всюду будет введен католицизм; затем намечается крестовый поход против Турции и раздел ее между Империей и Польшей. Вот почему, говорится в седьмом параграфе, московский царь должен примкнуть к врагам Польши и Империи, а восьмой параграф советует ему поднять на поляков также татар и запорожских казаков[34].

В грамоте Густава-Адольфа от 19 февраля, врученной шведскими послами царю, подробно изложены некоторые из этих идей пятого и седьмого параграфов. Приведем отрывки из этой грамоты

---

[32] *Бантыш-Каменский Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, ч. II. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1862, кн. 4, с. 29.

[33] *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 207—208.

[34] Акты и письма..., вып. II, № 26, с. 80—83. Все эти пункты и были изложены Бременом и Унгерном в ходе московских переговоров (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1626 г., стб. 2, лл. 267—278, 339—340).

в русском переводе из дел Посольского приказа [35]. Густав-Адольф сообщает Михаилу Федоровичу, что польский король «объединился с римским цесарем [императором] и королем испанским, умыслили [они] искоренить все христианские вероисповедания и вместо них установить повсюду свою папежскую [католическую] веру и подвести под себя все христианские государства и всю Европу». Лаконично и в общем вполне верно излагается соотношение политических сил в Европе: «Римский цесарь, с помощью испанского и польского королей, в нынешние лета подвел под себя мало не всех немецких удельных князей и искоренил их христианскую евангелическую веру и поотнимал у них землю и людей и учинил себя сам великим государем надо всею немецкою землею. А за то цесарь римский хочет оказать помощь испанскому королю, чтоб ему одолеть голландские Штаты в нидерландской земле, и хочет также оказать помощь польскому королю, чтоб ему быть государем над шведским и над русским государствами. И на то они имеют великое упование, и многие уже титулуют Владислава цесарем надо всеми северными землями. И ныне цесарь римский, король испанский и король польский держат в уме своем, что будто они одолели всех христианских государей. Но против этого французский король с тем великим городом Венецией и с герцогом Савойским союз учинил против вышепоименованных государей, в особенности против короля испанского, и великою силою принялся за него во итальянской земле. Также и английский король с господами нидерландскими Штатами учинил союз против цесаря и короля испанского и присылал к нам, вельможнейшему государю королю Густаву-Адольфу, также и к датскому королю, чтобы мы с ними союз и соединение учинили, дабы цесарю римскому и его советникам помешать. И к такому делу датский король стал войной против цесаря и стоит ныне с великим войском в цесарской земле против цесаря и имеет с собою многих немецких удельных князей, которые с ним держат заодно. И для того, чтоб польский король цесарю помощи не оказал, мы ныне пришли в литовскую землю, чтоб ему, цесарю римскому, помощи оказать нельзя было, чтоб цесарю и его советникам отовсюду было утеснение, чтоб им не исполнить злого своего замысла, как они замышляли надо всеми христианскими государями».

Далее говорится, что этот замысел грозит и Московскому государству, «если только им удастся одолеть над иными»: ведь царю ведомо, как давно и упорно поляки замышляют в России «греческую веру попрать и многое гонение всем тем, которые греческую веру имеют». Поэтому царю надлежит, по мнению Густава-

---

[35] Здесь и ниже, для того чтобы облегчить чтение, наиболее архаические обороты русской письменной речи XVII в. приближены к современному русскому языку; применена современная орфография; имена собственные даны в современной транскрипции.

Адольфа, «так же обороняться, как иные государи сами себя обороняют [остерегают], приняться за короля польского и помешать ему, чтоб он цесарю не помогал. И он [император] забудет в те поры стояти против тех государей, которые стоят за свою правду, и оставит злой свой умысел против наших христианских евангелической и греческой вер». Со своей стороны, продолжает Густав-Адольф, мы «с нашими союзниками» будем делать все для достижения этой общей цели: «кои превозвышаются перед иными государями, чтоб нам их попрать и понизить» [36]. Иными словами, Московскому государству предлагалось вступить в общеевропейскую коалицию держав, борющихся против габсбургской агрессии, против угрозы утери своей независимости и веры.

Роль Московского государства должна была состоять в том, чтобы отвлечь силы Польши от помощи германскому императору и этим облегчить союзникам победу над Империей, после чего уже сама Империя не сможет оказать помощи завоевательным планам поляков.

Шведская международная концепция была воспринята в Москве с полным пониманием и сочувствием, как показывают записи переговоров и особенно текст ответной грамоты Михаила Федоровича Густаву-Адольфу (имеющийся и в русском оригинале и найденный Форстеном в Стокгольмском архиве во французском переводе) [37].

В грамоте Густава-Адольфа, привезенной в Москву шведскими послами А. Мониером и Ю. Бенгартом в марте 1629 г., еще определеннее, чем в 1626 г., говорится, что за спиной Польши стоит другая сила, более мощная, и если эту грозную силу не сломить, Польша останется непобежденной. Эта сила — Империя. В прошлом году, говорится в грамоте, Густав-Адольф уже чуть не одолел поляков, так что уже «можно было ему со своим войском через всю Польшу пройти беспрепятственно», но тут помешали имперско-католические войска тем, что «великою силою близко пришли и осадили город Штральзунд», и Густаву-Адольфу пришлось отвлечь свои войска на освобождение Штральзунда. И дальше в грамоте подробно развивается мысль, что Москва более заинтересована в войне шведов против Империи, чем против Польши. «Папа, цесарь римский и весь дом Австрийский только того ищут, как бы им быть обладателями всей вселенной, и теперь они к тому очень близки... вашему царскому величеству подлинно известно, что цесарь римский и папежане [католики] подвели под себя большую часть евангелических князей в немецкой земле». Если только император и Католическая лига [«цесарь с папежскими заговорщиками»] «одолеют шведскую землю, то станут искать погибели русских людей и искоренения старой греческой веры» [38].

---

[36] ЦГАДА, Дела шведские, 1626 г., стб. 2, лл. 249—263.
[37] Акты и письма..., вып. II, № 27, с. 83—84.
[38] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 180—196.

Как видим, шведско-польская война отодвинулась на задний план, на переднем — габсбургско-католическая агрессия, которая может добраться и до Москвы и до православия, если не будет пресечена. Но Москве-то в этом случае она будет грозить со стороны Польши.

И после заключения Альтмаркского перемирия специально посланный в Москву шведский посол Мониер разъяснял: Густав-Адольф не имел союзника, бороться же принужден был не с одной Польшей, а с соединенными силами Польши и Империи; ему пришлось развязать себе руки с Польшей, чтобы приняться за Германию, к чему его склоняло также французское правительство. Инструкция, данная Мониеру, и его докладная записка, врученная царю и боярам в Москве, подчеркивают, что главная опасность и для Швеции и для Московского государства таится не столько в самой Польше, сколько за ее спиной, в Империи[39].

Таким образом, шведские демарши в Москве в 1626—1630 гг., основанные на широкой и правильной международной перспективе, выдвигают и специальную теоретическую концепцию для Москвы: единство интересов православия (старой греческой веры) и протестантизма (евангелической веры) в борьбе против общего врага — агрессивного католицизма. Этой концепции шведы неуклонно придерживались в сношениях с Москвой и в следующие годы. Король Густав-Адольф убит 16 (6) ноября 1632 г., извещала Михаила Федоровича грамота за подписью двенадцати шведских вельмож, «в бою с католиками [от папежан] за христианскую евангелическую и за старую греческую веру»[40].

Поскольку Франция была католической державой, Ришелье, посылая Дезэ де Курменена в Москву, не мог использовать ту же идеологическую схему и выдвинул для франко-русского сближения другое основание — не религиозное, а чисто политическое — идею сходства Франции и России как двух великих абсолютистских держав. «Такие великие государи, король французский и царское величество, везде славны, и таких великих и сильных иных государей нет, как они, и подданные их все люди во всем им, государям, послушны и волю их творят, — не так, как англичане и брабантцы [голландцы?] делают все по своему хотению». «Французы слушают короля своего так же, как русские люди слушают и почитают царя своего». «Чины и обычаи французской короны подобны и сходны, как в Русском государстве». И международное значение Франции и России сходно: на Западе все короли и государи «зрят, яко на солнце», на французского короля, занимающего среди них первое место, а на Востоке таково же положение русского царя. «Как царь всея Руси начальник и обе-

---

[39] *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 358; ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 124—152.

[40] *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России, т. IV. М., 1902, с. 159.

регатель церкви греческой и восточных стран, также король христианнейший начальник и опора [держатель] церкви римской и западных стран». Такого же рода идеями проникнута докладная записка, врученная Деэ боярам и царю[41]. В грамоте от имени Людовика XIII к Михаилу Федоровичу говорится: «Хотя наши государства удалены и разделилися меж нами разными многими государствами и разных мер и языков... нашу крепкую сердечную дружбу, и любовь, и прямой совет, и ссылку [дипломатические отношения] с вашим царским величеством держати хотим... к добру и к повышению обеих наших корон и... в добре пребывать с обеих сторон по договору...»[42]

Вся эта политическая концепция была понята и воспроизведена в московском ответе в такой формулировке: «Наши царственные персоны и наши державы, соединившись вместе, устрашили бы всю вселенную»[43].

Деэ сообщил в Москве, что Франция находится в дружбе со всеми государствами, кроме трех, с которыми она во вражде [«в недружбе»]: «Недружба у их короля Людовика с цесарем да с испанским королем... а с королем польским у их короля Людовика недружба потому, что польский король помогает цесарю, а у их короля Людовика с цесарем римским недружба». Дом Австрийский, а в нем особенно император, — «други» польскому королю, который сам «цесарева роду», «и с польским Сигизмундом королем они стоят заодно и помощь польскому королю чинят немалую... А то они [французы] ведают подлинно, что цесарь римский с польским королем заодно, меж себя они свои, цесарева дочь идет замуж за польского королевича, и друг другу помогают. А царскому величеству с государем его Людовиком королем потому же быть в дружбе и в любви и на недругов стоять заодно». Это было не что иное, как предложение военно-политического союза, скрепленного договором. На вопрос бояр, значит ли это, что французский король может прислать войска [«ратных людей»], Деэ ответил утвердительно; однако главный упор он сделал на то, что, поскольку Франция будет продолжать воевать с императором, поляки уже не станут получать от последнего помощи, и в этом выразится военная помощь французского короля московскому царю. «Поляки, которые соединились с домом Австрийским и с давних лет недруги короны французской, имеют великий страх перед великим князем от такого союза [с Францией]»; они «уймутся и не посягнут вскоре на ваши земли», узнав о франко-русском союзе, ибо «от дома Австрийского помощи польским людям против великого князя не будет, потому что они, австрийские, с королем французским воюют». Сообщаются подробности о причинах и ходе войны за Мантуанское наследство

[41] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 162, 178, 176—175, 160.
[42] Там же, лл. 11—12.
[43] Recueil des instructions..., p. 29.

в Италии между Францией и Габсбургами, подчеркивается, что Франция предполагает вскоре усилить военные действия против императора, а император со своей стороны предполагает, как только кончится его война с Людовиком XIII, направить все свое войско на помощь Сигизмунду III [44].

Даже торговые сюжеты [45] Деэ непосредственно связывал с международными политическими проблемами. Главный источник финансового могущества Австрийского дома, говорил он, это морская торговля Испании с Востоком. Если бы французские купцы получили разрешение ездить на Восток (в Персию) сухопутным путем, через Московское государство, Габсбурги лишились бы своих доходов, которые достались бы целиком Московскому государству и Франции. «Надобно унять и помешать, чтобы князья австрийские от восточной торговли прибыли себе не чинили, а то мы заметили, что они теми прибыльными деньгами, которые в прошлом году собрали, многих ратных людей наняли и на помощь к польскому королю послали против шведского короля, и если им государь [московский] в восточной торговле помешать не велит, они и впредь польскому королю помогать будут. И лучше б было, чтоб от восточной торговли государю [московскому] прибыль вышла, нежели недруги его тем обогащались». А стоит ему разрешить свободный проезд в Персию французам, французское государство «начнет Австрийский дом теснить и торговлю его восточную отымет, и у них силы убудет, и польскому королю помогать они не будут» [46].

Помимо общности врагов, Франция и Московское государство связаны и общностью друзей. Деэ разъяснял дружественные отношения французского короля с Англией, Голландией и Данией. Особенно же подчеркивал он дружбу Франции со Швецией и с Турцией. Деэ отметил, что он по пути был прекрасно принят Густавом-Адольфом. В царской помете на докладной Деэ, врученной боярам, специально предписывалось уточнить, чем «французский [король] помогает шведскому». И Деэ привел число солдат, будто бы уже посланных из Франции в помощь Густаву-Адольфу в прошлом году и намеченных к отправке в нынешнем. Но с особой многозначительностью Деэ говорил о франко-турецкой и русско-турецкой дружбе. Французский король — «турецкому султану друг... и царскому величеству турецкий султан друг же»: французский посол и сейчас живет в Константинополе, и Людовик XIII «наказал послам своим, чтоб они русским людям и православным [гречанам], которые при них будут в Цареграде, во всяких делах помогали и всякую добрую помощь им чинили», и

---

[44] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 115, 155—160, 152, 176, 54—55, 228.

[45] Торговая сторона этих переговоров освещена в исследовании Г. Жордания «Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в.», ч. I—II. Тбилиси, 1959.

[46] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 178, 156.

Людовик XIII готов поручить своим послам в Константинополе всякую иную услугу, какую захочет царь»[47].

Этот упор на турецкую проблему был, по-видимому, не случаен. Именно после этих слов Деэ неожиданно прервал свою речь перед боярами (при первой встрече) и, согласно записи, «помолчав немного, говорил, что наказано ему говорить и о иных делах, только ныне не говорит для того, что вскучно им, боярам»[48]. Нетрудно догадаться, что инструкция предписывала Деэ, как это часто делалось, изложить сначала часть предложений и лишь в том случае, если они будут охотно приняты, переходить к самым сокровенным делам и самым откровенным разговорам. Намек, сделанный Деэ, вызвал, видимо, две царские пометы, вписанные рукой думного дьяка Ефима Телепнева: «Царское величество с государем их [французским] в дружбе, и в любви, и в соединении хочет быть, а как тем статьям быть — и того допросить»; «государь и патриарх[49] указали посла допросить, что дружбе и совету и соединению [французско-русскому] укрепление чем-то укрепить»[50]. Но торговые переговоры уперлись в вопрос о разрешении католического богослужения для французских купцов. Деэ не мог догадаться, что московское правительство все же примет в последнюю минуту его программу-минимум[51], не проявил достаточно дипломатической дальнозоркости и так и уехал, не досказав того, что ему было поручено.

Что же еще поручил Ришелье своему послу предложить в Москве? На основании документов Стокгольмского архива Форстен говорит, что задачей Деэ де Курменена в Москве было «предложить Михаилу Федоровичу соединиться с Бетленом против Польши и императора»[52]. Это вполне согласуется с многозначительным подчеркиванием послом турецкой проблемы, ибо Бетлен Габор, государь Трансильвании и части Венгрии, находился тогда в своего рода вассальной зависимости от турецкого султана, и без благосклонного отношения Турции такой союз был бы невозможен. Ришелье уже знал решение Московского государства вступить в союз со Швецией. Следовательно, можно предположить, что Ришелье имел грандиозный замысел охватить Империю с севера, востока и юга сплоченным полукольцом своих союзников: Англии, Голландии, Дании, Швеции, Московии, Турции, Трансильвании — все они были, кстати, враждебны католицизму, хотя и по-разному. Важной частью этого полукольца на востоке должна была бы явиться военная коалиция Швеции, Московии, Турции и Трансильвании.

---

[47] Там же, лл. 225—226, 161, 176—177.
[48] Там же, л. 162.
[49] Филарет Никитич (*Ред.*).
[50] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 168, 179.
[51] См. ниже.
[52] *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 278.

Такое предположение подтверждается появлением в Москве в мае 1630 г. видного французского аристократа Шарля де Талейрана (предка знаменитого дипломата Талейрана и брата известного графа Шале, казненного Ришелье) с соответствующими предложениями. Правда, он приехал в качестве трансильванского, а не французского посла. Но вполне вероятно, что Ришелье предвидел недоверие в Москве к предложениям католической Франции и возможную неудачу миссии Деэ на этой почве и поэтому одновременно направил другого посла через посредство Трансильвании. Подобные приемы Ришелье применял и в сношениях с недоверчивой протестантской Швецией, действуя, например, через Бранденбург. Талейран, по пути в Москву и возвращаясь через пять лет из России (где он, как увидим, подвергся аресту), говорил своим попутчикам, что был послан в Трансильванию, Турцию и Московию французским королем[53]. Достаточно показательно также и то, что французское правительство энергично вызволяло его из плена, но при этом скрывало свое участие и в 1631 г. добилось писем к Михаилу Федоровичу от английского короля и голландского штатгальтера. Только в 1635 г. было направлено ходатайство и от имени самого Людовика XIII.

Судя по некоторым заявлениям Талейрана[54] и по наличию в его бумагах текста англо-французского мирного договора, можно предположить, что из Франции он был отправлен в то же самое время, что и Деэ де Курменен. Ко двору Бетлена Габора одновременно с ним прибыл Жак Руссель со сходными политическими проектами[55], и Бетлен Габор отправил их обоих в качестве своих послов для ответственнейших переговоров в Турцию, Московию и Швецию.

От имени Бетлена Габора Талейран и Руссель изложили в Москве подробный проект восточноевропейской военной коалиции. Этот проект уже был согласован ими по дороге в Константинополь (о чем свидетельствует представленная ими верительная грамота великого везира Режап-паши) при посредничестве голландского посла в Константинополе Корнилиуса, константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и, по всей вероятности, — хотя об этом, разумеется, не говорится, — французского посла Сези[56]. В ответ на полученное недавно предложение Михаила Федоровича о союзе Бетлен Габор сообщает, что он хо-

---

[53] Донесение пристава Лопухина. — ЦГАДА, Дела венгерские, 1630—1631 гг., стб. 1, л. 10. *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 60—61, 183—184.

[54] ЦГАДА, Дела венгерские, 1630—1631 гг., стб. 1, лл. 166, 10 и др.

[55] Густав-Адольф еще в 1626 г. в одном из писем к Бетлену Габору, которое было перехвачено поляками, развивал мысль о необходимости совместного выступления Швеции, Трансильвании, Московского государства и крымских татар (вассалов Турции) против Польши и Габсбургов (см. *Форстен Г.* Указ. соч., т. II, с. 204).

[56] ЦГАДА, Дела венгерские, 1630—1631 гг., стб. 1, лл. 167, 172—177.

чет союза «не словом, но делом»: на всякого недруга выступить со своими войсками заодно с московским царем, шведским королем и турецким султаном. «И как те три великие государи — царское величество и шведский король и государь их Бетлен Габор, король, — соединятся и учнут стоять на недруга заодно, а турецкий Мурад-султан учнет с своей стороны, и против их, великих государей, никто не может постоять. И чтоб то вперед установить и утвердить и ссылку [связь] добрую держать. А противники тем силам — король испанский, цесарь римский, король польский. И чтоб против их стоять и недружбу их мстить». Далее сообщается, что Бетлен Габор долго и успешно воевал «с Австрийским домом» и что он рассчитывает отнять у Сигизмунда III польский престол. И все снова подчеркивается наиболее важное для нас положение о тесном политическом единстве Польско-Литовского государства с Империей: «Да и за то польский король государя их Бетлена Габора, короля, боится, что государь их во многих случаях Австрийский дом теснил и побивал», т. е. победы над Империей опасны для Польши, лишают ее опоры. Наконец, следуют детальные расчеты, сколько войск может выставить Бетлен Габор, и сообщаются разные соображения о проектируемой коалиции: кроме султана и шведского короля (с которыми Бетлен Габор имеет тесную связь) он предлагает вовлечь в коалицию своего зятя, бранденбургского курфюрста, имеющего «великую мощь людьми и казною» [57].

Все эти данные о разных иностранных демаршах в Москве мы приводим не для того, чтобы создалось впечатление, будто международная позиция Московского государства в обстановке Тридцатилетней войны была навязана и внушена ему кем-то извне. Напротив, она была вполне самостоятельна. Приведенные примеры показывают только, что Москва не была одинока, что, содействуя косвенно Альтмаркскому перемирию и благоприятствуя вступлению Швеции в войну с Империей, руководители Московского государства исходили из тех же представлений об общеевропейской ситуации, которые являлись распространенными и самоочевидными и среди других европейских политиков. В том, что говорили в Москве послы Турции, Швеции, Франции, Трансильвании, при всем разнообразии, была общая основа: эти державы уже тем союзники Москве, что они являются врагами Империи, а Империя — главный союзник главного врага Москвы — Польско-Литовского государства. Это вполне отвечало точке зрения Москвы, внушенной не чьими-либо словами, а долгим опытом русско-имперских и русско-польских отношений.

Территориальных споров у Московского государства с Империей не было после того, как Ливония перестала быть имперским леном. Военных столкновений между царем и императором во-

[57] Там же, лл. 160—164.

обще не бывало. Империя часто выступала даже в роли посредника при столкновениях Московского государства с его соседями. Но в том-то и дело, что Империя в XVI в. взяла на себя роль гаранта политической стабилизации в Восточной Европе, тогда как Московское государство с тех пор, как вышло из-под монгольского ига, не могло не требовать от своих западных соседей возврата захваченных ими в прошлые века русских земель. В особенности велики были эти претензии Московского государства к Польско-Литовскому государству. Следовательно, защищая восточноевропейскую стабилизацию, Империя объективно защищала Речь Посполитую от Московского государства. Но союз Империи с Речью Посполитой стал активно враждебным Московскому государству в эпоху агрессивной политики Сигизмунда III. Мало того, как из-за спины самозванцев в критический момент выступила открытая польская интервенция, так в 1612 г. из-за спины побитых польских интервентов к московскому престолу открыто протянулась было рука Габсбургов. Затем, после 1613 г., император не признавал де-юре Михаила Федоровича русским царем, что было равносильно признанию прав польского королевича Владислава на русский престол со стороны этого «посредника», не стеснявшегося оказывать полякам, кроме дипломатической, также прямую материальную помощь деньгами и войсками.

Тот, кто поддерживал претензии Владислава, не мог не быть врагом в глазах правительства Михаила Федоровича. Следует считать, что на этой почве были прерваны дипломатические отношения между Московским государством и Империей в 1613 г., хотя острый эпилог еще разыгрывался в 1614—1616 гг., после чего уже никаких сношений с Империей Московское государство не поддерживало во все время Тридцатилетней войны [58].

В течение всего этого времени в Москве с агентами Империи обращались не по кодексу дипломатических норм, а как с агентами вражеского государства. Императорский посол Адам Дорно в 1613 г. был арестован и содержался под стражей до самой смерти (1654 г.). Не помогли ему ни принятие православия, ни прошения к императору, которые, разумеется, не пересылались из-за отсутствия дипломатических отношений. Еще характернее арест Шарля де Талейрана в 1630 г. Он был арестован по подозрению в том, что собирается ехать к испанскому королю и германскому императору [59], т. е. как тайный агент Габсбургов, который мог бы донести им о планах восточноевропейской коалиции и неискренне трудился над ее сколачиванием. Содержащееся в более поздней грамоте Людовика XIII утверждение, что Талейран был аресто-

---

[58] *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России, т. I. М., 1894, с. 17—19; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, т. II. СПб., 1852.

[59] ЦГАДА, Дела венгерские, 1630—1631 гг., стб. 1, л. 190.

ван по обвинению в военном шпионаже в пользу Польши[60], не противоречит первому объяснению, а вполне с ним увязывается. Далее, когда в 1632 г. император Фердинанд II попробовал возобновить дипломатические отношения с Москвой, его послу было предложено от границы отправиться восвояси, причем с характерной мотивировкой: так как тот прибыл через Польшу и в сопровождении поляков, т. е. в качестве польского союзника. Не менее характерно, наконец, и то, что именно в 1654 г., когда Империя, разбитая в Тридцатилетней войне, уже ничем не могла помочь полякам, Московское государство решило восстановить с ней «ссылку» (дипломатические отношения).

Итак, все факты говорят о том, что враждебность Московского государства к Империи была не прямой, а отраженной от враждебности к Речи Посполитой, с которой имелись глубочайшие территориальные, а после польской интервенции и политические споры. Но логика вещей заставляла Московское государство считать своими друзьями в Европе уже не только врагов Польши, но и врагов Габсбургов. В 1615 г. Московское государство посылает посольство во Францию, в 1617 г. — в Англию просить поддержки против поляков, хотя ни Франция, ни Англия не были непосредственно враждебны Польше, но представлялись, безусловно, враждебными в той или иной мере Габсбургам. На той же почве укрепились в 20-х годах дружественные отношения Москвы с Голландией и с Данией.

Деулинское перемирие 1618 г. не устранило враждебности между Московским государством и Речью Посполитой. В 1619 г. из девятилетнего польского плена возвратился в Москву отец царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет Никитич, ставший фактическим главою Московского государства. Важнейшую внешнеполитическую задачу России Филарет Никитич видел в сокрушении Польско-Литовского государства для возвращения западнорусских, украинских и белорусских земель. Он отдавал себе отчет в необходимости сокрушения для этого и союзников Польско-Литовского государства — всего габсбургско-католического лагеря в Европе. Филарет Никитич считал, по-видимому, заключение Деулинского перемирия ошибкой и, по утверждению Ростовской летописи, настаивал на его нарушении[61]. Разумеется, причиной этого была не «обида» его на поляков, а приобретенная за границей, за время плена, широкая международная перспектива. Уже в 1620—1621 гг. под энергичным руководством Филарета Никитича Московское государство становится одной из самых деятельных антигабсбургских держав в Европе: оно не только вступает в переговоры с Турцией и Швецией о заключении военного союза против Польши и осенью 1621 г., по решению Земского собора,

---

[60] Recueil des instructions..., p. 35—36.
[61] *Бантыш-Каменский Н.* Переписка между Россией и Польшею, ч. III, с. 47.

уже направляет полякам ультиматум, одновременно собирая войско, но ищет также и в Западной Европе союзников против Габсбургов. Посольство с предложением политического союза было направлено в 1620 г. в Англию, но англичане в тот момент были еще увлечены политикой «умиротворения» и спохватились только в 1623 г., прислав в Москву послов с готовым для подписи текстом договора о союзе[62]. Однако к этому времени благоприятная ситуация в Восточной Европе уже успела измениться. Двусмысленность позиции Франции и Англии в отношении разгоравшейся в Империи (в Чехии и Пфальце) войны была побудительной причиной для посольства в Западную Европу в 1621 г. Родионова якобы для подыскания невесты Михаилу Федоровичу, на деле же для уяснения таких вопросов, как, например, «кому французский король помогает, цесарю или пфальцграфу рейнскому, или никому не помогает»[63].

Вести с Запада оказались неутешительными. В Турции в мае 1622 г. был убит янычарами султан Осман II, и начатая им война с Польшей (поход на Хотин в 1621 г.) была прервана; Густав-Адольф заключил с поляками перемирие. Таким образом, активность Московского государства была парализована; единственным ее плодом на этот раз оказался разрыв дипломатических отношений с Польско-Литовским государством (с 1622 по 1634 г.). Внешнеполитическая неудача, по-видимому, ослабила влияние Филарета Никитича и способствовала кратковременному торжеству при дворе Михаила Федоровича прежнего боярского руководства, в том числе дьяка Ивана Грамотина, сотрудничавшего с поляками во время интервенции и организовавшего Деулинское перемирие 1618 г. Но уже в 1625 г. шведские осведомители сообщали в Стокгольм о попытке своего рода государственного переворота в Москве, причем недовольная часть бояр и придворных выступала под лозунгом объявления войны Польше. Несомненно, что это была партия Филарета Никитича. В период 1626—1628 гг. Филарет Никитич берет ведение всех дел в свои руки, в Посольском приказе на место Ивана Грамотина водворяется выдающийся дипломат — думный дьяк Ефим Телепнев, а во внешней политике торжествует принцип активного собирания антипольской и антигабсбургской коалиции.

Международная обстановка благоприятствовала этому курсу. Надвигавшийся финал датского периода Тридцатилетней войны делал для всех негабсбургских держав Европы все более неотложным вопрос об отпоре габсбургско-католической агрессии. В Москве теперь с каждым годом появляется больше иностранных послов. Но Москва не ждала чужой инициативы, а сама определяла

---

[62] *Любименко И.* Проекты англо-русского союза в XVI и XVII веках. — «Исторические известия», 1916, вып. 3—4.

[63] Памятники дипломатических сношений Древней России, т. II. СПб., 1852, с. 1358—1365.

свое место в размежевании Европы на два лагеря. Вот, например, какую инструкцию получили еще в феврале 1626 г. «пристава», посланные навстречу прибывшим после долгого перерыва шведским послам: на расспросы послов об отношениях царя с другими государями отвечать, что «английский, и датский, и французский короли, и нидерландской и голландской земли князья» находятся с царем в дипломатических и торговых отношениях; с турецким султаном, крымским ханом и персидским шахом сношения являются особенно частыми и тесными; «а с цесарем у великого государя нашего, е. ц. в. ссылки давно не бывало»; «а про польского короля самим им [послам] ведомо, что он великому государю нашему е. ц. в. и всему Московскому государству недруг, и войны ныне с польским королем нет [только] потому, что прежде сего по указу ц. в. бояре с паны-радою учинили перемирие до урочных лет» [зачеркнуто: «а вперед царскому величеству польского короля и сына его недружбу забыть нельзя, потому что их неправдою Московскому государству учинилось многое разорение»]; «а буде спросят про папу, с папой римским царскому величеству ссылка есть ли, — и им [приставам] говорить: с папой римским царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться с ним не о чем, и сами они [послы] ведают, что папа православным христианам неприятель и меж христиан не радеет ни о каком добре». Затем следует указание, как отвечать на возможные расспросы о послушании царю больших ногаев, Казыева улуса, горских черкесов, кумыков, об устроении Сибирского царства, — все это было важно для западных политиков, ибо определяло возможность или невозможность активной западной политики Московского государства[64].

Как видим, перед нами до всяких переговоров со шведами четкое определение позиции Московского государства в мировой системе государств и народов. Все они делятся на две категории: друзей и врагов, — причем ко второй категории отнесены Польша, папство и Империя. Эта же классификация воспроизводится во многих других документах и во всей внешнеполитической практике Москвы в конце 20-х—начале 30-х годов. Дипломатические соображения вносили в нее лишь незначительные нюансы. Так, инструкция, данная в 1629 г. приставам, встречавшим французского посла Деэ де Курменена, предписывает на его расспросы отвечать, что царь находится в дружбе с Англией, Данией, Швецией, Голландией, особенно же с Турцией и Персией, что с Империей «ссылки давно не было», что польский король, как всем ведомо, Московскому государству недруг, ибо дело идет о после католической державы[65]. В сношениях же 1628—1631 гг. с Гол-

---

[64] ЦГАДА, Дела шведские, 1626 г., стб. 2, лл. 50—55, 190—194; тот же наказ повторяется и при встрече второго шведского посольства в октябре 1626 г. (см. там же, кн. 19, лл. 81—85).

[65] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 89—91.

ландией, воевавшей с испанской половиной Габсбургского дома, но соблюдавшей нейтралитет в отношении Империи, подчеркивалась враждебность Москвы к Испании. Москва даже добивалась военного союза с Голландией на том основании, что испанцы, являющиеся для Голландии такими же врагами, как поляки для Москвы, — союзники поляков[66]. Эти нюансы отнюдь не затемняют, а только подчеркивают тот факт, что в конечном счете московское правительство определило свою позицию по отношению к любому европейскому государству в зависимости от того, принадлежит оно к габсбургскому или к антигабсбургскому лагерю.

На этой основе Московское государство в конце 20-х годов и ведет активную политику собирания коалиции. Одним из косвенных результатов этой политики, отнюдь не непредвиденным, явилось Альтмаркское перемирие 1629 г.

В 1626 г. почва для активной политики, ускользнувшая из-под ног в 1622 г., снова еще не вполне нащупана. Как ответить на предложение Швеции о военном союзе? Результат шведского посольства оказался половинчатым: с одной стороны, в Москве Бремену и Унгерну было продемонстрировано полное понимание шведской точки зрения и искреннее желание политического сотрудничества против общих врагов; с другой стороны, прямое предложение военного союза против Габсбургов и Речи Посполитой было все же отклонено с такой мотивировкой: шведский «добрый совет» ударить в настоящий благоприятный момент на поляков царь «принимает в любовь и в сердечную дружбу и о том мыслить будет, как польскому королю и землям его прежние его неправды отомстить, только того ныне в перемирные лета учинить невозможно потому, что тот мирный договор [Деулинский] ... закреплен великих послов душами и крестным целованьем». Но тотчас к этому отказу прибавлена фраза, намекающая на возможность согласия, т. е. досрочного разрыва Деулинского перемирия: «А буде которая хоть малая неправда объявится от польского короля и от сына его и от поляков и от Литвы, хотя бы и до урочных перемирных лет, и великий государь е. ц. в. на польского короля и на сына его, и на Польшу, и на Литву за их неправды пойти готов и с государем вашим королем Густавом-Адольфом о том вперед снесется». Бояре умолчали только перед шведскими послами о том, что предлогов для обвинения Польско-Литовского государства было налицо сколько угодно и что еще Земский собор 1621 г. торжественно провозгласил поляков нарушителями условий перемирия. Предложения Бремена и Унгерна поднять против Польши татар и казаков (подданных царя) и отвлечь запо-

---

[66] Отчет А. Бурха и И. фан Фелтдриля... — Сборник Русского исторического общества, т. 116, СПб., 1902, с. 55 и др. См. также: ЦГАДА, Дела голландские, 1628—1631 гг.

рожских казаков от подчинения польскому королю были отклонены с той же мотивировкой [67].

Большой интерес представляет вопрос, почему руководитель шведской внешней политики канцлер Аксель Оксеншерна, едва получив русский ответ, поспешно снарядил в Москву новое посольство — Рубцова и Бенгарта? По-видимому, он решил проверить, не объясняется ли отказ Москвы тем, что первое посольство предложило Москве не шведско-русский союз против Польско-Литовского государства, а такой союз, при котором Россия должна взять на себя Речь Посполитую, а Швеция займется главным организатором агрессии — Империей. Не пойдет ли дело лучше, если обещать Москве просто совместное наступление на Польско-Литовское государство? В самом деле, в грамотах Густава-Адольфа от 5 августа 1626 г. и в речах послов на этот раз ничего не говорилось об общеевропейских проблемах, о габсбургско-католической угрозе, о помощи императора полякам. Густав-Адольф только сообщает о своих успехах в войне с Польско-Литовским государством и на этом фоне делает предложение: «И если в. ц. в. захочет поотомстить ту великую неправду, что польские люди земле подданным в. ц. в. учинили, в. ц. в.-ву никогда не суметь избрать лучшего времени, чем ныне, потому что татары вошли в польскую землю, с одной стороны, а мы — с другой стороны, и чаем, что и с третьей стороны иной некоторый великий государь тотчас войдет в литовскую землю воевать» [68]. Посол Бенгарт говорил боярам, что в интересах самого Московского государства немедленно выступить против Польши, пока она не заключила мира со Швецией [69].

Оправдались ли шведские предположения, что такая постановка вопроса изменит позицию Москвы? Отнюдь нет. Послам сказали, что царю ведомо и недружелюбие поляков и то обстоятельство, что там ныне «война со всех сторон», так что если бы только царь захотел, он мог бы сейчас отомстить полякам за всю прежнюю недружбу, но все же он «войны на них не посылает», хотя очень рад победам Густава-Адольфа «над общим их недругом — польским королем» и был бы рад, если бы Густаву-Адольфу удалось «польского короля до конца победить и землями его завладеть» [70].

Итак, Москва воздерживалась в 1626 г. от войны с Польско-Литовским государством не потому, что ей чужда была коалиционная точка зрения. Напротив, в Москве отчетливо понимали, что бороться придется не «один на один» и не «вдвоем на одного», а «стенка на стенку». Ясное представление о существовании коалиции польско-имперско-испанской само влекло за собой

---

[67] ЦГАДА, Дела шведские, 1626 г., стб. 2, лл. 360—380, 289—322.
[68] Там же, 1626—1627 гг., кн. 19, лл. 125—128.
[69] Там же, лл. 176—182.
[70] Там же, лл. 183, 159—160, 167—169.

мысль о необходимости противопоставить ей другую коалицию, другую «стенку», и каждому взяться за одного из противников по силам. Но слабость внешнеполитического положения Московского государства в 1626 г. состояла именно в том, что у него не было коалиции; единственным союзником оказались бы шведы — его враги, в конце концов не многим меньшие, чем польские паны, ибо шведы только что отняли у Московского государства Балтийское побережье, необходимое ему, как воздух. У Московского государства не было бы причин вообще испытывать больше расположения к шведам, чем к полякам, если бы польский король, поддерживаемый Габсбургами, не проявлял по-прежнему агрессивности в виде претензий на новые русские земли и на русский престол, тогда как шведский король по Столбовскому миру торжественно признал себя вполне удовлетворенным своими захватами и больше ни на что не претендовал. Но где были гарантии, что все это не окажется пустыми словами, так же как и антигабсбургские декларации Густава-Адольфа, т. е. что Швеция не повернет оружия именно против Московского государства, когда последнее достаточно увязнет в войне с Польшей? Гарантией могла бы служить только более обширная коалиция. Оставаясь же на антигабсбургской стезе с глазу на глаз с одной Швецией, Московское государство никогда не решилось бы на открытое выступление. Это отлично понимала между прочим польская дипломатия, и именно поэтому Сигизмунд III, воюя со Швецией, не проявлял большого беспокойства по поводу позиции Москвы вплоть до июля 1629 г.

Вот почему задачей Филарета Никитича с 1626 г. и было активно искать новых членов коалиции. Со Швецией поддерживалась самая тесная связь, даже военная, поскольку это было возможно в обход русско-польского договора о перемирии. Например, в 1627 г. во Франции было получено тайное донесение из Польши, что под командованием Густава-Адольфа в Ливонии против поляков сражаются вместе со шведами и «московиты»[71], попавшие сюда, несомненно, не без ведома московского правительства. Но все же главное внимание было обращено на поиски других союзников. И именно с 1626 г. одно обстоятельство дало в руки Московского государства реальную возможность начать эту активную политику альянсов: с 1626 г. на западноевропейском рынке началась новая волна «революции цен», а именно головокружительное повышение хлебных цен[72], тогда как в Московском государстве в течение XVII в. хлебные цены хотя и сильно колебались, но оставались низкими и в общем даже понижались[73].

---

[71] Акты и письма..., вып. II, с. 91.

[72] См., например, *Naudé W.* Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom 13. bis zum 18. Jahrhundert. Berlin, 1896.

[73] См. *Ключевский В. О.* Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. — Соч., т. VII. М., 1959. Ср. *Lubimenko J.* Les marchands anglais en Russie au XVII siècle. — «Revue historique», t. IX—X, 1922.

Разница в уровне цен, достигшая к 1628 г. пропорции 1 : 10 и затем доходившая до пропорции 1 : 20 и выше, образовывала дополнительный финансовый потенциал, а вместе с тем и политический потенциал на стороне Московского государства, где хлебный экспорт был царской монополией, а также на стороне тех государств, которым оно как союзникам предоставляло свой хлеб[74]. Дело именно не столько в потребительском значении этого хлеба, ибо в абсолютных цифрах его вывозили не так уж много, и русское сельское хозяйство в XVII в. совсем не было подготовлено для роли житницы Европы, — сколько в денежном выражении этой разницы цен. Предоставляя союзникам дешевый хлеб, Московское государство тем самым оказывало им, в сущности, денежную помощь. А денежные субсидии в ту эпоху расцвета военного наемничества, когда имеющий деньги мог нанять неограниченное количество интернационального сброда, были равносильны военной помощи. Таким образом, с 1626—1628 гг. перед Московским государством открылись особенно широкие возможности активной внешней политики.

Что касается Франции, то на возможность сближения с ней в Москве, видимо, не рассчитывали ввиду безрезультатности посольства 1615 г. В отношении Англии, напротив, предпринимались активные попытки сближения. Однако главное внимание Москвы в 1627—1628 гг. привлекала Дания как единственная страна, которая в это время не косвенно, а прямо, не на словах, а на деле воевала с Империей. При этом она воевала в основном на те субсидии, которые предоставляли ей Англия, Голландия, Франция. Московское государство охотно использовало ту же форму сближения, предоставляя Дании значительное количество хлеба не по отпускной цене, по которой царская казна монопольно продавала хлеб за границу, а по крайне низкой себестоимости[75]. Естественно, что Любекский мир Дании с Империей вызвал в Москве негодование. Датскому послу, явившемуся в Москву в июне 1631 г. с предложением союзного договора, было сказано, что союз (а вместе с тем и дальнейший доступ к русскому хлебу) был бы возможен только в том случае, если бы датский король Христиан IV захотел быть в дружбе не только с русским царем, но и с «другом царским — шведским королем Густавом-Адольфом» (уже воевавшим тогда с Империей), иначе говоря, если бы он снова объявил себя врагом Империи. Дело кончилось разрывом переговоров и «оскорблением великим» датскому послу[76].

---

[74] Много ценных данных в кн.: *Soom A.* Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnischen Städte in den Jahren 1636—1656. Tartu, 1940.

[75] Подробнее о русских субсидиях см. ниже.

[76] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. V. М., 1961, с. 148—149, *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России, т. I. М., 1894, с. 217—218.

Кроме датчан особое внимание Москвы привлекали голландцы, так как и они тоже находились фактически в войне с Габсбургами, хотя только в лице Испании. Голландцам, кроме хлеба, было предоставлено (частично бесплатно) основное «стратегическое сырье» той эпохи — селитра[77].

Однако, если мы хотим точно проследить, как и когда Московское государство почувствовало под ногами серьезную коалиционную почву, приведшую его к решению порвать Деулинское перемирие, мы должны смотреть не столько на эти его поиски союзников в Западной Европе, которые к интересующему нас моменту, к началу 1629 г., не дали еще явных дипломатических результатов, сколько в совсем другом направлении: на развитие русско-турецких отношений[78].

Не имея возможности осветить здесь подробно эту тему, укажем только, что как раз в 1627 г. в политике султана Мурада IV наметился поворот к тому же антиимперскому и антипольскому курсу, который был прерван в 1622 г. убийством Османа II. И тот же турецкий посол, грек Фома Кантакузин, который в 1621 г. склонял Москву к коалиции, привез и в 1627 г. аналогичные предложения. Они были приняты в Москве с радостью. В Турцию были отправлены послы Яковлев и Евдокимов для оформления русско-турецкого союза. С ними же были посланы грамоты от Михаила Федоровича к трансильванскому государю Бетлену Габору (доставленные ему из Константинополя братом упомянутого Кантакузина) с предложением дипломатических сношений и политического союза. В Москве было известно о тесных родственных и политических связях Бетлена Габора с Густавом-Адольфом. Иначе говоря, к 1628 г. в связи с новым западным курсом Турции в Москве зародилась идея образования восточноевропейской коалиции в составе Трансильвании, Турции, Московии и Швеции (при союзнических отношениях с Данией, Голландией, Англией) против польско-габсбургской коалиции. Москва энергично принялась за осуществление этого проекта и взяла на себя определенные обязательства. Весть о них, дойдя до Ришелье, послужила, как мы знаем, толчком к его трем посольствам в Восточную Европу (Шарнасе, Деэ и Талейрана), мало того, к отраженному проявлению в его сознании того же самого плана восточноевропейской коалиции.

Следующим звеном в развитии позиции Москвы явились переговоры со шведскими послами Мониером и Бенгартом, явившимися в Москву в марте 1629 г.

Шведское правительство после двойной неудачи в 1626 г. уже не помышляло больше о возможности сорвать Деулинское

---

[77] Отчет А. Бурха и И. фан Фелтдриля...; *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. V, с. 147.

[78] См. *Забелин И.* Русские посольства в Турции в XVII столетии. — «Русская старина», сентябрь 1877 г.

перемирие между Московией и Польшей. Но известия об антигабсбургской активности московской дипломатии породили в конце 1628 г. надежду в Швеции на получение крупной субсидии от Московского государства (как и от Франции) для борьбы против Империи.

Какой же помощи просит Густав-Адольф у московского царя? Лучше всего были бы, конечно, военные действия против Польши и Империи, но раз уж царь не хочет начинать войну до истечения срока перемирия с Польшей, то есть и другое средство: помочь «сему мирскому делу» деньгами или хлебом. Густав-Адольф просит разрешения закупить в Московии для его «великого войска» 50 тыс. четвертей ржи. (На самом деле хлеб пошел не для войска, а на мировую хлебную биржу в Амстердам, но московское правительство этим ничуть не интересовалось). Разрешение на закупку хлеба по казенной себестоимости было дано, и на будущее время шведским послам было объявлено: «Пусть только король ваш пишет, сколько ему надобно съестных припасов, и великий государь велит покупать их беспошлинно, в который год хлеб уродится»[79]. Это уже было равносильно военно-политическому союзу. Мониер и Бенгарт получили то, о чем просили. Но совершенно неожиданно они получили и то, в чем было дважды отказано шведским послам в 1626 г. В архивном деле о пребывании Мониера и Бенгарта в Москве сохранился исключительно важный документ, какими мы обычно в подобных случаях не располагаем, — нечто вроде протокола обсуждения шведских предложений в отсутствие послов в царских палатах между царем, Филаретом Никитичем, ближними боярами и дьяками. Этот протокол показывает прямую и тесную связь между решением разорвать Деулинское перемирие и недавними союзными предложениями Турции. План создания восточноевропейской коалиции против габсбургской коалиции, зародившийся в 1627 г., как бы дозревает здесь на наших глазах в марте 1629 г. Тут же записаны и ответные речи, которые было поручено держать боярам и дьякам перед шведскими послами. Послам должно быть указано, что московский царь горячо сочувствует намерению шведского короля взять на себя труднейшую часть общей задачи — войну с цесарем — и вступает с этой целью с ним в союз: царь решил «государю вашему и другим христианским государям евангелической веры помощь чинить всякими мерами, чтоб злого умысла цесарева и папежников [императора и католиков] до себя не допустить и вам всем помочь». Эта помощь обещана, обещан и разрыв Деулинского перемирия с Польшей: «Великий государь за неправды польского короля и нарушение мирного договора не хочет ждать истечения перемирных лет, — хочет над ним промышлять [воевать с ним] и государю вашему помогать»[80].

---

[79] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 192—211; см. также об этих переговорах ниже, с. 212—214.

[80] Там же.

Это и есть неоднократно упоминавшееся нами решение московского правительства, которое имело огромное значение для хода Тридцатилетней войны и для судеб Европы.

Как видим, это решение было принято отнюдь не в результате шведских внушений, а вполне самостоятельным развитием московской политики. Отныне ее важнейшей задачей становится посредничество в сближении и заключении военного антигабсбургского союза между южным соседом Московского государства — Турцией (с ее вассалами — Крымом и Трансильванией) — и северным соседом — Швецией. Московская дипломатия в 1630—1631 гг. развивает в этом направлении большую активность, турецкие и крымские послы ездят через Москву для переговоров о союзе в Швецию, а шведские — в Турцию и Крым.

В Швеции и за ее пределами, особенно в Германии, привезенные Мониером и Бенгартом из Москвы известия произвели огромное впечатление. В следующем послании Густава-Адольфа к Михаилу Федоровичу говорилось: «Короля в особенности радует, что московский царь... обещал помочь притесненным протестантам Германии; многие тысячи были утешены этим обещанием, и да направит всемогущий бог мысли и сердце царя к выполнению данного им обещания» [81]. С этого момента во все время Тридцатилетней войны вплоть до подписания Вестфальского мира Швеция широко рекламировала в Европе союз с Москвой, а в Москве шведский резидент Меллер пропагандировал даже такую доктрину: «Густав-Адольф со своим войском — передняя стена Московского государства, передовой полк, бьющийся в Германии за русское царство» [82].

Что касается обещания начать войну с Польско-Литовским государством, не дожидаясь истечения перемирия, то московское правительство настоятельно просило шведов, «чтобы это дело содержалось в тайне». Но мы уже знаем, что Густав-Адольф и Оксеншерна согласились на Альтмаркское перемирие именно потому, что были посвящены в это тайное решение Москвы и были уверены, что военные силы Польши будут вскоре скованы войной с Московским государством. Правда, они все же побаивались, что шведско-польское перемирие вызовет в Москве недовольство. И в самом деле, если бы московское правительство имело только одну цель — вместе со Швецией воевать против Польши, — следовало бы признать, что своим обещанием нарушить перемирие оно только повредило себе. Но в действительности, хотя, разумеется, московское правительство было бы очень радо иметь в лице шведов непосредственного союзника против Польши, оно стояло на гораздо более широкой коалиционной точке зрения и, несомненно, предвидело неизбежность шведско-польского перемирия,

---

[81] *Форстен Г. В.* Указ. соч., т. II, с. 358—359; ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 138—139.
[82] *Соловьев С. М.* Указ соч., кн. V, с. 136.

подталкивая Швецию к войне с Империей. Поэтому-то Альтмаркское перемирие ничуть и не изменило позицию Московского государства.

Есть некоторые основания предполагать, что во время пребывания в Москве Деэ де Курменена, т. е. в конце октября 1629 г., Московское государство уже знало о заключенном за месяц до того Альтмаркском перемирии[83]. Деэ, несомненно, знал, если не о факте подписания договора, то об успешном ходе переговоров. К деликатному вопросу о возможности польско-шведского перемирия он несколько раз возвращался в беседах с боярами, всячески подчеркивая, что отнюдь не Франция, а только Англия и Голландия стремятся помирить Польшу со Швецией. Он, как и Ришелье, заблуждался, думая, что правду о роли Франции в шведско-польском замирении надо скрывать в Москве. Московское правительство гораздо правильнее и спокойнее понимало ситуацию, чем они предполагали. Разглагольствования Деэ были прерваны неожиданным вопросом бояр: «Если польский король со шведским помирятся, государю их [французскому] Людовику то годно ли будет [т. е. выгодно ли, желательно ли], и английскому королю, и датскому, и голландцам то годно же ли будет?» Такая формулировка вопроса свидетельствует о ясном понимании сути дела: всем антигабсбургским державам Европы крайне необходимо, чтобы Швеция вышла из войны с Польско-Литовским государством. Однако и на этот прямой вопрос, взывавший к честности, Деэ не дал правдивого ответа. Тем самым он только ослабил доверие к себе[84].

Но все же московское правительство было столь заинтересовано в приобретении еще одного партнера в антигабсбургской политике, что пошло на самые необычные и нежелательные уступки Франции в торговых вопросах, раз уж французский посол считал это необходимым предварительным условием политического союза. Ошибочное представление Соловьева, будто из Москвы «Курменен уехал, не добившись ничего нового»[85], объясняется тем, что в архивном списке ответная грамота Михаила Федоровича к Людовику XIII приведена без конца, содержащего конкретные пункты, т. е. списана не с окончательного текста, а с черновика, заготовленного до того, как окончательные уступки были решены. Полный текст ответа сохранился лишь во французском архиве[86]. Но уступки настолько полно отвечали французским пожеланиям и настолько свидетельствовали о благожелательности Московского государства, что текст этого ответа с полным основанием был опубликован в Париже в правительст-

---

[83] Но полный его текст был доставлен Мониером только в начале 1630 г. (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 3).

[84] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 225, 181, 227—229.

[85] *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. V, с. 145; ср. *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России, т. IV, с. 79—80.

[86] Акты и письма..., вып. I, № 123, с. 295—298.

венном ежегоднике «Mercure français» под знаменательным заглавием: «Договор о союзе (Traité d'Alliance) и о торговле между Людовиком XIII, королем Франции, и Михаилом Федоровичем, царем Московии»[87].

Однако главные результаты переговоров Деэ — политические — не были доверены бумаге. Это был прежде всего вопрос о войне Московии с Польшей. Деэ тонко вплетал в свои беседы различную информацию, которая должна была показать московским политикам, что Польша в настоящее время очень слаба, и поэтому не следует упускать момента для нападения на нее. Все это было, в сущности, излишним, ибо вопрос в Москве был уже твердо решен. В царской помете на докладной записке Деэ читаем: на вопрос посла, каковы отношения царя с польским королем, боярам не отвечать, пока они окончательно не вызнают от посла, «так ли французский король в недружбе с польским», а затем «боярам говорить против того же, как объявлено шведскому королю», т. е. бояре должны были повторить французскому послу то же, что было заявлено Мониеру и Бенгарту: царь решил не ждать истечения срока перемирия и идти войной на польского короля. Деэ повез в Париж подтверждение этого обещания[88].

Вскоре после отъезда Деэ в Москве появился шведский посол Мониер с извинениями и объяснениями от Густава-Адольфа по поводу заключения Альтмаркского перемирия. Но вопреки опасениям Густава-Адольфа (как и Ришелье) шведско-польское перемирие не вызвало никакого изменения в намерениях Московского государства. Мониеру было сказано, что царь не сердится на короля за перемирие с Польшей, «потому что оно было заключено по нужде»; но пусть Густав-Адольф не думает, что перемирие гарантирует его от борьбы с польскими войсками: ведь Сигизмунд III будет теперь действовать против него в союзе с германским императором, если только польские войска не окажутся занятыми другой войной. Поэтому царь повторяет, что «с своей стороны не будет дожидаться истечения перемирного срока и пойдет мстить польскому королю его неправды». Как видим, когда Москве предлагали коалицию против Польши в 1626 г., она не шла на это, но теперь она по собственной инициативе решила занять свое место в антигабсбургской коалиции и именно путем отвлечения на себя сил Польши. «А как только ц. в. войну на польского [короля] взочнет, и государю нашему вольнее будет с цесарем войну вести», — говорил Мониер[89]. В Москве прекрасно понимали, что без этой гарантии Швеция не отдастся с головой войне с Империей. Более того, понимали, что Швеция не может не бояться удара с тыла не только от поляков, но и от русских. Где гарантия, что русские не по-

---

[87] «Mercure français», t. XXI, 1629, p. 1022—1032.
[88] ЦГАДА, Дела французские, 1629 г., кн. 2, лл. 55, 181, 226—227, 179—180.
[89] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 203—204.

пытаются воспользоваться занятостью шведских сил в Германии для того, чтобы отнять у шведов свои земли в Прибалтике? Такой гарантией могла бы быть только русско-польская война, которая сковала бы силы обоих противников. И вот эту гарантию — войну с Польшей — обещали в Москве Мониеру, несмотря на то, что Швеция заключила с ней перемирие; и даже, как видим, именно потому, чтоб окончательно подтолкнуть Швецию на войну с Империей. Царь желает Густаву-Адольфу, сказали бояре Мониеру, счастливо окончить начатое предприятие и одолеть своего врага.

Конечно, Мониер имел также поручение склонить московского царя к выступлению против Польши. Если царь начнет войну, шведский король обещает ему помощь оружием, наемными войсками и т. д. Со своей стороны московское правительство поощряло Швецию к войне с Империей: в 1630 г. шведам снова разрешено было закупить в Московском государстве «заповедные товары» беспошлинно и по низким ценам вольного рынка [90].

Наконец, в мае 1630 г. в Москву прибыли, как мы знаем, послы Бетлена Габора — французы Шарль де Талейран и Жак Руссель — с предложением той самой восточноевропейской антигабсбургской коалиции, которая была уже так близка сознанию московских политиков. Нетрудно догадаться, как было принято это предложение в Москве. Правда, формального ответа дано не было: в письме к турецкому везиру Режап-паше сообщается, что во время пребывания послов в Москве царю стало известно о смерти Бетлена Габора, и поэтому ответную грамоту решено отложить до тех пор, пока выяснится, «кто будет вперед по указу Мурада султанова величества» его преемником. Но в ответ на просьбу Режап-паши сообщить решение московского правительства по предложениям Бетлена Габора и на заявление везира, что если оно будет положительным (если «годно тем делам в совершеньи быть»), то и Турция готова немедля выступить («учнет промышлять»), — ему было прямо написано: посол Руссель, «будучи в ответе у ближних бояр, говорил то, что нам, великому государю, годно», и поэтому Русселю приказано дальше «о том деле радеть», для каковой цели он послан в Швецию [91].

Руссель выехал из Москвы в Швецию в июле 1630 г. Созревший план одновременного военного выступления Трансильвании, Турции, Московии и Швеции, который он вез, несомненно, послужил бы последним толчком к вступлению Швеции в Тридцатилетнюю войну, если бы уже предшествовавшие дипломатические события не оказались достаточным толчком: Руссель не застал в Швеции Густава-Адольфа, успевшего незадолго до того ринуться в Германию.

---

[90] См. ниже, с. 214—215.
[91] ЦГАДА, Дела венгерские, 1630 г., стб. 1, лл. 173, 192, 196.

Густав-Адольф получил московский ответ с Мониером, по-видимому, в начале апреля 1630 г. К этому времени и искренность антигабсбургской позиции Ришелье стала для шведского правительства очевидной, хотя Ришелье и затягивал заключение формального военного союза с Швецией. Не могло быть сомнений также и в искренности антигабсбургской позиции Московского государства, хотя и здесь дело тоже еще не дошло до формального договора и военного выступления. Густав-Адольф и руководитель шведской дипломатии Оксеншерна понимали, что очередь за ними доказать искренность позиции Швеции. Следующим шагом в становлении антигабсбургской коалиции должно было явиться начало военных действий Швеции против Империи. Около месяца ушло на окончательные приготовления к десантной операции. 19 мая 1630 г. корабли отплыли из Швеции. Вскоре 13-тысячное шведское войско во главе с Густавом-Адольфом высадилось на одном из островов Балтийского побережья Империи. Война началась. Не встречая сначала сильного сопротивления, Густав-Адольф, заняв устье Одера и соединившись со шведскими войсками, находившимися в Штральзунде, в короткий срок оккупировал почти все герцогство Померанию вместе с его столицей Штеттином. После этих первых блестящих успехов Густав-Адольф вдруг прекратил наступление и, закрепившись на занятом померанском плацдарме, вернулся к другому оружию — дипломатическому.

2. Русские субсидии Швеции

С точки зрения истории военного дела Тридцатилетняя война является кульминационным моментом в развитии системы наемных армий. С точки зрения экономической истории это значит, что небывалые массы людей были приведены в движение силой денег, т. е. Тридцатилетняя война была войной денежных ресурсов.

Специфика Тридцатилетней войны состояла в том, что державы, имевшие наибольший потенциал, воевали не столько открыто, сколько скрыто — субсидиями. Они финансировали и просто крупных кондотьеров, действовавших в Германии, вроде Мансфельда, и целые государства, принимавшие на себя роль кондотьеров, вроде Дании и Швеции. Конечно, и Дания и Швеция имели свои причины видеть в Империи своего противника, но воевать с ней они могли только благодаря иностранным субсидиям. Разве могла бы идти речь о целом «датском периоде» Тридцатилетней войны, если б под фирмой Дании не испытывался фактически военный, т. е. финансовый, а вместе с тем и политический потенциал стюартовской Англии? Под фирмой Дании выступала, как мы уже видели, даже целая коалиция: Христиан IV получал не только английские, но также голландские и французские субсидии. Но эта коалиция, на руководство которой претендовал

Карл I Английский, оказалась столь же хрупкой, как и финансовые права английской короны. В 1626 г. Христиан IV лишился голландских и французских субсидий, а в 1627 г. обнаружилось, что и английский король совершенно не в силах выполнять данные ему обещания. Если Христиан IV продержался еще полтора-два года, то благодаря русским субсидиям, оставшимся не замеченными западноевропейскими историками.

Швеция вступила в войну с Империей в июне 1630 г. В каждом учебнике можно прочесть, что Густав-Адольф воевал в основном на деньги, которые со следующего, 1631 г. стал выплачивать ему Ришелье: 1 млн. парижских ливров, т. е. около 400 тыс. рейхсталеров, ежегодно за обязательство содержать в Германии не менее 36 тыс. войск. В самом деле, Швеция, коренная территория которой насчитывала тогда всего 900 тыс. населения, не могла и думать о самостоятельном ведении большой европейской войны. Товарно-денежные отношения в Швеции были настолько неразвиты, что еще в конце XVI в. основная часть государственных доходов поступала не в денежном, а в натуральном виде [92]. Своеобразным натуральным налогом была и военная повинность шведских крестьян (один рекрут на каждых десять мужчин), отличавшая военную систему Швеции от других европейских государств с более развитыми рыночными отношениями. В XVI в. при Густаве Ваза шведская армия насчитывала около 15 тыс. человек, из них только 800 человек было немецких наемников, остальные — крестьяне-ратники. Но далее, с конца XVI в. и особенно при Густаве-Адольфе, непрерывные войны потребовали увеличения шведской армии. Она составляла: в 1619 г. — 30 тыс. человек; в 1623 г. — 40 тыс.; в 1628 г. — 50 тыс.; в 1630 г. — 70 тыс.; в 1632 г. — 147 тыс. человек [93].

Между тем, несмотря на отмену при Густаве-Адольфе привилегий для помещичьих крестьян, число рекрутов не могло быть значительно увеличено сравнительно с XVI в. Следовательно, удельный вес шведских крестьян-ратников стремительно падал, подавляющую массу в армии Густава-Адольфа во время Тридцатилетней войны уже составляли немецкие, шотландские и прочие наемники [94]. Вместе с тем быстро возрастала и потребность государства в денежной наличности для оплаты этих наемников. При Густаве-Адольфе предпринимаются меры для замены натуральных сборов с крестьян денежными, вводятся многочисленные косвенные налоги, осуществляется меркантилистская торговая политика. Ценой перенапряжения хозяйственных возможностей, разорения массы крестьянских хозяйств государственные доходы Швеции при Густаве-Адольфе росли в таком темпе:

---

[92] *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции, ч. I. (История государственного хозяйства Швеции до 1809 г.). СПб., 1890, с. 126.

[93] Там же, с. 195—200.

[94] В армии Густава-Адольфа в 1632 г. насчитывалось лишь 13 тыс. шведов и финнов (см. «История Швеции». М., 1974, с. 190) (*Ред.*).

в 1613 г. — 600 тыс. серебряных далеров (талеров); в 1620 г.— 1 млн. 200 тыс.; в 1630 г. — 2 млн.; в 1632 г. — 3 млн. 189 тыс.[95]

И все-таки военные расходы обгоняли этот рост доходов, так что государственный долг увеличивался из года в год. В 1632 г. он составлял 2 млн. 180 тыс. далеров серебром. Понятно, что финансовое положение шведского правительства серьезно улучшилось с того момента, когда оно обрело французскую ежегодную субсидию в 400 тыс. риксдалеров (рейхсталеров). Учтя, что в 1632 г. один риксдалер составлял 1,6 далера серебром, т. е. что французская субсидия в 1 млн. ливров была равна 640 тыс. далеров серебром, мы увидим, что в 1631 г. она соответствовала приблизительно $^1/_4$ всего государственного бюджета Швеции и еще большей доле собственно военной части бюджета. Следовательно, представление, что Швеция воевала в Германии в значительной мере на французские деньги и была в этом смысле наемницей Франции, вполне отвечает действительности. Для Франции же с ее высокоразвитыми финансами выплачиваемая шведам сумма представляла неизмеримо меньшую относительную величину (в 1631 г. — не более $^1/_{50}$ части всего государственного бюджета).

Реже упоминаются историками английские субсидии Швеции. Между тем Карл I в период своего беспарламентского правления (1629—1640) еще пытался играть, особенно вначале, хотя бы некоторую роль в европейской войне, преимущественно скрытую. Между прочим в делах московского Посольского приказа за 1631 г., а именно в донесениях русских послов Ф. Племянникова и А. Аристова, ездивших в Германию к Густаву-Адольфу и попутно детально информировавших московское правительство о международном положении в Европе, мы дважды встретили сообщения о помощи, оказываемой шведам не только французским королем «казною», но и английским королем «людьми» — 12 тыс. пеших и 4 тыс. конных солдат (в другой раз говорится только о 6 тыс. пеших), нанятых им «из своей казны» для Густава-Адольфа[96]. Этот вид субсидии — не в денежной, а в готовой товарной форме — тоже широко практиковался во все время Тридцатилетней войны и принципиально не отличается от первого. Но по размерам своим, если судить по данным цифрам, английская субсидия Густаву-Адольфу не идет ни в какое сравнение с французской субсидией, да и она очень скоро оказалась не по силам Карлу I.

---

[95] *Берендтс Э.* Указ. соч., с. 154—167.

[96] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 4. Эти донесения представляют ценный источник для историка Тридцатилетней войны, так же как и приложенная к одному из них обширная выборка корреспонденций из европейских газет за январь—март 1631 г., в конце которой стоит помета: «Читано 12 июня 139 (1631) года государю и святейшему государю патриарху в Крестовой палате».

Историки знают также один вид «чрезвычайных доходов» шведской казны, имевший колоссальное значение для войны Густава-Адольфа в Германии, но отнюдь не относимый ими к категории иностранных субсидий. Это — спекуляции шведского правительства хлебом на международном рынке. Переписка канцлера Акселя Оксеншерны в первые годы участия Швеции в Тридцатилетней войне буквально пестрит упоминаниями о хлебе. 4 января 1631 г. он пишет, что, если только государственная монополия хлебной торговли будет сохранена и укреплена, она одна даст достаточный дополнительный доход, чтобы покрыть весь государственный долг и поднять пошатнувшийся кредит Швеции; при этом он называет чрезвычайно осторожную, как увидим, цифру: торговля хлебом впредь будет давать казне ежегодно «более чем 300 тыс. риксдалеров» чистого дохода [97].

Швеция имела давнюю традицию государственной внешней торговли: получая налоги натурой, правительство частично превращало их в деньги путем сбыта продуктов на внешнем рынке; сбыт меди также издавна составлял государственную монополию. На основе этого опыта и развилась в XVII в. система хлебной спекуляции. Швеция стала почти монопольным обладателем побережья Балтийского моря, и шведское правительство, не довольствуясь огромной пошлиной, которую оно могло взимать с хлебных купцов-экспортеров в балтийских портах, само стало заниматься скупкой дешевого хлеба в целях выгодной его перепродажи в портах Западной Европы, пользуясь еще при этом льготой от Дании при провозе груза через Зунд. С 1626 г. Густав-Адольф владел уже не только Ингерманландией и Ливонией, но и Пруссией. В Кёнигсберге, Пиллау и Данциге он довольствовался вывозной хлебной пошлиной, но в Риге и Ревеле организовал скупку зерна. Из-за прекращения свободного экспорта цены на зерно в этих портах стояли низкие, и факторы шведского правительства перепродавали его на амстердамской международной хлебной бирже с огромным барышом, получив в 1629 г. до 40 рейхсталеров прибыли на каждый ласт, согласно вычислению голландца И. В. Нейкерке, автора вышедшей в 1630 г. в Гааге брошюры «Ясное изложение или указание мер к устранению настоящей дороговизны хлеба и к развитию судоходства нашего отечества» [98].

Этот лифляндско-курляндский хлеб и представляется нередко единственным источником «чрезвычайных доходов» шведской казны от хлебных спекуляций. Только шведские историки, изу-

---

[97] Цит. по: *Cronholm A.* Gustav II Adolf in Deutschland, Bd. I. Leipzig, 1875, S. 182.

[98] *Marquardus J.* Tractatus politico-juridicus de jure mercatorum. Francofurti, 1662, p. 634—640; ср. *Naudé W.* Op. cit., S. 362—364; *Кордт В.* Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов до 1631 г. — Сборник Русского исторического общества, т. 116. СПб., 1902, с. CCXVIII—CCXXVI.

чавшие архивы, указывают и другой источник: русский хлеб, вывозившийся через Архангельск. Так, по словам Кронхольма, Густав-Адольф для выполнения своих военных задач производил спекуляции лифляндским и русским хлебом в Голландии[99]. Однако эти два источника — остзейский и русский хлеб — не дифференцируются сколько-нибудь точно, да и общие цифры, характеризующие хлебные операции шведов в Голландии, отличаются крайней неполнотой и носят скорее иллюстративный характер. По-видимому, шведские архивы не обладают полной документацией, освещающей весь ход хлебных операций[100], и историк принужден опираться преимущественно на разрозненные отчеты шведских факторов в Голландии, осуществлявших заключительную фазу — продажу и подсчитывавших при этом чистый барыш от каждой данной партии зерна. Кронхольм приводит из этих отчетов за 1630 г. несколько цифр чистого дохода (по пунктам доставки хлеба и получения денег), причем суммирование даже этих довольно случайных цифр дает внушительный итог — свыше 500 тыс. риксдалеров — и замечает: «Перечисленные доходы были единственным, чем Густав-Адольф мог укрепить кредит, к которому он должен был прибегать для того, чтобы обеспечивать содержание армии: оплачивать расходы по вербовке, жалованье и перевозку солдат»[101]. Но русскому хлебу Кронхольм отводит в этих операциях второстепенное место сравнительно с остзейским. Неосновательность такого представления легко доказать, даже не прибегая к русским источникам.

Правда, сколько именно хлеба вывозило шведское правительство из Риги и Ревеля, установить нельзя, так как на этот хлеб, предназначенный «для шведской армии», не начислялось никакой пошлины, и поэтому архивы Риги и Ревеля не сохранили цифр хлебного экспорта за интересующие нас годы. Но мы знаем, что до установления шведской монополии из этих двух городов экспортировалось ежегодно около 13—14 тыс. ластов зерна[102] и что рижане жаловались на сильное падение хлебного экспорта при шведской монополии. Падению экспорта должны были способствовать и низкие цены, по которым хлеб тут монопольно скупался, и, в особенности, затруднения в доставке сюда поль-

---

[99] *Cronholm A.* Op. cit., S. 138.

[100] Показательно, что в 1634 г. шведские послы Шейдинг, Флеминг и Гюлленшерна, прибывшие в Москву для важных переговоров, связанных с хлебными закупками (см. ниже), не получили никаких точных цифр от своего правительства о размерах и цене хлебных закупок за прошлые годы и принуждены были поэтому просить составить для них соответствующую выпись из дел московских приказов (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1634 г., стб. 2).

[101] *Cronholm A.* Op. cit., p. 140—182.

[102] *Bienemann F.* Ueber Rigas erste Deputation nach Stockholm. Riga, 1894, S. 19. Рига ежегодно вывозила 200 тыс. тонн (амстердамский ласт равнялся 22,39 рижской тонны), Ревель — 120 тыс. тонн (амстердамский ласт равнялся 24,66 ревельской тонны).

ского хлеба, который, по-видимому, составлял немалый процент прежнего экспорта; что касается русского хлеба, то он тем более почти не просачивался в то время остзейским транзитным путем [103]. Наконец, из того количества остзейского хлеба, которое шведам удавалось все же скупить, известная часть использовалась в натуре для покрытия потребностей шведской армии, расположенной в Ливонии, Пруссии, Померании, ибо именно из остзейских портов ее было проще и дешевле всего снабжать продовольствием. Следовательно, навряд ли шведы могли вывозить на голландский рынок более 5 тыс. ластов остзейского хлеба, что никак не дало бы им и половины той цифры чистого дохода (свыше 500 тыс. талеров), которая сама, как мы отметили, в высшей степени неполно отражает действительность.

Итак, следует попробовать выяснить с помощью русских архивов действительную долю русского хлеба в спекулятивных операциях Швеции в первые годы ее участия в Тридцатилетней войне. Следует совершенно отделить вопрос о спекуляциях русским хлебом от вопроса о спекуляциях остзейским хлебом: ведь к дешевому остзейскому хлебу Швеция имела доступ на правах завоевателя, а дешевый русский хлеб получала на каких-то совсем иных основаниях.

И действительно, предоставление московским правительством шведскому королю русского хлеба было не чем иным, как военной субсидией, по существу аналогичной французской субсидии, но только облеченной в своеобразную товарную форму, что и скрыло ее от глаз исследователей. Единственный русский историк, обративший внимание на этот факт, К. Якубов, ограничился, к сожалению, несколькими словами. Густав-Адольф, говорит он, «извлекал значительные выгоды» из политической близости с Москвой. «Он ходатайствовал нередко, ссылаясь на недостаток хлеба в Швеции, об отпуске русского хлеба по казенной цене. Хлеб этот затем перепродавался его агентами в Голландию, а прибыль шла на подкрепление тощих финансов Швеции. Таким образом Тридцатилетняя война в известном смысле велась на русские деньги» [104]. Е. Сташевский, изучавший организацию иностранных хлебных закупок в России при Михаиле Федоровиче [105], никак не объяснил шведских привилегий и не заметил западноевропейского значения этих фактов.

Русский хлеб мог выполнять роль денежной субсидии по двум причинам: во-первых, он стоил значительно дешевле, чем в Западной Европе, и поэтому перепродажа его на западноевропейском рынке означала извлечение крупной денежной разницы;

---

[103] Ср. *Soom A.* Op. cit.

[104] *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1897, кн. 3, с. IX.

[105] *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. I. Киев, 1913, с. 277—294.

во-вторых, он принадлежал к «заповедным товарам», составлявшим царскую внешнеторговую монополию, и мог быть представлен той или иной союзной державе в большем или меньшем количестве по большей или меньшей цене — по воле московского правительства.

Как было отмечено выше, новая волна «революции цен» в Западной Европе, поднимавшаяся в течение 20-х годов XVII в., достигла апогея к началу 30-х годов. В частности, цены на хлеб во всей Западной Европе, отражавшиеся, как на точном барометре, на амстердамской международной хлебной бирже, обнаруживают, несмотря на колебания, явную тенденцию к росту в 1620—1625 гг. и уже лихорадочное повышение в 1626—1630 гг.[106] Тридцатилетняя война на первых порах не могла не вызвать этого обострения «революции цен». Американское серебро, хоть отчасти запруженное в Испании в предшествовавшие годы, снова широко хлынуло в Европу через раскрывшиеся настежь шлюзы испанской казны и другими каналами, в том числе через посредство голландских корсаров, захватывавших в океане испанско-португальские галеоны с американскими и восточными сокровищами[107]. Колоссальный размах военного наемничества привел к резкому увеличению числа покупателей, т. е. покупательной способности европейского рынка и спроса, прежде всего на предметы питания, при одновременном сокращении сельскохозяйственного производства из-за разорения деревень, истребления части крестьян, ухода крестьян в армию и в города. В 1625—начале 1626 г. произошел разрыв торговых отношений Испании с Францией, Англией и Голландией, что способствовало глубокому денежному кризису в 1626 г. во всех этих странах. Одновременно шведско-польская война в Ливонии, возобновившаяся с 1625 г., и вторжение шведов в Пруссию в 1626 г. лишили европейский рынок значительной части того восточноевропейского (польского, остзейского, прусского) хлеба, который раньше питал через посредство голландцев страны Западной и Южной Европы, включая Италию, Испанию и Португалию. Этой закупорке балтийского торгового бассейна способствовали не только шведы, но также испанцы, настаивавшие перед союзной Польшей на прекращении продажи ее хлеба голландцам, и Валленштейн, запретивший в 1627 г. какой бы то ни было вывоз хлеба из Прибалтики[108]. В результате всего этого Западная Европа вступила в период голода и баснословно высоких хлебных цен, продолжавшийся ряд лет, тогда как в отрезанных областях Восточ-

---

[106] *Naudé W.* Op. cit., p. 353—363.

[107] В делах Посольского приказа имеется перевод голландской листовки (изданной в Амстердаме в 1628 г.), содержащей подробный перечень гигантской добычи, захваченной в одной из таких операций (ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 99—109).

[108] *Förster F.* Albrecht von Wallensteins ungedruckte Briefe, Bd. I. Berlin, 1828, № 75, 84, 128.

ной Европы, лишившихся сбыта, наблюдалось даже падение хлебных цен, именно начиная с 1625—1626 гг.[109]

В этих условиях русский хлебный рынок, еще ранее отрезанный шведами от Балтики, но сохранивший выход через Архангельск, и стал приманкой для всей Европы. В изоляции от балтийской торговли обнаружилась даже известная выгода для царской казны, поскольку цены на внутреннем русском рынке оставались низкими, а отпуск хлеба на внешний рынок был царской монополией. Переписка правительства с новгородскими воеводами в 1628 г. рисует яркую картину настоящего штурма европейскими купцами-контрабандистами этой царской монополии: при помощи своих контрагентов среди русского населения они «воровством, украдом и тайным татебным обычаем» скупают хлеб и вывозят его через балтийские порты; однако правительство энергично отбивает этот натиск, применяя систему конфискаций, телесных наказаний, тюремных заключений и пр.[110] Что же касается беломорского пути, то тут условия совсем не благоприятствовали контрабанде, ибо хлеб на севере был не местный, а привозной, и весь шел через легко поддающиеся контролю складочные пункты — Вологду и Архангельск; в Архангельске он грузился на иностранные суда под строгим наблюдением должностных лиц, требовавших от экспортеров предъявления царских «указных грамот», т. е. разрешений «купить и за море отправить» то или иное количество зерна. Поскольку обойти царскую монополию было невозможно, иностранцы штурмовали правительственные круги в Москве. Начиная с 1627—1628 гг. отбою не было от ходатайств европейских держав, и прежде всего Голландии, о разрешении закупить в России значительные партии хлеба. В первой половине 20-х годов практиковалась система «рекомендательных писем», при которой иностранное правительство, скажем голландское, только поддерживало прошение того или иного частного купца, но с 1627 г. в роли покупателей в основном выступают уже сами правительства, лишь уполномочивающие какого-либо фактора или «приказчика» приобрести и погрузить в Архангельске на корабли разрешенное количество зерна. При этом каждое правительство стремилось добиться монопольного права на русский хлеб: количество его, доступное для экспорта, было невелико, а конкуренция неизбежно взвинчивала цену. Так как с точки зрения коммерческой московскому правительству было безразлично, кому продавать хлеб, естественно, что соперники прибегали к политической аргументации, а московское правительство со своей стороны стало рассматривать отпуск хлеба тому или иному государству как акт политической дружбы.

---

[109] Даже данцигские хлебные цены обнаруживают некоторое понижение при одновременном быстром повышении амстердамских хлебных цен (см. *Кордт В.* Указ. соч., с. CLXXVI—CLXXIX).

[110] ЦГАДА, Дела шведские, 1628 г., стб. 1, лл. 1—16.

Даже запрашивая высокую монопольную цену, например с Голландии, Англии, Франции, оно все же с полным основанием трактовало разрешение на покупку и вывоз хлеба как материальную помощь дружественной державе, ибо знало, что эта высокая цена все же много ниже европейских хлебных цен. В сущности, здесь уже налицо в известной мере идея субсидии. Но в полной мере она выступает в том способе, каким предоставлялся хлеб отчасти Дании и главным образом Швеции.

Вообще в арсенале внешней политики правительства Михаила Федоровича, вернее — Филарета Никитича, идея субсидий занимала не последнее место. Начав вскоре после Деулинского перемирия 1618 г. готовиться к новой войне с Польско-Литовским государством, оно активно искало союзников, и уже в 1623 г. французский посол доносил из Константинополя в Париж, что Москва предлагает платить Турции за участие в войне против Польши по 400 тыс. талеров ежегодно [111], т. е. ту же сумму, которую позже платила Франция Швеции. Через 10 лет Москва согласилась платить Швеции, тоже за войну с Польшей, по 100 тыс. талеров ежемесячно, т. е. 1 млн. 200 тыс. талеров в год, следовательно, сумму, в три раза превосходившую размер французской субсидии [112]. Иначе говоря, для нанесения удара главному врагу — Речи Посполитой — в Москве не останавливались перед мыслью о выплате тому или иному союзнику значительной денежной наличности, с таким трудом накопленной в царской сокровищнице.

Но ведь дело не сводилось к организации удара непосредственно по Речи Посполитой. В Москве отлично понимали: Сигизмунд III силен поддержкой папства и Габсбургов, его агрессия в Северо-Восточной Европе является лишь звеном более мощного фронта общеевропейской агрессии, руководимого Империей и Испанией. Поэтому в Москве считали своими союзниками всех врагов Габсбургов в Европе. Голландец Исаак Масса в 1626 г. в докладной записке на имя Генеральных штатов писал о возможности сближения с Россией: «Государственными делами там теперь руководит отец царя, патриарх, искусный политический деятель и, вследствие своего плена в Польше, непримиримый враг поляков, которому хорошо известно, кого надо считать друзьями и кого врагами Австрии и Испании» [113]. Естественно,

---

[111] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. II. СПб., 1842, с. 424.

[112] См. переписку по этому вопросу между Густавом-Адольфом и московским правительством: ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8; 1632 г., стб. 2, 5. Уже согласованный проект, по которому Густав-Адольф обязывался выставить на эти русские деньги особую армию и двинуть ее из Германии против Польши, был сорван смертью Густава-Адольфа и последовавшими событиями. См. об этом ниже.

[113] *Obolensky M., van der Linde A.* Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa, t. 1. Bruxelles, 1866, p. 264.

что именно германский император («римский цесарь») с его воинствующим католическим окружением («с папежскими советниками») был после Польско-Литовского государства главным недругом в глазах Филарета Никитича. И для его разгрома или по крайней мере отвлечения Филарет Никитич считал необходимым идти на самые серьезные не только дипломатические, но и материальные жертвы. Денежную наличность надо было беречь для схватки с Польшей, но русская казна располагала еще и иными потенциальными ресурсами, которые могли быть обращены против императора, — в первую очередь хлебом.

В 1653 г., когда после снижения 30—40-х годов наблюдался новый подъем хлебных цен в Западной Европе, шведский резидент Родес так описывал значение этого ресурса царской казны: «Что касается хлеба со всей России, то он также принадлежит их ц. в., и абсолютно ни одному частному лицу не разрешается им торговать. Эта торговля при теперешних один за другим последовавших дорогих годах доставила их ц. в. значительно доходов, особенно за теперешние протекшие 4 года, в течение которых они приказывают ежегодно собирать почти 200 тыс. «четвертей» (хлеба), который поэтому по всей стране скупается и со всех мест свозится в Вологду. В казанской, нижней (нижегородской) и лежащих вокруг них областях «четверть» покупается за 12—25 копеек... в ярославской, ростовской и вологодской — 36—50 копеек... Итак, «четверть» в Архангельске не может обходиться со всеми расходами свыше одного рейхсталера [114]. Так как они потом в четыре названные года всякий раз брали в свою очередь за «четверть» свыше $2^1/_2$—$2^3/_4$ рейхсталера, то доходы с хлеба доставили их ц. в. в короткое время свыше одного миллиона рейхсталеров» [115].

Отбросив абсолютные цифры, сообщаемые Родесом для 1653 г., мы можем по его описанию составить ясное представление о самом механизме государственных доходов от хлебной монополии. Именно эта статья государственных доходов, сравнительно трудно реализуемая из-за отсутствия у Московского государства собственного морского флота, и была в 1627—1634 гг. частично обращена правительством на обслуживание внешней политики. Впрочем, как мы уже отметили, само допущение того или иного государства к покупке хлеба у московского царя являлось доходной привилегией, которая и предоставлялась исключительно европейским недругам Габсбургов (Англии, Голландии, Франции). Но в 1627 г. датскому королю Христиану IV, находившемуся в открытой войне с германским императором, было дано

---

[114] Рейхсталер, или «ефимок», равнялся 50 коп., или 1/2 рубля, номинально реальный же разменный курс колебался в первой половине XVII в. между 45 и 57 копейками.

[115] «Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса». — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1915, кн. 2, с. 159.

совершенно исключительное право: закупить 30 тыс. четвертей «хлебных запасов» в России через уполномоченного (голландца Давида Руца) не из рук «царских купчин», а непосредственно на внутреннем рынке и вывезти, не уплачивая никаких пошлин в казну, т. е. за самую низкую цену. В 1628 г. Христиан IV снова получил разрешение закупить на тех же условиях 40 тыс. четвертей [116]. Иначе говоря, московское правительство в этих случаях просто «уступало» или жертвовало в пользу датского короля ту сумму, которую оно само могло бы получить с соответствующей доли хлебного экспорта. Что перед нами военная субсидия, это особенно ясно видно из крутого изменения политики после заключения Данией Любекского мира с императором в 1629 г.: московское правительство считало себя связанным обещанием, раньше данным Христиану IV, и поэтому все же позволило ему в 1630 г. закупить 25 тыс. четвертей в счет прежде разрешенных 75 тыс., однако не на прежних условиях, а с уплатой высокой пошлины, в следующем же, 1631 г. запросило такую высокую цену, что Дания уже окончательно выбыла из числа покупателей русского хлеба.

Не имея здесь возможности подробнее остановиться на датских хлебных закупках, перейдем к шведским. Прежде всего, нам надлежит выяснить, как трактовался этот вопрос в русско-шведских переговорах: как торговый или как политический, иными словами, должна ли идти речь только о политической утилизации коммерческих отношений или об открытом испрашивании и сознательном предоставлении политических субсидий.

20 декабря 1627 г. Густав-Адольф обратился к Михаилу Федоровичу с посланием, прося разрешить закупку 10—12 кораблей хлеба. В ответной грамоте от 1 марта 1628 г. Михаил Федорович разрешил шведскому уполномоченному Бекману и «приказчикам» голландцам Деладалу и Ульянову приобрести 36 тыс. четвертей «на шведского короля» на тех же привилегированных условиях, какие были предоставлены датскому королю. К сожалению, обе эти грамоты не сохранились в архиве Посольского приказа (они упоминаются только в позднейшей переписке), и мы не знаем, как были политически аргументированы просьба Густава-Адольфа и согласие Михаила Федоровича.

Но об этом можно составить представление по аналогичным переговорам в следующем, 1629 г. Прибывший в Москву швед-

---

[116] См. «выпись» из приказных дел, сделанную в 1653 г. — ЦГАДА, Дела шведские, 1653 г., стб. 4, лл. 17—18. О ходе датских хлебных закупок сохранился особый столбец в фонде «приказных дел старых лет» (1630 г., № 48), содержащий обильную документацию. Для изучения всей истории этих закупок обильный материал содержат Дела датские за 1627—1633 гг., а также две публикации Ю. Н. Щербачева: «Датский Архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене» («Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1897, кн. 3) и «Русские акты Копенгагенского государственного архива» («Русская историческая библиотека», т. XVI. СПб., 1897).

ский посол Мониер говорил перед царем, что, когда последний решится на открытое военное выступление, «цесаря римского злое умышленье бессильно и утешено будет, так же многим христианам, которые нужду терпят в немецкой и в датской земле и желают и ищут помощи, от того будет помощь и выручeнье». Но, так как полагают, что царь не выступит, пока не истечет срок его перемирия с польским королем, Густав-Адольф решился пока выступить один «со всею своею силой», ибо нужно же «тем бедным и утесненным людям в немецкой и в датской земле помощь учинить», и просит только московского царя, без всякого формального нарушения перемирного договора, «сему мирскому делу помощь подать и способство учинить деньгами или несколькими тысячами бочек ржи и иными продовольственными запасами» [117]. Перед нами ясно выраженная идея «скрытой войны» с помощью субсидий. Очень важно, что предоставление субсидий деньгами или хлебом расценивается как равнозначное. Если вы разрешите закупить 50 тыс. четвертей хлеба, продолжал посол, вы тем самым не только окажете «в нужное время» помощь упомянутым утесненным христианам в Германии, но также «иным королям и князьям и государям руку помощи подадите против папы и цесаря римского и всего дома Австрийского стояти и их свирепое и кровавое умышленье мешати, — а они ищут не что иное, как чтоб им быть самодержцами и обладателями всей вселенной, и ныне, не дай того бог, а уж то очень приближается» [118]. Одновременно высказывается просьба, чтобы к вывозу хлеба из России ни в коем случае не допускались люди, которые «ищут и мыслят тем подкреплять римского цесаря и папежскую [католическую] силу» [119].

Бояре дали шведскому послу от имени царя такой ответ: «Про то ц. в-ву подлинно ведомо, что папа римский и цесарь и польский король и иные государи римской веры стоят и умышляют заодно и ищут с великим промыслом, чтоб им государя нашего христианское государство и государя вашего шведского короля и датского короля земли завоевать, и одолеть и в свою папежскую веру обратить и утвердить неподвижно». Поэтому царь решил «государю вашему и иным христианским государствам евангелической веры помощь чинить всякими мерами». С этой целью царь разрешает шведскому королю «для его королевской любви и для споможенья» закупить просимые 50 тыс. четвертей ржи беспошлинно, и в будущие годы, «буде надобно государю вашему, Густаву-Адольфу, королю, на его войско купить ржи и иные продовольственные запасы», пусть напишет,

---

[117] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 189—191. Архивные материалы, касающиеся русско-шведских переговоров о закупке хлеба, опубликованы ныне в сб. документов «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке». М.—Л., 1960.

[118] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, л. 192.

[119] Там же, л. 211.

сколько ему надобно, и, «в который год хлеб уродится», царь позволит ему покупать хлеб беспошлинно, «и свой государский указ и повеленье послал во все свои государевы города, а велел рожь и хлебные запасы продавать повольно [свободно] безо всякие зацепки»[120].

И действительно, по переписке московского правительства с вологодским воеводой, подшитой к тому же столбцу 1629 г., можно видеть, что правительство отнеслось к шведским хлебным закупкам, как к делу большой политической важности. В царской грамоте от 20 апреля воеводе разъясняется, что хлеб предоставлен шведам «для нынешней настоящей войны, которая война ныне в их земле [их государством] ведется», и предписывается хлеб этот отпустить из того числа, которое ранее было предписано купить на царя («а по прежнему нашему указу хлеба на нас не имали бы и не продавали»). В других грамотах на места даются инструкции, отражающие пожелания шведского посла о пользовании единой московской мерой, о недопущении к закупкам других иностранцев, кроме уполномоченных шведского короля и т. д.[121], что, впрочем, не устранило ряда «помешек», на которые в 1630 г. жаловался шведский посол и за устранение которых московское правительство снова принялось с большой энергией, не остановившись перед арестом архангельского воеводы[122].

Однако в общем тон посольства 1630 г. отражает огромное удовлетворение шведского правительства полученной субсидией: «За такую великую любовь и доброе подвиженье велел королевское величество вашему царскому величеству много челом бить». Но, по мнению Швеции, это был только «почин» в исполнении обещания царя «мирскую [общественную] пользу и прибыль в немецкой земле заступать [защищать]», обещания, которым «много тысяч печальных душ утешили». Правда, просить субсидию теперь Густаву-Адольфу несколько затруднительнее, чем в прошлом году, ибо он заключил Альтмаркское перемирие с Польшей. Посол Мониер подробно разъяснял, что короли Франции и Англии способствовали этому перемирию для того, чтоб Густав-Адольф смог «в цесаревой области [в Германии] за мирские дела взяться и против цесаря с его папежскими советниками лучшее сопротивление учинить», и Густав-Адольф не захотел отвергнуть «тех сильных великих королей думы», видя сам, «что гораздо время помянутого цесаря с его советниками в их замышленьи победить и остерегать [предотвратить] разоренья и погибели многих государств и земель»; заключив перемирие с Польшей, Густав-Адольф намерен «своею казною и помощью тех вышеименованных двух королей и иных великих государей, ко-

---

[120] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 349—351, 357.
[121] Там же, лл. 386—388, 420—477.
[122] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 139—241, 250—259.

торые хотят деньгами и людьми помогать, на будущую весну с великим войском свою часть отведать [свое счастье попытать]» — вступить в войну с германским императором. Московский царь в первую очередь подразумевается среди «иных великих государей», которые помогут этой войне, ибо он знает, что в планы Империи и папства входит между прочим «сквозь Польшу» русские «великие земли и государства воевати и разоряти», заменить в России православие католицизмом и установить в ней свое «неистерпимое мучительное владение». Поэтому Густав-Адольф просит Михаила Федоровича, взывая к его дружбе, чтоб он «мирскому пребыванью [общественному делу] в немецкой земле свое доброе произволенье и подвижность оказал и бедным оскорбленным... христианам помощь подал рожью», а именно разрешением купить 75 тыс. четвертей ржи и 4 тыс. четвертей просяных круп. Определяя этот акт как «жертву», шведское послание в то же время полагает, что «вашему царскому величеству то дело небольшое», а подданным царя и вообще «в том убытка не будет» [ибо им все равно, кому продать хлеб, шведам или царским купчинам]; напротив, говорит послание, московскому царю в конечном счете в том «прибыль и корысть», а врагам его — «помешка и убыток», как всякому легко «выразуметь», если учесть, что «Польша и цесарь и папежане соединились и утвердились на том, что прибыль и корысть и гибель у них заодно», «и вообще тою хлебною помощью закрытым обычаем [скрытым образом] цесарю и королю польскому помешка учинится», цесарь не сможет помогать польскому королю, «и как его королевское величество [Густав-Адольф] войну против цесаря поведет — и тогда вашего ц. в. великая земля и государство оборонено будет...» [123]

Вся эта концепция была воспринята в Москве с пониманием и сочувствием. Чтоб «общим недругам была помешка и шкота», царь разрешил шведскому королю, несмотря на недород, беспошлинно закупить сверх того, что осталось недокупленным по разрешениям прежних лет, ржи 75 тыс. четвертей, проса в знак «дружбы и любви» не просимые 4 тыс., а 8 тыс. четвертей, кроме того, смолы 200 бочек и селитры «где сыщут» (т. е. не из казенных запасов). И государь бы ваш, гласил письменный ответ, врученный боярами шведскому послу, с нашим государем «за такую великую дружбу был в дружбе и в любви и в совете добром» [124].

В следующем, 1631 г. шведский посол, приехав в Москву, уже докладывал царю о победах Густава-Адольфа над императором в Германии и развивал мысль, что, если б только шведский король «против цесаря ныне войною не стоял, и цесарь бы

---

[123] Там же, лл. 138—139, 133—135, 128—129, 143—148.
[124] Там же, лл. 152, 254—259, 268.

царского величества недругу польскому королю людьми и казною помощь чинил и польский бы король на Московское государство давно наступал». На этом основании шведский король снова просил оказать ему в немецкой войне помощь предоставлением дешевого хлеба. В Москве посла заверили, что царь желает шведскому королю полного «над цесарем одоленья», и снова разрешили закупить 50 тыс. четвертей хлеба без всякого дохода для царской казны, особо подчеркнув в ответе: «...а делает то все царское величество для государя вашего королевской дружбы и любви и для вспоможенья его ратных людей». В Архангельск был послан указ, «чтоб хлеб у Архангельского города шведского короля приказчикам дали переж всех королей приказчиков» [125].

В 1632 г. Густав-Адольф снова получил разрешение на закупку 50 тыс. четвертей хлеба для продолжения войны в Германии. После смерти Густава-Адольфа, весной 1633 г., гонец Стейман привез в Москву послание 12 виднейших шведских вельмож, в том числе Делагарди, Гюлленхельма, Габриеля Оксеншерны и других, заверявших, что война, начатая Густавом-Адольфом, будет продолжена. Вельможи напоминают царю «ту добрую дружбу и подвижность, что в. ц. в. произволил ведать про войну, что деется в немецкой земле, и произволил... закупить хлебные запасы... по дешевой цене как можно добыть и отпускать от Архангельского города кораблями». Ныне, продолжают вельможи, мы «имеем причину больше прежнего» вести эту войну, возникшую по вине императора, польского короля и папства («папежан»), а царь московский со своей стороны должен быть заинтересован в том, «чтоб их попрать и потопить», и поэтому вельможи надеются, что он «будет тако ж в подвижности постоятелен [также постоянен в своей помощи]» и разрешит «тот прежепомянутый хлеб покупать» [126]. Разрешение снова закупить хлеб в 1633 г. было дано еще до этого демарша. Но уже в 1634 г., после выхода Московского государства из Смоленской войны (1632—1634 гг.) и резкого изменения его внешнеполитического курса [127], в новой субсидии шведам было отказано. Тщетно королева Христина в грамоте от 21 мая 1634 г. просила разрешить «для наших общих великих дел» вывезти хотя бы меньшее, чем в прежние годы, количество хлеба, «потому что нашему войску в немецкой земле против цесаря и их советников великая была помощь», и заверяла, что «наше королевино величество имеет войска своего не меньше, как наперед сего было в немецкой земле против цесаря римского и его советников папежских и иезуитов» [128]. Ответная грамота Михаила Федоровича содержала указание на невозможность отпустить хлеб из-за неурожая и

---

[125] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 7, лл. 212—217, 195.
[126] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 6, лл. 10—12.
[127] См. ниже, гл. VIII.
[128] ЦГАДА, Дела шведские, 1634 г., стб. 2, лл. 173—176.

дороговизны и обещание дать разрешение в будущие годы[129]. Однако на деле отпуск Швеции дешевого русского хлеба не возобновлялся вплоть до 1650 г.

Итак, вопрос о хлебных закупках трактовался между Швецией и Московским государством отнюдь не в качестве коммерческого сюжета. Проблема, почему Московское государство считало для себя полезным давать Швеции субсидии на борьбу с Империей, уже освещена выше.

Мы установили, что русские субсидии Швеции хлебом во время Тридцатилетней войны выдавались в течение шести лет: в 1628—1633 гг. Организация хлебных закупок была не одинаковой. В первые три года (1628—1630) она носила более анархичный характер: царь просто разрешает тому лицу, которое указано шведскими послами («приказчику»), хлеб «по Двине и в иных местах купити повольно [свободно] и беспошлинно, а покупая провозить к Архангельскому городу»[130]. В отдельных случаях отводились определенные районы для закупки хлеба[131]. Но сами шведы, стремясь к монополизации русского хлебного экспорта, подталкивали царское правительство к большей организованности его собственной монополии. В 1629 г. они предложили заключить русско-шведский торговый договор сроком на четыре-пять лет, основанный на клиринговом расчете с тем, что Россия будет отпускать ежегодно на 100 тыс. рублей сельскохозяйственных продуктов, а Швеция — на ту же сумму металлов и металлических изделий, в том числе вооружения[132]. Этот проект, отчасти осуществленный, уже подразумевал необходимость посредничества царских скупщиков между русским населением и шведами. В 1631 г. шведы предложили Москве нечто вроде торгового блока, направленного против голландцев: соглашение не продавать голландцам хлеб ниже цены, условленной между Россией и Швецией[133]; в Москве сочувственно отнеслись и к этому проекту, что окончательно подтолкнуло к новой системе закупки хлеба. С 1631 г. иностранцы, в том числе шведы, получают хлеб непосредственно у корабельных пристаней в Архангельске из «царского хлеба», а не допускаются для скупки внутрь страны. Дело скупки централизовано в руках Большой казны, назначающей торговых людей, которые на местах подыскивают хлебных «целовальников», а те в свою очередь подчас передают заказ «уговорщикам». Зимой «царский хлеб» ссыпают в амбары, а весной «по большой воде» везут в Архангельск, где и отпускают со складов иностранцам[134]. Однако экономическая

---

[129] Там же, лл. 236—242.
[130] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, л. 286.
[131] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, л. 154.
[132] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 194—195, 224—236.
[133] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 103—104.
[134] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1630 г., стб. 48. Ср. *Сташевский Е.* Указ. соч., с. 284—291.

сущность русских хлебных субсидий Швеции от этой организационной реформы ничуть не изменилась: если другим иностранцам хлеб в Архангельске продавался по произвольной цене, назначенной Большой казною, то на шведского короля он отпускался по себестоимости, т. е. не дороже, чем он обошелся бы шведскому скупщику без царских посредников. Царский указ в 1631 г. предписывал отпустить хлеб на шведского короля в Архангельске, «а деньги за тот хлеб у приказчиков шведского короля велено взять в государеву казну у города по прямой цене, по чему тот хлеб на государя станет с провозом», «по прямой цене без прибыли, по чему тот хлеб куплен и у Архангельского города станет с провозом и со всякими харчами» без каких-либо пошлин [135]. Подобный порядок соблюдался и в 1632 и в 1633 гг. Можно рассматривать отдельно номинальную величину этих русских субсидий Швеции или «уступку», т. е. сумму прибыли и пошлин, которую русское правительство как бы дарило Швеции, отказываясь от ее получения, и фактическую величину субсидий, т. е. сумму чистой прибыли шведского правительства от перепродажи русского хлеба на голландском рынке.

Формально в дипломатических переговорах речь шла только о первой величине. Бояре в 1634 г. и позже неоднократно вычисляли перед шведскими послами, сколько за 1628—1633 гг. «в том хлебе учинилося великому государю нашему убытка» от продажи хлеба шведскому королю без пошлин и «по меньшей цене», «по приимочной цене» [136]; за эту немалую цифру «уступки» они требовали взаимного благоприятствования в приобретении шведского вооружения для русской армии. Юридически речь могла идти только об этой стороне субсидий, хотя московское правительство не могло не знать, что оно дает хлеб шведскому королю не для чего иного, как для выгодной перепродажи. Правда, шведские послы, столь откровенно разъяснявшие военно-политическое назначение субсидий, с удивительным упорством старались скрыть тот способ, каким Швеция использует русскую помощь. Они неизменно уверяли, что хлеб нужен непосредственно для пропитания «великого войска» Швеции ввиду постигших Швецию неурожаев, отсутствия продовольственных запасов в Померании, Пруссии и пр.[137] При этом они впадали в очевидные противоречия и прибегали к самым неправдоподобным вымыслам. Так, в 1629 г. в особом письме послы уверяли, что Густав-Адольф хотел-де хлеб везти прямо в Швецию через Балтийское море, но так как сезон упущен, то придется везти его через Архангельск «и, закупив тот хлеб, отвозить в голландскую землю», а с голландскими купцами Густав-Адольф будто бы уже заключил договор о том, что они перевезут ему этот хлеб через Померанию и

---

[135] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 7, лл. 195, 215—216.
[136] ЦГАДА, Дела шведские, 1634 г., стб. 2, л. 295.
[137] Ср. ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, л. 212; 1630 г.; стб. 2, л. 143.

Пруссию [138], — все это говорилось для того, чтобы объяснить, почему закупленный хлеб адресуется в Голландию. Подчас, увлеченные деловыми расчетами, шведские послы говорят о сумме «убытка», который потерпел их король из-за невозможности закупить весь разрешенный хлеб, но, спохватившись, добавляют про «скудость в запасах в его великих полках» [139]. Посол Мошиер в 1630 г. жалуется, что, кроме шведов, хлеб покупают другие иностранцы «и промышляют [перепродают] в другие государства, а государю-де его Густаву-Адольфу, королю, хлеб надобен не для промыслу, для ратных людей», и, искусно сплетая эту ложь с правдой, от имени Густава-Адольфа заявляет, что другие государи просят у царя разрешения на закупку и вывоз хлеба «по заводу и умышленью торговых людей», ищущих корысти, он один имеет «добрую причину и доброе раденье», ищет не своей прибыли, а мирской [140].

В действительности Швеция в тот момент не нуждалась в русском хлебе in natura: канцлер Оксеншерна заявил в 1631 г., что Швеция сама способна вывозить ежегодно 7 тыс. тонн зерна [141]; если это и не так, доставка в Швецию остзейского хлеба была бы неизмеримо проще, чем русского через Архангельск. Правда, последний был дешевле, но не следует забывать, что его приходилось бы провозить в Швецию мимо Амстердама, где он мог быть продан очень дорого, и поэтому неосуществление этой возможности было бы экономически совершенно равносильно приобретению шведским правительством хлеба по дорогой амстердамской цене. Речь идет именно об операциях правительства, а не частных шведских купцов, и, повторяем, правительство не использовало in natura русский хлеб ни для населения Швеции, ни для армии за пределами страны. В сущности, ему было совершенно безразлично, перепродавать ли хлеб или другой товар; так, из донесений Родеса королеве Христине в 1650 г. мы узнаем, что разрешенный ей Алексеем Михайловичем к вывозу якобы для нужд шведской армии хлеб может быть получен лишь по цене, более высокой, чем предполагалось (голландскими контрагентами), «так что на зерне на этот раз из-за высокой цены можно получить мало прибыли», вследствие чего Родес предлагает вложить порученные ему шведские государственные средства не в хлеб, а в персидский шелк-сырец, который может быть дешево куплен в России и дорого продан на Западе. Вообще хлебные закупки в этой переписке отчетливо выступают в плане международных финансовых операций — вперемежку с акцентом векселей, валютными сделками и пр.[142]

---

138 ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 362—363.
139 ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 141—142.
140 Там же, лл. 153, 145—147.
141 *Берендтс Э.* Указ. соч., с. 166. Стокгольмская тонная (бочка) равнялась 0,8 русской четверти.
142 «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1915, кн. 2 с. 11—13 и сл.

Спекулятивное назначение того хлеба, который шведский король получал от Московского государства, было секретом полишинеля. Бургграф города Эльбинга Хоппе в своей хронике шведско-польской войны в Пруссии под 1629 г. записал такую новость. 23 июня в Пиллау возвратились посланные в прошлом году Густавом-Адольфом в Москву к великому князю послы с хорошими вестями — великий князь разрешил королю закупить 30 тыс. ластов (sic!) ржи «шведскими медными монетами и по уговоренной цене». Тем самым, продолжает Хоппе, «шведам было оказано вспомоществование [ein Dienst], ибо они намеревались это зерно перепродать за серебряные деньги с прибылью»[143]. Голландский коммерсант Нейкерке в уже упоминавшейся нами брошюре, вышедшей в 1630 г., говоря о доходах шведского короля от перепродажи остзейского хлеба, прибавляет: «Кроме того, он в последние два года вывез из Москвы большое количество хлеба, которое он равным образом через своих служащих перепродал нашим жителям с большой прибылью»[144]. В том же, 1630 г. голландским послам Бурху и Фелтдрилю было поручено сообщить в Москве, что русский хлеб, проданный шведам, в конце концов весь оказался в руках голландских купцов и что поэтому московскому правительству будет выгоднее продавать его непосредственно голландцам; «таким образом, — говорили Бурх и Фелтдриль перед царем, — досталась лишь прибыль тем людям, которым было дано разрешение, а хлеб направился в Нидерланды»[145]. Однако эти разоблачения не содержали, по-видимому, чего-либо нового для московского правительства и не повлияли на дальнейший отпуск хлеба Швеции; только в 1631 г. на имя Густава-Адольфа был послан любопытный запрос: «По чему хлеб продает и какую он вперед у себя хлебу цену учинит», — на который, разумеется, ответа не последовало[146]. Но через своих послов Племянникова и Аристова, направленных в Швецию в 1630 г., московское правительство во всяком случае знало о колоссальном вздорожании хлеба в Европе: послы доносили, что, по словам

---

[143] *Hoppe I.* Op. cit., S. 409.

[144] Цит. по: *Naudé W.* Op. cit., p. 364.

[145] Отчет А. Бурха и И. фан Фелтдриля, с. 61—62. Шведский резидент в Москве Мёллер не стал опровергать эти разоблачения, он даже доставил в Посольский приказ брошюру Нейкерке, но выдвинул контрразоблачения: Густав-Адольф «ныне им, голландцам, не дает купити хлеба по той цене, как они преж сего покупали в его земле, и за то они, голландцы, написали его, короля, хлебным продавцам и, напечатав, в мир пустили, да и то они в книге напечатали, что они хотят доступатися, чтоб им в царского величества земле весь хлеб закупити, а потом иным у них из рук глядети». Мёллер подчеркнул, что при этом прибыль будет использована не правительством Голландии для войны с Испанией, а купцами для их личного обогащения: «Тот хлеб торговым людям отвозити было в Испанию, а Штатам и князю Оранскому про то не ведомо, в том получают себе корысть торговые люди» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 103—104).

[146] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, л. 109.

голландских купцов, в Англии и Шотландии зимой 1630/31 г. бочку ржи покупали по 10 ефимков, а весной 1631 г., в связи с усиленным подвозом, по 6 ефимков[147]. Таким образом, московское правительство имело возможность хотя бы ориентировочно высчитать не только размер своей номинальной субсидии шведскому королю, но и размер того фактического дохода, который тот извлекал из перепродажи хлеба. Оно могло, наконец, и сравнить размеры своей помощи с размером французской субсидии Швеции, ибо уже в 1631 г. знало от того же Мёллера точную цифру этой субсидии: 400 тыс. больших ефимков (рейхсталеров) ежегодно[148].

Попробуем и мы проделать это вычисление, опираясь прежде всего на «памяти в доклад», или «выписи» из приказных дел, содержащие подробные сводки за ряд лет о размерах и условиях отпуска хлеба шведскому королю, которые несколько раз в разных вариантах составлялись для нужд дипломатических переговоров со шведскими послами[149]. Здесь указывается, сколько разрешено в каждом году закупить, сколько реально куплено «и за море отпущено» и сколько «недокуплено» из разрешенного числа, причем «недокупленное» переносится на следующий год дополнительно к новому разрешению. Указываются также имена шведских «приказчиков», производивших закупку в разные годы, цена, по которой хлеб им продан, цена, по которой в данном году продавался хлеб другим иностранцам. Впрочем, эти последние сведения имеются только за 1631—1633 гг. и отсутствуют за 1628—1630 гг. (в силу указанной перемены в организации закупок); сказано только суммарно, что в 1628—1630 гг. шведы покупали хлеб «дешевою ценою — алтын по осьми и по десяти и по четыре гривны, а и большою ценою купили по полтине четь»[150]; этому противопоставлена цена, по которой хлеб продавался прочим иноземцам в следующем, 1631 г. («по рублю, по четыре гривны, а иным, и по $1^1/_2$ рубли»), откуда выведена разница: если б шведам продать в 1628—1630 гг. по той цене, по какой продано другим иноземцам в 1631 г., «на них бы за тот хлеб довелось взять на великого государя сверх той цены, по чему они тот хлеб покупали, прибыли по меньшей мере больше полутораста тысяч рублей опричь пошлин».

---

[147] Там же, стб. 4, л. 34. «Бочка», или «тонна», — международная мера, несколько варьировавшаяся в разных странах, но в общем отождествляемая Родесом, Померенингом, Кильбургером и другими иностранцами с московской четвертью. Следовательно, 10 ефимков за бочку равнялись приблизительно 200 ефимкам, или около 350 золотых гульденов за ласт, что в целом соответствует данным других источников.

[148] Там же, стб. 8, л. 61; ср. стб. 4, л. 111.

[149] Там же, стб. 7, лл. 189—195; 1634 г., стб. 2, лл. 288—316; 1653 г., стб. 4, лл. 16—28; 1653 г., стб. 4, лл. 16—28.

[150] Алтын — 6 денег, рубль — 200 денег, или 100 копеек, или 10 гривен, или 2 полтины.

Нам остается только последовать этому не совсем точному приему исчисления номинальной субсидии («уступки») за первые три года. Но мы можем все же несколько дифференцировать цены за эти годы. Несомненно, что в 1628 г. покупная цена была наиболее низкой, ибо уже в 1629 г. шведские послы просили царя запретить населению брать за четверть хлеба дороже, чем в прошлом году «в торгу цена была», на что царь принужден был ответить отказом, ибо в его государстве «изначала хлебу уставной [принудительной] цены не повелося и быти невозможно»[151]; а в грамоте 1630 г. Густав-Адольф жалуется, что в прошлом, 1629 г. закупка хлеба прошла благополучно в Тотьме, Устюге и других местах, но в Архангельске по вине воеводы, допустившего конкурентов, цена на хлеб оказалась взвинченной: четверть «была в шесть алтын, а после стала в четыре гривны», причем эта последняя цена с возмущением названа «великой ценой»[152]. Итак, мы скорее преувеличим, чем преуменьшим, действительные цены, если поставим в 1628 г. в среднем около 6 алтын, в 1629 г. — около 10 алтын, в 1630 г. — около 14 алтын за четверть. Что касается «уступленных» пошлин, то «выпись» 1634 г. дает их примерное и округленное исчисление для 1631—1633 гг. из 17% (с продажной цены 187 222 рублей довелось бы взять «больше 30 тыс. рублей» пошлин), но по таблице Родеса[153] представляется более точной цифра 17,5%: 12% корабельной и проезжей пошлины в Архангельске, 5% «большой пошлины» и 0,5% холмогорской «грузовой».

Хлебные цены на амстердамской бирже установлены нами в основном по В. Ноде и В. Кордту. Но для осторожности мы в период максимума, осенью 1630 г., снизили цены на рожь с 462 до 400, на пшеницу — с 612 до 500 золотых гульденов за ласт, считая, что не вся масса хлеба могла быть продана по высшей цене. Недостающие цены за 1632 г. и 1633 г. ориентировочно намечены на основании косвенных данных и являются скорее преуменьшенными. Цены на просо условно сравнены с ценами на пшеницу. Стоимость фрахта от Архангельска до Голландии принята в 4 руб. за ласт, так как Родес указывает стоимость этого фрахта для частных грузов 5 руб. за ласт[154], но для шведского правительства, контрактовавшего у голландцев целые корабли, она должна была быть значительно ниже. Ласт приравнен нами всюду к 19 четвертям, ибо Бурх и Фелтдриль говорят, что в ласте «19 или 20 московских четвертей», но сами в практических расчетах цен в пяти случаях из шести принимают ласт равным 19 четвертям и лишь один раз для круглого счета, не имеющего коммерческого значения, принимают 100 тыс. четвертей за 5 тыс.

---

[151] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, л. 288.
[152] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, л. 141.
[153] «Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса», с. 175—177.
[154] Там же, с. 178.

ластов[155]. Наконец, амстердамские цены, выраженные в золотых гульденах, переводятся нами на рейхсталеры, а рейхсталеры на рубли и обратно в следующих пропорциях: 1 рубль равен 2 рейхсталерам, или 5 серебряным гульденам (флоринам), или 3,5 золотым гульденам. Эти пропорции (разумеется, счетных единиц, а не реальных монет, весовые соотношения которых колебались вокруг этого номинального стержня) вытекают из всех показаний современников[156] и могут быть очень точно проверены путем перевода на французские денежные единицы по превосходному коммерческому словарю XVII—XVIII вв. Савари[157].

Итоги наших подсчетов представлены в таблице 1. Разумеется, при всем нашем стремлении к точности эта таблица может иметь лишь грубо ориентировочное значение, но все же она дает представление, о каких цифрах может идти речь. Полученные итоги требуют поправок в сторону как уменьшения, так и увеличения. Прежде всего, надо учесть утверждение Кронхольма, что русский хлеб шел в Голландии по пониженной цене, так что доход уменьшался до 16 талеров на ласт против предположений, — утверждение, правда, несколько противоречащее его же словам, что агенты Густава-Адольфа свободно делали займы в Штральзунде и Любеке под одни лишь извещения об отправленном русском хлебе[158]. Однако если принять соответствующую поправку к нашим расчетам, то противовесом ей послужит другая поправка: мы ведь не учли барыша шведской казны от селитры и смолы, полученных по русской казенной себестоимости, не учли, что в сумму закупок 1628 и 1629 гг. входила не только рожь, но в значительной мере и другие продукты — льняное семя, гречневая крупа, жито, пшено[159], перепродажа которых давала несравнимо более высокую норму прибыли, чем ржи; наконец, не учли

---

[155] Отчет А. Бурха и И. фан Фелтдриля..., с. 64—65, 126, 130, 133, 159. В комментарии к «Сочинению Кильбургера о русской торговле» (изд. 1915 г. Киев, с. 380) Б. Г. Курц ошибочно утверждает, будто Бурх и Фелтдриль практически всюду принимают ласт равным 20 четвертям. В 1711 г., по Юлю, ласт ржи равнялся 16 четвертям («Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1899, с. 316). В 1784 г., по коммерческому справочнику (*Ricard S.* Handbuch der Kaufleute, Bd. II. Greifswald, 1784, S. 381, 393), ласт равнялся 15 четвертям.

[156] Ср. *Курц Б. Г.* Указ. соч., с. 404.

[157] *Savary J.* Dictionnaire universel de commerce, t. II. Paris, 1732, p. 296, 568, 770, 1401, 1423, 1564, 1607.

[158] *Cronholm A.* Op. cit., S. 138—140. Утверждение Кронхольма опровергается, по-видимому, и свидетельством шведского резидента в Москве Мёллера, что из Данцига голландцы получают только сыромолотый хлеб «и без хлеба Московского государства и Шведского государства им нельзя быти, потому что те овинные хлебы и тот сухой хлеб они мешают с сырым хлебом» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 103—104).

[159] См., например, отписку вологодского дьяка Внукова о ходе шведских закупок в 1629 г. (ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 524—525).

Размер русских хлебных субсидий Швеции в 1628—1633 гг.

	1628 г.	1629 г.	1630 г.
Разрешено купить на шведского короля	36 000 четвертей	50 000 четвертей	75 000 четвертей ржи 8000 четвертей проса
Куплено на шведского короля	20 929 четвертей (1101,5 ластов)	23 348,5 четвертей (1228,9 ласта)	119 252,75 четвертей ** (6277 ластов)
По цене (за четверть)	около 6 алтын	около 10 алтын	Рожь около 14 алтын Просо около 30 алтын
На сумму	3767 рублей 7 алтын 2 деньги (7534,5 рейхсталеров) (ефимков)	7004 рубля 18 алтын 2 деньги (14009 рейхсталеров)	53 926 рублей 5 алтын 1 деньга (107 852,5 рейхсталеров)
Продажная цена для других иностранцев (за четверть)			Рожь 1 рубль 13 алтын Просо 2 рубля
Можно было получить, продав по этой цене	233 637 рублей 11 алтын 4 деньги		
Можно было получить пошлин	40 886 рублей 18 алтын 3 деньги		

* Именно эту цифру мы и находим в одном документе в дополнении к стб. 2 за королеву, куплено хлебных запасов с 136 [1625] по 142 [1631] г. 327 тыс. чети».

** Эта цифра является суммой «недокупленных» за 1628 и 1629 гг. 47 722,5 четвертей «в число новой дачи», т. е. в число разрешенных к закупке в 1630 г. 83 000 чет

*** Эта цифра несколько отличается от итога, который дает докладная записка в 1630 г. лично шведскому послу Мониеру, и еще какие-то несколько сот чет главным образом из-за того, что в 1629 г. шведы добились права дополнительно документы явно не доверяют этому предлогу и не скидывают этих 6 тыс. чет

**** Разность между этой суммой и той суммой. за которую хлеб действительно был к итогам подсчетов приказных подьячих: за 1628—1630 гг., говорят они, если б брать иностранцами, «довелось бы взять» с них сверх уплаченной ими суммы «больше разность, тоже без пошлин, ими исчислена (л. 315) в 81 627 рублей 26 алтын $2^{1}/_{2}$ деньги свыше 230 тыс. рублей.

1631 г.	1632 г.	1633 г.	Всего
50 000 четвертей ржи 1469,5 четвертей проса	50 000 четвертей ржи 3650 четвертей проса	50 000 четвертей ржи 2880,5 четвертей проса	327 000 четвертей *
61 469 четвертей (3235,2 ласта)	54 423 четвертей (2864,4 ласта)	52 880,5 четвертей (2783,2 ласта)	332 302,75 четвертей *** (17 490 ластов)
Рожь 25 алтын 2 деньги Просо 1 рубль 28 алтын 2 деньги	Рожь 16 алтын 4 деньги Просо 1 рубль 28 алтын 2 деньги	Рожь 16 алтын 4 деньги Просо 1 рубль 28 алтын 2 деньги	—
48 318 рублей 6 алтын 3 деньги (96 636,5 рейхсталеров)	32 139 рублей (64 278 рейхсталеров)	30 328 рублей 30 алтын 5 денег (60 658 рейхсталеров)	175 484 рубля 1 алтын 3 деньги (350 966 рейхсталеров)
2 деньги	Рожь 31 алтын 4 деньги Просо 2 рубля	Рожь 28 алтын 2 деньги Просо 2 рубля	—
86 943 рубля 10 алтын	55 534 рубля 11 алтын 4 деньги	44 261 рубль	420 376 рублей ****
15 215 рублей 2 алтына 3 деньги	9718 рублей 17 алтын	7745 рублей 22 алтына 3 деньги	73 566 рублей

1634 г., л. 34: «всего на государя их Густава-Адольфа, короля, и дочь его Христину,

(«и тот они хлеб во 141 [1630] г. скупили все сполна») и 71 530,25 четверти, купленных вертей. Недокупленные 11 469,75 четверти были докуплены в следующем, 1631 г.
1634 г., а именно 337 807 четвертей, ибо в него засчитаны 3500 четвертей, проданных вертей. От итога разрешений, данных за шесть лет, итог фактической закупки отличается закупить 6 тыс. четвертей под предлогом «недомера» в прошлом году, но приказные вертей с суммы закупки 1628 г.
продан, составляет, таким образом, 244 093 рубля. Этот результат весьма близко подходит с приказчиков шведского короля по той же цене, по которой хлеб покупался другими полутораста тысяч рублей опрочь пошлин» (1634 г., стб. 2, л. 305), а за 1631—1633 гг. эта (у нас 74 952 рубля 22 алтына 4 деньги). — что в сумме (150 тыс. + 81 тыс.) составляет

Окончание таблицы

	1628 г.	1629 г.	1630 г.
Общий размер «уступки» шведскому королю	209 825 рублей 33 алтына (419 652 рейхсталеров)		
Цена на амстердамской хлебной бирже в зол. гульденах (за ласт)	Рожь 250 Пшеница 280	Рожь 300	Рожь 400 Пшеница 500
Валовая выручка при продаже хлеба в Голландии (в зол. гульденах)	275 375 (154 210 рейхсталеров)	368 670 (206 455 рейхсталеров)	2 552 685 (1 429 504 рейхсталера)
Стоимость фрахта (в рейхсталерах)	8812	9831	50 216
Чистая прибыль от перепродажи (в рейхсталерах)	137 864	182 615	1 271 436

просачивания этих более выгодных продуктов и в следующие годы под общей рубрикой «рожь». Далее, для того чтобы определить реальный доход шведской казны, надо было бы вычесть из наших итогов ту весьма солидную долю, которая застревала в руках факторов, приказчиков и служащих. Но и этой поправке, в свою очередь, имеется не менее солидный противовес: как мы могли заметить уже из письма эльбингского бургграфа Хоппе, шведская казна наживалась не только на разнице цен на хлеб, но и на том, что платила в России, хотя бы частично, медной монетой, а получала в Голландии серебряной. В Швеции же 1 риксдалер серебром равнялся примерно $2^1/_2$ риксдалерам медью [160] — вся колоссальная разница шла в пользу казны. Позже Швеция оплачивала русский хлеб частично серебряными ефимками, но в большой мере казенными товарами — плиточной медью, латами, рейтарскими шишаками, которые она ставила по монопольной цене [161] при крайне низкой себестоимости, т. е. значительно увеличивала свою прибыль.

---

[160] *Берендтс Э.* Указ. соч., с. 254.
[161] ЦГАДА, Дела шведские, 1634 г., стб. 2, лл. 308—312.

1631 г.	1632 г.	1633 г.	Всего
53 840 рублей 6 алтын (107 680 рейхсталеров)	33 113 рублей 28 алтын 4 деньги (66 227,5 рейхсталеров)	21 677 рублей 25 алтын (43 355,5 рейхсталеров)	318 458 рублей (636 916 рейхсталеров)
Рожь 300 Пшеница около 370	Рожь около 200 Пшеница около 250	Рожь около 150 Пшеница около 185	—
975 986 (546 552 рейхсталера)	582 485 (326 192 рейхсталера)	422 786 (236 762 рейхсталера)	5 177 987 (2 899 675 рейхсталеров)
25 881	22 915	22 265	139 920
424 035	238 999	153 839	2 408 788

Таким образом, мы можем условно допустить, что все поправки в той или иной мере взаимно нейтрализуют друг друга и что поэтому итоги нашей таблицы все же сохраняют ориентирующее значение. В пользу такого допущения есть еще одно веское доказательство — наши итоги довольно близко совпадают с расчетом, сделанным самим шведским правительством в 1634 г. Найденная Форстеном инструкция, данная 6 марта 1634 г. отправляемым в Россию послам Шейдингу, Флемингу и Гюлленшерне, предписывает им просить у царя ежегодно помощь Швеции в размере 150 тыс. рублей (300 тыс. ефимков) для германской войны, косвенно важной для Москвы, но разрешает им вместо денежной помощи испросить подтверждение права закупать по-прежнему хлеб [162]. Желание шведов перевести русские субсидии в денежную форму вполне понятно: хлебные цены на Западе падали. Но тем более важно, что даже в этот момент размер годовой помощи русским хлебом оценивался шведами в 300 тыс. риксдалеров, т. е. вдвое выше нашего итога для 1633 г., хотя, естественно, и ниже

[162] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. II, с. 440—441.

нашего среднего годового итога для всего шестилетия — 400 тыс. рейхсталеров в год.

Средние годовые итоги наших подсчетов достаточно красноречивы: Московское государство вело скрытую войну с Империей, предоставляя Швеции в среднем около 100 тыс. рейхсталеров номинальной субсидии и около 400 тыс. рейхсталеров фактической субсидии в год, т. е. не менее, чем реально давала ей Франция в период своего скрытого участия в Тридцатилетней войне. Но еще красноречивее не средние цифры, а распределение этой помощи по годам. Половина всей величины шестилетней помощи практически сконцентрировалась на одном 1630 г.: около 1 млн. 200 тыс. рейхсталеров реальной дотации получила шведская казна в этом году, когда не было еще шведско-французского военного договора (1631 г.) и французских субсидий. Становится сразу понятным, почему именно в 1630 г. Густав-Адольф решился начать войну с германским императором и почему опьяненный надеждами Оксеншерна полагал к началу 1631 г., что, если так пойдет дальше, Швецию ждут самые радужные перспективы. Понятно также, что сокращение реального размера русских субсидий в следующие годы должно было оказывать определенное влияние на шведскую политику, а их полное прекращение в 1634 г. явилось для нее серьезным ударом.

Спросим себя в заключение, легко ли давались Московскому государству эти субсидии? Ввиду отсутствия точных данных о русском государственном бюджете тех лет невозможно сопоставить размер номинальных субсидий с общей суммой государственных расходов [163]. Бесспорно лишь, что для русской экономики, совсем не приспособленной тогда для роли житницы Европы, усиленная закупка хлеба оказалась тяжким бременем: хлебные цены на внутреннем рынке быстро взвинтились за шесть лет, себестоимость в Архангельске составляла, как мы видели, не более 35—36 денег в 1628 г., а в 1631 г. уже 152 деньги и не менее 100 денег в 1632—1633 гг. за четверть. Таким образом, субсидии Швеции легли в сущности на плечи посадского, т. е. городского, населения Московского государства, ибо именно оно было покупателем хлеба на внутреннем рынке и оно расплачивалось своими достатками за вздорожание хлеба. Если бы закупка хлеба для отправки «за море» не была сокращена в 1632 г., волна посадских беспорядков и восстаний, несомненно, прокатилась бы в Московском государстве уже в 30-х годах XVII в. Вот первая зарница. 18 июня 1630 г. «приказчики» шведского короля Демулин и Ульянов жалуются царю на архангельцев: «Приплавлен у нас сверху в судах покупной королевский хлебный запас июня в 7 и те

---

[162] Если предположительно принять размер русского государственного бюджета для 30-х годов XVII в. около 1 млн. рублей (ср. *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVII ст. ..., изд. 2. СПб., 1905, с. 74 и сл.), то номинальные субсидии (100 тыс. ефимков в год) составляли примерно $^1/_{60}$ государственного бюджета.

Дементьевы люди (Дементий Погожев — архангельский воевода. — *Б. П.*), приходя своим насильством со многими людьми на королевские суды и учали работных людей побивать и тех людей с судов разгоняли и, поимав и перевязав, били и безвечили на смерть и к разрядной избе силою насильно их приводили неведомо почему, и деньги с тех наших работных людей грабежом сорвали, и нас они хотят убить и говорят... у нас-де есть заводных людей ста с полтора и больше и побить-де вас иноземцев мочно»[164]. Здесь в миниатюре уже налицо то, что в большом масштабе наступит 20 лет спустя. Московское государство снова разрешит Швеции в 1650 г. вывоз русского хлеба, на этот раз через Балтийское море, и на иноземцев, а вместе с тем и на царскую администрацию обрушатся уже большие восстания в Новгороде и Пскове.

Подведем итоги. В условиях Тридцатилетней войны, как войны наемных армий, военный потенциал обеих боровшихся коалиций в огромной степени определялся возможностью мобилизовать максимальные массы денежной наличности. Правда, известную роль играло наличие удобного и доступного рынка для вербовки солдат и закупки оружия, наличие военно-стратегического сырья (особенно селитры). Но центральная роль принадлежала денежной наличности. Правительства могли мобилизовать ее, или прибегая к кредиту, или с помощью налогового пресса, или, наконец, путем спекуляции на международном рынке. Последнее стало в особенности возможным благодаря разнице в уровне цен, порожденной неравномерным ходом «революции цен» в разных частях Европы. В этих условиях Московское государство, правительство которого придерживалось широкой коалиционной точки зрения во внешней политике, смогло оказать весьма существенную материальную помощь шведам в их дорогостоящей войне. Понятно, почему к 1631 г. Густаву-Адольфу удалось развернуть крупные военные силы в Германии.

---

[164] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., отб. 7, л. 4.

V

ГУСТАВ-АДОЛЬФ И ПОДГОТОВКА СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

В истории Тридцатилетней войны «шведский» период (1630—1635 гг.) привлекал к себе, пожалуй, больше всего внимания, и все же именно он остается в некоторых отношениях самым загадочным для историков. Многие важнейшие моменты в поведении шведской армии в Германии не объяснены до конца современной наукой. Почему шведский десант высадился в Германии не после заключения шведско-французского союзного договора (январь 1631 г.), а более чем за полгода до него, когда Швеция была еще одинока? Почему Густав-Адольф, заняв померанский плацдарм летом 1630 г., целый год не двигался в глубь Германии? Имеется немало указаний на остановившие его причины, но нет удовлетворительного объяснения, почему все они вдруг и разом потеряли свою силу летом 1631 г. Чем, далее, объясняется в конце концов знаменитый «зигзаг молнии»: стремительное и загадочное возвращение Густава-Адольфа с армией в октябре 1632 г. из Юго-Западной Германии, куда он ворвался как триумфатор и победитель, в Северо-Восточную Германию? И, наконец, каковы причины резкого изменения соотношения военных сил в Германии к осени 1634 г., приведшего к поражению шведов у Нёрдлингена, к последующей утере ими большей части завоеваний, а вместе с тем и своих союзников-князей, словом, каковы причины того неожиданного фиаско шведской интервенции в 1634—1635 гг., которое неминуемо должно было бы завершиться полным торжеством императора и католической реакции, если бы Франция не спасла положения, вступив сама в 1635 г. в Тридцатилетнюю войну?

Первый из этих темных вопросов — о причинах выступления Швеции в тот момент, когда, по видимости, она находилась в изоляции, отчасти уже освещен в предшествующей главе. Мы выяснили, что Московское государство предоставило Швеции в 1629—1630 гг. крупную субсидию на войну с Империей и одновременно гарантировало ей со своей стороны вступление в войну с Польско-Литовским государством, без чего вторжение Густава-Адольфа в Германию было бы совершенно немыслимо. Теперь попытаемся показать, что и другие загадки «шведского периода» Тридцати-

летней войны получают удовлетворительное объяснение, если принять во внимание положение дел в Восточной Европе и, прежде всего, историю русско-польской борьбы в эти годы.

Законность такой постановки вопроса станет очевидной, если учесть, что вся история Тридцатилетней войны в стратегическом отношении покоится на одном принципе — тот, у кого оказывался второй противник где-нибудь в тылу, был почти обречен. Вести одновременно две войны — это прежде всего значило вести каждую из них вполсилы, ибо наемные армии того времени, на наш современный взгляд крайне малочисленные, стоили так дорого, что требовали напряжения всей финансовой мощи государства. А при ведении войны вполсилы численное превосходство в решающую минуту могло оказаться у армии противника — то численное превосходство, которое в эпоху Тридцатилетней войны, войны профессионалов-наемников, было главным фактором победы. Но специфика Тридцатилетней войны состояла, собственно, ч не в том, что два фронта были опасны, — они были опасны на протяжении всей истории войн, — а в том, что сравнительно легко было добиться открытия второго театра военных действий. Именно из-за малочисленности, довольно несложного вооружения, разнородного национального состава наемных армий нетрудно было субсидиями и дипломатией вызвать появление второго театра войны в тылу врага.

Мудрость политиков и дипломатов любого государства во время этой первой всеевропейской войны состояла в заключении военных союзов с соседями своих соседей. Европа оказалась подобной шахматному полю: угрозу стратегических тисков любое государство парировало созданием такой же угрозы каждому из своих соседей. Габсбургская Испания и габсбургская «Священная Римская империя» (Германия) представляли собой смертельные тиски для Франции. Но сама Испания оказалась зажатой в тиски между Францией с суши и Голландией с моря, а Империя — в тиски между Францией и Швецией. Швеция в свою очередь была тоже в тисках: Альтмаркское перемирие 1629 г. отнюдь не было миром с Польско-Литовским государством и не устранило острой вражды между Густавом-Адольфом и Сигизмундом III. Но Польско-Литовское государство опять-таки было в тисках — между Швецией и Московским государством.

Не будем продолжать дальше эту цепь. Здесь важно подчеркнуть ее единство — все ее звенья крепко скованы. В 1630—1634 гг. ни одно из названных государств не ведет на самом деле войну на два фронта: хотя бы один из противников отвлечен кем-то другим, а у Франции отвлечены до поры до времени даже оба противника, и она ведет лишь «скрытую» войну. Но понятно, что, стоит измениться хотя бы одному звену, как вся система перестроится: если, например, Московское государство (или какое-либо другое) не будет отвлекать на себя военные силы Речи Посполитой, то последняя окажется реальной угрозой для

Швеции, та принуждена будет обернуться лицом к Речи Посполитой, силы Империи в таком случае освободятся для войны с Францией, а если французские войска будут заняты войной с Империей, это даст возможность и Испании начать военные действия против Франции, хотя бы той частью своих войск, которые не скованы голландской угрозой. Словом, Европа должна будет приобрести примерно тот вид, какой она и в самом деле получила после 1635 г., т. е. в «франко-шведский» период Тридцатилетней войны.

Разумеется, мало кто из современников мог ясно охватить в сознании всю эту сложную систему государств. Но европейское общественное мнение все же тесно связывало ход событий в Германии с ходом русско-польской борьбы. Даже люди, не очень искушенные в политике, не могли не задаваться вопросом, почему в смертельном поединке императора со шведским королем, сотрясавшем всю Германию, на помощь изнемогающему императору не приходит его давний верный союзник — польский король, — и получали ответ, что польский король не может прийти на помощь, так как сам находится под угрозой войны, а затем — и в войне с московским царем. Уже в 1629 г. с разных концов Европы и в Речь Посполитую и в Московское государство потянулись с предложением своих услуг предводители ландскнехтских полков, предприимчивые кондотьеры, привлекаемые слухами о скором истечении срока перемирия и неизбежности войны между Польско-Литовским государством и Московией[1]. В 1632—1634 гг. в Германии навряд ли можно было найти взрослого человека, который не слышал бы об этой войне. Именно в 30-х годах XVII в. купцы и всякого рода путешественники, побуждаемые повышенным интересом в Европе к Московскому государству, особенно охотно проникали в него, а издатели удовлетворяли рыночный спрос публикацией первых серьезных, стоявших на уровне тогдашней науки, книг о России[2]. В европейской, в частности

---

[1] См., например, переписку по этому вопросу московского правительства с новгородским воеводой князем Д. М. Пожарским за 1629 г. (Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), Дела шведские, 1629 г., стб. 1, лл. 264, 397, 410, 439). Один из этих кондотьеров, Фритт, служивший у шведского короля, потом у датского короля против императора, затем у императора против датского короля, предлагая царю доставить любое количество наемных солдат и офицеров всех рангов, писал: «Мы [он и четыре других рыцаря, явившихся с ним] знаем подлинно, что мирное постановление между его цесарским величеством и короной польской скоро уж кончится и поэтому его цесарскому величеству цесарские [из Германской империи] солдаты надобны будут, потому что уж ныне у польского короля несколько тысяч таких солдат стоят наготове» (Там же, л. 411). Дела многих десятков таких кондотьеров, предлагавших в 1629—1634 гг. свою службу Москве, сведены у Е. Сташевского (*Сташевский Е.* Смоленская война. 1632—1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919, с. 19—38, 69—71 и др).

[2] Например, в 1630 г. в Лейпциге вышла книга (эльзевир) Russia seu Moscovia. Commentario topographico atque politico illustratae. Lugdunum Ba-

в германской, прессе, которая была тогда довольно обильна, падка на слухи и сенсации, подчас грубо полемична[3], — как в собственно газетах, так и в бесчисленных листовках, памфлетах, книжках — в течение всей Тридцатилетней войны и особенно в 30-х годах не редкость было встретить упоминания о Московском государстве. Особенно много было написано о Польше. В преддверии историографии «шведского» периода Тридцатилетней войны у авторов-современников, писавших первые обозрения шведского похода в Германию, например у Бурга[4], Абелина[5] и др., чем-то само собой разумеющимся было упоминание и о тыловой стороне этого похода: о позиции Речи Посполитой, о польских заботах Густава-Адольфа и его преемников. Также и два первых ученых-эрудита, посвятивших в XVII в. по толстому фолианту истории шведской войны в Германии, — Хемниц[6] (тогда уже официальный шведский историограф) и Пуфендорф[7] — немало страниц уделили шведско-польским, а в этой связи также шведско-русским и даже шведско-крымским отношениям, хотя, разумеется, не дали, да и не искали объяснения подлинной взаимосвязи событий.

---

tavorum — томик (вторая половина его посвящена Крымскому ханству), представляющий собой обстоятельную сводку географических, исторических и политических знаний о России.

[3] См. *Beller E. A.* Propaganda in Germany during the Thirty Years War. Princeton, 1940; *Schöne W.* Die deutsche Zeitung des Siebzehnten Jahrhundert in Abbildungen. Leipzig, 1940.

[4] *Burgi P. B.*, gennensis. De bello suecico commentarii, quibus Gustavi Adolphi, suecorum regis, in Germaniam expeditio, usque ad ipsius mortem comprehenditur. Leodii, 1633. См. p. 10, 12—14, 86, 134, 137. То же переиздано в 1643 г. (editio nova; эльзевир). Франц. пер.: *Burge P. B.*, gennois. Commentaires des guerres de Suède qui contiennent tout ce qui s'est passé de plus remarquable depuis la descente de Gustave Adolphe, roy de Suède en Allemagne, jusques à sa mort. Paris, 1653.

[5] *Arlanibaeus Ph.* (J. Ph. Abelinus). Arma suecica, hoc est vera et accurata descriptio belli, quod Gustavus Adolphus, suecorum, gothorum et vandalorum etc. rex, contra Ferdinandi II romanorum imperatoris, etc., exersitum in Germania hactenus gessit..., 1631. См. p. 3—4, 9—10, 15—16, 51—52, 162—163 и др. Продолжение: Armorum suecicorum continuatio, in qua breviter describuntur omnia ea, quae a serenissimo et potentissimo rege Sueciae Gustavo Adolpho, et aliis principibus protestantibus confoederatis post pugnam Lipsensem, in Imperio Romano memoratu digna gesta sunt. Francofurti, 1632. См. p. 17 и др. Продолжение: Armorum Succicorum continuatio ultima, 1634. Позже Абелин включил весь этот материал во второй том грандиозной истории Европы в XVII в. — «Theatrum Europaeum», охватывающий 1629—1632 гг. (Francfurt a/M., 2-е изд. 1679). О шведско-польских отношениях см. p. 81—86, 108—110, 571—583, 733—735. Годы 1634—1635 см. в томе III «Theatrum Europaeum», 1644. Об этих первых историках «шведского» периода Тридцатилетней войны см.: *Droysen G.* Arlanibaeus, Godofredus, Abelinus, sive Scriptorum de Gustavi Abolphi expeditione princeps. Berolini, 1864.

[6] *Chemnitz B. Ph.* Königlichen-schwedischen in Teutschland geführten Kriegs, Th. I—II (1630—1636). Stettin, 1648.

[7] *Pûfendorf S.* Commentariorum de rebus Suecicis libri XXVI ab expeditione Gustavi Adolphi regis in Germaniam ad abdicationem usque Christinae. Ultrajecti, 1686 (ниже цит. по изданию 1705 г.).

Но в более поздней историографии вся эта восточная сторона «шведского» периода Тридцатилетней войны как-то незаметно исчезла. Этому способствовали как немецкие историки, исказившие историю Тридцатилетней войны националистическими легендами и оторвавшие ее от всемирно-исторической основы, так и поддавшиеся их влиянию шведские историки. В частности, выпущенная в Швеции в середине XIX в. двухтомная публикация документов по истории немецкой войны Густава-Адольфа [8], легшая в основу соответствующих разделов в капитальных биографиях Густава-Адольфа Дройзена [9], Кронхольма [10], позже Флетчера [11] и др., совершенно односторонне направила внимание историков в сторону внутригерманской обстановки шведского похода. Восточноевропейская ситуация, в действительности оказывавшая важное влияние на всю судьбу этого похода, обойдена почти полным молчанием также и в общих сочинениях по истории Тридцатилетней войны, написанных как в XIX в., например у Гиндели, Шарвериа, Гардинера, Винтера, Клоппа, Риттера [12], так и в XX в., кончая сводной работой Веджвуд [13].

Эта однобокость историографии шведского периода Тридцатилетней войны была отчасти восполнена появлением в 1901 г. специальной монографии шведского историка Карла Вейле «Политика Швеции в отношении Польши в 1630—1635 гг.» [14] Вейле тщательно исследовал материалы шведского Государственного архива, а именно отделы: Polonica, Muscovitica, Turcica, переписку канцлера Оксеншерны. Выводы Вейле во многом спорны и недостаточны, но все же следует пожалеть, что этот основательный труд мало повлиял на позднейших авторов, в том числе даже на шведских; лучше всего он, пожалуй, известен польским

---

[8] Arkiv till upplysning om svenska krigens och krigsinzättningarnes historia. Tidskiftet 1630—1632, d. I—II. Stockholm, 1854—1860.

[9] *Droysen G.* Gustav Adolf, Bd. 1—2. Leipzig, 1869—1870.

[10] *Cronholm A.* Sveriges historia under Gustav II Adolphs regering, d. 1—6. Stockholm, 1857—1872; нем. пер. Gustav II Adolf in Deutschland, Bd. I. Leipzig, 1875.

[11] *Fletcher Ch. R. L.* Gustavus Adolphus and the Struggle of Protestantism for Existense. New York, 1890.

[12] *Gindely A.* Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. Bd. 1—4. Prag, 1869—1882; *Charvériat E.* Histoire de la guerre de Trente ans. Paris, 1878; *Gardiner S. R.* The Thirty Year's War 1618—1648. London, 1874; *Winter G.* Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Berlin, 1893; *Klopp O.* Der Dreißig jährige Krieg bis zum Tode Gustav Adolfs, Bd 1—3. Paderborn, 1891—1896; *Ritter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreißigjährigen Krieges, 1555—1648, Bd. 1—3. Stuttgart, 1889—1908.

[13] *Wedgwood C. V.* The Thirthy Years War. New Hawen, 1939.

[14] *Wejle C.* Sveriges politik mot Polen 1630—1635. Uppsala, 1901. Важным дополнением к исследованию Вейле является небольшая, но целиком основанная на архивных документах работа: *Rettig H.* Die Stellung der Regierung und des Reichstages Schwedens zur polnischen Frage. April 1634 bis November 1635, 1916.

историкам[15]. Впрочем, в восьмитомной коллективной работе о войнах Густава-Адольфа, изданной шведским генеральным штабом и являющейся образцовой сводкой всего, что известно науке об этих войнах[16], международная обстановка начала германского похода Густава-Адольфа излагается в специальной главе, 4-й, тома V в таком порядке: сначала отношения Швеции с германскими государствами, затем довольно подробно — с Польшей, Россией, Трансильванией и, наконец, с Францией, Голландией, Данией, Англией. Отношения Швеции с Речью Посполитой и Россией изложены в основном по Вейле. Однако русско-шведские отношения этих лет освещены Вейле и его последователями лишь отчасти, воссоздание же восточноевропейской международной ситуации времен «шведского» периода Тридцатилетней войны останется, на наш взгляд, до тех пор незавершенным, пока именно русско-шведские отношения не будут поставлены в центр внимания и пока, наряду со шведскими и польскими архивами, не будут привлечены русские, — прежде всего дела «шведского двора» Посольского приказа[17]. Именно эти документы, т. е. не-

---

[15] См., например: *Czapliński Wl.* Władysław IV wobec mojny 30-letniej. Kraków, 1937 (Polska Akademia Umiejętnosci. Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego, Seria II, t. XLV, N 3). Польские историки со своей стороны в некоторой мере осветили историю польско-шведских отношений в 30-х годах XVII в.: см., например, *Szelagowski A.* Układy królewicza Władysława i dysydentów z Gustawem Adolfem w r. 1632. — «Kwartalnik historyczny», 1899, IV; *Krajewski.* Władysław IV a korona szwedska (Bibl. Warszawa, 1913. III); *Godziszewski Wl.* Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930.

[16] Sveriges Generalstaben: Sveriges krig 1611—1632, d. I—VI. Bilagsband I—II. Stockholm, 1936—1939.

[17] В книге Г. Форстена «Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях», т. II (СПб., 1894) русско-шведские отношения освещены на основании материалов только стокгольмского архива, без использования московского архива Посольского приказа. В публикации К. И. Якубова «Россия и Швеция в первой половине XVII века» (М., 1897) использованы и стокгольмский, и московский архивы, но название этой книги вводит читателя в заблуждение: собственно дипломатических и политических отношений России и Швеции она почти не касается, а освещает преимущественно вопрос о населении пограничных территорий и некоторые другие специальные темы. Работа Н. В. Голицына «К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634—1648 гг.)» (М., 1903) представляет собой публикацию нескольких второстепенных документов из лифляндского архива. Наконец, в приложении к книге Е. Сташевского «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича», ч. I (1913) опубликовано несколько действительно важных дипломатических документов, но принцип их отбора непонятен и какие-либо пояснения к ним отсутствуют. В предисловии к другой своей книге — «Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии» (1919) — Е. Сташевский сообщает, что причинам и дипломатической подготовке Смоленской войны он посвятил особый выпуск своего исследования, однако этот выпуск так и не появился в печати. Некоторые документы из фонда шведских дел Посольского приказа за 20—30-е годы XVII в. были опубликованы в «Собрании государственных грамот и договоров» и в других археографических изда-

опубликованные столбцы шведских и иных дел Посольского приказа, положены нами в основу дальнейшего изложения.

Не пристрастны ли мы, придавая такое большое значение именно России? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от того, как оценить значение Польши и польской проблемы в политике Густава-Адольфа. Была ли Польша опасным и важным врагом в его глазах, когда он двинулся в Германию? Ответ может быть только один: да, была. Напомним, что борьба с Речью Посполитой составляла основное содержание всего предшествовавшего периода царствования Густава-Адольфа и тянулась с переменным успехом многие годы. До 1628 г. включительно Густав-Адольф был еще убежден в слабости Польско-Литовского государства и в возможности, разбив ее, превратить в плацдарм для войны с Империей. Но именно военная помощь императора Польско-Литовскому государству привела в 1629 г. к коренному изменению плана: по словам историка Борнхаупта, «из войны против Польши должна была развиться война против императора» [18]. Густав-Адольф убедился, что победа над Польшей не могла быть достигнута раньше победы над Империей. Поэтому он заключил в 1629 г. весьма неудовлетворительное, с его точки зрения, Альтмаркское перемирие с Речью Посполитой и в 1630 г. занял другой, не польский, как думал раньше, а померанский плацдарм для германской войны. После многолетней борьбы Польша осталась неразбитой. Мог ли Густав-Адольф не бояться ее теперь, когда он отдался другой войне? По справедливому замечанию авторов упомянутого выше капитального труда о войнах Густава-Адольфа, «так как силы Швеции были связаны в Германии, ее внешняя политика должна была определяться необходимостью обезвредить на востоке Польшу» [19]. Если это положение правильно, остается только решить, занимали ли шведско-русские отношения центральное место в осуществлении данной внешнеполитической программы.

На первый взгляд кажется, что это не совсем так. Шведский историк Нильс Анлунд, автор биографии Густава-Адольфа, справедливо указывая, что для Густава-Адольфа «главным врагом» всегда оставался Сигизмунд III, что поэтому он, видя в России «веский политический фактор», старался побудить русского царя к совместному наступлению на Речь Посполитую, что именно из-за ориентации московской политики на разрыв с Польшей русско-шведские отношения «становились все более дружественными и в конце концов достигли заметной теплоты», — тем не менее

ниях, но их число столь невелико, что в общем можно считать этот обширный и богатейший архивный фонд почти неопубликованым и мало утилизированным исследователями.

[18] *Bornhaupt Chr.*, von Gustav Adolf vor seinem Auftreten in Deutschland. — In: «Velhagen und Klassings Monatshefte», Bd. 2. Berlin, 1894—1895, S. 71—73.

[19] Sveriges krig 1611—1632, d. V. Stockholm, 1938, s. 227.

находит нужным оговориться: «Однако эти планы занимали в энергичной, решительной политике Густава-Адольфа относительно незначительное место — они несколько напоминают его прощупывание возможности совместных действий с татарами и турками в том же направлении, ибо и с ними он также нередко был связан»[20].

Вейле держится той же точки зрения. Он ставит в один ряд все действия Густава-Адольфа, направленные на предохранение Швеции от польской опасности на время войны с германским императором: и его тайные антипольские переговоры 1628—1630 гг. с государем Трансильвании Бетленом Габором через специального посла Пауля Страссбурга и различных гонцов; и его интриги в 1630 г. в Константинополе через того же Страссбурга, голландского посла Корнелия Хага и других лиц в целях устрашения Польши шведско-турецким союзом; и его обмен посольствами с крымским ханом в 1629—1632 гг. с тем, чтобы направить крымских татар или против германского императора или против польского короля; и его попытки в 1630—1631 гг. оторвать запорожских казаков от Речи Посполитой, поднять их на польского короля-католика; и, наконец, его оживленные антипольские сношения с Россией[21]. К этим планам создания внешней угрозы Польско-Литовскому государству Вейле присовокупляет также проект Густава-Адольфа парализовать способность Речи Посполитой к внешней активности путем разжигания в ней внутренней религиозно-политической борьбы. Но можно ли в самом деле считать все эти планы равноценными? Нет, потому что осуществился только один из них — русско-польская война. Все прочее осталось только «прощупыванием». Трансильвания не выступила против Польши; Турция, поглощенная борьбой с Персией, не смогла грозить Польше, даже заключила с ней в 1631 г. мир и только в 1633—1634 гг. произвела незначительные диверсии; крымские татары так и не напали ни на императора, ни на Речь Посполитую, наоборот, выступили в союзе с ней против России; запорожские казаки не реагировали на шведские призывы; религиозно-политическая борьба в Польско-Литовском государстве не только не разгорелась, а, напротив, совсем затихла к моменту избрания (в 1632 г.) Владислава IV польским королем. Поэтому, если мы хотим изучать не неудавшиеся замыслы, а исторические реальности, не субъективные планы государственных деятелей, а объективные отношения между народами, мы должны на первый план выдвинуть именно значение русско-польской Смоленской войны 1632—1634 гг. для истории шведского похода в Германию.

---

[20] *Ahnlund N.* Gustav Adolf den Store. Stockholm, 1932. Нем. пер.: Gustav Adolf. Berlin, 1938, s. 315—316 (здесь и ниже ссылки на это немецкое издание).

[21] *Wejle C.* Op. cit., s. 8—14.

Когда Густав-Адольф весной 1630 г. принял, наконец, решение начать вторжение в Германию, он уже знал о смерти (в ноябре 1629 г.) своего шурина Бетлена Габора и тем самым о крушении всего дипломатического здания, с таким трудом и искусством возведенного там Паулем Страссбургом[22]. В Константинополе ему было обеспечено при дворе султана Мурада IV содействие великого везира, а также константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, однако прямых обещаний военного выступления Турции против Польши он не имел; посол от крымского хана Халбердей, прибывший через Москву в Стокгольм в октябре 1629 г., хотя и привез согласие хана на договор о взаимной помощи против германского императора и польского короля, также ничего определенного не обещал[23].

Но Густав-Адольф имел весной 1630 г. официальное подтверждение обещания царя Михаила Федоровича вскоре начать войну с Речью Посполитой[24]. Это известие в начале апреля привез в Стокгольм из Москвы шведский посол Антон Мониер; его инструкция предписывала ему говорить перед царем о совместном нападении на католиков: России — на Польско-Литовское государство, Швеции — на императора, — в противном случае или император поможет полякам или поляки «тайным образом» помогут императору, так что Швеция и Россия волей-неволей нуждаются друг в друге; Мониер получил, по словам Вейле, «ответ,

---

[22] Донесения Страссбурга и другого тайного шведского уполномоченного, Фаренсбаха, по подлинникам стокгольмского архива опубликованы как приложение к книге венгерского историка: *Szilagyi S.* Bethlen Gábor és a sved diplomáczia». Budapest, 1882, s. 53—75; ср. *Wibling C.* Sveriges förhållande till Siebenbürgen 1623—1648. Lund, 1890, kap. 1. «Gustav II Adolf och Bethlen Gabor», s. 1—37. Ср. сообщение, полученное в 1629 г. в Москве, в Посольском приказе: «Шведский король послал шляхтича Фаренсбаха сквозь голландскую и французскую землю в угорскую [венгерскую] землю к Бетлену Габору для того, чтобы Бетлен Габор Польшу воевал» (ЦГАДА, Дела шведские, 1623 г., стб. 2, л. 72). После смерти Бетлена Габора все эти планы, связанные с Трансильванией, отошли на задний план, зато, говорят авторы «Sveriges krig», «самая опасная угроза окружения Польши пришла из России» и именно Россия отныне заняла первое место в антипольских проектах Густава-Адольфа (Sveriges krig 1611—1632, d. V, s. 223).

[23] ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 4 (проезд крымского посольства в Швецию); 1630 г., стб. 4 (проезд посольства из Швеции через Москву в мае).

[24] Обещание было дано еще весной 1629 г. (см. выше, с. 197—198), но в феврале 1630 г. в Москве посол Мониер говорил, что Густав-Адольф до настоящего момента «не мог сведать», действительно ли царь «себе в мысли взял» необходимость этой войны, в то время как польский король уже приготовляется. Ответ гласил, что «в мысль себе то царское величество взял крепко» и готовится [«промышляет»] немедля отомстить «польскому королю и всей Посполитой Речи» их обиды и разрушить их злой план, не дожидаясь истечения срока Деулинского перемирия, поскольку «на чем учинено перемирие, того всего польский король вцеле не сдержал» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 129, 203, 174—175, 243—244).

совершенно совпадающий со взглядами Густава-Адольфа»[25]. В серьезности решения Москвы воевать с Речью Посполитой Густав-Адольф удостоверился, по-видимому, не только дипломатическим путем. Еще в конце 1629 г. он отправил в Россию А. Лесли, с военно-информационной миссией[26]. Прибыв в Москву 22 января 1630 г. (на две недели раньше посла Мониера), Лесли поступил на службу к царю, ознакомился с состоянием русской армии и военными планами, внес первые предложения о реорганизации русских полков по шведскому образцу[27] и, как можно предполагать, уже в марте вернулся на время к Густаву-Адольфу.

Так или иначе, в марте—начале апреля 1630 г. Густав-Адольф знал, что Москва будет воевать с Польшей. Это сразу прояснило его политические горизонты. Заключая Альтмаркское перемирие с Польшей в сентябре 1629 г., когда он не был еще вполне уверен в позиции России, он сам согласился на включение в договор особого 20-го параграфа, предусматривавшего начало мирных переговоров между Швецией и Польско-Литовским государством во время перемирия при посредничестве бранденбургского курфюрста; иначе говоря, он допускал мысль, что для того, чтобы воевать с императором в Германии, ему, может быть, придется согласиться на любой мир с Сигизмундом III, даже признав права по-

---

[25] *Wejle C.* Op. cit., s. 8. В самом деле, Мониер перед боярами утверждал, например, что «если государь [Михаил Федорович] войны с польским королем не начнет, то государю нашему [Густаву-Адольфу] против цесаря стоять будет тяжело, потому что цесарю помогают испанский король, папа римский и король польский», а боярский ответ, в свою очередь, рекомендовал шведскому королю «выразуметь и взять себе в мысль крепко», что если польский король не будет принужден воевать с царем, то иначе «того ему нельзя учинить, чтоб он от цесаря отстал или цесарю не помогал всяким вспоможеньем» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 2, лл. 204, 244).

[26] Миссия Лесли была подготовлена переводом в 1629 г. из шведской армии в русскую ряда офицеров; русское правительство само не принимало их, если они не имели направлений от шведского правительства. Среди них в июне приехал племянник Лесли Яков Виммес, сообщивший, что дядя его скоро прибудет, как только вернется из посольства в Англию (ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 1, лл. 266, 397 и др.). Все это дело началось с того, что Лесли вручил в Стокгольме русскому купцу Глазкову письмо на имя Михаила Федоровича с просьбой выхлопотать ему у Густава-Адольфа отпуск на русскую службу; царская грамота Густаву-Адольфу была послана, и только тогда последний снабдил Лесли лестными рекомендательными письмами и отправил в Россию. Полковник Лесли прибыл в сопровождении (кроме шести слуг) целого штаба; двух капитанов, трех поручиков, прапорщика, писаря и «пушечного мастера», т. е. артиллериста-инженера Юлия Коета, энергично принявшегося за организацию пушечного производства в России. Царь принял Лесли, как только он прибыл в Москву, и щедро одарил его (см. *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, с. 372; *Сташевский Е.* Смоленская война, с. 70).

[27] В июне—июле 1630 г. уже шел набор в первые два русских полка иноземного строя, отданные в обучение сподвижникам Лесли (см. *Сташевский Е.* Смоленская война, с. 63—64).

следнего на шведскую корону или вернув ему оккупированные шведами Лифляндию и Пруссию. Мирные переговоры вот-вот уже должны были начаться в Данциге. Но 8 апреля Густав-Адольф вдруг пишет записку канцлеру Оксеншерне, что не видит никакой надобности в переговорах с Речью Посполитой, даже если бы польский король отказался от претензий на шведский престол. С этого времени он считал мысль о мире с Польшей вредной; война с императором была решена и одновременно было дано указание оставить 20-й параграф мертвой буквой [28]. Ведь Польско-Литовское государство, скованное Москвой, не сможет ударить в тыл шведам. Да и Москва, хотя и имеющая мирный договор со Швецией, на всякий случай будет связана этой польской войной [29].

Густав-Адольф был настолько уверен в русско-польской войне, что вскоре после отъезда крымского посольства из Швеции, в мае, направил в Крымское ханство своего посла, Беньямина Барона, с характерным заданием: добиваться уже не выступления татар против Польши (раз этот противник парализован), а диверсии через Трансильванию против императора. Другое дело, что этот план оказался и нереальным, ибо Трансильвания отказалась пропустить татарское войско [30], и ошибочным, ибо татары вскоре обратили свое оружие против России. Здесь он нам интересен как симптом уверенности Густава-Адольфа в русско-польской войне, когда делались последние приготовления к вторжению в Германию.

---

[28] *Wjele C.* Op. cit., s. 7. Оксеншерна, по-своему комментируя эти указания в меморандуме от 30 апреля 1630 г., так формулирует новые задачи шведской политики в отношении Речи Посполитой: вместо заключения мира — сближение с польскими протестантами и создание «factiones» (группировок) в Польше в интересах Швеции (Handlingar rörande Skandinaviens historia, d. 24. Stockholm, 1840, s. 196—197).

[29] «Прежде чем уехать в Германию, Густав-Адольф предписал остающимся дома, чтобы они стремление к дружбе с соседом на востоке [Москвой] сочетали с бдительностью, простирающейся даже до известной военной готовности» (Sveriges krig 1611—1632, d. V, s. 229).

[30] Вениамин Барон 11 февраля 1631 г. выехал из Москвы в Крым и только 14 февраля 1632 г. проехал обратно через Москву в Швецию в сопровождении нового крымского посла, Муралея Улана, который должен был объяснить Густаву-Адольфу, что воевать с императором крымский хан не может, а, когда у Швеции будет война с Речью Посполитой, охотно пошлет свое войско на польского короля. На обратном пути в 1633 г. татарское посольство было арестовано Московским государством, находившимся уже в войне с Крымом, и только через несколько месяцев отпущено по ходатайству Швеции (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 5; 1632 г., стб. 3; 1633 г., стб. 9 и 10). Не найдя Густава-Адольфа в Швеции, Муралей Улан с товарищами поехали в Германию. По данным стокгольмского архива, они уже не застали его в живых и вернулись, не получив королевской аудиенции (*Wejle C.* Op. cit., s. 10—11), но Хемниц (*Chemnitz B. Ph.* Op. cit., Th. I, S. 422—423) описывает, однако, прием этого посольства Густавом-Адольфом под Нюрнбергом 13 августа 1632 г. Пуфендорф сообщает о прибытии в Швецию в 1633 г. татарского посольства через Трансильванию (*Pufendorf S.* Op. cit., lib. V, § 109 «Legatio tartarica», p. 129), но, видимо, это ошибка.

Перед отплытием из Швеции Густав-Адольф послал также в Москву своего доверенного человека — Иоганна Мёллера. Ему было поручено передать дипломатическое послание царю и организовать вывоз русской субсидии, в виде хлеба, из Архангельска. Это был на самом деле крупный военный специалист: впоследствии, став постоянным шведским резидентом в Москве, он добился разрешения наблюдать за учениями русского войска, открыто взял на себя функции военного инструктора по вопросам саперного вооружения и фортификации («как делал его королевское величество в немецких землях») и т. д.[31] Но, прибыв в Новгород в начале июня 1630 г. в качестве простого дипломата, Мёллер потерпел неудачу. В царской грамоте к новгородскому воеводе было указано, чтобы пропустить его «с бережением» в Архангельск через Вологду только в том случае, если он приехал для хлебной закупки. В Москву же его вежливо отказались пустить под вымышленным предлогом «морового поветрия» в Швеции. Мёллер поэтому из Новгорода отправил дипломатическое послание Густава-Адольфа обратно в Швецию, а сам поехал в Архангельск и только в октябре попал в Москву[32]. Этот афронт объясняется тем, что в начале июня 1630 г. московское правительство еще не имело ожидавшегося ответа от Турции о совместном выступлении против Польши. Пока коалиция не оформилась, Москва предпочитала не связывать себя дальнейшими обязательствами перед Швецией и хотела ограничиться «скрытой войной»[33]. Однако благоприятный турецкий ответ прибыл в июне же; в октябре стали готовить «большое посольство» к Густаву-Адольфу. Поэтому, когда Мёллер приехал в Москву, он был окружен подчеркнутой заботой, и правительство с поразительным вниманием старалось удовлетворить все выдвинутые им пожелания и просьбы, даже частные[34].

Но шведское правительство и тем более Густав-Адольф в Германии узнали обо всем этом лишь в 1631 г., а пока что грамота Густава-Адольфа к Михаилу Федоровичу, без ответа возвращенная Мёллером из Новгорода, должна была породить у них серьезную тревогу по поводу русских намерений. Вот почему Густав-Адольф, заняв Померанию как плацдарм, но видя, что Россия не выступает следом за ним и что Польско-Литовское государство может грозить ему ударом в спину, не делал даже попыток двинуться дальше, в глубь Германии. Зато он предпринимал одну за другой энергичные меры для установления военного и

---

[31] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 65, 70, 106.

[32] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 6, лл. 2—4, 17—20, 51—63.

[33] В марте 1629 г. впервые шведским послам Мониеру и Бенгарту в Москве было обещано вступление России в войну с Польшей (ЦГАДА, Дела шведские, 1629 г., стб. 2, лл. 275, 319, 354). Следующий раз определенный срок начала военных действий был зафиксирован в переговорах со Швецией только в начале 1631 г.

[34] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 6, лл. 90—194.

дипломатического контакта с Москвой и побуждения ее к войне. По-видимому, в июле он снова отправил в Россию полковника Александра Лесли. Последний прибыл в Москву в августе или сентябре 1630 г. в сопровождении 62 лиц, часть которых принадлежала к его семье. Он обратился к царю и патриарху с пылкими доказательствами необходимости тотчас начинать войну с Польшей и одновременно с проектами уже не только реорганизации русской армии по шведскому образцу, но и найма целых иностранных полков. Отметим попутно странную ошибку Е. Сташевского, Д. Цветаева и других русских историков, трактующих Лесли как безвестного кондотьера, перебравшегося с запада в поисках заработка и в конце концов обрусевшего на царской службе. Ведь на самом деле полковник Александр Лесли был сыном того самого Александра Лесли, шотландца родом, которого энциклопедия «Британика» справедливо определяет как одного из крупнейших европейских военных деятелей первой половины XVII в.: в молодости — участник войны Нидерландов против Испании, затем — ближайший сподвижник Густава-Адольфа, герой Тридцатилетней войны, с 1636 г. — фельдмаршал шведской армии, позже — глава шотландской пресвитерианской армии, один из главных персонажей гражданской войны в Англии, имя которого как полководца соперничает с именем Кромвеля [35]. Александр Лесли-сын выступил в роли реформатора и одного из основных руководителей русской армии во время Смоленской войны. Не может быть никакого сомнения в том, что эту роль он выполнял по непосредственным указаниям Густава-Адольфа. Уже во время первого пребывания Лесли в Москве, в феврале 1630 г., посол Мониер официально от имени Густава-Адольфа предлагал присылать в Москву, кроме политической информации, военных командиров, амуницию и вооружение для русской армии, и это предложение было принято [36]. Именно с 1630 г. среди иноземных «выходцев» в Россию основное место заняли офицеры («начальные» или «приказные люди»), причем офицеры или прямо из шведской армии, или преимущественно шотландцы, лично связанные с Лесли [37].

---

[35] В статье «Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны» («Вопросы истории», 1947, № 1, с. 62) я отметил как неясный вопрос о двух шотландцах Александрах Лесли в командном составе армии Густава-Адольфа: являлся ли Александр Лесли, прибывший в 1630 г. в Москву, тем знаменитым Александром Лесли, которого считают одним из крупнейших военных деятелей первой половины XVII в., или это другой шотландец с тем же именем? Ясность в этот вопрос вносит Д. Норрман (*Norrman D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tyska kriget. 1630—1632. Uppsala, 1943, p. 64). В Москву в 1630 г. с большим числом родственников и в сопровождении значительной группы офицеров-шотландцев прибыл Александр Лесли-сын.

[36] ЦГАДА, Дела смоленские, 1630 г., стб. 2, лл. 138, 248—249.

[37] *Сташевский Е.* Смоленская война, с. 35—36 и др.

Шотландский историк А. Стюарт отыскал в архиве Государственного совета Шотландии «Birthbrieves», т. е. подтверждения своего дворянского

Собственно говоря, неправильно считать, что они реорганизовали русскую армию по шведскому образцу: сама шведская военная школа Густава-Адольфа была в огромной мере подражанием Нидерландской буржуазной революции. Лесли-старший был одним из тех военных профессионалов, которые перенесли эту школу в Швецию, так же как позже в революционную Англию; можно сказать, что они были военными учителями и Густава-Адольфа, и Кромвеля. Вместе с другими связанными с ним офицерами Лесли-младший попытался перестроить и русскую армию по тому же нидерландскому образцу. В сентябре 1631 г. польский воевода Гонсевский получил шпионские сведения, что в Москве уже имеется несколько «регментов голландского образца», во время осады Смоленска поляк Москоровский писал, что с московской армией «надо воевать по-нидерландски» [38].

Впрочем, военное искусство Густава-Адольфа было связано и с некоторыми чисто шведскими нововведениями. Это прежде всего — легкие пушки, ранее незнакомые Европе. Они сильно способствовали его головокружительным успехам в Германии. И вот что крайне характерно: эту военную новинку Густав-Адольф передает Московскому государству еще до своего вступления в Германию. Приехавший с Лесли в январе 1630 г. пушечный мастер Юлис Коет знал именно секрет отливки легких пушек — вскоре по его заявке московское правительство уже выписывает в помощь ему «к новому пушечному делу» нужных мастеров (кузнеца, колесника, станочника, мастера по отливке ядер) [39].

В июне 1631 г. Иоганн Мёллер в Москве передавал настоятельные советы Густава-Адольфа, что время для выступления против Речи Посполитой сейчас самое лучшее и чтобы царь при этом обзавелся «гораздо пушками и прочим вооружением,

---

происхождения, полученные в 30-х годах этими соратниками Александра Лесли-сына, крупными военными специалистами, составлявшими, по словам Стюарта, его «котерию», кружок (*Steuart A. F.* Scottish Influences in Russian History from the End of the 16th Century to the Beginning of the 19th Century. Glasgow, 1913, p. 40—42). В том же архиве два документа свидетельствуют о деятельности агента Александра Лесли: 28 марта 1633 г. капитан Джемс Форбес просил о выдаче королевского письма с разрешением ему набрать в Шотландии 200 человек на русскую службу под началом сэра Александра Лесли; 1 мая 1633 г. ордер на наем этого числа людей был выдан сэру Александру Лесли of Auchintoul, кавалеру (knight), «генералу-полковнику иноземных войск русского императора (Emperour of Russia)» (ibid., p. 34). В России в дальнейшем оказался ряд лиц с фамилией Лесли (в том числе его сын Алсександр) (ibid., 40).

[38] *Сташевский Е.* Смоленская война, с. 84, 174.

[39] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10, лл. 18, 48. В 1632 г. были основаны тульские и каширские оружейные заводы другим посланцем Густава-Адольфа — «приказчиком шведского короля» Виниусом (Елисеем Ульяновым), который был, как и Коет, по национальности голландцем.

а пушки б были не тяжелы и не велики»[40]. Но Густаву-Адольфу не терпелось, и в это время от него уже ехал к Михаилу Федоровичу другой гонец, поручение которого встретивший его в пути Лесли изложил в письме: Густав-Адольф хочет сам послать царю «пушек, которые деланы легки по тому образцу, что господин Юлис Коет на Москве слил». Лесли объясняет военно-тактические преимущества легких пушек и просит царя решить этот вопрос, учитывая, что Густав-Адольф уже «в нынешнюю войну с теми легкими пушками промысл победу учинил и с тем промышлением в дальнее место доехал, да и вперед еще ходити чаем»[41].

Московское правительство шло навстречу этим желаниям и советам Густава-Адольфа, отнюдь, однако, не теряя политической дистанции[42]. Оно широко предоставило командные посты в русской армии направляемым из шведской армии иностранным офицерам. Оно поручило вскоре своим послам Племянникову и Аристову закупить за границей большую партию мушкетов, карабинов, пистолетов, шпаг, шлемов и пр. — именно тех образцов, которые на вооружении в шведской армии[43]. Проект Лесли был принят почти дословно в том виде, как он его изложил: самому Лесли и было поручено ехать обратно за границу и нанять «как можно спешнее и лучше» на царскую службу три (в дальнейшем четыре) полка опытных ландскнехтов с должным штатом командиров на тех же условиях оплаты и службы, которые были приняты в остальной Европе[44]. Лесли, выехавший в феврале 1631 г. вместе с русскими послами Племянниковым и Аристовым, получил, кроме денежной наличности для найма и закупок, также

---

[40] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, л. 64.

[41] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10, лл. 168—169; ср. 1631 г. стб. 2: приезд шведского гонца Иоганна фон Стенберга, которому пушечный мастер Коет приходился зятем. Коет, кроме передачи этого предложения о пушках, должен был осуществить своего рода ревизию деятельности Елисея Ульянова и Демулина по закупке и отправке русского зерна «на шведского короля».

[42] Ср., например, решительный отпор, данный в 1630 г. шведским попыткам дипломатического панибратства: выписка на основании договоров, что московские цари «братством [т. е. «братом»] к шведскому королю никогда не писывали и не пишут» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 11, л. 5).

[43] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 4. О доставке разнообразного закупленного оружия в декабре 1631— январе 1633 г. см в стб. 11 за 1631 г.

[44] Е. Сташевский ошибочно противопоставляет плану шотландца Лесли план голштинца фон Дама, поданный 18 января и принятый в конце февраля 1631 г. (*Сташевский Е.* Указ. соч., с. 74—81). Фон Дам был помощником и как бы заместителем Лесли; во время отсутствия последнего фон Дам вместе с тестем Лесли, Унзингом, писали из Москвы донесения Густаву-Адольфу (см. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI—XVII столетиях, изданные Г. Форстеном, вып. II. СПб., 1893, с. 129). Они же принимали нанятых Лесли солдат и закупленное оружие.

на 110 тыс. ефимков «грамоток» (векселей) к амстердамским коммерсантам от находившихся в Москве иноземных купцов[45]. Очень характерно, что и в наказе, данном Лесли, и в царском послании к Густаву-Адольфу выражено желание московского правительства, чтобы оружие было закуплено по возможности непосредственно из шведской казны, а солдаты наняты предпочтительно из числа тех «охочих людей добрых», «которые ныне у его королевского величества служат по найму», и чтобы Густав-Адольф отпустил также «полковников, капитанов, поручиков и иных начальных людей, которые ныне служат в шведской армии, но захотят ехать служить в Московское государство»[46]. Эту просьбу Густав-Адольф, разумеется, полностью не смог удовлетворить в ущерб своей армии, но важно, что даже мысль такого рода не возникла бы, если бы в Москве не были уверены, что Густав-Адольф видит в русско-польской войне часть собственной военной задачи.

Обеспечивая себе всеми этими средствами известное влияние в русской армии, Густав-Адольф тем не менее понимал, что все же не от военных кругов, а от русского правительства будет зависеть в конце концов начало войны Московского государства с Речью Посполитой. По-прежнему бездействуя поневоле на своем померанском плацдарме, он не переставал обдумывать то тот, то другой способ подтолкнуть медлительный ход событий на востоке.

---

[45] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10; 1631 г., стб. 3; ср. Собрание государственных грамот и договоров, т. III, № 81—88; Е. Сташевский (Смоленская война, с. 71—83, 88—108) подробно анализирует историю найма, состав, транспортировку в Москву, организацию этих иноземных полков. Они начали прибывать только с конца 1631 г. Необходимо отметить, что Сташевский развивает совершенно ошибочную концепцию, будто наем иностранных полков, задуманный Лесли, дал плохие результаты из-за отказа Густава-Адольфа (а также датского короля) разрешить вербовку войск в своих землях. Московское правительство, полагает Сташевский, зная о деморализованности и негодности немецких ландскнехтов, сознательно не указало в наказе Лесли Германию, а предписало ему, если не удастся нанять всех солдат в Швеции, ехать для вербовки дальше — в Данию, Голландию и Англию; между тем обстоятельства принудили его вопреки инструкции нанять основную часть ландскнехтов именно в немецких землях. На самом деле Лесли в своем проекте рекомендовал писать к Густаву-Адольфу, «чтоб он, для дружелюбства, в своем королевстве и в [тех] немецких землях, которые ныне за ним, позволил царскому величеству людей нанимать», и именно эта формула воспроизведена в царской грамоте к Густаву-Адольфу, посланной с Лесли: царь просит «для нашей царской дружбы и любви позволить в своем королевстве и в немецких землях, которые ныне за вами, ратных людей полковнику Александру Лесли нанимать» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 9, л. 139; стб. 10, л. 2). Таким образом, вся концепция Сташевского построена на недоразумении. Густав-Адольф отнюдь не отказал Лесли, а, напротив, помог осуществить именно то, что он сам через Лесли и посоветовал московскому правительству: использовать для усиления московской армии те рынки ландскнехтских рук в Германии, которые оказались под властью Швеции.

[46] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 9, лл. 108, 139; стб. 10, л. 25.

Решение этой дипломатической проблемы было найдено им только в конце октября—начале ноября 1630 г. Вернее, решение привез ему в эти дни один из самых своеобразных и интересных деятелей европейской дипломатии того времени — француз Жак Руссель[47], проехавший в качестве венгерского (собственно — трансильванского) посла через Константинополь, Москву, Швецию и привезший Густаву-Адольфу в Померанию письма от Бетлена Габора (уже к тому времени умершего), турецкого султана, крымского хана и московского царя[48]. Руссель, хотя безусловно не лишенный черт авантюриста, внушил Густаву-Адольфу, как и ряду других крупных деятелей, большое уважение своим умом и политическими идеями. Вместе они и разработали проект, по словам Анлунда, «поразивший весь мир»[49]: заявить претензию Густава-Адольфа на польский престол, который вот-вот должен был освободиться ввиду дряхлости Сигизмунда III.

---

[47] В статье «Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну» («Исторический журнал», 1945, кн. 3, с. 20) мы ошибочно называли Русселя шведом. Биографические сведения о Русселе удалось найти у французских мемуаристов. Жак Руссель, сын шалонского буржуа, брат известного кальвинистского проповедника, — типичный человек эпохи позднего Возрождения, светски образованный, жизнедеятельный, — и одновременно — фанатичный приверженец кальвинистского протестантизма. Он — единомышленник и доверенное лицо вождя французских гугенотов герцога Рогана. Руссель, соединивший своей деятельностью Францию, Польшу, Савойю, Мантую, Венецию, Трансильванию, Турцию, Московское государство, Швецию, Германию, Голландию, завоевавший широкое доверие Бетлена Габора, Густава-Адольфа, Филарета Никитича, сыграл в 20-х—начале 30-х годов немалую роль в практическом осуществлении политической задачи огромного значения — в сколачивании антигабсбургской коалиции, а также в попытках воплотить в жизнь план объединения всех христианских некатолических церквей, разрабатывавшийся в это время в антикатолических церковных и политических кругах. Несколько раз посещает он далекую Московию — в качестве посла Бетлена Габора, как уполномоченный Густава-Адольфа и, наконец, последний раз в 1633 г. — в качестве полномочного посла голландских Генеральных штатов. На этом последнем этапе Руссель делает главный упор на торговом аспекте деятельности. Он настойчиво и терпеливо добивается осуществления великого замысла открыть европейским купцам путь через Россию (по Волге и Каспийскому морю) к персидскому рынку. Кальвинистская набожность слилась в нем — совершенно в духе века — с гигантской корыстью. Он необычайно разбогател. В 1636 г. Руссель оказывается в Константинополе. Там, во время какой-то эпидемии, его настигла смерть; ему было не более 40 лет. Жаку Русселю посвящен специальный параграф («В масштабе индивидуальной жизни») заключительной части нашего исследования «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» (М., 1970, с. 339—354).

[48] *Wejle C.* Op. cit., s. 19. Руссель выехал из России через Новгород 24 июля 1630 г., 20 августа отплыл из Выборга в Швецию (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 3, лл. 40, 62). См. там же (1630 г., стб. 8) данную ему рекомендательную грамоту Михаила Федоровича к Густаву-Адольфу от 6 июля 1630 г.

[49] *Ahnlund N.* Op. cit., s. 332.

Из последующих писем Русселя к Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу видно, что этот проект Руссель уже ранее обсудил и выработал с ними во время своих тайных бесед в Москве[50], хотя прислан-то был изложить перед ними план приобретения польской короны Бетленом Габором[51] (во время пребывания Русселя в Москве стало известно о смерти Бетлена Габора)[52]. Проект посадить на польский престол Густава-Адольфа был, как видно, составной частью того «великого замысла», обсуждавшегося в палатах Филарета Никитича в июне 1630 г., на который Руссель часто намекает в письмах. Но и Густав-Адольф со своей стороны был тоже подготовлен к этому шагу. Ему было известно от посла Страссбурга, вернувшегося с отчетом в Швецию в начале 1630 г., что перед смертью Бетлен Габор писал польским магнатам, горячо рекомендуя Густава-Адольфа на польский престол. Канцлер Оксеншерна был еще сторонником выдвижения кандидатуры Густава-Адольфа и теперь вместе со Страссбургом держал курс на всемерное разжигание религиозной борьбы внутри Польши. Густав-Адольф имел тайные сношения (через рижского бургграфа Ульриха) с вождем литовских протестантов — князем Криштофом Радзивиллом[53].

Однако все это было совсем не похоже на принятое теперь решение. Густав-Адольф, возведя Русселя в высокий придворный ранг и снабдив 5 ноября пышными верительными грамотами и широкими полномочиями, отправил его в качестве своего официального посла к польским магнатам и сенаторам, к польской «республике», минуя короля. Руссель должен был открыто пропагандировать выгоды польско-шведской унии и Густава-Адольфа как

---

[50] В своем первом сообщении о переговорах с Густавом-Адольфом (от 29 января 1631 г.) он пишет: «И сверх того я говорил один на один с королевским величеством о том добром деле от вашего царского величества и договорился с ним тайно по вашему произволению и желанию вашему. И только за тем стало, что надлежит наводить и соединачить [организовать] изволение [волю] панов-рады на доброхотение к превельможнейшему Густаву-Адольфу, королю, так же как они желали и хотели покойника блаженной памяти короля Габора, еже волею божиею преставился, тогда как он со своим войском шел в Польшу на исходе 1629 года» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 3, л. 2).

[51] Бетлен Габор, судя по речи его послов в Москве, рассчитывал на три фактора: 1) военную силу свою и своих союзников; 2) доброжелательное отношение сейма [«панов-рады»] к нему и к идее польско-венгерской унии; 3) рокош, который, по его предположению, со ссылкой на исторические прецеденты, поднимут против своего короля поляки, если он начнет не одобряемую ими войну (ЦГАДА, Дела венгерские, 1630 г., стб. 1, лл. 162—163).

[52] Еще будучи при дворе Бетлена Габора, Руссель выступал как горячий поклонник Густава-Адольфа, определенно ориентировался на него и заключил тайный договор с его послом Страссбургом. Последний снабдил Русселя не только рекомендательными письмами к Густаву-Адольфу, но и полномочиями действовать в Турции и России в интересах Густава-Адольфа и от его имени (*Wejle C.* Op. cit., s. 12—13).

[53] *Wejle C.* Op. cit., s. 12—16.

защитника польских свобод от «узурпаций» Сигизмунда, собиравшегося при жизни добиться избрания королем кого-либо из своих сыновей. Заехав в конце ноября в г. Эльбинг к канцлеру Оксеншерне, который был удивлен всем этим, но подчинился воле короля, Руссель затем с декабря 1630 г. обосновался в Риге и Дерпте. Оттуда он посылал гонцов в Польшу с письмами к магнатам и сейму, а позже, в 1632 г., стал даже печатать эти письма и антигабсбургские воззвания, как и верительные грамоты Густава-Адольфа, и широко распространять их в Польше. Перепуганные польско-литовские протестанты, к которым он адресовался, в том числе Радзивилл, разумеется, начали отрекаться от всякой связи со шведами, шляхтичи публично рвали русселевские листовки с восхвалениями Густава-Адольфа или отсылали их разгневанному Сигизмунду. В апреле 1632 г. гонец Русселя Мавиус, добивавшийся после сейма встречи с польским дворянством, едва спас свою жизнь [54]. Вся Европа была поистине поражена таким небывалым способом ведения политических дел [55].

Русселя считают первым виновником неудачи претензий Густава-Адольфа на польский престол. «Насколько удачна, — говорит Вейле, — была политика Густава-Адольфа в отношении Польши до заключения Альтмаркского перемирия, настолько неудачной она была во время перемирия». Его «основной план — вызвать в Польше междоусобия, отнять престол у потомков Сигизмунда или хотя бы принудить их к отказу от притязаний на Швецию — полностью провалился. Руссель только оттолкнул от Густава-Адольфа польские оппозиционные круги, слишком рано разоблачив его намерения перед противниками, когда надо было еще действовать в глубокой тайне через Радзивилла» [56]. Но действительно ли в этом состоял «основной план» Густава-Адольфа? 22 апреля 1631 г. он сам писал Оксеншерне, что вопрос о польской короне его совершенно не интересует [57]. Да и мог ли этот проницательный политик не понимать, что у него ни при каких обстоятельствах нет шансов получить мирное большинство в польском сейме! Сопоставление актов его польской политики и его русской политики подтверждают иную мысль, — что на самом деле его основной план состоял в том, чтобы принудить Московское государство к войне с Польско-Литовским государством. Ведь его манила гораздо более пленительная цель, чем польская корона: покорение Германии, возможно — германская императорская корона [58]. И только свобода рук Речи Посполитой была

---

[54] *Wejle C.* Op. cit., s. 19—33.
[55] См. Theatrum Europaeum, t. II, p. 571—572.
[56] *Wejle C.* Op. cit., s. 64—65.
[57] Ibid., s. 39.
[58] См. анализ конечных целей похода Густава-Адольфа в Германию в кн.: *Ahnlund N.* Op. cit., s. 393—401. Для характеристики этих целей еще никем не привлекалась следующая фраза из неопубликованного письма Густава-Адольфа к Михаилу Федоровичу из Штеттина от 21 июня

препятствием на пути к этой цели. В те же самые дни, в начале ноября 1630 г., когда столь громогласно Руссель был отправлен в Польшу, Густав-Адольф дал совершенно тайное поручение Мониеру ехать в Москву с новым проектом разгрома Речи Посполитой, о чем речь будет ниже. Насколько эти две миссии представляли одно целое, видно из того, что Густав-Адольф обе составленные им инструкции, Русселю и Мониеру, из которых первая датирована 8 ноября, вторая — 11 ноября, переслал вместе (по-видимому, с Русселем) для сведения канцлеру Оксеншерне, ответ которого от 17 января 1631 г. с разбором обеих инструкций, кстати сказать, лишний раз подтверждает впечатление, что Оксеншерна в то время стоял несколько в стороне от русской и польской политики Густава-Адольфа, не все в ней понимал, да и не все знал. Но во всяком случае и Оксеншерне было ясно, что главная задача не только Мониера, но и Русселя — «добиться в России войны против Польши» [59]. Русселю инструкция предписывала ехать из Польши в Москву.

В чем же состоял замысел Русселя и Густава-Адольфа? Они решили воздействовать на московское правительство его же собственным козырем. Московское правительство, предлагая через Русселя Густаву-Адольфу польскую корону, несомненно, исходило из того расчета, что в случае согласия Густаву-Адольфу придется предпринять военное вторжение в Польско-Литовское государство (как собирался действовать и Бетлен Габор); при этом он должен будет искать военного союза с Москвой, и Москва сможет продиктовать свои территориальные и политические условия будущему польскому королю [60]. А Густав-Адольф теперь с помощью того же Русселя перенес акцент на вопрос о согласии польских панов на его избрание и тем самым пугал Москву возможностью получить польскую корону мирным путем, без военного давления и, следовательно, без московской помощи. Мало того, в перспективе Московское государство оказалось бы соседом сильного польско-шведского государства, не успев ничего вернуть из своих потерь времен смуты и интервенции. Ясно, что известие о миссии Русселя должно было заставить Москву поторопиться с объявлением войны Польше. Так и случилось.

1631 г. (в переводе Посольского приказа): «А что ваше царское величество держит к нашему королевскому величеству добрую надежду, чтоб наше королевское величество вашему царскому величеству против польского короля помогал, то, хотя еще и не вся немецкая земля под наше королевское величество поддана, однако, мы нашу королевскую великую дружбу и любовь к вашему царскому величеству показать хотим»; следует разрешение нанять 5 тыс. солдат в Померании, Мекленбурге и Пруссии для войны с Польшей, провезти их через Швецию, беспошлинно вывезти закупленное оружие и пр. (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 4, л. 133).

59 Arkiv till upplysning om svenska krigens... historia, d. II, s. 157.

60 Это подтверждается наказом, данным позже русским послам Пушкину и Горихвостову, отправленным в 1632 г. в Швецию для заключения союза (см. ниже, гл. VI и VIII).

Руссель очень энергично принялся в декабре 1630 г. выполнять обе части своей миссии: и подсобную — польскую, и главную — русскую. По-видимому, ему следует между прочим приписать появление в Москве в декабре 1630 г. провокационных «вестей» о близком выступлении поляков («литовских людей и русских воров порубежных мужиков») [61], породившее серьезную военную тревогу: рассылку царской грамоты о переходе на военное положение по 19 городам, экстренную ревизию военной готовности порубежных крепостей, ряд чрезвычайных мероприятий Пушкарского приказа [62]. В связи с этой тревогой стоит, несомненно, и срочное принятие 30 декабря всех предложений уже заждавшегося Александра Лесли о найме иностранных полков [63]. Но свой главный ход Руссель сделал в январе 1631 г.: он прислал из Дерпта на имя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича донесение о своем свидании с Густавом-Адольфом, о своем новом высоком посте полномочного шведского посла «ко всему миру в Польше» в связи с открывающимся в Варшаве сеймом, о своем решении остаться пока в Риге и послать в Польшу на сейм только двух гонцов с приглашением к вельможам приехать в Ригу для переговоров о кандидатуре Густава-Адольфа на польский престол. К донесению были приложены копии верительной грамоты, выданной Русселю Густавом-Адольфом, и письма Густава-Адольфа к польским вельможам (кастеляну краковскому и др.),

---

[61] Это предположение основано на том, что в другом случае появления таких же «вестей», вскоре после данного случая, нити ведут прямо к Русселю: в феврале 1631 г. он прислал из Дерпта на русскую заставу возле Пскова человека для передачи письма на имя Михаила Федоровича, и этот человек подробно рассказал на заставе о числе и расположении литовских войск, которые, по его словам, вскоре должны были уже начать наступление на Псков под командованием Владислава. На этот раз московское правительство приказало послать за рубеж двух-трех разведчиков под видом купцов для проверки «литовских вестей» и вскоре получило успокоительные сообщения о ложности всей этой информации (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 5, лл. 2—5, 14—15, 21—22).

[62] *Сташевский Е.* Смоленская война, с. 283.

[63] Судя по особой грамоте Густава-Адольфа к Михаилу Федоровичу от 28 февраля 1631 г. (из Альтенштадта в Померании), Лесли даже написал Густаву-Адольфу, что его в Москве не используют и низко оплачивают; Густав-Адольф просит или назначить Лесли то же содержание, какое получают в шведской армии другие полковники, или отпустить его, «потому что здесь в цесарской области [в Германии] нашему кор. в-ву разумные полковники в службе годны» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г. стб. 8, л. 51). Из столбца Посольского приказа видно, что еще до получения этой грамоты дело Лесли вдруг сдвинулось с места во второй половине декабря 1630 г. По просьбе кн. И. Б. Черкасского Лесли 21 декабря, на основе предшествовавших переговоров, представил докладную записку; 30 декабря последовало распоряжение царя и патриарха изготовить, исходя из нее, все необходимые документы для миссии Лесли (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10, л. 1—13).

датированные 5 ноября в г. Штральзунде[64]. Это донесение Русселя прибыло в Псков с сопроводительным письмом шведского губернатора Лифляндии Иоганна Шютте[65], просившего псковского воеводу, в виду важности дела, «ту грамоту тотчас днем и ночью беспрестанно с прямым гонцом послать» в Москву.

Дипломатическая комбинация Густава-Адольфа оказалась рассчитанной совершенно точно. Донесение Русселя произвело в Москве сильное действие. Это видно из сопоставления дат. Буквально на другой день было решено дело, тянувшееся уже несколько месяцев. Хотя обязательство Турции выступить против Речи Посполитой ранней весной 1631 г. прибыло еще в июне 1630 г. и Московское государство твердо намеревалось выступить одновременно с Турцией, с сообщением об этом Швеции не считали нужным спешить. Посольство Племянникова и Аристова к Густаву-Адольфу, подготовлявшееся с октября 1630 г., все откладывалось; собиралась информация о военных действиях шведов в Германии. Еще 16 января 1631 г. очередная царская инструкция новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому предписывала тайно выведать за рубежом: что делается в Швеции и на войне, где находится Густав-Адольф «и с польским королем у него ссылка [сношения] есть ли и если есть, то о чем»[66].

Но 25 января 1631 г., сразу по получении донесения Русселя, был подписан наказ Племянникову и Аристову, 29 января была подписана грамота Михаила Федоровича к Густаву-Адольфу, а 30 января Племянников, Аристов и Лесли спешно выехали из Москвы. Они везли с собой то, чего так страстно желал Густав-Адольф. Послы должны были, изложив перед ним краткую историю русско-польских отношений со времен смуты, подчеркнуть, что царь уже порвал Деулинское перемирие, отказавшись принять в прошлом году польских послов, и заявить от имени царя: «...а ныне мы, великий государь, за те короля Сигизмунда многие неправды хотим на него стояти и бояр наших и воевод с ратными людьми на весну [зачеркнуто: рано] хотим послати»[67].

Александр Лесли получил также дипломатические послания Михаила Федоровича к английскому королю Карлу I, к датскому королю Христиану IV, к голландскому штатгальтеру Фридриху-Генриху Оранскому и нидерландским Генеральным штатам. Во

---

[64] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 3, лл. 1—6, 29—30. Письмо Русселя ошибочно датировано январем 1630 г. вместо 1631 г.

[65] О Шютте и его деятельности в качестве шведского губернатора Лифляндии см.: *Liljedahl R.* Svensk förvaltning i Livland 1617—1634. Uppsala, 1933, kap. XI, s. 524—539.

[66] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 9, лл. 46—47.

[67] Там же, лл. 96—106. Тут же сообщается о прошлогоднем посольстве от султана Мурада IV, известившего, что «на весну» посылает на польского короля большое войско, «а нам бы стоять с ним на польского короля заодин» (л. 103). Приблизительно тот же текст содержится и в письменной грамоте Михаила Федоровича к Густаву-Адольфу (Там же, лл. 127—145).

всех этих посланиях, как и к Густаву-Адольфу, фигурирует, после изложения «неправд» Сигизмунда III, одна и та же формула, очень важная для понимания международной концепции московского правительства: «Да и то нам ведомо, что королевич Владислав хочет доступать нашего Московского государства и разорить государство и веру нашу христианскую, а свою еретическую папежскую проклятую веру ввести и утвердить, по умышлению папы римского и по совету цесареву и короля испанского и короля литовского [т. е. Сигизмунда]. И мы, великий государь, видя их такие многие неправды, до перемирных лет польскому королю [Сигизмунду] и панам-раде терпеть не хотим». Как видим, война против Польско-Литовского государства публично трактовалась Московским государством перед лицом Европы как косвенная война и против всего габсбургско-католического лагеря. Сообщая всем указанным государям о своем намерении начать военные действия весною 1631 г., Михаил Федорович просил у них помощи в найме солдат и закупке оружия[68]. Таким образом, это было гласным и формальным объявлением войны Речи Посполитой.

Но, как ни спешили послы и Лесли, они встретились в пути до Швеции и из Швеции в Германию с задержками. Прошло целых четыре месяца, прежде чем они смогли доставить Густаву-Адольфу это драгоценное известие.

Тем временем тревога Густава-Адольфа возрастала. Правда, в январе 1631 г. он имел наконец союзный договор с Францией, подписанный в Бервальде. Но двигаться в глубь Германии он попрежнему не мог: прибывали известия о польских военных приготовлениях, которые могли быть использованы против Швеции даже и без формального нарушения Польско-Литовским государством Альтмаркского перемирия. Так, например, 8 января 1631 г. рижский бургграф Ульрих донес, что «император пытался получить возможность вербовки армии в Польше, которая должна ударить в тыл шведам в Германии»[69]. Действительно, в 1631 г. вся Европа знала, что Сигизмунд в соответствии с договором о взаимопомощи, заключенным еще в 1621 г. с императором Фердинандом II, предоставил ему свободу вербовки и формирования войск на территории Речи Посполитой, отклонив, однако, его требование о немедленном военном союзе против Швеции[70].

---

[68] ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10, лл. 51—69 (грамота к Христиану IV), 70—85 (грамота к Карлу I), 86—97 (грамота к Фридриху-Генриху Оранскому), 98—111 (грамота к Нидерландским штатам). Все грамоты, как и к Густаву-Адольфу, датированы 29 января 1631 г.

[69] *Wejle C.* Op. cit., s. 18.

[70] Описывая положение Швеции весной 1631 г., Бург сообщает: «Польский король, связанный договором со шведским королем и не имея возможности ничего предоставить императору, не пожелал выступить, но все-таки позволил императору навербовать в своем королевстве сколько угодно войск» (De bello suecico, 1653, p. 134).

Но у Густава-Адольфа был уже заготовлен противовес всем этим угрозам. Выше мы упомянули о его тайном поручении, данном Мониеру в ноябре 1630 г.[71] То была вторая половина проекта, предложенного Русселем Густаву-Адольфу, с целью ускорить вступление России в войну с Польшей. Миссия самого Русселя должна была послужить кнутом, миссия Мониера — пряником. Только из-за медлительности Мониера и стремительности Русселя обе части единого плана разошлись во времени: Мониер попал в Москву лишь 15 мая 1631 г., через три с половиной месяца после того, как русское посольство уехало к Густаву-Адольфу.

Мониер — крупный шведский военный; когда впоследствии московское правительство предложило ему взять командование полком, он отказался, сославшись на полученное назначение в шведской армии[72]. Его миссия также носила чисто военный и в высшей степени секретный характер[73]. Она служила как бы следующим шагом в развитии миссии Лесли[74]. Мониер, согласно инструкции, от имени Густава-Адольфа должен был предложить царю и патриарху нечто очень похожее на то, чего они через Русселя как раз хотели добиться от Густава-Адольфа, — военное вторжение в Польшу с запада одновременно с русским вторжением с востока, — но только с существенной поправкой: армия для этого вторжения будет нанята хотя и в Германии (на территориях, подвластных или союзных Швеции) и даже под личным руководством Густава-Адольфа, но на русские деньги[75].

---

[71] Ср. протокол шведского Государственного совета от 26 января 1631 г. об отправке Мониера в Москву (Svenska riksrådets protokoll (Handlingar rörande Sveriges historia, 3 serien), d. II, 1880, s. 53).

[72] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 228—229.

[73] Приехав в Москву, Мониер сообщил приставам, что, кроме явных дел, «есть с ним речь к государю тайная»; поэтому ему предложено было на публичном приеме у царя ничего не говорить, а прислать свою речь в письменном и запечатанном виде. Тайно был ему вручен и царский ответ, не известный никому даже в Посольском приказе, кроме самого думного дьяка (Ф. Ф. Лихачева), у которого «в тайном посольском столпу», не дошедшем до нас, был подклеен текст этого ответа (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 7, лл. 140, 189). Отметим, что какие-то неведомые нам силы пытались и сумели проникнуть в тайну этого ответа: лл. 269—282 указанного столбца повествуют о том, что по выезде из Москвы, в Химках, возок того члена посольства Мониера, который вез документы, был ограблен, а через несколько дней все документы, запечатанные и завернутые в «попону», были подброшены на дороге и доставлены нашедшим их крестьянином в Москву в Посольский приказ; специальный гонец повез их вдогонку за Мониером.

[74] Мониер не застал Лесли в Москве, но, покидая Москву 7 июня, он заехал будто бы «выпить» к тестю Лесли, Унзингу, проживавшему в Химках (очевидно, вместе с дочерью — женой Лесли). Именно по выезде оттуда и был ограблен отставший возок. Не соблазнил ли Мониер чьего-либо любопытства как раз в доме Лесли, демонстрируя тайный царский ответ?

[75] Изложение инструкции, данной Мониеру, см.: *Форстен Г.* Балтийский вопрос..., т. II, с. 364—366; *Wejle C.* Op. cit., s. 9.

Полный текст докладной записки, поданной Мониером царю, не сохранился, однако ее содержание частично воспроизведено в позднейшей переписке, и мы можем составить себе о ней представление. Сначала Мониер от имени Густава-Адольфа пылко благодарил царя («дружно бил челом») за «великую дружбу», выразившуюся в разрешении уже несколько лет закупать в России «доброе число ржи». «Высоко почитая» эту помощь и прося о ее продолжении, Густав-Адольф «в печали пребывал, как бы ему против того воздати», и, наконец, нашел способ: подобно тому, как Михаил Федорович этим разрешением помог ему против императора, он решил «в вашем зачатом деле против польского [короля] думою и делом помогать». Учитывая, «что король польский римскому цесарю во всем радеет и ищет ему добра чинить: не только ему полковников перепустил [отпустил служить], но и позволил цесарю в своей земле людей нанимать», — Густав-Адольф полагает, что он в той же мере не нарушит польско-шведского перемирия, если поступит как польский король и русскому царю «таким же способом свою добрую подвижность [поддержку] окажет». «Доброе годно вашему ц. в-ву видную армаду [войско] в [той] немецкой земле учинить, которую его к. в-во взял и одолел, и с той стороны в польскую землю удариться» [76]. При этом царю конкретно рекомендовалось нанять 10 тыс. пехоты и 3 тыс. конных, формированием и военными действиями которых Густав-Адольф брался лично руководить [77]. Но зато он просил не заключать сепаратного русско-польского мира [78].

Вейле справедливо замечает, что осуществление этого плана «сделало бы более несомненным успех русских в войне с поляками и в то же время дало бы Густаву-Адольфу полное спокойствие, что Польша не выступит против него» [79]. Оксеншерна увидел в этом плане только хитрость со стороны Густава-Адольфа. Анализируя в цитированном уже письме инструкцию Мониера, он пишет, что, насколько он понял, она сводится к трем основным пунктам: «1) втянуть московитов в войну с Польшей; 2) доставить вашему королевскому в-ву денег под предлогом вербовки в Германии для нужд России; 3) достигнуть продолжения закупки хлеба. Все три пункта, продолжает он, именно таковы, каких требует настоящее время, и я очень желаю, чтобы Мониер вел это дело разумно и добился чего-либо хорошего. Безопасность Швеции и вашего королевского в-ва требует, чтобы Польша не была свободна от опасности со стороны Москвы, и если она [Москва] действительно вступит в войну, то наши дела будут обстоять хорошо и обеим сторонам придется уважать нас» [80]. Ис-

---

[76] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 220—222.
[77] Там же, стб. 7, л. 287.
[78] Там же, стб. 8, л. 68.
[79] *Weijle C.* Op. cit., s. 9.
[80] Arkiv till upplysning on svenska krigens... historia, d. II, s. 157.

точники подтверждают, что цена, которую в дальнейшем запросил Густав-Адольф с Москвы, в самом деле дала бы ему возможность попутно основательно пополнить свою казну, но план нападения на Польшу с запада все же не был только «предлогом». Сам Оксеншерна с некоторым сомнением допускает: «Если та вербовка в Германии для нужд великого князя [московского] затеется, то Руссель имеет широко дискутировать со мной об этом; он сам хочет по возможности продвигать это дело» [81]. Действительно, инициатор всего плана, Руссель, смотрел на него, как на реальность, и хотел держать руководство им в своих руках. Так же смотрел на дело и Густав-Адольф.

Авторы цитированного труда «Sveriges krig 1611—1632» склонны упрекнуть Густава-Адольфа в легкомыслии за его увлечение этим планом и восхваляют трезвую мудрость Оксеншерны. «У Русселя был наготове план, подобный тем, какие авантюристы того времени рассыпали вокруг себя и которые Оксеншерна всегда расценивал с охлаждающей трезвостью». Они исходят при этом из традиционного мнения о глупости всех вообще польских затей Русселя. Гибельное влияние на Густава-Адольфа приписывается также Мониеру, убеждавшему короля выполнить план Русселя, как ни противился этому канцлер. «Тщетно Оксеншерна предупреждал: предполагаемая вербовка для русских только впутала бы Швецию в русско-польскую войну, а задача Швеции должна была бы быть только та, чтобы «сидеть смирно при этом положении вещей...» не быть затронутой поляками; угроза со стороны России могла бы принести помощь и без этих авантюристических способов. Однако Густав-Адольф крепко держался за мысль при помощи этого проекта отвлечь Речь Посполитую и рьяно утверждал, что этот план не противоречит международному праву» [82].

Нам взгляд Оксеншерны представляется, напротив, очень близоруким, а план Русселя и Густава-Адольфа значительно более дальновидным, хотя и рискованным. Ведь русско-польская война еще не была действительностью. Без серьезного вклада со стороны Швеции дело не могло обойтись. И, сознавая это, Густав-Адольф, вопреки Оксеншерне, торопил Русселя и Мониера.

Прислав в феврале 1631 г. новое донесение в Москву о своей миссии в Польше, Руссель в марте уже сам прибыл на рубеж во главе пышного посольства. Сопроводительная грамота губернатора Шютте рекомендовала его как «великого посла, больше которого давно не бывало», имеющего тайный «изустный приказ от шведского короля, которые дела гораздо надобны шведскому королевству и российскому государству» [83]. В связи с его ролью в Польше его пустили на Москву с большой подозритель-

---

[81] Ibidem.
[82] Sveriges krig 1611—1632, d. V, s. 229—230.
[83] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 5, лл. 42, 48.

ностью[84] и лишь после долгой проволочки, тем более что у него не было письменного документа от Густава-Адольфа[85]. Однако вслед за ним пришло новое послание Шютте с извещением, что Густав-Адольф к нему в Ригу «пригнал гонца» в начале апреля: Русселю «велено идти к Москве день и ночь наспех» с порученными ему «надобными делами» «и чтоб ему к королевскому величеству приехать с добрым ответом непременно вскоре»[86]. Густав-Адольф определенно нервничал. В Москве Руссель вел абсолютно тайные переговоры с кн. Иваном Борисовичем Черкасским — доверенным лицом патриарха и царя[87].

По последующей переписке можно установить, что, предвосхищая запаздывающего Мониера, Руссель сам изложил план найма войск для вторжения с запада в Польшу и сосредоточения их в «Силезской земле», причем предлагал свои услуги для руководства этим наймом[88]. С этого момента началась борьба Русселя против вербовки иноземных полков в Германии, которую проводил Лесли; учитывая, по-видимому, ограниченность и русской казны, и немецкого рынка найма (а может быть, также собственную выгоду), он всячески доказывал в последующих письмах царю, что «сбор» полковника Лесли «не сгодится и помешку учинит думе [замыслу] вашего величества», что иноземные полки на русской службе могут изменить и перейти к воеводе Гонсевскому, что «тех немцев, которых нанимают», надо послать на Польшу не с московской стороны, а с силезской[89]. Наряду с этим Руссель обсуждал с И. Б. Черкасским все вопросы предстоящей войны с Польшей, а также вопрос о русско-шведском союзе. Полученную информацию, представлявшую ог-

---

[84] Еще в феврале новгородскому воеводе было приказано, послав в Ливонию разведчиков под видом купцов, поручить им между прочим «тайно проведывать» в Риге про деятельность Русселя: «что у него учнется делати». По прибытии в Москву состав посольства был поставлен в необычные условия: приставам было приказано всех, кто придет к двору и будет о чем-либо разговаривать с послом или его людьми «отошед от посольского двора», хватать и присылать в Посольский приказ, но «чтоб то послу было не знатно и не сумнительно» (Там же, лл. 15, 120—121).

[85] Любопытна резолюция рукою Филарета Никитича: «Как государь произволит, а мне кажется — его не мешкая пропустить: потому как ему без королевского ведома ехать сюда? Чтоб его велеть пропустить не мешкая. А я чаю, что он едет с великим делом» (Там же, л. 45 об.).

[86] Там же, лл. 147—148.

[87] Запись переговоров не сохранилась; она должна была храниться у кн. И. Б. Черкасского, «а в Посольском приказе ни о чем не ведомо, потому что Яков Руссель приезжал с великим и тайным делом» (Там же, лл. 166—167).

[88] Там же, стб. 9, лл. 3—19.

[89] Там же, стб. 10, лл. 5, 29, 48. Позже Руссель предлагал свое посредничество между Московским государством и князем Христианом Анхальтским, который выразил согласие за хорошее вознаграждение стать во главе нанятых Москвою иностранных войск (Там же, 1632 г., стб. 8). Но в это время Смоленская война была уже в разгаре.

ромную ценность для Густава-Адольфа, Руссель позже, в июле, переслал последнему через Оксеншерну[90]. Но никакого официального письменного ответа Руссель с собой не повез, поскольку не привез письма Густава-Адольфа. Одаренный богатыми царскими подарками, окруженный заботой и вниманием, Руссель выехал из Москвы обратно в Ригу 13 мая[91], за два дня до приезда в Москву Мониера, переговоры которого он, таким образом, подготовил и который получил уже официальный царский ответ на план Густава-Адольфа.

Каков же был этот ответ? По словам Вейле, предложение Густава-Адольфа «возбудило большое удовольствие у царя»[92]. Действительно, оно было охотно и целиком принято, лишь с незначительными поправками. Так, в Москве не захотели включить конницу в нанимаемое войско, предпочитая лучше нанять лишних 5 тыс. пехоты, а конницу направить свою собственную к условленному месту встречи. Ответ по поводу просьбы Густава-Адольфа не заключать сепаратного мира с Польско-Литовским государством содержал не только согласие, но и намек на то, что, может быть, в результате войны вообще не придется с нынешним королем заключать ни мира, ни перемирия, т. е. что польская корона может достаться самому Густаву-Адольфу. Наконец, была выражена просьба уточнить место, откуда Густав-Адольф думает напасть на Речь Посполитую (через Лифляндию или через Германию), и стоимость всего предприятия[93]. Мониер выехал из Москвы 7 июня 1631 г., но Густав-Адольф только в августе узнал об успехе его миссии и получил тайное послание Михаила Федоровича. В этом послании между прочим подтверждалось обязательство начать в нынешнем, 1631 г. войну против Польско-Литовского государства, но срок выступления передвигался с весны на «лето»[94].

Густав-Адольф был, видимо, обеспокоен медлительностью Мониера, судя по тому, что уже в марте 1631 г. он направил не только упомянутого выше гонца к Русселю, торопя последнего ехать в Москву, но и формально назначил (3 марта) с тем же поручением, какое имел Мониер, нового посла в Москву Иоганна Мёллера, «на смену Антону Мониеру», которому ездить слишком «протяжливо», тогда как Мёллер взялся пересылать письма за четыре недели; при этом Мёллер должен был остаться на постоянное жительство в Москве для ведения всех «явных и тай-

---

[90] Это донесение выслано им из Риги 17 июня и получено Густавом-Адольфом с письмом Оксеншерны (от 12 июля) не раньше конца июля 1631 г. (*Wejle C.* Op. cit., s. 24).

[91] 26 мая Руссель отплыл на судах из Пскова, прихватив с собой иноходца из царской конюшни и возок, крытый лазоревым сукном, вовсе ему не подаренные, а данные лишь на проезд от Москвы до рубежа (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 5, лл. 187 и сл.).

[92] *Wejle C.* Op. cit., s. 10.

[93] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 222, 68.

[94] Там же, л. 68.

ных дел»[95]. Следует учесть, что Мёллер лишь незадолго до того, в феврале 1631 г., приехал в Померанию к Густаву-Адольфу из Москвы и был первым, кто привез ему радостные известия, хотя еще неофициальные, о военных приготовлениях Московского государства. Прибыв вторично в Москву в начале июня 1631 г. (за несколько дней до отъезда Мониера), Мёллер рассказывал, что он «недели три каждый день в комнату его в-ва (Густава-Адольфа) ходил и его в-во о сем [Московском] царстве и о своей тайности [тайне] с особенным радением наказывал»; «а ведает у короля те тайные дела, о которых он послан к царскому в-ву, один королевский канцлер Оксеншерна, а оприч того канцлера про тайные дела никто не ведает»[96]. Все это производит впечатление правды, с той, впрочем, оговоркой, которая выше была сделана о роли Оксеншерны.

Мёллер предпослал изложению своих тайных дел международную информацию — тенденциозную, но не лишенную основания. Между прочим он говорил о намерениях польского короля и сейма искать мира со Швецией и Московским государством. Польский посол уже направлен «о миру» к Густаву-Адольфу, который, однако, не собирался верить их «обманам». Быть третейским посредником в мирных переговорах с Москвой поляки попросили германского императора, — последний уже снаряжает в Москву через Речь Посполитую большое посольство, и сам Мёллер встретил в пути двух отправленных вперед императорских гонцов, у которых он хитростью и выведал все это[97]. Кроме того, Мёллер сообщил о взятии Густавом-Адольфом множества немецких городов, многозначительно подчеркнув: «...и которые цесаревы города были смежны с польским королем — и те все города ныне за государем его, за Густавом-Адольфом королем»[98].

Самый план нападения на Польско-Литовское государство со стороны Германии Мёллер не развивал подробно, поскольку Антон Мониер перед ним уже «те дела совершил», но сделал ряд частных дополнений. Он передал военные советы и указания Густава-Адольфа и его общее мнение, что если Михаил Федорович захочет «нанять немецких людей и на Польшу послать с немецкой стороны», в то время как русские «ратные люди пойдут со своей стороны», то вследствие неожиданности Речь Посполитую ждет неминуемый разгром. Считая, что польский король, послав императору на помощь два полка во главе с польскими полковниками, уже нарушил перемирие со Швецией, Густав-Адольф тоже «для царского в-ва любви поступится своих ратных людей два регимента с добрыми начальниками». Более того, он

---

[95] *Wejle C.* Op. cit., лл. 15, 57—58.
[96] Там же, лл. 57, 16.
[97] Императорское посольство в сопровождении польской свиты действительно прибыло на русскую границу в следующем, 1632 г., но не было принято.
[98] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 19—20, 15—16.

готов сам ввязаться в войну, если поляки дадут повод: «...а если польские люди немецких людей встретят большими людьми [крупными силами] и немцев потеснят, то им можно отойти в те места, что ныне за шведским королем, а шведский король тому и рад, чтобы польские люди за ними пришли за рубеж: то и нарушение перемирью» [99].

Как видим, военный гений Густава-Адольфа не на шутку увлечен разработкой этого стратегического плана. Но еще важнее для Густава-Адольфа был дипломатический план шведско-русского союза. Он поручил Мёллеру передать: «Если бы царскому в-ву можно было в сердце мое зрети, то он бы увидел, как я ему доброхотаю» — и даже готов за Михаила Федоровича и его наследников «по смерть свою стоять» [100].

Чем более благоприятно развивались дальнейшие переговоры Мёллера в Москве, тем больше новых заманчивых предложений, следуя, по-видимому, инструкции, выдвигал он. Тут и предложение дешевой закупки разнообразного оружия непосредственно из запасов шведского короля, и широкий меркантилистский план переселения в Россию ремесленников с Запада для обогащения царской казны и пр. Однако все это отходит на второй план по сравнению с осторожным зондажем самой щекотливой проблемы во время беседы с кн. И. Б. Черкасским 15 июля: по моему мнению, сказал Мёллер, если царь начнет войну против польского короля, «Белая Русь от Польши отложится»; «добро бы, — добавил он, — чтоб и черкас [запорожских казаков] уговорить» сделать то же самое [101]. Если сопоставить это с ранее сделанным им заявлением от имени Густава-Адольфа, — «добро б так было, чтоб такое укрепление меж обоих великих государей, что ни один без другого с польским королем не мирился» [102], — то ход мыслей станет ясен. Уговариваясь не заключать сепаратного мира, надо предвидеть уже контуры будущего совместного мирного договора. Густав-Адольф давал понять, что он не возражает против перехода от Речи Посполитой к Московскому государству Белоруссии и Запорожской Украины. Мы уже видели, что московское правительство со своей стороны намекнуло в ответе, посланном с Мониером (и многозначительно повторенном Мёллеру), что, может быть, и вовсе не понадобится заключать мира или перемирия с третьим лицом — «польским королем». Так в дипломатической дымке впервые обрисовываются перед нами очертания того соглашения между Россией и Швецией, которое в следующем, 1632 г. московское правительство уже без прикрас и умолчаний выдвинет перед Швецией, по проекту, разработанному все тем же Русселем.

---

[99] Там же, л. 64.
[100] Там же, лл. 63, 67.
[101] Там же, л. 106.
[102] Там же, л. 65.

Не может быть сомнений в том, что Руссель уже в 1630 г. согласовал в общих чертах эту перспективу русско-шведского союза по отдельности и с Михаилом Федоровичем (вернее, с Филаретом Никитичем), и с Густавом-Адольфом. Московское правительство никогда не согласилось бы, тем более не указало бы само, на кандидатуру Густава-Адольфа в качестве польского короля, если бы не рассчитывало за свою поддержку вытребовать у него возвращение обширных русских земель, захваченных в прошлом Литвой и Польшей.

Но размер и состав этих территориальных возмещений не мог быть ясен Русселю с самого начала. О Смоленске и прилегающих районах нечего было спорить[103]. Все внимание Русселя первоначально было приковано к Запорожской Украине, вопрос же о Белоруссии возник позже, должно быть, это требование Москвы Руссель впервые услыхал в июле 1630 г. и довел его до сведения Густава-Адольфа в октябре—ноябре 1630 г. Что касается Украины, то есть основание думать, что еще Бетлен Габор, строя свои планы захвата польской короны, рассчитывал получить согласие и военную помощь Москвы именно в обмен за уступку ей Запорожской Украины. Как раз в 1629 г. православное запорожское казачество, естественно, ориентировавшееся на Москву, вновь подняло восстание против поляков. Это обстоятельство подводило реальный фундамент под такой план. От общего истока — Бетлена Габора эта идея достигла, с одной стороны, Густава-Адольфа через посла Страссбурга, с другой стороны — Михаила Федоровича и Филарета Никитича через посла Русселя. Густав-Адольф еще в июле 1630 г. инструктировал губернатора Лифляндии Шютте, что следует по возможности разжигать восстание казаков против Польши[104]. Руссель, по-видимому, говорил об этом деле с константинопольским патриархом Кириллом, будучи в Турции, и затем подробно беседовал о запорожском вопросе во время первого посещения Москвы, как видно по сохра-

---

[103] Руссель, будучи во второй раз в Москве, взял на себя перед кн. И. Б. Черкасским какие-то обязательства диверсионного или разведывательного характера в отношении Смоленска. В июле и в октябре 1631 г. он сообщал через своего секретаря Вассермана, ездившего от него из Риги в Москву, что «умышленье, которое заведено под Смоленском городом», связанное с применением какой-то тайной «лучевой спасти», приводится в исполнение, по-видимому, с помощью двух доверенных лиц, посланных Русселем к смоленскому воеводе Гонсевскому под предлогом официального запроса от имени Швеции о якобы задержанных в Смоленске шведских военнопленных. Руссель обещал сообщить царю при своем следующем посещении Москвы и о других задуманных им «неминучих» средствах, «чтоб то место Смоленское вашему величеству отдать». Пока что в октябре Вассерман привез точнейшие сведения об укреплениях и гарнизоне Смоленска, о настроениях населения в пользу перехода под власть Москвы, о советниках и личном окружении смоленского воеводы (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 10, лл. 3, 30, 34—40, 54—55).

[104] *Weijle C.* Op. cit., s. 25.

нившимся отрывкам его письма к царю и патриарху, отправленного с дороги, из Выборга, сразу же после отъезда [105].

В следующем письме, уже после посещения Густава-Адольфа, Руссель снова и особенно многозначительно пишет о запорожских казаках [106]. Тут же он стал подготовлять отправку двух своих доверенных лиц, л'Адмираля и де Грева, к запорожским казакам через Москву. Однако губернатор Лифляндии Шютте и, по-видимому, Оксеншерна противились этому, хотя Руссель ссылался на инструкции Густава-Адольфа [107]. Только в июне 1631 г., воспользовавшись отлучкой Шютте, он наконец отправил их, снабдив письмами к московскому царю с просьбой о содействии их миссии, и к запорожским казакам — с призывом продолжать борьбу против Польши, предложением союза и уверениями, что задача Густава-Адольфа состоит в защите греческой веры от папистов [108]. Московское правительство охотно оказало содействие этой миссии и предоставило в распоряжение л'Адмираля и де Грева пристава и переводчиков. Оно ведь само готово было поддержать борьбу запорожцев; по заслуживающему вниманию утверждению одной польской печатной листовки 1631 г., царь и патриарх в 1630 г., узнав о начале войны запорожских казаков против Речи Посполитой, направили к ним послов и намеревались сами тотчас же выступить против Польско-Литовского государства: уже воеводы царские, бояре и все войско были приведены в готовность к наступлению на Витебск и Полоцк, к осаде Смоленска и даже Киева, но в этот момент польскому правительству удалось успокоить казаков, и Москве пришлось отложить свое намерение [109]. Этой же неблагоприятной политической ситуацией объясняется и полная неудача миссии л'Адмираля и де Грева: новый запорожский гетман Кулага выдал их поль-

---

[105] Руссель пишет, что Сигизмунд III 40 лет уже побуждает казаков к набегам на Турцию, и надо, чтобы султан Мурад IV был поставлен в известность об этом. «Я ведаю, — продолжает он, — что ваше царское в-во гораздо ведает, что годно держать тое запорож... они не делали развое... патриарха Кирилла, да и моей, и общее б наше свидетельство привезли к вашему царскому в-ву. И по тому ваше царское в-во рассудит, что не надобно им объявить никакой статьи про умышленье. И сверх того, если позволит ваше царское в-во, чтоб промышлять день и ночь, чтоб подтвердить войну запорожских казаков, и для того дела посулит им, то помогать будет надобно всякими мерами, что годно к тому, чтоб та война не перестала» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 3, лл. 28 и 21).

[106] Он обещает «писать про тайные дела, и те дела возвеселят ваше царское в-во, и годно будет, чтоб ваше царское в-во безотступно наводил запорожских казаков, чтоб они...» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 5, л. 12).

[107] *Wejle C.* Op. cit., s. 24—26. Переписку Русселя с Москвой по поводу присылки двух уполномоченных см.: ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 5.

[108] Там же, стб. 9.

[109] Там же, стб. 10, лл. 42—43.

скому коронному гетману Конецпольскому, который препроводил их в Варшаву. Оттуда польский канцлер Задик отправил их к шведскому канцлеру Оксеншерне с протестом по поводу попыток пропаганды среди казаков в нарушение шведско-польского перемирия, и Оксеншерне пришлось долго оправдываться, ссылаясь на то, что Руссель превысил свои полномочия. В то же время сам Руссель печатно восхвалял эту миссию и даже опубликовал (в 1632 г.) свое послание к казакам.

Если думать, что Густав-Адольф всерьез поставил перед Русселем задачу склонить умы поляков к его кандидатуре, то надо согласиться, что этим посольством к казакам Руссель окончательно испортил дело. Но в действительности Руссель добивался другого. Он старался практически связать казацкое восстание с Москвой и тем самым предрешить вопрос о переходе Запорожской Украины от Польши к Московскому государству. Абстрактное обещание передачи территории Запорожской Украины Москве после воцарения Густава-Адольфа в Польше звучало бы ненадежно. Напротив, связавшись с казаками, Михаил Федорович принужден был бы, отстаивая свой уже фактически достигнутый успех, немедля начать войну с Польско-Литовским государством.

Теперь мы можем оценить замысел Густава-Адольфа и Русселя в целом. В письме к Михаилу Федоровичу от 7 октября 1631 г. Руссель совершенно недвусмысленно сформулировал альтернативу: «В конце концов польская земля попадет государю моему королю [Густаву-Адольфу] в руки — либо насилу, либо по дружбе» [110]. Понятно, что во втором случае Москва осталась бы не только ни при чем, но и в крупном политическом проигрыше. Как Руссель теснил Москву этой угрозой, видно, например, из того, что в тот самый день, 22 июня 1631 г., когда он подписал инструкцию л'Адмиралю и де Греву, он подписал и распоряжение своему секретарю Вассерману сообщить в Москву об успехах своих сношений с политическими лидерами Речи Посполитой — Гонсевским и особенно Львом Сапегой, который-де уже прислал в Ригу для переговоров о кандидатуре Густава-Адольфа своего уполномоченного — полковника Корфа [111]. Но одновременно перед московским правительством раскрывали вторую возможность — получение Густавом-Адольфом Польши не «по дружбе», а «насилу», если Москва согласится на военное выступление. В этом случае Густав-Адольф помог бы разгрому Речи Посполитой нанесением одновременно удара из Германии (правда, от имени и

---

[110] *Wejle C.* Op. cit., л. 29.

[111] Которого, отмечает Руссель в письме, ты, святейший патриарх, «гораздо знаешь» (Там же, л. 2, 7). И три месяца спустя, в следующем письме, посланном с Вассерманом, Руссель снова акцентирует успехи своих сношений с польско-литовскими диссидентами и даже прилагает письмо Льва Сапеги (Там же, л. 33).

на средства царя) и уступил бы Московскому государству восточную часть Речи Посполитой [112].

Насколько страшилось московское правительство первой возможности, настолько охотно оно шло навстречу второй. Этот внешнеполитический курс отнюдь не был навязан ему Швецией. Напротив, по письмам Русселя нетрудно убедиться, что он, в сущности, лишь вложил в руки Густава-Адольфа то оружие, которое получил в Москве из рук Филарета Никитича. Он даже не сразу полностью раскрыл перед Густавом-Адольфом весь замысел. В письме, посланном с Вассерманом в июле 1631 г., Руссель пишет Филарету Никитичу, что собирается вскоре снова уехать к Густаву-Адольфу, «чтоб ему, королевскому в-ву, внятнее объяснить то дело, о чем я с вашим государским величеством говаривал» [113]. Оказывается, что русско-шведский военный союз против Речи Посполитой — это всего лишь программа-минимум, намеченная в Москве («ближнее дело» — «воинское соединение против общего недруга»), которая может быть проведена в жизнь даже и в том случае, если не осуществится некая программа-максимум — «вышнее дело» [114].

Таким образом, согласие Москвы на предложения Густава-Адольфа отнюдь не было вынужденным. Борьба шла лишь из-за срока выступления Москвы — и в этом вопросе ничто не могло ее поколебать, поскольку она твердо хотела дождаться совместного выступления с Турцией.

Вынужденными были скорее, как это ни странно, претензии Густава-Адольфа на польскую корону. У него не было другого средства вызвать русско-польскую войну, как принять целиком план Русселя. Раз Густав-Адольф нуждался, чтоб Польша была скована войной с Россией, волей-неволей пришлось, как мы убедились, и публично объявить о своем желании быть избранным сеймом на королевство, и тайно согласиться на завоевание поль-

---

[112] Оксеншерна не был посвящен в весь замысел полностью, но достаточно знал о нем, чтобы принимать участие в давлении на Москву по способу «кнута и пряника». Так, в одном из донесений Александра Лесли с дороги в Москву (начало июня) заключительная часть, как нетрудно убедиться из контекста, приписана или самим Оксеншерной или по его указанию: канцлеру шведскому стало точно известно, что польский король и сенаторы решили добиваться заключения со Швецией «вековечного мира», «да они ж на то положили: счастье свое со всею силою над русскою землею искати. А у его кор. в-ва Густава-Адольфа охоты к такому миру нету. А после того, как король шведский взял город Франкфурт, князья и сословия Силезской земли писали к королевскому величеству, чтоб он со своим войском шел в Силезскую землю, а ворота все отворены будут». Выше в тексте донесения также отмечается, что в результате взятия Франкфурта-на-Одере для Густава-Адольфа «силезская, моравская и чешская земля стала отворена», а польский король «ныне бессилен и царскому в-ву можно своему недругу отомстить» (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10, л. 195—199).

[113] Там же, л. 5.

[114] Там же.

ской короны с помощью России. Занять польский престол надо было также и для того, чтоб он не достался после победы московскому царю: это был бы слишком опасный тыл. Так-то приобретение польской короны, которой Густав-Адольф вовсе и не желал, оказывалось вынужденным условием торжества над германским императором, к чему он страстно стремился.

Целый год, с июня 1630 г. по июль 1631 г., Густав-Адольф не предпринимал крупных операций со своего плацдарма в Северо-Восточной Германии.

Чем объяснить это? Может быть, Ришелье, предвосхищая будущее, уже боялся соперника в борьбе за Рейн и втайне противодействовал шведскому наступлению? Так иногда думают. Но как ни сложны отношения Густава-Адольфа с Ришелье, который пытался навязать этому пламенному защитнику протестантизма в Германии союз с немецкой Католической лигой и с ее вождем Максимилианом Баварским, во всяком случае они ни в какой мере не пригодны для объяснения пассивности шведской армии в течение этого года.

Принятый в историографии взгляд сводится к тому, что Густав-Адольф, легко принудив последнего славянского герцога Померании, Богуслава, к союзному договору и получив затем часть Мекленбурга благодаря поддержке мекленбургских герцогов, выгнанных Валленштейном, не мог никуда двинуться дальше Померании и Мекленбурга просто из-за несогласия остальных немецких князей. Лишь два-три мелких территориальных князя и несколько городов, в том числе Магдебург, объявили себя на его стороне, но оба протестантских курфюрста, владения которых преграждали дорогу в глубь Германии, — бранденбургский и саксонский — не хотели и слышать о союзе со шведским королем против императора. В конце февраля 1631 г. бранденбургский и саксонский курфюрсты созвали «Лейпцигский конвент» протестантских князей и городов Германии, на котором было принято решение о вооруженном нейтралитете (с ориентацией на Данию), а союз со Швецией был отвергнут. Тщетно Густав-Адольф изощрял свои дипломатические способности; то он униженно заискивал перед своим шурином — бранденбургским курфюрстом Георгом-Вильгельмом, то придвигал войска к его границам и даже захватил Франкфурт-на-Одере. Георг-Вильгельм под давлением своего министра-католика Шварценберга оставался непреклонным. Только когда имперско-католические войска во главе с Тилли и Паппенхеймом вторглись в его земли и стали грозить владению его дяди — Магдебургу, он согласился на ограниченную помощь Густава-Адольфа. После того, как Магдебург был все равно захвачен и чудовищно опустошен войсками Тилли (10 мая 1631 г.), Густаву-Адольфу предложено было покинуть Бранденбург, но, опираясь на общественное мнение, возмущенное бесчинствами Тилли, Густав-Адольф принудил бранденбургского курфюрста заключить со Швецией союз. Точно так же и

саксонский курфюрст вскоре был вынужден неосторожной агрессивностью Тилли искать союза со Швецией: Тилли, чтоб принудить курфюрста отказаться от нейтралитета, вторгся в Саксонию, и только тогда Иоганн-Георг, боясь разгула католической реакции в своих землях, отвернулся от императора и соединился с Густавом-Адольфом. Таким образом, ворота в Германию распахнулись. Вслед за Бранденбургом и Саксонией и другие протестантские княжества стали отдаваться под защиту шведского короля. Уничтожив армию Тилли 17(7) сентября 1631 г. при Брейтенфельде (близ Лейпцига), Густав-Адольф почти беспрепятственно устремился в Западную и Южную Германию.

Так можно вкратце резюмировать основное содержание многих томов, написанных на эту тему исследователями, преимущественно немецкими. Но нетрудно заметить однобокость и противоречивость этой немецкой концепции. Получается, что Густав-Адольф вовсе не был ни победителем, ни завоевателем в Германии. Не он сломил упорство обоих курфюрстов, а один неразумный Тилли. Инициатива всех событий исходила исключительно от немецких князей и немецких полководцев. Шведский король не вторгся в Германию, а только ждал, когда его туда впустят. Что это мнение не содержит в себе полной истины, становится очевидным от одного сопоставления: как же мог бы Густав-Адольф разгромить сильную армию Тилли, если он не мог оказать военного давления ни на Саксонию, имевшую весьма незначительную армию, ни на Бранденбург, почти вовсе не имевший армии?

Все изложенное выше помогает правильнее понять поведение Густава-Адольфа в течение этого первого года войны. Мало сказать, что он ждал решения Москвы и всеми возможными средствами торопил это решение. Со своей обычной неистощимой энергией он в то же время искал других возможностей предохранить свой тыл от польской опасности. Приглядываясь к содержанию и тону его переговоров с Георгом-Вильгельмом Бранденбургским[115], мы видим, что Густав-Адольф определенно предназначал Бранденбургу род заслона против Польши, когда шведская армия углубится в Германию[116]. Ясно, что при этом надо было искать дружбы бранденбургского курфюрста и скорее заискивать перед ним, чем действовать военной угрозой, ибо союзник, приобретенный силой, всегда оставался бы ненадежным (как позже Саксония). Если дружба Бранденбурга (усиленного шведскими гарнизонами) нужна была Густаву-Адольфу для отпора Польше, то недружелюбие Бранденбурга в случае военного

---

[115] Ср. *Helbig K. G.* Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Brandenburg 1630—1632. Leipzig, 1854.

[116] Это отражено даже в донесении Александра Лесли в Москву, в котором дан ценный обзор померанской кампании Густава-Адольфа и его отношений с Бранденбургом (ЦГАДА, Дела шведские, 1630 г., стб. 10, лл. 172—175).

выступления Польско-Литовского государства было бы равносильно катастрофе: неминуемо образовалась бы коалиция из Речи Посполитой, Бранденбурга и Дании. Иными словами, мы можем утверждать, что политика Густава-Адольфа в отношении Бранденбурга должна быть поставлена в один ряд с целой серией других его отмеченных выше попыток и проектов решения польской проблемы: выдвижение против Речи Посполитой Трансильвании, Крымского ханства, Турции и т. д. Бранденбургский проект оказался ничуть не реалистичнее, чем все остальные проекты, кроме русского. Неумный и трусливый, Георг-Вильгельм Бранденбургский держался за пьяницу Иоганна-Георга Саксонского, и оба тем больше хорохорились и упирались, чем вежливее и просительнее обращался к ним Густав-Адольф. Но как только Густав-Адольф перестал нуждаться в их союзе, получив известия о решениях Москвы, он так «цыкнул» сначала на одного, потом и на другого, что оба вдруг стали послушными и изменили свои «политические убеждения».

В самом деле, все поведение Густава-Адольфа в Германии в течение этого года выступит в новом свете, когда мы сопоставим его с постепенным поступлением сведений из Москвы. Густав-Адольф не все время остается в бездействии, ограничиваясь маневрированием и стычками, — несколько раз он как будто бросается на врага, вдохновение боя овладевает им, но осторожность берет верх, и он снова осаживает, как боевого коня, свою лучшую в Европе армию. Так, в январе 1631 г. он ринулся в Мекленбург, разбил у Грейфенхагена и Гарца два отряда императорской армии и остановился; в апреле 1631 г. обрушился на Франкфурт, перешел через Одер и снова замер; в начале июня осадил Берлин, принудил курфюрста Георга-Вильгельма к союзу, но не воспользовался открывшимся проходом на запад; в конце июня — начале июля бросился на Тилли, нанес его армии несколько жестоких ударов, а потом сам же дал ему уйти. И только 17 (7) сентября 1631 г. Густав-Адольф пошел прямо на основные силы Тилли под Лейпцигом, буквально стер их с лица земли и, уже не останавливаясь, начал свой головокружительный марш по Германии. Каждому из этих военных порывов Густава-Адольфа предшествовало получение одного из основных московских известий. Не служило ли психологически каждое сообщение из Москвы электрическим зарядом, побуждавшим Густава-Адольфа к действию? Разумеется, для объяснения его поведения в Померании следует учитывать всю сумму факторов и всю международную обстановку, в частности сложную политическую ситуацию в Германии[117]. Свести все к одному польскому фактору — значило бы впасть в односторонность. Но для исправления

---

[117] См. *Helbig K. G.* Op. cit.; *Boëthius S. B.* Svenskarne i de nedersachsiska och westfalkiska kustländerna juli 1630—november 1632. Till lelysning af Gustav II Adolfs tyska politik. Uppsala, 1912.

обратной односторонности исследователь вправе и даже обязан уделить преимущественное внимание именно этому игнорировавшемуся прежде фактору и проверить, в какой мере с его помощью можно объяснить действия Густава-Адольфа, поскольку за каждым из них следует вскоре какое-либо из перечисленных военных событий, а каждому из этих военных порывов Густава-Адольфа предшествует получение одного из указанных московских известий. Попробуем уточнить и проверить эту гипотезу.

Выше мы отметили, что в начале 1631 г. Иоганн Мёллер первым привез Густаву-Адольфу прямо из Москвы и непосредственно от русского правительства известие о военных намерениях и приготовлениях Московского государства. После нескольких месяцев томления в Померании это известие, прояснившее международные горизонты, не могло не воодушевить Густава-Адольфа. Оно, естественно, вдохновило его на наступление в Мекленбурге. Но оно было все же недостаточно для генеральной кампании в Германии, хотя бы уже по одному тому, что не носило характера официального письменного уведомления; к тому же оно не полностью отвечало новому плану русско-шведского сотрудничества, разработанному в ноябре с Русселем. Густав-Адольф, как мы видели, три недели инструктировал Мёллера в духе этого нового плана и отправил его обратно в Россию.

В феврале русские послы Племянников и Аристов вместе с Александром Лесли прибыли в Стокгольм. Хотя из-за климатических условий их не могли с должной пышностью перевезти морем в Германию до мая[118], запрос о пропуске послов и объяснение задач посольства были тотчас отправлены шведским правительством к Густаву-Адольфу. Он получил это сообщение не позже 20-х чисел марта. И вот уже в конце марта он устремляется на Кольберг, а 13(3) апреля берет Франкфурт-на-Одере. Но, разумеется, с его стороны было бы безумием развертывать дальше наступление до непосредственных переговоров с русскими послами. И он возвращается к томительному ожиданию и на всякий случай — к дипломатничанию с бранденбургским курфюрстом[119].

Этот последний, видя, что Густав-Адольф не наступает и не угрожает, и полагая, что это — симптом слабости, предъявил Густаву-Адольфу в начале мая по подстрекательству Саксонии высокомерное требование — немедленно очистить занятую шведами бранденбургскую крепость Шпандау. Спор продолжался месяц, и 7 июня Густав-Адольф пережил один из неприятнейших дней: он вынужден был уступить и вывел из Шпандау шведский

---

[118] Ср. протоколы Государственного совета от 11 февраля, 26 марта, 16 апреля, 5 и 7 мая 1631 г. (Svenska riksradets protokoll, d. II, s. 58, 72—73, 79, 84, 86).

[119] Наиболее подробный обзор военных действий и дипломатии Густава-Адольфа за этот период дан в кн.: *Cronholm A.* Op. cit.; Sveriges krig 1611—1632, d. IV, s. 107—164.

гарнизон. Дальше произошло нечто необычное, чего до сих пор не могут толком объяснить военные историки. Через два дня Густав-Адольф появился с армией под стенами Берлина, навел на дворец курфюрста артиллерию, объявил недействительными все прежние соглашения и заставил обезумевшего от страха Георга-Вильгельма подписать 11 июня договор о предоставлении своих крепостей и военных субсидий шведам на все время войны[120]. Думают, что Густава-Адольфа вывело из себя известие о разгроме Магдебурга. А дело объясняется проще: 1 июня в Штеттин к королевскому двору прибыли наконец русские послы. Сначала они думали ехать дальше «в полки» к королю, потом им было предложено подождать его скорого прибытия, а гонец с извещением о посольстве выехал навстречу королю. Он, по-видимому, встретил Густава-Адольфа сразу после эвакуации Шпандау. Не медля ни минуты, Густав-Адольф изменил все свои намерения и повернул войско на Берлин, а гонца отправил обратно в Штеттин с извинением, что он «для великих дел» воротился к своему войску, а в Штеттин ко двору приедет несколько позже, чем предполагалось[121].

14 июня Густав-Адольф, успев закончить «великие дела», уже был в Штеттине и с необычайной торжественностью принял Племянникова и Аристова. Газеты подробно описывали пышность посольства и дружественный характер аудиенции, высказывали догадки и передавали слухи по поводу содержания переговоров и назначения вербовки войск, проводимой Лесли (одна из этих газет была доставлена через Мёллера в Москву). Некоторые утверждали, что московский царь предложил Густаву-Адольфу свою помощь против императора, другие — что Густав-Адольф обещал свою помощь царю против польского короля.

Официальное шведское сообщение гласило (несомненно, с целью дезориентировать Польшу), что царь хочет прислать Густаву-Адольфу войска и денег. Насколько многообразна была информация, видно по тому, что все упомянутые выше авторы-современники — Бург и Абелин, Хемниц и Пуфендорф — описывают и трактуют московское посольство совершенно по-разному, опираясь, видимо, на разные источники[122]. Письменный ответ Густава-Адольфа Михаилу Федоровичу от 21 июня 1631 г., врученный послам, показывает, с каким нескрываемым удовлетворе-

---

[120] Sveriges krig 1611—1632, d. IV, s. 316—317.

[121] См. перевод «вестей» из немецкой газеты от 19 июня 1631 г. (ЦГАДА, Дела шведские 1631 г., стб. 8, л. 148). Ср. там же, стб. 4, лл. 172—193— статейный список посольства.

[122] *Burge P. B.* Op. cit., p. 137; *Arlanibaeus Ph.* Op. cit., p. 162—163; Theatrum Europaeum, t. II, s. 413; *Chemnitz B. G.* Op. cit., Th. I, s. 173; *Pufendorf S.* Op. cit., lib. III, § 18, p. 47. Последний трактует смысл переговоров наиболее глубоко: Густаву-Адольфу «желательно было разжечь войну между поляками и русскими, которая на все время послужила бы ему как бы мерой предосторожности против и тех и других».

нием было принято обещание московского правительства начать войну с Польшей «на весну». Густав-Адольф готов советом и делом поддержать царя; он снова побуждает его «остерегаться» польско-габсбургских католических замыслов[123] и изъявляет готовность всеми средствами помочь в найме и транспортировке солдат, приглашении опытных офицеров, закупке вооружения и снаряжения, входя тут же во все детали этих вопросов. В особом приложении Густав-Адольф «бьет челом» за «великую дружбу» — разрешение закупать русский хлеб, просит оказывать и дальнейшую помощь, которую он тем более ценит, «что ваше ц. в-во хочет начать войну и то дело [вам самому] надобное»[124]. И немедленно по подписании этих документов Густав-Адольф выезжает из Штеттина к армии и устремляется на войска Тилли[125]. Но мог ли Густав-Адольф не удержать своего порыва и на этот раз? Ведь Племянников и Аристов не привезли ему никакого ответа на план удара по Речи Посполитой с двух сторон, они даже, как и Лесли, ничего не знали об этом плане. В этом смысле их приезд принес Густаву-Адольфу известное разочарование или по крайней мере потребовал от него нового запаса терпения. А он-то приготовился к выполнению своих обещаний еще в начале апреля: тотчас по взятии Франкфурта-на-Одере он отправил своего лучшего генерала Густава Горна с несколькими тысячами солдат (пехоты и конницы) в Силезию, к польской границе. В июле Горн был отозван из Силезии, зато Александр Лесли-старший был назначен командующим группировкой войск во Франкфурте-на-Одере и у силезской границы[126].

Нет никакого сомнения, что Густав-Адольф предназначил именно эту группировку для вторжения в Польшу через Силезию (с базой во Франкфурте), когда выступит Москва и когда основные шведские силы будут находиться уже далеко в Германии.

Мы уже знаем, когда именно Густав-Адольф получил наконец и известия о принципиальном согласии Москвы на его военный план. Первое известие в конце июля или начале августа — донесение Русселя о поездке в Москву, пересланное через Оксеншерну. Но это была неофициальная информация. Официальный ответ через Мониера и почти одновременно через Мёллера был получен Густавом-Адольфом в самом конце августа, как видно по его

---

[123] «Нашему королевскому в-ву то сполна ведомо злое умышление цесаря и папы, как бы им через Польшу великое государство и землю вашего царского в-ва потеснить и победить и старую греческую веру попрать и известь и на то место свою злую неправедную папежскую веру и идольство ввести» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 4, лл. 132—133).

[124] Там же, лл. 127—142. Эти ответные грамоты доставлены в Москву 3 ноября 1631 г. Аристовым. Племянников заболел в Штеттине и умер там в июле 1631 г.

[125] Sveriges krig 1611—1632, d. IV, s. 368—397.

[126] *Chemnitz B. G.* Op. cit., Th. I, S. 192; ср. S. 228 (§ 41 — Acta des General-Major Leslé am Oderstrom).

письму к Оксеншерне от 29 августа [127]. На этот раз вся накопленная за год и с трудом сдерживаемая энергия разразилась с огромной силой. Густав-Адольф стремительно снялся с лагеря в Вербене, где только что успел заключить союзный договор с ландграфом Вильгельмом Гессенским, и ринулся в Саксонию. Курфюрст Иоганн-Георг, смертельно перепуганный, без малейших возражений отдал ему свое войско и свою страну, найдя благовидный предлог в «обидах» со стороны Тилли, а сам бежал от армии в далекий Эйленбург заливать испуг вином. И уже 17(7) сентября Густав-Адольф выиграл свою первую великую битву в Германии — Брейтенфельдскую [128]. Сразу же, не задерживаясь, он с невероятной быстротой двинулся через Тюрингию и Франконию на Рейн, затем повернул в Баварию, а саксонскую армию направил в охватывающий марш через Моравию и Чехию.

Но и накануне и после Брейтенфельдской битвы мысли Густава-Адольфа снова не без тревоги обращались к далекой России. Всего лишь за неделю до сражения он пишет новую инструкцию Мониеру, уточняя свой проект согласно запросам московского правительства. 30 августа «в великих полках» подписана и грамота Густава-Адольфа к Михаилу Федоровичу с обещанием любых услуг и рекомендацией на царскую службу нового доверенного лица — Гилиуса Конера [129]. А сразу после Брейтенфельдской победы он с чрезвычайной поспешностью отправляет в Москву специального гонца, который должен был через Мёллера не только передать радостное известие, но и заверить, что Густав-Адольф уже направил одного из своих генералов в Силезию для подготовки вторжения в Польшу.

Анализ этих новых демаршей, как и причины отсрочки русского выступления до 1632 г., выходит за рамки настоящей главы.

---

[127] *Wejle C.* Op. cit., s. 10. По словам авторов «Sveriges krig 1611—1632», «еще яснее выступили дружественные отношения с Россией, когда Мониер вернулся в августе из Москвы» (d. V, s. 230).

[128] Sveriges krig 1611—1632, d. IV, s. 428—523.

[129] См. ниже, гл. VI.

VI

БОРЬБА ВОКРУГ РУССКО-ШВЕДСКОГО СОЮЗА В 1631—1632 ГГ.

История русско-шведских отношений во время «шведского» периода Тридцатилетней войны привлекла к себе пристальное внимание исторической науки как в Швеции, так и в СССР лишь сравнительно недавно. Эта тема, конечно, освещалась уже и раньше в исторических сочинениях, но крайне неполно[1]. Почти одновременно, независимо друг от друга, Д. Норрман в Швеции и автор этих строк в СССР предприняли попытки составить по возможности исчерпывающую картину данных источников по этому вопросу, обратившись и к обильным еще не опубликованным архивным материалам.

Книга Д. Норрмана «Политика Густава-Адольфа в отношении России и Польши во время войны в Германии (1630—1632)» вышла в 1943 г.[2] Это — весьма добросовестная и компетентная сводка всех фактических данных, какие были доступны автору. Без этого труда отныне не сможет обойтись никто при изучении международных отношений в Восточной Европе в эпоху Тридцатилетней войны. Однако Норрман, широчайшим образом использовавший шведские архивы, не мог воспользоваться русскими архивами и, по-видимому, даже не представлял себе, какой обильный материал по интересовавшей его теме имеется в фонде Посольского приказа. Те русские историки, на труды которых опирался Норрман (В. О. Ключевский, Г. В. Форстен и др.), совсем не пользовались этим архивным фондом и, очевидно, оставили у автора впечатление, что его не существует.

Автор этих строк в 1945 г. начал публикацию серии статей о русско-шведских отношениях того же времени. В условиях военного и послевоенного времени я не мог своевременно получить книгу Норрмана и использовать в этих статьях[3] его мате-

---

[1] См., например, *Palmstierna C. F.* Utrikesförvaltningens historia 1611—1648 (Den svenska utrikesförvaltningens historia). Uppsala, 1935.

[2] *Norrman D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tyska kriget (1630—1632). Uppsala, 1943.

[3] Соответственно и в предыдущих главах данной работы, в основу которых положены эти статьи (*Ред.*).

риалы. Были использованы лишь те данные шведских архивов по этому вопросу, которые приводились его предшественниками (Вейле, Кронхольмом, Анлундом, Паулем и др.), и опубликованные шведские источники.

В настоящей главе, как и в предшествующих, за основу взяты неопубликованные материалы архива Посольского приказа в Москве. Но теперь я имею возможность более полно, чем прежде, шаг за шагом сопоставлять их с данными шведских источников, благодаря тому, что последние так тщательно выявлены и систематизированы моим шведским коллегой Д. Норрманом.

Русско-польская Смоленская война (1632—1634 гг.) и «шведский период» Тридцатилетней войны в Германии (1630—1635 гг.) — два явления, долго казавшиеся историкам совершенно обособленными друг от друга. Между тем, как свидетельствуют источники, в частности архив русского Посольского приказа, эти две войны находились в теснейшем взаимодействии. Изучая их связь, мы начинаем гораздо лучше понимать историю и той и другой войны.

В чем состояла эта связь, если резюмировать дело в немногих словах? Для Швеции было жизненно необходимо, чтобы Россия сковала, т. е. отвлекла на себя, военные силы Речи Посполитой; без этого условия война с германским императором была бы невозможна для Густава-Адольфа, так как Речь Посполитая по причинам и экономическим, и политическим оставалась для Швеции «врагом № 1»[4]. Что же касается Московского государства, то главной целью его внешней политики в период правления патриарха Филарета Никитича было отвоевание у Речи Посполитой Украины, Смоленщины, Белоруссии. Эта цель диктовала необходимость временного военно-политического союза со Швецией, как ни глубоки были противоречия со Швецией, отнявшей у России прибалтийские владения. Конкретно от союза со Швецией русское правительство ожидало следующего. Во-первых, победа Густава-Адольфа в Германии привела бы к изоляции Речи Посполитой, так как империя Габсбургов была ее главной внешней опорой, была оплотом и в известной мере источником агрессив-

---

[4] Находясь уже в Германии, Густав-Адольф в 1630—1631 гг. уделял огромное внимание информации о Польше, рассматривая польский вопрос как основной вопрос своей внешней политики. Канцлер Оксеншерна из Пруссии пересылал ему систематическую информацию о Польско-Литовском государстве, так же как шведский губернатор Лифляндии Иоганн Шютте. Неопубликованная переписка Иоганна Шютте, Якоба Делагарди и др. показывает, с каким огромным вниманием следили шведы в 1630—1631 гг. за военными приготовлениями Речи Посполитой, за закупкой амуниции и вербовкой солдат, которые, хотя и предназначались «против московита», но, по словам этой переписки, «вполне могли бы пригодиться и императору»; принимались меры, чтобы польские войска в случае чего не были бы пропущены в Германию через Мариенбург и Пруссию (см. *Paul J.* Gustav Adolf, Bd. III. Leipzig, 1932, S. 40—41).

ной политики Сигизмунда III. Во-вторых, через посредство первоклассной военной державы, какой была тогда Швеция, русское правительство могло получить для войны с Речью Посполитой наемных солдат и командиров, военных специалистов, новейшее вооружение; ставка же именно на наемную иноземную армию, по-видимому, диктовалась все еще крайне неспокойной социальной обстановкой внутри Московского государства после крестьянской войны начала XVII в. Наконец, в-третьих, предполагалось, что, вступив в Германию, Густав-Адольф часть своих войск направит оттуда на Речь Посполитую и что последняя, таким образом, будет раздавлена между двумя фронтами — русским с востока и шведским с запада (или, вернее, между тремя, так как одновременно предполагалось вторжение Турции с юга).

Вот именно этот вопрос об ударе по Речи Посполитой с запада, из Германии, одновременно с русским ударом с востока и оказался самым трудным вопросом русско-шведских переговоров. И московское правительство, с одной стороны, и лично Густав-Адольф — с другой, понимали, что глубокие интересы шведской политики требуют от Швеции принятия и осуществления этого плана. В самом деле, любой исход русско-польского столкновения без этого был бы неблагоприятен для Швеции. В частности, полная победа России означала бы, что в тылу у шведской армии оказался вместо Речи Посполитой сосед не менее, а еще более грозный. Равновесие военных сил России и Речи Посполитой тоже было опасно, ибо в любой момент могло толкнуть стороны к заключению гибельного для Швеции перемирия или мира. Нечего говорить про опасность для Швеции польской победы. Напротив, в случае наступления шведов на Речь Посполитую из Германии одновременно с наступлением русских с востока дело сводилось бы к тому, что Густав-Адольф получил бы польскую корону и господство над Польшей, Московское государство — восточные владения Речи Посполитой, т. е. украинские, белорусские и западнорусские земли. Контуры этого соглашения наметились уже в русско-шведских переговорах 1630—1631 гг., но подлежали еще уточнению и согласованию.

С точки зрения здравой логики Швеции некуда было уйти от этого соглашения, раз она решилась вести войну в Германии против императора. Лично Густав-Адольф прекрасно отдавал себе отчет в этой неумолимой логике сложившегося положения вещей. В Москве были уверены в этом. Но в Стокгольме в олигархическом Государственном совете и в кругах канцлера Оксенштерны упрямо царили иные надежды, недальновидные и необоснованные: что достаточно поссорить Польшу и Московское государство, а там они будут драться, Швеции же достаточно будет занять позицию невмешательства, чтобы обе стороны уже оказались вынужденными побаиваться и «уважать» ее. Ясно, что так можно было думать, только не заглядывая в мало-мальски отдаленное будущее, не видя, например, возможности прекращения русско-

польской войны раньше, чем закончится шведский поход в Германию. Так или иначе, эта близорукая точка зрения поддерживалась влиятельными кругами и канцлером Оксеншерной. Густаву-Адольфу, более дальновидному, приходилось вести переговоры с Москвой в известной мере через голову шведского государственного аппарата, прибегая к своего рода «личной королевской дипломатии», лишь информируя канцлера Оксеншерну и для корректности советуясь с ним [5].

---

[5] Историческая наука все глубже вскрывает расхождения Густава-Адольфа и Акселя Оксеншерны во время войны в Германии. С одной стороны, разногласия касались экономического обеспечения войны; Густав-Адольф требовал от канцлера денег и денег, и споры между ними приобретали острый характер (см. *Sörensson P.* Ekonomi och krigföring under Gustav II Adolfs tyska fälttåg 1630—1632. — «Scandia», 1932, s. 300; *Ahnlund N.* Axel Oxenstierna intill Gustav Adolfs död. Stockholm, 1940, s. 589). В частности, Оксеншерна не понимал расчетов Густава-Адольфа на ресурсы России, а также на торговлю с Персией через Россию (*Norrman D.* Op. cit., s. 138) и, по-видимому, не знал о действительных суммах, которые давала Густаву-Адольфу продажа в Голландии русского хлеба: считалось, что в 1630—1631 гг. Густав-Адольф покрыл огромные военные издержки путем займов в Голландии под высокие проценты (*Lorentzen Th.* Die Schwedische Armee im Dreissigjährigen Kriege und ihre Abdankung. Leipzig, 1894, S. 22), тогда как в действительности эти займы обеспечивались поступлением русского хлеба на амстердамскую биржу (см. главу IV). С другой стороны, Оксеншерна питал недружелюбие к России, унаследованное со времен шведской интервенции в Россию и присущее большей части шведской аристократии того времени. В 1615 г. он писал Делагарди: «Несомненно, что в русских мы имеем неверного, но вместе с тем могучего соседа, которому из-за его врожденных, всосанных с молоком матери коварства и лживости нельзя верить, но который вследствие своего могущества страшен не только нам, но и многим своим соседям, как мы это еще хорошо помним» (цит. по: *Norrman D.* Op. cit., s. 77). Эти затверженные идеи Оксеншерны о «коварстве» и «варварстве» русских, отражавшие лишь неспокойствие совести шведской аристократии, захватившей русские земли в Прибалтике, мешали канцлеру понять и поддержать политику Густава-Адольфа в отношении России и Польши, диктуемую новыми историческими условиями. По заключению Норрмана, Аксель Оксеншерна не следовал за королем в его решительной восточной политике (*Norrman D.* Op. cit., s. 76); он «не знал глубокого смысла предложений Густава-Адольфа России» (s. 72), «недоверие канцлера к России было очень глубоким, и в русской политике Густава-Адольфа в эти годы он предпочитал идти своими путями» (s. 49); соответственно и польская проблема стала предметом долгой дискуссии между канцлером и королем (s. 41). Непримиримое расхождение между ними в вопросах русско-шведского военного союза против Речи Посполитой показано и в последнем названном выше исследовании крупнейшего знатока царствования Густава-Адольфа Н. Анлунда (*Ahnlund N.* Op. cit., s. 603 и след.). Но еще резче были эти противоречия с тем лицом, в руках которого непосредственно находились все нити шведской политики в отношении России и Речи Посполитой, — шведского губернатора Лифляндии Иоганна Шютте; он был настроен еще менее антипольски, чем канцлер, будучи тесно связанным с частью польско-литовского магнатства (*Norrman D.* Op. cit., s. 24). Понятно, что Оксеншерна и Шютте по мере сил препятствовали, например, деятельности Жака Русселя, олицетворявшего прямой контакт между политическими планами московского правительства и Густава-

Весной 1631 г. Густав-Адольф через Русселя, Мониера и Мёллера сообщил царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу свои тайные предложения, касавшиеся организации удара шведских войск (но за русские деньги) на Речь Посполитую с запада, из Германии. Эти предложения были в принципе одобрены Москвой. Положительный ответ русского правительства и дополнительные запросы были получены Густавом-Адольфом в конце августа 1631 г. в Северо-Восточной Германии, где он находился уже более года, не решаясь начать развернутую войну с имперским войском, пока не будет внесена ясность в польскую проблему.

Связь между решением Густава-Адольфа начать наконец генеральное наступление в Германии и получением ответа из России, означавшего принципиальную договоренность по основным вопросам, не подлежит сомнению. Всего за неделю до Брейтенфельдской битвы, 30—31 августа 1631 г., в самый разгар интенсивных военных приготовлений, Густав-Адольф пишет новые послания в Москву, пересланные одно — Мониеру, другое — Мёллеру для сообщения в кратчайший срок царю и патриарху. Это — подтверждение договоренности о совместных действиях против Речи Посполитой и уточнение проекта согласно запросам московского правительства.

Мониер пишет из Стокгольма 28 сентября 1631 г. на имя Михаила Федоровича, что для продолжения переговоров Густав-Адольф хотел опять послать его в Москву, но так как он болен, а послать кого-либо другого «о тех делах» Густаву-Адольфу «показалось не добро», то последний приказал, «чтоб я вашему ц. в. про то письмом известил». Прежде всего Мониер сообщает, что ответу царя Густав-Адольф «добре обрадовался и желает от сердца, что б время пришло ему свое доброе хотенье и свою любовь вашему ц. в. на деле показать». Время это приближается. Отвечая на вопрос московского правительства, предполагает ли он нанести удар Польше из Лифляндии или Силезии, Густав-Адольф сообщает, что ему невозможно «с лифляндского рубежа в Польшу удариться... потому что от того учинится явное нарушение мирному договору». Напротив, наступление на Польшу из Германии, в частности из Силезии, целесообразно и по дипломатическим, и по стратегическим соображениям. Обращаясь к Филарету Никитичу (которому уже раньше Мониер писал о победах Густава-Адольфа в Германии), Мониер разъясняет именно стратегическую сторону: «А то подлинно: если его ц. в. такое войско через немецкую землю в Польшу с добрым полевым вое-

---

Адольфа. Отражением этой ситуации и явилось такое положение, что Густав-Адольф старался свести к минимуму свои консультации с канцлером (находившимся в Пруссии в качестве связующего звена между королем, воевавшим в Германии, и Государственным советом в Стокгольме), а сам писал в Государственный совет из Германии и вовсе редко — раз в три-четыре месяца.

водою [полководцем] пошлет, он недругу своему месяцев в четыре или пять больше шкоды [урона] причинит, чем с русской стороны в год, так как в Верхней Польше они [эти войска] их [поляков] за сердце хватят и на них придут до того, как они не сведают. Его ц. в. и вашему святейшеству можно о том подумать и порассудить: будет то к вашей годности и прибыли», а Густав-Адольф настолько расположен к Московскому государству, «что подлинно можно надеяться, что в нужное время от его королевского в-ва всякая дружба будет».

Этот тон, это предложение «подумать и порассудить» объясняется тем, что Густав-Адольф одновременно сообщает свои весьма тяжелые для Московского государства материальные условия всего предприятия, — несомненно, рассчитанные на обеспечение действительного разгрома Речи Посполитой, но, может быть, частично и на пополнение шведской казны. Густав-Адольф отклоняет московское пожелание, чтобы в Германии была нанята только пехота, а необходимая конница была послана к условленному месту и времени из России. Он настаивает на своем первоначальном варианте — силезская армия должна состоять из 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы, с приданной артиллерией и необходимым вооружением. «Если ваше ц. в. изволите видное войско в 10 тысяч пеших людей да 2 тысячи конных в именованных местах в немецкой земле учинить, оттуда можно легко в недругову землю прийти, так что они и не сведают. И то без иноземных конных людей и без пушек и иного воинского оружия учинить не можно». На все это надобно не менее 80 тыс. рублей «на всяк месяц». Если царь на это согласен, пусть он пришлет «своих приказных людей с деньгами» заключать соглашение с начальниками наемных войск: «с полковники и с приказными людьми» (кстати, поскольку Густав-Адольф предлагает русским уполномоченным непосредственно уговариваться и расплачиваться с командирами полков и отрядов, совершенно отпадает подозрение, что им руководили преимущественно финансовые интересы, как предполагал Оксеншерна). Густав-Адольф со своей стороны, как и прежде, обещает «о том войске радеть и промыслить [подыскать] годных приказных людей». Но, если царь на это предложение не согласен, пусть он учтет «доброхотенье» шведского короля и «вечно помнит о его неизменной дружбе» [6].

Одновременное послание Густава-Адольфа к Мёллеру, постоянному шведскому резиденту в Москве, для передачи царю содержало приблизительно то же самое. «Через Лифляндию войско вести не можно, потому что в перемирном договоре укреплено, что королю шведскому войском через Лифляндию и из Швеции, и из Финляндии не приходить, а что из Немецкой земли не приходить — того не упомянуто, потому что Польша того не чаяла,

---

[6] Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 219—229.

что королю предстояло войну вести в немецкой земле. А Польша цесарю против шведского [короля] помощь посылала, и из этого царскому в-ву понятно, что королевское в-во не станет стыдиться на Польшу умышлять». Таким образом Густав-Адольф находит и юридическое, и моральное оправдание для вторжения в Польшу из Силезии. Тут же повторяется основная организационно-стратегическая идея: рекомендация царю нанять в немецкой земле 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы «и теми людьми ударить в Верхнюю Польшу, и тут они Польшу по сердцу ударят» и нанесут ей «великую шкоду [урон]». Далее следует единственное, но существенное расхождение с сообщением Мониера: по словам Мёллера, на это войско надобно «по 100 тысяч рублей на каждый месяц» (у Мониера — по 80 тыс.). Это увеличение на 20 тыс. можно объяснить лишь одним: послание Мёллеру, очевидно, было отправлено Густавом-Адольфом не одновременно с посланием Мониеру, а уже после Брейтенфельдской победы, поднявшей, по мнению самого Густава-Адольфа, его военный кредит[7]. Густав-Адольф передает через Мёллера царю, что, если он согласен на условия, пусть «вскоре» посылает «своих приказных людей с деньгами, а королевское в-во хочет дать своих добрых приказных людей к тому войску и хочет [тому войску] сам радеть и укажет, которыми местами идти на Польшу и как так делать, чтобы его ц. в-ву любо было». Во всяком случае Густав-Адольф приказал Мёллеру спросить и незамедлительно «к себе отписать, чтоб ему, королевскому в-ву, подлинно ведомо было»: 1) «в какую пору и в которых местах ц. в. хочет войною на Польшу идти»; 2) будет ли царь нанимать указанное войско в Германии[8].

Вместе со всеми этими поручениями Мёллер передал грамоту Густава-Адольфа (писанную «в великих полках» шведского короля «в цесарской земле», т. е. в Германии, 30 августа 1631 г.), с которой он направляет временно на службу царю своего человека Гилиуса Конера и заодно предлагает всяческие услуги, какие могут понадобиться царю[9]. Густав-Адольф, таким образом, стремится закрепить связи с Московским государством, добавить еще одно связующее звено ко многим имеющимся.

Вот чем была занята мысль шведского короля, вот какие заботы его волновали накануне решающего шага в развитии его германского похода, накануне и непосредственно после величайшей битвы, выигранной им в этой войне и распахнувшей перед ним ворота в остальную Германию.

Забегая вперед, приведем тут же и ответ Москвы на эти послания Густава-Адольфа, хотя хронологически имел место разрыв. Почему-то (ниже мы увидим, что, быть может, сознательными стараниями Акселя Оксеншерны и шведского государствен-

---

[7] В следующем послании к Михаилу Федоровичу, в 1632 г., Густав-Адольф сам безо всяких разъяснений называет цифру в 100 тыс. рублей.
[8] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 230—232.
[9] Там же, лл. 233—234.

ного аппарата) послания эти сильно задержались в пути: только в конце ноября шведский гонец, везший и письма Антона Мониера из Стокгольма к царю и патриарху и инструкцию от Густава-Адольфа из Германии шведскому резиденту в Москве Иоганну Мёллеру, появился на русском рубеже; только 7 декабря он прибыл в Москву. Ответ русского правительства шведскому королю рассматривался как дело чрезвычайной государственной важности, как решение вопроса о войне, о полном союзе со Швецией. Это видно из сообщения Мёллера канцлеру и королю от 21 января 1632 г., что царь держал шестинедельный совет со своими боярами и представителями духовенства по поводу предложения Густава-Адольфа вербовать армию в Германии. В конце концов предложение было высоко оценено, и решено было набирать эту армию. Особенно затруднительной была, по-видимому, финансовая сторона дела. Мёллер тут же сообщает, что на связанные с этим планом расходы царь старается получить у голландских и английских купцов 800 тыс. рублей (1 млн. 600 тыс. рейхсталеров, или ефимков); он выражает в связи с этим надежду, что эти денежные затруднения русского правительства облегчат соглашение о закупке Швецией русского хлеба[10].

Только 16 января 1632 г. царь и патриарх приняли Мёллера, слушали официально «грамоты Антона Мониера и речи Ягана Мёллера» и указали написать грамоту Густаву-Адольфу, ответное письмо Мониеру, а ответ Мёллеру поручили дать кн. И. Б. Черкасскому. Царская грамота на имя Густава-Адольфа была подписана 19 января 1632 г.[11]

В ответе кн. Черкасского Мёллеру между прочим отмечается противоречие между цифрой 80 тыс. рублей в месяц, указанной Мониером, и 100 тыс., названной Мёллером. Но из ответной царской грамоты на имя Густава-Адольфа с несомненностью следует, что московское правительство уже решило согласиться даже и на высшую из этих цифр, как ни было это тяжело для русской казны: в год это составило бы 1 млн. 200 тыс. рублей, или 2 млн. 400 тыс. ефимков (рейхсталеров); впрочем, как мы видели, предполагалось, что дело может быть закончено в несколько месяцев. Московское правительство в это время уже имело опыт найма немецких ландскнехтов, знало обычные европейские нормы оплаты наемников и поэтому без труда могло подсчитать, что

---

[10] *Norrman D.* Op. cit., s. 85—86. Сохранилось лишь позднейшее косвенное свидетельство (напоминание английского посла в России Карлейля в 1667 г.), что русское правительство действительно обратилось тогда к Англии с просьбой о займе и получило 40 тыс. рейхсталеров (*Иловайский Д. И.* История России, т. II, ч. 2. М., 1899, с. 323). Но в основном, как явствует из сообщения Мёллера, имелись в виду займы не у иностранных правительств, а у иностранных купцов, торговавших с Россией.

[11] Она же дословно включена в ответ кн. Черкасского Мёллеру. Что касается царского письма А. Мониеру, то оно ограничивается сообщением, что ответ по существу вопроса послан непосредственно Густаву-Адольфу (ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 2, лл. 25—27).

запрошенная Густавом-Адольфом сумма превосходит потребные расходы, однако не очень сильно[12]. Поэтому в ответе Москвы шведскому королю выражено согласие уплатить данную сумму и в то же время желание уточнить, на что она предназначена, чтобы, по-видимому, предотвратить по крайней мере возможность новых повышений в будущем.

Ответ этот гласит: «Мы, великий государь, наше царское величество от вашего королевского величества то принимаем в великую любовь [как знак великой любви], что нашему ц. в-у хотите о том деле радеть и промышлять, и хотим мы, великий государь, тех ратных людей нанимать и приказных своих людей с казною пришлем, но того нашему ц. в-ву по сие время неведомо, в какое место приказных людей с казною послать». Густава-Адольфа просят срочно сообщить, куда их прислать, а также «в каком городе ратным наемным людям сбор будет, где ваше королевское в-во город или место укажете». Просят сообщить также, «по сколько тысяч ефимков на месяц тем наемным людям надобно и на сколько месяцев послать, и наряд [пушки], зелье [порох] и свинец их ли, ратных наемных людей, будет, да в том же ли числе в наемных деньгах наряд, порох и свинец будет, чтоб нашему ц. в. о том было ведомо». Со своей стороны Москва отвечает на запрос о сроке своего выступления: «А бояр своих и воевод со многими ратными людьми, с русскими и немецкими наемными людьми, и казанских и астраханских мурз и татар многих людей на землю польского короля мы, великий государь, посылаем в нынешнем 1632 году летом рано по траве, как только лошадям можно сытым быть»[13]. Наконец, в ответе кн. Черкасского Мёллеру выражалось согласие принять на службу Гилиуса Конера и удовлетворить по мере возможности другие деловые проекты Густава-Адольфа, переданные через Мёллера[14].

---

[12] Норрман дает такой расчет: Густав-Адольф платил в Германии в 1630—1632 гг. каждому пехотинцу около 3 рейхсталеров в месяц, кавалеристу — около 5 рейхсталеров. Соответственно, включая расходы на провиант и фураж, нанятая армия должна была стоить в месяц около 73 тыс. рейхсталеров (пехотный полк — 8525 рейхсталеров, кавалерийский полк в тысячу лошадей — 9496 рейхсталеров, артиллерия в соответствии с нормой силы огня в шведской армии — не менее 10 тыс. рейхсталеров в месяц). За полгода это составило бы 438 тыс., за год — 873 тыс. рейхсталеров. Следовательно, получая от России по 200 тыс. рейхсталеров в месяц, Густав-Адольф зарабатывал бы по 127 тыс. в месяц, т. е. 762 тыс. рейхсталеров в полгода, 1524 тыс. рейхсталеров в год. Для сравнения указывается, что прусские пошлины, которые Аксель Оксеншерна называл золотыми россыпями, давали для немецкой войны лишь 13 400 рейхсталеров в месяц (*Norrman D.* Op. cit., s. 145—148). Однако расчет Норрмана представляется сильно преуменьшенным в отношении стоимости содержания армии: так, например, он почему-то недоучитывает высокой оплаты, полагавшейся командному составу.

[13] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 2, л. 20—24.

[14] Там же, л. 27—32.

О чем говорит эта тайная переписка между Густавом-Адольфом и московским правительством по поводу плана разгрома Речи Посполитой одновременно с востока и запада?

Мы убедились, что обе стороны самым положительным образом относились к обсуждавшемуся проекту и определенно хотели его осуществить. Основные вопросы военно-стратегического и денежного характера были согласованы. Можно сказать, что тайный русско-шведский военный союз, основные контуры которого наметились при посредничестве Русселя, был уже буквально накануне окончательного оформления в то время, когда Густав-Адольф начинал свой головокружительный «зигзаг молнии» в глубь Германии, а московское правительство заканчивало приготовления к войне с Речью Посполитой.

Здесь нет надобности долго останавливаться на вопросе, почему Московское государство снова оттягивало срок начала военных действий; обещав сначала выступить весной 1631 г., затем летом 1631 г., оно теперь переносит срок на весну 1632 г., но фактически начало смоленский поход только в августе 1632 г. Причин этих оттяжек в основном три. Во-первых, незавершенность военной подготовки, т. е. реорганизации армии, освоения нового вооружения, накопления необходимых запасов, укрепления западных порубежных крепостей. Во-вторых, незавершенность переговоров с Турцией о военном союзе против Польско-Литовского государства. В-третьих, незавершенность переговоров с самой Швецией.

Густав-Адольф в момент Брейтенфельдской битвы, т. е. к 17 (7) сентября 1631 г., еще не знал официально о том, что выступление Москвы против Польши переносится на следующую весну, но, несомненно, мог догадываться об этом, поскольку лето 1631 г. уже кончалось, а никаких вестей о начале русско-польской войны все еще не было. Может быть, в этом и состоит разгадка того на первый взгляд странного обстоятельства, что, давая Москве обещание лично подготовить и направить удар из Силезии по Польше, Густав-Адольф после Брейтенфельдской битвы сразу двинулся в противоположную сторону, далеко на запад и юго-запад Германии. Вполне вероятно, что он принял это решение именно ввиду отсрочки в польских делах до будущего лета и имея в виду к тому времени вернуться в Восточную Германию.

Густав-Адольф, несомненно, колебался в выборе очередности войны с императором или войны с Речью Посполитой даже и после того, как занял померанский плацдарм. Выше уже было отмечено, что весной 1631 г., в начале апреля, Густав-Адольф, ожидая к этому времени начала русско-польской войны и принятия Москвой его предложений, отправил в Силезию группировку пехоты и кавалерии под командованием выдающегося генерала Густава Горна. Правда, в назначении именно этого генерала можно видеть также отражение желания канцлера Оксеншерны и его круга держать под своим контролем все это дело:

Густав Горн был зятем Оксеншерны. Но не исключено, с другой стороны, что сам Густав-Адольф таким назначением стремился сблизить канцлера со своими планами. Он, по-видимому, постарался дать понять московскому правительству назначение этой группировки: среди «вестей», которые Мёллер должен был время от времени тайно сообщать в Москве, однажды фигурировало сообщение, что поляки пытаются вербовать наемников в Силезии, в частности в Бреславле, «неведомо на Москву или против шведского [короля]; а король шведский послал в Силезскую землю воеводу своего Густава Горна [Густафора] и с ним 15 тысяч ратных людей, а как силезские князья ему поддадутся, и он непременно ударится на польского [короля], потому что польский хотел дать цесарю на помощь несколько тысяч запорожских казаков [черкас]»[15]. В последних словах нетрудно узнать уже не раз встречавшийся нам излюбленный аргумент Густава-Адольфа, морально оправдывавший, по его мнению, план его нападения на Польшу. Несомненно, что группировка Густава Горна оставлялась в Силезии с начала апреля по конец июля 1631 г. именно в ожидании обещанной Москвой Густаву-Адольфу русско-польской войны. Эта группировка, наверное, и явилась бы тем «видным войском» с «добрым полевым воеводою», которое предполагалось оплатить русскими деньгами и которое должно было из Силезии ударить Польшу «в самое сердце». Если бы эти события разыгрались тогда, т. е. летом 1631 г., Густав-Адольф, вероятно, отложил бы свой марш в глубь Германии до окончания разгрома Польши — ведь он верил, как мы видели, что в случае одновременного удара с востока и запада Речь Посполитая неминуемо будет разгромлена в несколько месяцев. Померанский плацдарм послужил бы в таком случае неожиданным средством разрешить ту задачу, которую так долго Густав-Адольф считал первоочередной задачей шведской политики и лишь недавно оставил для германской войны, — задачу покончить с Польско-Литовским государством, чтобы затем уже, имея надежный тыл, идти в Германию.

Но в конце июля 1631 г. Густав-Адольф отозвал Горна из Силезии вместе с 4-тысячным войском, — очевидно, он уже видел, что русско-польская война не начнется летом 1631 г. Правда, Густав-Адольф сохранил на силезской границе уменьшенный контингент под командованием Александра Лесли, своего самого выдающегося генерала, будущего фельдмаршала, который к тому же в отличие от Горна не только не поддался бы противодействию плану военного союза с Россией со стороны канцлера Оксеншерны, но, несомненно, старался бы самым лучшим образом осуществлять этот план, ибо в качестве одного из руководителей наступления со стороны России должен был выступать его сын — полковник Александр Лесли-младший.

---

[15] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 188—189.

Когда в конце августа Густав-Адольф получил наконец через Мониера и Мёллера воодушевившие его известия о согласии Москвы на весь военно-стратегический план, он не мог в то же время не понять, что осуществление плана ходом вещей переносится на следующее лето. Но в течение этого срока Густаву-Адольфу можно было уже не опасаться удара в спину со стороны Речи Посполитой: как мы видели, Московское государство почти формально объявило Речи Посполитой войну перед лицом всей Европы; имелось немало известий о тревоге и военных приготовлениях Польши — ясно, что в этих условиях она не взяла бы на себя инициативу нападения на шведов. Вот почему война с германским императором понемногу снова заняла первое место в ближайших планах Густава-Адольфа.

Историку, знающему, как долго еще продолжалась Тридцатилетняя война, психологически нелегко представить себе, что в 1631 г. она казалась идущей к быстрой развязке. Но несомненно, что Густав-Адольф, особенно после разгрома имперской армии при Брейтенфельде, был уверен в возможности до следующего лета покончить уже в основном с императором и тогда вернуться к польской проблеме, — отсюда стремительный темп, который приняли его операции в Германии сразу после Брейтенфельдской битвы. Напомним, с какой уверенностью писал он еще в июне 1631 г. из Штеттина царю, отвечая на желание последнего, «чтоб наше королевское в-во вашему царскому в-ву против польского короля помогал»: «хотя [еще] и не вся немецкая земля под наше королевское величество подданна, однако мы нашу королевскую великую дружбу и любовь к вашему ц. в-ву показать хотим» [16]. В этих словах выражена полная уверенность, что покорение «всей немецкой земли» — дело близкого будущего. Так думал не один Густав-Адольф. «От столкновения Тилли с Густавом зависит все будущее Германии», — писал папский нунций незадолго до Брейтенфельдской битвы [17]. Перевес шведов в этом столкновении решал, казалось бы, исход всей войны, ибо побежденная сторона не могла уже рассчитывать ни на какие резервы. Кстати, Маркс, конспектируя Шлоссера, тоже отметил, что после битвы при Брейтенфельде «война скоро окончилась бы, если бы не подлость *курпса* (т. е. курфюрста Саксонского. — *Б. П.*) и измена его генерала *Арнима*» [18]. В этой битве, имевшей даже не всегерманское, а всеевропейское значение и отозвавшейся по всей Европе далекими раскатами политического эха, столкнулись не просто две сильнейшие армии своего времени, но в их лице две политические коалиции, на которые разделилась Европа. Французские субсидии Швеции были широко известны; англий-

---

[16] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 4, л. 133.

[17] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях, т. II. СПб., 1894, с. 352.

[18] *Маркс К.* Хронологические выписки. — «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII (1946), с. 208.

скую помощь современники склонны были преувеличивать; о русской помощи менее всего знали, но зато немало фантазировали: согласно французским донесениям из Германии, Густав-Адольф перед Брейтенфельдской битвой увеличивал свою армию «не только новыми подкреплениями из Швеции, но и помощью, оказанной ему Московским царем, весть о смерти которого не оправдалась» [19]. Так или иначе это была действительно первая битва всеевропейской войны, и в этой битве антигабсбургская коалиция достигла неоспоримого превосходства.

В самом деле, Брейтенфельдская битва была поражением не каких-либо случайных, а основных сил Империи и тем самым ликвидацией успехов императора и Католической лиги, достигнутых к концу предыдущего периода. Армия Тилли незадолго до того пополнилась значительным контингентом императорских войск, возвратившихся из Италии. К Лейпцигу Тилли подступил с войском около 40 тыс. человек. Шведская армия имела всего 21 тыс. человек, но неизмеримо лучше вооруженных и обученных. К ней прибавилось 18—20 тыс. саксонских новобранцев, правда разбежавшихся в самом начале сражения. Битва под Лейпцигом продолжалась 5 часов и закончилась почти полным уничтожением войска Тилли; он потерял более 10 тыс. человек, всю артиллерию, все знамена, обоз и едва не был убит сам [20]. Имперско-католическая армия буквально рассыпалась в прах, а вместе с нею и миф о ее непобедимости. При известии об этом разгроме в Вене потеряли голову от отчаяния. Густав-Адольф писал с огромной радостью в Швецию: «Счастье осенило наше оружие... Мы после жестокого и упорного четырехчасового боя победили врага свободы, обратили его в бегство и разбили при его отступлении врассыпную с поля битвы» [21].

После этой головокружительной победы Густав-Адольф стремительно и почти беспрепятственно пошел через Тюрингию и Франконию в Западную прирейнскую Германию, затем в Баварию и к габсбургским наследственным землям, а саксонскую армию во главе с Арнимом отправил в охватывающий марш через Моравию, Лаузиц и Чехию.

Но этот бросок в глубь Германии не значил, что Густав-Адольф забыл про Польшу и Россию. Он просто считал, что в его распоряжении имеется ряд месяцев, немного менее года, прежде чем придет время действовать против Польши. Он не переставал думать о далеком Московском государстве, поворачиваясь лицом к Рейну, на запад: мы уже имели причину выска-

---

[19] *Форстен Г. В.* Указ. соч., с. 351.

[20] Sveriges krig 1611—1632, d. IV (1938), s. 428—523. О Брейтенфельдской битве см. также специальные монографии: *Opitz W. Th.* Die Schlacht bei Breitenfeld am 17 September 1631. Leipzig, 1892; *Wangerin E.* Die Schlacht bei Breitenfeld am 7 September 1631. Eine Quellenuntersuchung. Halle, 1896 (Diss.).

[21] *Форстен Г. В.* Указ. соч., с. 353.

зать предположение, что цитированная выше инструкция Мёллеру была отправлена им после Брейтенфельдской битвы; в нашем распоряжении есть и другой документ, направленный им в Москву, безусловно, после нее. Это — сообщение самого Густава-Адольфа о своей победе.

Сразу после сражения, непосредственно из-под Лейпцига, кроме сообщения в Швецию, были посланы две ликующие реляции с подробными сведениями о трофеях, числе убитых и пр.: одна — во Францию, королю Людовику XIII, другая — в Россию, царю Михаилу Федоровичу. Оба союзника отпраздновали эту победу, как успех «общего дела», по выражению самого Густава-Адольфа. Шведский гонец с этим посланием прибыл в Москву с чрезвычайной поспешностью 27 октября, и в тот же день Мёллер уже докладывал кн. Черкасскому от имени Густава-Адольфа: «Милостью божией и его королевским счастьем ему одоление бог дал над цесарскими людьми: победил он большого воеводу (полководца) по имени Тилли 7 сентября нынешнего 1631 года у города Лейпцига, принадлежащего саксонскому курфюрсту, и побивали их на семи милях, а убито их в том бою с 20 тысяч, и самого большого воеводу Тилли ранили и от той раны он умер... (это предположение не подтвердилось. — *Б. П.*). А за два дня до своего поражения взял тот Тилли тот город Лейпциг, и ныне сидит в нем цесаревых людей 6 тысяч человек, но Густав-Адольф ждет, что они сдадутся на милость победителя». Далее сообщается о захвате 28 пушек, всего обоза, бывшего при войске, большого числа пленных из императорской пехоты, которой «бежать было невозможно»; конница в числе 6 тыс. человек вместе с женой Тилли «ушла в город Вольфенбюттель, и король послал к тому городу на осаду 16 тыс. солдат» и полагает, что осажденные, не имеющие запасов, сдадутся; 3 тыс. солдат ушли в г. Хальберштадт «и хотели его выграбить», но Густав-Адольф послал своих людей на осаду, и все те солдаты ему сдались и поклялись отныне служить ему. В том же бою Густав-Адольф взял в плен герцога Голштинского и сослал его в Дрезден. Заканчивается сообщение чрезычайно интересным прогнозом, отражающим намерения Густава-Адольфа: «Те курфюрсты и вольные князья, которые не принадлежат к папежской вере, все избрали своим защитником шведского короля, а король ныне пошел на цесаря и на папу и с божьей помощью хочет папежскую веру искоренить». Вот о чем грезил Густав-Адольф после своего первого триумфа в Германии!

Как бы по своей инициативе, но, бесспорно, следуя инструкции, Мёллер высказал пожелание, чтобы царь и патриарх по случаю такой удачи своего союзника и друга приказали произвести в Москве «стрельбу», т. е. салют (прежде, кажется, не практиковавшийся в России). Интересно, что Мёллер мотивировал этот совет не только тем, что так же поступили (?) все друзья Густава-Адольфа и враги «папежан», но и чисто политическим ар-

гументом, относящимся все к той же польской проблеме. Этот салют, сказал он, нужен, «чтоб недруг, король польский, то слышав, гораздо ужаснулся, а их бы государская дружба явной была»[22]. Иными словами, уходя на запад, Густав-Адольф хотел, чтобы Москва еще одним публичным актом продемонстрировала свой союз с ним и вместе с тем военную угрозу Польше, — раз уж не было военных действий.

Московское правительство не только пошло навстречу, но, подхватив инициативу, отпраздновало Брейтенфельдскую победу, как подлинное торжество своей собственной политики.

В стокгольмском Государственном архиве хранится несколько присланных из Москвы описаний этого внушительного празднества. В письме Генриха фон Дама и Тобиаса Унзинга на имя Густава-Адольфа от 6 ноября 1631 г. сообщается, что, узнав о победе, царь, патриарх и их советники «не только были тем очень довольны и обрадованы, но 2 ноября его ц. в. был на поле перед городом с несколькими тысячами человек и приказал произвести из 100 штук оружия внутри и вне города радостную стрельбу и салют, дабы показать, что он сердечно тому рад». Более подробный отчет, предназначенный для публики, носит заголовок: «Достоверный отчет, какой триумф учинил великий князь Московский в городе и перед ним, к особой чести шведов, по поводу победы, одержанной его королевским величеством при Лейпциге. Москва, 14 ноября 1631 г.» Это — подробное описание салюта и военного парада в Москве, а также церковного благовеста и молебнов, наконец, народного гулянья, в котором участвовало 60 тыс. человек[23]. Мёллер со своей стороны доносил Густаву-Адольфу о торжествах, салюте и параде, каких «ни один человек в этой стране не упомнит». Царь «велел служить в церквах благодарственные молебны; затем он велел своим войскам собраться в несколько отрядов перед Москвою, выстроиться и палить из больших пушек и мушкетов в честь победы, одержанной шведским королем над его врагами. Никогда, — прибавляет Мёллер, — в Москве не праздновали так торжественно чьей-либо победы»[24].

Разумеется, таким ликованием московское правительство хотело отметить не чужую победу, но свою собственную. Патриарх Филарет Никитич и его окружение рассматривали успешные действия шведского короля против германского императора как прямой успех русской политики, как осуществление тщательно выношенного в Москве плана. Победа Густава-Адольфа должна была явиться первым, но, пожалуй, решающим шагом на пути к отвоеванию западнорусских, украинских и белорусских земель

---

[22] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 185—188.
[23] Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI—XVII столетиях, вып. II. СПб., 1893, № 54, с. 129—130.
[24] Там же, № 55, с. 131; *Форстен Г. В.* Указ. соч., т. II, с. 367.

у Речи Посполитой. Казалось, ключ к решению этой огромной политической задачи был уже в руках. Было отчего ликовать.

В то же время это было демонстрацией по отношению к полякам. Она произвела должное впечатление. Московский салют вызвал большое беспокойство в Речи Посполитой к величайшему удовольствию шведов. Наблюдавший за польскими делами из Риги и Дерпта шведский губернатор Иоганн Шютте сообщал об этом в ряде писем — пфальцграфу Иоганну-Казимиру от 9 декабря, Жаку Русселю от 16 декабря 1631 г. и др.[25]

Задолго до того, как Густав-Адольф получил положительный ответ русского правительства на свои предложения, он получил ответ по тому же вопросу от канцлера Акселя Оксеншерны. Одновременно с отправкой этих предложений в Россию, 29 августа 1631 г., т. е. еще до Брейтенфельдской битвы, Густав-Адольф изложил их и весь свой план в письме к канцлеру с просьбой дать совет, как дипломатичнее и эффективнее осуществить этот план — поставить Речь Посполитую перед войной на два фронта, «дабы поляки не могли напасть на нас в то время, как мы особенно заняты этой немецкой войной и дабы они не могли передохнуть за время перемирия [со Швецией]»[26]. Оксеншерна не торопился с ответом и написал Густаву-Адольфу требуемое рассуждение только 13 октября. При всей внешней корректности к замыслам короля, он, по существу, выразил отрицательное отношение к ним. Окончательное обсуждение этого вопроса он предложил отложить до встречи с королем. Оксеншерна, как мы знаем, держался совершенно другого взгляда на вопросы восточноевропейской политики Швеции. Правда, из донесений Мёллера он знал о хорошем отношении московского правительства, особенно патриарха Филарета Никитича, к Густаву-Адольфу и Швеции[27]. Но он не хотел союза с Россией, не веря в его надежность и прочность. Вернее, он и большинство Государственного совета хотели лишь такого союза, при котором Швеция имела бы все выгоды, ничего не давая взамен и ничем не связывая себя. План нападения на Речь Посполитую с двух фронтов означал, что в случае неудач нанятой на русские деньги армии, действующей со стороны Германии, шведам придется оказывать ей поддержку; поэтому Оксеншерна был против предложений о найме русскими этой армии[28]. Он считал, что «немецкая война», сопряженная с огромными экономическими трудностями, требует концентрации всех сил Швеции, к тому же Швеция должна создать могущественный флот, который был бы хозяином на всем Балтийском море[29].

Конечно, Оксеншерна видел опасность, грозившую шведской армии в Германии со стороны Речи Посполитой. В июле 1631 г.

---

[25] *Paul J.* Op. cit., s. 38.
[26] Rikskanzleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling, II, 1, s. 738.
[27] *Norrman D.* Op. cit., s. 72—73.
[28] *Ahnlund N.* Op. cit., s. 603.
[29] *Norrman D.* Op. cit., s. 77.

он писал Густаву-Адольфу о тайных сношениях Варшавы с Веной, направленных против Швеции и грозящих срывом польско-шведского перемирия [30]. Но канцлер полагал, что два фактора смогут удержать поляков от нарушения перемирия. С одной стороны, они не решатся на такой шаг, пока Густав-Адольф одерживает победы в Германии; лишь в случае каких-либо его неуспехов они могут стать опасными для Швеции. В доказательство Оксеншерна сообщает королю, что за несколько дней до Брейтенфельдской битвы в Варшаву пришло ложное известие о поражении шведов, и сразу же Сигизмунд III дал приказ воеводам о военных приготовлениях, — известие же о победе шведов вызвало огорчение, ибо рухнула надежда на легкое отвоевание у них Пруссии и Лифляндии, и часть польских вельмож тут же стала требовать заключения постоянного мира со Швецией во что бы то ни стало [31]. С другой стороны, по мнению Оксеншерны, поляки не нарушат перемирия со Швецией, пока Россия грозит им войной и пока эта война будет продолжаться, но для этого вовсе не требуется шведского вмешательства. Напротив, осуществление плана Густава-Адольфа либо неминуемо втянуло бы его, по мнению Оксеншерны, в русско-польскую войну, либо поссорило с русскими, если б он этого не сделал. Поэтому Оксеншерна считал, что русских Швеция должна всячески побуждать к разрыву их перемирия с Речью Посполитой, но сама Швеция должна строго соблюдать свое перемирие с нею [32].

---

[30] Ibid., s. 75. Срок перемирия истекал лишь в 1635 г. Шведские военно-публицистические пропагандистские издания в Германии, выпускавшиеся анонимно под руководством Ц. Л. Раше (собранные и обработанные затем для Франции Шпанхеймом под названием «Шведский солдат, описывающий военные деяния... своего короля»), неоднократно отмечали попытки венского двора обратиться за военной помощью к Речи Посполитой, ссылаясь на договор 1621 г. Но Варшава снова и снова отказывает императору «из опасения Московии», т. е. из опасения оказаться одновременно в войне и со шведами (в Германии), и с русскими. «Там [в Польше] очень боятся, — уверяла шведская пропаганда, — что малейший повод, данный королю Швеции для недовольства, побудит его двинуть татар и московитов вместе на Польшу в то время, когда она будет отвлечена вовне [в Империю]». Тем не менее правящие круги Вены усиленно распространяли среди населения слух, что вот-вот Польша пришлет несчетные тысячи казаков, которые только и ждут сигнала, чтобы устроить шведам бойню («Le soldat suédois descript les actes guerriers... de son Roy...» Rouen, 1634, p. 430—433). Австрийские источники подтверждают, что советники и полководцы императора Фердинанда II, в том числе Валленштейн, настойчиво домогались в 1631 и 1632 гг. получения от Речи Посполитой по меньшей мере 6—10 тыс. казаков для войны со шведами (Fontes rerum Austriacarum, Bd. LXV, Abth. 2, S. 178, 231, 233). О том же свидетельствуют польские источники (*Жукович П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией, вып. VI, 1912). Густав-Адольф пытался в свою очередь привлечь на свою сторону запорожских казаков.

[31] Письма Акселя Оксеншерны к Густаву-Адольфу от 29 сентября и 13 октября 1631 г.

[32] Письмо Акселя Оксеншерны к Густаву-Адольфу от 13 октября 1631 г.

Соответственно Оксеншерна выдвигал на первый план понятие «чести» в отношениях с Речью Посполитой и вывод о «бесчестности» военного союза с Москвой [33]. Вместе с тем он оказывал давление на Густава-Адольфа затяжной дискуссией по поводу внутреннего и международного положения Речи Посполитой и пассивным противодействием его претензиям на польскую корону. Так, он вплоть до конца сентября 1631 г. заверял Густава-Адольфа, что в Речи Посполитой не видно признаков подготовки к войне, т. е. что Речь Посполитая стремится избежать войны и ищет мира с русскими; только 29 сентября 1631 г. он впервые сообщает королю, что поляки вынуждены начать военные приготовления [34]. Одновременно он всячески подчеркивает, что шансы королевича Владислава на польскую корону возрастают, а шансы Густава-Адольфа, напротив, невелики. Он отлично знал, что Густав-Адольф рассчитывал не на избрание, а на то, чтобы вызвать междоусобия в Речи Посполитой, мало того, чтобы подтолкнуть Московское государство к скорейшему выступлению и оккупации западнорусских, белорусских и украинских земель, наконец, чтобы получить самому повод для разрыва перемирия с Речью Посполитой и вторжения в нее. В противовес «осторожности», рекомендуемой канцлером в вопросе о польском престолонаследии, Густав-Адольф считал, что тут нечего церемониться, ибо нечего терять, а выиграть можно все. Аксель Оксеншерна, хотя и принужденный соглашаться с королем на словах, на деле не сочувствовал и противодействовал всему замыслу [35].

Противодействие канцлера выражалось прежде всего в оттяжке решения вопроса о создании на русские деньги армии в Германии. Суть его ответа от 13 октября 1631 г. на запрос Густава-Адольфа состояла в том, что проект надо отложить, не идя пока на риск, связанный с предложением, сделанным королем Москве, а к обсуждению проекта вернуться позже.

Такая позиция канцлера как раз и дает основание подозревать, что не без его участия предложения, посланные Густавом-Адоль-

---

[33] «Для Густава-Адольфа с самого начала было ясно, что для ослабления Польши следует использовать любые пути, в то время как такие люди, как Аксель Оксеншерна и отчасти даже Иоганн Шютте, считали наиболее разумным использовать лишь средства, которые соответствовали понятиям шведов о чести в области политики» (*Norrman D.* Op. cit.. s. 22). В действительности понятие о чести было не мотивом внешней политики Акселя Оксеншерны, а лишь предлогом для противодействия шведско-русскому союзу.

[34] Письма Акселя Оксеншерны к Густаву-Адольфу от 12 июля, 8 сентября, 29 сентября 1631 г. Разумеется, канцлеру было отлично известно, что в январе 1631 г. на польском сейме обсуждались военные приготовления Москвы против Польши, и сенаторы приняли решение официально объявить для устрашения Москвы созыв всеобщего ополчения в Великом княжестве Литовском (*Жукович П. Н.* Указ. соч., с. 105). С тех пор военные приготовления Речи Посполитой к войне с Московским государством не прекращались.

[35] *Ahnlund N.* Op. cit.; *Norrman D.* Op. cit., s. 52, 62, 74.

фом в Москву, задержались в пути на три месяца и достигли Москвы лишь в декабре. В самом деле, практически ближайшая задача канцлера, вытекавшая из его позиции, состояла в том, чтобы русско-шведский проект не реализовался немедленно, осенью 1631 г., и тем самым дело было бы перенесено на весну или лето 1632 г. Если бы послания Густава-Адольфа через Мониера и Мёллера были немедленно доставлены русскому правительству, то уже в конце сентября или в октябре мог быть отправлен обратно положительный ответ, тем самым союзное соглашение было бы фактически заключено и, следовательно, Россия могла бы начать военные действия на восточных границах Речи Посполитой, приковав Густава-Адольфа к ее западным границам. Заверяя Густава-Адольфа, с одной стороны, что Речь Посполитая даже еще не готовится к войне с Московским государством и, значит, информирована об отсутствии приготовлений Московского государства, канцлер, возможно, с другой стороны, принял косвенные меры, чтобы предотвратить начало военных действий в 1631 г. со стороны Московского государства. Ведь Мониер из Германии был направлен не в Москву, а в Стокгольм, где Государственный совет заслушал его отчет только 23 сентября. Государственный совет не мог отменить инструкций короля, но Мониер после отчета уже не поехал лично в Москву, а должен был под предлогом болезни передать поручение в письменной форме. Мониер подписал эти письма на имя царя Михаила Федоровича и патриарха в Стокгольме 28 сентября, однако шведский гонец с этими письмами и с аналогичной инструкцией Густава-Адольфа Мёллеру прибыл в Россию лишь спустя два с лишним месяца. Ясно, что отправка была искусственно задержана. Чтобы Мониер не мог воспрепятствовать такой задержке, он был почетно удален из Стокгольма: 24 октября 1631 г. он был назначен губернатором Грипсхольма [36].

Устранение Антона Мониера, который пользовался личным доверием и Густава-Адольфа, и русского царя (вернее, его отца), просившего, чтобы Густав-Адольф уполномочил Мониера на продолжение тайных переговоров, несомненно, соответствовало политике канцлера. Одновременно он и Иоганн Шютте начали яростный натиск на Жака Русселя, стремясь дискредитировать его в глазах и короля, и Государственного совета и тем самым устранить и его, как независимое лицо, занятое делами русско-шведского союза и тоже пользовавшееся доверием обеих сторон. С отстранением Русселя единственным связующим звеном должен был остаться официальный шведский резидент в Москве Иоганн Мёллер, обязанный сноситься с Густавом-Адольфом через посредство Шютте или Оксеншерны и потому находившийся под их контролем. Таким образом, дело шло к пресечению прямой и непосредственной связи Густава-Адольфа с Москвой, если не считать воз-

---

[36] *Norrman D.* Op. cit., s. 72.

можности его переписки с царем и патриархом. Но ведь письма можно надолго задерживать! Действительно, если и свой собственный ответ на запрос короля по поводу русских дел Оксеншерна затянул почти на два месяца, тем самым снимая все это дело с повестки текущего, 1631 г., то ответ русского правительства, по-видимому, в немалой мере благодаря его стараниям, дошел до Густава-Адольфа через целых девять месяцев — в конце мая 1632 г. Оксеншерна этим как бы оберегал «немецкую войну» своего короля от всяких отвлекающих, посторонних планов.

Поход Густава-Адольфа в глубь Германии, может быть, и был бы коротким, если бы он не натолкнулся там на трудности не узковоенного, но социально-политического характера. Классовая борьба в Германии (и Чехии) в момент шведского вторжения — тема особая [37], и нам здесь достаточно лишь напомнить о ней как о причине непредвиденной затяжки этого похода. Она же могла бы послужить отчасти и для объяснения знаменитого «зигзага молнии» Густава-Адольфа: его непонятного поворота назад из Юго-Западной Германии, где ему было уже рукой подать до императорской столицы, Вены. Но наша задача состоит здесь в том, чтобы указать другую причину этого зигзага.

На время Густав-Адольф словно забыл о польских и русских делах, погрузившись в пучину сложнейших политических, сословных, классовых противоречий Германии.

Но в действительности шведский король просто считал, что в восточной политике у него есть запас свободного времени, своего рода антракт. На это время он мог успокоить своего канцлера кажущейся уступчивостью. Однако Густав-Адольф все это время на самом деле отнюдь не забывал о России.

Так, он читал в эти месяцы пространное описание Московского государства, составленное сыном Иоганна Шютте, Бенгдом, посланным туда для изучения страны и языка: «Relatio Moscovitica Dni Benedicti Skytte Baronis...» По словам Пауля, это — обширнейший доклад о географическом положении, внутренне- и внешнеполитических отношениях царства, его хозяйственных ресурсах, а также о множестве этнографических наблюдений над русскими и соседями. Доклад этот был переслан Густаву-Адольфу из Дерпта с датой 16 сентября 1631 г. и, следовательно, оказался в его руках уже во время похода в глубь Германии [38]. По-

---

[37] Она рассмотрена ниже, см. гл. VII.

[38] *Paul J.* Op. cit., s. 37. Можно считать несомненным, что Иоганн Шютте выполнял прямой приказ Густава-Адольфа об изучении России и подготовке соответствующих специалистов. Тогда же, осенью 1631 г., по распоряжению Иоганна Шютте в г. Ниеншанце (на месте которого был впоследствии построен Петербург) была основана особая школа, в которой среди прочих предметов преподавался русский язык (*Liljendahl R.* Svensk förvaltning i Livland 1617—1634. Uppsala, 1933, s. 478, n. 7). Выполняя волю короля (как видно по письму Шютте Густаву-Адольфу 24 февраля 1632 г.), Шютте в 1631—1632 гг. направил в Россию одного за другим трех своих сыновей, Бенгда, Иоганна и Якова, и племянника

скольку это сочинение Шютте-младшего, как и доклады его братьев (сочинение Якова Шютте «Relatio de Russia 1632» тоже, может быть, позже было послано королю в Германию) не опубликованы, затруднительно судить, содержало ли оно вполне правдивую информацию или отражало политическую тенденцию Иоганна Шютте. Но Гейер цитирует оттуда такой отрывок: «Они [русские] говорят, что шведов они любят больше других; но и боятся их больше, и считают, что никто не может с ними сравниться в военном искусстве; особенно с тех пор, как они ощутили успехи е. в., превзошедшие все ожидания, в Германии против папистов, которых они ненавидят» [39].

Находясь в Германии, Густав-Адольф многократно получает также идущие из Москвы (через Иоганна Шютте или Акселя Оксеншерну) донесения Иоганна Мёллера. Так, имея инструкцию короля выяснить причины задержки русско-польской войны, Мёллер сообщал о своих беседах с кн. И. Б. Черкасским (объяснявшим задержку отсутствием татарских подкреплений и немецких наемников). Мёллер сообщил между прочим свое впечатление, что лично Михаил Федорович более склонен к мирному урегулированию с Польшей. Филарет Никитич, напротив, изъявил даже желание вступить в личную переписку с Густавом-Адольфом, который ответил (12 ноября 1631 г.) через того же Мёллера, что, хотя это не принято, он согласен [40]. Мёллер писал королю и о подготовке русской армии, и о происходящих в Москве дипломатических переговорах с другими государствами, например с Данией, и о военных приготовлениях Польши по данным, сообщенным ему И. Б. Черкасским, и о закупках русского хлеба [41].

Ларса с задачами глубокого изучения страны, изложенными в специальной инструкции — Instructio Filio meo carissimo Benedicto Skytte in Moschoviam tendenti praescripta (она хранится в шведском Государственном архиве вместе с экземпляром отчета Бенгда Шютте, посланным королю). Отчеты всех трех сыновей Шютте (Relationes Moscoviticae Iohannis, Benedicti et Jacobi Skytte) находятся также в собрании рукописей Пальмшельда (т. 97, 186) в Упсале (*Wejle C.* Sveriges politik mot Polen 1630—1635. Uppsala, s. 34; *Paul J.* Op. cit., s. 37; *Norrman D.* Op. cit., s. 111).

[39] *Geijer E. G.* Svenska folkets historia. Stockholm, 1926, s. 421.

[40] *Norrman D.* Op. cit., s. 79, 84.

[41] 2 февраля 1632 г. (может быть, 16 апреля?), узнав о царском разрешении закупить в России 50 тыс. четвертей ржи и о желании России закупить в Швеции 10 тыс. мушкетов, Густав-Адольф направил Мёллеру инструкцию: предложить царю, что за эту рожь Швеция поставит указанное число мушкетов (по 2 рейхсталера за штуку), а также 5 тыс. лат (по 5 рейхсталеров) и 2 тыс. пистолетов (по 10 рейхсталеров); если царь посчитает по 1 рейхсталеру за четверть ржи, то из 65 тыс. рейхсталеров, причитающихся за все это оружие, часть покроет стоимость ржи (50 тыс. рейхсталеров), а остальное — то, что было недоплачено в прошлом. Если это предложение будет отклонено, Мёллер должен предложить за рожь вексель на Голландию, где по нему уплатят шведские уполномоченные братья Фалькенберг. Если и это будет отклонено, то Мёллер должен просить царя подождать с оплатой за рожь, пока она будет доставлена в Голландию, после чего деньги будут немедленно оттуда

Если характер цитируемых выше источников заставлял нас несколько персонифицировать политический курс Густава-Адольфа, как и курс канцлера, то на деле каждый из них опирался, разумеется, на влиятельные общественные силы и был их рупором. Если Аксель Оксеншерна выражал мнение большинства шведской аристократической олигархии, то Густав-Адольф опирался на ее военную часть, на своих знаменитых фельдмаршалов и генералов. Мы уже упоминали, что осуществление своего плана наступления на Речь Посполитую с запада Густав-Адольф возлагал сначала на Густава Горна, затем на Александра Леслиотца. Третьим, на ком он остановил свой выбор, был один из замечательнейших полководцев Тридцатилетней войны — генерал (затем, как и Александр Лесли, фельдмаршал) Герман Врангель.

Как член шведского Государственного совета Врангель должен был узнать о предложениях Густава-Адольфа России не позже 23 сентября 1631 г., когда Антон Мёллер докладывал там о своем поручении. И вот вскоре Врангель сообщает — через посредничество Иоганна Бёкмана[42] — царю Михаилу Федоровичу, что он готов возглавить русскую наемную армию против Речи Посполитой для нападения на Великую Польшу[43]. Не может быть сом-

---

высланы (из выручки от ее продажи). Наконец, в самом крайнем случае Мёллер должен предложить Бёкману, посланному для перевозки этого хлеба, чтобы он сам добыл и уплатил деньги, которые будут ему возмещены в Голландии братьями Фалькенберг (*Norrman D.* Op. cit., s. 112—113). Эта инструкция показывает, что Густав-Адольф остро нуждался в деньгах и что спекуляция русским зерном в Голландии осуществлялась под его непосредственным и прямым руководством (вследствие чего в шведских архивах и не сохранилось сколько-нибудь полных данных об огромных суммах, полученных королем этим способом для «немецкой войны»). В ответ Мёллер сообщил через Оксеншерну, что Бёкман в Россию так и не приехал, что предложенный план безналичного расчета путем доставки в Россию оружия за хлеб принят только в части доставки 2 тыс. лат (очевидно, русское правительство не менее остро нуждалось в денежной наличности), но что царь согласился отпускать хлеб по 20 рублей за ласт и отсрочить уплату денег до зимы; обещал также отпуск и в будущем, 1633 г. такого же количества хлеба (*Форстен Г. В.* Указ. соч., т. II, с. 369). Однако Мёллеру дана была новая инструкция — добиваться дальнейшего снижения цены на рожь (*Norrman D.* Op. cit., s. 113). В архиве Посольского приказа переговоры Мёллера по этому вопросу 17 и 25 июня 1631 г. отражены глухо. Здесь интересно только, что Мёллер, тотчас отправляя одного из своих людей с ответом Густаву-Адольфу, мотивирует это в одном из заявлений, поданном в Посольский приказ, тем, что король ему «накрепко наказал часто к себе писать»; он подчеркивает, что ему поручено заниматься не какими-нибудь простыми торговыми делами, а теми важными для обоих государств вопросами, «о чем мне мой милостивый король и государь нарочно с раденнием наказал и научивал» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, л. 71—76, 100—101).

[42] Намеченного с согласия Густава-Адольфа (во время посольства Племянникова и Аристова) на роль постоянного представителя Московского государства в Стокгольме, но вскоре умершего в Амстердаме; А. Мониер рекомендовал его брата, Мельхиора, но русское правительство не утвердило его (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 13).

[43] *Norrman D.* Op. cit., s. 88.

нения, что это предложение было или уже согласовано с Густавом-Адольфом, или санкционировано им позже: мы увидим ниже, что именно фельдмаршалу Врангелю Густав-Адольф доверил в 1632 г. подготовку этой военной операции.

Русские правительственные круги во все время похода Густава-Адольфа в глубь Германии в свою очередь проявляли неослабевающий интерес к положению Швеции и к ходу этой войны. Обзор информации, стекавшейся по разным каналам в Посольский приказ, показал бы, насколько полно было в эти годы осведомлено правительство Московского государства о главных событиях как войны в Германии, так и политической жизни всех стран Европы. Иоганна Мёллера царь и патриарх просили сообщать им свежие новости каждую неделю, что было, конечно, неосуществимо в тогдашних условиях; Мёллер специально обращался с просьбой к Шютте систематически снабжать его сведениями из Германии и Польши[44]. Особенно же обильную и важную информацию получало русское правительство с помощью Жака Русселя — как через присылавшихся им уполномоченных, так и во время его пребывания в Москве[45].

Материальной связью между Московским государством и Швецией (вернее, шведской армией в Германии) в это время служили, с одной стороны, отправки из Архангельска многочисленных судов с зерном и крупой, представлявшими, как мы знаем, своего рода субсидии для ведения «немецкой войны», а также с селитрой и смолой — стратегическим сырьем[46], а, с другой стороны, начавшийся приток через Нарву нанятых в Германии и других странах солдат вместе с командирами и различными специалистами, а также разнообразного закупленного оружия[47].

---

[44] Письма Мёллера к Шютте в сентябре, к Оксенштерне 11 октября 1631 г.

[45] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9 и 10; 1632 г., стб. 4, 7 и 8; от Русселя исходит и подборка политической информации из европейских газет «Переводы из европейских ведомостей и всяких других вестей, в Москву писанных» (ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1632 г., стб. 65). Все эти дела свидетельствуют, что тайная деятельность Русселя и его информация пользовались особенно большим доверием московского правительства и рассматривались как прямое выражение тесных союзнических отношений со шведским королем.

[46] Даже шведский Государственный совет, весьма неточно представлявший себе действительный объем этих субсидий в денежном выражении, включал в смету доходов на 1631 г.: от меднорудной монополии — 430 тыс. рейхсталеров, от прусских и лифляндских пошлин (на вывоз хлеба) — 40 тыс. рейхсталеров, от государственной торговли (русским) хлебом — 255 тыс. рейхсталеров, иностранных субсидий сверх того необходимо — 1 млн. рейхсталеров (*Wittrock G.* Svenska handelskompaniet och kopparhandeln unden Gustaf II Adolf. Uppsala—Stockholm, 1919, s. 139).

[47] См. ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 3, 4, 11 и др. Вся картина прибытия в Россию нанятых иноземных полков и оружия, их транспортировки, размещения и, наконец, военного использования освещена с максимальной полнотой в цит. книге Е. Сташевского «Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии» (Киев,

Наем и закупки производились, как мы помним, под руководством стольника Федора Племянникова, подьячего Аристова и полковника Александра Лесли; Племянников умер в Штеттине в июле 1631 г., Аристов приехал в Москву 3 ноября 1631 г.[48], наконец, Александр Лесли-сын вернулся в Россию в январе 1632 г., несомненно, поделившись с правительственными кругами богатой устной информации о положении шведской армии.

Верность Московского государства союзническому долгу в отношении Швеции подверглась за это время ряду испытаний и выдержала их. Таким испытанием было, например, появление в Москве в июле 1631 г. посольства от датского короля Христиана IV с предложением заключить союз. Несмотря на предшествовавшие дружественные отношения России и Дании[49], долгие переговоры сначала в Москве, а затем в 1632 г. в Копенгагене окончились безрезультатно и даже разрывом, поскольку датская дипломатия преследовала цель ослабления шведско-русского союза, а русская дипломатия соглашалась на заключение союза с Данией только при категорическом условии включения в этот союз и Швеции[50]. Жак Руссель еще во время пребывания дат-

---

1919). В исторической литературе часто смешивают (см., например, *Paul J.* Op. cit., S. 38; *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648. М.—Л., 1947, с. 99—100) эту вербовку войск, образовавших составную часть русской армии в Смоленской войне, с планом найма на русские деньги войска, которое должно было наступать на Речь Посполитую с запада, из Германии. Хотя оба эти плана были одобрены и Густавом-Адольфом, и московским правительством и являлись выражениями русско-шведского союза, хронологически и организационно они обособлены друг от друга. Напомним, что Жак Руссель даже противопоставлял их друг другу, настойчиво предупреждая русское правительство, что иноземные войска, доставляемые в Россию, могут во время военных действий перекинуться на сторону Речи Посполитой (что отчасти оправдалось), тогда как в армии, действующей из Германии под шведским командованием, это менее возможно. Аксель Оксеншерна, напротив, нимало не противился осуществлению первого плана и энергично противодействовал второму.

[48] Он привез различные заключенные договоры (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 4, лл. 162—171); статейный список посольства см.: там же, л. 172—193.

[49] Христиан IV, хотя и отказал Александру Лесли-сыну в праве нанимать в Дании солдат на русскую службу, зато разрешил ему беспошлинно и свободно провозить через Зунд нанятые войска и закупленное военное снаряжение.

[50] См. Дневник и донесение датского посла Мальте Юля, опубликованные Е. Н. Щепкиным. — «Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете», т. XII. Одесса, 1905; *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. — «Русская историческая библиотека», т. XVI; *он же.* Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1897; *Fridericia I. A.* Danmarks ydre politiske Historie i Tider fra Freden i Lybek til Freden i Kjöbenhavn (1629—1660), Bd. I. København, 1876, S. 197 и сл.

ского посольства в Москве прислал информацию о напряженности датско-шведских отношений[51]. В сентябре 1631 г. Посольский приказ осведомил Иоганна Мёллера о переговорах с датским посольством и просил срочно запросить Густава-Адольфа, «надобно ль ему то», чтобы его включили в «вечное докончание» с датским королем и, поскольку переговоры будут продолжены в Копенгагене, чтобы он направил туда своего «верного человека» для совместных с русским посольством действий[52]. Мёллер в ответной речи расценил русскую политику в отношении Дании как «великую славу» своему государю[53]. Он тотчас написал Густаву-Адольфу[54], который в ноябре ответил просьбой довести до сведения царя нежелательность и опасность союза с Данией. Русское посольство, проезжая через Швецию, имело беседу с членами шведского Государственного совета, а в Копенгагене держало связь со шведским послом Фигреусом, как и советовал Мёллер в своей ответной речи[55].

Другое испытание возникло в связи со шведско-татарскими переговорами. В конце 1630 г. в Москву прибыл шведский посол Беньямин Барон, направлявшийся в Крымское ханство, куда он (из-за болезни) выехал лишь в июле 1631 г. Находясь в Москве (в качестве весьма доверенного лица Густава-Адольфа), он вел тайные переговоры в Посольском приказе; из одного его позднейшего письма явствует, что он выяснял, поддержит ли русское правительство, путем активного дипломатического давления (особого посольства) на Речь Посполитую, кандидатуру Густава-Адольфа на польский престол в случае смерти Сигизмунда III[56].

---

[51] «Датский король думы свои соединяет с Сигизмундом и Фердинандом и в обмен себя дает дому Австрийскому под той надеждой, что выдаст Фердинанд дочь свою за его сына старшего, и он (Христиан IV) для того дела государя моего [Густава-Адольфа] заставляет на датском рубеже войска держать и тем у него в немецкой земле сил убывает, не помня того, как Фердинанд часто его побивал и подданные его без малого не выгнали его, а государь мой король тогда корону его соблюл [сохранил] ему, хотя Фердинанд поучал государя моего короля, чтобы он остальное у него отнял и разорил бы его, и то дело возможно было гораздо [вполне], только захотеть стоило» (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, л. 14).

[52] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 8, лл. 126—128. 16 сентября от Михаила Федоровича направлена грамота Густаву-Адольфу аналогичного содержания с изложением датско-русских переговоров (Там же, лл. 132—138). 13 сентября информация о том же была послана Русселю (Там же, стб. 10, лл. 16—17).

[53] Там же, стб. 8, лл. 129—130.

[54] Акты и письма к истории балтийского вопроса..., вып. II, № 55.

[55] *Norrman D.* Op. cit., s. 113—114. ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 3, л. 130. О шведско-датских переговорах в начале 1632 г. и упреках шведов Христиану IV за «конспирирование» с русскими см.: *Paul J.* Op. cit., Bd. III, s. 50—51.

[56] ЦГАДА, Дела шведские, 1630—1631 гг., стб. 5. Б. Барон с посольством в 15 человек прибыл в Новгород еще в конце мая 1630 г. (вместе с Иоганном Мёллером, направлявшимся в Архангельск), но из-за каран-

Задача его миссии в Крыму состояла, во-первых, в получении аналогичного обещания крымского хана о давлении на польские выборы в пользу Густава-Адольфа, во-вторых, в побуждении хана ценой крупной субсидии к военному выступлению или против Речи Посполитой или против императора (через Трансильванию, согласие которой Густав-Адольф брался обеспечить) [57]. Успешно выполнив миссию, с письмом хана Джанбек-Гирея к Густаву-Адольфу и вместе с крымским посольством к шведскому королю Беньямин Барон в январе—феврале 1632 г. проследовал обратно через Москву, и тут-то и возник конфликт: его уже собирались богато пожаловать соболями и с честью проводить, но он наотрез отказался что-либо сообщить в Посольском приказе о своих переговорах в Крыму [58]. Тревога русского правительства вполне понятна, ибо оно само рассчитывало на содействие 50-тысячного татарского (ногайского) войска в войне с Речью Посполитой и в то же время было встревожено новыми татарскими набегами, ставившими под сомнение надежность этой перспективы [59].

Такое поведение Беньямина Барона полностью противоречило представлениям московского правительства, в частности Филарета Никитича, о союзнических отношениях. Беньямина Барона вместе с крымским посольством решено было пропустить, но одновременно направить жалобу на него Густаву-Адольфу и требование информировать о содержании его переговоров в Крыму. Соответствующая грамота от имени Михаила Федоровича к Густаву-

---

тина и каких-то других помех он попал в Москву только в конце декабря. Он привез грамоту Густава-Адольфа с благодарностью за разрешение закупки хлеба для поддержки немецкой войны Швеции: «и из того наше к. в. разумеет и видит вашего ц. в. доброе приятельство [симпатию] к понуженным [угнетенным] и потесненным [притесняемым] христианам в цесарской земле [Германии], которым ныне наше к. в. вспомогает»; Густав-Адольф «за такую вашего ц. в. соседственную дружбу готов и подвижен и радетелен отработать [отплатить] за ту дружбу тем, что вашему ц. в. годно будет» (Там же, лл. 141—144). Б. Барон устно в глубочайшей тайне изложил на приеме у боярина М. Б. Шеина и дьяка Ф. Ф. Лихачева поручение Густава-Адольфа, «а что с ними он о государевых тайных делах говорил, — написано в столбце, — и тому записка особая, и та записка у думного дьяка Ф. Лихачева в ящике» (Там же, л. 150). Точно так же и «о тайных делах ответ, каков дан послу Беньямину, отклеен [от столбца] и отдан дьякам в ящик» (Там же, л. 162). Б. Барон отправил этот ответ в Швецию с гонцом. Но до того, заболев, Б. Барон написал 2 февраля 1631 г. записку в Посольский приказ, которая уцелела и проливает свет на содержание переговоров (Там же, л. 171).

[57] Это видно из ответного письма Джанбек-Гирея к Густаву-Адольфу от 2 декабря 1631 г. (Acta literaria Svecia, 1723, v. III, p. 445—446). См. *Rühs D. F.* Geschichte Schwedens, Bd. IV. Halle, 1810, S. 277—367; *Cronholm A.* Sveriges historia under Gustav II Adolfs regering, d. V, 2, 1871, s. 172; *Norrman D.* Op. cit., s. 120—123).

[58] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 3.

[59] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948, с. 204—210.

Адольфу, подписанная 3 марта 1632 г., была вручена Мёллеру для отправки королю [60].

Воспользовавшись поводом, того же числа, 3 марта 1632 г., написал грамоту к шведскому королю и лично патриарх Филарет Никитич — явление, небывалое до того в русской дипломатической практике [61]. Эта грамота — как бы патриаршее благословение дружбе и союзу между двумя государями — России и Швеции. Филарет Никитич желает Густаву-Адольфу здоровья и благополучия «и чтоб меж вас, великих государей, дружба и любовь множилась, а тому радуюсь, что тебе бог подаровал победу и одоленье [зачеркнуто: на недругов твоих] на общих недругов ваших, да и в предбудущие годы вам обще [сообща] стоять на недругов ваших, сколько вам всемогущий бог помощи подаст». Далее следует жалоба на поведение Б. Барона, сопровождаемая такой концепцией норм союзных отношений: «ты, к. в-во, друг сына нашего великого государя е. ц. в-ва, ни в каких делах не таишься, а сын наш великий государь е. ц. в. тебе не таится и на общего недруга, на польского короля, советник с тобою заодин». Заканчивается грамота изъявлением любви ныне и впредь [62].

Эта грамота вместе с царской была отправлена (либо Мёллером, либо помимо него) к Густаву-Адольфу прямо в Германию с гонцом — русским переводчиком по имени Лева Менин (Lewa Menin). Ему, очевидно, и удалось прорвать блокаду, которой канцлер Оксенштерна отгородил своего короля от России; Густав-Адольф в конце июня 1632 г. поручил ему передать в Москве и устную информацию о содержании переговоров Б. Барона в Крыму и письменные ответы царю и патриарху как на эти грамоты, так и на грамоту от 19 января 1632 г.[63], ответа на которую особенно ждали в Москве.

В данной связи мы принуждены оставить в стороне еще одну важную сферу дипломатической деятельности, где интересы Московского государства и Швеции сплетались и где проверялась прочность и искренность их союза, единство и согласованность планов: это — их сношения с Турцией [64]. Здесь мы ограничимся

---

[60] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 3, лл. 104—113. Еще раньше, 29 февраля, Мёллер написал о конфликте с Б. Бароном канцлеру Оксенштерне и, видимо, Шютте, который доносил об этом королю 21 марта 1632 г. (*Norrman D.* Op. cit., s. 118).

[61] Это отмечено особой пометой Посольского приказа на черновике: «А до сей грамоты от великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси к свейскому королю николи ни о каких делах ни с кем не писывано» (ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 3, л. 126).

[62] Там же, лл. 115—125.

[63] *Norrman D.* Op. cit., s. 119.

[64] О миссии шведского посла Пауля Страссбурга в Турции и Трансильвании см.: Monumenta Hungariae Historica, ser. 1, t. XXI. Budapest, 1873; *Rühs D. F.* Op. cit.; *Wibling C.* Sveriges förhållande till Sibenbürgen 1623—1648. Lund, 1890; *Paul J.* Op. cit., Bd. III, s. 38—40. О сношениях Москов-

оговоркой, что при всем значении, которое русское правительство придавало участию Турции в предстоящей войне с Речью Посполитой, при всех усилиях включить Турцию в коалицию с Московским государством и Швецией и обеспечить вторжение турецкой армии в пределы Речи Посполитой с юга одновременно с ударом русской армии с востока и шведской армии (точнее, шведско-русской) с запада, ход событий показал, что эта часть плана все же не сыграла решающей роли в русской политике: Смоленскую войну Московское государство начало, несмотря на отсутствие турецкого вторжения, и прервало ее в 1634 г., несмотря на выступление большой турецкой армии против Речи Посполитой. Но все это требует детального анализа. Здесь достаточно сказать, что через посредство Русселя [65] и другие каналы русское и шведское правительства в некоторой мере осведомляли друг друга о своих демаршах в Константинополе [66].

Наибольшей проверкой твердости взятого русским правительством курса на союз со Швецией послужили, конечно, его отношения с Речью Посполитой за время этого ожидания.

Хотя глубокие территориальные противоречия были налицо у Московского государства и со Швецией, и с Речью Посполитой (особенно после польско-шведской интервенции начала XVII в.), главной его внешнеполитической задачей в то время было воссоединение с основными русскими землями отторгнутых от них западных русских земель, Украины и Белоруссии. Лишь после того, как эта задача, хотя бы и неполно, была выполнена (в царствование Алексея Михайловича), Русское государство обратилось (при Петре I) к борьбе за возвращение Прибалтики. Объективное историческое положение делало в то время невозможным какие бы то ни было мирные добрососедские отношения с Речью Посполитой

ского государства с Турцией в 1631—1632 гг. обильные документы Посольского приказа («турецкие дела») еще не опубликованы и никем систематически не анализированы. Частично эти материалы приводятся Н. А. Смирновым (Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946) и А. А. Новосельским (Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.). Краткий обзор опубликованных русских и иностранных сведений см.: *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч., с. 149—157.

[65] Жак Руссель был тесно связан с Паулем Страссбургом со времени их знакомства при дворе Бетлена Габора. В ноябре 1630 г. в Эльбинге состоялась встреча Акселя Оксеншерны, Жака Русселя и Пауля Страссбурга перед отъездом последнего в Константинополь (*Norrman D.* Op. cit., S. 40). Несомненно, что по прибытии в Москву в марте—апреле 1631 г. Руссель рассказал о миссии Страссбурга, точно так же как в июне 1632 г. он сообщил в Москву инструкцию, с которой ехал шведский посол Беньямин Барон в Крым (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, л. 13); тогда же Руссель ходатайствовал о пропуске через Москву своего собственного тайного уполномоченного в Турцию (а также в Молдавию и Трансильванию). Словом, Руссель был в курсе шведских сношений с Турцией и держал в курсе Москву.

[66] Например, в грамоте от имени Михаила Федоровича к Густаву-Адольфу от 20 июня 1632 г. сообщалось о посольстве Прончищева и Бормосова в Турцию (ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 4, лл. 2—3).

литой, многонациональным государством, державшимся на угнетении польскими феодалами русских, украинцев и белорусов, и, следовательно, требовало до достижения указанной цели отстранения на задний план противоречий со Швецией и тесного союза с ней. Филарет Никитич твердо проводил этот внешнеполитический курс. Со стороны Речи Посполитой делались многочисленные активные попытки расколоть русско-шведский союз. Делались попытки сближения то со Швецией, то с Московским государством. Еще в начале апреля 1631 г. в Москву был допущен с неизвестной нам миссией «литовский гонец» Адам Орлик [67]. Но уже после получения военных предложений Густава-Адольфа и их принятия (апрель—май 1631 г.) все попытки дипломатических сношений со стороны Речи Посполитой самым решительным образом отклонялись Москвой.

Особенно характерен эпизод с недопущением в пределы Московского государства посла, прибывшего через Польшу в Дорогобуж в марте 1632 г. от императора Фердинанда II для посредничества между Речью Посполитой и Московским государством и ради того, чтобы добиться отказа Московского государства от помощи Густаву-Адольфу в его войне против императора [68]. Русским послам к Густаву-Адольфу приказано было впоследствии разъяснять ему, что этот посол не был допущен, так как прибыл на границу в сопровождении польско-литовских дворян и прислан-де был «общим умышленьем цесаря Фердинанда и польского короля Сигизмунда». Хотя тут далее и признается, что посол был действительно от императора (а не подставным лицом от Речи Посполитой, как сначала в Москве думали), все же, даже если б это было точно известно, царь и патриарх пропустить его в Москву не велели бы: «для того, что цесарь тебе, другу нашему, неприятель, — и нам с ним какая ссылка?» Царь и патриарх, «подкрепляющии со шведским королевским величеством вечную дружбу и любовь, велели тому цесареву послу отказать, — для того, что цесарь римский [император] королевскому величеству недруг, а тот посол, цесаревым и польского короля наученьем, хотел быть на Москве обманом», чтобы проведать,

---

[67] ЦГАДА, Дела польские, 1631 г., стб. 3.

[68] Документы об этом эпизоде опубликованы в «Памятниках дипломатических сношений Древней России с державами иностранными», т. III. СПб., 1853, с. 1—84. Ср. донесение Николо Сакетти из Вены от 15 ноября 1631 г. об отправлении этого посольства, включенное Г. В. Форстеном в «Акты и письма к истории балтийского вопроса», вып. I (СПб., 1889), с. 321. Цитированное выше шведское пропагандистское издание сообщало, что послы императора Арнольдин и граф де Моршпург были отправлены в Варшаву «присутствовать от имени императора при избрании польского короля» (на сейме в марте 1632 г.), «по видя, что дело затягивается, отправились в Московию вести переговоры с великим князем в соответствии с поручением, данным им в Вене, в ожидании, пока поляки сговорятся о времени выборов» (Le soldat suédois descript les actes guerriers, merveilles de nostre temps, plus qus tres-genereuses et tres-heroiques de son Roy... Rouen, 1634, p. 590).

каковы союз и сношения у царя и патриарха со шведским королем и чтобы «всякое дурное делать», «многую смуту учинить»[69].

15 июля 1632 г. к «Поляновской заставе» прибыл польский посланник Мартын Кошица со свитой, от имени архиепископа Гнезненского и панов-рады. Ему тоже было отвечено отказом в пропуске в Москву и исчислением «неправд» Речи Посполитой перед Россией[70].

В то же время русское правительство полностью и активно поддерживало политику Густава-Адольфа в отношении Речи Посполитой. Это выражалось, в частности, в сношениях с Жаком Русселем, который официально подписывал свои послания в Москву как «посол его величества [короля шведского] к полякам». Из своей штаб-квартиры, находившейся то в Дерпте, то в Риге, Руссель в самом деле энергично действовал в Речи Посполитой — направлял к политическим деятелям и принимал от них гонцов и уполномоченных лиц, распространял печатные прокламации в пользу кандидатуры Густава-Адольфа на польский престол, действовал и тайно и явно, и подкупом и разжиганием духа воинствующего протестантизма среди польско-литовских магнатов и шляхты[71]. Обо всех своих важнейших действиях в Речи Посполитой, как и о сведениях, притекавших к нему оттуда, он считал нужным информировать русское правительство.

Так, 22 июня 1631 г. он направил из Риги в Москву двух своих людей из числа тех многочисленных агентов и сотрудников, которых он удивительно умел привлекать чем-то к себе и которыми всегда был окружен в избытке. На этот раз это были два француза — рьяные кальвинисты капитан Пьер л'Адмираль и прапорщик Жак де Грев[72]. Их миссия в исторической литературе ассоциируется только с проездом через Россию к запорожским казакам с неудачным призывом выступить на стороне Густава-Адольфа. Но в действительности они имели и обширные поручения от Русселя в Москву. Обращает на себя внимание в документах этого столбца то, что вся миссия выступает как дело, наперед согласованное и обсужденное в Москве. Сопроводительная верительная грамота к царю и патриарху, которой Руссель снабдил л'Адмираля и де Грева, рекомендует их как лиц, посылаемых «согласно изволению вашего ц. в., согласно моему слову и со-

---

[69] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 73—74, 125—129.

[70] Дорогобужским властям было заявлено, что принять посланника нельзя «и добра от него никакого чаять нечего, кроме смуты и неправды, так же как и от того, который назывался цесаревым послом, и добра от него потому ж чаять нечего, — от их сенаторей [сенаторов] многие неправды и лукавства (ЦГАДА, Дела польские, 1632 г., стб. 2, л. 17).

[71] О деятельности Русселя в Польше см.: *Wejle C.* Op. cit., s. 18—34; *Cichocki M.* Medjacia Francji w rozejmie Altmarskim. Kraków, 1928, p. 148—164; *Szlangowski A.* Układy Królewicza Władisława i dyssidentóow z Gustawem Adolfem w r. 1632. — «Kwartalnik Historyczny», 1899, t. IV, p. 685—700; *Жукович П. Н.* Указ. соч., т. VI, с. 142—156.

[72] См. выше, с. 261.

гласно утвержденному желанию моему... стоять за благо и распространение царства вашего». И в то же время их миссия — лишнее подтверждение того, что Густав-Адольф «имеет единое сердце с вами, великими государями, обо всех иезуитских и польских делах» [73]. Обращает на себя внимание также и то, что Руссель (не только в данном случае, а и во всей переписке с Москвой после первого приезда) постоянно пользуется условными выражениями, бесспорно согласованными как в Москве, так и с Густавом-Адольфом, для обозначения и разграничения двух разных, хотя и взаимосвязанных задач русско-шведского союза: «вышнее дело» и «ближнее дело». На расшифровке и анализе кода «вышнее дело» мы остановимся ниже; что касается менее законспирированного «ближнего дела», то и контекст, и прямые комментарии не оставляют сомнения, что этот код означал «воинское соединение против общего недруга — польского короля» [74].

Руссель утверждает в своей инструкции, данной л'Адмиралю и де Греву, что только военные успехи Густава-Адольфа в Германии сорвали планы совместного вторжения императора Фердинанда II и польского короля Сигизмунда III в Московское государство одновременно через Псков и Смоленск. Чтобы конкретно показать, какие ужасы ждали бы при этом население Московского государства, «в тысячу раз злейшие, чем от татар», Руссель ярко описывает картину разграбления и разрушения имперскими войсками города Магдебурга (который стоял «за земную повольность, и за веру евангелистическую, и за государя моего короля»). Враги уже «в ваше царство вошли бы, коли бы не помешало им одоленье [победы], что бог подаровал государю моему королю». «Многие чудные победы» Густава-Адольфа «над общими недругами» «опрокинули и разорили» умысел императора и польского короля против Московского государства. «Потому ваше величество узнает, что государь мой король со своим войском — передняя ваша стена, и что он бьется с тем же войском как передовой полк за Русское царство». А следовательно, узнав, какие «великие силы» у шведского короля, по его победам, царь и патриарх помолятся за успех его оружия, постараются ему помогать и еще сильнее «учнут вожделети того договора про тайное и ближнее соединение, об котором я говаривал с вашими величествами». Важно быть готовым одолеть врага в первом же столкновении. Царь должен быть настороже всякий час и не дать захватить себя врасплох [75].

---

[73] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, лл. 35—36.

[74] В июне 1631 г. Руссель пишет о «тайном договоре», о «приятельном соединении» (дружеском союзе) русского царя и шведского короля и о войне, которую они «ссылаючися» [согласованно] будут вести «против польских иезуитов», как о предпосылке «для основания вышнего дела» (Там же, л. 16).

[75] Там же, лл. 3—6.

Та же немецко-польская армия, предназначенная для нападения на Московское государство, должна была, — утверждает Руссель, — послужить и для внутриполитических целей Сигизмунда III: пребывая в Польше, эта армия должна была помочь ему принудить сейм к избранию при его жизни королевича Казимира его преемником. Но и этот план сорван как победами Густава-Адольфа, так и теми, «которые на доброй стороне» (в их числе названы Лев Сапега и Криштоф Радзивилл); Сигизмунду III и иезуитам было прямо заявлено, что, если он будет впредь о таких вещах говорить, то до того, как он успеет осуществить свой план, в Речь Посполитую будет призван и избран королем шведский король Густав-Адольф, что заставило Сигизмунда III отступить и дать письменное обязательство не ставить больше вопроса о наследнике или короновании нового короля при своей жизни. Таким образом, продолжает Руссель, все идет пока «ко благу и по желанию тех, которые на добрую сторону тянут». Руссель высмеивает претензии Казимира и Владислава на польскую корону, ибо им «дела до ней нет»: как «приговорено» (как согласовано в бытность его в Москве), корона эта должна достаться Густаву-Адольфу. Сообщая, с одной стороны, о военной слабости поляков и о нарушениях ими польско-шведского перемирия путем посылки в Германию против шведов казачьих полков, Руссель, с другой стороны, подробно информирует Московское государство о поездке своего тайного агента в Варшаву на сейм, о сношениях со своими сторонниками в Речи Посполитой, о рассылке магнатам и распространении на сейме своих печатных и рукописных «грамоток» и «листов» в пользу кандидатуры Густава-Адольфа и в целях разжигания борьбы между католиками и протестантами[76].

Посвящая, таким образом, московское правительство полностью в свою деятельность в качестве посла Густава-Адольфа к полякам, Руссель просит царя и патриарха с теми же посланцами, л'Адмиралем и де Гревом, прислать ему письменный ответ, «объявить изволение [решение] свое о наборе войска, а то войско соберут в Силезскую землю — по придуме [проекту], что я подал, а перевел старый Иван, переводчик верен и добр, чтоб я

---

[76] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, лл. 9—13. Не совсем ясный конец этой «статьи» оставляет впечатление, что в свой прошлый приезд в Москву Руссель обязался связать русское правительство с польско-литовскими диссидентами и теперь оправдывается, что не выполнил этой миссии. Любопытно, что в то же время тайный осведомитель патриарха Филарета Никитича о польских делах «Печерского монастыря черный поп Анатолий Мужиловский», предупреждая о военных приготовлениях Речи Посполитой против Московского государства, предлагает также свое посредничество для привлечения на сторону московского царя «Криштофора Радзивилла, гетмана княжества Литовского, от которого бы и тайные думы могли объявиться» (Там же, лл. 77—82). Очевидно, взаимный зондаж возможности сближения со стороны Московского государства и польско-литовских диссидентов имел место, но он не дал заметных политических результатов.

в том деле вам, великим государям, служил, когда поеду к государю моему королю». Руссель объясняет, что в то время кн. И. Б. Черкасский не дал ему ответа, ссылаясь на то, что еще не было никаких вестей от Лесли, Племянникова и Аристова, посланных к Густаву-Адольфу («и не ведаючи про них, нельзя было договориться про такое великое дело»); теперь же, наверное, «полные вести» от них имеются, поэтому пусть государи соизволят написать свое решение по этому проекту [77], а также о заключении с Густавом-Адольфом тайного договора о дружбе и о согласованных военных действиях против «польских иезуитов». «И скоро можно совершить [то великое дело] по той причине, что государь мой король ныне держит под своею волею [контролем] проезд через Силезскую землю». Руссель просит поручить ему «то дело исполнить и совершить» и заверяет, что Густав-Адольф готов удовлетворить любые просьбы, с которыми обратились бы к нему царь и патриарх [78].

В таком контексте и миссия л'Адмираля и де Грева к запорожским казакам выступает как одно из звеньев польской политики Густава-Адольфа. Содействие русского правительства этой миссии было проявлением его лояльности по отношению к шведскому королю. Руссель весьма многозначительно характеризует важность установления прямой связи Густава-Адольфа с запорожцами и уверяет, что Россия и Швеция вместе крепче их обяжут, чем могла бы одна Россия: «два пояса вместе крепче одного вяжут»; казаками легче будет управлять после того, «как они обещаются (дадут обещание) обоим маестатам [величествам]» [79]. Инструкция Русселя л'Адмиралю и де Греву и текст письма от имени Густава-Адольфа к казакам пропагандируют шведского короля как защитника «греческой веры» и казацких вольностей от польских притеснений; секретные статьи ставят вопросы о поддержке казаками «избранья его маестата [Густава-Адольфа] на польское королевство и об их «поспешеньи в цесарскую землю [Германию] для его маестата» за хорошее жалованье [80]. Легко понять, что русскому правительству, давно уже ведшему тайные переговоры с казаками и знавшему о письмах, направленных казакам патриархами иерусалимским и константинопольским, «чтоб монарху московскому поклонилися», нелегко было передать инициативу шведскому королю. Тем не менее оно снабдило еще и от себя л'Адмираля и де Грева грамотой к казакам и приложило много стараний для обеспечения успеха их миссии и для преду-

---

[77] Как мы знаем, проект был официально принят русским правительством только 16 января 1632 г.

[78] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, лл. 15—17.

[79] Там же, лл. 7—8.

[80] Там же, лл. 20—32. Посланцы Русселя в Москве должны были бить челом царю и патриарху, чтобы они «как-нибудь киевского архимандрита Петра Могилу к себе закупили для помощи государя моего избрания королевского [на королевский польский престол]» (Там же, л. 14).

преждения возможных осложнений в связи с происшедшим только что переизбранием гетмана, сменой курса руководящих кругов православной церкви на Украине, уступками польского правительства казацкой старшине. Не вина русского правительства, что бравые французы, покинув в Киеве приставленного к ним надежного провожатого Григория Гладкого (тайное связное лицо между Москвой и промосковскими деятелями Украины), имевшего инструкции («от тех бы казаков, которые королю [польскому] служат, однолично [обязательно] их послов уберечь, чтоб над ними какого дурна не учинили», — к этим казакам не ездить), отправились с одним лишь переводчиком прямо в Канев к новому гетману войска Запорожского Кулаге и были им выданы польскому правительству [81].

Так или иначе, посольство л'Адмираля и де Грева в Москву было ясным олицетворением единства шведской и русской политики в отношении Речи Посполитой [82]. Ровно через месяц,

[81] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, лл. 35 и сл. Совершенно ошибочно распространенное среди шведских историков мнение, будто вся затея с миссией л'Адмираля и де Грева к запорожским казакам была неосновательной и свидетельствует о легкомыслии Русселя. Напротив, почва подготавливалась долго и основательно, но ситуация изменилась к худшему совсем незадолго, о чем Руссель не мог знать и о чем даже в Москве не отдавали еще себе полного отчета. Однако даже и при этой неблагоприятной ситуации на казацкой «раде» разыгралась острая борьба, когда были зачитаны «листы» шведского короля и московского царя: по показанию одного очевидца, «мелкие-де люди черкасы [запорожцы] говорили все, что им служить тебе, государю, а и здесь-де им, черкасам, и христианской вере от поляков утеснение; а лучшие люди черкасы, которые пристали к полякам, их уговорили, и те листы и немцев послали к гетману Конецпольскому» (Акты Московского государства, т. I. СПб., 1870, № 328). Движение широких масс запорожских казаков в 1629—1630 гг., поддержанное и остальным украинским крестьянством, за присоединение к России было прологом национально-освободительной войны 1648—1654 гг., и желание связаться с этой нараставшей общественно-исторической силой свидетельствует лишь о прозорливости и реализме таких политиков, как Жак Руссель или константинопольский патриарх Кирилл Лукарис (об общеевропейском значении национально-освободительной борьбы украинского народа см.: *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 261—276).

[82] Кроме перечисленных вопросов, Руссель передал с теми же посланцами: 1) сведения о посылке своего человека («инженера») в Полоцк и Смоленск под предлогом розыска шведских пленных (ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 9, л. 13); 2) сведения о внешней политике Дании (см. выше); 3) сообщение о том, что по приказу и желанию кн. И. Б. Черкасского он нанял чертежников, спешно изготовляющих «большой землемерный лист [карту] вашего царства и всех окрестных соседей», включая особенно хорошо промеренное Польское королевство, каковая карта может быть готова через четыре месяца (Там же, л. 17); 4) просьбу прислать разных диковинных животных для подарков тем знатным полякам, которых нельзя просто подкупить деньгами из шведской казны (Там же, л. 19); 5) разоблачения о принимаемых иезуитами мерах для освобождения Шарля Талейрана из русского плена и просьбу прислать бумаги, отнятые у него Талейраном (Там же, лл. 18—19); 6) предложение прислать двух переводчиков с латинского (Там же, лл. 17—18).

22 июля 1631 г., Руссель отправил уже нового посланца в Москву — «верного секретаря» Христиана Вассермана[83]. Последний только что вернулся из Речи Посполитой, где вел переговоры с магнатами. Он должен был подробно доложить в Москве о позиции Льва Сапеги, Радзивилла, Гонсевского, об их взаимоотношениях и борьбе в связи с приближающейся смертью Сигизмунда III. Из инструкции, данной Русселем Вассерману, и из записи беседы Вассермана с кн. Черкасским опять-таки ясно, что направление деятельности Русселя в польско-литовских делах было в известной мере уже наперед согласовано в Москве: люди Русселя, докладывал, например, Вассерман, живут один у Сапеги, другой у Гонсевского для того дела, о котором Руссель втайне говорил с кн. И. Б. Черкасским[84]. Наряду с обильной информацией о политических событиях в Речи Посполитой, приготовлениях к войне с Московским государством, состоянии военных сил и политических настроениях, Вассерман должен был передать снова аргументы (со ссылкой на Густава-Адольфа) в пользу того, чтобы московские государи постарались «закупить себе казаков запорожских и наводить [побуждать] их вооружаться» против польского короля, ибо в таком случае «вся сила нашего недруга ляжет на тот полк», т. е. будет отвлечена на борьбу с казаками (как действительно и было в 1648—1653 гг.).

Пробыв в Москве полтора месяца (с 9 августа до 22 сентября 1631 г.), Христиан Вассерман вернулся в Ригу к Русселю. Последнему была И. Б. Черкасским направлена благодарность за его деятельность и за сообщенные вести: царь и патриарх хвалят его, «и впредь бы ты об их государских делах радел и промышлял [бы о том], о чем ты говорил наперед сего со мною втайне»[85]. А уже 7 октября 1631 г. Руссель снова отправил Вассермана в Москву с письмом. Он сообщает о победах Густава-Адольфа «против общего недруга», очень красноречиво восхваляя его военный гений, и возвращается к проекту нападения на Речь Посполитую из Си-

---

Тот же столбец содержит обильную информацию о политических событиях в Речи Посполитой и ее военных приготовлениях, доставленную преимущественно Григорием Гладким по возвращении в Москву в октябре 1631 г. Что касается перечисленных пунктов, то кн. Черкасский отвечал в письме к Русселю от 13 сентября, что пропуск л'Адмиралю и де Греву к запорожцам дан, пункт 4-й выполнен быть не может, пункт 5-й выполнен, пункт 6-й признан желательным (Там же, стб. 10, лл. 13—14).

[83] Христиан Вассерман был гофъюнкером Густава-Адольфа (*Wejle C.* Op. cit., s. 34), одним из тех шведских придворных должностных лиц (как и Лазарь Мавиус), которые были предоставлены Густавом-Адольфом в распоряжение Русселя, а позже, в 1633 г., вернулись на прежнюю государственную службу.

[84] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб., 10, л. 7.

[85] Там же, л. 14. Тут же сообщается, что письмо, которое Руссель просил изъять из бумаг Талейрана, согласно данному им описанию среди бумаг Талейрана сыскано и отсылается к нему с Вассерманом (Там же, л. 13).

лезии и заключения царем «договора про приятельное соединение [о дружественном союзе] с государем моим с королем»[86]. Вассерман выехал из Москвы с царским письмом и богатым пожалованием к Русселю 9 декабря 1631 г.[87]

Дальше в материалах Посольского приказа о сношениях с Русселем какой-то перерыв. Следующий столбец уже говорит нам об отъезде самого Русселя из Москвы 20 июня 1632 г. (дата его приезда в Москву неизвестна). Из шведских источников известно, что в конце 1631 г. началась ожесточенная борьба Русселя с Акселем Оксеншерной и Иоганном Шютте. Поводом для атаки с их стороны послужила неудача миссии л'Адмираля и де Грева к запорожским казакам. Чтобы уладить дипломатический конфликт и одновременно дискредитировать королевского доверенного и его политику, канцлер, а затем и Государственный совет официально объявили, что Руссель превысил данные ему королем полномочия[88]. В ответ Руссель пошел на смелый шаг открытой борьбы, он решил предать все дело гласности и посрамить своих противников: в январе 1632 г. он напечатал в Риге на латинском, немецком и польском языках текст верительных грамот и полномочий, полученных им от Густава-Адольфа, а также текст своих обращений от имени Густава-Адольфа к польско-литовским магнатам и к запорожским казакам. Однако это не помогло: его обвинили в том, что он опустил в верительных грамотах оговорки, ограничивавшие его полномочия[89]. Но Руссель не остановился: с этими печатными материалами он послал в Варшаву к дворянству своего уполномоченного Лазаря Мавиуса. Эта миссия была настоящей бомбой, вызвавшей огромный резонанс как в Речи Посполитой, так и за рубежом. Мавиус в Варшаве сначала был арестован, затем по совету самого короля Сигизмунда допущен на дворянское собрание, очевидно, специально подобранное, которое устроило верноподданническую демонстрацию в защиту Сигизмунда III и конституции Речи Посполитой и грозило повешением Мавиусу, который спасся только в доме коронного маршала. Если бы задача Русселя состояла в том, чтобы обеспечить мирное избрание Густава-Адольфа на польский престол, он этим испортил бы все дело; но его задача состояла (как мы помним) в том, чтобы афи-

---

[86] ЦГАДА, Дела шведские, 1631 г., стб. 10, лл. 23—31, 47—53. Вассерман привез подробные сведения о положении в Смоленске, о политической борьбе в Речи Посполитой, доставил различные «печатные вестовые листы» (листовки, газеты), письмо Льва Сапеги к Русселю и другие материалы, характеризующие подготовку к войне с Московским государством и внутреннюю обстановку в Речи Посполитой.

[87] Там же, лл. 63—66.

[88] *Wejle C.* Op. cit., S. 26; *Norrman D.* Op. cit., s. 106.

[89] В письме Государственному совету год спустя, 23 марта 1633 г., Оксеншерна порицает Шютте за то, что тот не воспрепятствовал печатанию писем Русселя и не разгадал его поведения, но извиняет его тем, что он думал, будто Руссель имеет секретные предписания от короля (*Wejle S.* Op. cit., s. 25).

шированием надежд Густава-Адольфа на избрание содействовать скорейшему вступлению Московского государства в войну с Речью Посполитой, и поэтому он решительно ничего не испортил[90]. Но ему не удалось даже такими чрезвычайными средствами защититься от Акселя Оксеншерны. Напротив, канцлер принял меры, чтобы окончательно его дискредитировать и устранить.

К сожалению, мы ничего не знаем о сношениях Русселя с Густавом-Адольфом после их первой встречи в ноябре 1630 г.[91] Учитывая, как много гонцов отправлял Руссель в Россию и в Польшу, мы не можем сомневаться, что он находил верных людей для отправки и в Германию, в штаб-квартиру Густава-Адольфа. В его письмах в Москву проскальзывают отзвуки его сношений с Густавом-Адольфом. С полной уверенностью следует предполагать, что такой энергичный человек, безусловно, находил средства и возможности для поддержания той или иной связи с королем. Но в бумагах Густава-Адольфа не сохранилось ни одного его письма или чернового ответа ему. Либо сам Густав-Адольф уничтожил всю эту переписку, либо после его смерти кто-то изъял ее из его бумаг.

Мы знаем лишь, что внутригерманские дела только по видимости поглотили Густава-Адольфа с головой. Но с наступлением весны 1632 г. его, хотя и в разгар борьбы с Валленштейном, снова стали одолевать прежние восточные заботы. За внутригерманскими перипетиями вновь выступили контуры большой мировой политики. Решение польской проблемы уже нельзя было откладывать, тем более что в феврале 1632 г. был заключен официальный оборонительный и наступательный союз против Густава-Адольфа между императором и испанским королем, открытый для присоединения также и польского короля. Специальные посольства старались вовлечь Сигизмунда III в этот союз, и вся Европа ждала их результатов[92]. Не вступая формально в союз, Речь Посполитая уже возобновила разрешение габсбургским державам вербовать на своей территории войска; Валленштейн вел переговоры с королевичем Владиславом, воевода Любомирский дал обязательство выступить со своим войском в союзе с Валленштейном либо против Дьёрдя Ракоци[93], либо против Густава-Адольфа[94]. Шютте еще в январе 1632 г. доносил Густаву-Адольфу и Государственному совету о нараставшей угрозе нарушения Речью Пос-

---

[90] По словам Д. Норрмана, письменная инструкция Густава-Адольфа предписывала Русселю заниматься вопросами польского престолонаследия, а устная — разжигать русско-польские противоречия, вызвать войну между Московским государством и Речью Посполитой (в соответствии с задачей Мониера) (*Norrman D.* Op. cit., s. 37—38).

[91] См. выше, с. 246.

[92] Theatrum Europaeum, t. II. Francfurt a/M., 1679, p. 576; Le soldat suedois..., p. 430—433, 589—590.

[93] Князь Трансильвании, преемник умершего в 1629 г. Бетлена Габора.

[94] *Norrman D.* Op. cit., s. 106.

политой перемирия со Швецией[95]. В апреле 1632 г. умер Сигизмунд III, и польский трон стал вакантным. Московское государство все не начинало войну с Речью Посполитой, а устрашающее воздействие на нее московского салюта могло в конце концов иссякнуть.

Еще в марте 1632 г. Густав-Адольф писал канцлеру Оксеншерне, что он по-прежнему вовсе не стремится к польской короне, но должен думать о ней из-за политических обстоятельств[96]. Несколько раньше он как будто даже впервые попытался изменить свой курс. Под совершенно пустяковым предлогом он решает вдруг двинуться с частью войск назад, в Северо-Восточную Германию, на соединение с Банером. Уже в пути он переменил решение, по-видимому, под давлением канцлера Оксеншерны, который затем экстренно прибыл к нему во Франкфурт-на-Майне. Между королем и канцлером происходили долгие секретные совещания[97]. По аналогии с подобными же секретными беседами, повторившимися несколько месяцев спустя и лучше известными, мы можем предполагать, что канцлер настаивал на дальнейшем наступлении в Германии и отказе от возвращения к польским рубежам. На этот раз король подчинился. Кто знает, сколько раз упоминалось имя Русселя и дело о неудачном посольстве к запорожцам во время этих бесед. Но окончательный удар Русселю Оксеншерна нанес лишь в апреле 1632 г. Неизвестно, послужил ли достаточным основанием для требования отставки Русселя эпизод с Лазарем Мавиусом в Варшаве или королю были представлены ложные обвинительные материалы против Русселя. Второе вероятнее[98].

---

[95] *Norrman D.* Op. cit., s. 106.

[96] Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling, II, 1, s. 738.

[97] Le soldat suédois..., p. 325.

[98] В 1634 г. голландец Исаак Масса представил русскому правительству донос на Русселя. Анализ текста показывает, что биографические факты Масса в значительной мере почерпнул из бесед с самим Русселем, украсив их лишь злобными комментариями. Отставка Русселя объясняется здесь тем, что «королю некоторые грамоты в руки достались, которые Яков Руссель иными людьми [через третьих лиц] писал к цесареву воеводе Валленштейну, такоже и к цесарю тайно» (ЦГАДА, Дела голландские, 1634 г., стб. 1, л. 13). По-видимому, Руссель рассказывал об этом в 1634 г., как об извете, приведшем к его отставке. Показательно, что совершенно аналогичными обвинениями шведское правительство старалось в дальнейшем очернить Русселя перед Москвой: Руссель — тайный католик (иезуит), он выдал полякам русско-шведские переговоры и т. д. Однако, как бы ни оценивать фигуру Русселя в целом, его страстная ненависть к католицизму, подтвержденная делами всей жизни, не подлежит сомнению. Исаак Масса, как известно, находился на секретной службе у шведского правительства, от которого, может быть, и прямо получил цитированную информацию; донос написан после отъезда Массы из России, со «шведского рубежа» 3 апреля, возможно, при встрече с Христианом Вассерманом, отправленным в Россию с заданием во что бы то ни стало оговорить Русселя. Из протоколов шведского Государственного совета видно, что все усилия собрать доказательства связей Русселя с католиками и иезуитами, все ухищрения тайного сыска дали более чем сомнительный материал (Svensk riksrådets

Во всяком случае, 6 мая 1632 г. во Фрейзингене, в Баварии, Густав-Адольф принужден был подписать послание на имя Иоганна Шютте, предписывающее отстранить Жака Русселя от дел, однако обращаться с ним дружески[99]. Последняя оговорка свидетельствует, что Густав-Адольф лишь уступил давлению, не веря в виновность Русселя, а может быть, рассчитывал неофициально и дальше пользоваться его услугами.

Руссель еще не знал об отставке, когда выехал из Риги в Москву (очевидно, в мае). Но он, несомненно, чувствовал приближение кризиса в своей борьбе с канцлером и поехал в Москву за оружием для этой борьбы. Хотя Руссель прибыл в Москву частным образом («не посольским обычаем»), он получил при отъезде 20 июня 1632 г. официальную царскую грамоту для вручения Густаву-Адольфу. Это — дипломатическая нота в поддержку Русселя и его деятельности. Она начинается с того, что прибыл к нам, царю и патриарху, «вашего королевского величества посол Яков Руссель», т. е. с безоговорочного признания его правомочности. Далее его работе дается высокая оценка: «И служит нам, обоим государям, с великим сердечным радением безо всякой хитрости и хочет и ищет меж нас всякого добра и ближнего соединения и укрепления, и на общего нашего недруга, на польского Сигизмунда короля, умышляет всякое зло, и нашим, царского в-ва, и вашим, королевского в-ва, общим делом в Польше промышляет, которое дело годно [выгодно] нам, великому г-рю нашему ц. в-ву, и вашему к. в-ву». Далее русское правительство бросает на чашу весов в пользу Русселя не только свое формальное согласие на занятие Густавом-Адольфом польского престола, но и свое дипломатическое влияние на другие государства в этом же направлении: сообщается, что во имя дружбы и тесного союза со шведским королем отправлены посольства к турецкому султану Мураду IV и крымскому хану Джанбек-Гирею настаивать, «чтобы они того ж похотели и писали бы в Польшу, чтоб вам, другу нашему, вашему к. в-ву, на польском королевстве, а иного бы на польское королевство, кроме вашего к. в-ва, из королевичей и иного никого не выбирали». Наконец, передается важнейшее для Густава-Адольфа обязательство: «А у нас война на польского короля готова на нынешний 1632 г. [в черновике зачеркнуто: летом]».

Следуют изъявления дружбы и любви, пожелания счастливого царствования и побед над врагами, надежды «быти в крепкой дружбе и в любви, и в добром приятельстве, и в ближнем соединении навек неподвижно [нерушимо], и над общим бы нашим

---

protokoll, d. IV, s. 50, 56, 87 и сл., 224). Сам Государственный совет в конце концов надеялся, что именно Исаак Масса по прибытии «откроет нам секрет Русселя» (Ibid., s. 100, 23. IV 1634).

[99] *Wejle C.* Op. cit., s. 33. Мнение (*Paul J.* Op. cit., s. 44), будто Густав-Адольф 6 мая предписал «задержать» Русселя, опровергается этой формулой о дружеском обращении.

недругом, над польским королем, промышлять заодно [бороться вместе]». В конце этого важного внешнеполитического документа русское правительство снова неразрывно связывает имя Русселя со шведско-русским союзом, с согласованным проектом совместного наступления на Речь Посполитую. Из контекста следует, что отстранение Русселя рассматривалось бы как отказ шведского короля от прежнего курса. «А посла вашего Якова Русселя, за его службу и за раденье пожаловав нашим государским жалованьем, отпустили к вашему к. в-ву, и вашему бы к. в-ву и впредь об общих государевых делах радети и промышляти, так же как радел и промышлял преж сего»[100].

Руссель предполагал из Риги ехать в Стокгольм и, очевидно, предъявить Государственному совету этот веский документ. Но в Риге он, по-видимому, получил сведения, показавшие ему, что даже царская грамота не защитит его и не даст сломить силу канцлера в совете. Во всяком случае, отплыв со своими приближенными на корабле из Риги в Стокгольм 1 июля, он обманул бдительность лифляндских властей, изменил курс и сошел в Любеке. Любек и стал его новой резиденцией[101]. Отсюда он не решился сразу ехать к Густаву-Адольфу, но его курьер мог пересечь Германию в короткий срок. У нас есть некоторое основание предполагать, что таким курьером явился Лазарь Мавиус; он находился прежде на шведской государственной службе, может быть, даже в свите короля («королевский слуга») и при Русселе состоял временно[102]. Он, возможно, мог увидеть лично короля, прискакав в лагерь под Нюрнбергом в первых числах июля.

Как мы помним, первый порыв Густава-Адольфа вернуться на северо-восток был остановлен. Ответа русского правительства на письменные предложения, которые он послал еще в конце августа 1631 г., он не имел до мая 1632 г. Он, конечно, не мог знать, что его послание шло в Москву более трех месяцев, что ответ Михаила Федоровича от 19 января 1632 г. таинственно застрял на обратном пути к нему[103]. Возможно, что 16 апреля он направил Мёллеру коммерческий проект[104] не без умысла прове-

---

[100] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 4, лл. 1—5.

[101] По имеющимся сведениям, в архиве города Любека хранилось особое дело о пребывании и деятельности там Жака Русселя. Этим делом как будто не воспользовался еще ни один исследователь.

[102] Svensk riksrådets protokoll, d. IV, s. 100. Позже Мавиус вернулся на шведскую государственную службу.

[103] Одной из причин, заставивших Густава-Адольфа избрать Иоганна Мёллера шведским резидентом в Москве, было обещание последнего организовать так пересылку депеш между королем и Москвой, чтобы она занимала не более месяца. Практически это было вполне возможно, но не выполнялось по вине посредничавших инстанций. Гонцы Русселя (и сам он) проезжали из Риги в Москву за десять дней и даже иногда еще быстрее; связь Риги с Германией морем требовала совсем мало времени; шведская курьерская связь на территории Германии была налажена хорошо.

[104] См. выше, с. 291, сноска 41.

рить состояние коммуникаций, напомнить этим безобидным (в глазах канцлера) посланием, что он ожидает ответа на свои важные военные предложения.

Послание царя от 19 января было задержано канцлером на несколько месяцев и доставлено Густаву-Адольфу в Аугсбург только около 20 мая[105]. Густав-Адольф, ничего так не желавший, по его собственным словам, как получить это письмо царя раньше, 23 мая написал ответ.

Этот ответ должен был стать решающим документом в развитии шведско-русского союза, закрепляя достигнутую прежде договоренность. Однако Густав-Адольф принужден был учитывать и активную оппозицию канцлера своим проектам. Документ получился с недомолвками, урезанный, крайне осторожный, но все же продолжающий и закрепляющий курс. Текст этого письма Густав-Адольф того же, 23 мая 1632 г. послал в Майнц канцлеру Акселю Оксеншерне с просьбой, если нужно, поправить его с формальной стороны или отправить в Россию[106]. Конечно, дело шло не столько о формальной стороне, сколько о выяснении реакции канцлера на крепнущую решимость короля начинать совместно с Россией войну против Речи Посполитой, использовав как предлог выдвижение своей кандидатуры на польско-литовский престол. Канцлер Оксеншерна прибег к прежней тактике: он молчал. Густав-Адольф так и не получил ни ответа на это письмо канцлеру, ни его поправок на проект послания к царю Михаилу Федоровичу[107]. Прождав месяц, Густав-Адольф на этот раз поступил решительно — 25 июня 1632 г. подписал и отправил послание Михаилу Федоровичу без санкции канцлера, возможно, через русского гонца Менина[108]. Его нетерпение объясняется наступлением летнего сезона, на который Московское государство обещало начало войны, и приближением королевских выборов в Речи Посполитой.

Почти одновременно, 21 и 25 июня 1632 г., в лагере под Нюрнбергом Густав-Адольф подписал два важных документа: инструкцию послам, которых он направил в Речь Посполитую на избирательный сейм, и это послание в Москву царю Михаилу Федоровичу.

20 июня Густав-Адольф написал губернатору Лифляндии Иоганну Шютте, что тот должен деньгами и другими мерами поддержать борьбу польско-литовских диссидентов во главе с Радзивиллом за кандидатуру Густава-Адольфа на польский престол. Особенно важно, что Шютте предписывалось подготовлять и военную поддержку этой борьбы с помощью шведских войск, нахо-

---

[105] *Norrman D.* Op. cit., s. 128—129.
[106] Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling, II, 1, s. 802.
[107] *Norrman D.* Op. cit., s. 129.
[108] Одновременно, 26 июня 1632 г., Густав-Адольф отправил письмо Мёллеру, очевидно, с тем же гонцом.

дившихся в Пруссии[109]. В инструкции послам Стену Бьелке и Иоганну Никодеми (к ним присоединился рижский бургомистр Ульрих, служивший посредником между Густавом-Адольфом и Радзивиллом) Густав-Адольф предлагал открыто грозить полякам войной, если они добровольно не изберут его своим королем. Среди аргументов в пользу этого избрания послы должны были указать на военную силу Густава-Адольфа, на его влияние на московского царя, достаточно большое, чтобы побудить того отказаться от подготовляемой войны с Речью Посполитой. «Из двух зол — бремя польской короны на его [Густава-Адольфа] собственной голове или неизбежная война в случае избрания кого-либо из сыновей Сигизмунда — он выбрал первое, как меньшее зло». Правда, формально послы должны были угрожать началом войны со стороны Швеции только по истечении шведско-польского перемирия, т. е. через три года, но одновременно они должны были недвусмысленно указать на близкое вторжение в Польшу русских, татар и турок. Разумеется, Густав-Адольф не мог рассчитывать на избрание, он знал о больших шансах Владислава (сына Сигизмунда III), но послам предписывалось по возможности так обострить борьбу, чтобы сорвать выборы и оставить Речь Посполитую в состоянии наибольшего внутреннего беспорядка[110].

Через четыре дня после этой инструкции Густав-Адольф подписывает послание в Москву, которое полностью раскрывает его намерения[111].

Собственно, это не одно послание, а два — к основному посланию приложено письмо Густава-Адольфа к патриарху Филарету Никитичу (датированное тоже 25 июня 1632 г., Нюрнберг). Оно является ответом на письмо Филарета Никитича к Густаву-Адольфу от 3 марта 1632 г. Здесь Густав-Адольф благодарит патриарха за его радость по поводу того, «что всемогущий бог даровал нашему к. в. на наших общих недругов великое одоленье», за пожелание новых побед, и сам выражает пожелание процветания и силы «великому Российскому царству — нашим общим недругам папежанам [католикам] к помехе» и дальнейшего укрепления русско-шведской дружбы — «нашим общим недругам к устрашению и к погибели». Как видим, это — тон тесного союза.

О собственно военной стороне этого союза, «о войне, что его ц. в. хочет в немецкой земле завесть», Густав-Адольф пишет в основной грамоте на имя царя[112]. Она начинается с объяснения,

---

109 *Wejle C.* Op. cit., s. 41.

110 Ibid., s. 42—55: ср. *Norrman D.* Op. cit., kap. IV — «Det polska konungvalet 1632», c. 153—299.

111 Оно опубликовано в собрании шведских договоров с иностранными державами — Sveriges traktater med främmande makter, utg. af O. S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm. 1903, 1, s. 783 ff. В «шведских делах» Посольского приказа в Москве имеются два варианта перевода этого послания. Ниже оно цитируется по этим переводам.

112 ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 5, лл. 13—21.

что Густав-Адольф только на днях получил грамоту Михаила Федоровича от 19 января, с сетований на дальность расстояния, зимнюю пору и другие помехи и задержки, с уверений, что если бы он получил послание царя раньше, то уже раньше посодействовал бы и советом и делом проведению в жизнь замыслов царя. Далее Густав-Адольф снова горячо приветствует намерение царя нанять в Германии войска и подчеркивает, что «недругам вашего ц. в., полякам, великий урон и ущерб будет от того, если ваше ц. в. войско со здешней стороны в цесарской [германской] земле поставит и тем войском в Верхнюю Польшу пойдет». Но если прежде Густав-Адольф намекал, что он готов найти повод для нарушения со своей стороны шведско-польского перемирия, то теперь он более осторожен, делая несомненную уступку позиции Оксеншерны: до истечения срока перемирия он не может способствовать осуществлению плана своим войском; однако, рассуждает он, раз поляки в нарушение перемирия разрешили врагам Густава-Адольфа, Католической лиге, нанимать у себя солдат, значит и он «за это» может разрешить царю нанимать на поляков войско в занятых им государствах. Но для соблюдения полной тайны и полного успеха предприятия Густав-Адольф предлагает такой способ действий: должностные лица, которых царь пришлет в Германию, пусть до поры до времени не называются царскими великими послами, пусть действуют от имени шведского короля и совместно с его командирами нанимают и собирают войско как бы для службы Густаву-Адольфу; когда же все будет закончено, Густав-Адольф прикажет этому войску подчиняться и служить московскому царю — оно выступит от имени последнего, и весь план осуществится именем, по воле и в интересах московского царя. Соучастие Швеции выразится не только в разрешении нанимать и формировать это войско — Густав-Адольф готов сделать все и «сверх того», что только мыслимо, до истечения перемирия с Польшей, в частности его генералы с царскими уполномоченными «совет и думу будут держать и способствовать им так, что ваше царское умышление полным успехом и начнется и окончится». Густав-Адольф не пишет здесь прямо о том, что он лично будет направлять это предприятие (как он обещал ранее), но такое намерение ясно сквозит во всем тоне послания — оно как бы дает личную гарантию Густава-Адольфа Москве в успехе замысла.

Практически Густав-Адольф просит как можно скорее снарядить два посольства. Одно должно быть направлено в Штеттин (где он принимал русских послов в 1631 г. и куда, возможно, собирался вернуться) для найма и снаряжения указанной армии. Стратегический план Густава-Адольфа несколько изменился: если раньше он считал, что удар по Верхней Польше должен быть нанесен из Силезии, то теперь, по-видимому, в связи с неблагоприятной военно-политической обстановкой в Силезии, оккупированной имперским корпусом Шаффгоча, он указывает в качестве

наиболее удобного плацдарма Померанию и Маркграфство (Бранденбург). Прибыв в Штеттин «с казною», уполномоченные царя смогут там провести совещания со шведскими командирами о найме опытных профессиональных солдат, подборе доброкачественного командного состава, закупке вооружения и плане наступления на Польшу из Померании и Маркграфства. На содержание «нарочитого войска» с пушками, ядрами и порохом без всяких дополнительных расходов потребуется по 100 тыс. ежемесячно, но, разумеется, сразу придется истратить крупные суммы для покупки оружия, шпаг, военного снаряжения и обмундирования, «без чего никакое войско не может быть». Как видим, здесь все указано конкретно и точно, дело идет о реальном военном плане.

Второе посольство Густав-Адольф просит направить к нему для одновременного заключения русско-шведского политического соглашения против Речи Посполитой. Он подчеркивает, что указанное содействие царю неизбежно навлечет на него негодование и месть поляков. Поэтому он просит и надеется, что царь вступит с ним в такой союз, при котором Московское государство обязалось бы не заключать мира с Речью Посполитой без его совета и согласия, без включения в этот мир «нашего к. в. и наших королевских великих земель и государств». Если царю эта мысль будет «люба и добра», пусть он пришлет своих послов «с полным наказом», чтобы «о том союзе укрепление сполна договорити и постановити и совершити» [113].

Сопоставляя эту грамоту с одновременно написанной инструкцией послам в Речь Посполитую, мы видим очертания вполне определенного политического курса Густава-Адольфа в польском вопросе. Это — программа решительных и немедленных действий, хотя и с соблюдением всяческой осторожности. Этих документов, в сущности, вполне достаточно для того, чтобы понять возвращение Густава-Адольфа через четыре месяца в расположенную недалеко от польских границ Саксонию, в те места, откуда он год назад начал свой поход.

Послания Густава-Адольфа прибыли в Москву 20 августа 1632 г.[114] Однако можно предположить, что русское правительство узнало о содержании этих посланий или получило устный ответ Густава-Адольфа уже в начале августа. На это предположение наводит сохранившийся в архиве Посольского приказа обрывок дела о необычайно спешном приезде в это время в Москву курьера от Жака Русселя — того самого Лазаря Мавиуса, которому доверялись лишь самые ответственные поручения и которому уже

---

[113] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 5, лл. 2—12.

[114] На следующий день, 21 августа, видимо в связи с волнением, скончался шведский резидент в Москве Иоганн Мёллер (Там же, стб. 7, л. 3). Его обязанности долгое время выполняла его вдова, Катарина Стопиа — «первая женщина-дипломат в истории Швеции» (*Norrman D.* Op. cit., s. 131.)

доводилось рисковать головой на службе Русселю или, вернее, Густаву-Адольфу через Русселя. Мы не знаем прямо, что сообщил Мавиус в Москве, так как налицо только отрывки ответного письма кн. И. Б. Черкасского Русселю, отправленного с Мавиусом примерно 21 или 22 августа. Но по этим отрывкам видна чрезвычайная важность дела. Если верно наше предположение, что Руссель из Любека (а может быть, еще несколькими днями раньше из Риги) отправил Мавиуса к Густаву-Адольфу, то весь путь до Нюрнберга, назад до Любека и от Любека до Москвы Мавиус проделал за полтора месяца [115]. Он мог доставить Густаву-Адольфу грамоту Михаила Федоровича от 20 июня, врученную Русселю, и получить устные указания Густава-Адольфа, если тот решил и дальше неофициально пользоваться услугами Русселя для сношений с русским правительством. По словам И. Б. Черкасского, Руссель передал через гонца и секретаря своего Мавиуса «статьи гораздо надобные для службы великого государя нашего его ц. в-ва», дела эти царю и патриарху доложены, и теперь «о тех о всех делах им, великим государям, ведомо». Дальше начинается ответ: «И нынешнего 1632 г. в августе 3 день великий государь наш его ц. в. и отец его государев великий государь святейший патриарх послали на общего [116] недруга, на польского королевича Владислава и на Поль...» Ясно, что Руссель сообщил нечто такое, из чего вытекала необходимость или возможность немедленного начала военных действий. Это могли быть либо вести о подготовке спешного избрания Владислава, либо сведения об окончательном согласии Густава-Адольфа на все обсуждавшиеся условия военного союза против Речи Посполитой. В пользу второго говорят другие слова И. Б. Черкасского в письме к Русселю: и ты также наказывал, «чтоб посланного б твоего отпустить с лучшим и борзым [скорым] договором не задержав» [117]. Значит, Мавиус должен был привезти из Москвы проект договора, подлежащего заключению между Московским государством и Швецией одновременно с началом военных действий.

Итак, русская армия выступила из Москвы 3 августа 1632 г. Передним полком командовал Александр Лесли-сын. Началась Смоленская война. Несомненно, что именно получение ответа Густава-Адольфа послужило последним сигналом, которого только и ждали, без которого по крайней мере не начались бы активные военные действия, даже если бы армия и подошла к границе Речи Посполитой; как известно, русская армия, напротив, уже в сентябре—октябре развернула стремительное и в высшей степени успешное наступление [118]. Таким образом, выступление

---

[115] При расчете и сопоставлении дат мы учитываем разницу старого и нового стилей.

[116] Следовательно, текст предназначен для передачи Густаву-Адольфу.

[117] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 7, лл. 1—3.

[118] Еще 30 июля 1632 г. Иоганн Мёллер писал из Москвы на имя Густава-Адольфа, что русские навряд ли начнут войну до конца года. Он по-

было в известной мере выполнением союзнического долга перед Швецией. Вся армия была воодушевлена этим союзом. «Передают, — доносил Шютте Густаву-Адольфу 18 сентября, — что, по словам солдат, их царь после бога больше всего надеется на ваше к. в-во» [119].

Мавиуса не отпускали из Москвы, пока не прибыла подлинная грамота Густава-Адольфа. На другой день по ее получении он был отпущен. Он вез Русселю известие о начале войны и проект договора. Поистине, эти дни были кульминационной точкой жизни и деятельности Русселя [120]. В письме И. Б. Черкасского Русселю передавались благодарность царя и патриарха за его «промысел», их просьба так же стараться и присылать известия и впредь и обещание, что они «и вперед учнут тебя жаловать своим государским жалованьем за твою службу». Но главное, Мавиус должен был лично передать Русселю: «С ним наказано к тебе об их государских делах» [121]. Несомненно, что речь идет о согласовании проекта русско-шведского договора. Уже 13 сентября Руссель, получив в Любеке «грамоту и ответ» из Москвы, посылает туда нового гонца, имя которого, по-видимому, Жан де Вержье [122]. Наряду с рядом важных сообщений, свидетельствующих об осведомленности Русселя в делах Густава-Адольфа, де Вержье привез в Москву текст русско-шведского договора, который и был без всяких изменений включен в наказ «Великому посольству», отправленному к шведскому королю [123].

Это посольство начали готовить в Москве еще в июне 1632 г.[124], очевидно, во время пребывания здесь Русселя. Тогда же, как следует из черновика царской грамоты от 20 июня и из письма Русселя от 13 сентября 1632 г., был принят стратегический план начинать войну в конце лета [125]. Открывая военные действия,

---

лагал, что, даже если русская армия получит приказ о выступлении до середины августа, она поначалу не пойдет дальше, чем до границы (Акты и письма к истории балтийского вопроса, вып. II, № 55, с. 134—135). А через четыре дня армия выступила из Москвы к Можайску; 10 сентября она получила приказ идти дальше к Вязьме и скоро пересекла границу.

119 *Norrman D.* Op. cit., s. 133. Это свидетельство помогает понять реакцию, наступившую в армии, когда стало ясно, что Швеция не выступит.

120 Шведский Государственный совет в 1634 г. винил Русселя в том, будто он «похвалялся, что он один был причиной возникновения польской войны» (Svenska riksrådets protokoll, d. IV, s. 306).

121 ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 7, л. 3.

122 В бумагах Посольского приказа он пишется Жан Девержер, Вержи, Верже.

123 Подробнее о «Великом посольстве» см. гл. VIII.

124 *Norrman D.* Op. cit., s. 127.

125 Как отмечалось, в черновике царской грамоты было зачеркнуто слово «летом». Руссель же напоминает о решении, «чтоб недруга изгоном взять тотчас после того, как хлеб вымолотят, и то пригодится на прокорм войску вашего ц. в-ва и учинит... великую шкоду [урон] всей литовской земле и отнимет у недруга всю силу его» (ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 8, л. 11).

русское правительство, несомненно, преследовало не только военные цели, но и цель давления на шведского союзника: успешное для России начало войны поставило бы Швецию перед угрозой оказаться не при чем, побудило бы Швецию поспешить с заключением формального договора, принять русские условия. Так рассчитывали в Москве, такой план, судя по всему, рекомендовал и сам Руссель. Поход под Смоленск мыслился как первый акт, как демонстрация, после чего надлежало ждать договора со Швецией и удара по Речи Посполитой с запада. Отправление «Великого посольства» должно было состояться вскоре после начала военных действий. Русское правительство не приняло предложения Густава-Адольфа послать два посольства: одно для найма армии в Германии, другое для заключения договора; отделить первое от второго представлялось, видимо, рискованным (и действительно таило риск лишиться огромной суммы без гарантированной территориальной компенсации). Было решено снарядить единое посольство, снабдив его и деньгами для найма армии и полномочиями для заключения договора. Через 25 дней после выступления армии из Москвы, 28 августа 1632 г., была уже подписана верительная грамота посольству в составе 32 человек[126] во главе с боярами Борисом Ивановичем Пушкиным и Григорием Горихвостовым и дьяком Михаилом Неверовым. 19 сентября Шютте получил официальное извещение о предстоящем выезде посольства из России, о чем в тот же день написал Густаву-Адольфу[127]. Но дальше наступила большая задержка с отправкой посольства, которую можно объяснить только одним — ожиданием возвращения от Русселя направленного ему с Мавиусом проекта русско-шведского договора. Считали необходимым сначала неофициально окончательно согласовать проект с «великим послом» Густава-Адольфа, как все еще титуловали Русселя, и только затем направить официальное посольство. В первых числах октября наказ, грамоты, все необходимое для посольства лежало уже совершенно готовым, но посольство тронулось только после того, как приехал де Вержье, 31 октября; текст, привезенный де Вержье, был в последнюю минуту наспех переписан и подклеен к тексту наказа[128]. Соответственно в сентябре—октябре было задержано наступление русской армии на Смоленск и сдерживалось позже в ожидании оформления договора со Швецией (что в чисто военном отноше-

---

[126] Намечалось 70 человек, но Мёллер рекомендовал воздержаться от такого большого числа. Даже состав в 30 человек, совершенно необычный, вызвал у Шютте опасения непосильных расходов на содержание посольства в Лифляндии, о чем он сообщал в письме Густаву-Адольфу от 19 сентября 1632 г.

[127] *Norrman D.* Op. cit., s. 132.

[128] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 154—155 и 171—175. Е. Сташевский в приложениях к книге «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича» (Киев, 1919) опубликовал часть текста этого наказа (№ XVII), а также отрывок «Из отписки великим государям Ж. Девержера» (№ XVIII).

нии привело к плохим последствиям, ибо поляки успели укрепить Смоленск).

Наказ «Великому посольству» содержит прежде всего подробную историю русско-польских противоречий со времени Бориса Годунова и мотивы начатой войны. Далее следуют различные положения, которые должны лечь в основу русско-шведского союзного договора. Это, во-первых, взаимное обязательство о ненападении (прежний мир держать «безо всякой неправды», «во веки неподвижно») [129].

Во-вторых, взаимное обязательство совместно стоять «на общих своих недругов» — сыновей Сигизмунда III (Владислава и Казимира) [130]. Оба государя обязуются «всею силою, и думою, и от всего сердца своего» в польском деле помогать друг другу — «людьми, и казною, и всякими мерами, ведущими к недругову разорению; и которому [из них] невозможно будет недруга одолеть, то другому прислать нуждающейся стороне людей по пер-

---

[129] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, л. 145. Русское правительство сохраняло крайнюю настороженность в отношении Швеции и даже в отношении самого Густава-Адольфа. В особой памятной записке послам предписывалось негласно проведывать, не было ли у Густава-Адольфа тайных сношений с Сигизмундом III или после смерти последнего с панами-радою «и не хотят ли которые государи польскому королю на Московское государство помощи чинить» (Там же, л. 167).

[130] Идея общности врагов косвенно распространена и на германского императора. Послы должны говорить, что недавние польское и императорское посольства не были допущены в Москву по той причине, что царю и патриарху ведомы «польского короля дружба и умышленье с цесарем заодно. И как пошел шведский король на цесаря войною за его цесаревы неправды, и польский король, преступая крестное целованье [о перемирии со Швецией]... посылал к цесарю на помощь многих польских и литовских людей», и они, как известно, дрались против войск шведского короля вместе с императорским войском. Посольство же из Речи Посполитой было прислано с лукавым умыслом уступить московскому государю принадлежавшие ему прежде, а ныне находящиеся за польским королем города, и, остановив и укротив тем самым русское наступление, «всею своею мочью послать бы к цесарю польских и литовских многих людей на помощь против шведского короля, и стоять с цесарем и с папою заодно, и свою бы проклятую папежскую [католическую] веру укрепить и распространить» (Там же, л. 75). Отсюда, с одной стороны, выводится враждебность Московского государства императору и папе: с цесарем царю «ссылаться [сноситься] не о чем, потому что цесарь всем православным христианам неприятель» и в войне со шведским королем; с папой римским — тоже, ибо «папа православным христианам всем враг и супостат и меж христиан не радеет ни о каком добре» (Там же, л. 163). С другой стороны, из сказанного выводится неизбежность и необходимость для шведского короля войны против Речи Посполитой; лукавый умысел польского посольства для того и доводится до сведения шведского короля, чтобы он «учинил над польскими и литовскими городами промысел, по нынешнему их, государеву, хотенью не замешкав» (Там же, л. 175). Нетрудно заметить, что одновременно тут появление на русском рубеже императорского и польского посольств используется для дипломатического давления — для запугивания возможным русско-польским соглашением на условии возвращения России спорных западных земель.

вым вестям ради дружбы своей и не ожидаючи за то никакого платежа, только бы общий недруг скорее от того разорен был их общею дружбою»[131].

В-третьих, ни одна из сторон не будет заключать сепаратного мира или перемирия: «не принимать никакого перемирия нового, ни миру без общего совета»; «войну на общего недруга начати вести и закончить по общему совету друг с другом».

В-четвертых, в результате войны будут учинены «праведный и добрый раздел и рубежи с поляками по достоинству и по удобности ц. в-ва»: к Московскому государству должны отойти «искони вечные отчины великого государя нашего его ц. в-ва», «которые отданы были в перемирные годы к короне польской и к Великому княжеству Литовскому» — все земли к востоку от Двины, города («с уездами и волостями») Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль, Монастыревск, Чернигов, Стародуб, Попова Гора, Новгород-Северский, Почеп, Трубчевск, Серпейск, Невель, Себеж, Красный, Полоцк, Киев. Западная граница России должна пройти по линии «от Полоцка вниз по реке Двине 20 верст к Риге, и от того места [до точки] по реке по Немани вверх выше Городка [Гродно] 20 же верст, и от того места от Немани до реки Днепра [до точки] ниже Киева 100 верст, и вниз тою рекою до Черного моря». На этой примерной основе будет в дальнейшем изготовлен «подлинный рубежный чертеж обоих государств». Пока идут военные действия, оба государя «одолжат себя друг другу помогать»: шведский король всеми силами поможет русскому царю овладеть Полоцком, Смоленском, Киевом и всеми прочими пунктами, находящимися по сю сторону этой линии, а русский царь всеми силами поможет шведскому королю овладеть Вильной и другими пунктами по ту сторону линии. Но хотя бы войска одной стороны, «за недругом гоняючись», и вошли в земли, которые по договору должны достаться другой стороне, первая обязуется не претендовать на них, отдать их («поступиться» — «безо всякого мешканья и сумненья»), «не получить себе ничего от них, кроме корысти про добычею [кроме поживы военной добычею]», которая неминуемо достается войскам. В случае победы Густав-Адольф ни до коронации своей, ни во время коронации не должен обещать Речи Посполитой удержать те места, которые по

---

[131] Там же, лл. 171—173. Здесь Московское государство выдвигает некую программу-максимум в противовес уже принятому им проекту Густава-Адольфа, согласно которому оно обязалось оплатить шведскую армию, направляемую с запада на Речь Посполитую. Но, как видно из письменных вопросов послов (Там же, лл. 71—72), они получили дополнительную устную инструкцию на случай, если шведская сторона вернется к прежнему проекту и к прежним аргументам о невозможности открытого нарушения шведско-польского перемирия. Может быть, в этом случае послам и предписывалось еще поторговаться, поскольку русское наступление уже существенно изменило ситуацию, но все же им были даны с собой большие деньги (по сведениям Шютте; см. *Norrman D.* Op. cit., s. 132).

правде и по настоящему договору принадлежат Московскому государству.

В-пятых, Московское государство согласно и окажет содействие, чтобы Густаву-Адольфу «быти на польском и литовском королевстве». Этим царь «воздает его к. в-ву своею дружбою и любовью» за помощь в возвращении Московскому государству исконных русских земель. Уже написано от имени царя в Турцию и Крым, в Польшу и Литву, что царь поддерживает кандидатуру Густава-Адольфа на польский престол и просит поддержать ее. Но условием этой поддержки является обязательство Густава-Адольфа, заняв польский престол, остаться в том же тесном союзе с московским царем, как и до сих пор: «по-прежнему в дружбе, и в любви, и в вечном докончанье, и в соединенье». Шведский король со своей стороны (через Русселя) предлагает «учинить и составить крепкий вечный наследственный мир меж обоих корон... также б и то в соединенье укрепить, чтоб друг другу должен был помогать: хотя который и попаклонится, ино исправлен [поддержан] будет от соединаченного друга». Этот тесный дружественный союз России и Швеции должен быть обязателен и для наследников нынешних государей. Нерушимость западной границы России проект, присланный Русселем, компенсирует перспективой «приговорить, с соединением меж ваших маестатов [величеств], распространение царств ваших [российской державы] к восточной стороне», т. е. свободной русской экспансии на восток [132].

Мы знаем, что контуры этого международного соглашения очерчивались понемногу уже задолго до отправления посольства Б. Пушкина с товарищами. Переговоры велись через Русселя с 1630 г., а также через Мониера и Мёллера [133]. Проект был осно-

---

[132] Ко всему сказанному см.: ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 136—175.

[133] Через Мёллера в Москве давно знали, что Густав-Адольф стремится овладеть Лифляндией и Пруссией, через Русселя — о его претензиях на польскую корону. В свою очередь Густав-Адольф был давно извещен, например, о претензиях России на Смоленск и Чернигов, на Запорожье, на Белоруссию (воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского, составлявшие примерно половину территории Великого княжества Литовского) (*Norrman D.* Op. cit., s. 74). Слухи об этих переговорах уже к началу 1632 г. проникли в среду польско-литовского населения. В марте 1632 г. выходец из Литвы Корней Круковский сообщил вяземским воеводам: «А в Польше-де и в Литве слух носится, что ты, государь царь, и в. кн. Михаил Федорович всея Руси, в совете со шведским королем на том, будто тебе, государю, взяв литовские и польские городы, которые от шведской стороны, поступиться-де шведскому королю, а шведский-де король тебе, государю, поступится польских и литовских с другой стороны по реку по Березу (до р. Березины, — что отражает несколько менее выгодный для России вариант, чем согласованный и включенный в наказ. — *Б. П.*), и говорят: как-де в Литву пойдут твои государевы люди, и от шведской-де стороны в те поры пойдут немецкие люди» (Акты Московского государства, т. I, 1890, № 330, с. 347). Как видим, слух, разнесшийся среди населения, весьма точно передавал содержание тайных переговоров.

вательно взвешен властями Московского государства во главе с Филаретом Никитичем. И он производит поистине внушительное впечатление. Правда, О. Л. Вайнштейн выражает удивление готовностью царя и патриарха «подписать столь невыгодное соглашение»[134]. Заявляя, что России гораздо важнее был выход к Балтийскому морю, чем к Черному, что невыгодно было передавать львиную долю Польско-Литовского государства в руки шведского короля и т. п., автор смотрит на XVII в. сквозь призму петровской эпохи, игнорируя, что в XVII в. главной внешнеполитической задачей России еще не было возвращение Прибалтики, — главной задачей еще было возвращение русских, белорусских и украинских земель на западе. На обозримый отрезок времени Московскому государству требовалось обеспечить стабильную границу на западе после воссоединения огромных, некогда отторгнутых от него территорий. Только к XVIII в. экономическое развитие России выдвинуло новую задачу — борьбу за выход к Балтийскому морю: почти весь XVII в. был посвящен борьбе за выполнение совсем иной, безусловно, наиболее прогрессивной тогда задачи — именно той, которая так четко выражена в этом программном внешнеполитическом документе правления Филарета Никитича. Россия должна была получить по рассмотренному выше проекту больше, чем через 35 лет она получила в результате ожесточенных войн по Андрусовскому перемирию 1667 г. Правда, за рубежом должны были остаться и доля Западной Белоруссии, и значительная часть Правобережной Украины. Но даже и это ограниченное решение труднейшей исторической задачи воссоединения с Московским государством русских, украинских и белорусских земель было бы по тому времени выдающимся успехом. Мало того, этот проект основан на идее возможности замены традиционно враждебных дружественными, союзными, основанными на взаимопомощи отношениями России с Польшей. Мысль русских государственных деятелей заглядывала много глубже, чем кажется на первый взгляд: они, несомненно, знали (через Русселя), что Радзивилл и другие польско-литовские магнаты склонялись к избранию Густава-Адольфа лишь при условии, если он вернет Польше не только Лифляндию и Пруссию, но и Силезию, давно отторгнутую у нее германскими императорами[135]. Только Густав-Адольф благодаря своим победам над императором мог тогда осуществить эту столь важную историческую задачу Польши[136]. Одновременное передвижение

---

[134] *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч., с. 138.

[135] См. *Paul J.* Op. cit., Bd. III, s. 43.

[136] Правда, имперский полководец Валленштейн, со своей стороны, через генерала Шаффгоча, оккупировавшего на время Силезию, предлагал Польше Силезию в обмен за военный союз против Швеции (*Irmer G.* Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser von 1632—1634, Bd. III. Leipzig, 1891, s. 439), но такие пред-

восточной и западной границ Польского государства, перемещение его на исконную историческую территорию, в западную сторону, при освобождении захваченных на востоке чужих земель могло явиться основой для устойчивого мирного соседства с Россией. Филарет Никитич и его сотрудники смотрели на Густава-Адольфа в перспективе уже не столько как на шведского короля, сколько как на главу этого дружественного Польского государства.

«Великому посольству» Б. И. Пушкина с товарищами было предписано чрезвычайно поспешно ехать в Стокгольм, а там требовать, чтобы их немедленно отправили в Германию к Густаву-Адольфу. Кроме официальных грамот, они везли личное письмо патриарха Филарета Никитича к Густаву-Адольфу (датированное 11 октября 1632 г.) с выражением надежд, в самых дружественных тонах, на укрепление союза между королем и царем — «и впред идущие [будущие] годы вам бы общо стояти на недругов ваших» [137]. Из Новгорода посольство выехало 22 ноября 1632 г.

Примерно в это же время, 27 ноября, из Москвы был отослан другой документ — грамота царя и патриарха Жаку Русселю [138]. Эта грамота, отправленная с де Вержье, — ответ на присланное с ним же в конце октября письмо (от 13 сентября) и устные сообщения.

Де Вержье передал в Москве обширную информацию о «цесарской войне и о всех окрестных войнах», как и о всех значительных событиях в европейских государствах. Тут не только данные о войне в Германии, но и сообщения о мятеже Монморанси и Гастона Орлеанского во Франции, о самовластии Страффорда в Англии и т. д. Особенно подробны сведения об избирательной борьбе в Речи Посполитой, о военных планах и приготовлениях против Московского государства [139]. Эти последние сведения совершенно секретного характера были получены Русселем от Христиана Анхальтского, сына одного из видных немецких протестантских князей, вынужденного обстоятельствами искать карьеры вне войны с императором Фердинандом II и согласившегося было стать во главе наемных ландскнехтских войск польского королевича Владислава. Руссель сумел, использовав его евангелическое исповедание, убедить его не только отказаться от этой должности,

---

ложения делались еще и в 1619 г., однако не были выполнены, хотя Речь Посполитая и прислала на этом условии значительное число запорожских казаков в помощь императору против Чехии.

137 ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 179—185.

138 Почти весь текст черновика этой грамоты выправлен и местами заново написан собственной рукой патриарха Филарета Никитича.

139 По-видимому, де Вержье привез также и ту обширную подборку из иностранных газет, о которой упоминалось выше. Насколько тщательно все это изучалось в правительственных кругах и Посольском приказе, видно из того, что уже 2 ноября 1632 г. де Вержье представляет в Посольский приказ письменное уточнение и разъяснение ряда иноземных вестей, возможно по запросу кн. И. Б. Черкасского (ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 8, лл. 30—32).

но и предложить свою службу противной стороне — Московскому государству. Центральное место в письме Русселя и докладной записке де Вержье занимает доказательство необходимости поставить во главе нанимаемых русских иноземных войск именно этого выдающегося полководца и знатока военного дела, к тому же родственника Густава-Адольфа, князя Оранского и многих германских князей. Руссель доводил до сведения царя, что без принятия этой его рекомендации, «без того князя, он ныне не сумеет то дело сделать, о чем он говаривал, о том собрании войска». В ответной грамоте царя и патриарха по этому пункту выражалась высокая оценка успеха Русселя; однако в армию, ушедшую под Смоленск, назначать начальником иноземных войск Христиана Анхальтского уже поздно; но Руссель должен передать ему «милостивое слово» царя и патриарха и, если он согласен будет служить им со стороны Германии, также своеобразный аванс: «мало нечто» жалованья (по своеобразному обороту, вписанному рукой Филарета Никитича), а именно — посылаемых ему соболей на тысячу рублей. Иными словами, Христиан Анхальтский принимался на русскую службу, но, так сказать, в резерв [140]. Другое ходатайство Русселя было полностью удовлетворено. Руссель рекомендовал в русскую армию (вернее, «на время» отпускал от себя) «добре верного и гораздо смышленого» инженера Давида Николя, прославившегося в обороне главных гугенотских крепостей (Монтобан, Нерак и др.) во Франции в 20-х годах. Руссель намекает на причастность Николя к тем таинственным действиям в Смоленске и Полоцке, о которых он писал прежде и которые неминуемо должны привести к падению этих крепостей. Решение русского правительства было самое благоприятное: прибывший в Москву Николь был тут же зачислен главным военным инженером русской армии с высоким окладом 50 р. в месяц и руководил всеми фортификационными и осадными работами Смоленской войны.

С большим волнением пишет Руссель в своем письме к царю и патриарху по поводу известий о начале войны Московского государства с Речью Посполитой, а также о внутренней борьбе в последней: предсказать исход всех событий невозможно, «бог бережет ту тайну про себя — про великое междоусобие, которое всевышний бог рассеял во всех углах христианской земли, и про великие переменные дела, которые настали после моего отъезда из Москвы». Но, уповая на бога, надо спешить использовать бла-

---

[140] Рукой Филарета Никитича приписано: «А как время дойдет, годна там будет нашему ц. в-ву его служба, и мы, великий государь, наше ц. в. ему велим ведомо о том учинить, как ему против нашего недруга Владислава и его единомышленников стояти и промышляти над ними, а мы, ц. в., его, князя, пожалуем своим государским великим жалованьем за его службу и правду и за раденье и промысел, и николи служба его забыта не будет и памятна и славна вовеки» (Там же, л. 55 об).

гоприятный момент бескоролевья и борьбы в Речи Посполитой[141]. Руссель предупреждает, что поляки, зная о выступлении русской армии, всемерно постараются как можно скорее сговориться между собой об избрании того или иного кандидата, очевидно Владислава, королем, дабы сплотиться для отпора. Чтобы воспрепятствовать этому и оттянуть избрание, Руссель (успевший побывать в Гамбурге и вернуться в Любек) едет в Кюстрин к курфюрсту Бранденбургскому, имевшему влияние на польские выборы и служившему посредником между польско-литовскими диссидентами и Густавом-Адольфом, чтобы «вложить ему в ум» необходимость противиться замыслу иезуитов в Речи Посполитой совершить избрание короля «в такое время, которое не по нас», ибо это избрание «проклятые иезуиты хотят совершить всеми силами своими вперед того, покамест государь мой король дел своих не справил» в Германии. Конечно, теперь уже не может быть речи об избрании Густава-Адольфа польским королем добровольно, без насилия. «Кажется явно, — признается Руссель, — что бог судил, что государю моему королю не быть избрану от большей доли [части] поляков, а сей бог его ныне не допускает к польскому рубежу, будучи середи цесарской земли и на руках у него такой недруг да такое войско Фердинандово с великою силою, и потому кажется, что праведный бог присудил разорение Речи Посполитой Польской, землю их на раздел между ваших маестатов [величеств], по тому ж, как я и объявил вам великим государям [на случай], если государь мой король не доступит себе ту корону по изволенью и избранью поляков»[142].

Но то обстоятельство, что Густав-Адольф увяз в глубине Германии, далеко от польской границы, препятствует и этому второму варианту. Руссель ясно видит, что это не случайность, а плод усилий определенной политической шведской партии. С большой силой раскрывает он перед правителями Московского государства невидимую напряженную борьбу вокруг русско-польской политики Густава-Адольфа. Он указывает на роль канцлера Акселя Оксеншерны, лифляндского губернатора Иоганна Шютте и во-

---

[141] «Только если войска ваши не вошли еще в недругову землю тогда, когда посланник мой приедет к Москве, гораздо годно будет, чтоб промышлять в нынешнее время бескоролевствования, которое бог подаровал вашему ц. в., и при междоусобствах недруга вашего» (Там же, л. 14).

[142] Руссель здесь раскрывает карты польской политики Густава-Адольфа. В предшествующей главе мы показали, что вся избирательная пропаганда в пользу Густава-Адольфа в Польше была преимущественно средством испугать Московское государство перспективой добровольного избрания и подтолкнуть его к войне против Речи Посполитой. К сходному выводу пришел и Д. Норрман: не надежда на избрание и даже не желание вызвать внутренние распри были главным мотивом интереса Густава-Адольфа к вопросам польского престолонаследия; «его прямые действия в отношении Польши были всегда для него второстепенны сравнительно с его переговорами с Россией и договором с царем» (*Norrman D.* Op. cit., s. 150).

обще тех «шведов», которым выгодно отсутствие короля. Густав-Адольф не может пока вмешаться в польские дела, «потому что канцлер помешку чинит [мешает] во всех делах его втаи [тайно], являясь с июня фактическим королем и не допуская никого ни к Густаву-Адольфу, ни от него, «и того дня [из-за того] он [Густав-Адольф] не мог подойти к польским рубежам, как у него задумано было, — он только послал послов своих к Варшаве, чтоб оттянули еще королевское избранье, покамест он выйдет из того места, где он ныне». Не столько от имперского войска помеха планам Густава-Адольфа, сколько «от его же королевских людей, которые взбесились». В частности, необычайные скупость и гордость шведов, особенно шведского канцлера, затруднившего положение Густава-Адольфа требованиями от немецких городов присяги на верность Швеции, и т. д. «всадили короля в таком месте» («только я надеюсь, — добавляет Руссель, — что король узнает, от чего стало, и по своему смыслу опять справит»). Со своей стороны Иоганн Шютте, «да и большая доля [часть] шведов также» хотят разрубить братскую дружбу между шведским королем и русским царем и «с радостью обманули б ваше ц. в. да Русское царство, коли б им возможно, нынче, когда они видят, что король отдалел [вдалеке] от них и никто за ними не смотрит». Потому-то и нужен Русселю князь Христиан Анхальтский, «что те, которые желают братскую дружбу порубить между ваших маестатов [величеств], похваляются тем о сю пору, что они заберут себе те деньги, чем войска поднять, и обманут ваше ц. в.». Руссель жалуется на травлю, которой он подвергается со стороны этой шведской партии. Де Вержье добавляет: «Сверх того я вашему ц. в. скажу, что все шведы господина великого посла [Русселя] ненавидят потому, что они видят желанье и подвижность его к вашего ц. в. службе и ко всему Российскому царству»; они больше не выплачивают ему королевского жалованья, говоря, что нельзя служить двум государям[143]. Де Вержье свидетельствует о неустанной деятельности Русселя, срывающего умышленья недругов короля и царя, подталкивающего вперед их доброжелателей; он беспрестанно посылает и принимает своих гонцов; их и сейчас разослано в разные места семь-восемь человек. Но сам Руссель не может доехать до своего короля, путь к которому ему преградил канцлер. Руссель сообщает, что он принял решение дождаться в Кюстрине русских великих послов

---

[143] Шютте не хотел пропустить де Вержье в Россию, и последний прорвался, лишь предъявив ему не подлинный наказ Русселя, а какой-то фальшивый текст. Чтобы проехать назад, де Вержье просит дать ему в собственность сани, сбрую и лошадей, так как иначе Шютте, задержав его под предлогом смены почтовых лошадей, предъявит свое мнимое право просматривать все бумаги и разошьет грамоту царя и патриарха к Русселю (Там же, л. 36). Просьба эта была удовлетворена, как видно из дела о следующем приезде де Вержье.

и с ними ехать к Густаву-Адольфу; очевидно, он видел в этом единственное средство прорвать блокаду[144].

Ответная грамота царя и патриарха Русселю содержит самые несдержанные похвалы за его верную службу и старание, за приносимую им пользу. Его просят и впредь, не боясь врагов, хулы и неприятностей, продолжать радеть об интересах Русского государства. Эта грамота почти оформляет переход Русселя на русскую дипломатическую службу. Русселю выдается неслыханно щедрое вознаграждение за его заслуги: 1) ему посылают с де Вержье на 1 тыс. рублей соболей (кроме того же количества для передачи Христиану Анхальтскому); 2) в ответ на его нескромную просьбу разрешить закупать в России непосредственно у пашенных крестьян, где лучше и дешевле, семь лет по 50 тыс. четвертей хлеба, дается щедрая царская милость: разрешение в 1633 и 1634 гг. закупить у Архангельска по 20 тыс. четвертей в год, «почему рожь стала по прямой цене без прибыли, и наших пошлин с того хлеба для твоей к нам прямой службы и правды имать есмя не велели». Мало того, следуют еще извиненья: «...и в том тебе, Якову, ныне не оскорблятися», что жалованья соболями послано «скудно» и разрешено закупать хлеба меньше просимого, — это объясняется огромными расходами казны на нужды начатой войны. Русселю сообщается о ходе войны, о поручении командования боярам М. Б. Шеину и А. В. Измайлову с товарищами, о том, что в настоящее время уже очищены города Дорогобуж, Серпейск, Белая, и армия направилась к Смоленску[145].

---

[144] Ко всему сказанному см.: ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 8, лл. 1—26. Кроме перечисленных вопросов, затрагивается ряд других: 1) Руссель возвращается к вопросу о необходимости в интересах царя «перезвать к себе казаков запорожских» и посылать к ним новых гонцов; де Вержье просит, в частности, послать гонца в Путивль и передать с ним находящемуся там гонцу «великого посла» [Русселя], чтобы он, не договорясь с казаками, назад не ехал (Там же, лл. 26—27); 2) Руссель просит прислать ему с де Вержье грамоты к королям французскому, английскому, датскому, к венецианскому сенату и голландским Штатам, к немецким курфюрстам, князю Оранскому и государю Семиградья (Трансильвании), объясняющие правоту Московского государства, вынужденного начать войну с Речью Посполитой, «потому что по ся дни вышеименованные короли не знают за что» (Там же, л. 27); 3) Руссель сообщает, что присланный к нему из Голландии географ сможет изготовить карту Российского царства не ранее, чем через шесть-семь месяцев (Там же, л. 28); 4) Руссель предупреждает против обманов начальников иноземных войск, указывающих в списках и тех солдат, которые давно умерли, вследствие чего в момент боя солдат оказывается меньше, чем предполагалось (Там же, л. 28); 5) Руссель предлагает прислать знающего несколько языков «комиссара» к служащим в русском войске иноземным наемникам (Там же, л. 29); 6) Руссель просит прислать 3—4 тыс. рублей, так как его старания «мутить» подготовку выборов короля в Речи Посполитой требуют больших издержек (Там же, лл. 33—34).

[145] Там же, лл. 41—51.

Руссель в приведенных текстах не отошел далеко от истины, рисуя положение Густава-Адольфа. Помыслы шведского короля действительно были прикованы к приближавшейся польской войне, но он был связан немецкой войной и настойчивым нежеланием канцлера освободить его на время от этой немецкой войны. Но все же с июня 1632 г. Густав-Адольф непрерывно готовился к походу на восток. Он даже позволил разгласить, находясь в лагере под Нюрнбергом, будто к нему прибыли посольства из Татарии и Московии с предложением вторжения в Польшу и будто он демонстрировал им свою дисциплинированную и обученную 50-тысячную армию [146]. Однако это было только отражением его мечты. Гораздо важнее те подготовительные меры к этой близившейся войне, которые он принимал в действительности, оставаясь еще под Нюрнбергом. Не позже 1 июля 1632 г. (т. е. одновременно с отправлением письма в Россию) он назначил генерал-губернатором Пруссии фельдмаршала Германа Врангеля с задачей укрепить военные силы, находящиеся в Пруссии, и одновременно следить за событиями в Польше. По словам Норрмана, «есть основания полагать, что решение Густава-Адольфа послать фельдмаршала Германа Врангеля в Пруссию находится в какой-то связи со шведско-русским договором о наборе русской армии в Германии» [147]. Действительно, Силезия в это время уже не подходила в качестве плацдарма для польской войны [148], и единственным удобным плацдармом становилась Пруссия. В конце августа фельдмаршал Врангель прибыл в Эльбинг. Сюда привез ему новые устные инструкции от Густава-Адольфа посол Никодеми, направленный Густавом-Адольфом в Речь Посполитую с заданием добиваться там отсрочки выборов и разжигать внутреннюю борьбу. Содержание этих новых инструкций, данных Врангелю, неизвестно, «но правдоподобно, — полагает Д. Норрман, — что они связаны с вопросом о наборе русской армии» [149].

В сентябре Густав-Адольф окончательно решил двинуться сам в Северо-Восточную Германию — в сторону Польши. 18 сентября к нему снова прибыл для личных переговоров канцлер Оксеншерна. Это было решающее столкновение. Переговоры носили

---

[146] Le soldat suédois..., p. 622.

[147] В доказательство Норрман приводит, например, тот факт, что «отчет о набранных русскими немецких, английских и русских полках находится в качестве приложения среди писем Врангеля к Густаву-Адольфу. Этот отчет вполне согласуется с данными отчета, пересланного Мёллером Густаву-Адольфу и Акселю Оксеншерне 16 июня 1632 г.» (*Norrman D.* Op. cit., s. 152). Выше мы отмечали, что Врангель еще раньше предложил через Бёкмана царю Михаилу Федоровичу свои услуги для командования русской армией в Германии; очевидно, с этого времени он уже систематически занимался изучением русских и польских вооруженных сил.

[148] См. Sveriges krig 1611—1632, d. VI, 1939, kap. IV, § 3. Det schlesiska fälttaget, s. 268—286.

[149] *Norrman D.* Op. cit., s. 152.

острый характер. Оксеншерне требовал, чтобы Густав-Адольф шел на Вену. Густав-Адольф 5 октября пошел с армией на север. Канцлер провожал его до 24 октября и вернулся во Франкфурт.

16 (6) ноября 1632 г. при Лютцене в Саксонии Густав-Адольф выиграл свою последнюю битву. Армия Валленштейна была разгромлена, цвет ее генералитета погиб. Но во время сражения пал и Густав-Адольф. Хотя ряд исследователей (Димер, Дройзен, Србик, Виттрок) самым подробным образом изучили эту битву и обстоятельства смерти Густава-Адольфа, поле для догадок по-прежнему открыто: погиб ли он от руки врага или от руки кого-либо из своих. Второе вероятнее. Мы имеем возможность привлечь один источник, который еще не привлекался исследователями [150] и который показывает, что смерть Густава-Адольфа, и именно при таких обстоятельствах, отнюдь не была неожиданной. В цитированной записке, поданной де Вержье кн. Черкасскому 2 ноября 1632 г., между прочим рассказывалось, что польские католики, видя упования протестантов на победы Густава-Адольфа в Германии, «на сейме умыслили» средство против этого: распространили слух о смерти Густава-Адольфа, будто бы раненного под Ингольштадтом и вскоре скончавшегося под Нюрнбергом, причем слух этот, распространенный и в Польше, и в Пруссии, так поддерживается, что опровергать его в Польше ныне опасно для жизни [151]. Это предвосхищение действительного события на два месяца (сведения относятся не позже чем к началу сентября) весьма многозначительно.

Всего лишь за несколько дней до гибели Густава-Адольфа состоялось избрание Владислава польским королем. Оба эти события разом нарушили весь план Смоленской войны и не могли не обескуражить боярина М. Б. Шеина, отлично знавшего все детали шведско-русского союза. «Великое посольство» боярина Б. И. Пушкина узнало о смерти Густава-Адольфа, находясь в Финляндии, на пути к Стокгольму, и вернулось на русскую границу, где получило новый наказ только 25 марта 1633 г.[152] Московское правительство реагировало на это ошеломляющее известие прежде всего приказом послам «выведывать подлинно про смерть шведского короля — каким обычаем [образом] смерть ему случилась» [153], ибо слишком ясно понимало возможную логику дела. Патриарх Филарет Никитич в знак скорби установил особый пост и, по сведениям, полученным Шютте, несколько раз говорил, что царь охотно выкупил бы половиной своих княжеств

---

[150] Критический обзор всех источников по этому вопросу был предметом специального доклада на международном конгрессе историков в Осло в 1928 г.: *Wittrock G.* Die Schlacht bei Lützen (1632). Quellenkritische Bemerkungen. — «Historische Vierteljahrschrift», 1929, 1 Ht.

[151] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 8, лл. 31—32.

[152] ЦГАДА, Дела шведские, 1633, стб. 2.

[153] Там же, л. 11.

жизнь Густава-Адольфа[154]. Русселя роковая весть застала в Померании. По сведениям того же Шютте, он глубоко скорбел, оделся в траур, поспешил покинуть Германию и перебрался в Голландию[155].

Шведско-русский союз рухнул вместе со смертью Густава-Адольфа. Посольство Б. И. Пушкина ни с чем вернулось в Москву в первых числах октября 1633 г.[156]

Д. Норрман в своем исследовании пришел к выводу, что политика Густава-Адольфа в отношении России, продиктованная стремлением найти союзника в немецкой войне, чтобы ослабить Польско-Литовское государство, не привлекла к себе должного внимания, не встретила понимания ни современников, ни историков. В действительности же, справедливо утверждает Д. Норрман, русский проект Густава-Адольфа был результатом долгих размышлений и учета опыта прошлых двух лет, когда сближение с Россией ему благоприятствовало[157]. Эти выводы являются объективными[158]. Все изложенное выше со своей стороны должно способствовать устранению этой ошибки историков.

---

[154] *Norrman D.* Op. cit., s. 297.

[155] Ibid., s. 235.

[156] Финал всей эпопеи см. ниже, гл. VIII.

[157] *Norrman D.* Op. cit., s. 134—135.

[158] Доклад западногерманского историка Г. Рауха «Москва и европейские державы в XVII в.», прочитанный в 1953 г. на съезде немецких историков, основывающийся в данном вопросе на трудах советских историков, кое в чем приближается к указанным выводам. Автор пишет о том, что Густав-Адольф оценил «небывалые возможности, открывавшиеся при правильном учете русского фактора в рамках европейской системы государств»; исходя из своего опыта войн с Россией и Польшей, Густав-Адольф «увидел в России естественный противовес Польше и тем самым потенциального дружественного союзника в борьбе с силами контрреформации» и «в известном смысле косвенно вовлек Россию в Тридцатилетнюю войну» (см. *Rauch G. von.* Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jahrhunderts. — «Historische Zeitschrift», 1954, Bd. 178, H. 1, S. 30—32). Удивляет, однако, односторонний и неглубокий историко-религиозный подход автора к этим вопросам. Не менее удивительно, что Раух не знает книги Норрмана (1943 г.), из моих статей (1945—1947 гг.) он знаком лишь с одной, самой ранней.

VII

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРЖЕНИЯ ГУСТАВА-АДОЛЬФА (1630—1631 гг.)

В этой главе нам предстоит снова вернуться в Германию, рассмотреть, так сказать, внутригерманскую сторону начального этапа «шведского периода» Тридцатилетней войны. Периоду этому уделено, пожалуй, более всего внимания в историографии Тридцатилетней войны, однако он продолжает оставаться во многих отношениях самым загадочным.

Дымка легендарности, почти мифичности окружила отчасти еще при жизни и тем более после смерти фигуру Густава-Адольфа — «снежного короля». Никто из буржуазных историков ясно не объяснил, почему из множества завоевателей, появлявшихся на страницах истории той воинственной эпохи, именно этот завоеватель, пришедший в Германию, в сущности, по узкокорыстной воле шведских магнатов и купцов, остался в памяти народов с чертами положительного героя. Никакие ученейшие и вполне прозаические изыскания его биографов — а о Густаве-Адольфе написано необычайно много — не смогли стереть романтического, героического налета, сросшегося с памятью о нем. И в самом деле, несмотря на то, что все его удачи и неудачи в германском походе как будто уже детальнейшим образом объяснены, остается что-то необъясненное в самом главном — в головокружительной легкости завоевания этим скандинавским пришельцем почти всей Германии и, с другой стороны, в такой эфемерности этого завоевания, что уже менее чем через год после начала оно стало шатким, а через два года после гибели Густава-Адольфа превратилось для его преемников в невозвратимый сон. Немецкие шовинистические историки приводят это как образец «немецкого чуда».

Но «чудом» было не поражение шведов, а предшествовавшее триумфальное шествие «снежного короля». Оно-то и должно было бы получить научное объяснение. Однако буржуазные и дворянские историки всех направлений искали его не там, где надо, — не в истории народных масс Германии, а лишь в изучении целей и планов Густава-Адольфа, его личности, его взаимоотношений

с немецкими князьями, имперскими чинами, полководцами. Не обращено достаточного внимания на немецкую злободневную прессу того времени — листовки, воззвания, политические брошюры; разумеется, это тоже не источники для изучения истории народных масс, но все же они дали бы материал для суждения о том, какие фантастические и разноречивые представления уживались в сознании населения Германии: с одной стороны, изображение шведов новыми норманнами, дикими северными викингами, обрушившимися на Европу, с другой — провозглашение Густава-Адольфа посланцем бога, мессией, провиденциальным освободителем всех угнетенных и руководителем предстоящего крестового похода на Рим — резиденцию антихриста. Эти мессианские чаяния, связывавшиеся с Густавом-Адольфом, косвенно ведут, конечно, в толщу народной крестьянской психологии. Но эти нити никогда не были прослежены. Таинственный ореол Густава-Адольфа сохранился, однако, в памяти историков, дав во второй половине XVII в. и особенно в XVIII в. повод и шведским (О. Далин и др.), и немецким авторам для привнесения своих собственных идеалов в этот образ. Одни трактовали политику Густава-Адольфа как идеальный образец «просвещенного абсолютизма», другие — как пламенную борьбу за евангелическую веру. Итогом всего этого явился тот романтический образ Густава-Адольфа, который создал Шиллер в своей «Истории Тридцатилетней войны» и который, в свою очередь, наложил печать на всю последующую историографию. Художественной интуицией Шиллер воссоздал и благоговейный восторг, и тревожные опасения современников, но не понял причин ни того, ни другого. Его Густав-Адольф — это благочестивый герой, светлый рыцарь, великий «снежный король», жизнь которого благоприятный рок оборвал в тот момент, когда ее продолжение неминуемо стало бы опасным для Германии, когда из освободителя он должен был стать завоевателем [1].

Целая плеяда протестантских историков пыталась интерпретировать Густава-Адольфа как исключительно религиозного деятеля, борца за протестантизм [2]. Некоторые из них ставили вопрос, не лучше ли было бы для Германии, если бы завоевание удалось Густаву-Адольфу, — не избежала бы ли в таком случае

---

[1] *Шиллер Ф.* История Тридцатилетней войны. — Собр. соч. в 7-ми томах, т. 5. М., 1957; ср. его же драматическую трилогию «Валленштейн» (*Шиллер Ф.* Собр. соч. в 7-ми томах, т. 2. М., 1955).

[2] Например, *Moser F. S.* Gustav Adolph der Beschüstzer protestantischr Religion und deutscher Freiheit. Leipzig, 1832; *Arndt E.-M.* Schwedische Geschicte. Leipzig, 1839; *Lamparter E.* Gustav Adolf, König von Schweden, der Befreier des evangelischen Deutschtums. Barmen, 1892; *Fletcher Ch. R. L.* Gustavus Adolphus and the Struggle of Protestantism for Existence. New York, 1890; *Schubert H., v.* Feiern wir Gustav Adolf mit Recht als evangelischen Glaubenschelden? Halle, 1904; *Treitschke H. v.* Gustav Adolf und Deutschlands Freiheit. Leipzig, 1895; *Freytag G.* Bilder aus der deutschen Vergangenheit, Bd. 3. Leipzig, 1903—1905, и др.

Германия своего упадка второй половины XVII—первой половины XVIII в.?[3] Поскольку факты, в частности довольно бесцеремонное подчас обращение Густава-Адольфа с протестантскими князьями, не очень-то согласовывались с такой чисто конфессиональной трактовкой действий шведского короля, Ранке и его последователи (школа «политических историков») указывали на взаимодействие политических и религиозных мотивов[4], а некоторые даже вовсе отвергали какие-либо религиозные мотивы и видели только чисто светскую, военно-политическую основу во всем германском походе Густава-Адольфа, его стремление к императорской короне, логику военной борьбы и т. п.[5]; некоторые исследователи сосредоточили внимание на экономических мотивах политики Густава-Адольфа[6]. Нашлось и небольшое число немецких историков-католиков и почитателей Габсбургской империи, которые пытались с корнем вырвать «ошибку Шиллера», доказать, что Густав-Адольф не был ни героем, ни освободителем, что он был в Германии обыкновенным иноземцем-завоевателем, авантюристом, движимым безмерным честолюбием и лишь прикрывавшимся религиозной маской[7]. Однако эта точка зрения не могла получить широкого распространения — она лишь восставала против «унизительного» для Германии возвеличения иноземного завоевателя, но не объясняла, откуда же взялось это возвеличение, а тем более,

---

[3] *Moltke H. v.* Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten, Bd. II. Berlin, 1892, S. 185—187; *Lenz M.* Gustav Adolf, dem Befreier, zum Gedächtnis; *idem.* Schweden und Deutschland im 17. Jahrhundert. — In: Kleine Historische Schriften, 2-te Aufl. München—Berlin, 1913; *Schäfer D.* Zum Gedächtnis Gustav Adolfs. — In: Aufsätze, Vorträge und Reden, Bd. I. Jena, 1913.

[4] *Ranke L. von.* Geschichte Wallensteins. Leipzig, 1869; *Kahnis K. F. A.* Der innere Gang des deutschen Protestantismus. Th. 1—2. Leipzig, 1874; *Gutjahr E.* König Gustav II. Adolfs von Schweden Beweggründe zur Teilnahme am deutschen Kriege. Leipzig, 1894; *Kretzschmar J.* Gustav-Adolfs Pläne und Ziele in Deutschland und die Herzöge zu Braunschweig und Lüneburg. — «Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens», Bd. XVII, 1904; *Paul J.* Gustav-Adolf, Bd. I—III. Leipzig, 1927—1932. Из шведских авторов см.: *Ahnlund N.* Gustav Adolf den Store, Stockholm, 1932; *Wittrock G.* Gustav II Adolf. — In: Sveriges historia till våra dagar, utgiven av E. Hildebrand och L. Stavenow, 6 d. Stockholm, 1927.

[5] *Droysen G.* Gustav Adolf, Vd. I—II. Leipzig, 1869—1870; *Bär M.* Die Politik Pommerns während des Dreissigjährigen Krieges. — «Publikationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven», Bd. 34 (1896); *Schulz H.* Wallenstein und die Zeit des Dreissigjährigen Krieges. — «Monographien zur Weltgeschichte», III. Bielefeld, 1898; *Ritter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges (1555—1648). Bd. III (1908).

[6] Например, *Bothe Fr.* Die wirtschaftspolitischen Absichten Gustav Abolfs und seines Kanzlers in Deutschland. — «Frankfurter Historische Forschungen», H. 4. Frankfurt, 1910. Ср. *Schäfer D.* Op. cit.

[7] *Schmidt M. J.* Neuere Geschichte der Deutschen. Wien. 1785—1793; *Gfrörer A. F.* Geschichte Gustav Adolphs. Stuttgart, 1837; *Barthold F. W.* Geschichte des grossen deutschen Krieges vom Tode Gustav Adolfs ab, Bd. I. Stuttgart, 1842; *Janssen J.* Gustav Adolf in Deutschland, 1865; *idem.* Schiller als Historiker, 2 Auflase. Freiburg, 1879.

почему же «честолюбивому авантюристу» удавались его грандиозные завоевания в Германии [8].

Марксистской историографии, посвященной специально Густаву-Адольфу, в сущности, нет. Попытка Франца Меринга дать отпор идеалистической шумихе, поднятой буржуазной печатью в связи с 400-летием со дня рождения Густава-Адольфа, хотя и интересна своей полемической стороной, но не основана на самостоятельном изучении источников и методологически слаба. Меринг тоже трактует Густава-Адольфа как всего лишь иноземного захватчика в Германии, как «предшественника современного империализма», любование которым не пристало немецкому рабочему классу [9].

Эта постановка вопроса осталась традиционной в социал-демократической историографии.

Совершенно верно, что Густав-Адольф был завоевателем, что толчком к его походу в Германию послужило стремление господствующих классов Швеции установить господство над странами, прилегающими к Балтийскому морю. Но неверно уже то, что Швеция была единственным хищником в этой борьбе: балтийская политика Габсбургов, деятельность Валленштейна на Балтийском море имели ту же цель и прямо и непосредственно угрожали национальной независимости и суверенитету Швеции; стремление Густава-Адольфа ударить в самое сердце реакционнейшей габсбургской Империи отвечало, таким образом, и настоятельной потребности шведского государства предотвратить эту смертельную угрозу. Однако самое важное — это понять, что Густав-Адольф со своей относительно небольшой армией ничего не мог бы достигнуть в Германии, если бы его не поддержали не только внешние, но и какие-то внутригерманские силы (как увидим, отчасти независимо от его воли).

Что касается внешних сил, то выше было показано, что включение в поле зрения «всеобщего историка» Московского государства сразу облегчает разгадку целого ряда загадочных, неясных вопросов германского похода Густава-Адольфа. Следуя тем же путем, т. е. серьезно приняв во внимание положение дел в Восточной Европе, прежде всего историю русско-польской борьбы в 1632—1634 гг., можно найти объяснение и для других загадок «зигзага молнии», как называют рейд шведской армии в глубь Германии и ее стремительное возвращение к исходному плацдарму.

---

[8] Из новейшей литературы о Густаве-Адольфе см., например: *Roberts M.* Gustavus Adolphus: a History of Sweden (1611—1632), vol. 1—2. London, 1953—1958; а также статьи: *Ekman E.* Three Decades of Research on Gustavus Adolphus. — «Journal of Modern History», 1966, vol. 38, N 3; *Roberts M.* Gustavus Adolphus and the Art of War. — «Historical Studies», 1958, vol. 1; *idem.* The Political Objectives of Gustavus Adolphus in Germany 1630—1632. — «Royal Historical Society», 5. ser. London, 1957.

[9] *Mehring F.* Gustav Adolf. Berlin, 1894.

Здесь же надо выяснить, какие силы внутри Германии облегчили его задачу в этом рейде и почему он не счел возможным серьезно опереться на эти силы, а предпочел повернуть обратно. Эта сторона вопроса не менее важна для опровержения фальсификаций буржуазных историков. Как уже было сказано, буржуазная историография, потратив множество усилий на решение вопроса о мотивах политики Густава-Адольфа в Германии, так же как и о мотивах встречной политики германских князей и правящих кругов, ни на шаг не продвинулась в разъяснении главной проблемы, главной загадки — о причинах чудодейственного взлета «снежного короля», окружавшего его небывалыми симпатиями и легендами, и о причинах одновременно назревавшего военного и морального крушения, предотвращенного только его странной смертью во время Лютценской битвы 1632 г.

Ответ на эти вопросы можно дать только исходя из концепции Ф. Энгельса. Главное в этой концепции заключается, как уже отмечалось, в том, что Энгельс связывает вопрос о Тридцатилетней войне с вопросом о судьбах немецкого крестьянства, видит основное значение Тридцатилетней войны для судеб Германии в том, что война окончательно сломила способность немецкого крестьянства и вместе с тем и всех передовых сил немецкого общества к сопротивлению наступавшей феодальной реакции. Во время Тридцатилетней войны еще имели место грозные попытки этих общественных сил бороться с существующим строем — понадобилось 30 лет, чтобы сломить эти силы. Во время Тридцатилетней войны, — пишет Энгельс, — «на протяжении жизни целого поколения по всей Германии хозяйничала самая разнузданная солдатня, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства. Больше всего страдал крестьянин там, где в стороне от больших армий действовали на собственный страх и риск и по своему произволу мелкие вольные отряды, или, вернее, мародеры. Опустошение и обезлюдение были безграничны. Когда наступил мир, Германия оказалась поверженной — беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекающей кровью; и в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин» [10]. Одно из главных последствий войны для крестьянства Энгельс видел во всеобщем распространении крепостного состояния. «Как и вся Германия, немецкий крестьянин был доведен до крайней степени унижения, — продолжает Энгельс. — Как и вся Германия, крестьянин до того обессилел, что исчезла всякая возможность самопомощи, и спасение могло явиться только извне» [11].

Эти надежды на «спасение извне» — в сплетении с последними попытками «самопомощи» обессиливавшего крестьянства —

---

[10] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 341.
[11] Там же, с. 342.

стали возникать еще в ходе Тридцатилетней войны. Политический строй Империи, ее раздробленность делали здесь эти настроения более возможными, чем где бы то ни было. Формирование германской нации было крайне замедленно из-за экономической и политической децентрализации. Национальное сознание было слабо развито. Многие немцы не умели еще ясно отличать немецкую нацию от наций, говоривших на других германских языках, — голландцев, шведов, датчан. Австрийские Габсбурги, возглавлявшие Империю, входили в коллегию курфюрстов на правах «чешских королей». Чем мог быть в сознании многих немцев шведский король хуже австро-чешского короля, а в сознании, скажем, чехов — хуже властвовавшего над ними австрийца? Только учтя все эти особенности Империи, мы поймем, что надежды угнетенных классов и национальностей могли устремиться к Густаву-Адольфу, раз он пришел в Германию как враг их врага.

Другое дело, что надежды эти оказались иллюзорными. Однако ранняя смерть Густава-Адольфа предупредила окончательное крушение этих иллюзий, хотя уже и глубоко пошатнувшихся.

Международная борьба в конечном счете оказывалась неотделимой от классовой борьбы. Тот, кто воевал с главным оплотом реакции в Европе, Империей, хотя бы его влекли к этому чисто территориальные, коммерческие, стратегические интересы собственного государства, мог рассчитывать на успех только в случае поддержки со стороны сил, более мощных, чем его собственные, — сил, боровшихся против этой реакции.

Густава-Адольфа привела в Германию логика борьбы Швеции за монопольное господство на Балтийском море. Но одно дело — хотеть, другое — мочь. Густав-Адольф со всеми его иностранными субсидиями мог бы остаться в германских делах величиной далеко не первого плана и, может быть, оказался бы вскоре отброшенным из Германии имперской армией, если бы ряд обстоятельств не придал ему — частью по его инициативе, но гораздо более помимо его воли — ореол освободителя в глазах немцев. И уже не логика борьбы шведов за Балтику, а логика классовой борьбы в Германии понесла, как попутный ветер, шведского завоевателя по просторам Империи.

У истоков этого превращения лежит обстоятельство, которое едва ли сознавал сам Густав-Адольф или кто-либо из его окружения. Ядром его армии было личносвободное крестьянство. Здесь не надо напоминать, что история феодализма в Скандинавских странах шла своеобразным путем — там никогда не было сколько-нибудь развитого крепостного права. Эта армия, ядро которой составляло свободное крестьянство, представляла совершенно необычное явление для континентальной Европы XVII в. Но чтобы учесть все ее воздействие на умы, надо помнить, что она появилась в Германии в такую эпоху, когда там шел процесс закрепо-

щения крестьянства («вторичное закрепощение»). Как ни рискованна аналогия, но само напрашивается сравнение с теми далекими временами раннего средневековья, когда закрепощаемое крестьянство Европы иногда поднималось навстречу вторгавшимся свободным варварам-норманнам, поддерживало их набеги, рассчитывая на них, как на освободителей, впрочем, только до того момента, пока не испытывало на самом себе их насилий и опустошений. Но в Германии начала 30-х годов XVII в. дело было не только в контрасте между усиливавшимся крепостным состоянием местного населения и свободой вооруженных пришельцев. Ведь шведская армия бывала и в других странах, где господствовали крепостные порядки, не вызывая там таких политических последствий. Надо учесть особенность данного момента в развитии классовой борьбы в Германии.

Как мы видели, к моменту шведского вторжения, за время, которое можно назвать прологом общеевропейской войны, на протяжении «чешского» и «датского» периодов Тридцатилетней войны, немецкое крестьянство накопило немалый опыт борьбы и поражений [12]. Наступал критический этап. Ряд больших и бесчисленное множество мелких стихийных крестьянских выступлений уже продемонстрировали нарастание крестьянского напора. Все эти выступления, хотя подчас им и удавалось развернуться так широко, как, например, верхнеавстрийскому восстанию 1626 г., наглядно свидетельствуя тем самым об относительной слабости сил «порядка», все же пока что подавлялись рано или поздно гражданскими или военными властями. Но «датский период» показал, что среди «верхов» пролегла глубокая и неустранимая трещина, что борьба в «верхах» по поводу того, как надо подавлять революционное движение масс, способствовала лишь развязыванию этих стихийных выступлений масс. В самом деле, система Валленштейна — если назвать «системой» разнузданное, кровавое, опустошительное растаптывание германского народа централизованной императорско-католической армией, — хотя в немалой мере разрешала внутриполитическую задачу, задачу усмирения народа всюду, где он пытался поднять голову, столкнулась с «системой» децентрализации, т. е. самовластия князей, и должна была уступить. Валленштейну дали отставку. Правда, имперско-католическая армия под командованием Тилли продолжала в том же духе усмирять Германию косой смерти и экспроприаций, но политический вес ее был уже не тот. Князья же, хотя и одержав победу над Валленштейном, еще не могли осуществить того, что мы называли «княжеским планом» разрешения внутригерманской социальной задачи [13]: вовлечь в свои междоусобные распри соседние державы, достаточно сильные, чтобы их армии попутно задушили революционные силы германского

---

[12] См. главу II.
[13] См. там же.

народа. Вернее, князья шли по этому пути, но еще далеко не достигли апогея. После поражения войск датского короля протестантская партия затевала сношения с королем шведским, католическая, в частности Максимилиан Баварский, — с королем французским.

Но все это было еще в зачатке и пока что служило не для подавления социальной угрозы, а, напротив, лишь расшатывало «верхи» и давало «низам» повод для активизации.

Кто мог бы возглавить стихийный напор масс? В Германии XVII в. не было буржуазной партии, даже подобной бюргерской партии Лютера времен Реформации и Крестьянской войны, — развитие немецкого бюргерства с XVI в. шло в целом не по восходящей, а по нисходящей линии. Не было и подобия народной партии Мюнцера. Но крестьянство, как и плебейские элементы городов, приходя в движение, чувствовали свое бессилие без общего политического руководства и наощупь искали его. Раз не было лидеров национальных, взоры беспомощно обращались вовне, к иноземному лидеру. Слух о появлении на немецкой земле Густава-Адольфа, с одной стороны, предводителя армии свободных крестьян, с другой — противника той самой имперско-валленштейновской армии, которая олицетворяла самые страшные притеснения и муки для народа, всколыхнули широчайшие массы немцев. Сердца забились смелее и наполнились надеждой. В народе заговорили о Мессии, о посланце бога.

Вот какие две противоположные возможности открылись перед Густавом-Адольфом, как только он вступил в Германию. Он должен был выбирать. Стать союзником, более того — соучастником политики германских князей, использовать шведских солдат для войны против немецких мужиков и этой ценой получить политическую, военную, финансовую поддержку многих князей, — такая линия была, разумеется, неизмеримо ближе шведскому дворянскому монарху. Субъективно выбор в ее пользу был для него ясен и бесспорен. Но при этом он мог стать союзником только одной из враждующих княжеских партий, протестантской, в лучшем случае при неопределенной позиции некоторых католических князей и властей и при неминуемой перспективе войны с сильной имперско-католической армией на огромных просторах Империи, где даже территориальные успехи были опасны, ибо требовали оставления новых и новых гарнизонов. Кто добавит ему недостающие силы? Потенциал всех протестантских князей Германии был далеко недостаточен для обеспечения сокрушения противника, да и тот навряд ли мог быть когда-нибудь мобилизован полностью. Напротив, сила народного напора была так велика, что стоило только соединиться с ней, открыть ей шлюзы — она как хлынувший поток затопила бы противника. Рассуждая не как дворянский монарх, а как полководец, привыкший искать реальный путь к реальной победе, Густав-Адольф не мог игнорировать и этой линии.

В ту эпоху нередко не вожди управляли событиями, а события вождями. Так, за несколько десятилетий до того простая логика борьбы привела принца Вильгельма Оранского, глубоко чуждого духу революции, к положению вождя восстания Нидерландов против Испании, вождя масс, вождя буржуазной революции. Так, через полтора десятилетия после того Оливер Кромвель, по существу не революционер, а полководец-практик, исходя из единственной задачи — найти реальные силы для доведения войны с королем до победы, раз уже она завязалась, — должен был в конце концов стать вождем индепендентов, вождем Английской буржуазной революции.

Но Густав-Адольф не стал ни Вильгельмом Оранским, ни Оливером Кромвелем. Это объясняется тем, что буржуазная революция была в Германии невозможна в XVII в., хотя она и была там возможна столетием раньше, в XVI в. Развитие немецкого бюргерства шло в то время не вперед, а назад. Бюргерская оппозиция была налицо, но она была слаба и концентрировалась почти исключительно в ганзейских городах. Того полуреволюционного блока буржуазии с частью дворянства, который имелся в Нидерландах и в Англии и на который непосредственно опирались Вильгельм Оранский и Оливер Кромвель, не было в Германии. По существу, шведский король должен был бы непосредственно возглавить крестьянскую войну, а это противоречило всей его дворянской природе, всему его воспитанию и образу мыслей, хотя как полководец, движимый вдохновением и азартом войны, он не мог не видеть эту огромную силу, которая сама рвалась к нему навстречу.

Таково основное противоречие, объясняющее удивительную судьбу Густава-Адольфа в последний год его жизни.

Историку нелегко изучать внутригерманскую социально-политическую обстановку, в которой оказалась шведская армия. В обильных пухлых сочинениях буржуазных историков о Густаве-Адольфе и Валленштейне, об императоре Фердинанде II и немецких князьях эта сторона вопроса почти совершенно игнорируется или искажается. Из источников же, если не говорить о неопубликованных документах и столь же малодоступных листовках и памфлетах, мы принуждены оперировать преимущественно разными «историями» Тридцатилетней войны, написанными современниками — наблюдателями или непосредственными участниками событий. Правда, они все в высшей степени тенденциозны и представляют собой, прежде всего, политическую пропаганду, исходящую от той или иной из воюющих сторон[14]. Но все же отголоски действительности в них неистребимы, они сообщают прямо или косвенно много такой правды, от которой

---

[14] Ср. *Droysen G.* Quellenkritik der deutschen Geschichte des 17-ten Jahrhunderts. — In: «Forschungen zur deutschen Geschichte», Bd. IV. Göttingen, 1864.

последующие историки постарались совсем отвернуться. Больше всего ценных крупиц, говорящих о социальной стороне шведского похода в Германию, мы нашли у Хемница[15] (Пуфендорф[16], хотя и следующий во многом за Хемницем, уже произвел известное «очищение» данных Хемница от чрезмерных, по его представлению, реальностей), у Бурга[17] и особенно в упоминавшемся уже нами[18] анонимном сочинении «Шведский солдат, описывающий военные деяния... своего короля», изданном в 1634 г. в Руане на французском языке[19].

Это последнее сочинение оказалось особенно ценным, пожалуй, именно потому, что оно носит явно пропагандистский характер и, так сказать, на глазах у читателя пытается искажать правду. Оно написано в целях привлечения во Франции симпатий к Швеции и шведской армии в Германии, в интересах укрепления шведско-французского союза; скрывший свое имя от читателей, автор «Шведского солдата» — некто Шпанхейм, а материал ему подготовил один из главных носителей оружия пропаганды при Густаве-Адольфе — Ц. Л. Раше, автор важных военно-публицистических сочинений, пропагандировавших в Германии дело шведов. «Шведский солдат» начинается словами: «Война, свирепствующая сейчас между императором и шведским королем, разделила христианский мир на две фракции, и немного найдется людей, которые относились бы к ней безразлично и не были бы сторонниками или имперцев, или шведов». В этих словах отлично схвачено всеевропейское значение событий, разыгравшихся в глубине Германии. Одни, продолжает автор, радуются, другие огорчаются ходу этой войны, но все в равной мере поражены, «что такое громадное тело (Империя. — *Б. П.*), раздувшееся от стольких сил и стольких успехов, испытало столь тяжкое потрясение в столь короткий срок и от столь незначительных средств. Одни ищут объяснения этому в правоте оружия шведского короля, другие в ошибках имперцев, или в отчаянии народных масс, или в обычных превратностях счастья, которое имеет свои циклы и начинает клониться вниз, когда уже не может идти дальше вверх. Словом, спорят весьма разноречиво, каждый сообразно своим склонностям или свойственным ему страстям»[20]. Ясно, что из перечисленных тут объяснений только одно, а именно видящее причину шведских успехов «в отчая-

---

[15] *Chemnitz B. Ph.* Königlichen-schwedischen in Teutschland geführten Kriegs, Th. I—II. (1630—1636). Stettin, 1648.
[16] *Pufendorf S.* Commentariorum de rebus Suecicis libri XXVI ab expeditione Gustavi Adolphi regis in Germaniam ab abdicationem usque Christinae. Ultrajecti. 1686.
[17] *Burgi P. B.*, gennensis. De bello suecico commentarii... Paris, 1653.
[18] См. главу VI, с. 287.
[19] Le soldat suédois descript les actes guerriers, merveilles de nostre temps, plus que très-généreuses et très-heroiques de son Roy... Rouen, 1634.
[20] Ibid., p. 1—2.

нии народных масс» Германии, может быть непосредственно связано со «страстями» — с революционными страстями. Автор, следовательно, с первых же слов вводит нас в тот круг мнений, с которыми он будет бороться, хотя они и имеют распространение. Он не пойдет по пути этого весьма неблагонамеренного (да еще для Франции, где все кишело народными восстаниями) объяснения шведских успехов — отчаянием и борьбой народных масс Германии. Он противопоставляет всем неверным, с его точки зрения, объяснениям единственно якобы правильное — объяснение «правотой оружия шведского короля». «Справедливым и благородным» мотивам, вынудившим Густава-Адольфа вторгнуться в Германию, уделено много внимания.

В дальнейшем тексте мы находим одно место, где автор все же проговорился о том, что в своей пропаганде внутри Германии, адресованной к германскому населению, шведы пользовались именно той концепцией, которую он тут отвергает. Речь идет о триумфальном шествии армии к Вене, которого не могли приостановить ни военные, ни дипломатические усилия противника, ни его пропаганда, направленная против Густава-Адольфа. «Одним словом, — говорит «Шведский солдат», — все как бы подавалось под напором его оружия. Тогда имперцы соизволили распространить слух, будто король (Густав-Адольф. — *Б. П.*) имеет в своей армии лапландцев, умеющих так околдовывать тех, с кем им предстоит иметь дело, что те уже никак не могут им сопротивляться. Это подтверждалось множеством старых басен, будто эти люди запросто заклинают ветры и бури и становятся вершителями удач и неудач». Шведы со своей стороны вели активную контрпропаганду, разоблачая нелепость этих вымыслов и противопоставляя им тезис, «что имперцы должны искать причины своего разгрома в своих насилиях и грабежах, в отчаяньи народных масс, должны видеть в этом справедливое проклятие, преследующее их за варварство и жестокости, учиненные по всей Империи» [21].

Как видим, шведская пропаганда в Германии объясняла на первых порах успехи шведской армии и неуспехи имперской в общем правильно — той социальной атмосферой, которая существовала в Германии, тем страшным террором, с помощью которого имперско-католическая армия пыталась задушить подъем движения немецких народных масс. Достаточно было двух лет, чтобы эта правда стала отвергаться теми, кто ее признавал в раз-

---

[21] Le soldat suédois..., p. 125—127. Аналогичным образом автор проговаривается и в другом месте. Он рассказывает об организованной в Вене процессии всех детей города, возносивших жалостные молитвы о ниспослании победы имперской армии, и замечает: «Этот спектакль вызвал сострадание кое у кого, но ропот у других, ворчавших про себя, что [имперцы] по собственной охоте поставили себя в отчаянное положение своими невыносимыми насилиями» (Ibid., p. 247). Несомненно, что здесь проскользнул обычный в то время мотив шведской пропаганды.

гар борьбы. История похода Густава-Адольфа, написанная «шведским солдатом» (Шпанхеймом и Раше), — самая ранняя опубликованная история этого похода. И она уже подчинена задаче фальсифицировать истину. Но истина все же еще слишком свежа, она проступает тут и там из-под покрова, слишком нарочито наброшенного автором.

Более поздние исторические сочинения о походе Густава-Адольфа содержат уже неизмеримо меньше этих драгоценных крупиц истины об интересующей нас стороне похода. Но в совокупности они дают возможность если и не осветить этот вопрос, то хоть наметить некоторые контуры. В сочинениях историков, писавших в XIX—XX вв., можно также найти разрозненные, но подчас важные данные. Будущие исследователи, несомненно, сумеют более полно собрать все свидетельства источников.

Уже завоевание Густавом-Адольфом Померании невозможно рационально объяснить в узковоенном разрезе. Густав-Адольф еще не занял всю Померанию, когда ее герцог Богуслав XIV объявил о своей капитуляции, объясняя ее между прочим в своем письме к императору «варварством и жестокостями имперских солдат». В Вене Богуслава не простили, несмотря на все его извинения, считая, что он благоприятствовал шведскому вторжению, и дали приказ имперским солдатам действовать в Померании еще круче. Имперские войска производили частые набеги на окрестности Штеттина, сжигая и разрушая деревни, постройки, мельницы, совершая всяческие жестокости над населением, разбегавшимся от них по лесам. «Все это послужило лишь тому, — пишет автор «Шведского солдата», — что в этой земле (Померании. — *Б. П.*), среди подданных Богуслава, имя императора стало еще ненавистнее, а имя шведского короля еще привлекательнее» [22]. Таким образом, с самого начала Густав-Адольф появился в Германии помимо своей воли в роли защитника подавляемых имперцами крестьян.

Социальные противоречия в Померании к моменту высадки шведского десанта носили крайне обостренный характер. Дело было в стремительном наступлении «второго издания» крепостничества в Померании. Правда, начало этого процесса восходит к первым десятилетиям XVI в., — по словам немецкого историка Шпана, аграрный строй Померании стал «нездоровым» (и чем далее на восток, тем более) после Богуслава X (умер в 1523 г.). «Но примерно с 1600 г., — продолжает он, — крестьяне в Померании стали хотя и не рабами, но все же несвободными, с личными повинностями и барщиной... только в области Рюген сохранились еще остатки самостоятельного крестьянства» [23]. Словом,

---

[22] Ibid., p. 17—18.

[23] *Spahn M.* Auswärtige Politik und innere Lage des Herzogtums Pommern von 1627—1630 in ihrem Zusammenhange. — «Historisches Jahrbuch... der Görres-Gesellschaft», 1898, Bd. XIX, Ht 1, S. 59.

в первые три десятилетия XVII в. основная масса померанских крестьян была превращена в крепостных. Легко представить себе степень остроты социальных противоречий. Мало того, как раз на то же время, время правления герцога Богуслава XIV, падает разгар и другого мучительного для крестьян процесса — из-за малой доходности земледелия дворяне усиленно переходили на производство шерсти; часть крестьян сгоняли с наделов, «овцы поедали людей».

Что касается городского населения, то оно отнюдь не обогащалось от этих сдвигов в сельском хозяйстве. Промышленность по переработке шерсти не развивалась — шерсть в основном шла на экспорт. Кроме портовых городов, таких, как Штральзунд, пользовавшихся плодами некоторого подъема ганзейской торговли в первые десятилетия XVII в., остальные переживали характерный почти для всей Германии «натуральнохозяйственный регресс». Свертывание ремесленного производства приводило к безработице, росла нищета низших слоев городского населения, обострялись социальные противоречия.

Классовая борьба народных низов облекалась в религиозную оболочку фанатичной преданности протестантизму в противовес в высшей степени нейтральному отношению к религиозным вопросам духовных и светских властей. Богатое лютеранское духовенство Померании отнюдь не склонно было жертвовать своим имуществом для защиты своей веры и поэтому все время стояло на позиции компромисса с имперской политикой, а отнюдь не обострения отношений с католическими верхами Империи. Купечество приморских городов, разумеется, не руководствовалось в своей деятельности интересами протестантизма. Глава померанского дворянства Богуслав XIV, получивший в наследство все три разрозненные до того части Померании, вел открыто проимперскую и, следовательно, прокатолическую политику. В противовес всему этому только «простолюдины» были охвачены фанатичной готовностью бороться за протестантизм, только народная масса, говорит Шпан, «наиболее близорукая», «наиболее поддающаяся фанатическому увлечению религиозной борьбой», готова была всем пожертвовать для дела веры, «ясно видя, что ее земное имущество все равно открыто лежит как добыча перед имперскими войсками», впущенными Богуславом XIV в Померанию для укрепления порядка [24].

Вот на каком фоне надо рассматривать появление Густава-Адольфа в Померании летом 1630 г. К нему устремились все чаяния — и социальные, и религиозные. Только на этом фоне становится понятной предшествовавшая шведскому десанту переписка между двумя крупнейшими померанскими городами — Вольгастом и Штральзундом — по поводу возможности дать отпор зарвавшимся имперским войскам при помощи предлагавших

---

[24] *Spahn M.* Op. cit., S. 74—75.

свои услуги из-за моря шведов. Верхи Штральзунда склонялись к этому, но городской совет Вольгаста, хотя и сам склонявшийся на сторону шведов, все же настойчиво советовал отказаться от этого шага, который мог стать роковым для всех привилегированных сословий Померании. Городские советники Вольгаста весьма определенно объясняли это: если только призвать шведов для отпора имперцам, «внутренний мятеж (innerliche Empörung) сломал бы нам шею»[25].

Не все понимали это так ясно. С другой стороны, «верхи» Померании могли надеяться, что шведские «верхи» не допустят такого поворота событий.

Шпан, типичный представитель прусской исторической школы, написал свое исследование о внутреннем и внешнем положении Померании 1627—1630 гг. для того, чтобы найти объяснение нерешительной политики Богуслава XIV. После тщательного рассмотрения центрального чиновничьего аппарата страны и ее потенциальных финансовых возможностей он приходит к выводу, что объективные предпосылки для твердой и независимой внешней политики у Богуслава XIV были. Следовательно, препятствовал этому лишь субъективный фактор. Шпан заканчивает свое исследование пошлым идеалистическим заключением, что вся беда была в личных качествах последнего померанского герцога: падение Померанского герцогства объясняется тем, что у него не оказалось в тот момент достаточно великого государя, вроде прусского «великого курфюрста», который использовал бы свою абсолютную власть и ресурсы страны для твердой внешней политики.

Впрочем, в этом есть крупица истины: Померания была наводнена сначала имперскими, затем шведскими войсками в силу определенной «субъективной» позиции ее правящих «верхов». Несомненно, что Богуслав XIV сам, или, вернее, выполняя волю померанского дворянства, определил свою судьбу: для усмирения своего крестьянства он сначала навлек на свою сторону опустошавшие ее полчища имперцев, а затем, когда те стали фактическими хозяевами в Померании, он, стремясь нейтрализовать их, но не дать и крестьянам вырваться из узды, попробовал, по-видимому, навлечь на свою сторону внешнюю интервенцию — шведов, и лишился в конце концов власти. Померанские крестьяне сами приветствовали вторжение шведов, видя в них, прежде всего, врагов своих врагов, имперцев, защитников своей протестантской веры, а также надо думать, и представителей страны, где нет крепостного права.

Богуславу ничего не оставалось, как, не ожидая даже собственно военной развязки, капитулировать перед этим соединением сил его подданных с силами заморских завоевателей.

---

[25] *Bär M.* Die Politik Pommerns...

Если бесспорно, что шведы, изгнав имперцев, уже тем самым заметно облегчили положение померанского крестьянства, то остается совершенно неисследованным и темным вопрос, удовлетворили ли они хоть в какой-то мере чаяния этого крестьянства и в социально-экономическом отношении. Можно только высказывать догадки, что, вероятно, крестьяне воспользовались появлением нежданного союзника, чтобы де-факто добиться того или иного улучшения своего положения, что померанским помещикам приходилось уступать (многие дворяне бежали из Померании вслед за Богуславом) и что, наверное, вооруженные шведские свободные крестьяне не видели ничего неестественного в борьбе померанских крестьян за свою свободу. Об этом косвенно говорит тот факт, что во все время пребывания шведской армии в Померании, по осторожному выражению «Шведского солдата», «все население проявляло расположение к ней», даже когда Густав-Адольф проводил довольно обременительные мобилизации крестьянства для строительства укреплений [26]. Но можно догадываться также и о том, что дворянский шведский король должен был испытывать большую неловкость и внутренние колебания в результате сложившейся ситуации. Противоречивость, даже противоестественность, его положения помогает нам еще полнее понять всю сумму причин его долгого, более чем годичного топтания на померанском плацдарме.

Уже через какие-нибудь три-четыре месяца после шведского десанта, согласно брошенному мимоходом, но важному свидетельству «Шведского солдата», во всей Северо-Восточной Германии «страх перед именем имперцев сменился ненавистью к ним, и народные массы повсюду начали преследовать своих слишком долго нагличавших гостей» [27]. Присутствие шведской армии в Германии развязывало народное движение, придавало ему смелость. Но такой оборот дела, естественно, резко охладил симпатии немецких князей к шведскому королю. Вместо ожидавшегося союза со всеми протестантскими князьями Густав-Адольф оказался в изоляции и перед лицом нараставшего отчуждения, завершившегося решением Лейпцигского съезда протестантов в феврале 1631 г. о сохранении нейтралитета. Все историки утверждают, что имперские войска, действовавшие в Померании под командованием Торквато Конти, полностью погибли бы от холода, голода и особенно от мести разъяренного населения, если бы курфюрст Бранденбургский Георг-Вильгельм не предоставлял им убежища в Кюстрине и во Франкфурте-на-Одере [28]. Общепризнано, что мекленбургские герцоги только потому тотчас же не вернули себе отнятый у них Валленштейном Мекленбург (хотя Регенсбургский сейм и подтвердил их права),

---

[26] Le soldat suédois..., p. 28—38.
[27] Ibidem.
[28] См., например, *Шлоссер Ф.* Всемирная история, т. IV. СПб., 1871, с. 331.

что лидеры протестантов, курфюрсты Бранденбургский и Саксонский, категорически запрещали им призвать своих подданных к восстанию[29]. Как видим, протестантские князья, как правило, предпочитали союз с императором и католицизмом дальнейшей активизации своих подданных и именно поэтому отшатнулись от Густава-Адольфа.

Со своей стороны и Густав-Адольф делал все возможное, чтобы перестать быть в глазах феодальных, прежде всего протестантских, верхов Германии поджигателем и союзником народного бунта. Как известно, он вел терпеливые и настойчивые дружественные переговоры о союзе с курфюрстами Саксонским и Бранденбургским[30]. Отказавшись от своей прежней несговорчивости с французским послом Шарнасе, он в январе 1631 г. уполномочил своих генералов Горна и Банера подписать с ним в Бервальде договор — отнюдь не только из финансовой нужды, как обычно утверждают (ведь незадолго до того он сам гордо предлагал платить субсидию Франции, — разумеется, не всерьез)[31]. Бервальдский договор, с одной стороны, возмещал недостаток у Густава-Адольфа союзников внутри Германии, а с другой — провозглашал целью союза «восстановление германской свободы», т. е. защиту интересов князей, и демонстрировал полную лояльность Густава-Адольфа по отношению к князьям не только протестантским, но даже и католическим.

Но и терять поддержку населения для Густава-Адольфа значило бы рисковать всем своим успехом. Характерны усилия шведского командования с самого начала, как и на протяжении дальнейшего похода, опираться на своего рода «среднюю», «третью» силу — на города. Густав-Адольф проявлял исключительно много внимания к вольностям и нуждам германских городов, торжественно принимал представителей муниципалитетов. Одним из самых первых актов Густава-Адольфа в Германии

---

[29] Подробнее см.: *Grotefend O.* Mecklenburg unter Wallenstein und die Wiedereroberung des Landes durch die Herzöge. Marburg, 1901 (Diss.).

[30] См. *Helbig K. G.* Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Brandenburg 1630—1632. Leipzig, 1854; *Kretzschmar J.* Allianzverhandlungen Gustaf Adolfs mit Kurbrandenburg im Mai und Juni 1631. — In: Forschungen zur brandenb.-preuss. Geschichte, Bd. 17, 1904; *Boëthius B.* Aktstycker rörande Salvius underhandlingar med Brandenburg i september 1631. — «Svensk Historisk Tidskrift», 1913. О сношениях с западногерманскими князьями см.: *Boëthius B.* Svenskarne i de nedersachsiska och westfaliska kustländerna juli 1630—november 1632 till belysning of Gustav II Adolfs tyski politik. Uppsala, 1912.

[31] Шведский историк Вейбулл доказывает путем рассмотрения всей истории шведско-французских переговоров и длительных усилий Шарнасе добиться этого договора, что Франция была более заинтересованной в нем стороной, чем Швеция ((*Weibull L.* De diplomatiska förbindelserna mellan Sverige och Franrike 1629—1631. Lund, 1899; idem. Gustave Adolphe et Richelieu. — «Revue Historique», 1934, t. 174, N 2). На той же точке зрения стоит Пауль: *Paul J.* Gustav-Adolf, Bd. II. Leipzig, 1930, S. 143—144.

было дарование им Штральзунду огромных привилегий, сделавших его почти вольным городом[32].

Однако города, т. е. городской патрициат и городское бюргерство, отнюдь не были сами по себе решающей политической силой. Бюргерство могло стать такой силой лишь постольку, поскольку оно возглавило бы стихию широкой народной борьбы и соединилось с ней. Магдебург попробовал выступить в революционном духе. Поэтому Магдебург чуть не стал центром всей революционной оппозиции в Германии, а его чудовищное разрушение оказалось событием всегерманского значения, приковавшим к себе внимание всей публицистики и прессы, всех современников — близких и далеких. На этом событии необходимо остановиться подробнее.

О разрушении Магдебурга в мае 1631 г. немецкими исследователями написано очень много, несколько десятков книг и статей. Основные этапы историографии вопроса таковы. До 40-х годов XIX в. общепринятым было мнение, что виновником разрушения Магдебурга был Тилли; протестантская историография приводила это событие как пример бесчинства католической реакции.

В 40—50-х годах австрийский историк Майлат и вслед за ним ряд других католических историков — Гейзиг, Бензен, Клопп, Геллер, Кречманн — на большом материале источников опровергли обвинение против Тилли и защищали тезис, что не имперцы, а сами магдебургские бюргеры в союзе со шведским командованием предали город огню и разрушению. Протестанты — Кутшгейт, Опель — вели источниковедческие контратаки, а в 1863 г. из их лагеря вышла капитальная работа Г. Дройзена, который, однако, уже не пытался восстановить опровергнутое мнение о виновности Тилли, а развивал осторожный тезис, что источники прямо свидетельствуют лишь о виновности имперского генерала Паппенхейма в одном локальном пожаре, а кто виновен в сожжении всего города — установить невозможно[33]. В 1874 г. появилась двухтомная монография К. Виттиха, опровергавшая мнение Дройзена о виновности Паппенхейма и путем тщательного анализа источников доказывавшая, что Магдебург был планомерно сожжен, чтобы не сдаться в руки папистов, радикальной фракцией магдебургских бюргеров и осо-

---

[32] См. *Carlson W.* Gustaf II Adolf och Stralsund 1628—Juli 1630. Uppsala, 1912.. См. также: *Langer H.* Stralsunds Entscheidung 1628. — In: «Greifswald-Stralsunder Jahrbuch», Bd. 4. Schwerin, 1964; *idem.* Die Rolle Stralsunds bei der Vorbereitung und beim Beginn der schwedischen Agression in Deutschland 1630. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universität». Geschicht- und- sprachwiss. Reihe, Greifswald, 1965, Jg. 14, Hf. 2—3.

[33] *Droysen G.* Studien über die Belagerung und Zerstörung Magdeburgs. — «Forschungen zur deutschen Geschichte», Bd. 3. Göttingen, 1863; *idem.* Gustav Adolf, Bd. II. Leipzig, 1870.

бенно «недовольной чернью», по прямому приказанию шведского коменданта города Фалькенберга[34].

С этого времени историография вопроса развивалась как спор школы Дройзена (Диттмар и др.) и школы Виттиха, который и сам в 80—90-х годах выступил с целой серией новых исследований, опровергавших выдвинутые против него аргументы. Ученик Дройзена Тейтге, выступивший в 1904 г. с попыткой подвести итоги научной полемики, вынужден был признать, что последнее слово осталось все же за школой Виттиха, хотя со своей стороны постарался обосновать агностицизм, неразрешимость вопроса до конца[35].

Надо признать, что вся эта ученейшая баталия носила довольно неглубокий характер. Дело свелось к чему-то вроде скрупулезного судебного следствия по узкому вопросу: кто именно поджег Магдебург, на ком лежит непосредственная, так сказать, уголовная вина? Социально-политическая сторона вопроса осталась где-то далеко на заднем плане. Но то, что об этой стороне сказано и Дройзеном, и Виттихом, в сущности, не очень противоречит одно другому и легко может быть сведено воедино, если отодвинуть на задний план второстепенный криминалистический вопрос.

Магдебург, где в 1618 г. разразилось крупное восстание, привлекшее к себе пристальное внимание современников, оставался и в «датский период» Тридцатилетней войны, говорит Дройзен, «подлинным очагом антикатолического движения» в Империи[36]. Магдебург, хотя и расположенный довольно далеко от моря вверх по Эльбе, был прежде всего крупным портовым городом. Через него шла значительная доля торговли Восточной Германии. Пригороды Магдебурга, раскинувшиеся на берегу Эльбы, были заселены почти сплошь людьми, связанными с судоходством, торговлей, портовой жизнью. О промышленности Магдебурга до разрушения сведений мало, но известно, например, что он экспортировал за границу, в частности в Нидерланды, большое количество пива собственного производства.

Население города в интересующее нас время отчетливо делилось на три установленных Энгельсом слоя: патрициат, бюргерство и плебейство. Но политическая комбинация их сил была довольно сложной. Патрициат сумел использовать движение плебейства против бюргерства, чтобы укрепить свои собственные позиции. Он стоял у власти и, опираясь на поддержку населения пригородов, подчинял всю политику города интересам сохранения и в условиях войны прежнего размаха эльбской торговли. Естественно, что он не останавливался перед поисками соглаше-

---

[34] *Wittich K.* Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly, Bd. I—II. Berlin, 1874.
[35] *Teitge H.* Die Frage nach dem Urheber der Zerstörung Magdeburgs 1631. — «Hallesche Abhandlungen zur neueren Geschichte», herausgegeben von G. Droysen, Ht 42. Halle, 1904.
[36] *Droysen G.* Gustav Adolf, Bd. II, S. 103.

ния с имперско-католической армией Валленштейна. Против правящей патрицианской (но связанной с плебейством) партии боролась бюргерская оппозиция, которая выдвигала строго протестантскую программу и поддерживалась протестантским «администратором» магдебургского епископства Христианом-Вильгельмом (из Бранденбургского дома).

Война и Реституционный эдикт 1629 г. резко обострили социальные противоречия в Магдебурге. Военные действия и огромные пошлины, установленные по течению Эльбы боровшимися сторонами, пресекли эльбскую торговлю. Весь «корабельный люд» (Schiffer-knechte) Магдебурга — рабочие верфей, лодочники, портовые грузчики и т. д. лишились средств существования. Среди беднейшего населения участились самоубийства, с другой стороны, распространились мнения, что «все равно придется умирать с голоду», усилилась ненависть к сокровищам зажиточных, порождавшая те «грубые эксцессы» простонародья, которые отмечены источниками в 1629 г. Плебейство перестало теперь поддерживать прокатолический городской совет и, напротив, производило самовольные диверсии против имперско-католических кораблей. Валленштейн попробовал было наказать Магдебург, осадил его, но потерпел такую же неудачу, как под Штральзундом. Во время осады власть патрицианского городского совета была ограничена представителями бюргерской оппозиции, 16 уполномоченными от кварталов города, находившимися, кстати, в сношениях с другими ганзейскими городами.

Вот почему Валленштейн так боялся появления Густава-Адольфа в Германии. Еще в 1627 г. он сказал свою знаменитую фразу: «В шведах мы найдем худшего врага, чем турки». В сентябре 1629 г. Валленштейн пишет об опасности сближения Густава-Адольфа с «некоторыми сословиями Империи, так же как с ганзейскими городами и прочими недовольными (Malcontenten)»; в ноябре—декабре 1629 г. он ожидает «общего восстания», «всеобщего восстания», начало которому могут положить ганзейские города во главе с Магдебургом [37].

В декабре 1629 г. бюргерская оппозиция завершила переворот в Магдебурге при помощи прибывших делегаций от «новой конфедерации» — Любека, Гамбурга, Бремена, Брауншвейга и Гильдесгейма.

Благодаря разрыву блока патрициата с плебейством старый совет был сравнительно легко смещен и заменен новым, представлявшим бюргерскую партию. Оставалось очистить всю территорию епископства от имперцев и тогда выступить совместно с другими городами. Таким образом, к моменту вступления Густава-Адольфа на почву Германии в июне 1630 г., говорит Дройзен, «положение вещей в Магдебурге подошло вплотную к револю-

---

[37] *Watson F.* Wallenstein. Berlin, 1939, S. 159; *Droysen G.* Op. cit., S. 109—110.

ционному взрыву[38]. Густав-Адольф поспешил прислать в Магдебург своего уполномоченного Штальмана, который не только оформил союз Швеции с Магдебургом и восстановил в правах смещенного Реституционным эдиктом протестантского администратора Христиана-Вильгельма, но и организовал совместно с ним 2 августа 1630 г. своеобразное массовое выступление для освобождения окрестной территории. «Пестрая толпа», руководимая, по терминологии Дройзена, «городской чернью»[39], вышла из Магдебурга хватать и изгонять имперцев из соседних городков, монастырей и деревень. Крестьянство, притесняемое имперцами, выступило навстречу. Для характеристики социальной базы этого движения важен изданный вскоре администратором как государем территории патент: он прямо призывал горожан и крестьян к дальнейшему сплочению и дисциплине, а к дворянам, напротив, обращался крайне сурово, предписывая им прислать в Магдебург положенное число лошадей и военных слуг.

Однако закрепить все это не было возможности: чтобы всерьез вытеснить имперцев из области, требовались войска. Надо было продержаться до приближения шведов. Пока что Густав-Адольф прислал в Магдебург одного из своих выдающихся военных помощников, Фалькенберга. Военный план Густава-Адольфа состоял тогда именно в том, чтобы использовать Магдебург, по его собственным словам, как «форпост и основу всей экспедиции». Как только шведские войска подойдут к Магдебургу, в свою очередь поднимутся Гамбург и Любек, а за ними и вся Германия. Устная инструкция, данная Густавом-Адольфом Фалькенбергу, по тотчас письменно сообщенная канцлеру Оксеншерне (17 августа 1630 г.), ставила задачу «воодушевить администратора и город; сформировать несколько полков... обеспечить город» за шведами и, «таким образом, подготовить диверсию... с помощью которой можно будет овладеть Эльбой... (эта диверсия) вдохновит недовольных (den Malkontenten Luft gebe) и поддержит их в том, чтобы отказывать имперцам во всяких платежах... одним словом (in Summa), зажечь факел, от которого по Германии распространился бы огонь всеобщего восстания»[40].

Может быть, Густав-Адольф, говоря о всех недовольных (Malkontenten) в Германии, о всеобщем восстании, имел в виду преимущественно протестантских князей и, максимум, бюргерскую оппозицию больших городов — так, по крайней мере, интерпретируют его историки. Но в том-то и дело, что в тот момент — при слабости бюргерской оппозиции — обратиться к «недовольным» значило, независимо от субъективных намерений, волей-неволей оказаться лицом к лицу с народными массами, с крестьянским и

---

[38] *Droysen G.* Op. cit., S. 125.
[39] Ibid., S. 179.
[40] Ibid., S. 184; см. Arkiv till upplysning om svenska krigens historia, d. II, N 118.

плебейским движением, с «возмущением низов». Что бы ни имел в виду Густав-Адольф, надеясь, когда он начинал свой поход, «зажечь факел» всеобщего восстания в Германии, он в действительности дал сигнал именно движению низов, углублению классовой борьбы.

В Магдебурге, окруженном имперскими войсками Тилли и Паппенхейма, классовый антагонизм в ожидании прихода шведской армии обнажился до крайности. По мнению Виттиха, шведы своими «слишком широкими освободительными обещаниями» способствовали экзальтации народной толпы, которую возглавили «демагоги», «фанатичные религиозные проповедники», а также отдельные наиболее «отчаянные» представители бюргерства. Среди последних мы видим, например, одного купца, у которого были тайно запасены склады пороха и оружия для восстания, одного разорившегося пивовара, ставшего аптекарем, «неспокойного человека», агитировавшего, что «лучше не оставить камня на камне, чем подчиниться императору» [41].

Если старый совет Магдебурга был поголовно склонен к переговорам с имперцами, то и в новом свете значительная часть избранных бюргеров склонялась понемногу к этой линии. Но голос этих «благоразумных» был заглушен голосами радикального меньшинства, вернее, голосом низов, помогавших свергнуть старый совет и теперь уверенных в скором пришествии освободителей-шведов. Виттих так пишет об этом периоде: «Правление принадлежало не совету, как таковому. Вместе с коллегией совета или помимо нее решающим словом во всех делах обладали отдельные решительные люди, поскольку они обращались непосредственно к «простому человеку», оказывали на него сильное пропагандистское воздействие и искали в нем свою опору: это были вожаки собственно шведской партии, во главе которой надо всеми возвышался Фалькенберг, шведский комендант Магдебурга, а вместе с ним остальные шведские чиновники и офицеры, затем наиболее решительные члены самого нового совета, некоторые фанатически настроенные лютеранские проповедники и некоторые частью непосредственно принадлежавшие к низшим классам, частью опустившиеся до их положения, обанкротившиеся вожаки из числа городского населения. Весьма понятно, и это имело роковое значение, что в условиях социально-политического брожения в Магдебурге из гущи народа поднялись те или иные смутьяны (ведь уже старый совет задолго до своего смещения жаловался на «превалирование черни» в Магдебурге), пытавшиеся, подле Фалькенберга и в определенном противоречии с правящими магистратами, установить охлократию (правление черни. — *Б. П.*) и политически парализовавшие своим терроризмом элементы более благородные, имевшие по крайней мере больше прав на руководство делами в силу своей

---

[41] *Wittich K.* Op. cit., Bd. I, S. 34, 76—78.

образованности и своих имуществ... Образ мыслей, согласно которому «Магдебург должен быть скорее разрушен, чем отдан в руки императора», несомненно, характерен для всей этой категории»[42].

Так Виттих подводит читателя к выводу, что Магдебург в критическую минуту штурма его имперцами был сознательно уничтожен по плану и приказу Фалькенберга, выполнившего волю командования не сдаваться противнику и утилизировавшего религиозный фанатизм и социальный раскол среди магдебуржцев. Вслед за Ранке[43] Виттих пространно развивает сравнение судьбы Магдебурга в 1631 г. с судьбой Москвы в 1812 г., Фалькенберга с Ростопчиным[44].

Порочность концепции Виттиха состоит в том, что для него магдебургская масса, толпа — это лишь орудие, инструмент, средство в руках героически-волевого Фалькенберга, погибшего, защищая город, но и погубившего его вместе с собой; связующее звено между «личностью» и «толпой» — это в данном случае фанатичные проповедники из рядов духовенства и радикальные «демагоги» из рядов бюргерства. Но эту пирамиду, поставленную на вершину, не представляет труда перевернуть, опираясь на данные самого же Виттиха.

Несомненно, что, когда началась осада Магдебурга имперской армией, внешняя опасность не сплотила население Магдебурга, а, напротив, как свидетельствуют источники, привела к крайнему ожесточению борьбы классов. Бюргерство, разумеется, сначала очень надеялось на скорое прибытие Густава-Адольфа, ибо вступление имперцев означало угрозу не только их вере, но и их имуществу, тогда как шведская армия вела себя безупречно. Но та же надежда на пришествие Густава-Адольфа была и у низов. И чем далее его появление откладывалось, тем все более и более накалялись страсти плебейства, укреплялась его надежда на скорое пришествие «посланца бога», который поможет отстоять истинную веру не только от католиков, но и от внутренних врагов. Перед лицом активизации плебейства, все более принимавшего сторону шведов, бюргерство, естественно, все более склонялось к мысли о соглашении с имперцами, которые навели бы «порядок» в городе, а плебейство в связи с этим все ожесточеннее нападало на бюргерство. Городская беднота шла за такими лозунгами, как «лучше отдать свое тело и жизнь, кровь и добро, чем пойти на соглашение», она была почти экстатически предана далекому шведскому королю. Слухи о приближении Густава-Адольфа разжигали классовую борьбу, потому что бюргерство теперь опасалось, что это может привести к победе «черни», и тем активнее стремилось к капитуляции.

---

[42] Ibid., S. 82.
[43] *Ranke L.* Geschichte Wallensteins, S. 217.
[44] *Wittich K.* Op. cit., S. 100—102.

Что касается Густава-Адольфа, то он, разумеется, знал об обстановке, сложившейся в Магдебурге. Сам Фалькенберг в своих письмах к нему настойчиво выражал недоверие к подавляющему большинству магдебургских бюргеров, указывая на склонность бюргерства к сделке с имперцами[45]. Если бы Густав-Адольф подошел к Магдебургу в этот момент и освободил его от мучительной осады, он волей-неволей оказался бы союзником не бюргерства, как он хотел бы, а весьма непривлекательной для него «черни». Вот почему, — может быть, и помимо его сознания — препятствия к походу на Магдебург становились в его глазах все более непреодолимыми.

На момент решающего штурма Магдебурга имперцами падает и заключительный взрыв социальных противоречий. Бюргеры, говорит Виттих, — «искали спасения в своих домах и убежищах». От кого? Дальнейшие слова того же автора заставляют думать, что не столько от имперцев, сколько от разъяренных их предательством низов Магдебурга. Среди простого народа, говорит он, — «легко находились люди, которые не меньше ненавидели состоятельных и именно поэтому склонных к умеренности и соглашению вовне, чем самих внешних врагов, и которые тех и других в равной мере хотели обречь гибели и смерти». Эта ненависть бедняков к богатым очень легко «выявляла» среди последних «проимперские настроения». Проповедники и радикалы пользовались этим. «Нет ничего удивительного, что «простой человек», который мало или ничего не мог противопоставить этим проповедям, скоро привык называть вышестоящие классы «имперскими шельмами», «у которых следует штурмовать дома и свертывать им шеи» (как свидетельствует один источник. — *Б. П.*). «Нет ничего удивительного, — продолжает Виттих, — и в том, что эта угроза была приведена в исполнение в момент, когда имперцы ворвались в город... Нет ничего удивительного, что дома обрушились на головы сограждан, обреченных «простолюдинами» и ненавидимых ими так, как ненавидят врагов...»[46]

Вот что действительно важно знать в истории гибели Магдебурга. А производились ли поджоги и взрывы только по планомерным приказаниям Фалькенберга, разнес ли ветер огонь по городу, или пожар пошел от зданий, зажженных по приказанию имперского генерала Пашенхейма, — это в конце концов не так уж существенно. Впрочем, нельзя не обратить внимание еще на один аргумент Виттиха: среди дымящихся развалин уничтоженного дотла большого богатого города в разных его концах были сохранены от пожара лачуги бедноты — «корабельного люда» и рыбаков, а также представителей самых отверженных каст — живодеров (Schinder) и палачей воров (Diebhenker)[47].

---

[45] *Wittich K.* Op. cit., S. 91.
[46] Ibid., S. 113—116.
[47] Ibid., S. 103.

Густав-Адольф тотчас после гибели Магдебурга постарался отвести от себя вину и сохранить симпатии передового общественного мнения Германии. Он опубликовал особую «Апологию», оправдываясь множеством причин, почему он не пошел к Магдебургу, но умолчав о главном. Он сумел даже использовать эту катастрофу, чтобы переложить всю ответственность за нее на курфюрстов Бранденбургского и Саксонского и получить тем самым морально-политический козырь для жесткого нажима на них, — как якобы мщение за то, что они лишили его возможности пройти через их территорию и своевременно помочь осажденному Магдебургу.

Таким образом, Густав-Адольф удержался на острие ножа: и не способствовал народным революционным действиям, и сохранил симпатию революционных элементов, без которой он был бы бессилен. После его Брейтенфельдской победы быстро укоренилось мнение, что Магдебург был сожжен не жителями, а имперцами, что Густав-Адольф горячо сочувствовал осажденным магдебуржцам.

Объективно предательство Густавом-Адольфом Магдебурга было предательством потенциального центра всего городского, т. е. бюргерско-плебейского, движения в Германии, а, следовательно, непоправимым ударом по этой и без того не сильной стороне общественного движения в целом.

Чрезвычайно характерно, что единственный союзник из немецких князей, которого на этом этапе получил Густав-Адольф, ландграф Гессен-Кассельский Вильгельм V, был своего рода белой вороной среди князей: в силу сложившихся обстоятельств он оказался политическим лидером своего крестьянства, озлобленного и ожесточенного против дворян и против имперцев. Гессен в течение всей Тридцатилетней войны был для Центральной Германии едва ли не главной ареной крестьянского движения и «войны мужиков и солдат». Из Гессена вышел Гриммельсгаузен и его «Симплициссимус».

К сожалению, все это крайне затемнено немецкими историками, и понадобятся еще серьезные специальные исследования, чтобы навести тут минимальный марксистский порядок. Маркс в «Хронологических выписках» обратил особое внимание на политическую историю Гессена во время Тридцатилетней войны. Исходя из данных Шлоссера, который в свою очередь опирался на книгу Роммеля «История Гессена», Маркс отметил весьма своеобразное положение, в котором оказался еще отец Вильгельма Мориц, в «чешский» и «датский» периоды Тридцатилетней войны [48]. Претендент на его владения, ландграф Гессен-Дармштадский [49] сумел найти контакт и с имперскими полководцами,

---

[48] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII. М., 1946, с. 204—205.

[49] Гессен делился на два ландграфства: Гессен-Кассель и Гессен-Дармштадт.

и с гессен-кассельским дворянством. Вернее, гессен-кассельские дворяне через его посредство навлекли, по-видимому, на свои земли имперско-католические орды Тилли и Валленштейна, не будучи в силах сами совладать со своим непокорным крестьянством. Ландграф Мориц воспротивился этой комбинации не из любви к крестьянам, а потому, что она лишала его наследственных владений. Но, оказавшись в конфликте с собственным дворянством, он принужден был выступить в роли защитника крестьян. Валленштейн, прибыв вслед за своими войсками в Гессен и узнав, что Мориц отказывается грабить подданных через своих чиновников в пользу его солдат, разрешил солдатам самим брать в деревнях все, что захотят, даже самим снимать урожай. Дворянство же Гессена, напротив, было освобождено от каких бы то ни было контрибуций и военных повинностей; кроме того, чтобы не лишать наиболее «благородную» часть гессенского дворянства доходов от поместий и деревень, был произведен своего рода циничный «раздел» населения: примерно четверть гессенских подданных, должно быть наиболее покорно сносивших феодальный гнет, была освобождена от гнетущих военных тягот и солдатского произвола, остальные три четверти принесены в жертву разнузданной солдатне.

Однако хозяйничание имперско-католических войск, вместо того чтобы смирить гессенских крестьян, дало новый толчок их борьбе. Как только в 1626 г. Тилли увел главную часть своего войска из Гессена, там разразилось большое крестьянское восстание. По сообщению хрониста Латома, автора одного из «летучих листков», появлявшихся во множестве во время войны и на этот раз посвященного верхнеавстрийскому восстанию 1626 г., «после того как генерал Тилли отвел бóльшую часть своей пехоты, в Гессене взбунтовались крестьяне и прогоняли и убивали тех солдат, которые стояли еще кое-где в городах. Затем они стали ходить от одного дворянского имения к другому и грабить их» [50]. Сведения об этом крестьянском восстании очень скудны. У другого современника мы находим еще более краткие сведения: «...восстали многие гессенские крестьяне; они разграбили пять дворянских имений, одно сожгли, солдат убивали» [51].

Ландграф Мориц сначала возлагал надежды на Христиана IV Датского, но после поражения Дании, восстания крестьян и новых жестокостей и опустошений, учиненных имперцами в Гессене, он в 1627 г. отрекся от престола в пользу своего сына Вильгельма V. Но и тому не удалось найти никакого иного курса, кроме своеобразного блока с крестьянами. Он смог сохранить в течение 1627—1631 гг. от имперских войск и от ландграфа Гессен-Дармштадского лишь очень немногие из своих владений.

---

[50] *Latomus S.* Eygentlicher und wahrhaftiger Bericht von der Bauernschaft in Oberösterreich. Frankfurt a/M., 1626, s. 11.

[51] *Bellus N.* Osterreichischer Lörbeerkranz. Frankfurt a/M., 1627, S. 947.

Он уже совсем обеднел. Последний шанс спасения для Вильгельма V состоял в том, чтобы просить помощи у шведского короля Густава-Адольфа, предложив ему взамен выставить армию рвущихся в бой гессенских крестьян-добровольцев, готовых видеть в обиженном ландграфе своего защитника, а в шведском завоевателе — посланца бога, Мессию.

Сношения Вильгельма V с Густавом-Адольфом начались еще в 1629 г. В октябре 1630 г. его уполномоченный вел переговоры с Густавом-Адольфом в Штральзунде. В апреле 1631 г. Вильгельм V уже открыто потребовал очищения Гессена от лигистских войск Тилли и выступил с войском, «которое вскоре усилилось, когда в ряды его встали многие отставные солдаты и озлобленные на врагов крестьяне, быстро превратившиеся в воинов» [52]. Все дворянство Гессена выступило против него [53]. Тилли с основными силами в июле 1631 г. двинулся было на Гессен, грозя страшной расправой, если ландграф тотчас не капитулирует и не распустит свое крестьянское войско; но привести свои угрозы в исполнение он не смог — военные приготовления Густава-Адольфа заставили его срочно изменить свой маршрут и спасли, таким образом, гессенского ландграфа от решения императора и Тилли «проглотить» его наконец. Фактическая взаимопомощь у Густава-Адольфа с «мужицкой армией» Вильгельма, следовательно, уже существовала. Но оформление этого союза Густав-Адольф всячески оттягивал. В августе 1631 г. ландграф лично прибыл в лагерь Густава-Адольфа в Вербене просить о помощи, «не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы выдержать натиск имперской армии». На этот раз Густав-Адольф заключил с ним как с командующим верхнерейнским округом наступательно-оборонительный союз, мало того, дал ему для обратного эскорта и дальнейшей службы под его командованием два полка из своей армии и денег для оплаты наемников. Разъяренный, Тилли направил наперерез курьера к своим союзникам — «к дворянству и сословиям земли Гессен», призывая их не принимать Вильгельма V, как открытого врага императора, «ибо в противном случае они окажутся соучастниками его преступления и навлекут на себя гнев, который будет тяготеть и над ними и над всем их потомством» [54]. Но гессенские дворяне не осмелились противиться своему ландграфу: теперь у него были свои и шведские войска, они же были безоружны, Тилли находился далеко и должен был воевать со шведским королем. Может быть, гессенское дворянство догадывалось, что этот шведский король в конце концов обуздает их крестьян не хуже, чем Валленштейн или Тилли; а пока что крестьянская активность могла быть целиком отведена от внут-

---

[53] *Шлоссер Ф.* Всемирная история, т. XIV, СПб., 1867, с. 338; ср. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, с. 206.
[53] *Шлоссер Ф.* Указ. соч., с. 338.
[54] Le soldat suédois..., p. 79—80.

ренней классовой борьбы в русло войны против мучителей-имперцев.

Чтобы несколько возместить неблагоприятное впечатление, которое произвел в германских правящих кругах его союз с ландграфом Гессенским. Густав-Адольф, имея уже насильственно заключенный союз с курфюрстом Бранденбургским, поспешил вернуть Мекленбург изгнанному мекленбургскому герцогу и добиться союза с курфюрстом Саксонским [55]. С таким политическим балансом он отважился наконец на решительную битву с имперской армией Тилли.

О Брейтенфельдской битве немецкими и шведскими историками и военными специалистами написано очень много. Вычерчены детальнейшие планы сражения. Установлено местоположение не только каждого полка, но чуть ли не каждого солдата [56]. И все-таки вся эта генштабистская ученость рассыпается как карточный домик при сверке с источниками. Достаточно заглянуть в нехитрый рассказ «Шведского солдата», чтобы обнаружить совсем упущенную сторону вопроса.

Среди населения Саксонии, сообщает он, перед Брейтенфельдской битвой были распространены слухи о появившихся приметах, сулящих страшное кровопролитие для врагов христианской церкви — вода в саксонских реках окрасилась в кроваво-красный цвет [57]. Это значит, что шла агитация за резню имперцев-католиков. Действительно, сражение с солдатами Тилли началось в Саксонии за несколько дней до Брейтенфельдской битвы — пожарами было охвачено 200 деревень [58] (разумется, в отместку за активные действия крестьян). Иными словами, опять-таки уже возникший де-факто союз против общего врага между движением саксонских крестьян и шведской армией вынудил и курфюрста Иоганна-Георга присоединиться со страху к этому союзу. Кончилась Брейтенфельдская битва тоже не так, как изображают военные историки. Густав-Адольф направил все свои резервы преследовать бегущего неприятеля, пишет «Шведский солдат», — «а саксонский курфюрст тоже приказал бить в набат по всей стране, чтобы имперцев хватали или убивали, — в чем крестьяне повиновались ему с верностью, и не понадобилось много приказаний, чтобы возбудить в них к тому охоту; это значительно увеличило число убитых, так что не только поле битвы было усеяно ими, но покрыты были и все дороги на двенадцать лье вокруг» [59].

Этот текст легко поддается исторической критике: известно, что курфюрст Саксонский, не дождавшись конца Брейтенфельдской

---

[55] Анализ этих союзов см. выше, глава V.

[56] Сводку этих материалов см. в издании шведского генерального штаба: Sveriges krig 1611—1632, bd. IV. Stockholm, 1937, s. 428—523. См. также шведскую работу: *Lundkvist S.* Slaget vid Breitenfeld 1631. — «Historisk tidskrift». Stockholm, 1963, N 1.

[57] Le soldat suédois..., p. 114.

[58] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, с. 208.

[59] Le soldat suédois.., p. 109.

битвы, бежал с испуга в Эйленбург; следовательно, он не мог дать приказа о преследовании неприятеля. Этот «приказ» явно выдуман повествователем, чтобы несколько прикрыть то, что стихийно произошло в действительности, — набат звонил по всей стране, крестьяне поднялись и преследовали имперцев. На поле битвы, пишет через несколько страниц «Шведский солдат», — «Тилли оставил 8 тыс. своих людей, не считая множества тех, которые были перебиты при бегстве сельским людом». А Паппенхейм через несколько дней после битвы говорил, что при бегстве погибло 18 тыс. человек [60]. Даже если какая-то часть из них была уничтожена преследовавшей их шведской кавалерией, то все же, несомненно, следует, что в «мужицкой резне» после битвы уничтожено было больше имперцев, чем в самой битве. Впрочем, в свете этих данных становится сомнительным и обычное представление о характере сражения. Ведь Брейтенфельдская битва особенно прославлена тем, что шведы потеряли в ней всего 700 человек убитыми. Но, может быть, эта колоссальная разница объясняется не столько качественным превосходством шведской армии (которое в дальнейшем никогда не проявлялось с подобным коэффициентом), сколько участием и в самой битве нерегулярных крестьянских сил?

Так или иначе, Брейтенфельдское сражение, признаваемое самой значительной битвой Тридцатилетней войны, имеет, как видим, сторону, совершенно игнорируемую историками.

Густав-Адольф считал, что это сражение, которое он так долго оттягивал, решает исход всей войны. В речи к войску перед сражением он сказал, «что прошел двести лье по стране для того, чтобы увидеть этот день... Что несколько часов решают спор многих лет». После победы дальнейшая перспектива представлялась Густаву-Адольфу лишь доделкой, всего лишь преследованием бегущего разбитого Тилли, «этого старого капрала, — хоть до края света» [61]. Историков издавна интересует вопрос, зачем вообще Густав-Адольф продолжал войну после Брейтенфельда, ибо основных целей Швеции он уже достиг: все территории Северо-Восточной Германии, прилегающие к Балтике, были завоеваны или поставлены под шведский контроль, императорский флаг был выброшен с Балтийского моря, никакая католическая армия не грозила шведским завоеваниям [62]. И действительно, все дальнейшее уже не может трактоваться под углом зрения истории Швеции — политика шведской дворянско-купеческой олигархии, политика в духе канцлера Акселя Оксеншерны была исчерпана. Логика германской истории, борьбы классов Германии — вот что влекло дальше Густава-Адольфа.

---

[60] Ibid., p. 111—112.
[61] Ibid., p. 101, 109.
[62] *Paul J.* Gustaf Adolf, Bd. III — Von Breitenfeld bis Lützen. Leipzig, 1932, S. 7.

Немецкие историки немало также обсуждали проблему: почему после победы Густав-Адольф пошел не прямо на императорские наследственные земли, т. е. в Чехию и Австрию, лежавшие непосредственно к югу от Саксонии, где он находился, а на Рейн, в Западную Германию, т. е. в обход габсбургских владений. Совершенно ясно, что после Брейтенфельда он преследовал уже не чисто военные цели разгрома противника, а цели политические — поиски союзников[63]. Но буржуазные историки не понимают и не хотят понять, что Густаву-Адольфу пришлось выбирать между двумя союзниками: крестьянством, которое готово было видеть в нем освободителя, спасителя, и князьями, которые относились к нему в высшей степени настороженно.

Идти в Чехию и Австрию, где в 1626—1627 гг. пылали крестьянские войны и все было готово к возобновлению борьбы, значило выбрать первого союзника. Опыт предыдущего года слишком ясно говорил, что этот союз возникает помимо воли и желания самого шведского короля и несмотря на любые его маневры. Напротив, в Тюрингии и Франконии крестьянское движение было несравненно слабее. Правда, и здесь далеко не было спокойно. Крестьянские движения в предыдущие годы вспыхивали тут и там. Но все же это было далеко не то, что творилось в Чехии и Австрии. Возможно, Густав-Адольф учитывал также, что выход на территории, населенные католиками, предвещал недоверие крестьянской массы к королю-протестанту, — по крайней мере, если он сам не проявит инициативы к сближению с ними. Здесь Густав-Адольф мог рассчитывать понемногу завоевать доверие и симпатии князей и сословий. В Чехию же, обманув все ожидания чешской дворянской эмиграции и, как увидим, чешского народа, он решил послать своего новоиспеченного союзника, курфюрста Саксонского, типичнейшего носителя княжеского реакционного духа, — пусть-ка разбирается с революционными союзниками, которых он волей-неволей там получит. Сам же Густав-Адольф тем временем приобретет союзников противоположного характера.

Конечно, это было политикой страуса. Никуда было не уйти Густаву-Адольфу от революционных сил Германии, которые в конечном счете дали ему его первые решающие победы. Будущее показало, что Густав-Адольф и не смог, действительно, уйти от этой роковой проблемы, он смог ее только на время отсрочить своим выбором военного маршрута и политического курса после Брейтенфельдской битвы.

Сразу после нее он обратился с воззванием ко всем государствам, князьям, городам Империи, — но только не к народу! — с призывом не оказывать никакой помощи его врагам и обещанием «свободы и мира Германии». Подойдя к Эрфурту, Густав-Адольф выпустил успокоительную прокламацию, ссылаясь на

---

[63] *Wittrock G.* Gustav II Adolf. — «Sveriges historia till våra dagar», utgiven av E. Hildebrand och L. Stavenow, 6 Helen. Stockholm, 1927, s. 364.

пример своего хорошего обращения с курфюрстами Саксонским и Бранденбургским и обещая равное обращение с католиками и евангелистами. Эдикт, изданный Густавом-Адольфом в Вюрцбурге (26 октября 1631 г.), снова поражает ориентацией исключительно на интересы обиженных императором князей и сословий. Даже упомянутые в эдикте насилия имперцев над населением Саксонии порицаются лишь как нарушения «конституции» Империи. Тут же Густав-Адольф ссылается на данное им Франции обещание по возможности быть в дружбе с князьями — членами Католической лиги. Он ведет войну только против императора, но не против Империи и ее установившегося устройства. Как бы подтверждая этот тезис на практике, Густав-Адольф кропотливо разбирался по пути в мелочных административных вопросах, правах муниципалитетов и т. д., не производя нигде ни малейших серьезных реформ. Мало того, он очень демонстративно воевал с вооруженными крестьянами всюду, где они встречались ему в это накаленное время «войны мужиков и солдат». Но у нас сейчас речь пойдет не об этом фасаде, обращенном к князьям, каковым был триумфальный поход Густава-Адольфа из Саксонии на Рейн, а о гораздо более фундаментальных фактах, хотя и оставляемых обычно в тени, — о походе шведско-саксонской армии в Чехию.

Поручить курфюрсту Саксонскому этот марш — из Саксонии, через Лаузиц, в Чехию и Силезию — значило с самого начала предать народное движение, стихийно поднимавшееся навстречу шведам. Иоганн-Георг был заклятым врагом этого движения. Он слишком боялся его у себя, в Саксонии. Характерно, что, как только Густав-Адольф отошел от района Брейтенфельдской битвы, курфюрст не только выпустил из Лейпцига осажденных имперцев, но большинство из них принял в свою армию. Что это были за люди, хорошо поясняет «Шведский солдат»: «Среди прочих там были пойманы комиссар Вальмерод и многие другие подобные же гарпии из разных мест, которые вымогали и грабительствовали по всей стране, выжимая огромные контрибуции» [64]. Вот эти-то опытные изверги и были не только спасены курфюрстом Саксонским от гибели, но и включены в его армию, он вовсе не хотел дальнейшего подъема борьбы саксонских крестьян, напротив, он хотел обуздать и усмирить ту короткую вспышку, которой способствовали шведы. Отсюда надо вести начало всей цепи его измен шведам — вплоть до Пражского мира 1635 г.

Командование имперских вооруженных сил учло и военные планы, и политические настроения противника. Имперские военачальники Гец и Тифенбах, прикрывавшие путь в Чехию, произвели встречную диверсию. Они вторглись в Лаузиц, опустошая деревни, села и города, а затем со страшными насилиями вступили в Саксонию. Курфюрст и не размышлял над дилеммой: под-

[64] Le soldat suédois..., p. 111.

нять ли своих крестьян против имперцев или дать имперцам усмирять и тиранить своих крестьян. Он предпочел второе и охотно дал уговаривать себя «простить обиды Тилли» подосланным к нему уполномоченным от императора и от испанского короля. Но открыто изменить Густаву-Адольфу они его не уговорили: победитель при Брейтенфельде был еще близко, он мог вернуться и повторить все сначала, и курфюрсту ничего не оставалось, как выполнить свои обязательства и идти с саксонской армией через Лаузиц к Праге. Венское правительство поняло это и, по-видимому, не без влияния маневрировавшего между обоими лагерями Валленштейна, пошло на сделку, явную для всех современников. Геца и Тифенбаху было приказано не только отступить из Саксонии, но очистить и Лаузиц, предоставив его в распоряжение саксонцев. Мало того, тут имело место какое-то классово-политическое сотрудничество, что-то вроде взаимопомощи «противников» против общего врага: саксонского курфюрста не могло не пугать, что волнения неспокойного лужицкого крестьянства создадут у него опасный тыл, будут грозить его коммуникациям, когда он продвинется дальше, — войска Геца и Тифенбаха, отступая, «очистили» Лаузиц и предотвратили эту опасность. «Они сделали свое удаление ощутительным для бедных жителей — опустошениями, вымогательствами, отнимая весь скот и всюду оставляя печальные знаки своего прохождения» [65].

Однако Лаузиц был лишь транзитной территорией. Вопрос о Чехии был неизмеримо сложнее. «Взаимопонимание» между саксонской и имперской политикой в отношении Чехии тоже может быть отмечено. Валленштейн вступил в прямые сношения с курфюрстом Саксонским и его главнокомандующим Арнимом. С одной стороны, Валленштейн, кровно обиженный на императора за свою отставку, живя в Чехии в качестве некоронованного правителя, передавал Густаву-Адольфу, что, ничего не требуя для себя лично, он готов общими усилиями опрокинуть австрийско-испанский дом и изгнать Фердинанда II куда-нибудь в Италию. Он предлагал даже конкретный план совместных военных действий. С другой стороны, не исключено, что могла состояться и та или иная сделка даже между Веной и курфюрстом Саксонским, если бы Валленштейн и Арним могли оторвать его от союза с Густавом-Адольфом. Но все это были нереальные планы, ибо курфюрст, подойдя с войском к границам Чехии в качестве освободителя, уже не был далее хозяином развертывавшихся событий и не в силах был направить их по своему усмотрению. В Чехии он оказался в том же положении, в каком Густав-Адольф был в Северо-Восточной Германии: самых минимальных, пусть даже символических военных действий против имперцев было уже достаточно, чтобы развязать народные силы.

---

[65] Le soldat suédois..., p. 153.

Нам надо отступить на несколько лет назад, чтобы представить себе эти силы.

Буржуазные историки традиционно повторяют тезис, будто чешское крестьянство не принимало участия в борьбе 1618—1620 гг. и этим способствовало утере Чехией национальной независимости. Факты говорят совсем о другом. Летом 1620 г., незадолго до битвы у Белой Горы, несколько тысяч чешских крепостных крестьян собрались в окрестностях Табора. Они требовали, чтобы их освободили от крепостной зависимости и чтобы были прекращены бесчинства солдат[66]. Чехию погубили не крестьяне, а дворяне, отказавшиеся в критический момент отменить крепостное право, когда крестьянское движение разгорелось.

Историографическая традиция так выпятила вперед катастрофу при Белой Горе, что существует распространенное убеждение, будто с нее прекратилось и чешское сопротивление габсбургско-католическому феодально-реакционному натиску. На самом деле оно шло по восходящей линии вплоть до 1632 г.

В течение 20-х годов возраставшая борьба чешского народа была направлена против четырех основных видов гнета: во-первых, против еще более усилившегося крепостничества при сменившихся в значительной части помещиках; во-вторых, против налогового обложения; в-третьих, против военных гарнизонов и постов — наиболее прямого выражения иноземного насилия; в-четвертых, против католической реакции и религиозных преследований. Последний пункт, религиозный, в глазах буржуазных авторов незакономерно заслоняет все остальное, хотя и бесспорно, что он имел большое значение. Борьба за сохранение своей веры, против католических миссионеров и иезуитов, любыми средствами «обращавших» чехов в католицизм, стала действительно в немалой мере знаменем сопротивления чешского народа своим угнетателям.

Дворяне и горожане, не желавшие принять католицизм, могли эмигрировать. Крестьяне были прикованы к своим нивам нуждой и к своим помещикам — крепостным правом. На месте, в глубине Чехии, разыгрывалась упорная повседневная борьба, стоившая жизни многим притеснителям и миссионерам. Подчас крестьяне с демонстративной легкостью «обращались» в католицизм, чтобы втайне сохранить старую веру, подчас их принуждали страшными насилиями, призывая войска, чтобы подавить их сопротивление. В Нетворжиче, возле Праги, крестьяне несколько лет давали отпор миссионерам и скрывались от них в лесах; на них делали облавы, в конце концов захватили их стада, тогда они, вооружившись вилами и кольями, ворвались в бург и отбили свой скот; сам Павел Михна, один из крупнейших после Валленштейна новых землевладельцев Чехии, прибыл на место со значительным

---

[66] Theatrum Europaeum, t. I. Francfurt a/M., 1679, p. 353; *Khevenhüller F. Ch.* Annales Ferdinandei. Bd. IX. Leipzig, 1724, p. 1002.

войском и кровавой расправой завершил «обращение». В Рожмитале, чтобы узнать зачинщиков сопротивления, часть крестьян бросили в тюрьму, тогда остальные ушли в леса; ничего, успокаивал иезуит Кочел, подождем зимы, мороз заставит их вернуться домой, и тогда мы их обратим!

Особое упорство крестьяне проявляли на востоке и северо-востоке Чехии. На границе Лаузица их так и не удалось обратить в католичество вплоть до середины XVII в. Валленштейн, главные владения которого находились на севере Чехии, вокруг Итчины и Фридланда, несмотря на тысячи уловок призванных им иезуитов, спектакли, чудеса и т. д., несмотря на аресты и колесования крестьян, захваченных на евангелистских собраниях, несмотря на бесчинства солдат, добился лишь того, что многие его деревни наполовину опустели, но почти никто не был обращен. Среди народа распространились визионеры, пророки. Их лейтмотивом было: не может быть, чтобы бог оставил свой народ, он просто подвергает испытанию его верность и стойкость.

Случаи вооруженных выступлений крестьян в чешских землях против помещиков, сборщиков налогов, военных гарнизонов были очень многочисленны. Дени говорит о «долгой и монотонной истории этих рабских восстаний»[67]. Невыносимость феодально-крепостнической эксплуатации и взимание налогов, совершавшееся нередко под угрозой сожжения крестьянских домов, вызывали на протяжении 20-х годов новые и новые выступления.

Сразу после битвы у Белой Горы угроза крестьянского восстания начала нарастать настолько явно, что императору приходилось держать в Чехии гарнизоны. Уже в декабре 1620 г. наместник императора в Чехии князь Лихтенштейн сообщал ему, что в Раковицкой земле и в других областях происходят крестьянские волнения. В мае 1621 г. императорские солдаты в поместье Ландшкроун просили помощи против крестьян, которых собралось около 1 тыс. человек. В это же время известны выступления крестьян Градецкой земли. В июле 1621 г. староста сообщил в Прагу, что в окрестностях Вальвара крестьяне убили несколько императорских солдат. В 1620—1621 гг. во время валашского восстания в бою с войсками кардинала Дитрихштейна погибли сотни крестьян. Позднее «валашский край» долго оставался одним из важнейших районов народного антифеодального движения[68]. В 1623 г. несколько тысяч крестьян во главе с одним рыцарем, пострадавшим от конфискаций, действовали против феодально-католических войск в Крживоклатских лесах, пытались освободить от немцев Крживоклат, но были разбиты[69]. В этом году крестьянство настолько волновалось, что, опасаясь восстания по всей стране (так как «не доверяли крестьянам и опасались

---

[67] *Denis E.* La Bohême depuis la Montagne Blanche, v. I. Paris, 1903, p. 95.
[68] «История Чехословакии», т. I. М., 1956, с. 264.
[69] *Khevenhüller F. Ch.* Op. cit., Bd. IX, S. 742.

восстания», говорит Гиндели), венское правительство ввело имперские войска во многие города Чехии[70]. Однако эта мера оказалась обоюдоострой: постои и поборы настолько разжигали негодование чехов, что в 1624 г. по специальной просьбе наместника Лихтенштейна пришлось отвести солдат из большинства городов и местечек Чехии[71]. Но это, в свою очередь, облегчило новый подъем народной борьбы. В 1625 г. поднялась целая волна серьезных крестьянских движений. В Коуржимском округе несколько тысяч крестьян с успехом осадили и захватили город Коуржим, затем двинулись в Градецкую область, захватили здесь несколько замков, убивали дворян и вообще, говорит Пельцль, «свирепствовали так, как некогда табориты»[72]. Восстание многих деревень произошло во владениях фон Вартенберга; крестьяне предъявили свои требования, затем осадили его замок, выломали ворота и, ворвавшись внутрь, убили его и его жену.

Тогда же, почти одновременно с движением у Коуржима, начались волнения на Севере Чехии, во владениях Валленштейна — в районе Фридланда и Либереца. Едва их подавили здесь, как восстало 600 крестьян в районе Ново Место и в имении иезуитской коллегии в Литомержицкой области[73].

Эти события крайне встревожили Валленштейна. Поскольку в Чехии в этот момент было мало войск, а города нельзя было оставлять без гарнизонов, по приказу императора туда снова были отправлены дополнительные силы. Они и подавили крестьянские движения, в том числе и в имениях Валленштейна[74].

Однако в 1626 г. крестьянские выступления в Чехии не прекратились. Это, по-видимому, объясняется взаимодействием с развернувшейся в это время крестьянской войной в Верхней Австрии. С одной стороны, чешское движение революционизировало австрийское крестьянство. Еще в начале верхнеавстрийских волнений секретарь Максимилиана Баварского Ранпек писал ему об опасности этого движения в особенности потому, что «крестьяне из Верхней Австрии имеют мысль связаться с богемскими крестьянами и бунтовщиками, и им оттуда [из Чехии] поступает военное снаряжение»[75]. Граф Мартиниц был убежден, что верхнеавстрийские крестьяне имеют соглашение с чешскими[76]. Бесспорно, что множество чешских крестьян, разбитых в 1625 г., переходило границу под знамена вождя австрийских крестьян Стефана Фадингера.

---

[70] *Gindely A.* Geschichte der Gegenreformation in Böhmen. Leipzig, 1894, S. 373.
[71] Ibid., S. 376.
[72] *Pelzel F. M.* Geschichte der Böhmen, Th. II. Prag, 1782, S. 751.
[73] *Svátek J.* Die Bauernrebellionen. Wien, 1879, S. 166—167.
[74] *Gindely A.* Op. cit., S. 405—409.
[75] *Czerny A.* Bilder aus der Zeit der Bauernunruhen in Oberösterreich, 1626, 1632, 1648. Linz, 1876, S. 53.
[76] *Gindely A.* Op. cit., S. 409.

С другой стороны, верхнеавстрийское восстание, в свою очередь, воздействовало на новый подъем борьбы в Чехии. В июле 1626 г. здесь было захвачено несколько проповедников, призывавших крестьян к восстанию и успевших уже собрать несколько сот вооруженных крестьян. Тогда же Раннек писал Кевенхюллеру: «О богемских и пфальцских крестьянах плохие вести: они тоже как будто собираются подняться в большом числе... Если верхнеэнские (верхнеавстрийские. — *Б. П.*) крестьяне добьются успеха, то можно, без сомнения, ожидать, что и те начнут мятеж»[77]. Ряд источников свидетельствует о брожениях, «мятежной пропаганде» среди чешских крестьян, о начинающихся то тут, то там восстаниях: «Не только в одном месте, — говорит Карафа, — но и близ Куттенберга [Кутна Гора], и на границе с Саксонией появились уже угрожающие признаки; в одном месте мятеж еще тайный, в другом — пылает открыто»[78].

Крупные волнения крестьян происходили в 1627 г. Известно о волнении в Конопиштском панстве, в поместье графа Михны. Оттуда волнения перебросились в его владения в Чаславской и Коуржимской областях. Крестьяне, которых здесь собралось около 8 тыс. человек, захватили небольшой город, несколько монастырей и замков, в том числе замок самого Михны, который едва спасся бегством; головы господских управляющих крестьяне носили перед собой на кольях. Во время этих волнений священник Матоуш Улицкий призывал крестьян последовать примеру старых чехов, т. е. чехов XV в., и расправиться с панами «по-жижковски». Это восстание было подавлено прибывшими войсками, вожаки четвертованы[79]. Во владениях самого Валленштейна волнения происходили в имении иезуитов у Итчины. Волнениями была охвачена вся северо-восточная часть Чехии, где были раскинуты владения Валленштейна, — вплоть до Фридланда[80].

Расправы не смогли сломить волю чешского народа. В 1628 г. кривая крестьянской борьбы в Чехии идет еще выше. Огромное восстание пылает в Градецкой области, где в поместьях Опочно и Трчковско восстало около 4 тыс. крестьян; они громят имения и замки, захватывают город Нове Место. Опоченские крестьяне пытались действовать совместно с крестьянами Моравии и Силезии[81]. Восстание было подавлено специально присланными войсками. 500 крестьян пало в сражении, захваченным в плен отрезали в Праге носы, ставили на спинах клейма.

---

[77] *Czerny A.* Op. cit., S. 81—82.
[78] *Carafa C.* Commentarii de Germania sacra restaurata. Colonia Agrippina, 1639, s. 256.
[79] *Gindely A.* Op. cit., s. 412; «История Чехословакии», т. I, с. 264.
[80] *Peschek Ch. A.* Die Geschichte der Gegenreformation in Böhmen, Bd. II. Leipzig, 1843, S. 305.
[81] «История Чехословакии», т. I, с. 264.

В следующем, 1629 г. движение начали жители бурга Ровенско, когда один иезуит для их обращения вызвал солдат. Поднятые набатом окрестные крестьяне заставили войска отступить, а иезуита растерзали. Восставшие, число которых быстро возрастало, двинулись на Турнов, они внушали такой ужас, что сам Валленштейн бежал в Прагу. Не сумев осилить городских стен, восставшие все же не хотели слышать угроз и отказывались отступить. «Мы не бросим того, что начали, — говорили они. — Мы воюем за свободу». В конце концов они были разгромлены в бою, многие погибли, вожаки были колесованы [82].

В следующем, 1630 г. крестьянская партизанская война в Чехии носила уже перманентный характер, в частности в горах Исполиновых и Рудных. Восстания продолжались весь год — не только в горах, но и в других местах [83].

Все эти факты, к сожалению далеко не полные, свидетельствуют о неуклонном нарастании революционного подъема в Чехии. Они дают возможность представить себе состояние масс Чехии в тот момент, когда саксонская армия вступила в нее. Тысячи крестьян скрывались в лесах, другие боролись с оружием в руках. Борьба шла и в городах. В одной Праге, в склепах Белой башни, скрывались многие сотни проповедников, обвиняемых в подстрекательстве народа против императора и церкви. «При всяком движении по ту сторону границы, — говорит Дени, — радостный трепет поднимал души, а правители боялись восстания» [84]. При появлении на политическом горизонте Густава-Адольфа все угнетенные приветствовали в нем долгожданного, посланного самим богом освободителя и мстителя. Сам Густав-Адольф, едва лишь высадившись в Германии, дал указания связаться с «верными богемцами». Он тогда еще не понимал, к кому он взывает. Если бы он сам со своей армией двинулся в Чехию, он не только не встретил бы силы, которая могла бы ему сопротивляться, — ему почти и не пришлось бы вести военных действий. «Чтобы объединить, — восклицает Дени, — в единодушном порыве к спасению этот народ, совесть которого была оскорблена, сердце растоптано, интересы ущемлены, по-видимому, достаточно было бы поднять знамя Гуса и Жижки» [85].

Но в том-то и дело, что ни саксонский курфюрст и его главнокомандующий Арним, ни находившиеся при их штаб-квартире чешские аристократы Турн, Бубна, Кинский, Тртчка и др., ни более широкие круги протестантской дворянско-буржуазной эмиграции, сконцентрировавшие у границ Чехии несколько своих добровольческих полков, ни в коем случае не собирались поднимать знамя Гуса и Жижки — знамя народной антифеодальной

---

[82] *Denis E.* Op. cit., p. 95—96.
[83] Ibid., p. 144.
[84] Ibid., p. 95.
[85] Ibid., p. 144.

войны. Нет, они жаждали потушить разгоравшееся пламя этой войны. Курфюрст Саксонский и Арним, по мнению Дени, решились отправить свою армию в Чехию в качестве «консервативной меры» — как лучшее средство сохранить чисто политический характер войны и не дать ей приобрести социально-революционный характер[86]. Достаточно было двух месяцев, чтобы это стало очевидным.

Можно с уверенностью утверждать, что вступление шведско-саксонской армии в Чехию послужило сигналом к настоящему народно-освободительному восстанию. Как много говорят, например, несколько слов, оброненных об этом «Шведским солдатом»: «... к тому же крестьяне Богемии, видя, что саксонцы их поддерживают, восстали в разных местах против людей императора, притеснявших и мучивших их так долго. Все те, кого им удавалось поймать, расплатились и за себя и за своих сотоварищей...»[87]. В 1631 г. значительные выступления крестьян происходили в жатецкой, сланской, литомержицкой, градецкой областях, где были разрушены многие замки и крепости новых помещиков и католические монастыри[88].

В городах навстречу освободителям тоже поднимались восстания. Город Эгер (Хеб) был, например, взят саксонцами благодаря восстанию горожан, выломавших ворота и впустивших осаждавшую саксонскую армию[89]. Характерны события, разыгравшиеся в Праге, когда в ноябре 1631 г. саксонская армия подошла к ее стенам. Находившиеся в Праге Валленштейн, Мартиниц, Гаррах, командовавший военными силами в Чехии Марадас, глава чешской католической знати Михна и другие лидеры имперско-католической партии в Чехии приготовились к обороне, расставили свои войска, дали горожанам оружие, впервые после 1620 г. Жителей запугивали страшными бесчинствами саксонцев и угрожали наказаниями за трусость при обороне. «Но, — говорит «Шведский солдат», — всего этого было недостаточно, чтобы заставить пражцев влезть в хомут, — руководила ли ими боязнь перед силой противника, или невыносимость ига, под которым они находились несколько лет, или, может быть, надежда на благоприятные для них нововведения. Во всяком случае, они противопоставили всем этим доводам имперских офицеров ссылки на свою слабость и слабую укрепленность города» и т. п. отговорки, словом отказались оборонять Прагу. Сложившаяся внутри городских стен атмосфера принудила Валленштейна и других вождей срочно ретироваться из Праги со своими войсками и канцеляриями. Жители Праги, говорит с неодобрением «Шведский солдат», — «оставшись без главы и без узды», предъявили сак-

---

[86] *Denis E.* Op. cit., p. 142.
[87] Le soldat suédois..., p. 176—177.
[88] «История Чехословакии», т. I, с. 264.
[89] Le soldat suédois..., p. 238.

сонскому командованию требования дать гарантию, что никакие солдатские бесчинства не будут допущены, и впустили в город только малую часть войск, — остальные войска командованию пришлось направить в Будейовице и Пльзень. Ровно через 11 лет после своего падения Прага была освобождена. Старый граф Турн, лидер чешского дворянского антигабсбургского движения 1618—1620 гг., прибывший с курфюрстом Саксонским, водворился в своем дворце, захваченном графом Михной. Но жители Праги, по-видимому, воспринимали свое освобождение не просто как реставрацию старых, довоенных порядков. Недаром в приведенных словах «Шведского солдата» говорится о воодушевлявшей их «надежде на благоприятные для них нововведения». В городе разыгрывались какие-то социальные движения, о которых наш источник упоминает лишь глухо: «В связи с этим новым переворотом среди населения Праги, находившегося еще под влиянием жестокого обращения, которое оно претерпевало в последние годы, имели место ропот и волнения. Толпа дурного люда намеревалась наброситься на монастыри в целях грабежа» (впрочем, успокаивает автор французских читателей, отнюдь не по религиозным побуждениям), но саксонцы сумели «привести их к порядку» [90].

Как видим, роль саксонцев была в высшей степени двойственной. Они одерживали успехи только благодаря выступлениям чехов. «Их поддерживало местное население, — повествует «Шведский солдат», — которое изгнало имперские гарнизоны из Постельберга, Ферита, Бруствальда и Аугудитца». Многие другие города «тоже, не торгуясь, сдались». «Эта величайшая легкость, которая повсюду сопутствовала саксонцам» [91], объясняется, конечно, мощным национально-революционным подъемом чешского народа. С имперцами воевали не столько саксонцы, сколько чехи. Вот, например, эпизод из истории отражения набегов имперской кроатской (хорватской) кавалерии: «Эти кроаты, неутомимые в мародерстве, попробовали переправиться через реку Молдаву (Влтаву) в семи лье от Праги и пограбить окрестности Пльзеня; крестьяне подняли тревогу, ударили в набат, собрались в числе 600 человек, нашли способ уничтожить их переправочные средства и преследовали их со всех сторон так, что, оказавшись окруженными местным населением, знавшим все проходы, они подверглись истреблению без всякого сострадания... Не многие из них смогли донести эти вести до своих товарищей» [92]. Иногда участие крестьян в борьбе носит более скрытый характер, но нетрудно угадать черты партизанской войны в таком, например, описании: «Генералы Альтрингер и Галлас получили приказ прорваться в Богемию (Чехию) через

---

[90] Ibid., p. 173—176.
[91] Ibid., p. 170.
[92] Ibid., p. 285.

Верхний Пфальц, чтобы укрепить те города, которые сохранили еще верность императору, но они встретили непреодолимые препятствия — все проходы заняты, деревья повалены, повсюду отсутствует продовольствие, — так что они были принуждены вернуться восвояси» [93].

Конечно, все это — лишь разрозненные штрихи. Историки до сих пор писали неизмеримо больше о национальной катастрофе 1620 г. при Белой Горе, чем об этом замечательном реванше 1631 г., подготовленном нарастанием крестьянского движения в Чехии в течение 20-х годов. Это связано с тем, что он был слишком кратковременным. С одной стороны, мобилизация сил имперско-католической реакции, с другой — предательство саксонского командования и чешской эмиграции вскоре сорвали этот блестящий успех чешского народа.

Но все же у Дени, например, с некоторой долей добросовестности и демократической симпатии подошедшего к этим событиям чешской истории, мы находим о них несколько ярких, хотя, к сожалению, слишком конфессионально окрашенных страниц. Вот две-три выписки.

«При прохождении саксонцев, — пишет Дени, — все города без сопротивления открыли им ворота. Арним вступил в Прагу 20 ноября. Вся страна была в полной анархии: повсюду старые хозяева изгоняли вторгшихся новых, и притеснители бежали, преследуемые своими жертвами. Ярость толпы обратилась прежде всего против священников... Почти весь север и северо-восток поднялся с возгласом: смерть папистам! Движение распространилось и на центральную часть Богемии... Во владениях Славаты крестьяне набросились на пытавшихся укрыться там иезуитов и перебили их. В окрестностях Будейовице, Клатовы и в других местах католикам приходилось еще хуже... В Пльзене и Градец Кралове (оставшихся в руках имперцев. — *Б. П.*) принимались военные меры против возможности совершения переворота инсургентами; правители, находившиеся в Будейовице (куда они бежали из Праги. — *Б. П.*), лязгали зубами со страху „перед восстанием простонародья во множестве мест“, прося позволить им ретироваться в Вену. В городах мелкий люд, не поредевший от эмиграции (как верхи. — *Б. П.*) и предохраненный (от обращения в католичество. — *Б. П.*) своей темнотой, требовал восстановления национального культа. В Праге, едва лишь удалились имперские власти, толпа ремесленников и окрестных виноградарей высыпала на улицы, вторгалась в дома подозрительных. Как во времена Яна (Гуса. — *Б. П.*) и Жижки, демократические силы деревни и города действовали рука об руку.

Дальнейшие события доказали, что тут были серьезные элементы для сопротивления. Когда, в последний час, перед лицом успехов имперцев, саксонские генералы разрешили чешским

---

[93] Le soldat suédois..., p. 201—202.

землевладельцам своими силами организовывать оборону, крестьяне сотнями являлись, становились подле представителей старого национального дворянства и сражались мужественно. Многие города, которым угрожала армия Лиги, отказывались смириться и заставляли ее отступить. Старый гуситский дух еще не умер, и с некоторых точек зрения момент мог бы теперь оказаться, безусловно, более благоприятным, чем в 1618 г., для того чтобы развязать подлинное народное восстание». Конечно, продолжает Дени, не просто было «превратить в настоящую армию эти беспорядочные толпы и спаять в непоколебимую решимость освобождения эти бурные, но скоротечные желания мести. Но одно-единственное слово совершило бы это чудо, а именно — отмена крепостного права. Никто не захотел его произнести!»

Конечно, автор прав, что ни помещики-эмигранты, вернувшиеся с узкокорыстными вожделениями, ни саксонцы не могли стереть подлинно освободительного движения чешских масс. Иное дело, добавим мы, если бы в Чехии оказалась армия Густава-Адольфа, армия, ядро которой все еще составляли жители страны, где не было крепостного права. Какой смысл был бы им бороться против антикрепостнического движения? Но чехи-эмигранты и саксонцы-завоеватели были хотя и «добрыми протестантами», увлеченными «национальной идеей», но крепостниками.

Дени продолжает: «Хронист Павел Скала, отличный протестант, не выражает ничего, кроме ужаса и отвращения перед «этой чернью, этим сельским простонародьем»; те же чувства разделяло и большинство эмигрантов, оглушенных всем этим шумом, покоробленных в своей деликатности всеми этими насилиями. Они понесли наказание за свою вину: они требовали исключительных привилегий, гнушались толпой, и вот теперь, когда одна лишь эта толпа могла их защитить, они лишь что-то растерянно и брезгливо бормотали перед ней. . .» [94]

Вена была крайне встревожена положением дел в Чехии. Именно к событиям в Чехии было приковано главное внимание австрийского двора, а вовсе не к триумфам Густава-Адольфа в Тюрингии, Франконии и на Рейне. Где бы взять войска для усмирения Чехии?

Несмотря на возвращение из Италии корпуса Галласа, императорская армия была слаба и распылена. Тилли и Паппенхейм были связаны в разных местах Густавом-Адольфом, его союзниками и генералами. Впрочем, его «военная прогулка», в ходе которой он избегал крупных операций, дала возможность выделить часть имперских войск для направления на Чехию. Но, как мы выше видели, Галлас вместе с Альтрингером не смогли даже вступить в Чехию. В поисках вооруженной силы взоры имперских политиков обратились к Лотарингии. Лотарингская армия выступила по призыву императора, намереваясь по пути растоптать

---

[94] *Denis E.* Op. cit., p. 146—148.

Гессен, — как мы помним, один из очагов крестьянского движения. Социальная направленность лотарингского похода подчеркивается тем, что лотарингцы в зверствах превосходили всех других: «не было таких видов варварства и эксцессов, которые они не заставили бы испытать даже в землях своих друзей, которым они как бы покровительствовали, ибо они не довольствовались тем, что поедали и уносили все, что возможно, но находили удовольствие обращать в пепел и приводить в негодность и то, что им приходилось оставлять» [95]. Однако Густав-Адольф разбил лотарингцев в пути, и они не дошли до Чехии. Как видим, шведский король, даже не желая того, оставался союзником революционных народных сил!

Для подавления отпавшей и восставшей Чехии осталось лишь одно средство — просить Валленштейна повторить «чудо» создания почти из ничего страшной антинародной имперской армии. Император, подчеркиваем, унижался перед Валленштейном и соглашался на все его ультиматумы не из-за военных действий Густава-Адольфа, а из-за событий, развернувшихся в Чехии. В глазах современников это было очевидно. «Шведский солдат» непосредственно после цитированных выше слов о выступлении крестьян во многих местах Чехии продолжает: «Совет же императора, видя эту бурю, разразившуюся над Богемией, счел, что он не может противопоставить ей орудия, более мощного, чем Валленштейн» [96], и поэтому обратился к Валленштейну, находившемуся в отставке, с просьбой взять на себя снова верховное командование всеми вооруженными силами Империи. Фигура Валленштейна приковала к себе все надежды не потому, что он был особенно выдающимся военачальником, — как известно, за всю свою политическую карьеру он не выиграл ни одной крупной битвы [97], а потому, что он был олицетворением установки на военную диктатуру, на безжалостное применение к народу ничем не ограниченного насилия. К тому же личные интересы Валленштейна, ставшего после Белой Горы крупнейшим феодальным землевладельцем Чехии и Моравии и имевшего уже, как мы видели выше, опыт подавления крестьянства в своих поместьях, требовали во что бы то ни стало ликвидации успехов чешского народа, грозивших ему потерей всего.

В соответствии с условиями, на которых Валленштейн после долгих просьб императорских посланцев согласился наконец в апреле 1632 г. принять звание генералиссимуса всех имперских, а также испанских войск, он потребовал, чтобы, как только Чехия бу-

---

[95] Le soldat suédois..., p. 232.
[96] Ibid., p. 177.
[97] Уотсон (см. *Watson F.* Wallenstein. Soldat untern Saturn, 1939, S. 143) говорит, что у Валленштейна среди военных сложилась репутация «непобедимого», а среди политиков «генерала без побед». Уотсон оправдывает оба мнения тем, что Валленштейн был преимущественно мастером обороны и в обороне не знал поражений.

дет отвоевана, в Праге был оставлен гарнизон в 12 тыс. человек, ибо это «необходимо для удержания богемцев в повиновении»[98], оговорив, что остальная часть его армии может быть использована в других местах Империи.

Рассматриваемое на социальном фоне возвращение опального Валленштейна, сводимое большинством буржуазных историков к интригам и личным качествам его, императора, разных придворных персон и т. д., становится таким образом ясным, а вся мишура отпадает сама собой. В свою очередь, невиданное «унижение» императора, принужденного по заключенной капитуляции не только удовлетворить все домогательства Валленштейна, но и передать ему ряд основных прав государственной власти, помогает оценить решающее значение социального фона для истории Тридцатилетней войны.

На этом мы принуждены прервать освещение социально-политической обстановки, в которой предпринял свой поход Густав-Адольф. События следующего, 1632 г. потребовали бы еще целого исследования. Мы рассмотрели лишь завязку драмы. Своей кульминации она достигла только через несколько месяцев. Здесь достаточно сказать, что Густав-Адольф тщетно пытался «обойти» народное движение, стихийно подымавшееся ему навстречу. Тщетно доказывал он свою приверженность интересам князей и дворян, громя встречные крестьянские отряды, подавляя крестьянское движение в Баварии, посылая часть своей армии для кровавой расправы с крестьянскими выступлениями во Франконии, в Швабии, у Боденского озера. В конце концов, когда он подошел к Австрии, вопрос встал ребром: ему навстречу поднялось новое восстание верхнеавстрийских крестьян[99], и он должен был выбирать между победой над императором в союзе с этими крестьянами или отказом от надежды на императорскую корону. Формально он вступил в предложенный ему крестьянскими вождями союз, фактически же предал их, отступив и дав возможность Валленштейну утопить восстание в крови. Это предрешило его катастрофу. Подорвав с трудом завоеванное доверие князей и дворян, но не использовав и поддержки народного движения, Густав-Адольф не имел уже никакой опоры внутри Империи, если не считать начавшегося «джентльменского» сближения с Валленштейном. Катастрофа завершилась уже после смерти Густава-Адольфа разгромом шведских интервентов у Нёрдлингена. Валленштейн же, ставший ненужным, когда миновал социально-политический кризис, был убран со сцены.

---

[98] Le soldat suédois..., p. 245.

[99] *Czerny A.* Bilder aus der Zeit der Bauernunruhen in Oberösterreich. 1626, 1632, 1648. Linz, 1876; *Самохина Н. Н.* Крестьянские восстания в Верхней Австрии в конце XVI—середине XVII в. М., 1952, с. 547—567 (Дисс.).

VIII

РУССКОЕ «ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО» В ШВЕЦИЮ В 1633 Г., ГИБЕЛЬ ВОЖДЕЙ, ГИБЕЛЬ СОЮЗА

О «Великом посольстве» из Москвы в Стокгольм во главе с боярином Б. И. Пушкиным уже упоминалось бегло в главе «Борьба вокруг русско-шведского союза в 1631—1632 гг.», но оно, безусловно, требует самостоятельного и очень подробного анализа. Источники о посольстве сохранились как в русских, так и в шведских архивных фондах. О нем упоминают Г. В. Форстен [1], О. Л. Вайнштейн [2], А. А. Арзыматов [3]. Из шведских авторов об этом посольстве бегло упоминали Вейле, Аплунд, Пауль, Норрман и др. Общая концепция автора этих строк о развитии русско-шведских отношений была изложена на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме в 1960 г.[4], и, в сущности, тождественная точка зрения была высказана его шведским содокладчиком В. Тамом [5].

Как помнит читатель, так называемая Смоленская война между многонациональным Московским государством и многонациональным Польско-Литовским государством оказалась неразрывно связанной со шведской войной в Германии. Русско-шведские переговоры о военно-политическом союзе до гибели Густава-Адольфа 16 (6) ноября 1632 г. шли по крутой восходящей линии. Посольство Б. И. Пушкина, Г. И. Горихвостова и М. В. Неверова знаменовало трагический для обеих сторон перелом в истории борьбы вокруг русско-шведского союза. Трагизм как бы подчеркивается

---

[1] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., т. II. СПб., 1894, с. 435—441.

[2] *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война, 1618—1648 гг. М.—Л., 1947, с. 137—145.

[3] *Арзыматов А. А.* К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618—1648 гг. (по материалам ЦГАДА). — В кн.: «Скандинавский сборник», I. Таллин, 1956, с. 80—82.

[4] *Porchnev B. F.* Les rapports politiques de l'Europe occidentale et de l'Europe orientale à l'époque de la guerre de trente ans. — «Rapports du XIe Congrès international des sciences historiques. Stockholm, 21—28 août 1960», IV.

[5] Ср. *Tham W.* Den Svenska utrikespolitikens historia, 1, 2 (1560—1648). Stockholm, 1960.

тем, что оно с самого начала с великим оптимизмом было в Москве наименовано «Великим посольством».

Посольство Б. И. Пушкина с товарищами, как помнит читатель, готовилось еще задолго до известия о смерти Густава-Адольфа. Рассмотрение источников приходится начать с того далекого этапа. Это прежде всего переговоры кн. И. Б. Черкасского со шведами по двум каналам связи: через лифляндского губернатора И. Шютте[6] и с де Вержье — уполномоченным Жака Русселя[7].

Когда именно было решено отправить в Швецию посольство, из соответствующего столбца Посольского приказа не ясно. В первых документах от 22 июля 1632 г. уже говорится, как о деле решенном, о пышном посольстве в составе 32 человек. Верительная грамота датирована 28 августа. Однако что-то задержало посольство (не приезд ли де Вержье?), и только 1 октября 1632 г. от имени царя и патриарха следует новый приказ дьякам Посольского приказа изготовить новую верительную грамоту и другие документы, что и было выполнено к 11 октября 1632 г.

Особый интерес представляет пространный наказ, который, по-видимому, еще дополнялся по ходу переговоров с де Вержье. Мы уже останавливались на его содержании[8]. Как источник самый широкий интерес представляет та часть наказа, которая содержит официальную концепцию истории Московского государства со времени смерти Ивана Грозного. История «смутного времени» предстает здесь в трактовке русского двора, ставшей впредь канонической. Красной нитью проходит тема о польско-литовской интервенции и последовавшей затем враждебности между освободившимся Московским государством и Речью Посполитой. Враждебность же к германскому императору освещается как чисто производная, поскольку император Фердинанд II действовал в качестве союзника польско-литовского короля Сигизмунда III и вместе с тем как недруг шведского короля Густава-Адольфа. Далее подробно мотивируется возникновение русско-польской Смоленской войны с ссылками на все, что уже было выяснено по этому вопросу в русско-шведской дипломатической переписке. Поскольку царь уже начал военные действия, шведский король призывается не медлить с выступлением. При этом, как нечто договоренное, напоминается, что, если Густав-Адольф займет какие-либо польско-литовские города «на сей стороне» (т. е. на московской) реки Двины, пусть ими «поступится» в пользу царя, «а которые городы ... поемлет по ту сторону реки», те останутся за его шведским королевским величеством. Со своей стороны царь уже оказал давление на султана Мурада IV, на крымского хана Джан-

---

[6] *Голицын Н. В.* К истории русско-шведских отношений и населения пограничных со Швецией областей (1634—1648). М., 1903.
[7] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 8; 1633 г., стб. 5.
[8] См. выше, с. 317—320.

бек-Гирея и на своих сторонников в Польше и Литве, чтобы Густав-Адольф был провозглашен польским королем.

Этот план реорганизации Восточной Европы тесно связан в наказе с концепцией нынешнего международного положения Московского государства. Наряду с традиционными оценками отношений с Англией, Францией, Данией, Голландией, наряду с резкой формулировкой об отсутствии сношений и о враждебности с германским императором и римским папой как врагами всех истинных христиан, большое внимание уделено положению Московского государства среди государств и народов Азии. Тут особенно подчеркивается дружественное сотрудничество с соседними мусульманскими государствами — Турцией, Персией, Крымом. Важное значение придается покорности царской воле обширнейших земель и народов далеко на восток от Москвы: «Большие нагаи, и Казыева улуса, и горские черкесы и кумыки во всей царского величества воле, а служат государю по-прежнему и николи от царской милости отступны не бывали; в Сибири устроены городы многие, и всякие служилые и жилецкие люди пожалованы денежным и хлебным жалованием, и пашни устроены великие, и живут служилые и жилецкие люди в тишине и в покое, а ц. в-ву служат и дань сибирских людей идет многая — соболи, и лисицы, и белки, и иная мягкая рухледь».

Удивительно широко окинут взором весь евразийский мир, к которому Московское государство имело то или иное касательство. Только дальневосточные государства остались вне поля зрения. Но дело их здесь прямо и не касается.

В наказ явно вклеены отрывки из проекта де Вержье[9]. Второй из них даже прибавлен уже после подписи думного дьяка Ивана Гавренева. Он озаглавлен «О тайном договоре и укреплении с королем». Тут и расшифровка взаимных военных обязательств: если один из союзников «понаклонится», то другой обязан его «исправить». Тут и дальнейшее уточнение будущей границы Московского государства (она должна пройти по Западной Двине, Неману, Днепру, с выходом в Черное море); и идея о том, что после установления новых рубежей на землях Польско-Литовского государства Московскому государству Швецией обеспечивается полная свобода распространения владений на восток («к восточной стороне»). Договор о союзе и дружбе останется обязательным не только для подписавших государей, но и для их наследников[10].

Как уже показано выше, все это было наперед согласовано через посредство тайного дипломатического агента Жака Русселя. Он же был инициатором и творцом как большинства деталей, так и формулировок в этих секретных дополнениях к наказу и в дополнениях, включенных в основной текст. Каковы были соб-

---

[9] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 8, лл. 154—155, 171—175.
[10] Там же, лл. 174—175.

ственные мотивы и политические идеи Жака Русселя, рассмотрено нами в другой связи[11]. Но бесспорно, что никаким гипнозом он не мог бы навязать свои концепции руководителям двух могучих государств, если бы не угадал и не конкретизировал их собственные концепции и глубокие интересы.

В наказе «Великому посольству» Б. И. Пушкина с товарищами одновременно звучит и тревога по поводу верности Швеции союзническому долгу. Конечно, перспектива получения польско-литовской короны и западной половины Польско-Литовского государства представлялась важной побудительной причиной для верности Густава-Адольфа этому союзу. Но в Москве знали, что он охотится в Германии за другой, еще более заманчивой короной — императорской, знали и то, что в Швеции часть олигархии настроена против присвоения каких-либо иностранных корон королем, который сделался бы таким образом слишком независимым. Наказ определенно предвидит возможность шведско-польского сговора. С одной стороны, тут подобрана информация для передачи шведам о полном единстве и неразрывности политики германского императора и польского короля. С другой стороны, при заключении договора оба государя должны поклясться «от общих своих недругов — от польского королевича Владислава и брата его Казимира и от иных их братьев, кто из них будет на польском и литовском королевстве — не принимать никакого нового перемирия, ни мира без общего совета»[12]. Наконец, послам предписывается во время их пребывания в Швеции и в Германии тайно проведывать, среди прочего, были ли сношения у Густава-Адольфа с королем Сигизмундом III или после его смерти — с польско-литовским сеймом.

В дополнении к наказу содержится и дипломатическая контругроза: намерение не принятого Москвой посольства Гнезненского архиепископа якобы состояло в том, чтобы ценой возврата Москве захваченных русских городов остановить русско-польскую войну, а всю польско-литовскую армию послать в помощь императору против шведов[13]. Действительно ли у Московского государства имелась такая информация или это была только догадка? Во всяком случае именно этот прогноз и подтвердился впоследствии. Здесь он выдвинут лишь как средство давления на шведскую сторону. Это был тонкий и умный замысел — не только парировать такой угрозой шведско-польское примирение, но и понудить Густава-Адольфа не слишком увлекаться войной с императором, а поспешить обрушиться на Польшу: ведь Москва может развязать ей руки.

11 октября 1632 г. были подписаны: верительная грамота послам; грамота к датскому королю Христиану IV на случай, если

---

[11] *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 339—354.
[12] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, л. 154.
[13] Там же, л. 75.

послам придется ехать через его владения; такая же грамота германским князьям и городам; сопроводительное письмо Филарета Никитича Густаву-Адольфу, где он, маскируя свою истинную роль, выражает лишь свою радость по поводу союза своего сына со шведским королем[14]. Послам были вручены примерные образцы тех грамот, на которых Михаил Федорович и Густав-Адольф будут целовать крест, т. е. проект договора о союзе на указанных выше условиях[15].

В столбце имеются любопытные вопросы послов по неясным для них пунктам, сформулированные, скорее всего, до окончательного оформления наказа с описанными выше дополнениями. Суть этих вопросов состоит в неясности наказа касательно прежних проектов Густава-Адольфа. Как быть, если он будет по-прежнему ссылаться на свою связанность войной с императором, если снова ограничится предложением нанять на царские деньги войско и послать его с запада на Польско-Литовское государство? А если послы будут настаивать, что ему надлежит («податно») вторгнуться в Польско-Литовское государство в помощь царю, он ведь может возразить, что в свое время, когда он воевал с Польшей, царю тоже надлежало («податно») послать туда своих воевод с войсками, — что на это отвечать? Ответов в столбце нет, но, видимо, эти вопросы считались пройденным этапом, и перед «Великим посольством» ставились задачи более высокого политического порядка.

«Великое посольство» выехало из Москвы в конце октября 1632 г. В Новгороде оно задержалось из-за болезни сына посла Горихвостова и возобновило следование 22 ноября. Из Орешка был отправлен в Москву гонец со второстепенными путевыми делами 3 декабря, а 14 декабря он выехал из Москвы с ответной грамотой.

В одном из последующих писем послы сообщают в Москву итоги своих расспросов о наиболее волновавшей их стороне дела. От встреченных в пути сыновей удисвальдского губернатора они узнали: после смерти польского короля Сигизмунда III его сыновья прислали к Густаву-Адольфу в Германию послов, именуя его в грамотах полным титулом и отказываясь в его пользу от династического спора о шведской короне; те же послы привезли приглашение Густаву-Адольфу приехать в Польшу на церемонию погребения его кузена Сигизмунда III и коронацию королевича Владислава; Густав-Адольф ответил письменно Владиславу с братьями, что не может приехать из-за войны с императором, и направил к ним послом шведского вельможу Стенболка (?)[16] с тремя спутниками, которые отбыли из Швеции через Ригу в Польшу за три недели до рождества, т. е. в начале декабря

---

[14] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 176—191.
[15] Там же, лл. 193—236.
[16] Вероятно, Стенбока (Stenbock).

1632 г.; но неизвестно, имеют ли эти послы еще какие-либо поручения[17]. Позже эти сведения были подтверждены шведской стороной[18]. Это не могло не усилить тревожных предчувствий.

Но беда пришла с нежданной стороны. Не доехав до Стокгольма, еще в Финляндии, 5 января 1633 г., послы узнали о гибели Густава-Адольфа. Они прервали свой путь. В Москву отправлен был гонец с подробностями о победе шведов при Лютцене, купленной «дорогой королевской сердечной кровью»[19].

25 января 1633 г. за подписью Михаила Федоровича послам была направлена инструкция возвращаться назад, выясняя по пути подробности гибели шведского короля и вероятные перспективы войны или мира в Германии. Но уже 11 февраля навстречу послам высылается новый указ: ехать в Швецию к новому королю.

К этому времени Пушкин, Горихвостов и Неверов уже имели встречу с присланным из Стокгольма представителем правительства. Тот рассказал о деталях Лютценской битвы и о присяге шведских вельмож королевской дочери Христине. Вдова короля отбыла в Германию и вернется с гробом Густава-Адольфа только весной по открытии навигации. Предстоящий в Стокгольме риксдаг направит посольство во все государства, союзные Швеции, просить подтверждения прежних договоров и союза против императора. Московские послы высказались за продолжение прежней совместной политики, направленной против польского короля, императора и папы, угрожавших Швеции, и сообщили об успехах русского оружия в войне с Польско-Литовским государством. Эти сведения шведский уполномоченный тотчас повез в Стокгольм[20].

Приезжал к русским послам под самый новый год и гонец от лифляндского губернатора Иоганна Шютте с документами о решениях польского сейма, относившихся, очевидно, к избранию королем Владислава IV. Ввиду важности дела гонца с его бумагами отправили в Москву[21]. Затем Б. И. Пушкин с товарищами получили из Москвы новое распоряжение: вернуться в Великий Новгород и ждать там инструкций. Этот приказ направлен из Москвы дважды — 25 февраля и 4 марта. Затем последовало требование незамедлительно отправить в Москву и наказ, и образцы договоров, ничего у себя не оставляя, так как готовится новый наказ. Дело в том, что предыдущий наказ был ориентирован не только на Густава-Адольфа, пребывавшего в Германии, но и на придворную группировку королевы-супруги Марии-Элеоноры

---

[17] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 2, лл. 22—25.
[18] Там же, лл. 27, 30.
[19] Там же, лл. 2—3.
[20] Там же, лл. 26—33.
[21] Там же, лл. 37—39.

в Стокгольме; напротив, в Москве не рассчитывали на окружение Христины в Стокгольме и канцлера Оксеншерны, находившегося с королем в Германии. Полученные сведения о предстоящей коронации Христины заставляли переориентироваться. Но новый наказ, подписанный 25 марта 1633 г., все же адресован двум королевам — Марии-Элеоноре и Христине. Скорее всего, в Москве еще надеялись, что в Стокгольме при регентстве Марии-Элеоноры установится правление двух королев, напоминающее отношения Филарета Никитича и Михаила Федоровича.

Теперь послы должны ехать, «не мешкая», «без задержания». На приеме у королевы и королевны Пушкин с товарищами должны выразить соболезнование в недвусмысленных формулировках, подчеркивая, «что короля Густава-Адольфа неприятели, солдаты императора, в бою убили», «что его к. в. против общих врагов и супостатов нашего великого государя его ц. в-ва и его к. в-ва, против еретиков римской веры — папежан и иезуитов, их неправд и гонений, за веру вашу стоял храбрством своим крепко и мужественно, и многую победу над ними показал, и на том ратном деле за свою государскую природу и веру и за весь народ немецких государств в правде жизнь свою государскую скончал и положил» [22].

Прямая дипломатическая задача «Великого посольства» сводится почти к одному предложению — подтвердить с обеих сторон крестным целованием вечный Столбовский мир. К нему делается лишь добавление: правители Швеции обязуются не только хранить мир между двумя государствами, но и на общих врагов, а именно на нового польского короля Владислава и на Польско-Литовское государство воевать совместно и без взаимного согласования, т. е. сепаратно, мира не заключать. Крестоцелование придало бы этому соглашению международную гласность [23]. Лишь после того, как шведские правители крестоцелованием подтвердят искренность своих намерений, «великие послы» могут вернуться к содержавшейся еще в первом наказе истории русско-польского конфликта. Здесь добавлена история русско-шведских переговоров, начиная с приезда Мониера и Бенгарта в 1629 г. Тут воспроизведены шведские разоблачения о «злом умысле» польского короля с императором и папой против Швеции, Дании, Московского государства и других государств, побудившие московское правительство не ждать истечения перемирия и начать 3 августа 1632 г. войну с Речью Посполитой. Затем следует перечень уже возвращенных русских городов и тех, что еще остались у противника, и призыв к шведским королеве и королевне, памятуя союз Густава-Адольфа с Михаилом Федоровичем, воевать против Владислава и не заключать сепаратного мира [24].

---

[22] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 2, лл. 59, 80—81.
[23] Там же, лл. 62, 85—108.
[24] Там же, лл. 120—158.

Но, по-видимому, главная задача послов состояла теперь в том, чтобы узнать подлинную политическую обстановку в Швеции, Германии, Польше. Очень подробно разработан список вопросов о военно-политической ситуации в Германии после смерти Густава-Адольфа: кто его преемник, «до коих мест» (т. е. до каких результатов) он завещал вести войну, и не велел ли он шведам после себя с императором помириться, а если велел, то на каких условиях? Если же и вперед чаять войну, на чьей стороне преимущества, кто и чем помогает шведской армии, где она сейчас стоит, где и с каким результатом закончились последние бои, где находится император и кто командует его армией?

Другая группа вопросов относится к внутреннему положению Швеции. Единодушна ли поддержка Марии-Элеоноры и Христины или возможны «рознь и несогласие» (о чем посольство уже прослышало в пути), и при каких королевах кто именно «из близких или из думных людей» будет на деле «владеть и править».

Но что особенно тревожит русское правительство, это возможность претензий на шведский престол, в обход этих «прямых наследниц», со стороны польской линии династии Ваза. На обороте нескольких листов вписана даже специальная инструкция, что делать послам, если к моменту их прибытия в Стокгольм на шведском престоле окажется уже утвержденным кто-либо иной. Наказ исполнен тревоги. Если и не прямой захват сыновьями Сигизмунда III шведской короны из слабых женских рук, то нет ли послов, посланников, сношений и, в частности и в особенности, «нет ли у них в тех их сношениях которого лихого дела и посягания на Московское государство». Именно это Пушкину, Горихвостову и Неверову надлежит узнавать «всяким радением», «накрепко».

Итак, одновременно выступают два опасения: примирение шведов с императором и сближение их с Польско-Литовским государством против Московского государства. Тем самым вырисовывается уже союз трех государств в войне с Россией. Если шведы, прекратив войну в Германии, развязали бы руки императору, он тотчас усилил бы политическую, финансовую и военную поддержку Польско-Литовскому государству, терпящему бедствия на восточных и южных рубежах. «Польские королевичи Владислав с братьями с императором римским ныне сносятся ли, а если сносятся, то о чем, и на Московское государство император польским королевичам Владиславу и братьям его помогает ли чем-либо, а если помогает, то чем, людьми или казною». В мышлении московских политиков, — может быть, кн. И. Б. Черкасского — вырисовывается, как видим, грозный исторический опыт: польско-шведская интервенция, издали подпираемая империей. А могут присоединиться и еще какие-нибудь союзники. «Да и про иные государства им, послам, проведывать же, нет ли ныне вновь сношений у иных государств с польскими королеви-

чами Владиславом и его братьями, а если есть, то о чем, и не хотят ли какие-либо государи польским королевичам против Московского государства помогать, а коли хотят, кто, чем хочет помогать, людьми или казною»[25]. Нависает предвидение целой вражеской коалиции. Это надо вспомнить, когда речь пойдет о заключении в следующем году, после смерти Филарета Никитича, мира на речке Поляновке с Польско-Литовским государством.

Что касается инструкции, как отвечать на расспросы, то тут во втором наказе лишь одно существенное дополнение к первому: с турецким султаном не только дружба, «но хочет турецкий султан с царским величеством стоять на общего недруга на польского короля совместно». Сообщается также, что царские послы сейчас отправлены в Данию и Голландию[26].

Приложены далее грамоты и от Михаила Федоровича и от Филарета Никитича по отдельности к Марии-Элеоноре и к Христине. Здесь еще усилен мотив, что Густав-Адольф погиб в мужественной и победоносной борьбе «против общих наших врагов и супостатов — римской веры еретиков», как за свое государственное дело и за свою веру, так и «за весь народ немецких государств евангелической веры»[27]. В приложенных образцах крестоцеловальной записи о смерти Густава-Адольфа сказано: «Убили его на бою императоровы люди — неприятели всего христианства»[28].

С дороги «великие послы» слали в Москву информацию о решениях шведского риксдага продолжать войну в Германии, где канцлер Оксеншерна и курфюрст Саксонский стоят и ведут бои против имперцев. На всех этих отписках видим пометы, характеризующие высокое внимание: «Государь и святейший государь-патриарх слушали»[29].

В шведском архиве имеется письмо королевы и Государственному совету в Стокгольм от высшего должностного лица в Нарве Нильса Ассерсона от 23 марта 1633 г. Написал-де ему воевода из Новгорода, что следует в Швецию русское посольство. Послов сопровождают 42 человека. Из Нарвы они будут доставлены в Стокгольм морем, однако раньше конца апреля—начала мая навигация не откроется. Впрочем, новгородский воевода пишет, что посольство считает необходимым переждать в Новгороде четыре-пять недель, так что корабль к тому времени может быть зафрахтован. Послы будут встречены на границе, и сам Ассерсон обеспечит им подобающий прием и наилучшее жилье[30].

---

[25] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 2, лл. 158—169.
[26] Там же, лл. 171—174.
[27] Там же, лл. 183—193.
[28] Там же, лл. 219—249.
[29] Там же, лл. 334—337.
[30] Svenska Riksarkivet, Stockholm. Muscovitica. Best. N 229, RGS, N 631. Protokoll Vid Konferenser Med Ryska Beskickningar Till Sverige, 1633.

«Великое посольство» прибыло в Стокгольм 4 июня 1633 г. Отныне мы уже располагаем параллельными источниками: из русских и шведских архивов.

В донесении от 8 июня послы описывают свой торжественный въезд в шведскую столицу. В другой отписке сообщают шведские политические новости. Из них для Москвы самым главным было то, что королевой окончательно выбрана малолетняя Христина и что правителями при ней будут Габриель Оксеншерна, Яков Делагарди, Карл Карлссон, Пер Банер, тогда как «королеве Марии-Элеоноре в государственных делах владетельства не будет, и нигде ее имени не именуют» [31]. Это был ясный и недвусмысленный знак отказа от продолжения политики Густава-Адольфа!

Далее послы сообщают, что канцлер Аксель Оксеншерна находится сейчас в Германии. Прилагается печатная брошюра («вестовая тетрадка») на немецком языке о текущих международных новостях, в том числе о посещении шведского канцлера приезжавшим послом из Польши. Б. И. Пушкин с товарищами проверили эту тревожную новость по нескольким каналам. От какого-то информированного стокгольмского горожанина они узнали, что действительно после смерти Густава-Адольфа в Германию к шведскому канцлеру и войску приезжал посол короля Владислава просить, чтобы Швеция не нарушала перемирия до истечения его срока; подробности и результаты переговоров не известны, но для продолжения или закрепления их сейчас из Гданьска в Стокгольм едет другой польский посол. Тотчас Пушкин с товарищами неофициально («разговорным обычаем») обратились за разъяснениями к приставленному к ним чиновнику («приставу»), и тот, очевидно, следуя инструкции, подтвердил слух о едущем в шведскую столицу польском после, сообщив при этом, что есть уже правительственное распоряжение по прибытии посла на лифляндскую границу узнать, «с чем он идет», и, если он идет просить о приобщении Шведского государства к Польскому, не принимать его, а если идет поздравить королеву и говорить о соблюдении перемирия, «и с тем польского посла в Стокгольм пустят и посольство у него выслушают» [32].

Встревоженные всем этим русские послы принимают тайное решение, чтобы им обогнать соперника — «быть на посольстве и в ответе до приходу польского посла». Соответственно передали через приставленного чиновника просьбу ускорить прием. Однако вельможи через него же ответили весьма неопределенно, что примут лишь «после Троицы» без указания дня. По запросам, которые шлют послы в Москву, как поступать в случае несогласия шведов, видно, что они потеряли надежду включить в крестное целование русско-шведское двустороннее обязательство относительно войны и мира с Польско-Литовским государством [33].

---

[31] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 2, лл. 345—355.
[32] Там же, лл. 348—349.
[33] Там же, лл. 350—351.

Эти отписки послов означали проигрыш всей долгой дипломатической кампании патриарха Филарета Никитича. Уже второй наказ «великим послам», составленный после известия о смерти Густава-Адольфа, оставляет впечатление, что Филарет Никитич отстранен или отстранился. С отписками же послов из Стокгольма произошло нечто странное, не могущее не привлечь внимание историка: посланные в первой половине июня, они получены в Москве лишь 17 августа. Два с лишним месяца гонец не мог находиться в пути. Дипломатическое послание было или перехвачено или нарочно задержано. А ответная инструкция была подписана только 14 сентября — всего за две недели до смерти Филарета Никитича. Какая-то сложная борьба разыгрывалась в Кремле.

Но мы можем проследить лишь характер и судьбу информации, хлынувшей в Москву по разным каналам или активно высасываемой Москвой со времени гибели Густава-Адольфа и наступившего в связи с этим изменения международной ситуации.

Одним из источников являлись регулярные отписки новгородских воевод о европейских новостях. В конце января и начале февраля 1633 г. путем расспросов прибывающих из-за рубежа русских и иностранных купцов было многократно проверено и подтверждено известие, что шведский король убит. Сообщается о передаче командования герцогу Веймарскому, который помолвлен с принцессой Христиной и, соответственно, может оказаться шведским королем. Новгородские воеводы передают также слухи, что между шведами и имперцами может быть заключен мир[34]. На обороте читаем помету, что царь и патриарх слушали и приказали о том же и впредь проведывать и к ним, к государям, писать. Такой приказ и направлен в Новгород 11 февраля[35].

Чрезвычайно важным каналом информации и связи являлись сношения со шведским губернатором Лифляндии Иоганном Шютте, находившимся в Риге. Важно отметить, что их целиком держал в своих руках кн. И. Б. Черкасский, может быть, даже не все докладывая Филарету Никитичу. Интерес представляет найденная в свое время в Литовском герцогском архиве (Елгава) грамота И. Б. Черкасского к И. Шютте, «губернатору Ливонской, Карельской и Ижорской земли» от 30 января 1633 г. Это — продолжение не дошедшей до нас корреспонденции. Грамота является ответом на сообщение о смерти Густава-Адольфа, воспроизводящим официальные формулы соболезнования, направленные в Стокгольм с послами. Существеннее, что здесь развивается идея налаживания прямой переписки между кн. Черкасским и Шютте (на что Шютте уже прежде дал согласие), «покамест

---

[34] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 1, лл. 1—9.
[35] Там же, лл. 10—11.

прямой агент будет, кому в делах можно верить»[36]. Ответ И. Шютте из Юрьева находим в делах Посольского приказа. 22 февраля 1633 г. в Москву прибыл его гонец Швенгель с верительной грамотой и обильной письменной и устной информацией. Предлагается использовать Швенгеля для дальнейшего обмена информацией, пока не будет назначен постоянный агент в Москве на место покойного Иоганна Мёллера, причем тут же запрашивается, не сочтет ли московское правительство подходящим кандидатом на этот пост того Мельхиора Бёкмана, «который ныне на Москве». Доставленную гонцом зарубежную политическую информацию можно разбить на три главных раздела: о положении в Швеции, в Польско-Литовском государстве и в Германии. В Швеции, доложил гонец, «крепко уложено и утверждено, что на престоле будет не мужчина, а королева, подобно тому как в Англии была Елизавета». Отвергнуты все претензии сыновей Сигизмунда III на шведский престол, хотя ныне Владислав IV заискивает перед шведскими вельможами в надежде прибыть в Швецию и жениться на Христине. Важнейшие вести о Польско-Литовском государстве: сеймовый журнал об избрании Владислава IV, печатное церковное «величание» его, изустные тайные сведения о решении летом направить против Московского государства запорожских казаков, представители которых уже приезжали на сейм договариваться и которые намереваются не только что великий урон причинить, но «и о самую б Москву удариться и над Москвой испромышлять»; совет царю — заблаговременно оберегаться. Вести о ходе войны в Германии весьма полны: расположение шведских войск, полное отпадение от императора Силезии, выступление против него трансильванского государя Юрия (Дьердя) Ракоци с войском. В доставленной гонцом немецкой газете, наряду с вестями из Парижа о местопребывании кардинала и короля, опале герцога Лонгвиля и смерти маршала Шомбера, содержатся обильные описания военных действий во всех частях Империи. Шведское войско и войско курфюрста Саксонского занимают города, преследуют имперцев. В помощь последним из Польши прислан отряд казаков, имевших столкновение со шведским, саксонским и бранденбургским войском. Курфюрст Саксонский поклялся отомстить за смерть Густава-Адольфа, отдал половину своего войска под командованием Бернгарда Веймарского, а с другой половиной и с генералом Арнимом идет в Чехию, на Прагу. Интересная деталь: Валленштейн, направленный императором, на подавление бунтующего чешского крестьянства, напоролся на отпор: «Да, кажется, чешские крестьяне герцога Фридландского не хотят, чтоб он у них гостил, и для того они засеки засекли». Шведский канцлер Оксеншерна приехал в Штеттин.

---

[36] *Голицын Н. В.* Указ. соч., с. 7—9.

Основной вывод из международной ситуации, который Шютте адресует И. Б. Черкасскому и московскому двору: смерть шведского короля не должна привести к тому, чтобы «главное дело стало» [37].

Что касается упомянутого выше кандидата на роль постоянного шведского агента (резидента) в Москве, Мельхиора Бёкмана, то его постигла неудача. Для начала он прислал в Посольский приказ со своим человеком на имя царя и патриарха иностранные вести из 41 пункта, да еще 5 пунктов тайных, а также был принят И. Б. Черкасским, который донес его речи до государей. Текст информации в столбце отсутствует. Мельхиору Бёкману ответили, чтобы он и впредь проведывал полезные вести и присылал государям, за что получит мзду «смотря по делу и по службе». Но на этот раз оказанная им услуга не обеспечила назначения его на царскую службу агентом по делам Швеции, в том числе по закупке хлеба. Может быть, вообще момент для назначения постоянного агента не был подходящим [38].

Ответ И. Б. Черкасского Иоганну Шютте нам не известен. Гонец Швенгель больше в Москву не приезжал, а вместо него выступает как связной между Шютте и Черкасским Мартин Беер. Он уже был и раньше в этой роли на Москве и вторично появляется в первых числах июня. Беер привез грамоту от Шютте, датированную 2 мая. Шютте подтверждает получение двух грамот Черкасского: от 30 января, привезенную Беером, и от 8 марта, привезенную Швенгелем. Он благодарит за присланный со Швенгелем щедрый дар — двое сороков соболей. Ответ задержался, так как Шютте ждал возвращения своего гонца (видимо, того же Беера) из Польши, с сейма в Кракове.

Помимо устной информации и газет, доставленных Беером, Шютте резюмирует международные проблемы в следующих главных положениях. Польско-Литовское государство будет в ближайшее время затевать разговоры о мире и со Швецией, и с Россией, однако лишь с целью обманывать оба государства до тех пор, пока оно не соберет достаточное войско, в том числе и для опустошения и разорения Московского государства, «а русский народ и мы, шведы, по многим образцам можем то вспоминать». Обоим государствам надлежит остерегаться и не доверять этим мирным демаршам. Шведский риксдаг отныне и навеки отказал детям Сигизмунда III в претензиях на шведскую корону, что подтверждается текстом прилагаемого документа. Прилагаемые же газеты («вестовые тетради») свидетельствуют, что канцлер Аксель Оксеншерна успешно продолжает войну в Германии. Шютте хорошо осведомлен о едущем в Стокгольм посольстве Пушкина и Горихвостова, он пишет, что в качестве члена Госу-

---

[37] ЦГАДА, Дела польские, 1632 г. (ошибочно: надо 1633 г.), стб. 5, лл. 69—82.
[38] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 13.

дарственного совета заинтересован в успехе переговоров, в укреплении русско-шведской дружбы.

В этом интересном послании Шютте немало заверений в том, что он — активный поборник русско-шведского союза. Он умиляется дружбой до гробовой доски Густава-Адольфа с Михаилом Федоровичем. «А я ведаю как то расширити и расславити». Он сторонник того, чтобы «держать добрую ссылку, как мы почали, чтоб к добру и к годности обоим государствам, и о том бы нам друг с другом ссылаться» [39]. Привлекает внимание то, что несколько раз Шютте повторяет просьбу довести его вести до сведения царя и патриарха. Шютте как бы ставит кн. Черкасского в положение не более чем посредника. Может быть, он уже знает кое-что о разногласиях между дядей и племянником [40].

Это послание можно было бы истолковать и как далеко идущее предложение своих услуг московской дипломатии, и как двуличие. Опубликованные протоколы шведского Государственного совета, где Шютте вскоре говорил совсем иное, показывают, что истинно второе [41].

В столбце есть фрагменты черновиков, из которых видно, что окончательный текст ответа был отправлен Черкасским только после следующего демарша Шютте — присылки им в Москву своего племянника Гакона. Этот демарш выглядел как форсированное предложение московскому двору своих личных услуг. Как увидим, Филарет Никитич постарался энергично использовать эту возможность, оттеснив, очевидно, в сторону более осторожного Черкасского.

Гакон Шютте прибыл в Москву в июле 1633 г. С ним вместе приехали ездившие в Швецию крымские посланники Муралей с товарищами. Хотя Гакон Шютте явился не как посол, не как посланник, и ему, следовательно, не полагалось устраивать встречу под Москвой, Филарет Никитич настоял на нарушении для этого случая дипломатических правил: имеется личная помета его рукой: «Учинить встречу небольшую для [ради] Ягана Шкута». Однако дальше мы замечаем в деле временную победу другого курса — осторожности: Гакон Шютте был поставлен в Москве в условия довольно суровой изоляции [42]. Но он привез важные послания и от дяди и от шведского правительства. И Филарет Никитич принял необычайно деятельное участие в подготовке ответов в оба адреса.

Ответ Иоганну Шютте от имени И. Б. Черкасского написан как важный государственный документ и, бесспорно, в основной своей части продиктован Филаретом Никитичем. Здесь, кстати,

---

[39] Там же, стб. 8, лл. 4—16.
[40] Между Филаретом Никитичем и И. Б. Черкасским, мать которого была сестрою Филарета Никитича (*Ред.*).
[41] Svenska riksradets protokoll, d. III. Stockholm, 1885, s. 288.
[42] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 9, л. 22.

особый фрагмент разъясняет Иоганну Шютте его ошибки в титулованиях царя и патриарха. В письме, посланном с Гаконом Шютте, о ходе русско-польской войны изложена подробная информация о военных действиях с самого их начала, о взятии 12 городов, о ходе осады Смоленска. Сообщается, что вся присланная с Беером письменная и устная информация доложена Михаилу Федоровичу и Филарету Никитичу. С Иоганном Шютте говорят уже почти как с агентом русского правительства. Царь и патриарх его «похваляют» за то, что он им «служит и об их делах радеет», в том числе шлет надобные им вести про польско-литовские и немецкие дела. Особенно хвалят его за изъявленную готовность и впредь «радети и промышляти». «И ты б, Яган, и впредь им великим государям служил... И о шведском королевстве, что будет делаться меж шведскими ратными людьми с цесаревыми людьми, и о польских и литовских вестях, какое будет у них впредь лукавое умышление, — и о том бы еси дружелюбно писал и ведомо о всем чинил. А великому государю нашему его ц. в. и отцу его государеву великому государю святейшему патриарху те дела надобны». Царь и патриарх радуются вестям о военных успехах Оксеншерны в Германии и просят бога и впредь даровать шведскому войску «над общими их государскими недругами, над проклятыми папежанами иезуитами, победу и одоленье, чтоб их до конца разрушить и искоренить[43]. Писано это, очевидно, в сентябре 1633 г. 21 сентября, за 10 дней до смерти Филарета Никитича, Гакон Шютте был на отпуске у царя. Он получил царскую грамоту к Христине, но заготовленная личная грамота к ней от Филарета Никитича, видимо, в последнюю минуту не была ему вручена. Она осталась лежать в Посольском приказе. Филарет Никитич был еще вполне здоров, но именно в этот момент явно отстранен от государственных дел. Однако об этом — ниже, а пока надо снова хронологически отступить, чтобы ознакомиться с другими каналами русско-шведских сношений во время пребывания «Великого посольства» в Стокгольме.

Шведские вельможи направили в Москву с официальным извещением о смерти Густава-Адольфа гонца Марка Стеймана и посланника Ганса Беренсона. Первый имел грамоту шведских вельмож от 9 марта, второй — от 8 марта, но ехал он со свитой много медленнее. Гонец прибыл в Москву 7 мая, а посланник Беренсон — лишь 11 июня. Атмосфера в Москве за этот месяц с небольшим успела несколько измениться.

Стейман привез грамоту за подписью 12 виднейших шведских вельмож — Делагарди, Гюлльденхельма, Габриеля Оксеншерны и др. Здесь по инерции развита концепция, полностью унаследованная от Густава-Адольфа. Вельможи с благодарностью напоминают о русских хлебных субсидиях для ведения войны в Германии. Ныне, после смерти Густава-Адольфа, по словам вельмож,

---

[43] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 8, лл. 17—37.

они имеют причины еще больше прежних продолжать эту войну, начавшуюся по вине императора, польского короля и папистов. Они полагают, что и царь по-прежнему заинтересован «попрать и потопить цесаря и папежан, которые гонители на евангелическую и на старую греческую веру». Поэтому они просят по-прежнему содействовать войне хлебными субсидиями. Швеция же ускорит отправку закупленных для русско-польской войны 2 тыс. лат и окажет другую посильную помощь [44].

Стейман привез также информацию о решении риксдага продолжать войну в Германии, о вручении командования шведской армией канцлеру Акселю Оксеншерне, о провозглашении королевой Христины и объявлении изменой даже разговор о передаче шведской короны Владиславу или его братьям. Особенно касалось Москвы следующее известие: литовский гетман Радзивилл прислал в Швецию от имени Владислава предложение о перемирии на десять лет с тем, чтобы польско-литовские войска были пропущены через Лифляндию в поход на Московское государство. Но Швеция отвергла эти предложения [45]. Не было ли это вымыслом и дипломатическим давлением?

Посланник Ганс Беренсон появился под Москвой буквально на другой день после приезда туда упомянутого Мартина Беера с вестями от лифляндского губернатора. Несомненно, в связи с этим Беренсона задержали под Москвой на двое суток, а впустив, поместили его со свитой в особенно суровые условия, хотя и намека на это нет в данной всего несколькими днями раньше инструкции приставленным лицам: самым предупредительным образом соблюдать «честь и бережение посланника». Видимо, информация, доставленная Беером, дала козыри тем руководителям внешней политики в Москве, которые уже не рассчитывали на прежний курс. Приставу при шведском посольстве дан особый наказ никого не выпускать со двора и строго следить, чтоб ни иноземцы, ни русские «не подходили и не разговаривали с ними ни о чем», «а какой человек ко двору придет и с посланником или с людьми их учнет говорить, и тех брать и отсылать в Посольский приказ; а брать их велено неявно, чтоб посланнику и людям их было незаметно». Тут же находим и причину строгостей: приставу предписано всякими средствами, как только возможно, проведывать и у посланника, и у переводчика, и у людей их, бывали ли из Польско-Литовского государства в Швецию послы и, если бывали, давно ли, по поводу чего прибыли и с чем отбыли, и ждать ли теперь мира или войны между Швецией и Польшей.

Под формальным предлогом Беренсон не был удостоен царского приема. 18 июня его выслушали бояре и приняли у него грамоту, подписанную шведскими вельможами. И в устных речах,

---

[44] Там же, стб. 6, лл. 9—16.
[45] Там же, лл. 4—7.

и в письменном тексте принесено извинение за столь запоздалое официальное извещение о смерти Густава-Адольфа. Шведские вельможи объясняют это несуразной причиной — «своей печалью». Вероятно, корабль шведской дипломатии сперва сильно накренило в сторону, противоположную политике Густава-Адольфа, и лишь к марту наступило отрезвление (впрочем, как увидим, с дальнейшей качкой). Возведение на престол Христины — «прямой наследницы», «любимой дочери» — трактуется теперь как символ полной преемственности между политикой Густава-Адольфа и курсом ныне правящей олигархии. Самое поразительное в этом послании (как и в речи) многократное и настойчивое повторение формулы, что Густав-Адольф погиб в борьбе «за евангелическую и за старую греческую веру». Паписты же неустанными и всяческими происками добиваются попрания и искоренения евангелической и старой греческой веры и распространения своей проклятой папистской веры. Густав-Адольф отстаивал и оберегал как эти две веры от императора, польского короля и всех католиков, так и великие земли и государство русского царя: католики во главе с германским императором и польским королем старались проникнуть в Балтийское море; «хотели сперва одолеть великое королевство Шведское, а потом и вашего ц. в-ва великую землю и государство и евангелическую и старую греческую веру попрать и заместо ввести проклятую папежскую темность». Шведский риксдаг желает продолжать с постоянством «те дела, которые делаются в немецкой земле» [46].

Этот столь благоприятный крен шведской политики снова дал, казалось, большой шанс Филарету Никитичу. Некоторое время длилось молчание, за которым можно предполагать маневры придворных группировок. 6 июля произошло официальное совещание царя и патриарха в Крестовой палате, на котором решено и объявлено, что ответную грамоту шведскому посланнику от имени бояр, но фактически минуя встречу с ними и с кн. Черкасским, передаст в Посольском приказе думный дьяк Иван Грязев. Грамота датирована 5 июля, вручена Беренсону 9 июля. В ней, с одной стороны, явно отклонена конфессиональная концепция шведского послания: ни звука о гибели Густава-Адольфа за две веры, напротив, демонстративно сказано, что он «за веру вашу стоял» и умер «за свою веру и правду и за весь народ немецких государств». Но, с другой стороны, охотно подчеркивается политический аспект: Густав-Адольф боролся «против общих врагов царского величества и королевского величества»; русский царь принимает идею о Христине, как прямой продолжательнице политики отца, и хочет с ней быть в такой же «крепкой дружбе и в любви и в приятельстве, и обсылаться советами». К словам, что прежний Столбовский вечный мир надо «обновить и подтвердить»,

---

[46] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 7, лл. 1—111.

собственной рукой Филарета Никитича сделана поправка: «утвердить и закрепить», т. е. сделать союз более прочным. Далее следует показательный жест. Полностью удовлетворяется просьба, врученная еще Стейманом, разрешить снова закупать хлеб в Архангельске для шведского правительства на прежних условиях. Разрешается закупить в текущем году столько же, сколько было разрешено в предыдущем: 50 тыс. четвертей (это было последнее разрешение такого рода!). А далее опять и опять повторено желание царя и патриарха сохранить с Христиной тот же союз, какой был у них с Густавом-Адольфом[47].

Но на деле этот оптимистический документ был уже холостым выстрелом. Незадолго до того к русской границе прибыл шведский курьер к посланнику Беренсону и просил, чтобы ему как можно скорее гнать к Москве «днем и ночью». 7 июля встревоженный патриарх и царь дали разрешение, а 10 июля сам Беренсон выехал из Москвы, вероятно, навстречу курьеру[48]. Легко понять, в чем дело: в Стокгольме начались переговоры с «Великим посольством», и одновременные обязательства в Москве могли связать руки Государственному совету.

Еще один канал связей — в глазах Филарета Никитича самый главный — это Жак Руссель и его агенты. Последним, как мы помним, от него приезжал в Москву Жан де Вержье, и вот он же вновь появился в Пскове 25 апреля 1633 г. С ним «человек» по имени Марк Брунденбург, а также какой-то спутник, следы которого трудно уловимы в делах Посольского приказа, именуемый то Томас, то Матис. Отписка псковских воевод гласит, что в декабре прошлого года де Вержье укатил за рубеж на купленной для него тройке отличных лошадей, в Пскове же осталась царская грамота, предписывавшая в будущем этого Жана де Вержье или всякого им присланного пропускать на Москву незамедлительно. В Москву де Вержье приехал 8 мая. В тот же день он был на приеме у кн. И. Б. Черкасского, передав для царя и патриарха письмо Русселя и его устные сообщения. Все это было секретно и в делах не сохранилось, так как И. Б. Черкасский говорил с ним на Казенном дворе сам-третей с французом-переводчиком, «а в Посольском приказе про те дела неведомо». По ответной грамоте царя и патриарха можно только догадаться, что Руссель пытается теперь взять на себя осуществление прямой связи «на высшем уровне» — между малолетней Христиной и московским престолом; в этой ответной грамоте только пропущено слово «послу» или «доверенному» — «ее королевского величества королевны шведской Христины».

На поверхности делопроизводства остался только один вопрос: желание Русселя явиться снова в Москву. Эта милость ему была тотчас пожалована. Грамота к нему от 12 июля 1633 г. в не-

---

[47] Там же, лл. 117—158.
[48] Там же, лл. 163—164.

скольких местах правлена лично Филаретом Никитичем. Приезжай без всяких сомнений, гласит грамота, а когда приедешь, «тебя, Якова, за твои прежние и нынешние к нам, великим государям, службы [вставлено рукой Филарета Никитича: и Густаву-Адольфу королю службы] пожалуем — велим тебе видеть свои государские очи и пожалуем тебя нашим государским жалованием [вставлено рукой Филарета Никитича: по-прежнему и свыше прежнего], и ты б на нашу государскую милость и жалованье был надежен и ехал к нам к Москве безо всякого опасения»[49].

В тот же день, 12 июля, отправлены царские грамоты в Архангельск, в Вологду, в Ярославль о пропуске в Москву, снабжении кормом и сопровождающими прибывающего из Голландии морем Русселя с его людьми [зачеркнуто: с дворянами][50]. Но грамота опоздала. Руссель, не дожидаясь ответа, выехал в Россию на корабле одного голландского купца и прибыл в Архангельск 18 июля. На борту находился также известный посредник между Голландией и Россией Исаак Масса. Свита Русселя состояла из шести дворян, из них два француза — Пьер де Роквир и Морис де Паквир, остальные — Антон Кейзер, Андрей Мюллер, Ян Фрибит, Ян Сандерис. Местные архангельские власти на свой риск решили принять Русселя с почетом, выдать ему и его свите должное питание и оказать прочие знаки внимания.

По неизвестным нам причинам Руссель попросил разрешения выслать вперед себя на Москву сухим путем своего секретаря Антона Кейзера с письмом, с тем что сам он вместе с Исааком Массой, со своими дворянами и слугами поедет водным путем. Антон Кейзер добрался до Москвы 11 августа. Был принят кн. И. Б. Черкасским на Казенном дворе и быстро отослан с государевой грамотой навстречу Жаку Русселю. Текст этой грамоты в деле отсутствует. Мало того, вообще все таинственно обрывается — нет ничего о прибытии Русселя в Москву, о его дальнейших делах здесь. Чья-то рука изъяла все документы. Можно не сомневаться, что Руссель прибыл в Москву не позже сентября 1633 г., что он был в числе самых доверенных людей патриарха Филарета Никитича до последних дней его жизни. После кончины Филарета Никитича 1 октября 1633 г. Жак Руссель еще пять месяцев оставался в Москве, пытаясь вести сложные интриги, как доносил потом Исаак Масса. Но в архиве Посольского приказа истреблен всякий его след, и имя его возникает только в связи с выездом из Москвы в Турцию 4 марта 1634 г., причем снова со свитой и с богатой денежной наградой[51]. В эти дни обезоруженная армия боярина Шеина возвращалась из Смоленска в Москву.

---

[49] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 5, лл. 1—14.
[50] Там же, лл. 19—20.
[51] ЦГАДА, Дела венгерские, 1634 г., март.

Чем больше мы вчитываемся в эти дела, тем определеннее укрепляемся в выводе, что Филарет Никитич в эти месяцы предпринимал новые и новые энергичные усилия подобрать вожжи внешней политики, но Посольский приказ отчетливо видел крушение его курса на антипольский военный союз со Швецией и оказывал соответствующее влияние на И. Б. Черкасского. Всемогущего патриарха несколько раз лишают средств прямого вмешательства в дипломатию. Вероятно, к таким же эпизодам относится необъяснимая иначе отмена намечавшегося отправления в Швецию постоянного агента Франзбекова. Похоже, что он был очень близок к патриарху, из рук которого еще в 1625 г. получил православное крещение. 22 марта 1633 г. именем царя было приказано отправить Франзбекова, а 19 апреля уже были подписаны все грамоты, в том числе и сопроводительное письмо к Пушкину и Горихвостову[52]. Из документов не видно, почему отъезд тогда не состоялся. (В конце 1634 г. Франзбеков все-таки стал постоянным русским агентом в Швеции). Может быть, потому, что не было подходящего кандидата со стороны Швеции на аналогичный пост в Москве? Но кажется вероятнее другое объяснение: появление в Стокгольме постоянного полномочного резидента создало бы какой-то канал дипломатии, параллельный «Великому посольству». В таком случае Филарет Никитич имел бы этот параллельный канал лично в своих руках, и это было каким-то способом пресечено.

Известна еще одна попытка Филарета Никитича эмансипироваться от государственного аппарата. Мы не знаем точно, когда именно, но он изобрел шифр для тайной переписки с находящимися за рубежом доверенными деятелями: «написал своею государевой святительскою рукою для своих государевых и посольских тайных дел, либо случится в которых государствах их государевым послам и посланникам, или их агентам, писати о каких великих их государских делах и им писати к ним государям таким затейным письмом, чтоб было в тех землях не понятно». Сама приложенная азбука «затейного письма», начертанная рукой Филарета Никитича, которую приказано было держать в строгой тайне, не очень-то сложна. Вся тайнопись, изобретенная патриархом, состоит только в том, что порядок славянских букв изменен, некоторые буквы писаны наоборот, иные не дописаны, к ним прибавлены лишные черты[53]. Предполагается, что второй экземпляр этой азбуки имелся у Франзбекова в Швеции в 1635 г., наиболее вероятно, что для Франзбекова ее и сочинил Филарет Никитич в марте—апреле 1633 г. Но самое интересное, что свой экземпляр азбуки Филарет Никитич принужден был выдать думному дьяку Ивану Грязеву 8 августа 1633 г. Это выглядит как

---

[52] ЦГАДА, Дела шведские, 1633 г., стб. 4.
[53] См. «Записки имп. Археографического общества», 1853, т. V, Отд. II, с. 124—127.

прямая победа Посольского приказа над попытками личной дипломатии «великого государя», уже проигрывавшего свой план большой политики.

Может быть, этой придворной борьбой и объясняется долгая задержка в прибытии или просто в регистрации посланий в Москву от Пушкина, Горихвостова и Неверова из Стокгольма. Однако 17 августа они вдруг попадают к Филарету Никитичу, и мы находим тут же беглую запись, что надлежит ответить послам, сделанную, видимо, дьяком на приеме у Филарета Никитича[54]. Примерно с этого времени прослеживается еще один рывок Филарета Никитича к властному и активному руководству политикой, последний, длящийся несколько более месяца. Ему положило конец возвращение «Великого посольства» в Москву с пустыми руками.

В ответ на отписки послам была отправлена инструкция, датированная 14 сентября, — за две недели до смерти Филарета Никитича. Практически она была бесполезна, так как послы находились уже на обратном пути: 6 сентября они выехали из Ругодива (Нарвы). Смысл инструкции в том, что в крайнем случае послы могут уступить в требовании крестного целования и вообще свести дело к двум пунктам: подтверждению Столбовского мира просто подписями шведских вельмож и их письменному обязательству о союзе против Польши и незаключении сепаратного мира. В случае же отказа в этих двух пунктах послы должны сообщить в Москву и ждать в шведской столице новых указаний. Но далее рукой Филарета Никитича вписана директива на случай удовлетворения шведской стороной первого пункта и отказа во втором. Из немногих дошедших до нас письменных текстов Филарета Никитича это один из самых пространных. «И если, — пишет он, — думные люди прежнее вечное докончанье подкрепят своими руками и печатями, хотя и без целованья, да и то бы именно написать же в этом их подкреплении за руками и за печатями — зачем ныне не хотят того написать, что на короля Владислава и на его братьев и на поляков и на Литву стоять по-прежнему докончанью за одно, — чтобы нам про то было ведомо и надежно. Если же напишут в своем подкрепленьи за руками и за печатями то обое [оба пункта], что выше сего писано, и вам ехать с тем к нам к Москве, а если того и другого, что писано выше сего, за руками и за печатями не подкрепят, и вам в том к нам отписать... и дожидаться нашего указу в Стокгольме». Как видим, требования сведены к минимуму, но Филарет еще полон обманчивой надежды, что шведы поймут необходимость их принять. Этот текст написан ранее субботы 14 сентября, ибо далее следует приписка его же рукой, адресованная дьяку или кн. Черкасскому: «Да еще хочу с тобою поговорить в субботу на Воздвижен день

---

[54] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 352—354.

о том, в субботу перед обеднею»[55]. Уже через два дня, 16 сентября, в Москву прискакал один из участников посольства, Г. И. Горихвостов, с кратким донесением об итогах посольства. На донесении помета: «государь и святейший государь-патриарх слушали».

Что же произошло в Стокгольме?

Переговоры начались 8 июня. 22 июня датировано составленное шведской стороной резюме русских предложений и документов, а также первого обмена мнениями. Главным уполномоченным шведского Государственного совета выступал с самого начала Пер Банер, сотоварищи же его в дальнейшем сменялись. Русские послы сразу же выдвинули уже известные нам два главных пункта: подтверждение Столбовского договора посредством крестоцелования послов в Стокгольме и в Москве и заключение нового союза против польско-литовского короля, который титулует себя государем московским и шведским и уже по одному этому является общим врагом; этот новый союз должен выразиться прежде всего в обязательстве и Швеции и России не заключать сепаратно мира с Польско-Литовским государством на каких бы то ни было условиях. Шведская делегация ответила согласием по первому пункту и даже готовностью немедленно отправить посольство в Москву с тем, чтобы крестоцелование произошло одновременно там и тут. Но по второму пункту запросила разъяснений. За подписью дьяка М. В. Неверова последовал ответ. Стоять совместно против Владислава и его братьев, против всего Польско-Литовского государства это значит, что Швеция не будет иметь с ним сношений и переговоров, не оповестив заранее царя, а царь не будет заключать с ним мира, не предупредив шведский Государственный совет. Иными словами, только согласованные мирные переговоры с Польско-Литовским государством могут быть полезны обеим державам. Но это подразумевает и согласованные военные действия. А пока Швеция не начнет военных действий, царь остается вправе или продолжать войну, или заключить мир с Польско-Литовским государством. В тексте статейного списка Пушкина и Горихвостова это впоследствии изложено так: «...а покаместь со шведской стороны на польского короля и на его братьев и на поляков и на Литву полномочной [в полную силу] войны не будет — и ц. в. волен с своей стороны войну весть или помириться с поляками, не обослався с королевством шведским»[56]. Здесь звучит угроза заключения мира! Впрочем, заявляет русское посольство, в этот мирный договор может быть включена и Швеция. Остальное содержание ответа посвящено детальному обсуждению возможной процедуры взаимного крестоцелования и даже ее будущего повторения после совершеннолетия Христины. Вырисовывается необходимость дожи-

---

[55] Там же, лл. 355—364.
[56] Там же, л. 399.

даться прибытия в Швецию останков Густава-Адольфа, запаянных в оловянном гробу, и присутствия при погребении[57]. Действительно, пребывание «Великого посольства» в Швеции затянулось, и в дальнейшем с 11 августа переговоры были перенесены в порт Нючёпинг, куда прибыл траурный корабль и перебралось все шведское правительство.

Было бы нецелесообразно шаг за шагом и день за днем описывать ход переговоров, хотя мы имеем о них весьма полные источники. Со шведской стороны мы располагаем, во-первых, давно опубликованными протоколами заседаний Государственного совета, где находим записи дебатов по поводу русских предложений от 31 июля, 15, 16; 20, 21, 22 и 24 августа 1633 г. Во-вторых, все дела, связанные с пребыванием русского посольства, отражены в соответствующем неопубликованном досье, хранящемся в Государственном архиве в Стокгольме, микрофильм которого имеется в Москве в Центральном Государственном архиве древних актов. Здесь и отдельные документы, которыми стороны обменивались в ходе переговоров, и обзорные докладные записки, представленные в конце шведскими уполномоченными Государственному совету. С русской стороны в соответствующем столбце Посольского приказа имеются: во-первых, краткое экспозе, направленное Пушкиным и Горихвостовым в Москву тотчас по их прибытии в Нарву; во-вторых, статейный список посольства, к сожалению, не совсем полный, да и написанный, видимо, поспешно и кратко. За всем этим обилием текстов стоит бедность содержания. «Великое посольство» почти сразу, уже на второй встрече, раскрыло свою программу. Последняя не тождественна ни первому наказу, ни второму: или послы исходили из обстановки, или получили добавочные указания, не отраженные в столбце. Шведская делегация тоже с самого начала заняла не менявшуюся дальше позицию. Следовательно, хотя посольство длилось долго, историку целесообразно изложить дело не хронологически, а систематически.

Проблема подтверждения Столбовского договора 1617 г. в принципе не была предметом спора. Было бы скучно углубляться в долгие проекты и контрпроекты касательно процедуры обоюдной клятвы и крестоцелования. К этой же группе дискуссий, не существенных для нашей темы, надо отнести и взаимные упреки и поправки относительно соблюдения условностей написания титулов царствующих особ, той и другой стороны, хотя именно это вызывало, кажется, самые острые эмоции. В общем шведы легко соглашались с желательностью такой обычной дипломатической процедуры, как обновление межгосударственного договора о вечном мире при начале нового царствования. Впрочем, одно обстоятельство при этом задевало и вторую тему переговоров — польский вопрос. Русские послы напирали на то, что

---

[57] Svenska Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica, N 631, 1633, Juni 22, s. 1—4.

Столбовский договор содержал статьи, направленные против Польско-Литовского государства и трактующие Швецию и Московское государство как союзников против этого общего противника. Так оно, впрочем, и было[58], и недаром к статейному списку в качестве документального доказательства приложен соответствующий отрывок из договора 1617 г.[59] Напротив, шведские уполномоченные во время переговоров предъявили свой текст Столбовского мира, в котором, по утверждению русских послов, «объявились лишние статьи, а про польскую статью не объявлено», т. е. этот параграф опущен[60]. Русские послы напомнили всю историю вопроса, напомнили ситуацию 1609 г., когда при заключении Выборгского договора между царем Василием Ивановичем Шуйским и шведским королем Карлом IX «польская статья» была согласована на том, чтобы Московскому государству и Швеции «стоять на польского короля и на его наследников заодно». Эта «польская статья», говорили послы, Столбовским договором не была отменена, а напротив, подтверждена, и именно она лежала в основе советов, которыми обменивались Густав-Адольф и Михаил Федорович и в результате которых русский царь послал «свою полномочную войну» на польского короля, давшую уже столько успехов русским войскам[61].

Таким образом, уже вопрос о подтверждении Столбовского договора оказался нацеленным преимущественно на «польскую статью». По этой второй половине переговоров позиция шведской стороны свелась к желанию оттянуть заключение антипольского союза на два года, не беря пока на себя никаких обязательств. Сквозь все документы проходят следы полнейшей уверенности, что Московскому государству невыгодно заключать мир и поэтому оно все равно будет продолжать войну, хотя бы и без союзников. Прямо-таки поражает эта пустая уверенность государственных мужей. Конечно, не близорукость была причиной того, что они занесли ногу над пропастью, а наоборот: они падали в пропасть и поэтому завязывали глаза, создавая себе субъективные иллюзии. Правда, на заседании Государственного совета 15 августа раздался и трезвый голос: надо поддерживать в русских надежду, «иначе они могут с отчаяния заключить мир с Польшей»[62]. Но русские требовали не надежды, а реальных обязательств, и члены Государственного совета постарались забыть свое опасение и уверовать в собственный вымысел, будто мир этот сулил русским лишь великие неприятности. Вероятно,

---

[58] См. *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964.
[59] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 406—408.
[60] Там же, л. 381.
[61] Там же, л. 369.
[62] Svenska Riksrådets protokoll, d. III, s. 164.

они имели в виду сохранение Владиславом IV прав и претензий на царский престол.

После первой же встречи шведские уполномоченные задали русским вопрос: на каких условиях мыслится русско-шведский военный союз против Польши, «на каких мерах ту войну начать и при чем скончать» [63]. Как мы знаем, в первом наказе Б. И. Пушкину и Г. И. Горихвостову содержалась подробная разработка этих условий. Однако теперь послы о них и не заикнулись. Их ответ сводился, в сущности, к одному пункту: военный союз должен состоять в том, что обе стороны будут вести действия против Польско-Литовского государства, и ни Швеция, ни Московское государство не вступят в переговоры и не заключат мира с общим противником иначе, как по согласованию друг с другом. Другими словами, обе стороны связывают себя обязательством не заключать сепаратного мира. Шведская сторона изъявляла в принципе согласие на то, чтобы связать себя таким обязательством в будущей войне, и давала заверения, что Швеция ее действительно начнет, — но все это лишь через два года. Русские послы пытались парировать это оттягивание прямолинейно сформулированной угрозой: пока Швеция не начнет военных действий против Польско-Литовского государства, царь остается вправе заключить с ним мир, если не захочет продолжать войну.

Но в том-то и дело, что шведские политики слепо не верили в реальность этой угрозы. Правда, на одной из встреч они задали вопрос, на каких же условиях Москва готова была бы примириться с Польшей? Но, не получив никакого ответа, на том и успокоились. Они даже выдвинули контругрозу. Польский король при покойном Густаве-Адольфе пытался и теперь пытается склонить Швецию к тому, чтобы договор о перемирии заменить заключением мира. Польский король добивается этого с помощью посредничества королей Франции, Англии, Дании, голландских Штатов и через иные высокие персоны. Однако шведский Государственный совет отклонял все эти попытки в соответствии с волей покойного короля Густава-Адольфа, «ради его дружбы с царским величеством». Если же царь, вопреки ожиданиям, до истечения срока шведско-польского перемирия захочет вступить в мирные переговоры с поляками, пусть он не удивляется, что и шведское правительство постарается в интересах своего отечества вступить с поляками в переговоры о мире [64]. Но это был совсем не эффективный шахматный ход: ведь решившись на заключение мира с Польско-Литовским государством, Москва была бы уже равнодушна к миру или войне между ним и Швецией.

В предварительном отчете, высланном из Ревеля, Б. И. Пушкин, Г. И. Горихвостов и М. В. Неверов писал: «А заметно,

---

[63] Svenska Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica, N 631; 1633, Juni 22, s. 2; ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, л. 367.

[64] Шведский ответ от имени Христины от 1 июля 1633 г., см.: Svenska Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica, N 631.

государи, их хотение к тому: хотя и долго не будет с их шведской стороны войны на поляков, а вашему государскому величеству не обослався с королевством Шведским не мириться с поляками»[65]. За это Швеция окажет «помогательство» разрешением пропускать наемных ратных людей через свою землю и содействием в закупке амуниции, в подборе командиров. Но русские послы соглашались дать обязательство о незаключении сепаратного мира только при одном из двух условий. Либо Швеция немедленно нарушит перемирие и начнет войну с Польско-Литовским государством; подсказывается юридическое основание для разрыва перемирия — Владислав титулует себя королем шведским. Либо шведское правительство предоставит за свой счет русскому царю 5 тыс. солдат в помощь для продолжения войны против поляков. Подразумевалось, что это будет все равно со стороны Швеции войной, если и не де-юре, так де-факто. Но оба варианта разрыва перемирия снова и снова отвергались шведским Государственным советом. При этом предлагалось, чтобы 5 тыс. солдат были наняты не на шведские, а на русские деньги.

Мотивировалось это всякий раз этическими соображениями — нерушимостью данного слова. Поэтому якобы и Густав-Адольф ни в коем случае не шел на нарушение Альтмаркского перемирия. «Это мы должны делать по отношению как к друзьям, так и к врагам»[66]. Но вся история дипломатии свидетельствует, что такие препятствия при надобности преодолевались либо без всяких предлогов, либо, чаще, путем возложения вины на противную сторону. Русские послы, как видим, подсказывали вполне приличный предлог. Но формальная помеха войне на этот раз обрела прочность гранита. Шведское правительство укрылось за полной и абсолютной невозможностью нарушить перемирие и, тем самым, необходимостью отложить решение на два года.

Историк широкого профиля никогда не скажет, что тем самым вся судьба Тридцатилетней войны, судьба Европы на многие годы зависела от этого достаточно случайного факта. Это было не более чем микроскопической гирькой на огромных чашах весов, колебавшихся в равновесии, прежде чем начать куда-нибудь клониться. Не потому сорвался русско-шведский военный союз против Польско-Литовского государства, что шведы остались верны букве перемирия (и исказили букву Столбовского мира), а, напротив, потому, что история уже обрекла русско-шведский союз.

Впрочем, в тот момент шведские государственные мужи искренне верили, что они всего-навсего откладывают союз на два года. Этот мотив звучит во всей шведской документации, в том числе и в дебатах на заседаниях Государственного совета[67]. В ка-

---

[65] ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 367—368.

[66] Svenska Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica, № 631; отчет о переговорах с русским посольством 26 июня—26 августа 1633 г.

[67] Svenska Riksrådets protokoll, d. III, s. 147, 163—164, 168—169, 174—175, 294—307.

кой-то мере даже и «великие послы» поддались мысли о возможности такой двухлетней затяжки. В своем письменном ответе от 16 июля они сформулировали третий и четвертый пункты в таком духе: если сейчас все требования неприемлемы, а царское величество соизволит продолжать польскую войну, пусть шведское правительство направит в Москву посольство для переговоров, как наилучшим образом через два года осуществить шведско-русский союз[68].

Надо при этом помнить, что переговоры шли не об умозрительном проекте, а о союзе, который практически существовал в объективной действительности. Обе стороны это прекрасно понимали, хотя и выпячивали только заслугу своего государства. На заседании шведского Государственного совета и в ответе Пера Банера русским послам от 16 августа говорилось, что трудная война, которую шведская армия ведет в Германии, это — косвенная помощь царю, так как поляки не получают ни малейшей помощи от императора, мало того, еще принуждены дробить свои силы, ибо что ни день опасаются шведского вторжения из Силезии. Кстати, в связи с этим в официальной грамоте от имени Христины говорится, что просимые 5 тыс. солдат лучше всего пока содержать за шведский счет именно в Силезии, дабы Владислав IV испытывал постоянную угрозу вторжения с запада и необходимость раздроблять между противоположными границами свои войска[69]. Русские же послы со своей стороны напоминали, что германский император очень заинтересован в русско-польском примирении. «Если бы царь не начал этой войны, то половина польских ратных людей помогала бы императору, а другая половина пошла бы на Лифляндию»[70]. И обе стороны в этих утверждениях нимало не отходили от истины. Тем самым взаимопомощь объективно действительно существовала, и программа-минимум «Великого посольства» сводилась к тому, чтобы закрепить ее взаимными обязательствами или (линия И. Б. Черкасского) полностью освободиться от нее.

Шведский Государственный совет не мог охватить взглядом действительный ход истории, в том числе и внутреннюю социально-политическую обстановку в России во время Смоленской войны. Он не мог знать, что наличную ситуацию нельзя затягивать на два года. Он всемерно старался не отклонить, а пролонгировать переговоры о союзе. Для этой цели было еще 31 июля решено начать готовить шведское посольство в Россию. «Великое

---

[68] Svenska Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica, № 631; отчет о переговорах с русским посольством 26 июня—26 августа 1633 г.

[69] См. ibidem, а также письмо королевы Христины из Нючёпинга царю от 26 августа 1633 г. и от того же числа патриарху. Ср. Svenska Riksrådets protokoll, d. III, s. 295; ЦГАДА, Дела шведские, 1632 г., стб. 6, лл. 391—395.

[70] Svenska Riksrådets protokoll, d. III, s. 295.

посольство» с тем и покинуло Стокгольм, что-де вслед за ними вскоре в Москву тронется шведское посольство.

Б. И. Пушкин, Г. И. Горихвостов и М. В. Неверов изыскивали все дипломатические меры против пролонгации. Они лучше шведов понимали, сколь многое в Москве будет зависеть от того, с чем они вернутся. На последнем этапе они, по-видимому, нарочно стали обострять отношения, дабы вынудить противную сторону к ускорению решений. Заключительные встречи сторон 20, 22 и 24 августа протекали в очень напряженной обстановке и были в значительной степени насыщены чисто дипломатическим фехтованием — спорами о титулах обоих государей, а также о процедуре и о текстах документов. Но шведская сторона не сдвинулась ни на шаг. Она переняла тактику русского посольства и в свою очередь сгущала атмосферу. В том числе были двинуты в ход обвинения против Русселя — в мошенничестве, в похвальбе, «что он один был причиной возникновения русско-польской войны» [71] Это уже был укол рапирой лично в патриарха Филарета Никитича. 26 августа Б. И. Пушкин, Г. И. Горихвостов и М. В. Неверов были на прощальном приеме в королевском дворце в Нючёпинге. Им вручили ответное письмо от имени королевы касательно тех пунктов, которые были согласованы, и объявили, что для обсуждения остальных вопросов будет отправлено как можно скорее шведское посольство в Москву. Как можно скорее! На самом деле прошло много месяцев.

Между тем неудача «Великого посольства» имела в Москве самое стремительное продолжение. Как уже упоминалось, 4 сентября, едва прибыв в Нарву, послы отправили в Москву предварительный отчет о своей миссии. Он сохранился в Посольском приказе со странными пробелами там, где излагались привезенные из Стокгольма политические слухи. Возможно, эти места касались Жака Русселя. Этот документ был доставлен в Москву в двадцатых числах сентября. А «Великое посольство» с более полной документацией прибыло в столицу в первых числах октября. Между той и другой датами в Кремле разыгралась драма: утром 1 октября 1633 г. скоропостижно пресеклась жизнь патриарха Филарета Никитича. Существует такой источник по внутренней жизни царского двора XVII в., как «выходные книги» государей. Если бы Филарет Никитич болел долго, этот дневник содержал бы известия о посещениях царем своего отца, как он отмечает все предшествовавшие свидания обоих государей. Отмечены они и в первой декаде сентября. Так, 3 сентября царь и патриарх принимали шведского посла, 8 сентября у Михаила Федоровича был стол, и Филарет Никитич ел у него с немногими боярами. А затем Михаил Федорович посещает отца только в самый день его смерти, утром, после обедни. И тотчас, «в послед-

---

[71] Svenska Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica, № 631; отчеты и протоколы от 20, 22, 24 и 26 августа 1633 г.

ний час дня», т. е. в 11 часов до полудня, было официально объявлено о смерти. О том, что все произошло стремительно, говорит текст, цитируемый биографом: «И скорая смерть Филарета Никитича возбудила много непригожих, воровских слов» [72]. Еще более о том же свидетельствует экстренность последовавших политических решений, в том числе немедленное предложение мира Польско-Литовскому государству.

Это не значит, что дворцовый переворот следует объяснить только получением в Москве отчета о «Великом посольстве». Весь август и первая половина сентября отмечены признаками придворной политической борьбы, часть которых упомянута выше. Под осажденным Смоленском русское войско потерпело крупную неудачу 4 сентября. В Москве этого еще не знали 10 сентября, когда на помощь боярину М. Б. Шеину посылали дополнительных даточных людей.

Но вернемся в Стокгольм. Не успело отбыть русское «Великое посольство», как прибыло отправленное 4 августа из Германии тревожное послание канцлера Акселя Оксеншерны, настаивавшего на изменении дипломатического курса. Раньше, например, в феврале 1633 г., Оксеншерна неоднократно писал Государственному совету о необходимости воздержаться от союза с русскими, хотя и побуждая их продолжать войну с Речью Посполитой. Как мы видели, Государственный совет точно выполнил его рекомендации. Но это были первые месяцы после смерти Густава-Адольфа, когда Оксеншерна еще не овладел его военно-политическим кругозором и руководствовался инерцией своей прежней оппозиции. Лишь постепенно он охватил взглядом все стороны великой войны в сердцевине Европы. И наступил момент, когда тревога охватила его при мысли, что русско-польская война может прерваться. Он заглянул в ту глубину дел, какую видел в силу своего положения Густав-Адольф. И вот Оксеншерна в августе, а еще более категорично в письме от 5 октября извещает Стокгольм, что он переменил свое мнение: ведь поляки в самом деле могут пойти на мир с русскими на любых условиях, дабы освободить себе руки и вернуть из-под власти шведов Пруссию и Лифляндию; поэтому необходимо возобновить переговоры о союзе с Московским государством, чтобы ни в коем случае не прекратилась русско-польская война [73].

Государственный совет обсуждал вопрос о посольстве в Россию 9 октября, 20 ноября и 18 декабря 1633 г. Как видно, в Стокгольме не сознавали необходимости спешить, ссылаясь на то, что осенью по бездорожью все равно ехать нельзя.

---

[72] *Смирнов А. П.* Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Россия. М., 1874, с. 216.

[73] См. Handlingar rörande Skandinaviens historia, d. 27. Stockholm, 1847, s. 167; *Wejle C.* Sveriges Politik mot Polen 1630—1635. Uppsala, 1901, s. 84—85.

Протокол прений в Совете 18 декабря обнажает диапазон разногласий. На одном полюсе — мнение Тотта: польский король фактически уже отказался от претензий на Швецию, не следует ли ему вернуть все, что нами захвачено, и превратить перемирие в прочный мир, дабы сосредоточить все усилия на войне в Германии? Иоганн Шютте поддерживал Тотта: союз с Россией только затруднил бы достижение мира с Польшей, столь необходимого для германской войны. Противоположное мнение было представлено Флемингом, Делагарди, Габриелем Густавссоном: Польша охотно продлит с нами перемирие, поскольку она загружена русскими заботами, но, как только она с ними покончит, она возьмется за нас. Война с Польшей впереди, она неизбежна. «Поэтому наша безопасность со стороны Польши заключается в преуспеянии России». Надо помогать русскому союзнику и следить, чтобы Польша не стала сильнее нас, «подобно тому, как король французский всегда следит за Австрийским домом». Если Польша вернет себе Пруссию, она станет вдвое сильнее. Чтобы этого не случилось, нужен союз с Россией, и нужен именно потому, что идет война в Германии. Ведь если дела в Германии будут не очень хороши и тут еще возникнет столкновение с Польшей, то и Дания не замедлит вступить в военную коалицию против Швеции, и положение станет гибельным. Итак, надо договориться с Россией: союз с ней облегчит достижение мира с Польшей, Швеция удержит все отнятое ранее у Польши, а Россия получит Смоленщину и другие свои земли[74].

Эта вторая точка зрения возобладала. Но она была парализована, во-первых, прежней позицией ни в коем случае не нарушать перемирия с Польско-Литовским государством до истечения его срока; во-вторых, поручением посольству прежде всего «дискредитировать» в Москве Жака Русселя и добиться его ссылки в Сибирь. Но ведь это значило дискредитировать сношения Густава-Адольфа с Филаретом Никитичем, т. е. всю подготовку шведско-русского союза! В результате отправление посольства в Москву затягивалось.

17 января 1634 г. Государственный совет отправляет канцлеру Оксеншерне послание об этом «тяжелом и важном вопросе» — союзе, предлагаемом русским царем. Излагаются сначала мотивы против союза: при первом случае этот ненадежный друг вернет себе силой или хитростью отнятые у него и находящиеся ныне под шведской короной земли и провинции; а перемирие с Польшей при желании можно пролонгировать «без ведома и согласия русских». Но гораздо больше аргументов в пользу союза с Россией. Приводятся десять пунктов:

1) война с Польшей все равно неизбежна, а перемирие не будет обеспеченным;

---

[74] Svenska Riksrådets protokoll, d. III, s. 287—289.

2) падение России было бы немалой опасностью для Шведского государства;

3) в случае нашего отказа заключить союз, «Россия может принять в отчаянии решение заключить мир с поляками, а то и соединиться с ними против нас»;

4) в этом случае и Дания соединилась бы с ними;

5) если наши дела в Германии обернутся (упаси бог!) плохо, поляки и датчане неизбежно нападут на нас — значит выгоднее иметь Россию военным союзником, нежели такое положение, когда она будет оставаться в стороне и смотреть на это нападение;

6) в землях, приобретенных нами и от Польши и от России, наше положение упрочилось бы;

7) возвышение Польши было бы затруднено;

8) легче было бы осуществить торговлю с Персией через Россию;

9) «хоть Россия и не будет верным другом, все же на время она не будет нам врагом»;

10) если вести военные действия не в одной и той же польской провинции, союз может быть безопасным и можно оказывать друг другу взаимную помощь.

Исходя из этих десяти соображений, Государственный совет находит в принципе целесообразным заключение союза с Россией против Польши сроком на восемь—десять лет. Одно из его условий: когда после истечения срока перемирия Швеция начнет воевать с Польшей, ни она, ни Московское государство не будут вправе заключить отдельно мир или перемирие, да и о всяком договоре каждая сторона должна наперед известить другую и получить согласие. По мнению Государственного совета, война против Польши будет для Швеции вдвое тяжелее, чем для России: придется грозить одновременно через Пруссию, Лифляндию, и, чтобы отрезать Польшу от взаимопомощи с германским императором, через Силезию. Поэтому Россия должна будет поддерживать эту войну некоторой суммой денег. Другие условия этого важного политического шага, касающегося судеб «всего отечества», предполагается обсудить со специально созываемыми в феврале представителями дворянства, духовенства и городов Швеции[75]. На это письмо канцлер Оксеншерна ответил из Магдебурга 4 марта 1634 г. Здесь тоже изложены сначала возможные возражения против союза с Россией, а далее — аргументы за союз.

Союз с русским соседом, допускает Оксеншерна, может ведь в конце концов вовлечь во взаимные обвинения, недоброжелательство, и, наконец, в войну. «Этого тем более можно опасаться со стороны соседа, который по природе заносчив, смел и все оце-

---

[75] Handlinger rörande Skandinaviens historia, d. 28. Stockholm, 1847, s. 11—14.

нивает с точки зрения своей пользы». Русские могут не сдержать своих обязательств, если им это будет выгодно.

Но доводы за союз много сильнее. Причины для войны с Польшей неустранимы, и поляки начнут ее при первой передышке, при первых затруднениях Швеции, каковы бы ни были их обещания. Союз свяжет Россию, и она уже не сможет повредить Швеции, если даже захочет. Таким образом, возникает надежда удержать русское правительство от заключения мира с Польшей, к которому последняя всячески стремится, ибо предпочла бы вмешаться в шведские дела во время несовершеннолетия королевы. Чтобы следить за верностью русского двора, надо иметь при нем серьезного, умного агента, который «знал бы все лучше, чем сами русские» и раскрывал бы польские происки. Ссылаясь на опыт Густава-Адольфа, Оксеншерна настаивает в интересах Шведского государства на заключении союза с Россией. Московский государь должен обязаться продолжать войну против Владислава, а Швеция обяжется вступить в войну сразу по окончании срока Альтмаркского перемирия (т. е. в июле 1635 г.). Ни одна сторона не должна договариваться о мире или перемирии без ведома и согласия другой. При заключении каких-либо договоров с третьими державами каждая должна консультироваться с другой. Ни Швеция, ни Россия не заключат мира или перемирия сепаратно. Требования к врагу будут тогда согласованы, но уже сейчас оговаривается минимум: Швеция настаивает, чтобы Владислав IV и его братья отказались от шведского королевского титула, а также от прав на земли, крепости и порты, которые отняты у них Швецией и находятся сейчас в шведском владении; точно так же Владислав IV откажется от титула московского царя и вернет России земли в Смоленщине и Северщине. На усмотрение России будет представлена возможность включиться, если она захочет, в тот новый договор между Швецией и Польшей, содействие заключению которого предлагали покойному Густаву-Адольфу Франция, Англия, Бранденбург и Голландия. Московский государь должен оказать значительную денежную помощь шведской короне, так как шведы отвлекут на себя большие силы врага и вторгнутся в самую неуязвимую часть Польши; в то время как русские атакуют врага в Литве, шведы атакуют его в Лифляндии, Литве и Пруссии и введут армию в Верхнюю Польшу через Германию или Силезию. Впрочем, добавляет Оксеншерна, сколь ни важен пункт о русской денежной субсидии, из-за него не следует разрывать союз. Московский государь должен разрешить Швеции вести торговлю с Персией через территорию своей страны, участвуя в прибылях от этого дела. Однако в случае затруднений и этот пункт не должен помешать заключению союза. Срок будущего русско-шведского союза — от четырех до двенадцати лет или же просто до окончания войны с Польшей. Что касается процедуры оформления союза, то (ради спешности и удержания инициативы) Швеция могла бы и первая под-

писать все документы, не дожидаясь подписи московского государя [76]. Так монументально и обстоятельно готовил канцлер возрождение и осуществление политических замыслов Густава-Адольфа. Но ни он, ни члены Государственного совета не учитывали дворцового переворота и социально-политической обстановки в Московском государстве. Пока шведские государственные деятели переписывались, одумывались и готовили посольство, история склонилась к совсем другому решению.

Анализ последующих событий «шведского периода» Тридцатилетней войны выходит за рамки настоящего исследования. Однако уже здесь, забегая вперед, необходимо указать на финал всей эпопеи, служащий как бы фактической проверкой изложенного нами мнения о решающем значении польской проблемы и в связи с этим русско-польской борьбы для судьбы шведского похода в Германию.

Двусмысленность политики Оксеншерны, не проявившего вовремя понимания глубоких замыслов Густава-Адольфа, позиция шведского Государственного совета были в числе причин, побудивших Московское государство прервать Смоленскую войну с Польско-Литовским государством и заключить с ним в июне 1634 г. Поляновский мир. Катастрофическое значение этого события для Швеции не замедлило сказаться — цепь поражений шведской армии в Германии, начинающаяся с Нёрдлингена, объясняется не гением Валленштейна, не «немецким чудом» и не изменой военного счастья, а тем, что именно в момент наибольшего напряжения борьбы в Германии, во второй половине 1634—первой половине 1635 г., Швеция принуждена была сосредоточить часть своих войск на польской границе. Освободившись от войны с Россией, а затем и Турцией, Владислав IV уже в 1634 г. готовился в союзе с Данией к возобновлению войны против Швеции. Общепризнанно, что Швеция проиграла в 1634—1635 гг. войну в Германии из-за недостатка резервов. Но резервы-то у нее в это время были, только они находились частью в Швеции, скованные эвентуальной польской войной, частью в Лифляндии и Пруссии, т. е. у польской границы, частью, наконец, у русской границы. Не только нельзя было ничего подбросить на германский театр войны, но несколько полков пришлось даже снять с него и отправить на границу Польши.

Таким образом, фиаско шведского похода в Германию было прямым следствием прекращения Смоленской войны. Шведов спас Ришелье: в июне 1635 г. Франция открыто вступила в Тридцатилетнюю войну и отвлекла на себя основные силы императора. Это дало возможность Швеции сосредоточить свои главные силы против Речи Посполитой, заключить с ней в сентябре 1635 г. Штумсдорфский договор и уже после того вернуться к активной войне в Германии.

---

[76] Handlingar rörande Skandinaviens historia, d. 29, s. 268—276.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны *

Понятия «Западная Европа» и «Восточная Европа» относятся преимущественно к области географической науки. Что касается истории, то представление о какой-то вечной противоположности, всегда разделявшей Западную и Восточную Европу, только вредит познанию действительности. Разрыв между ними существует лишь в сознании историков и выражает скорее ограниченность кругозора и традиционную специализацию исследователей, нередко также предвзятые концепции, но, во всяком случае, не историческую реальность.

Оставим в стороне средние века. По крайней мере с последних десятилетий XV в., после образования Османской империи и освобождения России от монгольского ига, оба эти государства оказывали могучее воздействие на исторические судьбы Центральной и в известной мере Западной Европы. Система европейских государств перестраивалась в связи с этим. Если начиная уже с XVI в. воздействие Османской империи постепенно ослабевало, то воздействие России, напротив, все более возрастало на протяжении дальнейшей истории. Рассматривать историю Европы XVI—XVIII вв. (не говоря о дальнейшем) вне взаимосвязи Востока и Запада совершенно ненаучно. Но именно потому, что в традициях исторической науки между ними образовался разрыв, ныне еще возможны настоящие открытия в области изучения этих взаимосвязей.

Проблема взаимосвязей Западной и Восточной Европы имеет три основных аспекта.

Прежде всего это вопрос об экономических связях, т. е. о торговле. Историкам сейчас хорошо известен переворот в мировых торговых связях, в ценах, а вслед за тем и в многообразных явлениях экономической жизни, последовавшей за открытием атлантических морских путей в Америку, Африку и Азию, переворот, основой которого была разница между уровнями экономического развития Западной Европы и внеевропейских народов, кристаллизовавшаяся в баснословных доходах европейских искателей наживы. Но гораздо менее изучены удачные и неудачные попытки конкурирующих искателей наживы добиться того же или еще большего

---

* Доклад на XI Международном конгрессе исторических наук, август 1960 г. Стокгольм. Текст доклада на русском языке опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 10.

через Северный Ледовитый океан, балтийско-речной путь, ведший еще в средние века «из варяг в греки», через волжско-каспийский путь в Персию. Усилия и путешественников, и купцов, и политиков в XVI—XVII вв. были направлены на то, чтобы пробить свободную водную дорогу в страны Востока через Россию. Если бы это удалось, наверно, последовал бы другой, еще больший переворот в ценах и экономической жизни Западной Европы. Но это не удалось. Торговая экспансия Запада не проникла дальше Балтики. Однако и торговля через Балтику по речным путям с континентальными странами Восточной Европы явилась источником высоких прибылей. Балтийская торговля заняла второе место после атлантической. Она стала поводом ожесточенной борьбы политических сил за монополию, за dominium maris Balthici. Она оказала глубокое косвенное воздействие на экономическое развитие всех стран Восточной Европы, в частности аграрное, причем историкам следовало бы обратить главное внимание не на количество вывозимых оттуда на Запад сельскохозяйственных продуктов (оно не было велико), а как раз на высокую норму той прибыли, которую получали и делили между собой купцы-посредники и местные помещики-крепостники.

Вторым аспектом проблемы взаимосвязи Западной и Восточной Европы является вопрос об их осведомленности друг о друге и взаимном культурном влиянии. Познания европейских авторов XVI—XVII вв. в области политической географии были вообще несовершенны. Они часто распространяли путаные, нелепые сведения даже о близлежащих странах. Но государственные архивы в общем показывают гораздо большую осведомленность правящих кругов о политике и положении других, в том числе и отдаленных европейских государств, чем это традиционно полагают историки. Конечно, никакие параллели с характером современной международной информации недопустимы, масштабы должны быть взяты принципиально иные, но все же в XVI—XVII вв. Московское государство или Польско-Литовское государство вовсе не были, скажем, для Англии, Испании и Франции какими-то неведомыми экзотическими землями, даже если западные писатели и картографы применяли к ним фантастические наименования «Скифия» или «Великая Татария». Не было ни в Москве, ни в Варшаве никакого «наивного неведения» о Западе, о котором подчас говорят историки. Однако не менее важно и то, что сама искаженная, ложная информация друг о друге между разными странами, в том числе между Западной и Восточной Европой, была не просто плодом недостаточной осведомленности, но и дезинформацией, т. е. выражением определенных исторических отношений. Недостаток точной информации в ту эпоху служил лишь фактором, особенно облегчавшим дезинформацию. Так, книга Маржере о России, изданная во Франции по повелению Генриха IV и распространившая в публике множество неверных представлений о Московском государстве, отвечала тем самым известным политическим и церковным интересам. Шире говоря, само относительное культурное разобщение между Западной и Восточной Европой, связанное, между прочим, и с церковным расколом, являлось не вакуумом, но взаимным отношением, и поэтому содержание его требует новых и новых исследований историков.

Третий аспект — это политические отношения Западной и Восточной Европы. Вопрос этот касается прежде всего истории дипломатических отношений и войн. Но он далеко не сводится к ним. Может быть, к числу наиболее трудных, но и наиболее интересных тем исторической науки должны быть отнесены те общественные взаимосвязи и отношения, о которых сами современники ничего не знали, которые вовсе не преломлялись сквозь призму сознания людей. Допустим, что в Англии XVI или XVII в. ничего не слышали бы о России и наоборот. Разве это исключает, что их исторические судьбы были все-таки взаимосвязаны? Ведь они являлись членами единой системы государств. Понятие «система государств» (Staatensystem) уже довольно давно стало употребляться историками[1]. Научный потенциал этого понятия очень велик. Речь идет, очевидно, не только о сети дипломатических связей, не только о блоках и союзах нескольких государств. Каждое государство непосредственно было связано в историческом прошлом лишь с частью существовавших государств, те — с другими, другие — с третьими. Только их совокупность образовывала систему, а следовательно, каждое государство состояло с частью других лишь в косвенных отношениях, объективно существовавших, но субъективно далеко не полностью сознаваемых или вовсе не сознаваемых политическими деятелями.

Если под этим углом зрения взглянуть на развитие политических отношений Западной и Восточной Европы в XVI и XVII вв., то можно увидеть некоторые черты системы государств, которые трудно было бы обнаружить в тех или иных отдельных дипломатических документах.

Великие сдвиги в отношениях Восточной Европы с государствами и племенами Азии, совершившиеся во второй половине XV в., поставили Западную Европу перед лицом Османской империи, возникшей на месте «второго Рима» — Византийской, или Восточной Римской, империи, — и перед лицом Московского государства, претендовавшего теперь на роль «третьего Рима», преемника окончательно павшей Римской державы. И тотчас Запад ответил возобновлением давно отброшенных попыток возродить «первый Рим»: сплотить все страны Западной Европы в единую «универсальную», «всехристианскую», «Священную Римскую империю». Ядром ее должна была стать габсбургская Австрия как непосредственный противовес Османской Турции. Габсбурги должны были стать всеевропейскими всекатолическими императорами. При Максимилиане I были сделаны существенные шаги к реализации этого плана, начавшего уже при Карле V облекаться плотью, превращаться в грозную реальность. Но этот план слишком противоречил всему предшествовавшему политическому развитию Западной Европы, так же как и всему экономическому и социальному прогрессу, связанному с зарождением капитализма. На пути его стало подстегнутое этой угрозой оформление ряда национально-абсолютистских государств, затем — мощное противодействие

---

[1] Отметим, что В. И. Ленин пользовался этим понятием (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 370).

в виде взрыва Реформации, расколовшей Западную Европу на непримиримые лагери. Отныне борьба Реформации и контрреформации и тесно связанная с ней «габсбургская проблема» стали на долгий срок основным содержанием политической истории Западной Европы. Тридцатилетняя война явилась кульминационным и завершающим актом этой эпопеи, вылившимся в форму войны уже не местной, не локальной, но в известном смысле всеевропейской — первой всеевропейской войны.

Противники Австрийского дома, вернее, политики объединения Европы в единой габсбургско-католической империи, естественно, не упускали возможностей контактироваться с Османской империей и ее вассальными княжествами в Юго-Восточной Европе. По мере уменьшения турецкой угрозы политическая система в Европе в ходе XVI в. видоизменялась. Сама Османская империя мало-помалу стала всего лишь звеном своеобразного трехчленного барьера, охватившего «Священную Римскую империю» с востока, юго-востока и северо-востока. Позже, в XVIII в., его называли «восточным барьером». Он состоял из Османской империи, Польского, или вернее (со времени Люблинской унии) Польско-Литовского, государства (Речи Посполитой) и Шведского королевства, стремительно разросшегося и усилившегося к началу XVII в. В глазах одних политических сил этот «барьер» был обращен преимущественно против Центральной Европы, где находился очаг агрессии, опасный для всех. Для других, прежде всего для самой габсбургской державы, это был барьер, отделявший остальную Европу от крепнувшей России. И в самом деле, «восточный барьер» (если воспользоваться и для кануна Тридцатилетней войны этим позднейшим термином) мог выполнять такую двойную роль. Между составлявшими его тремя государствами: Турцией, Польско-Литовским государством и Швецией — неизменно существовали и то и дело с большой остротой прорывались противоречия.

Россия, в свою очередь, находилась в глубоких противоречиях со всеми тремя членами «восточного барьера», и ее усиление не могло не вызывать их противодействия [2]. Османская империя и ее вассалы, в первую очередь Крымское ханство, лишили Русское государство традиционных выходов в Черное море. Швеция по Столбовскому миру 1617 г. отняла у Русского государства выходы в Балтийское море. Россия тем самым осталась без водных, т. е. непосредственных, связей с европейскими государствами, если не считать остававшегося открытым, но трудного пути через Белое море, вокруг Скандинавии. Все три члена «восточного барьера» владели теми или иными территориями, исторически тяготевшими к России или прежде принадлежавшими ей; включали русское или этнически связанное с народами Московского государства население. Во всех трех государствах «барьера» часть населения исповедовала православие и видела в Московском государстве защитника своих конфессиональных интересов. Понятно, что Московское государство оказывало возраставшее и все более опасное давление на «восточный барьер» — то на весь в целом, то на от-

---

[2] См. *Поршнев Б. Ф.* К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. — «Уч. зап. Академии общественных наук», Вып. II. М., 1948.

дельных его членов, блокируясь с другими и используя трещины между ними.

Надо оговориться, что речь тут идет совсем не о том, чтобы оправдывать внешнюю политику Московского государства или осуждать ее. Советским историкам чужда идеализация внешней политики самодержавно-крепостнической России или отрицание ее агрессивного характера в известные периоды. Между внешней политикой дореволюционной России и СССР они видят не преемственность, а противоположность. Но в данном случае, говоря о внешней политике Московского государства в конце XVI—начале XVII в., мы вправе сказать, что она не была агрессией, а являлась борьбой за возвращение земель, утраченных в эпоху исторического ослабления Руси под монгольским игом.

Как ни остры были противоречия Московского государства с флангами «восточного барьера» — с мусульманской Турцией и протестантской Швецией, как ни велика была напряженность его отношений с ними, как ни катастрофичны бывали конфликты, до второй половины XVIII в. на первом плане стояли все же противоречия с центральным членом «барьера» — с Польско-Литовским государством. Оно включало в свои пределы огромные массивы русских, белорусских, украинских земель. Воссоединение этих земель и народов с Россией, хотя бы неполное, было первоочередной исторической задачей, первым условием возможности дальнейшей борьбы с фланговыми державами «барьера» за Прибалтику и Причерноморье. И, в свою очередь, именно Польско-Литовское государство из всех трех в наибольшей степени было воинственно в отношении России. Как государство по преимуществу католическое, оно в наименьшей степени было враждебно Австрийскому дому и его планам мирового господства, в наибольшей степени готово было к союзу с ним, особенно со времени царствования Сигизмунда III Вазы.

Многие исследователи склонны смотреть на Польско-Литовское государство XVI—XVII вв. сквозь исторические очки: из-за полного ослабления и распада этого государства в XVIII в. они считают его незначительной политической величиной и прежде, в частности накануне и во время Тридцатилетней войны. Между тем современники не без основания называли Сигизмунда III «северным Филиппом», т. е. сопоставляли его с самым могущественным и агрессивным государем Европы конца XVI в. — испанским королем Филиппом II Габсбургом. Эти сравнения подразумевали как бы возможность полюбовного раздела христианского мира между двумя величайшими католическими домами (впрочем, уже породнившимися между собой). Во всяком случае, Польско-Литовское государство являлось могучим и влиятельным звеном европейской системы государств. Лишь национально-освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого в 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией в результате последовавшей за тем русско-польской войны нанесли первый тяжелый удар этой сильной, хотя и полной внутренних противоречий многонациональной державе. С этого времени «восточный барьер» поддерживался преимущественно флангами. А в XVIII в., после того, как значительно усилившаяся Россия нанесла ряд ударов по обоим флангам, Польско-Литовское государство рухнуло, подверглось

разделам, и вместе с тем прорванный «восточный барьер» навсегда перестал существовать.

Внешняя политика Московского государства в первой половине XVII в. в значительной степени определялась именно его противоречиями с Польско-Литовским государством. Западная и Центральная Европа интересовали его преимущественно как нечто лежащее «по ту сторону» Польско-Литовского государства. Там Московское правительство то более смутно, то более ясно усматривало союзников этого государства, в частности в лице германского императора, испанского короля, римского папы. Англия, Франция, Голландия интересовали его как потенциальные противники этих союзников его главного врага. В Московском государстве, конечно, относительно немного знали об этих далеких странах (хотя, правда, все-таки кое-что знали), дипломатические сношения с ними были малоразвитыми, но объективно тем самым, помимо чьего-либо ясного понимания, при плохой осведомленности друг о друге, они находились в определенных политических отношениях, ибо занимали определенные места в европейской системе государств при всей ее подвижности и неустойчивости. И, в свою очередь, в странах Западной и Центральной Европы видели в Московском государстве преимущественно нечто лежавшее «по ту сторону» Польско-Литовского государства. Им интересовались как силой, оказывавшей политическое давление на Польско-Литовское государство с востока, или как возможным объектом политических притязаний и экспансии Польско-Литовского государства. Последнее, в частности, не могло оказать всей ожидаемой от него поддержки габсбургско-католическим планам «похищения Европы» до тех пор и постольку, доколе и поскольку возраставшая сила Московского государства давила на него с востока. Напротив, Польско-Литовское государство само нуждалось в помощи и поддержке Габсбургов, в известной мере отвлекая этим их политические силы от западноевропейских проблем.

Глубокий социально-экономический кризис в Московском государстве, приведший к крестьянской войне, которая охватила почти всю страну, и острой политической борьбе («Смутное время»), был использован для попытки стереть вообще «третий Рим» с политической карты. Интервенция Польско-Литовского государства в охваченную пламенем социальной борьбы Россию пользовалась негласной поддержкой Габсбургов. К ней присоединилась интервенция Швеции. Только одна Турция из стран «барьера», связанная в то время другими заботами, не принимала прямого участия в этой попытке раздела и покорения России. Попытка эта кончилась провалом, но все же Столбовский мир 1617 г. со Швецией и Деулинское перемирие 1618 г. с Польско-Литовским государством зафиксировали крупные потери России и ее явное политическое ослабление. И именно тогда же, в 1617 и 1618 гг., габсбургский императорский двор, руководимый орденом иезуитов, бросил давно вынашиваемый вызов Реформации не только в Чехии (Чехия была лишь пробным шаром), но и во всей Германской империи и во всей Европе. Момент казался выбранным удачно. Все противники были в то время парализованы. И все-таки победа ускользнула, как призрак. То было началом Тридцатилетней войны.

В основе неудачи лежала потеря темпа. Мужественное сопротивление Чехии дало недостающее время для активизации некоторых противников Габсбургов, в том числе Голландской республики. Несмотря на Белую Гору, в 1621 г. обстановка была уже не той, как в 1618 г. В частности, возобновилась война Голландской республики с Испанией — затянувшийся эпилог Нидерландской буржуазной революции и войны Нидерландов за независимость. Гораздо быстрее, чем можно было ожидать, оправлялось и восстанавливало свои силы Московское государство. В 1621 г. Земский собор в Москве постановил готовиться к войне с Польско-Литовским государством за возвращение отторгнутых по Деулинскому перемирию западнорусских земель — Смоленщины, Северщины. Уже тогда возник план осуществить эту войну силами не одного Московского государства, но в союзе с обоими фланговыми государствами «восточного барьера» — Швецией и Турцией, воспользовавшись их противоречиями с Польско-Литовским государством. Переговоры о совместном выступлении начались и развивались успешно. Но в тот момент Московское государство оказалось еще не подготовленным к активным действиям, и из всего замысла непосредственно осуществилась лишь короткая вспышка — турецко-польская Хотинская война 1621—1622 гг. Однако начало включению Московского государства в европейскую политическую борьбу с габсбургско-католическим лагерем было положено. Дипломатические отношения с Империей были прерваны с 1616 до 1654 г. В «датский период» Тридцатилетней войны московское правительство стало применять (сначала неуверенно) особый доступный ему способ субсидирования антигабсбургских государств: оно разрешало им, и только им, в особенности же правительству Дании, закупку зерна по дешевым ценам, стоявшим на русском внутреннем рынке, для вывоза его через Белое море и перепродажи на Западе со значительной прибылью.

Но полностью весь этот политический курс Московского государства созрел и развернулся только в конце 20-х—начале 30-х годов XVII в., т. е. в конце «датского» и начале «шведского» периодов Тридцатилетней войны.

Некогда польский историк В. Чермак с сожалением писал, что Польша была единственным европейским государством, не принимавшим никакого участия в Тридцатилетней войне[3]. Это мнение в дальнейшем было опровергнуто бесчисленными фактами, показывающими тесную политическую и даже военную взаимопомощь между Польско-Литовским государством и имперским правительством в различные моменты Тридцатилетней войны. Причем все это служило в конечном счете не на пользу, а во вред коренным интересам польского народа: исторически прогрессивной могла быть только обратная политика — борьба за возвращение некогда утраченных и оказавшихся под властью Габсбургов исконных польских земель на западе, в частности Силезии, путем отказа от захваченных польскими и литовскими магнатами русских, украинских и белорусских территорий на востоке и союза Польши с Россией.

---

[3] *Czermak W.* Polska wobec wyniku wojny 30-letniej. Studya historyczne. Kraków, 1901.

Зато гораздо бесспорнее представлялось историкам мнение, что Россия в самом деле не имела ни малейшего отношения к истории Тридцатилетней войны. Взгляд этот казался совершенно неоспоримым и очевидным. Правда, разрозненные факты, говорящие как будто об обратном, констатировались прежде как шведскими (А. Кронхольм, К. Вейле), так и русскими (Н. Н. Бантыш-Каменский, С. М. Соловьев, Г. В. Форстен) историками. Но это было далеко от опровержения общепринятого взгляда в целом. Вот почему противоположный тезис о том, что внешняя политика Московского государства существенно повлияла на международные отношения в разгар Тридцатилетней войны, особенно в «шведский» период, был на первых порах встречен как парадокс. Интересно, что тезис этот был выдвинут почти одновременно — во время второй мировой войны в Швеции Давидом Норрманом[4], обратившимся к изучению шведских архивных источников, и автором этих строк в СССР, основывавшимся на русских архивных материалах. Наши исследования отнюдь нельзя назвать совпадающими по выводам и материалам, между прочим, потому, что Д. Норрман не привлек не только русские неопубликованные документы, но и опубликованные на русском языке, к тому же ограничив свое исследование довольно узкими хронологическими рамками — 1630—1632 гг. Во всяком случае, с указанного момента начался штурм историками, преимущественно историками СССР, этой интереснейшей вновь открывшейся проблемы: Россия и Тридцатилетняя война. С 1945 г. до начала 1947 г. вышло в свет несколько статей автора этих строк по данной теме[5]. В конце 1947 г. появилась книга О. Л. Вайнштейна[6], сделавшего первую попытку изложить в целом уже привлекшую широкое внимание проблему; к сожалению, автор совсем не изучал источников, имеющихся в архивах СССР. В дальнейшем к исследованию этой увлекательной темы присоединились и некоторые другие советские историки. Из зарубежных авторов ей посвятил в 1953 г. несколько страниц в своем докладе на съезде немецких историков известный западногерманский ученый Георг фон Раух[7], не проявивший, однако, полного знакомства с русской и шведской литературой вопроса. Что касается автора этих строк, то он продолжал в дальнейшем публикацию серии своих статей по истории международных отношений эпохи Тридцатилетней войны[8], а также выступил с обобщениями основных итогов всего исследования в Финляндии

---

[4] *Norrman D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen undre Tyska kriget (1630—1632). Uppsala, 1943.

[5] *Поршнев Б. Ф.* Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. — «Исторический журнал», 1945, № 3; *он же.* Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. — «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии», 1945, № 5; *он же.* Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны. — «Вопросы истории», 1947, № 1.

[6] *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947.

[7] *Rauch G. von.* Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jahrhunderts. — «Historische Zeitschrift», August 1954, Bd. 178, H. 1, S. 30—32.

[8] См., например, *Поршнев Б. Ф.* Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг. — «Скандинавский сборник. I». Таллин, 1956.

в 1956 г.[9] и вскоре в Австрии, на четвертом съезде австрийских историков[10].

Основной архивный фонд, на который опираются эти исследования, — это архив Посольского приказа (тогдашнего департамента иностранных дел), хранящийся в Москве, в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Вся переписка русского Посольского приказа с иностранными державами, как и материалы о деятельности иностранных послов и резидентов в Москве и русских послов, которых отправляли за границу, применительно к интересующему нас времени сохранилась почти в целости. В подавляющей части документы эти еще не опубликованы и очень мало изучены. Все «столбцы» и «книги» Посольского приказа расклассифицированы по странам. Главное значение для нашей темы имеет весьма обширный по количеству материала раздел «Сношения с Швецией» за 1620—1640-е годы. Важны также собрания документов о сношениях с Турцией, Крымом, Францией, Англией, Голландией, Польшей, Данией, Трансильванией (Семиградьем) и другими странами, а также с греческими православными церквами. Кроме русских документов, для исследования указанной проблемы важнейшее значение имеют документы шведских государственных архивов, в известной части опубликованные или же цитированные в трудах упомянутых выше авторов. Существенное значение имеют также документы, хранящиеся во французских, австрийских и других архивах.

В 1619 г. из польского плена возвратился в Москву и стал фактическим главою Московского государства отец первого Романова, царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет Никитич. Это была по-своему огромная историческая фигура, хотя остающаяся до сих пор малоизученной. Федор (Филарет) Никитич Романов сыграл крупную роль еще в истории «Смутного времени». Он был ближайшим из остававшихся в живых наследников Ивана Грозного; самым опасным врагом Бориса Годунова; может быть, тайным организатором, несмотря на свое глухое монастырское заточение, появления первого самозванца; неустанным и гибким деятелем «смуты», возведенным вторым самозванцем в сан патриарха всея Руси. Став, наконец, «великим государем», т. е. подлинным царем при безропотном Михаиле Федоровиче, патриарх Филарет Никитич успешно боролся с реакционным боярством и может быть отнесен к числу предтеч абсолютизма в России. Из девятилетнего пребывания в Польско-Литовском государстве в качестве заложника Филарет Никитич вынес хорошее знание этого государства и европейской политической ситуации. Главную внешнеполитическую задачу России Филарет Никитич видел в сокрушении Польско-Литовского государства для возвращения русских, украин-

---

[9] *Porshnew B. F.* Neuvostoliton historijoitsiyain tutkimukset Venäjän ösündesta kolmikymmenvuotisen sotaan. (Die Forschungen der Historiker Sowjetrusslands über den Anteil Russlands am Dreissigjährigen Krieg). — «Historiallinen Aikakauskirja», 1956, N 1.

[10] *Porschnew B.* Über die Rolle Russlands im Dreissigjährigen Krieg. — «Bericht über den vierten österreichishen Historikertag in Klagenfurt, 17—21 September 1956». Wien, 1957.

ских и белорусских земель. Он отдавал себе отчет в необходимости сокрушения для этого и союзников Польско-Литовского государства — всего габсбургско-католического лагеря в Европе. Последовательно и настойчиво он устранял из правительственного аппарата Московского государства сторонников обратного, дружественного Польско-Литовскому государству курса, таких, как думный дьяк Иван Грамотин.

Та же главная внешнеполитическая задача диктовала Филарету Никитичу и его окружению необходимость хотя бы временного сближения Московского государства с основными военными и политическими противниками Польско-Литовского государства — Швецией и Турцией, т. е. с обоими флангами «барьера», несмотря на все имевшиеся обиды и противоречия. Шведско-польская и турецко-польская борьба занимала в первые десятилетия XVII в. важное место в политической жизни Европы. Активный обмен Московского государства посольствами со Швецией и Турцией (а также вассалом Турции — Крымским ханством) довольно быстро осуществил это сближение в течение 20-х годов XVII в.

Со стороны Швеции главным организатором сближения с Московским государством являлся король Густав-Адольф. Эта сторона его политики в последний период его правления освещена еще недостаточно (преимущественно в указанной работе Д. Норрмана и лишь в малой мере также Н. Аплундом, И. Паулем, К. Вейле и в опубликованной шведским генеральным штабом истории войн Густава-Адольфа). Хотя в своей политике сближения с Россией Густав-Адольф опирался на довольно влиятельные шведские военные круги, она не находила полной поддержки со стороны канцлера Акселя Оксеншерны и большинства шведской олигархии. Допустимо предположение, что, может быть, именно эта политика привела в решающий момент к устранению Густава-Адольфа с исторической сцены.

В Турции Московское государство не нашло таких активных сторонников сближения среди правящих лиц. Роль главного поборника и организатора русско-турецкого военно-политического союза против Польско-Литовского государства выпала на долю вселенского и константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Его большое влияние при султанском дворе поддерживалось также голландским и английским послами, но встречало ожесточенное противодействие партии, возглавлявшейся иезуитами и послами католических держав, в первую очередь австрийским и французским (может быть, точнее сказать, не французским, а послом отца Жозефа — графом Сези). Активным поборником идеи военного союза с Московским государством выступил также формальный вассал Османской империи, но фактически почти самостоятельный государь Трансильвании Бетлен Габор. Он, в свою очередь, уже находился в тесных союзнических отношениях с Густавом-Адольфом.

Курс Филарета Никитича на всемерное сближение со Швецией и Турцией также вызывал немало противодействия в правящих кругах Московского государства. Так, даже один из его ближайших сподвижников, кн. И. Б. Черкасский, ставший после его смерти, с 1633 г., фактическим руководителем русской политики, отнюдь не был безоговорочным сторонником этого курса. Ведь только отказ со стороны России от борьбы в ближайшее время за Прибалтику (и Причерноморье) открывал возможность

русско-шведского (и русско-турецкого) сближения против общего врага — Польско-Литовского государства, а в известной мере и против всего габсбургско-католического лагеря. Но Филарет Никитич сумел нейтрализовать эту оппозицию, по крайней мере на некоторое время.

Москва стала в конце 20-х—начале 30-х годов естественным связующим звеном в формировании восточноевропейской коалиции. Густав-Адольф старался обеспечить себе поддержку со стороны Турции, Крыма, Трансильвании, запорожского казачества и в сношениях с этими политическими силами Восточной Европы искал содействия Московского государства. Шведские послы ездили через Москву в Турцию и Крым для переговоров о союзе, а турецкие и крымские с той же целью — в Швецию.

1628—1629 годы — рубеж в развитии Тридцатилетней войны. «Датский период», как прежде «чешский», закончился почти полной победой императора и католической реакции внутри Германии. Теперь вся Европа стояла перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов. Однако Франция и Швеция, которым предстояло в будущем победоносно завершить Тридцатилетнюю войну, в это время еще находились на заднем плане, хотя именно им грозила непосредственная опасность: Франции — удушение в кольце габсбургских владений, которое она при Ришелье дважды пыталась разорвать в Италии, в 1624 и 1628 гг. (войны за Вальтелину и за Мантуанское наследство); Швеции — утеря балтийского господства и восстановление на шведском престоле католика Сигизмунда III руками его родственников и союзников Габсбургов.

Ришелье искал союза с Густавом-Адольфом еще с 1625 г., исходя из мысли, что гибельной для Империи была бы только война на два фронта, тиски между двумя армиями. Но тогда этот план сорвался из-за отказа Густава-Адольфа начать войну в Империи, прежде чем он окончит войну с Польско-Литовским государством за Балтийское побережье — за Ливонию и Пруссию. Эта война, давняя, затихшая было в 1622—1624 гг., снова разгорелась в 1625 г. Несмотря на все уговоры, Густав-Адольф оставался непреклонным в своем отказе; в 1626 г. он сообщил английским, голландским и бранденбургским дипломатам, что повернуть оружие против Империи, не окончив войны с Польшей, было бы безумием. Для Ришелье это означало невозможность антигабсбургской политики: силы Дании были исчерпаны, Голландия уже несла бремя войны с Испанией, Англия, раздираемая внутренними противоречиями, от попыток международного умиротворения вскоре перешла к войне с Францией, а затем к состоянию полного внешнеполитического паралича. Ришелье на время отдался прогабсбургской политике отца Жозефа. Но к 1628—1629 гг. угроза национальной независимости Франции стала слишком непосредственной. Выход состоял только в том, чтобы добиться хотя бы временного перемирия между Швецией и Польско-Литовским государством и реальной гарантии того, что за то время, пока шведская армия будет воевать в Германии, польско-литовская армия не нанесет ей неожиданного удара в спину.

Посредничество Франции в заключении в 1629 г. Альтмаркского шестилетнего перемирия между Швецией и Польско-Литовским государством

многие историки называют «мастерским ходом» Ришелье[11]. Но дипломаты не творят историю. Французская дипломатия всего лишь использовала фактор, от нее не зависевший, но ставший ей известным: в 1628 г. Московское государство тайно сообщило сначала Турции, затем Швеции о своем окончательном решении не дожидаться истечения срока Деулинского перемирия и начать войну с Польско-Литовским государством и его союзниками в ближайшее время вместе со Швецией, Турцией, Трансильванией и при союзнических отношениях с Данией, Голландией и Англией. Франции оставалось только поддержать и использовать это решение. Отправление французским правительством Шарнасе в Варшаву и Стокгольм и Деэ де Курменена в Москву (где он добился подтверждения указанных сведений и союзнических отношений), возможно, также и негласное соучастие Ришелье в поездке в Москву деятелей французской гугенотской партии Талейрана и Русселя — это составные элементы одного дипломатического акта[12]. Извещенное о надвигавшейся войне с Московским государством, правительство Польско-Литовского государства, до того решительно отвергавшее перемирие со Швецией, проявило сговорчивость, уступчивость и поспешность. Вскоре после подписания Альтмаркского перемирия и получения официального заверения московского правительства о предстоящей вскоре русско-польской войне Густав-Адольф высадился со своим войском на одном из островов Балтийского побережья Империи. Начался «шведский» период Тридцатилетней войны. Но после первых блестящих успехов в Померании Густав-Адольф неожиданно прекратил наступление. Этот глубокий стратег и политик лучше, чем кто-либо в Швеции, понимал, что, если Польско-Литовское государство не будет связано «московской войной», оно двинет свои войска на помощь императору, как и император прежде оказывал ему военную помощь против шведов, в частности в польской Пруссии. И тогда сам Густав-Адольф оказался бы в Германии в смертельных тисках.

Для Швеции военное столкновение с Империей диктовалось развитием борьбы за экономическое и политическое господство над Балтикой. Вместе с тем Густав-Адольф, уже «отнявший море», по его собственным словам, у Московского государства и фактически добившийся того же в ожесточенной войне с Польско-Литовским государством, не только зарился теперь на принадлежавшее Империи померанское побережье Балтики, но и беспокойно оглядывался на Габсбургов, готовых лишить его и всех приобретений и короны; император, по его словам, «метил в самое сердце Шведского государства».

Однако зачем нужно было Московскому государству содействовать шведскому вторжению в Германию? Изучение документов Посольского приказа показывает, что не было сколько-нибудь существенных политических событий в любой из европейских стран, о которых в Москве не были бы получены сообщения через те или иные каналы. Все это тщательно сум-

---

[11] Основное исследование об этом см.: *Cichocki M.* Medjacja Francji w roseimie Altmarkskim. — In: Polska Akademja umiejtnosci. Wydral hist.-filosof. Rozprawy. Kraków, 1928, t. 67, N 1.

[12] *Поршнев Б. Ф.* Из истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны. — «Французский ежегодник, 1958». М., 1959.

мировалось и изучалось[13]. Документы Посольского приказа показывают также, что буквально все иностранные послы, касавшиеся в Москве польской проблемы, послы Турции, Швеции, Франции, Голландии, сходились в одном тезисе: Польско-Литовское государство сильно помощью, которую ему оказывает Империя; если международная обстановка сложится в Европе так, что Империя не сможет помогать Польско-Литовскому государству, то Польско-Литовское государство будет слабо и может быть побеждено. Отсюда широкая коалиционная точка зрения во внешней политике Филарета Никитича. Когда французский посол Деэ де Курменен осторожно коснулся в переговорах в Москве возможного шведско-польского перемирия, его только спросили: «Если польский король со шведским помирятся, государю их (французскому) Людовику то выгодно ли будет, и английскому королю, и датскому, и голландцам то выгодно же ли будет?» Раз да, значит, и Московское государство не возражает против этого перемирия. Оно адресовало Густаву-Адольфу пожелание победы над германским императором.

Более того, Московское государство оказало весьма существенную материальную помощь шведам в их дорогостоящей войне в Германии. В условиях Тридцатилетней войны, как войны наемных армий, военный потенциал противников определялся возможностью мобилизовать максимум денежной наличности. Широко известно, что с 1631 г. Швеция вела войну в Германии в значительной степени на французские субсидии: 400 тыс. рейхсталеров в год, что соответствовало приблизительно $^1/_4$ всего государственного бюджета Швеции, но лишь $^1/_{50}$ государственного бюджета Франции. Московское государство применило отмеченный выше способ предоставления скрытых субсидий: в 1628—1633 гг. оно предоставляло шведскому правительству в отличие от других иностранцев зерно по себестоимости, отказываясь от пошлин и обычной монопольной прибыли (торговля хлебом была царской монополией) и отлично зная к тому же, что зерно будет перепродано на амстердамской бирже по ценам, стремительно возросшим в те годы. Это были именно политические субсидии, а не торговые операции, хотя субсидии и отпускались в товарной форме: шведские послы неизменно указывали, что они испрашивают русское зерно как помощь для ведения войны против «римского (германского) императора», «Австрийского дома», «папежан» (Католической лиги). Шведское правительственное послание 1630 г. к русскому царю разъясняло, что «тою хлебною помощью скрытым образом будет нанесен ущерб и императору и польскому королю»: как только Густав-Адольф развернет войну против императора, это будет обороной и Московского государства, ибо у Польско-Литовского государства, Империи и римско-католической церкви ныне общая судьба — общая победа или общая гибель. Московское правительство с такими же самыми чисто военно-политиче-

---

[13] Г. В. Форстен, хотя он специально и не изучал эти архивы, справедливо писал: «Напрасно думают, что в Москве ничего не знали о событиях западноевропейских; напротив, там внимательно следили за великой религиозно-политической борьбой, занимавшей Европу целых 30 лет» (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях, т. II. СПб., 1894, с. 497).

скими мотивировками давало разрешения на вывоз зерна. Произведенные нами подсчеты размеров этой материальной помощи дали поразительные результаты: в течение шести лет московское правительство предоставляло шведскому правительству для ведения войны в Германии в среднем ежегодно около 100 тыс. рейхсталеров номинальной субсидии (уступка своих доходов, сравнительно с отпуском другим иностранцам), что составляло приблизительно $^1/_{20}$ всего государственного бюджета Московского государства, и около 400 тыс. рейхсталеров реального дохода (от перепродажи зерна в Голландии). Половина этой шестилетней скрытой субсидии, а именно около 1 млн. 200 тыс. рейхсталеров, приходится на 1630 г. Понятно, почему к 1631 г. Густав-Адольф смог развернуть крупные военные силы в Германии.

Одновременно Московское государство вело дипломатическую и военную подготовку к войне с Польско-Литовским государством. Затяжка переговоров с Турцией и Трансильванией о совместном выступлении и задержка формирования русской армии привели к откладыванию начала военных действий вплоть до августа 1632 г. Но Густав-Адольф был в курсе всех приготовлений, и это многое объясняет в его поведении в Германии, приковывавшем напряженное внимание всей Европы.

Он долго оставался на занятом померанском плацдарме, ожидая, действительно ли Польско-Литовское государство окажется скованным военной угрозой с востока. Он помогал русским уполномоченным в вербовке ландскнехтов и найме командного состава, в закупке оружия и амуниции в Германии. Благодаря его рекомендации сын одного из его самых выдающихся военачальников, фельдмаршала Александра Лесли, полковник Александр Лесли-младший был поставлен во главе всех наемных иноземных войск Московского государства. Специальные уполномоченные шведского короля — Антон Монисер, Иоганн Мёллер, Жак Руссель — непосредственно связывали его с московским двором и трудились над окончательным оформлением шведско-русского союза.

Для историков Тридцатилетней войны оставалось не вполне ясным, почему Густав-Адольф двинулся в глубь Германии только через год после занятия Померании и почему он еще через год вернулся с армией из Юго-Западной Германии, где был уже у порога триумфа, назад в Северо-Восточную Германию, найдя там свой трагический конец. Но загадки «шведского периода» Тридцатилетней войны получают удовлетворительное объяснение, если принять во внимание положение дел в Восточной Европе, и прежде всего историю подготовки и начала так называемой Смоленской войны — войны между Московским и Польско-Литовским государствами 1632—1634 гг.

Единственное, что хоть отчасти описано в исторической литературе, — это вызывающие обычно недоумение и даже порицание притязания Густава-Адольфа на польскую корону в связи с близившейся смертью Сигизмунда III, притязания, которые, по мнению многих, в том числе его канцлера Акселя Оксеншерны, лишь отвлекали его от ведения войны в Германии, сулившей ему, может быть, даже императорскую корону. Общепризнанно, что шансы Густава-Адольфа на добровольное избрание его польско-литовским сеймом, даже при поддержке его кандидатуры

диссидентами, были близки к нулю. Но считается, что даже эти ничтожные шансы были сорваны шумной пропагандой его кандидатуры, организованной Жаком Русселем, получившим для этой цели необычайно широкие полномочия от Густава-Адольфа. Однако анализ всей совокупности источников приводит к выводу, что Густав-Адольф и его уполномоченный Жак Руссель преследовали этим путем иную цель: ускорить вступление Московского государства в войну с Польско-Литовским государством. Жак Руссель настойчиво разъяснял в Москве, что польская корона в конце концов достанется Густаву-Адольфу, но либо путем добровольного его избрания, и тогда Московское государство ничего не выиграет от этого, либо насильственными средствами, если Московское государство вступит в войну, и тогда оно получит свою долю общей победы.

Ту же цель преследовал Жак Руссель и отправкой двух своих доверенных лиц через Москву к запорожским казакам с призывом от имени Густава-Адольфа восстать против Польши. Он старался практически связать казацкое восстание с Москвой и тем самым предрешить вопрос о переходе Запорожской Украины от Польско-Литовского государства к Московскому [14].

Но, насколько далеко продвинулось оформление русско-шведского военно-политического союза, оставалось до недавнего времени совсем неизвестным. Теперь на основе архивных документов выяснено, что Густав-Адольф дал обещание не только помочь в организации русской наемной армии, поделившись с ней всем своим первоклассным военно-техническим опытом (что и было выполнено, в том числе русским был передан секрет облегченных пушек), но и двинуть часть своей армии на Польско-Литовское государство с запада, из Силезии или Пруссии, когда русская армия будет наступать с востока. Командование этой будущей операцией с запада было поручено сначала Густаву Горну, затем Александру Лесли-старшему, наконец, Герману Врангелю. Русское правительство взяло на себя обязательство оплатить стоимость этой операции. Была согласована в главных чертах и граница последующего воссоединения с Московским государством русских, украинских и белорусских земель: граница должна была пройти по Западной Двине, Неману, Днепру, с выходом в Черное море. Московское правительство соглашалось за эту помощь содействовать получению Густавом-Адольфом польской короны. Предполагалось, по-видимому, что он взамен уступленных на востоке земель присоединит к Польше Силезию. Обе стороны готовы были дать обещание сохранить между собой самый тесный дружественный союз и на дальнейшие времена.

Заняв померанский плацдарм летом 1630 г., Густав-Адольф вынужден был проявлять в Германии осторожность до сентября 1631 г. не только из-за внутригерманской обстановки, но прежде всего из-за ожидания вестей из Москвы по всем этим сложным вопросам шведско-русского союза. Только в июне 1631 г. к нему прибыли в Штеттин из Москвы Александр Лесли-младший с подробной информацией и русские послы, привезшие Густаву-Адольфу официальное уведомление об объявлении Московским государством войны Сигизмунду III. В этом документе, как и в одновремен-

[14] *Кріп'якевич І. П.* Козаччина в політичних комбінаціях 1620—1630 рр. — «Записки наукового товариства імени Шевченка», т. 117—118. Львів, 1914.

ных посланиях русского царя английскому королю Карлу I, датскому королю Христиану IV, голландскому штатгальтеру Фридриху Генриху Оранскому и нидерландским Генеральным штатам, решение начинать военные действия против Сигизмунда III и его сына Владислава объяснялось намерением последних завоевать Московское государство и ввести в нем католицизм «по умышлению папы римского и по совету императора (германского) и короля испанского». В августе 1631 г. Густав-Адольф получил и переданные через Русселя, Мониера и Мёллера ответы московского правительства о согласии по всем основным пунктам переговоров о союзе. Теперь Густав-Адольф мог не бояться удара со стороны Польско-Литовского государства. В то же время отсрочка выступления русской армии до лета 1632 г. освобождала его на несколько месяцев и от необходимости быть вблизи польской границы для руководства встречным наступлением с запада. Вот почему он смог ринуться в свой головокружительный победоносный рейд в глубь Германии, вступить в единоборство с Тилли и Валленштейном, погрузиться в сложный мир внутригерманских политических отношений и социальных противоречий. Только весной 1632 г. под Нюрнбергом он снова страстно занялся польскими и русскими делами и с возрастающим нетерпением стал стремиться назад, в Северо-Восточную Германию, несмотря на все противодействие Акселя Оксеншерны, не понимавшего в полной мере тревог великого стратега и дипломата и настаивавшего, чтобы он без оглядки шел на Вену. В августе 1632 г. русское правительство двинуло к польско-литовской границе свое войско, развернувшее в сентябре—октябре стремительное наступление и осадившее Смоленск. В октябре 1632 г. Густав-Адольф с армией двинулся на север, предварительно предписав фельдмаршалу Врангелю готовиться к наступлению на Польшу из Пруссии.

Таким образом, взаимосвязь ярчайшего эпизода Тридцатилетней войны — ошеломившего Европу похода «снежного короля» туда и обратно через всю Германию — и русско-польской Смоленской войны в настоящее время может считаться доказанной.

Но русско-шведский союз против Польско-Литовского государства был лишь частью и лишь программой-минимум гораздо дальше идущих планов, вынашивавшихся в то время некоторыми политическими и религиозными деятелями в разных странах.

Напомним, что речь идет о кульминационном моменте борьбы Реформации и контрреформации, т. е. протестантизма и католической реакции в Европе. Политическая борьба еще была облечена в идеологическую форму религиозной борьбы. На протяжении 20-х годов XVII в. чаша весов дважды почти окончательно склонялась к победе католицизма. И поэтому именно в те же годы в антикатолических церковных и политических кругах активно развивались планы сплочения и соединения в единую силу всех некатолических церквей. Между лютеранством, кальвинизмом, англиканством существовала глубочайшая рознь. Устранить ее хотя бы ценой далеко идущих уступок в вопросах вероучения и культа — таков был единственный путь к победе над общим противником, по мнению деятелей объединительного движения. Джон Дури (Durie, Dourie, Duräus) и его сподвижники в Германии, архиепископ кентерберийский Аббот со своими

друзьями в Англии, голландские арминиане, чешские последователи Яна Амоса Коменского, Густав-Адольф и Аксель Оксеншерна в Швеции, Бетлен Габор в Трансильвании и многие другие были поборниками этого движения. Но дело уже не могло сводиться к новому этапу в истории Реформации — соединению реформированных церквей. Идеология движения неминуемо должна была принять эйкуменистский характер; выступить как идея объединения всех христианских церквей путем совместного сокрушения единственной из них, признаваемой еретической, а именно римско-католической церкви. Иными словами, и логика движения, и реальное соотношение сил обязательно требовали включения в это церковное единство и греко-православной церкви.

Со своей стороны, и многие влиятельные руководители греко-православной церкви ходом общественно-политических событий подталкивались к тому же. Православные народы Балканского полуострова, находившиеся под властью Турции, снова и снова готовились к восстанию и борьбе за независимость под религиозными знаменами, под лозунгом свержения мусульманского ига. В частности, такое восстание назревало в первом-втором десятилетиях XVII в. Тогда-то на эту большую потенциальную силу решил опереться французский вельможа герцог Неверский, являвшийся по происхождению последним представителем свергнутой турками византийской династии Палеологов. Восстание должно было восстановить Византийскую империю — «второй Рим». Но, согласно замыслу, Византия должна была воскреснуть уже как католическая держава. За спиной герцога Неверского стояли отец Жозеф, папство, Испания, Империя, Польско-Литовское государство и другие католические силы. Для крестового похода был создан могущественный католический орден «Христианской милиции». В то же время герцог Неверский находился в сношениях с частью духовенства Греции, Сербии, Албании, Македонии, Болгарии, Герцеговины, Далмации, а также Валахии и Молдавии. Александрийско-константинопольские патриархи Мелетий Пегас и еще более его преемник Кирилл Лукарис понимали, что осуществление этого грандиозного замысла хотя и дало бы желанное освобождение христиан от власти ислама, вместе с тем означало бы ликвидацию всей возглавлявшейся ими греко-православной церкви (за исключением, может быть, русского патриаршества). И единственный противовес этой надвигавшейся унии с католицизмом они усматривали в сближении с протестантизмом, в первую очередь с наиболее активной и воинствующей из протестантских церквей — кальвинизмом.

Особенно далеко по этому пути пошел Кирилл Лукарис. Вокруг его имени в исторической и церковной литературе до сих пор кипит борьба мнений. Но является окончательно доказанным, что константинопольский патриарх решился на полное слияние православного и кальвинистского вероучений, несмотря на противодействие немалой части греческого духовенства. В 1629 г. он опубликовал «Confessio» («Исповедание веры»), куда были включены основные догматы кальвинизма. Кирилл Лукарис находился в теснейших связях с женевскими, голландскими, английскими, немецкими, венгерскими, французскими кальвинистами. Он вступил в сношения и с крупнейшими поборниками объединительного протестантского движения в Европе, в том числе с Густавом-Адольфом, Акселем Оксен-

шерной, Бетленом Габором. Его ближайшими сподвижниками и в известной мере духовными руководителями в ожесточенной и полной драматизма борьбе были находившиеся в Константинополе голландский посол Корнелей Хага и женевский пастор и богослов Антон Лежер. Папство и орден иезуитов делали все мыслимое для дискредитации Кирилла Лукариса и низложения его с патриаршего престола; последнего им удавалось добиться несколько раз путем всяческого давления на двор султана Мурада IV, но Кирилл Лукарис каждый раз победоносно возвращался на свой пост, пока не был убит в 1638 г.

Курс вселенского и константинопольского патриарха на объединение православия и кальвинизма не был вопросом его индивидуальных религиозных убеждений. Этот курс пользовался поддержкой определенной части высшего православного духовенства, в том числе и некоторых других патриархов. Но все же Кириллу Лукарису приходилось действовать с большой осторожностью, нередко втайне, маневрируя, осуществляя реформу скорее де-факто, например путем замены старых богослужебных книг новыми.

До сих пор оставался совершенно не затронутым исследователями вопрос о том, знал ли русский патриарх Филарет Никитич, занимавший формально второе, а фактически едва ли не первое место среди православных иерархов, о реформе, предпринятой Кириллом Лукарисом, и как он к ней относился. Архивные документы говорят лишь об их самых тесных и частых связях: обмене посланиями по различным частным вопросам, отправлении друг к другу надежных лиц с устными сообщениями, не доверявшимися бумаге. По-видимому, многое из переписки двух патриархов, как и вообще из бумаг Филарета Никитича, было уничтожено сразу после его смерти и в дальнейшем. И все-таки всесторонний анализ церковной и политической деятельности Филарета Никитича заставляет в настоящее время с большим основанием предполагать, что он был посвящен в замысел Кирилла Лукариса и поддерживал этот замысел, хотя и с большой осторожностью. Неизбежно последовавшие в конце концов разоблачения, может быть, следует связать с его скоропостижной смертью в октябре 1633 г. Благодаря своему исключительно авторитарному положению в русской церкви Филарет Никитич мог попытаться понемногу осуществить этот замысел путем изъятия из употребления части богослужебных книг и постепенной замены их новыми. Он нарушил традиционную неприкосновенность старинных русских церковных книг, широко поставил дело их «исправления», как и печатания новых, полностью изъял употреблявшийся при его предшественниках «устав». Все это, по-видимому, подготавливало почву для более смелых действий. Совершенно случайно сохранившийся в архиве Посольского приказа отрывок из разоблачений, сообщенных шведским гонцом Вассерманом в марте 1634 г., говорит о том, что патриарх Филарет Никитич заказал Жаку Русселю за крупную сумму организовать перевод на русский язык кальвинистского «служебника», что и было выполнено. По всей вероятности, ко времени Филарета Никитича относится и найденная финским историком Бёкманом в архивах Хельсинки рукопись перевода на русский язык кальвинистского голландского катехизиса. Этот компрометирующий покойного патриарха Филарета Никитича документ сохранился среди личных бумаг Артамона Мат-

веева, активного продолжателя внешней политики Филарета Никитича во второй половине XVII в.[15]

Кроме нескольких иерархов греко-православной церкви, непосредственную связь патриарха всея Руси Филарета Никитича с патриархом вселенским и константинопольским Кириллом Лукарисом осуществлял Жак Руссель. Он пользовался огромным личным доверием и того и другого. Он же осуществлял и связь Филарета Никитича с протестантскими кругами Запада. В дальнейшем он приобрел такое же доверие и Густава-Адольфа. Жак Руссель — интереснейший исторический персонаж[16]. Он был французом по происхождению, кальвинистом, братом крупного деятеля кальвинистской церкви, подвизавшегося сначала в Седане, затем в окружении вождя французских гугенотов герцога Рогана. Жак Руссель получил широкое гуманистическое и богословское образование. Прожив несколько лет в Польско-Литовском государстве, Руссель правильно оценил его внутреннее состояние и огромную роль в планах европейской католической реакции. После попытки разъяснить все это кардиналу Ришелье у стен Ла Рошели в 1628 г. Руссель вскоре встретил понимание у герцога Рогана и был направлен последним в Восточную Европу для содействия сплочению всех антикатолических сил. Он побывал при дворах герцога Савойского, герцога Неверского в Мантуе, затем в Венеции, при дворе трансильванского государя Бетлена Габора, откуда в качестве официального посла (вместе с другим гугенотом, Шарлем Талейраном) поехал в Константинополь. Там он и выступил уже вполне сложившимся адептом идеи объединения некатолических христианских церквей. Но церковно-религиозные планы были в ту эпоху лишь идеологической формой, за которой выступало определенное политическое содержание: план создания обширной антигабсбургской коалиции, преимущественно восточноевропейских сил (Трансильвании, Молдавии, Валахии, запорожского казачества, Московского государства, Швеции, а также Венеции и др.). Другой заветной целью Русселя было получить разрешение Московского государства на свободную «персидскую торговлю». Из Константинополя Руссель в роли посла Бетлена Габора прибыл в Москву[17], а оттуда ко двору Густава-Адольфа, находившегося уже в Германии, затем в Лифляндию и Москву уже в качестве посла Густава-Адольфа и т. д. Руссель проявил гигантскую политическую активность для осуществления, в частности, ближайшей цели — организации русско-шведского союза против Польско-Литовского государства. Его называли впоследствии главным инициатором Смоленской войны. После смерти своего последнего официального патрона, Густава-

---

[15] *Böckman E.* Den kalviniska kyrkaus trosbekäunelse och katekes (Das Glaubensbekenntnis und der Kahtechismus der kalvinischen Kirche. Eine kirchenslavische Handschrift in der russischen Abteilung der Universität-Bibliothek, Helsinki). — «Suomen kirkkohistorialinen seuran vuosikirja (Finska kyrkhistoriska samfundets årsskrift)», XXVI, 1936.

[16] О нем, кроме упомянутых работ И. Крипьякевича, М. Цихоцкого, Д. Норрмана и автора этого доклада, см. также: *Silfversvan B.* Eräs polittinen haaveilija 1600 — luvulla. — «Historiallinen Aikakauskirja», 1934, N 3.

[17] *Wittman T.* Bethlen Gábor és az 1628/1629 évi erdélyi-orosz szövetségtery keletkezesc. Budapest, 1956.

Адольфа, Жак Руссель уехал в Голландию, в 1634 г. через Москву вернулся в Константинополь, оттуда — в Венецию (где многие годы находился в изгнании герцог Роган). Вернувшись опять в Константинополь, очевидно, в связи с новым восстановлением и усилением Кирилла Лукариса, Жак Руссель умер там в 1636 г.

Но Смоленская война, возникновению которой Жак Руссель так много содействовал и которая косвенно сделала возможным триумфы Густава-Адольфа в Германии, оборвалась скоро и неожиданно. Причин к тому несколько. Аксель Оксеншерна и шведский Государственный совет, не проявившие вовремя понимания глубоких замыслов Густава-Адольфа, после его смерти не подписали уже почти полностью согласованного шведско-русского союзного договора, и русское посольство вернулось из Стокгольма в Москву осенью 1633 г. с пустыми руками. Турция, занятая борьбой с Персией, опоздала с обещанным выступлением против Польско-Литовского государства, а крымские татары тревожили Московское государство набегами с юга [18]. Восстание запорожского казачества против польского национального гнета задержалось на несколько лет. Но главной причиной, вынудившей московское правительство подписать в июне 1634 г. Поляновский мир с Польско-Литовским государством (выиграв всего лишь отречение Владислава IV от претензий на русский престол), явилось широкое крестьянско-казацкое восстание в ряде центральных областей России в 1633—1634 гг., возникшее в связи с усилением экономического гнета и начавшее увлекать за собой беднейшее население в самой Москве. Во главе этого народного движения на первом этапе стоял крестьянин-партизан Иван Балаш, по имени которого оно получило в исторической литературе название «балашовщина». Тень «смутного времени» снова нависла над русским самодержавием [19]. Для подавления внутреннего мятежа оно поспешило развязать себе руки, заключив Поляновский мир. После смерти Филарета Никитича и подписания Поляновского мира в русский правительственный аппарат стали возвращаться сторонники пропольской политики, и Московское государство на многие годы отвернулось от активных действий на западе.

Заключение Поляновского мира 1634 г. имело катастрофические последствия для шведской армии в Германии. Поскольку Владислав IV стал незамедлительно готовиться к возобновлению войны со Швецией в союзе с Данией, Швеции пришлось оттянуть к польской границе часть своих войск, притом значительно бо́льшую, чем потребовалось бы для осуществления плана Густава-Адольфа и Филарета Никитича. Недостаток резервов привел к цепи поражений шведской армии в Германии, начавшейся с Нёрдлингена, к распаду Гейльброннского союза немецких князей, потерявших веру в шведскую силу, к неумолимому приближению фиаско всего шведского похода в Германию. Положение спас лишь Ришелье: в июне 1635 г. Франция принуждена была вступить в открытую войну с Габсбур-

---

[18] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948.

[19] *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. — «История СССР», 1957, № 5.

гами, что дало шведам возможность оказать необходимое давление на Польско-Литовское государство и добиться от него заключения Штумсдорфского договора со Швецией, после чего шведская армия более десяти лет могла снова вести активную войну в Германии, не опасаясь удара в спину.

Такова сложная цепь взаимосвязанных явлений. Что знал Балаш о Ришелье, а Ришелье о Балаше? Ничего. Между тем «балашовщина», сорвавшая Смоленскую войну, косвенно отразилась на другом конце Европы, ибо заставила Ришелье, отодвинув интересы католической церкви, ринуться в тяжкую битву за спасение национальной независимости Франции.

Но вступление католической Франции в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургских сил все же означало существенное изменение характера этой войны: отныне она перестала даже по форме быть религиозной войной. Религиозная оболочка окончательно отпала, а вместе с нею и все указанные выше планы и замыслы. Большинство действующих лиц описанной драмы сошло со сцены на протяжении всего лишь нескольких лет. «Франко-шведский» период Тридцатилетней войны был уже чисто политическим финалом, когда Франция и Швеция медленно, но неумолимо сжимали и душили агрессивную габсбургскую Империю, а воинственная габсбургская Испания все более приближалась к коллапсу (по выражению Веджвуд) в неравной борьбе с франко-голландскими союзными силами.

В этот период воздействие Восточной Европы, и в частности России, на историю Тридцатилетней войны было уже не столь заметным. Однако роль России как важного фактора европейской системы государств с новой силой проявилась в критические 1644—1645 гг. В это время габсбургско-католическая дипломатия, бросила на стол свой последний козырь. Была сделана попытка отвлечь Швецию от войны против германского императора, создав против нее коалицию из Дании, Польско-Литовского государства и России. Дания выступила первой. Были предприняты огромные усилия для примирения и сближения России с Польско-Литовским государством, а также для сближения ее с Данией путем династического брака. Однако после некоторых колебаний Московское государство отказалось от предназначавшейся ему роли и осталось верным дружественному Швеции курсу. Это предопределило отказ и Польско-Литовского государства. Таким образом, и на этот раз позиция Москвы глубоко отозвалась на общеевропейских делах и в немалой мере предопределила трагический для Габсбургов конец Тридцатилетней войны. Еще раз глубокая связь и единство политической истории Западной и Восточной Европы сказались в самом конце Тридцатилетней войны — во время подготовки и заключения Вестфальского мира 1648 г. и в ее эпилоге, продолжавшемся до 1653 г.

Тридцатилетняя война завершилась не полным, а частичным и абортированным поражением Габсбургов. Это связано с тем, что окончание ее падает на время необычайно широкого раската по всей Европе революционных массовых движений [20].

Ведь именно с последними годами Тридцатилетней войны совпадает наивысший подъем Английской революции под руководством Кромвеля. Во Франции с 1648 г. бушевала Фронда, имевшая на первом этапе характер

[20] *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

серьезного революционного движения. В Испании на протяжении 40-х и начала 50-х годов XVII в. ареной народной борьбы («войны жнецов») была Каталония. Португалия была с 1640 г. очагом республиканских заговоров, социального брожения. Значительные политические, если и не социальные, бури разыгрывались в Дании, в Голландии. Широчайшее народное антифеодальное и антииспанское движение развернулось в 1647—1648 гг. в Южной Италии и Сицилии; в Неаполе вслед за Лондоном была провозглашена республика. В 1648 г. восставали крестьяне Австрии, в 1650—1653 гг. — Швеции, в 1653 г. пылала крестьянская война в Швейцарии. В Польско-Литовском государстве в 1648—1651 гг. происходили восстания польских крестьян, в 1648—1654 гг. бушевала национально-освободительная и антифеодальная война украинских крестьян под руководством Богдана Хмельницкого. В Московском государстве в 1648 г. прокатилась широкая волна городских восстаний, завершившись в 1650 г. восстаниями в Новгороде и Пскове и крестьянскими движениями в окрестных областях.

Шведский уполномоченный на Вестфальском мирном конгрессе Сальвиус писал в 1648 г. в одном из донесений своему правительству: «Представляется каким-то великим чудом, что во всем мире слышно о восстаниях народа против государей, как-то: во Франции, Англии, Германии, Польше, Московии, Турции... Является ли причиной тому некое общее расположение звезд на небе или же что-то вроде всеобщего сговора народов в отношении дурных правителей, — один бог может знать». Это «великое чудо» 1648 и близких к нему годов привлекало огромное внимание современников, но заинтересовало историков лишь недавно (до того каждое из этих движений изучалось изолированно от других). Так, англичанин Мерримен опубликовал книгу на эту тему [21]. В 1957 г. в Англии состоялась встреча историков разных стран для обсуждения проблемы одновременности и взаимосвязи ряда революционных движений середины XVII в.[22]

Их одновременность, очевидно, зависела в известной мере от истощения финансовых ресурсов всех европейских правительств в связи с Тридцатилетней войной. Их взаимосвязь была больше, чем прежде предполагалось. Кромвель, как утверждают, находился в переписке с Хмельницким; о восстании украинцев писала пресса Фронды [23]. Идейное воздействие Английской революции на классовые битвы во Франции, Германии, Голландии, Швеции было огромным. И, наконец, очень велико было их прямое или косвенное влияние на политику правительств, участвовавших в Вестфальском мире. Вести об Английской революции подстегнули Фронду во Франции, а это заставило кардинала Мазарини изо всех сил спешить с подписанием мира и пойти на огромные уступки противникам. Швецию труднее было побудить к прекращению сулившей новые успехи войны в Германии, но к сговорчивости ее еще в 1646 г. побудили известия о наборе большой армии Владиславом IV. В конце 1648 г. шведское правительство направило тайную инструкцию Карлу-Густаву, кузену королевы Христины, командовавшему шведской армией в Германии: зорко следить за бушую-

---

[21] *Merriman R.* Six Contemporaneous Revolutions. Oxford, 1938.
[22] Seventeenth Century Revolutions. — «Past and Present», April 1958, N 13.
[23] *Поршнев Б. Ф.* К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. — «Вопросы истории», 1954, № 5.

щими в Польско-Литовском государстве внутренними раздорами и оттянуть главные силы шведской армии через Силезию и Саксонию на восток, к польской границе, дабы иметь возможность вторгнуться в Польшу из Германии, если это окажется полезным для Швеции. Восставшие в 1648 г. запорожские казаки и украинские крестьяне обратились за помощью к России. Но русское правительство начало войну с Польско-Литовским государством только в 1654 г., и только в 1655 г. Швеция осуществила вторжение в Польшу, уже полностью освободившись к этому времени от забот Тридцатилетней войны.

Итак, мы убедились в тесной взаимосвязи внешней политики государств Восточной Европы и Западной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. Но для историка всякое исследование частной, конкретной темы — это то же, что для физика эксперимент. Данная тема заставляет нас вернуться к теоретическому понятию «система государств». Система это или простая сумма государств? Не существует ли общих объективных закономерностей, приложимых ко всякой системе государств?

Сейчас возможно отметить лишь немногое.

Во-первых, нам кажется несомненным, что во всей истории всякому без исключения государству, пока его внутренний общественный строй основывался на эксплуатации человека человеком, частной собственности на средства производства, классовом антагонизме, была вместе с тем свойственна и тенденция к внешней экспансии. Тенденция эта обычно парализовалась подобными же тенденциями других государств. Дипломатия была лишь неустанным прощупыванием слабых мест окружения или же опасностей, грозящих данному государству со стороны других. Во-вторых, на этом фоне в каждую эпоху выступал тот или другой основной очаг агрессии. Это и превращало сумму государств в систему (если говорить о «системе государств» в чисто политическом смысле). В эпоху Тридцатилетней войны основным очагом агрессии являлся габсбургско-католический лагерь с его претензиями на всеевропейское господство. Против агрессии всегда сплачивались те или иные силы, образовывался второй центр системы. Между ними находили свое место государства-лимитрофы и государства, претендовавшие на роль «третьего радующегося», против которых, в свою очередь, складывался тот или иной противовес и т. д. Однако, если и есть общие и объективные, т. е. не зависящие от частной воли, закономерности любой системы государств, то все же история рисует нам картину постоянной изменчивости и смены этих систем. Причина тому — столь же объективные и неумолимые законы экономического развития, а также различие темпов этого развития у народов в зависимости от конкретных исторических условий. Наконец, накапливавшиеся классовые противоречия подчас взрывались с огромной силой и приводили к глубоким изменениям общественно-политического строя в той или иной стране, что неминуемо меняло ее удельный вес и положение в системе государств, а следовательно, косвенно отражалось и на всей системе.

Таким образом, история международных отношений не может быть отнесена к чисто описательным отраслям исторической науки и противопоставлена, скажем, экономической или социальной истории. В этой отрасли также могут быть получены важные теоретические выводы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббот *421*
Абелин И. Ф. *233, 268*
Август курфюрст Саксонский *18*
Адмираль П. ла *261, 262, 300—306*
Алексей Михайлович *45, 242, 298*
Альбрехт I Австрийский *13*
Альбрехт *17*
Альтрингер *367, 369*
Ангулемский герцог *127*
Анлунд Н. *236, 237, 246, 248, 272, 274, 286, 288, 332, 372, 414*
Анна Австрийская *48*
Анструтер *145*
Арзыматов А. А. *372*
Арндт Е.-М. *331*
Арним *154, 162, 170, 282, 283, 360, 365, 366, 368, 383*
Арнольдин *299*
Аристов А. *204, 220, 244, 251, 267—269, 292, 294, 303*
Ассерсон Н. *380*

Балаш Иван *424, 425*
Банер П. *94, 308, 345, 381, 393, 398*
Бантыш-Каменский Н. Н. *18, 28, 41, 42, 44, 45, 179, 182, 188, 189, 195, 199, 412*
Барон Б. *240, 295—298*
Бартольд Ф. В. *332*
Беер М. *384, 386, 387*
Безобразов П. В. *174*
Бекингем Д. *126, 143, 144, 150, 151, 154, 155*
Беллер Е. А. *100, 168, 233*
Беллин *140, 142*
Белов Г. фон *98*
Бенгарт Ю. *174, 181, 193, 196, 197, 200, 241, 378*
Бензен *346*
Берендтс Э. *203, 204, 219, 226*
Беренсон Г. *386—389*
Бернгард Саксен-Веймарский *149, 383*
Бетлен Габор *117, 127, 128, 133, 137, 146, 147, 149, 150, 153, 159, 185—187, 196, 201, 237, 238, 246, 247, 249, 260, 298, 307, 414, 421—423*
Бёкман И. *212, 292, 327*
Бёкман М. *292, 383, 384*
Бёкман Э. *422, 423*
Бёллус Н. *354*
Бёр М. *332, 343*
Бинеманн Ф. *206*
Богуслав X *341*
Богуслав XIV *264, 341—344*
Бонифаций VIII *13, 14*
Бормосов *298*
Борниц *122*
Борнхаупт X. *236*
Боте Ф. *332*
Бочкаи И. *33, 38*
Боэциус С. Б. *266, 345*
Брайс Дж. *59, 116*
Бремен *179, 192*
Бромлей Ю. В. *77*
Брунденберг М. *389*
Брюлары *137, 139*
Бубна *365*
Букуа К. *120, 121, 128, 129*
Бург П. Б. *233, 252, 268, 339*
Бурдей Г. Д. *16*
Бурх А. *167, 192, 220, 222*
Бьелке С. *312*

Вагнер Г. *89*
Ваза *379*
Вайнштейн О. Л. *294, 298, 321, 372, 412*
Вален X. *82*
Валлич Э. И. *4*
Валленштейн А. *56, 88—93, 104, 130, 136, 147—150, 153, 158—164, 169, 170, 264, 287, 307, 308, 321, 328, 333, 336, 338, 344, 348, 354, 355, 360—366, 370, 371, 383, 392, 404, 420*
Вальмерод *359*
Вангерин Э. *283*
Вандрушка А. *58*
Варкоч Н. *28*
Вартенберг фон *363*
Василий III *16, 17*

Вассерман Х. *262, 263, 305, 306, 308, 422*
Ватсон Ф. *348, 370*
Вебер Б. Г. *4*
Веджвуд К. *100, 116, 234, 425*
Вейбулл Л. *345*
Вейле К. *234, 235, 237—240, 246—248, 252—254, 257, 260, 261, 270, 272, 291, 300, 305, 306, 309, 312, 372, 412, 414*
Вельзеры *54*
Вер Г. *126*
Вержье Ж. де *316, 317, 322, 323, 325, 326, 328, 373, 374, 389*
Виблинг К. *238*
Вильгельм V Гессен-Кассельский *270, 353—355*
Вильгельм Оранский *89, 338*
Виммес Я. *239*
Винтер Г. *94, 234*
Виттельсбахи *62*
Виттих К. *346, 347, 350—352*
Виттрок Г. *293, 328, 332, 358*
Владислав IV Ваза *33, 38, 43—45, 118, 180, 188, 237, 250, 252, 288, 302, 307, 312, 315, 318, 322—324, 328, 375—381, 383, 387, 392, 393, 396—398, 403, 404, 420, 424, 426*
Власьев *31*
Внуков П. *223*
Врангель Г. *292, 293, 327, 419, 420*

Габсбурги *5, 9, 11, 12, 14—16, 21—23, 25—27, 29—33, 35, 37, 40, 41, 43, 45—50, 52, 55, 58, 62, 68, 69, 76, 90—93, 95, 115, 117—120, 126, 127, 132, 136—138, 140, 141, 144, 146, 154, 155, 157, 164, 165, 168—171, 178, 184, 188—190, 192, 194, 196, 210, 211, 272, 333, 335, 410, 411, 415, 424, 425*
Гавренев И. *374*
Галлас М. *367, 369*
Гардинер С. Р. *234*
Гаррах К. *148, 366*
Гастон Орлеанский *176, 322*
Гейер Е. Г. *291*
Гейзиг *346*
Геллер *346*
Генрих II *14*
Генрих IV Бурбон *30, 35—37, 40, 47—49, 137, 406*
Генриетта-Мария *139, 144, 151*
Георг-Вильгельм Бранденбургский *159, 264—266, 268, 344*
Георг Фридрих Баден-Дурлахский *131, 147, 149, 159*
Герберсдорф А. *79, 80, 135*
Гец *359, 360*
Гиндели А. *133, 234, 363, 364*
Гладкий Г. *304, 305*
Глазков *239*
Гогенлоэ Г. Ф. *120, 128*
Гогенцоллерны *92, 115*
Годзишевский В. *235*
Годунов Б. Ф. *27, 29, 31, 318, 413*
Голицын Н. В. *235, 373, 383*
Голл Й. *131*
Гондомар граф *143*
Гонзага *164*
Гонсало де Кордова *130—132*
Гонсевский В. К. *243, 256, 262, 305*
Горихвостов Г. И. *249, 317, 372, 376, 377, 379, 384, 391—394, 396, 399*
Горн Г. *269, 280, 281, 292, 345, 419*
Грамотин И. Т. *190, 414*
Грев Ж. де *261, 262, 300—306*
Греков И. Б. *16, 19*
Гриммельсгаузен Г. Я. К. *83—85, 96, 97, 100, 103—109, 112, 353*
Грин Д. Р. *144*
Грифиус А. *112, 113*
Гротефенд О. *345*
Грох М. *89*
Грязев И. *388, 391*
Гус Я. *365, 368*
Густав Ваза *203*
Густав II Адольф *39—43, 54, 94, 116, 140—142, 145, 146, 152—154, 157, 162—164, 169, 170, 172, 175—177, 179—182, 184, 190, 192—195, 197, 198, 200—207, 210, 212—216, 218—220, 222, 223, 225, 228—231, 233—303, 305, 307—335, 337—342, 345, 348—353, 355—360, 365, 369—383, 385, 386, 388—390, 394—397, 400, 401, 403, 404, 414—421, 423, 424*
Густавссон Г. *401*
Гутьяр Е. *332*
Гфрёрер А. Ф. *332*
Гюлленхельм *216, 386*
Гюлленшерна Э. *206, 227*
Гюнтер В. *101—104, 107*

Далин О. *331*
Дам Г. фон *244, 285*
Дампьер Г. Д. *120, 121, 128*
Данте *59*
Делагарди Я. *216, 272, 274, 381, 386, 401*
Деладал П. *212*
Демулин К. *228, 244*
Дени Э. *133, 362, 365, 366, 368, 369*
Джанбек-Гирей *296, 309, 374*
Дживелегов А. К. *70, 97*
Димер *328*
Дитрихштейн Ф. З. *134, 362*
Диттмар *347*

Доннерт Э. *19*
Допш А. *70, 71*
Дорно А. *188*
Доссер Б. *77, 85*
Дройзен Г. *25, 115, 233, 234, 328, 332, 338, 346—349*
Дройзен И. Г. *115*
Дури Дж. *420*

Евдокимов *196*
Елизавета Бурбонская *48*
Елизавета Тюдор *10, 47, 383*
Елизавета дочь Якова I *49, 143*

Жижка Я. *365, 368*
Жозеф *414, 415, 421*
Жордания Г. *184*
Жукович П. Н. *287, 288, 300*

Забелин И. *196*
Задик *262*

Иван III *15, 16*
Иван IV *17, 18, 21, 27, 373, 413*
Измайлов А. В. *326*
Иловайский Д. И. *278*
Иоганн (Юхан) III *27, 29*
Иоганн-Георг I *123, 128, 265, 266, 270, 356, 359*
Иоганн-Казимир *286*
Иоганн-Сигизмунд *123*
Ирмер Г. *321*

Казимир королевич *302, 318, 375*
Калло Ж. *100, 112*
Кан А. С. *89*
Канис К. Ф. А. *332*
Кантакузин Ф. *174, 179, 196*
Капетинги *62*
Карафа *159, 160, 364*
Карл I Стюарт *48, 139, 142—144, 150—152, 154, 155, 166, 203, 204, 242, 251, 420*
Карл II Стюарт *242*
Карл V Габсбург *9—12, 14—18, 21—23, 25—27, 50, 54, 59, 87, 111, 116, 136, 143, 160, 407*
Карл IX *29, 30, 32, 33, 35, 39, 40, 395*
Карл Габсбург герцог *117*
Карл-Густав *427*
Карл-Эммануил I *127, 154, 164*
Карлос дон *25, 55*
Карлсон В. *346*
Карлссон К. *381*
Каролинги *70*
Картер Ч. *24*
Кевенхюллер Ф. К. *362, 364*
Кейзер А. *390*
Кильбургер И. Ф. *221*
Кинский В. *365*
Кирилл Лукарис *186, 238, 260, 304, 414, 421—424*
Клезль М. *38, 118—120*
Клопп О. *234, 346*
Ключевский В. О. *194, 271*
Коет Ю. *239, 243, 244*
Козимо II Медичи *123*
Коменский Я. А. *421*
Кондырев И. *44, 173*
Конецпольский С. *262*
Конер Г. *270, 277, 279*
Конопчиньский В. *53*
Конти Т. *344*
Кочел *362*
Кордт В. А. *205, 209, 222*
Корнилиус *186*
Королюк В. Д. *18*
Корф *262*
Кошица М. *300*
Краевский *235*
Кретцшмар И. *332, 345*
Кречманн *346*
Крипьякевич И. П. *419, 423*
Кристенсен А. Э. *53*
Кромвель О. *242, 243, 338, 425*
Кронхольм М. *205, 206, 223, 234, 267, 272, 296, 412*
Кулага *261, 304*
Курменен Деэ де барон *140, 173—177, 182—186, 191, 196, 199, 200, 416, 417*
Курц Б. Г. *223*
Кутшгейт *346*

Лавьевиль Ш. *139*
Ладурнер *77*
Ламмерт Г. *97, 98*
Ламормэн *164*
Лампартер Е. *331*
Лампрехт К. *16, 70, 75, 86, 122, 171*
Лангер Х. *346*
Латомус С. *354*
Лежер А. *422*
Лейкер *129*
Лейтш В. *45*
Ленин В. И. *407*
Ленц М. *332*
Леопольд Вильгельм *135*
Леопольд Тирольский *128, 132, 138*
Лерма герцог *49, 143*
Лесли А. *242, 243, 269, 281, 292, 418, 419*
Лесли-мл. А. *239, 242—245, 250—253, 256, 263, 265, 267—269, 281, 294, 303, 315, 418, 419*
Лжедмитрий I *32, 33*
Лжедмитрий II *33*
Линде ван дер А. *210*
Лихачев Ф. Ф. *296*

Лихтенштейн *362, 363*
Логау Ф. фон *106, 112*
Лойола И. *118*
Лонгвиль герцог *383*
Лопухин *186*
Лорентцен Т. *274*
Лукомская И. М. *4*
Лундквист С. *356*
Лыжин Н. П. *42, 395*
Любименко И. *190, 194*
Люблинская А. Д. *49*
Людовик XIII *44, 48, 126, 137, 139, 154, 172, 177, 183—186, 188, 199, 200, 284, 417*
Люин Ш. *126, 127, 137*
Люксембургская династия *62*
Люмкис М. *113*
Лютер М. *337*

Мавиус Л. *248, 305, 306, 308, 310, 314—317*
Мазарини Д. *426*
Майлат И. Н. *346*
Макиавелли Н. *12*
Максимилиан Баварский *33, 34, 78, 80, 81, 118, 123, 127—129, 132, 156, 157, 165, 264, 337, 363*
Максимилиан I Габсбург *12, 16, 17, 407*
Максимилиан II Габсбург *17, 19, 23, 25, 55, 117*
Манн Г. *89*
Мансфельд Э. *127, 130—133, 140, 144—147, 149, 150, 152, 153, 158, 159, 202*
Мареш Ф. *157, 158*
Мария Габсбург *27*
Мария Медичи *48, 49, 126, 139*
Мария Тюдор *9*
Мария-Элеонора *377—381*
Маржере *406*
Маркс К. *10, 12, 15, 72, 111, 114, 282, 334, 353, 355, 356*
Мартиниц Я. граф *120, 363, 366*
Масса И. *173, 210, 308, 309, 390*
Матвеев А. *422*
Матвей Габсбург *33, 37, 38, 41, 42, 44, 117—121*
Матоушек Й. *28*
Мелетий Пигас *421*
Мёллер И. *198, 220, 221, 223, 241, 243, 257—259, 267, 268—270, 275—279, 281, 282, 284—286, 289, 291—293, 295, 297, 310, 311, 314, 315, 320, 383, 418, 420*
Менин Л. *297, 311*
Меринг Ф. *333*
Мерримен Р. *426*
Меценсефи *58*
Милюков П. Н. *228*
Михаил Федорович Романов *41, 42, 44, 173, 175, 177, 180—183, 185, 186, 188—190, 196—200, 207, 210, 212, 215, 216, 219, 238, 241, 244, 246—248, 250—252, 254, 257—260, 262, 268, 270, 275, 277, 284, 289, 291, 292, 295, 296, 298, 310, 311, 313, 315, 320, 327, 376—378, 380, 385, 386, 395, 399, 413*
Михна П. *361, 364, 366, 367*
Мозер К. Ф. фон *111*
Мозер Ф. С. *331*
Мольтке Х. фон *332*
Мониер А. *174, 181, 182, 196, 197, 199—202, 213, 214, 219, 224, 238, 239, 241, 242, 249, 253—259, 269, 270, 275, 277, 278, 282, 289, 292, 307, 320, 378, 418, 420*
Монморанси А. *322*
Мориц Гессенский *353, 354*
Мориц Оранский *124, 125, 137, 147*
Моршпург де *299*
Москоровский *243*
Моттек Х. *74*
Мошерош Г. *97, 103, 112*
Мужиловский А. *302*
Мурад III *28*
Мурад IV *174, 187, 196, 201, 238, 251, 261, 309, 373, 422*
Муралей Улан *240, 385*
Мюллер А. *390*
Мюльштейн Х. *82*
Мюнцер Т. *337*

Невер Ш. де, см. Неверский герцог
Неверов М. В. *173, 317, 372, 377, 379, 392, 393, 396, 399*
Неверский герцог *164, 421, 423*
Нейкерке И. В. *205, 220*
Никодеми И. *312, 327*
Николя Д. *323*
Новак Й. *58*
Новосельский А. А. *296, 298, 424*
Ноде В. *194, 205, 208, 220, 222*
Норрман Д. *243, 271, 272, 274, 278, 279, 286, 288, 289, 291, 292, 295—298, 306—308, 311, 312, 314, 316, 317, 319, 320, 324, 327, 329, 372, 412, 414, 423*

Оболенский М. *210*
Оксеншерна А. *172, 193, 198, 202, 219, 228, 234, 240, 247—249, 254, 255, 257, 258, 261—263, 269, 270, 272—274, 276, 277, 280, 281, 286—292, 297, 298, 306—308, 311, 313, 324, 327, 349, 357, 378, 380, 381, 383, 384, 386, 387, 400—404, 414, 418, 420, 421, 424*
Оксеншерна Г. *216, 381, 386*

Олденбарневелт Я. *124, 125, 137*
Олеарий А. *186*
Оливарес Г. *143, 144, 156—158, 161, 164*
Оньяте граф *122*
Опель *346*
Опитц В. Т. *283*
Орлик А. *299*
Осман II *179, 190, 196*

Павел V *123*
Паквир М. де *390*
Паппенхейм Г. Г. *81, 132, 264, 346, 350, 352, 357, 369*
Пауль И. *272, 286, 290, 291, 294, 295, 297, 309, 321, 332, 345, 357, 372, 414*
Пельцль Ф. М. *363*
Перцев В. *111*
Петр I *42, 298*
Пехман *153*
Пешек *364*
Племянников Ф. *204, 220, 245, 251, 267—269, 292, 294, 303*
Погожев Д. *229*
Пожарский Д. М. *41, 232, 251*
Полишенский И. *89*
Померениг К. *221*
Поршнев Б. Ф. *3, 4, 6, 89, 116, 246, 304, 372, 375, 408, 412, 413, 416, 424—426*
Прончищев *298*
Пуфендорф С. *233, 240, 268, 339*
Пушкин Б. И. *249, 317, 320, 322, 328, 329, 372, 373, 375, 377—379, 381, 384, 391—394, 396, 399*

Равальяк *36*
Радзивилл К. *247, 248, 302, 305, 311, 312, 321, 387*
Ракоци Д. *307, 383*
Ранда А. фон *21*
Ранке Л. фон *332, 350*
Раппек *363, 364*
Раух Г. фон *329, 412*
Раше Ц. Л. *287, 339, 341*
Режап-паша *186, 201*
Рейхардт К. *55*
Ренген К. *87*
Реттиг Х. *234*
Ридер Х. *89*
Рикард С. *223*
Риттер М. *234, 332*
Ришелье *136, 139, 140, 142—144, 151—155, 164—166, 168—177, 182, 185, 186, 196, 199, 200, 202, 203, 264, 404, 415, 416, 423—425*
Ро Т. *176*
Робертс М. *333*
Роган герцог *246, 423, 424*
Родес И. *211, 219, 221, 222*
Родионов *190*
Роквир П. де *390*
Романова Е. Д. *4*
Роммель Х. *353*
Ростопчин Ф. В. *351*
Рубцов А. *193*
Рудольф II Габсбург *18, 21, 25—28, 34, 37, 38, 117*
Руссель Ж. *5, 186, 201, 246—251, 253, 256, 257, 259—263, 267, 269, 274, 275, 280, 286, 293—295, 298, 300—310, 314—317, 320—327, 329, 373—375, 389, 390, 399, 401, 416, 418—420, 422—424*
Руц Д. *212*
Рюс Д. Ф. *296, 297*

Савари Ж. *223*
Сагайдачный П. К. *118*
Сакетти Н. *299*
Сальвиус И.-А. *426*
Самохина Н. Н. *76, 78, 79, 371*
Сандерис Я. *390*
Сапега Л. *31, 262, 302, 305, 306*
Сватек Й. *363*
Сези Ф. *174, 186, 414*
Селим I *15*
Селим II *19*
Сельв Ж. де *11*
Сёренссон П. *274*
Сигизмунд I *17*
Сигизмунд II Август *20*
Сигизмунд III Ваза *27, 29—33, 38—44, 48, 123, 141, 145, 152—154, 157, 162—164, 168, 170—175, 178, 183, 184, 187, 188, 194, 200, 210, 231, 236, 239, 246, 247, 251, 252, 261, 273, 287, 295, 299, 301, 302, 307—309, 312, 318, 373, 375, 376, 379, 383, 384, 409, 415, 418—420*
Силадьи С. *238*
Сильферсван Б. *423*
Скала П. *369*
Славата В. *120*
Смирин М. М. *12, 61*
Смирнов А. П. *400*
Смирнов Н. А. *298*
Соловьев С. М. *195, 196, 198, 199, 412*
Соом А. *195, 207*
Спинола А. *95, 123, 126, 129, 130, 138, 143, 147, 166*
Србик *328*
Сташевский Е. Д. *207, 217, 232, 235, 239, 242—245, 250, 293, 317*
Стейман М. *216, 386, 387, 389*
Стейнберг С. *116*
Стенберг И. фон *244*
Стенболк (Стенбок) *376*

Стефан Баторий *21, 27*
Стопиа К. *314*
Страссбург П. *237, 238, 247, 260, 297, 298*
Страффорд Т. У. *322*
Стюарт А. *242, 243*
Стюарты *242*
Сулейман I (II) *16*
Сюлли герцог *47, 48*

Талейран П. Ш. *186*
Талейран Ш. де *186, 188, 196, 201, 304, 305, 416, 423*
Там В. *372*
Тапье В.-Л. *49, 120*
Тсйтге Х. *347*
Телепнев Е. Г. *185, 190*
Тилли И. Ц. *80, 104, 128—132, 146, 147, 149, 150, 156, 158, 159, 264—266, 270, 282—284, 336, 346, 350, 354—357, 360, 369, 420*
Тифенбах *359, 360*
Тихомиров М. Н. *8*
Тотт *401*
Трейчке Г. фон *331*
Тртчка *365*
Тургенев А. И. *210*
Турн Й. М. *120, 121, 128, 365, 367*
Турн-мл. *149*
Тюдоры *49*

Улицкий М. *364*
Ульрих *247, 252, 312*
Ульянов Е. (Виниус) *212, 228, 243, 244*
Унгерн *179, 192*
Унзинг Т. *244, 285*
Урбан VIII *134, 139, 145, 165*
Урланис Б. Ц. *98, 108*
Уседа герцог *143*

Фадингер С. *80, 363*
Фалькенберг Д. *349—352*
Фалькенберг, братья *291, 292*
Фаренсбах *238*
Федор Иванович *27, 28*
Фелтдриль И. *167, 220, 222*
Фердинанд I Габсбург *14, 15, 17, 18, 117—124*
Фердинанд II Габсбург *45, 80, 81, 87, 91, 94, 116, 128, 129, 134, 136, 143, 145, 147, 148, 156, 157, 160, 161, 164, 165, 189, 252, 287, 295, 299, 301, 322, 324, 338, 360, 373*
Фердинанд III Габсбург *45, 87*
Фердинанд Тирольский (Габсбург) *117*
Фёрстер Ф. *208*
Фигреус *295*
Филарет Никитич *185, 189, 190, 194, 197, 210, 211, 246, 247, 250, 260, 272, 275, 285, 286, 291, 296, 297, 299, 302, 312, 321—323, 328, 376, 378, 380, 382, 385, 386, 388—392, 399—401, 413—415, 417, 422—424*
Филипп II Габсбург *14, 17, 20—25, 29, 30, 35, 50, 54, 143, 409*
Филипп III Габсбург *23, 35, 48, 49, 122, 123, 129, 143*
Филипп IV Габсбург *48, 143, 154, 156, 161, 164*
Филипп IV Красивый *13*
Флеминг И. *206, 227*
Флетчер Ч. Р. Л. *234, 331*
Форбес Дж. *243*
Форстен Г. В. *18, 20, 29, 33, 43, 55, 141, 153, 156, 162, 169, 172, 178, 179, 182, 185, 186, 198, 227, 235, 244, 253, 271, 282, 283, 285, 292, 299, 372, 412, 416, 417*
Францбеков Д. А. *391*
Франциск I *11, 14, 16*
Фрейтаг Г. *331*
Фрибит Я. *390*
Фридрих III *61*
Фридрих IV *34*
Фридрих V *49, 123—132, 140, 141, 143—147*
Фридрих-Генрих Оранский *150, 167, 251, 252, 420*
Фрисс Г. Е. *78*
Фуггеры *54*

Хага К. *237, 422*
Халбердей *238*
Хан Х. *58*
Хартманн А. *83*
Хасельбах К. *78*
Хельбиг К. Г. *265, 266, 345*
Хемниц Б. Ф. *60, 233, 240, 268, 339*
Хендтке Б. *99*
Хёнигер Р. *99—101, 103, 108, 109*
Хмельницкий Богдан *409, 426*
Ходкевич Я. К. *40*
Хоппе И. *163, 169, 175, 176, 220, 226*
Христиан IV *39, 40, 124, 125, 131, 140, 142, 145—147, 149—153, 155, 158, 159, 161, 163, 195, 202, 203, 211, 212, 251, 252, 294, 295, 354, 375, 420*
Христиан Анхальтский *128, 322, 323, 325, 326*
Христиан Брауншвейгский *131, 132, 135, 142, 144—147, 149*
Христиан-Вильгельм *348, 349*
Христина *216, 219, 225, 242, 377—383, 386—389, 393, 396, 398, 427*

Цветаев Д. *239, 242, 243*
Цёльнер Э. *58*
Цихоцский М. *171, 300, 416, 423*

Чаплиньский В. *53, 235*
Черкасский И. Б. *250, 256, 259, 278, 279, 284, 291, 303—305, 315, 316, 322, 328, 373, 379, 382, 384, 385, 388—391, 398, 414*
Чермак В. *411*
Черни А. *78, 363, 364, 371*
Чистозвонов А. Н. *12*
Чулинович Ф. *77*

Шале А. граф *186*
Шарвериа Э. *234*
Шарпасе барон *171—176, 196, 345, 416*
Шаскольский И. П. *395*
Шаффгоч *313, 321*
Шварценберг *156, 158, 161, 264*
Швенгель *383, 384*
Шеин М. Б. *296, 326, 328, 390, 400*
Шейдинг Ф. *206, 227*
Шеляговский А. *235, 300*
Шёфер Д. *332*
Шиллер Ф. *331, 332*
Шильферт Г. *58*
Шифф О. *75, 76*
Шлоссер Ф. *282, 344, 353, 355*
Шмидт М. И. *332*
Шмидт Р. Ф. *76, 79*
Шмоллер Г. *98*
Шомбер *383*
Шоне В. *233*
Шпан М. *341—343*
Шпанхейм *287, 339, 341*
Штальман *349*
Штейнметц М. *74, 76*
Штейнхаузен *98*
Штиве Ф. *79*
Штурмбергер Х. *58*
Шуберт Ф. Х. *89*
Шуберт Х. фон *331*
Шуйский В. И. *32, 33, 35, 38, 395*
Шульц Х. *332*
Шютте Б. *290, 291*
Шютте Г. *385, 386*
Шютте И. *42, 251, 255, 256, 260, 261, 272, 274, 286, 288—291, 293, 297, 306, 307, 309, 311, 316, 317, 319, 324, 325, 328, 329, 373, 377, 382—386, 401*
Шютте-мл. И. *290, 291*
Шютте Я. *290, 291*

Щепкин Е. Н. *294*
Щербачев Ю. Н. *212, 294*

Экман Э. *333*
Элер С. *89*
Энгельс Ф. *70—72, 111, 114, 282, 334, 347, 353, 355, 356*
Эрдмансдёрфер Б. *98—100, 109*

Юль М. *223, 294*

Ягги Е. *82*
Ягеллоны *16*
Янсен И. *75*
Яков I Стюарт *44, 47—49, 124—126, 128, 130, 132, 140—144*
Яковлев *196*
Якубов К. И. *207, 235*
Янсен И. *332*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3

Предисловие 5

I. Европа 9

II. Германия 57

III. Пролог всеевропейской войны — контрреформация в Германии (1617—1629 гг.) 115

IV. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну 168

1. Дипломатическая подготовка 168

2. Русские субсидии Швеции 202

V. Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны 230

VI. Борьба вокруг русско-шведского союза в 1631—1632 гг. 271

VII. Социально-политическая обстановка в Германии во время вторжения Густава-Адольфа (1630—1631 гг.) 330

VIII. Русское «Великое посольство» в Швецию в 1633 г., гибель вождей, гибель союза . . . 372

Приложение

Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны 405

Указатель имен 428

БОРИС ФЕДОРОВИЧ
ПОРШНЕВ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ВСТУПЛЕНИЕ В НЕЕ ШВЕЦИИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
АН СССР

Редактор *Н. Н. Самохина*
Редактор издательства *Н. Ф. Лейн*
Художник *Г. И. Мануйлов*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*
Корректор *Л. С. Агапова*

Сдано в набор 1/VI 1976 г. Подписано к печати 24/VIII 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 27,25. Уч.-изд. л. 31,8. Тираж 4750. Т-16511. Тип. зак. 1312
Цена 2 р. 15 к.

Издательство «Наука»
103317 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия д. 12